

5

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2014. № 34 (4)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
главный редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
канд. ист. наук

А. Н. Сорокин (г. Томск, Россия)
канд. ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus, Directory of Open Access Journals, Российского индекса научного цитирования.

ИФ ОАИ 2012 – 0,691

Журнал зарегистрирован в федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-47157 от 03.11.2011 г.

Редакционный совет:

Е. П. Бажанов (г. Москва, Россия)

Й. Бекман (г. Хельсинки, Финляндия)

В. А. Исупов (г. Новосибирск, Россия)

И. И. Колесник (г. Киев, Украина)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

В. И. Меньковский (г. Минск, Белоруссия)

А. Ю. Рожков (г. Краснодар, Россия)

Г. М. Романова (г. Сочи, Россия)

Е. С. Сенявская (г. Москва, Россия)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

С. В. Януш (г. Ставрополь, Россия)

Учредитель

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Адрес редакции:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а
Тел.: 8(918)201-97-19

Адрес издателя:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а

Адрес типографии:

354003, г. Сочи, ул. Пластунская, 94а

Е-mail: Bylyegody@sutr.ru

Сайт журнала: www.bg.sutr.ru

Англоязыч. сайт журнала: www.en.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.

Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.12.2014 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд.л. 8. Усл. печ. л. 6,3.

Тираж 500 экз. Заказ № 38.

Цена свободная

Редактор, корректор

Н.Ш. Сайфутдинова

Редактор-переводчик А. В. Рожкова

Технический редактор, электронная поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Михаил Ломоносов, Император Николай II, Император Петр I
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и открытка «Генерал-майор П.К. Ренненкампф»

BYLYE GODY (FORETIME). 2014. № 34 (4)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
PhD (History)

A. N. SOROKIN (TOMSK, RUSSIA)
PhD (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus, Directory of Open
Access Journals, Russian Index of Scientific
Quotations Copyright reserved.
Impact factor of OAJI 2012 – 0,691

The magazine is registered in Federal Service in
the field of Communications, Information
Technology and Communications. Magazine
Certificate of Registration ПИ №ФС77-47157 03
November 2011.

Editorial Board:

E. P. BAZHANOV (MOSCOW, RUSSIA)

J. BÄCKMAN (HELSINKI, FINLAND)

V. A. ISUPOV (NOVOSIBIRSK, RUSSIA)

I. I. KOLESNIK (KIEV, UKRAINE)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

G. M. ROMANOVA (SOCHI, RUSSIA)

A. U. ROZHKOVA (KRASNODAR, RUSSIA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S. V. YANYSH (STAVROPOL, RUSSIA)

Founder

SOCHI STATE UNIVERSITY

Editorial address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000
Tel.: 8(918)201-97-19

Address of the publisher:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Address printing:

94a, Plastyanskaya str., Sochi city, 354000

E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Website: www.bg.sutr.ru
English version of the magazine site:

www.en.bg.sutr.ru

Issued from 2006

Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.12.2014

Format 21 × 29, 7/4.

Ych. Izd. l. 8. Ysl. pech. l. 6, 3.

Circulation 500 copies. Order № 38.

Free price

Editor, Proofreader

N. SH. SIFUTDINOVA

Editor-translator A. V. ROZHKOVA

Technical Editor, Electronic support by

N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Mikhail Lomonosov, Emperor Nicholas II, Emperor Peter I.

At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and card "Maj.-Gen. P.K. Rennenkampf"

C O N T E N T S

RELEVANT TOPIC

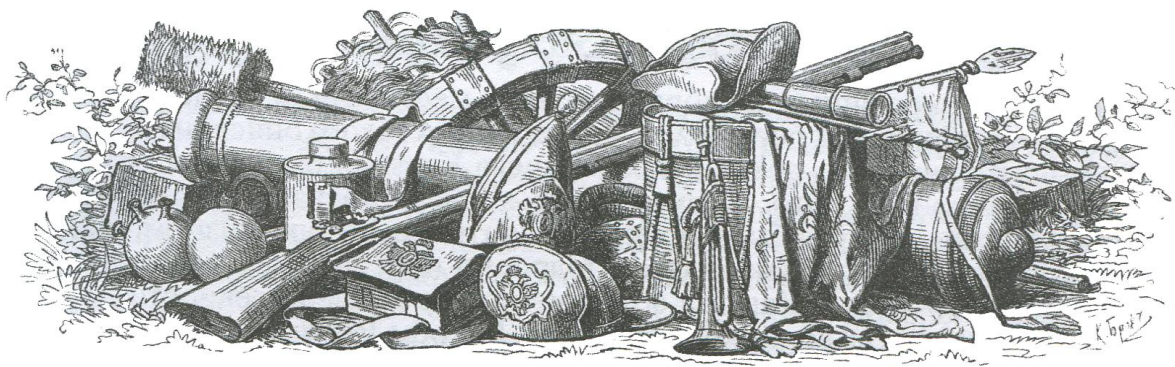
Old Russian Politogenesis in German Historiography Andrey Dvornichenko	487
---	-----

ARTICLES AND STATEMENTS

Silla Policy in the War between Bohai and Tang Empire in 732–735 Alexander A. Kim	498
Spread of Islam in the North-Eastern Periphery of the Golden Horde in the Light of New Archaeological Evidence Olga V. Zaitceva, Evgeny V. Vodyasov	504
Glimpse of the Early History of the Russian Accession of Siberia (controversial interpretations of “Yermak’s Seizure” of “Kuchum’s Kingdom”) Yakov G. Solodkin	510
Property Crimes in Russia (1700–1864): law Enforcement Practice Natalia V. Lebedeva, Nelly G. Makarenko	519
Development of the Kuril Islands by the Russian Empire Pavel N. Biriukov	524
Revisiting Linguistic and Topographical Principles of Russia’s Mapping in the XVIII th Century: Critical Overview of Documents Alexander V. Dmitrijev	529
The North Black Sea Region (the 18 th -19 th Centuries): A Historiographical Survey Aleksandr A. Cherkasov, Vyacheslav I. Menkovsky, Vladimir G. Ivantsov, Aleksandr A. Ryabtsev, Violetta S. Molchanova, Olga V. Natolochnaya	536
Public Sentences by Peasants of Kursk Province in the Post-reform Period as a Source of the Activities of Peasant Public Administration Tatyana Shishkareva	541
Nikolai Katanov in China: Unpublished Travel Diaries Yulia A. Martynova, Dmitry E. Martynov	549
The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century Sergey I. Degtyarev	554
Nationhood and Political Identity in Peoples’ Mentality from Provincial Towns of the Russian Empire, in XIX – early XX Centuries Inga V. Maslova, Irina E. Krapotkina	559
Preconditions and Reasons of Religions Educational and Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in the Late 19 th – Early 20 th Centuries Yelena D. Mikhailova	566
Legal Status of the Official Provincial Print Media in the Periodical Press System of the Russian Empire Vyacheslav V. Shevtsov	572
The Everyday Life of the Mounted Police Guard Force in the Territory of the Black Sea Governorate (1901–1909) Konstantin V. Taran	582

History of Origin of the Multiparty System in the Central Black Earth of Russia in Early XX Century Alla N. Gutorova	586
Capital University and the World War: Theory and Practice of ‘Academic Patriotism’ Evgeny A. Rostovtsev, Dmitry A. Barinov	592
The Program of Activities and Objectives of the Resettlement Administration During the First World War Irina V. Voloshinova	605
Professors and Teaching Staff of Tomsk University During the World War I Sergei A. Nekrylov, Sergey F. Fominykh, Alexander N. Sorokin	611
The Last Expedition of the Siberian A.V. Adrianov (Tuva, 1915–1916) Olga B. Belikova	618
Gas Attack of the German Troops in Ikskyulsky Fortified Area: Documents Testify Vladimir V. Korovin	624
The Development of Peasant Household in the Kursk Province during the Revolutionary Events of 1917 and the Civil War Andrey A. Kolupaev	629
Kabardian Nobility in the Civil War: the Matter of Estate Honor Osman A. Zhansitov	635
«We Are Russia and You Are Ukraine and We Don’t Care about You...”: Territorial Disputes within the Priazov Area and Donbas in 1920s Evgeny F. Krinko, Igor E. Tatarinov	639
«Indispensable for the Work in Terms of the Decree of Separation of Church and State»: documentary portrait of M.V. Galkin (1885–1948) Mihail Yu. Krapivin, Yury N. Makarov	645
Reading Rooms of Russian Province in 1920s as Transmitters of Soviet Values Vadim P. Nikolashin, Vadim V. Kulachkov	651
Research Practice the Study of Agrarian Communities in the Russia’s South 1920s–1930s Susanna D. Bagdasaryan	655
The Kuril Islands: Russian-Japanese Relations (1920–2014) Pavel N. Biriukov	666
History and Historians in the Soviet Political and Ideological Structure in 1930s – early 1940s (case study: the Siberian Region) Dmitry V. Khaminov	671
Illegal Actions by Soviet Servicemen Against Civilian Population of Poland in the Final Stage of World War II Sergey I. Belov	675
Repressive Policy of the Soviet Government During World War II Konstantin N. Maksimov, Irina V. Lidzhiyeva	681
Orthodox Tradition in the Soviet Time: Factors of Continuity Elena E. Dutchak	686
Sectarians in the USSR in the 1940–1960s (case study: Penza region) Larisa A. Koroleva, Alexey A. Korolev, Victor V. Zinchenko	692
Interclass Relations and the Class Struggle in a Russian Village in 1930–1980s Mikhail Beznin, Tatiana Dimoni	697

Historic and Legal Review on Passport Reform of 1974 and its Role in Strengthening of the USSR Public Order Yulia N. Kirichenko	707
Nationalities and Languages of Moldavia: Official and Declared Data Sergey G. Sulyak, Vladimir V. Kazakov	714
Main Approaches to the Study of Historical and Educational Process Timur A. Magsumov	720
The World History Based on Value Criteria of Human Development Stepan S. Sulakshin, Vardan E. Bagdasaryan	727
Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2014	736

RELEVANT TOPIC

UDC 93/94 (47). 01, 02

Old Russian Politogenesis in German Historiography

Andrey Dvornichenko

Saint-Petersburg State University, Russian Federation
199034, Saint-Petersburg, Mendeleevskaya Liniya, 5
Doctor (History), Professor
E-mail: museumspsbu@yandex.ru

Abstract. The article analyzes German historiography, related to the problem of ancient politogenesis: the origin and development of political institutions and statehood. This historiography was under the strong influence of the Russian scientific thought, first of all, its emigrant branch. As a result, the "democratic" theory of politogenesis reflected in the works by the German and Austrian historians.

Keywords: German historiography; Kievan Russia; Russian emigrant historiography; old Russian politogenesis; "democratic" theory; city-state; community.

Введение. Видимо, надо напомнить о том, что такое Древняя Русь. Это всё равно, что Киевская Русь. После того как на месте братской союзной республики — Украинской ССР — оказалась самостоятельная и временами не очень дружелюбная к России страна, многие россияне стали с подозрением относиться к понятию «Киевская Русь». Правда, в Украине многие стали исполнять вокруг него эдакие «пляски святого Вита». Между тем это всё тот же условно выделяемый начальный период восточнославянской истории, своего рода колыбель трёх народов: русского, украинского и белорусского. Хронология его обычно мыслится так: IX — начало XIII в. — где-то до начала монгольского завоевания

Пожалуй, еще более важно оговорить, что такое политогенез. Современная наука выделяет три значения этого термина: 1) становление государства; 2) становление и эволюция сложной (надлокальной) политической организации; 3) в самом широком смысле — становление и эволюция политической организации в человеческом обществе вообще [1; 211]. Именно в последнем значении я и буду употреблять это понятие. Такое значение представляется мне наиболее полезным и функциональным. Дело в том, что слишком часто в нашей науке политогенез сводят лишь к генезису государства. Результат известен: оно под пером многих авторов появляется как черт из табакерки. Между тем государство — результат длительного и сложного развития, плод переплетения и взаимодействия многих процессов и явлений экономической, политической и социальной жизни. Государствогенез является только частью процесса политогенеза [2; 11]. Ясно, что без решения проблемы политогенеза мы не сможем создать адекватной картины истории Древней Руси в целом, да и всей отечественной истории.

Особое значение имеет изучение этой темы в историографическом плане. Мы пока ещё очень плохо представляем себе историографический процесс и в отечественной исторической науке. Тем более — за рубежом. Внимание привлекает германская историография. Дело в том, что западная историческая наука не очень активно интересовалась древностями восточных славян. Немцы здесь приятное исключение. Немецкие историки включились в изучение русской истории ещё в XVIII — XIX столетиях, находясь ли в стенах созданной Петром Великим Академии Наук или служа в славном

Дерптском университете. Но это «наши» немцы, поскольку, так или иначе, они связаны с Россией. В данной статье речь идёт об историках немецкоязычных земель...

Насколько мне известно, к данной теме обращался В.Т. Пашуто, ставя перед собой цель подвергнуть критике враждебную западную историографию [3; 4 и др.]. Можно вспомнить ещё труды В.П. Шушарина и И.П. Шаскольского, весьма информативные, но выдержанные в том же духе [5; 6]. Теперь пришло время проанализировать историографию *sine ire et studio*.

Материалы и методы. Изучен комплекс германоязычной исторической литературы методом историографического анализа. Главная цель статьи: поиски возможной связи между немецкой и российской историческими школами и одновременно прояснение сложной и запутанной проблемы политогенеза.

Обсуждение. Прежде, чем говорить непосредственно о зарубежной историографии, уместно сказать хотя бы в нескольких словах, к чему пришла российская историческая наука ко времени «великого русского исхода». Характер развития русской историографии в изучении политогенеза хорошо уловил историк права И.А. Малиновский, значительное время служивший в Томском университете, а незадолго до смерти возглавлявший кафедру обычного права в Киевском университете. В своей небольшой книжке, подводя своего рода итог изучения древнерусской государственности, он показал, что сначала (в XVIII – первой половине XIX в.) учёные изображали Киевскую Русь как монархию, потом поняли, что это демократия [7; 32–35]. Возобладала концепция, которую называли по-разному: земско-областническая, волостная и т.д. Я предлагаю для простоты называть её «демократической», что, на мой взгляд, отражает суть дела: ведь главной идеей в этой концепции было главенство народа и демократических институтов в Киевской Руси, в частности, народного собрания (веча) [8; 9]. До 1917 г. эта концепция владела умами учёных, находя воплощение в монографиях, определяя содержание соответствующих разделов учебников.

Стоит добавить, что данная концепция очень плохо уживалась с представлением о существовании государства в Киевской Руси. Конечно, разброс мнений тут был весьма широк: от нелепых определений «родовое (племенное)» государство до полного отрицания существования государства в Киевской Руси или невозможности поделить его в рамках научной терминологии.

Вот такие идеи российские историки и повезли с собой в изгнание, в эмиграцию. На Родине эти идеи потом надолго были забыты. Но есть основания предполагать, что могли оказать значительное влияние на западную историографию. Однако сначала вспомним более старые времена...

Длинный девятнадцатый век не так много дал в плане изучения истории государственности чуждой и враждебной Европе страны, чаще всего выступавшей в роли европейского жандарма. Более лояльно относились к России «братья-славяне», в среде которых в ходе усиления настроений национального возрождения начались интенсивные разработки проблем истории. Теория политогенеза оказалась в тени глобальной проблемы характера и культуры славян, запущенной в мировое пространство мыслью германских историков и мыслителей. Спектр мнений здесь хорошо известен: от шлёцеровского утверждения о примитивности славян и их национального характера до высказывания знаменитого философа Гердера о бесхитростных и гуманных, «голубиных» (Я. Коменский) народах, хотя и занимающих на Земле больше места, чем в истории [10; 499–501].

Непосредственно восточными славянами немецкие историки заинтересовались довольно поздно: в конце XIX – начале XX в. Одним из первых был профессор из Бонна Л.К. Гётц, который написал четырёхтомное сочинение, посвящённое Русской Правде. Он был не новичком в изучении древнерусской истории: в его научном багаже были работы, посвящённые взаимоотношениям государства и церкви, и другим вопросам. У немецкого учёного наличие государства в Киевской Руси не вызывало сомнения, но в старых добрых традициях немецкой науки он не мог представлять его появление слишком спонтанным.

Как подметил С.Н. Валк, немецкий учёный развивал взгляды своего уже довольно далёкого предшественника — Э.С. Тобина, трудившегося в Дерптском университете, правда, не зная об их существовании. [11; 312]. Древнейшую Правду он посчитал памятником обычного или, по его мнению, докняжеского (а соответственно, догосударственного) права. Князь в это время не вмешивается в дела общины, и община сама решает все правовые проблемы, используя архаические механизмы вроде свода и т. В сознании историка своеобразно преломилось совпадение «мира» (общины) и города в Киевской Руси: он посчитал, что ещё не сложилась городская организация; судебные власти имели общинный характер и т. д. [12; 81, 74–75, 138, 177–183].

Когда князь начинает вмешиваться в дела общины, это свидетельствует о значительном усилении его власти, а значит, и о формировании государства. И здесь судьбоносное значение историк придаёт «реформам» Владимира. Именно они знаменуют трансформацию общинного права в княжеское, *Volksrecht* в *Fürstenrecht*. Он постарался сравнить русское право с правовыми системами других стран — соседей Руси и Византии.

Русские историки очень живо отреагировали на солидное сочинение профессора Боннского университета. Это и понятно. Как отмечал в своей рецензии А.Е. Пресняков, западная наука «вовсе чужда знакомства с нашими древностями», а тут такое внимание к ним. Все хвалили немецкого профессора, но и по-дружески критиковали его. Петербургский историк подметил, что Л.К. Гётц слишком раздул значение «реформы» Владимира, а увлекшись своей схемой, произвольно отнёсся к

текстам Русской Правды [13; 154–155, 164]. На это обратил внимание и М.А. Дьяконов в рецензии на первый том [14; 233, 241] а А.Н. Филиппов подверг критике попытку Л.К. Гётца вывести древние обычаи Русской Правды из варварских правд германских народов [15; 172]. М.Ф. Владимирский-Буданов писал: «Такого переворота в истории права тотчас не произошло: и влияние христианства и византийских идей совершалось постепенно в течение многих последующих веков, когда продолжали царствовать двоеверие и двоеправие». Деятельность князей он посчитал минимальной, зачаточной формой государственности [16; 12, 18]. Те же мысли высказывал и А.В. Флоровский, анализируя все четыре тома сочинения немецкого профессора [17; 9–12, 18]. Русские историки показали, что Л.К. Гётц неправильно представляет себе соотношение разных редакций Русской Правды, преувеличивает западное влияние на русское право. Не остался в стороне и славный чешский историк К. Кадлец, который был не согласен с утверждением немецкого учёного о частном характере Русской Правды [18; 23].

Почему почтенный германский профессор так противопоставил общину и князя в процессе политогенеза? Наверное, он отдал дань норманизму, для которого такое противопоставление характерно...

Древнерусский политогенез продолжал интересовать немецкую историографию в период между двумя мировыми войнами. Для этого времени можно отметить книжку историка-медиевиста Г. Лэра [19]. Как подметил рецензент, автор хорошо знал русскую историографическую традицию [20; 241–247]. Неудивительно, что ему была известна демократическая теория, хотя упор он делал на торговый характер властвования древнерусского города над округой [19; 11–17]. Помимо торговой теории над историком, естественно, порхала и химера норманизма, о чём говорит сама структура его небольшой по объёму работы. После введения шла глава о норманнах в Восточной Европе, затем о создании государства у восточных славян, а уж потом три главы отводились первым русским князьям. При этом историк повествовал о возникновении «государства» столь высоким «штилем», что вызвал критику менее романтически настроенного рецензента-датчанина.

После войны в изучение истории Киевской Руси включился целый отряд исследователей, которых в СССР ласково называли «остфоршерами, реваншистами и псевдоисториками». «Ничто на свете не пропадает. Наблюдательные представители западногерманской неофашистской историографии быстро поняли, чем им можно поживиться от эмигрантского пирога», — очень точно, но в духе риторики того времени писал В.Т. Пашуто [4; 109]. Теперь приходится несколько изменить ракурс видения проблемы. Получается так, что «остфоршеры» развивали плодотворное направление досоветской историографии в противовес схоластическому советскому. Однако не стоит и преувеличивать влияния русских историков-эмигрантов на немецких историков, которые имели свою традицию изучения Древней Руси.

Конечно, усвоение русского историографического наследия не всегда было глубоким. Зачастую оно преломлялось сквозь призму политики и навеянных ею схем. Но даже в таком виде эти воззрения отражали адекватную концепцию политогенеза. В качестве примера можно привести известного историка Г. фон Рауха. Он развивал идею федерации, в которую были объединены «независимые феодальные княжества» [21; 511–4; 22; 11]. Это наблюдение должно было доказывать возможное сходство Руси с Европой в домонгольский период. Появление автократических тенденций историк связывал с властью Москвы.

М. Хеллманн, автор многих статей по славянской истории. Полезность его наблюдений в постоянном сравнении древнерусского политогенеза с западнославянским, просто западным и Византией. Причём если с западнославянским миром сходство бросается в глаза, то с Западной Европой такого не наблюдается. Историк не нравится стремление советских историков сравнивать Киевскую Русь с Франкским и Каролингским государствами. Хотя она и имеет в своём политическом устройстве многие черты, привнесённые северными германцами (норманнами), но в ней нет германского духа и германских «жизненных форм» [23; 75, 83].

Он сторонник идеи о постепенном вызревании политической организации восточных славян. Политическое развитие восточных славян начинается с родовых отношений, с рода [23; 23]. Именно в родовом обществе и зарождается первая власть — древнейшего князя [23; 39–44, 103, 113, 147], с которым связано не только понятие «княжати», но и слово «держати» землю. Мощь родовых отношений закладывает основы дальнейших силы и влияния общины в древнерусской истории, чему исследователь посвящает отдельную статью. Причём община живёт в разных формах: и в малой (вервь), и большой (мир). В этой своей ипостаси община может сливаться с городом и его округой, на что есть конкретные указания в Русской Правде [23; 204–205]. В этом важном наблюдении исследователь мог опереться не только на русскую науку, но и своего соотечественника Х.Ф. Шмида [24; 80–104]. Именно в этой среде зарождается древнейшее право, та старина, которую потом вынуждены принимать во внимание князья.

Уже в глубокой древности появляется и другая власть — местного князя, которая концентрируется в небольшом ещё городе (бурге), причём город с самого начала имел полифункциональный характер [23; 34, 105]. Такие же древние корни имеет и десятичная система, известная и многим другим древним народам. В целом социальная и политическая структуры

древних славян были более рыхлыми, простыми и неустойчивыми, чем у германских племён [23; 46–47, 82, 35].

На эти структуры накладывается ещё и третья власть — скандинавских торговцев и воинов, чьи дружины оседали в уже готовых центрах славянской власти¹. Во главе её оказывается клан Рюриковичей, представители которого сидели в городах. Как и другие немецкие историки, М. Хеллманн пристальное внимание обращает на города, на их устройство и социальную структуру [23; 215–242]. В городах с конца X в. историк замечает вече — народное собрание, в котором принимали участие как знатные люди, так и простые. Власть вече росла, придавая князю статус наёмного работника, с которым заключался трудовой договор².

Результатом политического развития Руси явилось появление городов-государств. В своей вводной лекции при занятии доцентской кафедры Фрайбургского университета германский историк даёт такой портрет этого социального организма, что, имея я под рукой (а не в спецхране) его работы в 80-е гг. прошлого столетия, я обязательно привёл бы из него выдержки в своих трудах. Таковую систему, в которой огромную роль играет вече, в том числе и в рамках автономных кончанских структур, и князь не располагает всей полнотой власти, а власть этих органов власти (князя и вече) распространяется на городскую округу — историк называет «территориальной государственностью», в отличие от той *Personenverbandsstaates*, которая была в то время в Европе.

Древнерусская элита отличалась от европейской. Здесь (как и во всех славянских странах) не сложилась своя политически активная и независимая знать [23; 84, 18]. По мнению историка, отличие было в самом характере службы, которая была добровольной, но при этом основывалась на принуждении, подчинении и заинтересованности в материальном вознаграждении [23, 29–30, 184–189].

В корне отличалось от западного и развитие права. Исследователь считает, что нет оснований говорить о некоем «праславянском» целостном праве, что право в Киевской Руси рождалось из попыток князя создать такую юридическую основу общества. При этом самому князю приходилось в полной мере делить свои правовые функции с общиной.

Существование таких городов-государств не вызывает удивления, поскольку в Киевской Руси не было феодализма [23; 192]. Этой теме историк посвящает отдельную интересную статью [23; 177–200]. Историк сравнивает наши города-государства с коммунарами Италии, замечая при этом и существенные отличия. Это объясняется различным происхождением: если итальянские ведут своё начало от древнеримских традиций, то древнерусские... могут быть заимствованы из Византии, где такие традиции тоже были. Вот тут вряд ли можно согласиться с почтенным историком, ведь с таким же успехом можно вспомнить древнегреческие полисы, которые когда-то были населены обитателями Причерноморья.

Если говорить о проблеме государствогенеза, то конечный вывод исследователя таков. Все элементы государственности (*Staatlichkeit*) были, но в полной мере государственный порядок так и не сложился [23; 85].

Г. Штёкль — профессор университетов Вены и Кёльна — автор многих работ по истории России. Общий труд по истории нашей страны несколько раз переиздавался [25]. Учёный отдаёт себе отчёт в трудности восстановления славянского политогенеза, погружаясь в полемику по поводу «рода», «общины» и «задруги» [25; 22 – 23].

Достаточно ещё слабый уровень политического развития, а также экономика, основой которой была торговля, не очень-то способствовали полито- и государствогенезу, растянувшимся на длительное время. В этом смысле спор между норманистами и антинорманистами кажется историку лишённым предмета. Получается, что вплоть до Владимира, до крещения Руси, государство ещё трудно назвать государством, поскольку оно держалось на временной даннической зависимости [25; 33, 39].

Можно ли называть государством то, что возникло на Руси? Историк рисует портрет этого социального организма вполне в духе русской исторической науки. Он обнаруживает в политической системе наличие двух властей: князя и вече. Причём вече «реваншист» считал формой непосредственной демократии, руководившей военным ополчением. Компетенции вече определить трудно — оно решало разнообразные вопросы.

Назвать это государством трудно. И не только из-за отсутствия феодальной системы. Страна распадалась на земли-княжения, и единство поддерживалось только личностью великого князя [25; 66–69].

Историк отдельно занимался историей Галицко-Волынской земли, отказываясь вслед за украинскими историками называть её «державой». Он считал, что современные понятия сложно применять к средневековым политическим реалиям [26; 10; 27; 484–533].

Работы одного из главных «остфоршеров» — Г. Людата — позволяют отчасти поспорить с В.Т. Пашуто. Похоже, что в определённый момент немецкие историки как люди культурные и здравомыслящие стали попадать под сильное влияние советской исторической науки, которая впечатляла особенно своими археологическими достижениями, причём не только накоплением

¹ Тут на концепцию немецкого учёного сильно повлияли труды датчанина А. Стендер-Петерсена.

² Судя по сносам, это своеобразная трактовка высказываний В. О. Ключевского.

археологического материала, но и его интерпретацией [28; 117 – 118]. Наблюдения советских историков и археологов заставляют думать, что древнерусский город не отставал от западного. Причём город Г. Людат понимал широко, вместе с его округой. В городе действовало вече, на которое собирались все свободные жители города и его «административного округа». При этом немецкий историк упрекает своих советских коллег в том, что они всячески стараются подчеркнуть демократический характер веча, выпячивают роль народных масс (так называемых «чёрных людей») [28; 119, 122].

Мне кажется, что здесь мы наблюдаем наложение друг на друга разных влияний и смешение разных концепций. Влияние эмигрантской (а соответственно, и «дореволюционной» русской историографии) уходит в прошлое, но отчасти ещё сохраняется, а на смену ему идут новые веяния.

В работах О. Бруннера сильнее ещё первые русские влияния. Перед нами предстаёт город, в котором есть (как и в Европе) «взаимозависимость городской власти и городской общины». Города, прежде всего, политические центры, которые властвуют над округой. Тем более что ни правовых, ни социальных отличий между городом и округой не было. Городское вече стояло гораздо ближе к народным собраниям галлов и германцев Цезаря и Тацита, «чем к европейской городской общине» [29; 1–27]. Такая трактовка роли города опиралась на идеи об отсутствии на Руси феодализма, во всяком случае в европейском понимании этого слова.

Особый случай явили собой работы К. Цернака. Историк изобразил древнерусский волостной строй во всей его красе: здесь и вече (вечем-то он в основном и занимался), которое происходит в главном городе волости, здесь и сама эта волость, которая подчиняется главному городу, причём волость и появляется, когда ей надлежит появиться — во второй половине XI в. [30; 112, 118, 131–133 ff; 32; 13ff].

Но какое объяснение даёт этому строю германский историк? Ему не нравится идея «дореволюционной» русской историографии о «вечевом быте» в Киевской Руси, который, как он почему-то считает, противопоставлялся княжескому строю. Естественно, ещё меньше импонирует ему мысль марксистских историков о классовой борьбе в древности. И тогда он придумывает свою концепцию, исходя из того, что в древности у всех народов была такая терминологическая пара: «*grincers — ropulus*», отражавшая суть представлений о социальных отношениях. На Руси этому соответствует летописная формула «князь — люди», препарируя которую историк выходит на «мужей-бояр» и на стоящих ниже ступенькой «людей».

Именно знать заседала в древних народных собраниях, а появившееся в середине XI в. вече, никак не связано с древним славянским народовластием, в которое историк, кстати, и не очень-то верит [30; 82, 257]. Вече родилось тогда, когда на авансцене истории появились «люди градские» (которых историк почему-то считает верхушкой), которые могли возглавить народное собрание. Другой важнейшей предпосылкой его появления была победа отчинного принца [30; 133], усиление власти князей над землями. Вече в этих условиях — это, с одной стороны, партнёр князя, а с другой — орган власти, корректирующий действия князя в пользу знати и горожан. Здесь заметны и реминисценции «коммунального» подхода к древнерусскому городу. Неслучайно историк ссылается на работу М. Н. Тихомирова — он также считает, что на Руси формировалось некое городское сословие, борющееся за свои права [30; 144–145; 265–266].

Весомость наблюдениям должна придать и компаративистика: древнерусское вече сравнивается с народными собраниями у западных славян. Более того, эти наблюдения вливаются в русло изучения парламентских форм [31; 23]. Такой характер веча определяет и его дальнейшую судьбу. На Северо-Востоке (Владимирская Русь) оно отмирает, ввиду усиления княжеской власти и монгольского вторжения. Галицкая Русь всё больше начинает походить на западные образцы, где существует не вече, а по крайней мере предпарламент [30; 112].

Своим путём идёт Новгород. Он не стал отчиной одной династии, и привилегии княжеского «партнёра» необычайно развились, сформировалось вече *de facto* самоуправляющегося города-государства. Впрочем, это вече мало походило на остальные вечевые собрания домонгольской Руси [31; 15]. Неслучайно К. Цернаку так понравилась концепция В. Л. Янина об изначальном аристократизме, правившем бал в волховской столице [30; 182].

Концепция германского историка вызвала активную реакцию и его «марксистских коллег» и товарищей по научному цеху. В рамках данной статьи погружаться в эту дискуссию нет возможности. Отмечу лишь один забавный момент. На защиту древнерусской демократии встал ни кто иной, как В.Т. Пашуто! В своей рецензии на работу германского историка он писал: «Стремясь доказать ошибочность тезиса советской исторической науки о вече как отмирающем свидетельстве былого народовластия патриархально-общинных времён..., он (К. Цернак — А. Д.) отбрасывает целый ряд свидетельств о вече» [32; 235]. Видимо, советские историки далеко не всегда понимали, что народовластие очень плохо уживается со столь любезным их сердцу феодализмом...

К концу 70-х гг. историки ФРГ и Швейцарии подготовили труд, который советским историкам напоминал родные «Очерки по истории СССР периода феодализма» (1953–1961). Вообще-то, речь

идёт о характерной для немецкоязычной традиции форме — *Handbuch* (у нас переводят — «Руководство»)¹.

Первый том был подготовлен под руководством М. Хеллманна. В предисловии проводится вполне здравая мысль о необходимости выявить своеобразие средневековой Руси, в чём автор рецензии усмотрел антимосковскую направленность [33; 120]. «Географическое введение» К. Гёрке интересно в том числе и тем, что он оспорил попытки применить к Киевской Руси известную теории Ф. Тэрнера о фронтире («мобильной границе»). Такая попытка была в американской историографии [34].

Раздел о Киевской Руси написал самый тогда молодой член авторского коллектива — Х. Рюс. Расхождение с марксистами начинается тогда, когда он добирается до рода. Хотя в чём различие, понять трудно, поскольку и для Х. Рюса, как и для автора идеи — М. Хеллманна, род — зародыш дальнейших крупных людских союзов.

Должное внимание учёный уделяет и общине как «естественному демократическому образу жизни» [35; 254, 259, 405]. Он старается, надо отдать должное, не попасть под влияние норманизма, отмечая, что на вопрос, была или нет колонизация Восточной Европы (А. Стендер-Петерсен, Т. Арне), ни позитивного, ни негативного ответа пока нет. Варяги не основали «государство» на Руси, но отрицать значительное их влияние на славян нельзя [35; 277, 279]. Впрочем, этого «некоего единого государства» исследователь не видит и в X столетии. Разве что ростки его в виде «институализированной центральной власти» появляются во времена Ольги [35; 299].

Но и к времени Владимира говорить о едином государстве преждевременно. Вот почему преувеличивать распад Киевской Руси после 1054 г., как это обычно делается, не стоит, т. к. говорить о единстве государства можно только в смысле формального единовластия. Даже в эпоху, казалось бы, неоспоримого первенства Киева как политического центра государственный строй имеет явные признаки федерации, которая базируется на принципе старшинства и даннической зависимости [35; 339]. Здесь, наверное, основной пункт расхождения с советской историографией: немецкий учёный не признает (и правильно делает) пресловутую феодальную раздробленность.

Он и вовсе отрицает существование феодализма на Руси. Крупные вотчины были подобны островкам в море свободного общинного землевладения. Древнерусская знать, обосновавшаяся в городах, кардинально отличалась от западноевропейского дворянства. Дань, по его мнению, не является феодальной рентой, и нет оснований говорить о «раннефеодальном государстве» (с чем решительно и порвал советский историк И.Я. Фроянов) [35; 299, 366–368].

Конечно, жаль, что историк не рассмотрел все русские земли². Мне ещё жаль, что он повторяет нелепости советской историографии о некоем соборе во Владимиро-Суздальской земле в 1211 г. [35; 346]. Но вот дальнейший ход его мыслей радует. Вполне в унисон с нашей «дореволюционной» историографией он отмечает, что определить этот конгломерат волостей, земель и княжений, который представляла собой Русь, в понятиях современной государственной теории невозможно. На Руси была княжеская иерархия, которая определялась не генеалогической иерархией, а реальным соотношением сил [35; 349].

Особую роль в политической жизни Киевской Руси играл город, в котором жили разные слои населения, ибо чётко выраженных сословий Русь ещё не знала. Город был средоточием власти князя над самим городом и его округой. Вот почему в городском вече участвовали и сельские жители. Такое единство города и волости составляет своеобразие Киевской Руси и нигде не встречается на Западе. В городах формировался некий корпоративный орган правления, действовавший благодаря князю и его свите [35; 348].

В городах функционировало вече. Хотя связать его с племенной «демократией» на основе имеющихся источников трудно и в нём явно заметен вес верхушки, вече в полной мере было органом власти, выражавшим интересы рядовых горожан [35; 393]³. Видеть в нём проявление классовой борьбы, как это делает В. Т. Пашуто, можно только относясь к источникам с предубеждением [35; 394].

Интересен следующий пассаж историка: свободный город в предмонгольской Руси не был свободен ни от княжеской верховной власти, ни от влияния знати. Его свобода состояла в обычаях выбирать власть и ограничивать её в правах. Князья должны были прислушиваться к мнению горожан, тем более что горожане могли и другого князя призвать [35; 391]. Мы можем спросить почтенного немецкого историка: а что — этого мало? Да нам и сейчас такое только снится! Он, видимо, позсознательно сравнивает древнерусскую свободу с западноевропейской, а земский строй — с западной коммуной... Да ведь и князь в Киевской Руси ещё не был оторван от народа, а был плоть от плоти волостной системы...

Как бы то ни было, ясно, что концепция древнерусского политогенеза германского «Руководства по русской истории» создавалась под явным влиянием демократической теории. Это явно видно и в трактовке Русской Правды. Х. Рюс, как бы развивая взгляды своего давнего

¹ Через несколько лет в СССР была опубликована обстоятельная рецензия на три главных раздела первого полутома [34; 118–152]. Рецензия написана в «лучших» традициях борьбы с «остфоршерами», когда хотят не столько понять, сколько «суть» противника.

² К недостаткам справедливо отнёс это и А. Н. Назаренко [33; 135]

³ Здесь автор опирается на работы И. Я. Фроянова о вече.

предшественника Л. Гётца, вообще не видит в этом древнем законодательстве сознательной деятельности княжеской власти. Это царство обычного права [35; 216].

Несколько сложнее его отношение к былинам. Хотя историк отдаёт должное теории аристократического происхождения былин, он не отчуждает народ от эпоса и замечает в нём «живой народ» [35; 223].

Отдельный труд Х. Рюс посвятил древнерусской знати, которая отличалась от европейской. Правда, основное внимание он уделяет следующему («Московскому») периоду. Но мысли его касательно знати Киевской Руси продолжают уже намеченную им линию. Основной чертой древнерусской знати историк считает мобильность, ориентацию на город и на князя с его двором. Боярство сформировалось в результате княжеской службы, и по этой причине знать была социально «проницаема» и имела ярко выраженные военные обязанности. Историк вновь подтверждает отсутствие феодализма на Руси [36; 18–20, 105–106, 153–156].

С точки зрения демократической теории интересны взгляды К. Гёрке¹. В «Руководстве», о котором идёт у нас речь, ему принадлежал раздел о Новгороде и Пскове [37; 431 – 472; 38; 357 – 378]². Он проанализировал постепенное нарастание демократических традиций, отдав должное событиям 1136 г., когда посадник стал избираться вечем. Проследил за формированием городской волости Новгорода и Пскова. Изучил социальную структуру и сделал вывод, что до начала XV в. ещё существовала социальная мобильность [37; 445, 459].

Центральным звеном управления Новгородом и Псковом было вече, которое обладало всеобъемлющими функциями и в котором принимало участие всё свободное население. Вполне солидаризуясь с К. Цернаком, историк видит и олигархическую основу под этой демократией в лице боярства. Однако он не склонен, особенно во Пскове, преувеличивать силу это олигархии. Во всяком случае, постоянных боярских «партий» в Новгороде не было — они сбивались в группы под воздействием тех или иных обстоятельств [37; 465].

Рассуждая в конце своего раздела о значении Новгорода и Пскова в русской истории и сославшись на А.П. Щапова и Н.И. Костомарова, он призвал тщательнее присмотреться к особенностям социально-политического развития городов-республик, которые не привлекают внимания из-за традиционного «москвоцентризма» историков. При этом он уже ритуально подчеркнул, что возвести вечевое устройство к древнеславянской демократии пока нельзя, но эти города-государства свидетельствуют о существовании в русской истории «регионалистских» и «демократических» сил [37; 479–480]³. Исследователь попытался найти место для таких городов-государств в Европе. Некоторые черты внутреннего устройства сближают их с западными коммунами, но другие — с североитальянскими и далматинскими городами-государствами. Остаётся только пожалеть, что учёный не обратился к материалам по другим древнерусским городам-государствам. А если бы он видел всю русскую историографию в перспективе, он наверняка поддержал бы демократическую теорию.

Сделать это ему было бы тем легче, что в предшествующий период (IX–X вв.) государства на Руси он не находил. Начиная с VIII в. он замечает сдвиги в социальном и экономическом развитии восточных славян, но только в следующем столетии появляются племенные союзы полян и древлян, а также, вероятно, вятичей и радимичей. Происходит это под воздействием внешних факторов — включения славян в международную торговлю и появления варягов [41; 170]. Но лишь христианство создало предпосылки для формирования стабильной государственности: возникла письменность, а также церковно-политические институты, которые консолидировали подвластные киевским князьям территории.

Как видим, западногерманская историография стала своего рода феноменом мировой русистики. Подхватив эстафету русской эмигрантской историографии и опираясь на собственные уже имеющиеся традиции, германские учёные внесли очень серьёзный вклад в изучение древнерусского политогенеза. И жаль, что теперь эта сфера знания в Германии, видимо, отмирает. Из заметных работ можно отметить лишь многочисленные статьи и книгу Г. Шрамма [42; 340–370; 43; 155–160]. Они, к сожалению, мало вносят нового в изучение политогенеза. Может быть, потому, что автор филолог и его интересуют, прежде всего, вопросы языкознания. Как и большинство филологов (отечественных и зарубежных), он не хочет (не может?) разобраться в хитросплетениях политогенеза. Вот почему Древняя Русь для него в политическом отношении — некое чудо [44; 132]. В его работах в очередной раз найдём модификацию «торговой теории» В. О. Ключевского. Формирование «государства» он связывает с деятельностью норманнов, которые продвигались по водным путям и основывали свои опорные пункты [45; 15–39].

Стоит упомянуть ещё работу У. Хальбаха, посвящённую древнерусскому княжескому двору. Эта работа вполне укладывается в рамки традиций немецкой исторической школы русистики и

¹ Ассистент М. Хеллманна в Мюнстерском университете, в дальнейшем возглавлял средневропейское отделение Исторического семинара в Цюрихе (Швейцария).

² В духе демократической теории работал и Й. Лойшнер, который писал об отсутствии социальной дифференциации в Новгороде и об участии в вече всех свободных людей [39; 33,53].

³ Именно новгородский материал послужил для историка почвой для обоснования *Regionalismus* в средневековой русской истории [40; 82–94].

славяноведения. Для неё характерна та же сильная сторона — сравнительно-исторический подход. Сравнивая древнерусский княжеский двор с его европейскими собратьями, историк показал, что он развивался автономно, не подвергаясь внешним влияниям, а главное — был прост и примитивен. Собственно, и сформировался он только в «удельный период», когда дружина стала оседать на землю, а князья стали осваивать свои волости [46; 60–61, 169–174, 347–348].

Вполне можно согласиться с историком и в том, что в условиях Киевской Руси не могла развиться «служебная система», которую он наблюдает уже в Руси Северо-Восточной в XIII–XIV вв.

Выводы. Непредвзятый анализ немецкой исторической литературы, основанный на знании российского историографического процесса, приводит нас к неожиданному выводу. Немецкие историки взяли на вооружение ту концепцию древнерусского политогенеза, истории древнерусского государства, которая была разработана российской исторической наукой до 1917 г. Они внесли свой вклад в развитие данной теории. Советская историческая наука, ведя борьбу с «остфоршерами», одновременно боролась и с прежней российской историографией. Между тем, господствовавшая в советской исторической науке концепция раннего феодального государства, которая явно модернизировала и извращала историю, основанная на постулатах доморощенного марксизма, была шагом назад по сравнению с тем, что было сделано в отечественной «дореволюционной» науке.

Примечания:

1. Крадин Н.Н. Политическая антропология. Учебное пособие. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001. 213 с.
2. Гринин Л.Е. Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ// Ранние формы политических систем. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 9–98.
3. Пашуто В.Т. О мнимой соборности Древней Руси// Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 181–191.
4. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. 401 с.
5. Шушарин В.П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М.: Изд-во «Наука», 1964. 304 с.
6. Шаскольский И.П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.; Л.: Изд-во «Наука», 1965. 218 с.
7. Малиновський О. Староданій державний лад східніх слов'ян і його пізніші зміни. Нариси з історії права. К.: З друкарні Всеукраїнської Академії Наук, 1929. 170 с.
8. Фроянов И.Я. Киевская Русь, Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 256 с.
9. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.
10. Иоганн Готфрид Гердер. Идеи к философии истории человечества. 2-е изд., испр. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 760 с.
11. Валк С.Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20–40-х гг. XIX века// Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб.: Изд-во «Наука», 2000. С. 251 – 338.
12. Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). Bd. I. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910. 322 s.
13. Пресняков А.Е. Рец. [Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). Bd.I–II. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910–1911] // ЖМНП. Ноябрь. Ч. XLII. 1912. С. 153–167.
14. Дьяконов М.А. Рец. [Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). Bd.I. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910]// ИОРЯС. Т.XVI. 1912. С. 232–252.
15. Филиппов А.Н. [Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). Bd.I–IV. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910–1911]// Юридический вестник. М., 1914. Кн. VI (II).С. 164–216.
16. Владимирский-Буданов М.Ф. Рец.[Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). Bd.I. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910]// Киевские университетские известия, 1911, № 3 (март). С. 1–24.
17. Флоровский А.В. Новый взгляд на происхождение Русской Правды. Одесса, 1912. 28 с.
18. Kadlec K. Neue Ansichten über Russkaja Pravda // Archiv für slavische philologie. 1916. Bd. 36. H. 1/2. S. 282 – 320.
19. Gerhard Laehr. Die Anfänge des russischen Reiches. Politische Geschichte im 9. und 10. Jahrhundert (Historische Studien nbg. E.Ebering. Nr. 189). Berlin, 1930. 145 s.
20. Ad. Stender-Petersen. Rec. [G. Laehr. Die Anfänge des russischen Reiches. Berlin, 1930]// Zeitschrift für slavische Philologie. V. VIII. Leipzig: Markert & Petters Verlag. 1931. S. 241–247.
21. Rauch Georg von. Volk und Staat in der russischen Geschichte. Zum problem der Autokratie in Rus'// Europa-Archiv, 7, 1952. S. 5113–5120.
22. Rauch Georg von. Russland: Staatliche Einheit und nationale Vielfalt. München, 1953. S. 11 (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München. Bd. 5). 235 s.
23. Manfred Hellmann. Beiträge zur Geschichte des Östlichen Europa im Mittelalter. Gesammelte Aufsätze. Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakkert, 1988. 386 s.

24. H. F. Schmid. Die Burgbezirksverfassung bei den slavischen Völkern in ihrer Bedeutung für die Geschichte ihrer Siedlung und ihrer staatlichen Organisation// Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, N.F. Bd. II. 1926. S. 80–104.
25. Последнее известное мне издание: Manfred Alexander, Gunther Stökl. Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 7 Auflage. Stuttgart: Alfred Kroner Verlag, 2009. 924 s.
26. Günther Stökl. Die Geschichte des Fürstentums Galizien-Wolhynien als Forschungsproblem// Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1980. S. 9–17.
27. Günther Stökl. Das Fürstentums Galizien-Wolhynien// Handbuch der Geschichte Russlands. B. 1: Bis 1613. Lief. 7. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1980. S. 484–533.
28. Herbert Ludat. Wczesne formy życia miejskiego w Europie Wschodniej// Herbert Ludat. Słowianie — Niemcy — Europa. Wybór prac. Marburg — Poznań, 2000 (Ludat H. Frühformen des Städtewesens in Osteuropa// Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesen. Lindau, 1959). S. 117–122.
29. Otto Brunner. Europäisches und russisches Bürgertum// Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1953. Bd. 40. H. 1. S. 1 – 27.
30. Klaus Zernack. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967. 245 s.
31. Klaus Zernack. Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit// Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 18. Wiesbaden, 1973. S. 9–23.
32. Папуто В. Т. В ущерб истине (По поводу книги о русском вече)// История СССР, 1968. № 5. Сентябрь-октябрь. С. 235–237.
33. Назаренко А. Н. Новые тенденции изучения истории Древней Руси в историографии ФРГ (коллективный труд «Руководство по русской истории»)// Культура и общество Древней Руси (X–XVII вв.) (Зарубежная историография). Реферативный сборник. Ч. I. М., 1988. С. 118 – 152.
34. Wiczynski J.L. Toward a Frontier Theory of Early Russian History// Russ rev. Stanford (Calif.), 1974. V. 33. P. 284–295.
35. Rüb H. Das Reich von Kiew // Handbuch der Geschichte Russlands. B. 1: Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum. Lief. 4/5, 6. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1979. S. 199–430.
36. Rüb H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9–17. Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien, 1994. 214 s.
37. Carsten Goehrke. GrossNovgorod und Pskov/Pleskau// Handbuch der Geschichte Russlands. B. 1: Bis 1613. Lief. 6. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1980. S. 432–483.
38. Goehrke C. Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge 1963–1964. Konstanz, Stuttgart, 1966. 273 s.
39. Leuschner Jörg. Novgorod. Berlin, 1980. (=Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe 1. Giessner Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 107). 288 s.
40. Carsten Goehrke. Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorüberlegungen für eine künftige Untersuchung// Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Werner Philipp zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1978. S. 75–107.
41. Carsten Goehrke. Frühzeit des Ostslaventums Unter Mitwirkung von U. Kälin. Darmstadt: «Wissenschaftliche Buchgesellschaft», 1992 (= Erträge der Forschung. Bd. 277). 273 s.
42. Назаренко А. В. Новый свет на происхождение Древней Руси? (О последней книге проф. Г. Шрамма)// Средневековая Русь. Вып.6. М.: «Индрик», 2006. С. 341–370.
43. Шаскольский И. П. Русско-скандинавские отношения раннего Средневековья в работах Г. Шрамма (Историографический обзор)// Отечественная история, 1994. № 2. С. 155–160.
44. Schramm G. Altrusslans Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9 und 10. Jahrhundert. Freiburg, 2002 (Rombach Wissenschaften; Reihe Historie. Bd. 12). 569 s.
45. Schramm G. Fernhandel und frühe Reichsbildungen am Ostrand Europas: Zur historischen Einordnung der Kiever Rus'// Staat und Gesellschaft in Mittelalter und Früher Neuzeit: Gedenschrift für Joachim Leuschner. Göttingen, 1983. S. 15–39.
46. Halbach U. Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert. Eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Ruś. Stuttgart, 1985. 384 s.

References:

1. Kradin N. N. Politicheskaya antropologiya. Uchebnoye posobiye. M.: Nauchno-izdatelsky tsentr «Ladimir», 2001. 213 s.
2. Grinin L. Ye. Ranniye gosudarstva i ikh analogi v politogeneze: tipologii i sopostavitelny analiz// Ranniye formy politicheskikh sistem. SPb: MAE RAN, 2012. S. 9–98.
3. Pashuto V. T. O mnimoy sobornosti Drevney Rusi// Kritika burzhuaznykh kontseptsy istorii Rossii perioda feodalizma. M., 1962. S. 181–191.
4. Pashuto V. T. Russkiye istoriki-emigranty v Yevrope. M.: Nauka, 1991. 401 s.
5. Shusharin V. P. Sovremennaya burzhuaznaya istoriografiya Drevney Rusi. M.: Izd-vo «Nauka», 1964. 304 s.

6. Shaskolsky I. P. Normanskaya teoriya v sovremennoy burzhuaznoy nauke. M.; L.: Izd-vo «Nauka», 1965. 218 c.
7. Malinovskii O. Starodaniy derzhavny lad skhidnikh slov'yan i ygo piznishi zmini. Narisi z istorii prava. K.: Z drukarni Vseukraïnskoï Akademii Nauk, 1929. 170 s.
8. Froyanov I.Ya. Kiyevskaya Rus, Ocherki sotsialno-politicheskoy istorii. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1980. 256 s.
9. Froyanov I.Ya., Dvornichenko A.Yu. Goroda-gosudarstva Drevney Rusi. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1988. 269 s.
10. Iogann Gotfrid Gerder. Idei k filosofii istorii chelovechestva. 2-e izd., ispr. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2013. 760 s.
11. Valk S. N. Russkaya Pravda v izdaniyakh i izucheniyakh 20–40-kh gg. XIX veka// Valk S. N. Izbrannyye trudy po istoriografii i istochnikovedeniyu. Nauchnoye naslediyе. SPb.: Izd-vo «Nauka», 2000. S. 251–338.
12. Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Russkaya Pravda). Bd. I. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910. 322 s.
13. Presnyakov A. Ye. Rets. [Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Russkaya Pravda). Bd.I–II. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910–1911] // ZhMNP. Noyabr. Ch. XLII. 1912. S. 153–167.
14. Dyakonov M. A. Rets. [Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Russkaya Pravda). Bd.I. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910]// IORYaS. T.XVI. 1912. S. 232–252.
15. Filippov A.N. [Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Russkaya Pravda). Bd.I–IV. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910–1911]// Yuridichesky vestnik. M., 1914. Kn. VI (II). S. 164–216.
16. Vladimirsky-Budanov M. F. Rets.[Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Russkaya Pravda). Bd.I. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910]// Kiyevskiye universitetskiye izvestiya, 1911, № 3 (mart). S. 1–24.
17. Florovsky A. V. Novy vzglyad na proiskhozhdeniye Russkoy Pravdy. Odessa, 1912. 28 s.
18. Kadlec K. Neue Ansichten über Russkaja Pravda // Archiv für slavische philologie. 1916. Bd. 36. H. 1/2. S. 282 – 320.
19. Gerhard Laehr. Die Anfänge des russischen Reiches. Politische Geschichte im 9. und 10. Jahrhundert (Historische Studien nbg. E.Ebering. Nr. 189). Berlin, 1930. 145 s.
20. Ad. Stender-Petersen. Rec. [G. Laehr. Die Anfänge des russischen Reiches. Berlin, 1930]// Zeitschrift für slavische Philologie. B. VIII. Leipzig: Markert & Petters Verlag. 1931. S. 241 – 247.
21. Rauch Georg von. Volk und Staat in der russischen Geschichte. Zum problem der Autokratie in Rus'// Europa-Archiv, 7, 1952. S. 5113 – 5120.
22. Rauch Georg von. Russland: Staatliche Einheit und nationale Vielfalt. München, 1953. S. 11 (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München. Bd. 5). 235 s.
23. Manfred Hellmann. Beiträge zur Geschichte des Östlichen Europa im Mittelalter. Gesammelte Aufsätze. Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakkert, 1988. 386 s.
24. H. F. Schmid. Die Burgbezirksverfassung bei den slavischen Völkern in ihrer Bedeutung für die Geschichte ihrer Siedlung und ihrer staatlichen Organisation// Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, N.F. Bd. II. 1926. S. 80 – 104.
25. Posledneye izvestnoye mne izdaniye: Manfred Alexander, Gunther Stökl. Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 7 Auflage. Stuttgart: Alfred Kroner Verlag, 2009. 924 s.
26. Günther Stökl. Die Geschichte des Fürstentums Galizien-Wolhynien als Forschungsproblem// Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1980. S. 9–17.
27. Günther Stökl. Das Fürstentums Galizien-Wolhynien// Handbuch der Geschichte Russlands. B. 1: Bis 1613. Lief. 7. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1980. S. 484–533.
28. Herbert Ludat. Wczesne formy życia miejskiego w Europie Wschodniej// Herbert Ludat. Słowiane – Niemcy – Europa. Wybór prac. Marburg – Poznań, 2000 (Ludat H. Frühformen des Städtewesens in Osteuropa// Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesen. Lindau, 1959). S. 117–122.
29. Otto Brunner. Europäisches und russisches Bürgertum// Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1953. Bd. 40. H. 1. S. 1–27.
30. Klaus Zernack. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967. 245 s.
31. Klaus Zernack. Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit// Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 18. Wiesbaden, 1973. S. 9–23.
32. Pashuto V. T. V ushcherb istine (Po povodu knigi o russkom veche)// Istoriya SSSR, 1968. № 5. Sentyabr-oktyabr. C. 235–237.
33. Nazarenko A. N. Novyye tendentsii izucheniya istorii Drevney Rusi v istoriografii FRG (kollektivnyy trud «Rukovodstvo po russkoy istorii»)// Kultura i obshchestvo Drevney Rusi (X–XVII vv.) (Zarubezhnaya istoriografiya). Referativnyy sbornik. Ch. I. M., 1988. S. 118–152.
34. Wiczynski J.L. Toward a Frontier Theory of Early Russian History// Russ rev. Stanford (Calif.), 1974. V. 33. P. 284–295.

35. Rüß H. Das Reich von Kiew // Handbuch der Geschichte Russlands. B. 1: Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum. Lief. 4/5, 6. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1979. S. 199–430.
36. Rüß H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9–17. Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien, 1994. 214 s.
37. Carsten Goehrke. GrossßNovgorod und Pskov/Pleskau// Handbuch der Geschichte Russlands. B. 1: Bis 1613. Lief. 6. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1980.S. 432–483.
38. Goehrke C. Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichnau-Vorträge 1963–1964. Konstanz, Stuttgart, 1966. 273 s.
39. Leuschner Jörg. Novgorod. Berlin, 1980. (=Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe 1. Giessner Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 107). 288 s.
40. Carsten Goehrke. Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorüberlegungen für eine künftige Untersuchung.// Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Werner Philipp zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1978. S. 75–107.
41. Carsten Goehrke. Frühzeit des Ostslaventums Unter Mitwirkung von U. Kälin. Darmstadt: «Wissenschaftliche Buchgesellschaft», 1992 (= Erträge der Forschung. Bd. 277). 273 s.
42. Nazarenko A. V. Novy svet na proiskhozhdeniye Drevney Rusi? (O posledney knige prof. G. Shramma)// Srednevekovaya Rus. Vyp.6. M.: «Indrik», 2006. S. 341–370.
43. Shaskolsky I. P. Russko-skandinavskiyе otnosheniya rannego Srednevekovya v rabotakh G. Shramma (Istoriografichesky obzor)// Otechestvennaya istoriya, 1994. № 2. С. 155–160.
44. Schramm G. Altrusslans Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten yum 9 und 10. Jahrhundert. Freiburg, 2002 (Rombach Wissenschaften; Reihe Historie. Bd. 12). 569 s.
45. Schramm G. Fernhandel und frühe Reichsbildungen am Ostrand Europas: Zur historischen Einordnung der Kiever Rus'// Staat und Gesellschaft in Mittelalter und Früher Neuzeit: Gedenschrift für Joachim Leuschner. Göttingen, 1983. S. 15–39.
46. Halbach U. Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert. Eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Ruś. Stuttgart, 1985. 384 s.

УДК 93/94 (47). 01, 02

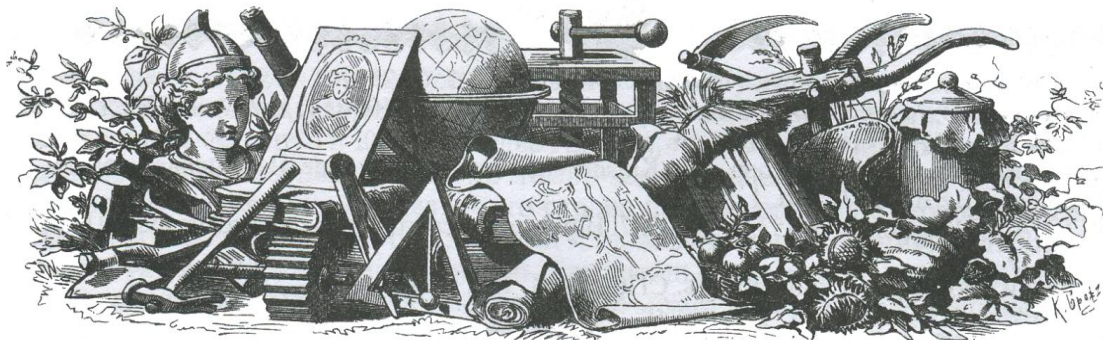
Древнерусский политогенез в германской историографии

Андрей Юрьевич Дворниченко

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: museumspb@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется немецкая историография, посвящённая проблеме древнерусского политогенеза: возникновения и развития политических институтов и государственности. Данная историография оказалась под сильным влиянием российской научной мысли, прежде всего, её эмигрантской ветви. В результате в трудах германских и австрийских историков отразилась «демократическая» теория политогенеза.

Ключевые слова: немецкая историография; Киевская Русь; российская эмигрантская историография; древнерусский политогенез; «демократическая» теория; города-государства; община.

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 930.9

Silla Policy in the War between Bohai and Tang Empire in 732–735

Alexander A. Kim

Far Eastern Federal University, Russian Federation
 PhD (History), Associate Professor
 Korea University, Republic of Korea, Research Professor
 E-mail: kimaa@rambler.ru

Abstract. The author of this article considers specific character of Silla policy during the war between Chinese Empire Tang and Bohai – northern neighbor of the Korean state. This war is known to be important for the East Asian region, as it changed the political situation in the medieval Far East. Both sides used military contingents from allies and vassals. These facts prove the war had a great scale. China received military support from Heishui Mohe, Silla, Shiwei, Bohai – from Khitan, other tribes of Mohe.

However, this war is unknown for many specialists of history. Moreover, the role of Silla (state which gave support to Tang Empire and changed the character of this military conflict) is not thoroughly considered and analyzed by scholars. Using different materials, the author analyses events in which Silla kingdom took part, act of war and results of this conflict, which are still controversial. The author uses materials both in European (Russian and English) and Asian (Korean and Chinese) languages.

Keywords: Bohai; Far East; Silla; history; Mohe; China.

Введение. В 698 году в Восточной Азии появилось новое государство – Чжэнь, позже получившее название Бохай (в корейском чтении Пархэ). В его состав вошли территории современных Маньчжурии, севера Корейского полуострова и южной части российского Приморья [1].

Таким образом, у Силла появился северный сосед, так как силланское королевство занимало южную и центральную часть Корейского полуострова. Между государствами сразу сложились дружественные отношения, основой для которых была враждебность китайской империи Тан к обеим странам, к тому же силланцы рассматривали Бохай как буфер против Китая. Но с 705 года ситуация изменилась – империя Тан признала Бохай как княжество, что повлекло за собой резкий поворот в отношениях между бывшими союзниками. Теперь уже силланцы рассматривали Бохай как противника, союзника враждебной им империи Тан. Бохай, в свою очередь, стал теснить Силла и отнял у нее часть территорий [7].

В 719 году умирает основатель Бохая – Да Цзожун, вторым правителем государства становится его старший сын – Да Уи. Последний продолжил активную внешнюю политику, рассчитанную на покорение новых земель. Но он действовал, невзирая на окружающую международную обстановку, что привело к столкновению его интересов с Китаем.

Материалы и методы. Базой для написания статьи послужили работы российских и зарубежных ученых, в том числе на английском, корейском и китайском языках, а так же фрагменты летописных данных. Методологическую основу исследования составили сравнительно-исторический метод и метод герменевтики.

Обсуждение. В 732 году танская армия разгромила киданей и си – кочевые племена, которые были союзниками Бохая и выступали в роли буфера против Китая. Это привело к внезапному началу боевых действий со стороны Бохая против империи Тан – Да Уи отправил флот в крупнейший порт Шаньдуна Дэнчжоу, где уничтожил основную часть военных кораблей Китая [3]. Бохайская армия

пришла на помощь к киданям и оттеснила войска империи Тан к горе Мадушань – почти к Великой Китайской стене [2].

В этой сложной ситуации Китай стал срочно искать союзников и обратился к Силла. На императорском дворе в качестве заложника находился представитель правящего рода Силла – Ким Са Ран. Империя Тан отправила его на родину, предлагая силланцам совместно напасть на Бохай [11; 12, с. 3, 33; 14]. В отношениях между империей Тан и Силла была очень важной сама персона посла. Ким Са Ран был из королевской семьи Силла, но в раннем возрасте его отправили в качестве заложника в империю Тан. Поэтому сам факт возвращения члена силланской королевской семьи на юг Корейского полуострова как китайского посла давал понять корейскому государству, как для Китая в то время была важна поддержка силланцев против Бохая.

Корейское государство охотно отозвалось на просьбу Китая. Силла согласилась оказать поддержку Китаю, называя бохайцев «взбунтовавшимися варварами» [5; 12; 15] и стремясь улучшить отношения с империей Тан. Для Силла было очень важно наладить дружественные связи с китайским государством из-за давления со стороны Бохая, который был номинальным вассалом Китая и этим пользовался против корейского государства.

К тому же, по нашему мнению, силланцы в этой войне преследовали и свои цели – 1) они хотели расширить свои владения на севере, но в этом им мешал Бохай, 2) они хотели отомстить северному соседу за нападения. К тому же при образовании государства Чжэнь в 698 году (с 713 года получившего название Бохай) первый его правитель Да Цзюжун получил инвеституру от Силла – пятый ранг «Дэ Ачхан» [7]. Это был высокий силланский чиновничий ранг, давался он только высшей аристократии, но его получение подразумевало признание вассальных отношений со стороны Чжэнь по отношению к Силла. Но после получения инвеституры от империи Тан бохайцы отказались от силланской зависимости, что, разумеется, было воспринято южным соседом с большим неудовольствием. Но сделать силланцы уже ничего не могли – Бохай уже стал сильным государством, к тому же поддерживался империей Тан.

Поэтому Силла прилагала к восстановлению контактов с китайским государством много усилий, которые оставались безответными до 732 года. До начала военных действий с Бохаем империю Тан устраивало положение на Корейском полуострове – Бохай, даже будучи номинальным вассалом Китая, теснил Силла, которая, после совместного разгрома Когурё и Пэкче, в свое время изгнала танскую армию с территории полуострова и захватила большую часть завоеванных земель. К рассмотрению влияния этой войны на отношения между государствами в VIII веке мы вернемся позже. Но с 732 года ситуация резко изменилась – для империи Тан союз с силланцами теперь становился выгодным, так как неприятной альтернативой этому было возможное участие Силла в коалиции киданей, тюрков и Бохая против Китая [12, с. 123].

Связь между союзниками поддерживалась через силланского посла Ким Са Рана, который теперь стал контактным лицом империи Тан в Силла. Он прибыл на родину с новым званием для правителя корейского государства и назначением его на должность командующего войсками по умиротворению на море [5, с. 219; 15, с. 54; 12, с. 102].

Сам факт назначения силланского правителя на эту должность говорит о многом. Конечно, это назначение было почетным, но принесло с собой много новых обязанностей для силланского короля. В первую очередь, это подтверждает наше мнение о том, что бохайцы уничтожили военный флот империи Тан и теперь Китай, не имея возможности контролировать море, возложил обязанности по борьбе с бохайским флотом на Силла.

В последнем в связи с началом военных действий против Бохая первоначально было мобилизовано на военную службу 100 тысяч человек [10, с. 368]. Это было большое количество солдат, так как в Бохае, по словам младшего брата бохайского правителя Да Уи, всего было менее 100 тысяч воинов [1]. К тому же после этого на армию были призваны дополнительные контингенты, точная численность которых неизвестна. В империи Тан командующими силланской армией, готовившейся выступить против Бохая, были назначены генералы Ким Юн Чжун и Ким Юн Мун. Эти военачальники были внуками генерала Ким Ю Сина, который участвовал в войне Китая и Силла против Когурё и Пэкче. Корейские историки полагают, что он многое сделал для объединения корейских земель под эгидой Силла [8, с. 10; 15, с. 54]. Такие назначения были сделаны в память о прошлом союзе, который закончился разгромом общих противников. Было принято решение одновременно атаковать Бохай с двух направлений – с севера (Китай) и с юга (Силла). По задумке союзников такое нападение должно было разгромить противника.

Однако совместная атака не получилась из-за сильного снегопада и холода [6, с. 213; 12, с. 3; 13, с. 48–49].

Снег занес все горные дороги и они стали непроходимы. Попытка силланского войска пройти вперед закончилась плачевно – больше половины армии погибло, в результате чего силланцы были вынуждены вернуться назад [5, с. 219; 12, с. 102; 15, с. 54]. Танская армия, оставшись без поддержки, не смогла разгромить бохайские войска и также отступила [12, с. 3; 16, с. 156].

Провал силланской экспедиции не был случайным и, на наш взгляд, явился результатом необдуманных действий самого руководства страны. Как мы ранее отмечали, Бохай отнял у силланцев ряд территорий. Соответственно, армия Силла вступила на прошлом свою территорию и

не могла не знать о суровой зиме и снегопаде в этом регионе. Но стремление оказать помощь империи Тан и заслужить поддержку Китая оказалось для силланцев выше, чем риск потерпеть неудачу в войне с Бохаем.

Несмотря на провал зимней военной экспедиции корейского государства, это событие оказало влияние на ход войны между Бохаем и Тан. Силла показала, что может помочь Китаю, и бохайцы теперь должны были учитывать возможность нападения на них с южной границы.

Силланский чиновник Ким Чхун Син в письме просил империю Тан усмирить Бохай и отдать приказ Силла еще раз напасть на варваров, с чем китайский император Сюань-цзун (в корейском чтении Хёнчжонь) был согласен [15, с. 55; 12, с. 123]. Однако никаких сведений о втором походе Силла на Бохай в китайских и силланских летописях нет [12, с. 122].

Империю Тан все же удалось в короткий срок создать антибохайскую коалицию из хэйшуй мохэ, шивэй и Силла. Таким образом, Китай и его союзники смогли охватить Бохай с севера, юга и запада. Положение Бохая резко ухудшилось.

В результате этих действий бохайский правитель Да Уи взял курс на нормализацию отношений с империей Тан. В 733 году в Китай прибыло бохайское посольство с просьбой о прощении [16, с. 156].

Есть определенные разночтения по поводу периода этой войны. В России обычно указывается период 732–733 гг. В Корее полагают, что военные действия продолжались до 735 г. Таким образом, время войны увеличивается с 2 до 4 лет. Это связано с тем, что российские исследователи считают, что война закончилась с прибытием бохайского посольства в Китай с извинениями в 733 г. Империя Тан их приняла [2]. Но в Корее отмечают, что сам факт прибытия посольства не означал конца военных действий. Несмотря на данное бохайское посольство, военные действия между Силла, мохэ и шивэй против Бохая не прекращались – империя Тан просто физически не могла сразу закончить войну своих союзников. Поэтому фактическим прекращением войны можно считать 735 год – когда империя Тан «даровала» силланцам земли к югу от реки Пхэ. Схожей позиции по времени окончания войны придерживаются и английский востоковед Денис Твитчетт [9, с. 442].

Китай в 735 г. через своего посла Ы Чхуна передал Силла земли южнее реки Пхэган (совр. р. Тэдонган) [6, с. 213–214; 12, с. 34, 103; 13, с. 49], которые формально находились под властью Китая [12, с. 4]. Таким образом, империя Тан отблагодарила силланцев за помощь в войне с Бохаем. Но еще более важным стало то, что между Силла и империей Тан были заключены дружественные отношения. Судя по всему, решение о передаче земель было принято не сразу – ведь мир с Бохаем был установлен еще в 733 году.

Скорее всего, Китай в течение двух лет обдумывал свои дипломатические действия – ведь ему на данный момент было необходимо ослабить бохайцев и поддержать силланцев.

Мы полагаем, что танские чиновники, скорее всего, отлично понимали, что участие Силла в войне с Бохаем было значимым. Как-никак, она мобилизовала большую армию и флот, что привело к большим затратам. К тому же сухопутная операция оказалась неудачной. Поэтому китайским сановникам приходилось решать важную проблему – надо было отблагодарить силланцев так, чтобы выгоды от войны возместили затраты на войну, но, с другой стороны, не позволить им слишком усилиться. Причины для такой политики мы рассмотрим ниже. В результате долгих обсуждений танские лидеры решили передать свою союзнику территорию на реке Пхэ.

По мнению многих южнокорейских исследователей, эти земли были захвачены силланцами, но танский император до 735 г. официально не признавал их силланскими владениями [12, с. 123].

Скорее всего, на эти земли имел также свои претензии Бохай. Видимо, тогда для империи Тан было очень важно усиление Силла в качестве противовеса Бохаю. Нам неизвестно, кто проживал на тех землях, но очевидно, что этим ходом Китай хотел углубить конфликт между Бохаем и Силла, потому что вполне вероятно, что бохайцы имели интерес к освоению этих земель, что подтверждается ниже.

Так же допустим вариант, что земли к югу от Пхэ были в действительности бохайскими. Но Бохай был вынужден уступить империи Тан, так как не мог воевать против коалиции. Однако это не помешало ему сделать передачу своих земель отчасти формальными – бохайские войска боролись с силланцами за спорные территории еще долгое время.

Но при этом империи Тан не удалось уничтожить своего основного противника. С одной стороны, у Китая в тот период времени возникают проблемы с тюрками, с другой – ликвидация Бохая не являлась важной задачей для империи Тан. К тому же китайские сановники, судя по всему, отдавали отчет, что в случае уничтожения Бохая больше всего выиграет Силла. Точно так же это корейское государство выиграло, когда в VII веке совместно с империей Тан разгромило Когурё и Пэкче, а затем выгнало с их территорий китайскую армию.

Дело было в следующем. Силла и Китай заключили союз против Когурё и Пэкче. Первым под ударами союзников пало Пэкче. Пока империя Тан сосредотачивала свои усилия на борьбе против Когурё, к 671 году силланские войска захватили все земли Пэкче, до этого уничтоженного союзниками. В конце концов, китайская сторона поняла замысел силланцев, которые стремились захватить все земли Когурё и Пэкче, но было уже поздно – Силла уже закрепились на пэкческих землях. Поэтому в 675 году империя Тан начала борьбу с силланцами за эти территории, но неудачно – к тому времени к последним присоединились когурёсцы и пэкчесцы [4, с. 74], рассматривавшие

Китай как большое для них зло, чем Силла. Более лояльные к Китаю жители Корейского полуострова к тому времени уже находились в империи Тан, а в качестве базы снабжения для китайских войск на Корейском полуострове выступало силланское королевство.

К тому же, необходимо отметить, что основные тяготы войны с корейскими государствами взяла на себя китайская армия. Поэтому к началу борьбы с силланцами она уже была ослабевшей, китайские солдаты уже устали от длительной войны и не хотели воевать, а империя Тан не могла легко перебрасывать подкрепления и снабжение своим войскам на Корейском полуострове. Длительные и кровопролитные войны с Когурё и Пэкче дорого обошлись Китаю, последний потратил на них большое количество материальных и человеческих ресурсов. А в результате всего этого империя Тан столкнулась теперь с новым противником – силланским королевством, к борьбе с которым была не готова и посему была вынуждена отступить.

По нашему мнению, этот пример полувекковой давности еще не был забыт Китаем, и разгром Бохая уже не входил в его планы. Мало того, теперь империя Тан нуждалась в нем как противовесе силланцам на Корейском полуострове, чтобы те не смогли слишком усилиться. На западном направлении Китай уже тревожили усилившиеся тюрки и танские чиновники не хотели иметь таких же проблем на востоке.

К тому же военное положение в 733 году сильно изменилось. В 732 году на морских коммуникациях господствовал бохайский флот, объединенная армия бохайцев и киданей подошла к Великой Китайской стене, а империя Тан не располагала большими военными силами и была вынуждена объявить мобилизацию. Но уже через год Китай доминировал в этом военном конфликте – силланский флот уже был на стороне империи Тан, бохайские и киданьские отряды отступили, против Бохая выступили хэйшуй мохэ, шивэй и Силла. Поэтому бохайцы перешли к обороне, инициатива в военных действиях была ими потеряна. Теперь уже Китай не так сильно нуждался в помощи силланцев, как в 732 году.

Мы полагаем, что китайцев не мог не насторожить тот факт, что силланцы смогли быстро мобилизовать и послать на войну 100 тысяч человек. К тому же даже после провала экспедиции с большими потерями Силла по-прежнему стремилась к продолжению войны. Для империи Тан это было свидетельством не только о намерении корейского государства получить территорию Бохая, но и возросшем могуществе силланского королевства. Для примера Когурё, сильнейший противник Китая на Корейском полуострове, войны с которым стоили китайским династиям больших затрат и потерь, располагал в период своего могущества 300-тысячной армией [1], что было большим достижением для того времени. Но и он не мог отправлять за пределы страны большие контингенты солдат. Силланцы же в войне Китая с Бохаем продемонстрировали большие возможности, чем Когурё. А расширение территорий корейского государства за счет всех земель Бохая могло, соответственно, увеличить его население и обеспечить рост могущества силланского королевства в будущем. Это так же не могло не тревожить империю Тан.

Письмо силланца Кима Чхуна Сина, просившего Китай о совместном продолжении войны с Бохаем, было лишним раз подтверждением намерений корейского государства – для танского руководства было понятно, что послание этого чиновника высокого ранга выражало чаяния силланского руководства. Так же сановников Поднебесной, судя по всему, было очевидно, что Силла стремится быстрее, чем китайская армия, вступить на бохайскую землю, видимо, для установления на ней своего контроля. Поэтому империя Тан приложила все дипломатические усилия, чтобы закончить этот военный конфликт таким образом, чтобы не дать возможности корейскому государству получить максимальную выгоду за счет этой войны.

Но при этом война с Бохаем для Силла закончилась удачно – несмотря на то, что силланцы не смогли добиться всех своих целей в войне, корейское государство наладило отношения с могущественным Китаем и получило новые земли.

Заключение. Таким образом, как мы видим, война в союзе с Китаем против Бохая, несмотря на большие людские и материальные потери, закончилась для силланского королевства успешно, в этом большую роль сыграла дипломатия корейского государства. Но успех в войне оказался неполным в силу недоверия союзников друг к другу.

Примечания.

1. Государство Бохай (698–926) и племена Дальнего Востока России/ Н.Г. Артемьева, В.И. Болдин, Т.А. Васильева [и др.]; под ред. Э.В. Шавкунова. М.: Наука, 1994. 219 с.
2. Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая. // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005, с. 449-475.
3. Ким А.А. История государства Бохай (по материалам исследований южнокорейских ученых). Уссурийск: ВГОУ ВПО ПГСХА, 2011. 177 с.
4. Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб: Издательство СПбГУ, 2009. 680 с.
5. Самгук саги. Исторические записки трех государств / под ред. М.Н. Пак. Т.1. М.: Наука, 1959. 384 с. + 202 с. оригинального текста.

6. Тихонов В. М. История Кореи. Т. 1 (с древнейших времен до 1876 г.). М.: Муравей, 2003. 461 с., ил.
7. Kim Alexander, Relations between Bohai and Silla from the seventh to the ninth century: a critical analysis. // *Acta Orientalia*. 2011. Vol. 64 (3). pp. 345-356.
8. Song Ki Ho. Several questions in Studies of History of Parhae. // *Korean Journal*. Seoul : 1990. Vol. 30. № 6. P. 4-20.
9. Twitchett, Denis. The Cambridge History of China. Vol. 3. Sui and T`ang China, 589–906. part 1. London – New York – Melbourne: Cambridge University Press, 1979. 850 p.
10. Ку Нан Хи. 8 сэги чжонбан пархэы донгасиа вэгёва сонгёк = Характеристика и внешние отношения Бохая в первой половине VIII века в Восточной Азии. // 8 сэги донгасиа ёксанг. Сеул: Донбукаёксачжэдан, 2011. с. 367–421 (на корейском языке)
11. Пак Си Хёнъ. Пархэсаёнгу вихаё = Для изучения истории Бохая // Пархэсаёнгу вихаё. Сеул: Чжончхи чхульпхан, 2000. С. 7–68. (на корейском языке)
12. Пархэса = История Бохая. // Хангукса к. 10. /под ред. Сонъ Ки Хо, Хан Кю Чхоль и Им Санъ Сон. Сеул: Куксабёнчханвивонхвэ, 1996. 263 с. (на корейском языке)
13. Чжонъ Чжин Хон. Пархэса сарё ва пархэса инсикы пёнчжон корёсидэе «Сасе» силлин пархэ кисарыль чжунсимыро (нонмун) = Источники по истории Бохая и эволюция представлений по истории Бохая – в основном по материалам, помещенным в «Сасе» периода Корё (научная статья). // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). Сеул: Хакъёнмунхванса, 1999. с. 39–62. (на корейском языке)
14. Хан Кю Чхоль. Пархэы тэквангеса = История внешнеполитических отношений Бохая. Сеул: Тосочхульбан синсовон, 1994. 415 с. (на корейском языке)
15. Ю Тык Кон. Пархэ Го = Исследование Бохая. Сеул: Хангукгочжончхонсо, 2000. 197 с. + 90 с. оригин. текста. (на корейском языке. Оригинальный текст – древнекитайский)
16. Ван Чэнли. Чжунга лунбэй-до бохай-го юй дунбэйя = Государство Бохай Северо-востока Китая и северо-восточная Азия. Чанчунь: Цилинь вэнмни чубаньшэ, 2000. 429 с. (на китайском языке)

References.

1. Gosudarstvo Bohaj (698-926) i plemena Dalnego Vostoka Rossii/ N.G. Artemeva, V.I. Boldin, T.A. Vasileva i dr. Pod red. E.V. Shavkunova. M.: Nauka, 1994. 219 s.
2. Ivliev A.L. Ocherk istorii Bohaya. // *Rossijskij Dalnik Vostok v drevnosti i srednevekov`e: otkrytiya, problemi, gepotezy*. Vladivostok: Dal`nauka, 2005. S. 449-475.
3. Kim A.A. Istoriya gosudarstva Bohaj (po materialam yuzhnokorejskih issledovatelej). Ussuriysk: VGOUVPO PGSHA, 2011. 177 s.
4. Kurbanov S.O. Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI veka. SPb: Izdatel`stvo SpbGU, 2009. 680s.
5. Samguksagi. Istoricheskie zapiski treh gosudarstv/ pod red. M.N. Pak, t.1. M.: Nauka, 1959. 384 s. + 202 s. original`nogo teksta.
6. Tihonov V.M. Istoriya Korei, t.1. (s drevnejshih vremen do 1876 g.). M.: Muravej, 2003. 461 s. ill.
7. Kim Alexander, Relations between Bohai and Silla from the seventh to the ninth century: a critical analysis. // *Acta Orientalia*. 2011. Vol. 64 (3). P. 345-356. (in English)
8. Song Ki Ho. Several questions in Studies of History of Parhae. // *Korean Journal*. Seoul : 1990. Vol. 30. № 6. P. 4-20. (in English)
9. Twitchett, Denis. The Cambridge History of China. Vol. 3. Sui and T`ang China, 589–906. part 1. London – New York – Melbourne: Cambridge University Press, 1979. 850 p. (in English)
10. Ku Nan Hee. 8 saegi chzhongbang parhaey dongasia waegyokwa songkyok.// 8 saegi dongasia yoksasang. Seoul: Dongbukayoksajaedan, 2011. S. 367 – 421. (in Korean)
11. Pak Si Hyong. Parhaesayongu wihayo.// Parhaesayongu wihayo. Seoul: Jonhgchi chulpang, 2000. S. 7–68. (in Korean)
12. Parhaesa.// Hanguksa, 10 tom./ Song Ki Ho, Han Gju Cheol, Im Sang son. Seoul: Kuksabyonchawiwonhwaе, 1996. 263 s. (in Korean)
13. Jong Jin Hon. Parhaesa saryowa parhaesa insiky pyonchzhong koryosidae «sasae» sillin parhae kisaryl chzhungsimyro (nonmun). // Parhae koguk 1300 junyon. Seoul: Hakyonmunhaksa, 1999. S. 39-62. (in Korean)
14. Han Gju Cheol. Parhaey daekwangesa. Seoul: Tosochulban sinsowon, 1994. 415 s. (in Korean)
15. Yu Tyik Kong. Parhaego. Seoul: Hankukgojonchonso, 2000. 197s.+ 90s. (in Korean. Original text-ancient Chinese)
16. Wang Chenli. Zhunga lunbaej-do bohajgo yuj dunbejsya. Chanchun: Jilin wenmni jubanshe, 2000. – 429s. (in Chinese)

УДК 930.9

Политика Силла в войне Бохая с империей Тан в 732–735 гг.

Ким Александр Алексеевич

Дальневосточный Федеральный университет, Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент
Университет Корё, Республика Корея, научный профессор
E-mail: kima@ Rambler.ru

Аннотация. Автор статьи рассматривает специфику политики Силла в период войны Китая с Бохаем – северным соседом корейского государства. Как известно, эта война играла важную роль в восточноазиатском регионе и изменила политическую ситуацию в средневековом Дальнем Востоке. Обе стороны использовали военные контингенты союзников и вассалов. Эти факты подтверждают большой масштаб войны. Китай получил военную поддержку от хэйшуй мохэ, шивэй и Силла, а Бохай – от киданей и других племен мохэ.

Однако эта война остается неизвестной для многих специалистов в исторических науках. Более того, роль Силла (государства, которое дало поддержку империи Тан и изменившего характер этого военного конфликта) детально не рассматривалась и не анализировалась учеными. На основании различных материалов автор анализирует события, в которых принимала участие силланское королевство, ход военных действий и итоги, которые до сих пор остаются дискуссионными. Автор использует материалы не только на европейских (русский и английский), но и азиатских (корейский и китайский) языках.

Ключевые слова: Бохай; Дальний Восток; Силла; история; мохэ; Китай.

UDC 904

Spread of Islam in the North-Eastern Periphery of the Golden Horde in the Light of New Archaeological Evidence

¹Olga V. Zaitceva

²Evgeny V. Vodyasov

¹Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
PhD (History), Associated Professor
E-mail: snori76@mail.ru

²Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
PhD (History), Senior Researcher
E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

Abstract. The paper considers the problem of the time of Islam origin in the Tomsk Ob Region. The lack of reliable written evidence makes it necessary to involve archaeological data. The analysis of the obsequial rites enabled to suggest that Islam penetrated into the Tomsk Ob Region in early XIII–XIV centuries simultaneously with the spread of Islam across the Golden Horde. The graves arranged according to the Muslim rites were discovered in two necropolises located at the right riverside of the Ob – the Astrakhantsevsky and Shaitan II burial grounds. These facts make it possible to suggest that the Tomsk Ob Region was the part of the Golden Horde.

Keywords: Islam; the burial rite; the Golden Horde; Tomsk Ob Region.

Введение. Исламская археология сегодня представляет собой отдельное динамично развивающееся направление, сравнительно недавно сформировавшееся в рамках исторической археологии. Исследования материальных свидетельств дополняют письменные источники, а иногда и предлагают альтернативную точку зрения на исторические процессы, происходившие в исламском мире [1, p. 1101].

Привлечение данных археологии особенно значимо для раскрытия проблемы принятия ислама и его распространения в различных частях Золотой Орды, поскольку эти события отражены в письменных источниках неполно и крайне неравномерно. Наибольшую ценность в этой связи приобретают археологические данные по погребальному обряду, которые объективно отражают пути распространения ислама по территории Золотой Орды [2, с. 110]. На основе анализа золотоордынских некрополей Д.В. Васильевым сделаны выводы о том, что ислам повсеместно распространился не только в городских центрах Золотой Орды, но и «одержал уверенную победу в мировоззрении кочевников во второй половине XIV в., впитав в себя в качестве дозволенных элементов многие доисламские верования [3, с. 125].

Совершенно особую историческую проблему представляет собой определение хронологии проникновения ислама в Сибирь. Многообразие палитры точек зрения на этот вопрос поражает [4, с. 444-445; 5, с. 171-172; 6, с. 12-13]. При этом современные историки и этнографы отмечают, что «начало распространения мусульманства в Сибири находилось в общем контексте исламизации Золотой Орды и постзолотоордынских государств» [7, с. 153]. Именно в этом контексте в статье и рассматривается феномен появления погребений, совершенных по мусульманскому обряду в Томском Приобье, представляющего собой сегодня крайнюю северо-восточную периферию исламского мира. История появления ислама и определение времени его принятия предками современных томских татар пока во многом остаётся "белым пятном" в истории и культуре региона. Отсутствие достоверных письменных источников актуализирует необходимость привлечения данных археологии для решения поставленной проблемы.

Материалы и методы. Методическая проблема достоверного определения конфессиональной принадлежности погребений достаточно легко решается. В качестве устойчивых признаков мусульманского захоронения исследователи признают всего два: отсутствие в погребении вещей и соблюдение киблы – обращение лица покойного в сторону Мекки. Все остальные признаки – оформление надмогильных и внутримогильных сооружений имеют весьма широкую вариабельность в разных региональных традициях [3, с. 38; 8, с. 45-46; 9].

Весь обширный массив накопленных к сегодняшнему дню данных по погребальному обряду Томского Приобья золотоордынского периода был исследован нами с помощью статистического анализа с целью выявления двух важнейших признаков исламской обрядности – отсутствия инвентаря в могиле и соблюдения киблы, а также их взаимной корреляции. Данная методика была уже успешно апробирована при исследовании исламских погребений в некрополях Волжской Булгарии и Золотой Орды [8; 10].

Томское Приобье является территорией расселения томских татар – особой группы сибирских татар, сложившейся к XVII в. из эуштинцев – жителей низовий р. Томь, а также чатов и калмаков, подкочевавших к г. Томску в XVII в. [11, с. 52]. Сегодня томские татары исповедуют ислам суннитского толка. Вопрос о времени и начальных этапах исламизации Томского Приобья до сих пор не становился отдельным предметом пристального изучения. В этой связи интересны сведения Г.Ф. Миллера от 1734 г. о том, что эуштинцы только в самом начале XVIII в. большей частью были обращены в новую веру, тогда как чаты – издавна мусульмане [12, с. 174-175].

Для определения начальной даты исламизации региона ранее нами были проанализированы все известные некрополи Обь-Томского междуречья на предмет поиска признаков мусульманской обрядности. Репрезентативную группу мусульманских погребений удалось выявить в Астраханцевском курганном могильнике XIII–XV вв. [13, с. 134]. Небольшая серия мусульманских погребений недавно исследована нами в могильнике Шайтан-II, датирующегося также XIII–XV вв. Оба некрополя расположены в правобережье Оби.

В настоящей статье мы отдельно остановимся на вопросе об определении даты появления ислама и попытаемся дать историко-культурную интерпретацию феномену появления мусульманских погребений в этом удаленном от традиционных центров ислама регионе.

На Астраханцевском курганном могильнике нами выявлено 44 погребения с признаками мусульманской обрядности, что составляет 44,8 % от всех исследованных на некрополе [13]. Отметим, что для населения, оставившего Астраханцевский могильник, соблюдение киблы сопровождалось юго-восточной ориентировкой головы умершего с поворотом головы на левый висок. В этом контексте показательно следующее положение Д.В. Васильева: «Мы не можем утверждать, что каноны ислама прямо предписывают обращать покойного головой на запад и лицом вправо, ведь для того, что лицо покойного было обращено к Мекке, чтобы соблюсти киблу, можно ориентировать покойного головой на восток и лицом влево. Мы не можем отбросить такую возможность, что на заре становления ислама в Золотой Орде не было подобных погребений» [10, с. 73].

Существование на Астраханцевском могильнике погребений с каноническим соблюдением мусульманского обряда и типично языческих (отличающихся ориентировкой и наличием погребального инвентаря), вероятно, маркирует начальный этап распространения новой религиозной доктрины. Подобная картина характерна в XIII–XV вв. и для могильников Средней Азии и Поволжья [10, с. 66, 158; 14, с. 199-200].

Сложность датировки мусульманских погребений общеизвестна ввиду отсутствия в них инвентаря. Однако археологический контекст обнаружения мусульманских могил на территории Астраханцевского некрополя позволяет достаточно точно установить их хронологические рамки. Здесь особенно информативны материалы тех курганов, в которых под одной насыпью обнаружены совершенные синхронно мусульманские и языческие погребения.

Так, в кургане 3 Астраханцевского могильника исследовано два погребения, первое было совершено с соблюдением киблы и не содержало никакого инвентаря. Второе погребение этого кургана содержало разнообразный инвентарь (стремена, удила, серебряные серьги), датируемый в пределах XIII–XIV вв. [15, с. 115, рис. 187]. Подобная картина нахождения под одной насыпью мусульманских погребений и погребений с инвентарем XIII–XIV вв. выявлена на Астраханцевском могильнике неоднократно в курганах 33, 42, 63, 64, 69, 92. Таким образом, учитывая археологический контекст нахождения мусульманских погребений на Астраханцевском могильнике, их можно уверенно датировать в пределах XIII–XIV вв. Имеющиеся сегодня археологические материалы не позволяют более точно определить, когда именно – в XIII или в XIV в. ислам проник в Томское Приобье.

Единственный могильник, где ещё удалось выявить безынвентарные погребения с соблюдением киблы – это могильник Шайтан-II. Он расположен в правобережье Оби всего в 18 км выше по течению от Астраханцевского курганного могильника. Его исследование, начатое в 2000 г., продолжается, а материалы пока не опубликованы. Могильник насчитывает 22 курганные насыпи, 9 из которых исследованы раскопками и датированы XIII–XV вв. одним из авторов настоящей статьи [16].

На могильнике Шайтан-II, как и на Астраханцевском, отмечено сочетание двух погребальных традиций: подкурганные захоронения с ориентацией головой на север и обилием сопроводительного инвентаря и безынвентарные погребения с юго-восточной и восточной ориентацией головы. В пользу одновременного сосуществования этих двух традиций на могильнике Шайтан-II свидетельствуют результаты радиоуглеродного датирования. Одна дата получена для кургана 11, в котором находилось погребение с северной ориентировкой и разнообразным инвентарём, включающим железные обкладки седла, украшения конской амуниции, сосуд, пастовые бусы и т.д. (Le-8739: 520±40BP). Вторая дата получена для кургана 8, в котором находилось безынвентарное погребение с соблюдением киблы (Le-8737: 540±60BP). С учетом калибровки обе даты укладываются в рамки XIV – середины XV в.

Пока Астраханцевский могильник и могильник Шайтан-II являются единственными некрополями, свидетельствующим о появлении в это время ислама на территории Томского Приобья. Проведенный анализ погребального обряда других некрополей региона золотоордынского времени

не выявил в них погребений, совершенных по мусульманскому обряду. Не выявлено их и на сопредельных Томскому Приобью территориях.

Всё это позволяет назвать могильники Астраханцевский и Шайтан-II самыми ранними мусульманскими некрополями в Верхнем Приобье и одними из самых древних во всей Западной Сибири.

Обсуждение. Поскольку время появления ислама в Томском Приобье совпадает со временем распространения ислама в Золотой Орде, логично предположить, что эти процессы были взаимосвязаны. Вопрос о возможном вхождении этой территории в Золотую Орду ни историками, ни археологами специально не рассматривался. Более того, наименее изученной проблемой в исторической географии Золотой Орды является вопрос о её северо-восточных границах, проходящих по территории Западной Сибири. Весьма показательной является и сложившаяся историографическая традиция нанесения границ Золотой Орды на карты – очень часто северо-восточные рубежи государства обозначены либо пунктиром, либо вообще в этом направлении граница попросту не проведена и остаётся «открытой» [17, карты 1, 2; 18, с. 32].

Как известно, Золотая Орда делилась на два крыла – правое (западное) и левое (восточное), граница между которыми проходила по р. Яик (Урал). Левое крыло было поделено между сыновьями Джучи – Орду-Эдженем, Шибаном и их младшими братьями. Как указывают исследователи, разграничить владения этих братьев невозможно. В распоряжении историков сегодня имеются достаточно подробные данные об территориально-административном делении только правого крыла Золотой Орды [18, с. 30].

Таким образом, основная причина неисследованности вопроса о крайних северо-восточных областях улуса Джучи – отсутствие надежных письменных источников. Согласно немногим имеющимся в нашем распоряжении сообщениям арабских и персидских авторов, северо-восточные пределы Золотой Орды включали так называемые «области Сибирь и Ибиль» [19, с. 236; 20, с. 73]. Восточной границей их называются обычно реки Иртыш и Чулыман, за которыми уже начинались земли, зависимые от Каракорума [17, с. 45; 19, с. 236-239].

Понятно, что арабских писателей в первую очередь интересовали события в западных улусах Золотой Орды, а персидские авторы в основном освещали события, происходившие в среднеазиатских владениях. Ни те, ни другие практически не оставили надежных свидетельств о западносибирских землях.

Абсолютно обоснованной видится попытка привлечения археологических источников для решения вопроса о северо-восточных рубежах улуса Джучи. Однако и здесь мы сталкиваемся с серьёзными методическими трудностями. Первая проблема заключается в том, что обнаружение в разных частях Западной Сибири вещей, сделанных в ремесленных центрах Золотой Орды, ещё не доказывает вхождение этих территорий в состав улуса Джучи, а может попросту диагностировать развитые торговые связи. Вторая проблема кроется в неоднозначности и специфичности самого понятия «граница» для такого государственного образования как Золотая Орда. Дело в том, что по периметру золотоордынских кочевий образовывались своеобразные нейтральные не заселённые оседлым населением «буферные зоны» [17, с. 233]. Народы, не вошедшие в состав Золотой Орды, старались селиться как можно дальше от монгольских кочевий. Эти порубежные территории временами использовались обеими сторонами для выпаса скота и чаще всего были связаны с переходными лесостепными ландшафтами [17, с. 45]. Сложности, возникающие с интерпретацией и культурной атрибуцией археологических материалов таких порубежных территорий, понятны. К этому необходимо добавить ещё и не раз отмечавшейся для этого периода факт унификации материальной культуры кочевников по всему степному поясу [14, с. 194].

На этом фоне, открытие погребений, совершенных по мусульманскому обряду в Томском Приобье в XIII–XIV вв., открывает новые исследовательские перспективы и даёт самые серьёзные аргументы в пользу того, что эта территория или непосредственно входила в состав, или находилась под сильным культурным и политическим влиянием Золотой Орды. При этом не исключено, что ранее эти земли могли находиться в зависимости от Монгольской империи.

Так, в 1218 г. состоялся самый северный поход Джучи, направленный против кыргызов, в результате которого монгольские войска прошли по льду Енисея на север и вернулись через подтаежные зоны Верхнего Приобья и Алтая, заново покорив все «лесные народы» [21, с. 92]. Ю.С. Худяков также указывает, что в северных районах улуса Джучи находились торговые фактории, где проживали мусульманские купцы, торговавшие с таежными народами [22, с. 93-94]. Возможно, проникновение ислама в Верхнее Приобье могло произойти в XIII–XIV вв. именно через мусульманских купцов. При этом известно, что купцы, нередко выполняя функции послов, всячески способствовали распространению ислама среди золотоордынских кочевых феодалов и параллельно местных народов [22, с. 126].

Если наша гипотеза верна, то в месте расположения или в непосредственной близости от могильников Астраханцевского и Шайтан-II, на которых открыты мусульманские погребения, должны были проходить важные торговые пути золотоордынского времени. Оба могильника, как уже отмечено выше, находятся в правобережье Оби и расстояние между ними составляет всего 18 км.

Проведенный сравнительный анализ погребального обряда этих некрополей достаточно убедительно показал, что они оставлены одной группой населения [23].

В более позднее время, согласно русским источникам, между Астраханцевским курганным могильником и могильником Шайтан-II, примерно в устье р. Таган, находился так называемый «Бухарский мост» – переправа через р. Обь, по которой следовали торговые караваны мусульманских купцов из Средней Азии [24]. Мы допускаем вслед за Е.В. Барсуковым возможность того, что данный торговый путь мог существовать и до прихода в эти земли русского населения в XVII в., обеспечивая торговые отношения местных народов со Средней Азией [24, с. 150]. Для более раннего золотоордынского времени археологи неоднократно отмечали наличие устойчивых торговых связей Томского Приобья с отдаленными территориями Средней Азии и Восточной Европы [21, с. 91].

Особенно важно, что в районе могильников Шайтан-II и Астраханцевский, непосредственно в месте расположения «Бухарского моста», находится крупнейший средневековый поселенческий комплекс – Шайтанский [25]. Здесь, на обской террасе компактно расположено около двух десятков селищ и городищ, существовавших в X–XV вв. н.э. Е.В. Барсуков предполагает, что именно «Бухарский мост» и стал одной из причин появления здесь этого крупнейшего в Верхнем Приобье поселенческого комплекса [24, с. 154].

Заключение. Анализ историко-культурной ситуации и пространственной локализации некрополей и поселений свидетельствует о том, что мусульманские погребения могильников Астраханцевский и Шайтан-II оставлены именно населением Шайтанского археологического комплекса. Этот поселенческий комплекс, учитывая его масштабы и географическое положение, играл важную роль в средневековой истории региона, что и объясняет проникновение ислама в столь отдаленные подтаежные районы уже в XIV, а может и в XIII в. Таким образом, эта территория являлась самой северо-восточной периферией исламского мира в золотоордынское время.

Вопрос о том, входило ли Томское Приобье в какой-то период непосредственно в состав Золотой Орды, или же в урочище Шайтан находилась отдельная группа населения, исповедовавшая ислам и контролировавшая важный торговый путь, пока остается открытым. Главное, что мы можем уверенно констатировать локальное проникновение ислама в этот отдаленный район уже в XIII–XIV вв.

Благодарности. Статья написана при поддержке гранта РГНФ 14-11-70005 а/р «Время и пути распространения ислама на территории Томского Приобья (по археологическим источникам)». Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Примечания:

1. Northedge A. *Archaeology and Islam // Companion Encyclopedia of Archaeology*. Vol. 1-2. Ed. by G. Barker. London and New York, Routledge, 1999. P. 1077-1106.
2. Васильев Д.В. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астраханского государственного университета. Астрахань: Изд-во АГУ, 2003. С. 110-119.
3. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. 192 с.
4. Токарев С.А. Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Московского университета, 1958. 615 с.
5. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: Культура и быт. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 207 с.
6. Селезнев А.Г. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма / А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.
7. Селезнев А.Г. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального / А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева, И.В. Белич. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.
8. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 159 с.
9. Petersen A. *The Archaeology of Death and Burial in the Islamic World // The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial (Oxford Handbooks in Archaeology)*. Oxford University Press, USA. Kindle Edition. 2013. P. 241-257.
10. Васильев Д.В. Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. Астрахань: Астраханский гос. университет, 2007. 201 с.
11. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западной-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.
12. Элерт А.Х. Г.Ф. Миллер о коренном населении Томского уезда // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 171-178.
13. Зайцева О.В. Признаки мусульманской погребальной обрядности в Обь-Томском междуречье / О.В. Зайцева, Е.В. Водясов // Вестн. Том. гос. ун-та (История) / Изд-во Том. ун-та. 2013. № 3 (23). С. 134-137.

14. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Центральной Азии (XIII–XIV вв.) / Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Т. 18. С. 194-200.
15. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
16. Зайцева О.В. Отчет о научно-исследовательской работе Шайтанской археологической экспедиции Томского государственного университета на территории Кожевниковского района Томской области в 2006 г.: исследования могильника Шайтан II. Томск, 2009. 216 с.
17. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: КРАСАНД, 2010. 248 с.
18. Трепалов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. 72 с.
19. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. 563 с.
20. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
21. Худяков Ю.С. Контакты тюркских и монгольских кочевников с народами таежных районов Сибири в эпоху развитого средневековья // Уральск. ист. вестн. 2011. № 2. С. 88-94.
22. Калан Э. Золотая Орда (Улус Джучи) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII–XIV вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 156 с.
23. Валетская М.Н. Сравнительный анализ погребального обряда Астраханцевского курганного могильника и могильника Шайтан II // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Материалы докладов ЛII Региональной (VIII Всероссийского с международным участием) археолого-этнографической конференции. Новосибирск, 2012. С. 186-187.
24. Барсуков Е.В. «Перевоз» через реку Обь XVII века: географический и историко-культурный аспекты // Вестн. Том. гос. ун-та (История) / Изд-во Том. ун-та. 2012. № 3 (19). С. 148-156.
25. Зайцева О.В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области / О.В. Зайцева, Е.В. Барсуков, А.В. Гусев // Археологические микрорайоны северной Евразии. Омск, 2004. С. 37-40.

References:

1. Northedge A. Archaeology and Islam // Companion Encyclopedia of Archaeology. Vol. 1-2. Ed. by G. Barker. London and New York, Routledge, 1999. P. 1077-1106.
2. Vasil'ev D.V. Mavzolei Zolotoj Ordy: geograficheskij obzor i opyt tipologizacii // Uchenye zapiski Astrahanskogo gosudarstvennogo universiteta. Astrahan': Izd-vo AGU, 2003. S. 110-119.
3. Vasil'ev D.V. Islam v Zolotoj Orde: Istoriko-arheologicheskoe issledovanie. Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2007. 192 s.
4. Tokarev S.A. Jetnografija narodov SSSR: istoricheskie osnovy byta i kul'tury. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1958. 615 s.
5. Valeev F.T. Sibirskie tatory: Kul'tura i byt. Kazan': Tatar, kn. izd-vo, 1992. 207 s.
6. Seleznev A.G. Sibirskij islam: regional'nyj variant religioznogo sinkretizma / A.G. Seleznev, I.A. Selezneva. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arheologii i jetnografii SO RAN, 2004. 72 s.
7. Seleznev A.G. Kul't svjatyh v sibirskom islame: specifika universal'nogo / A.G. Seleznev, I.A. Selezneva, I.V. Belich. M.: Izd. dom Mardzhani, 2009. 216 s.
8. Halikova E.A. Musul'manskije nekropoli Volzhskoj Bulgarii X – nachala XIII v. Kazan': Izd-vo KGU, 1986. 159 s.
9. Petersen A. The Archaeology of Death and Burial in the Islamic World // The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial (Oxford Handbooks in Archaeology). Oxford University Press, USA. Kindle Edition. 2013. P. 241-257.
10. Vasil'ev D.V. Musul'manskij pogrebal'nyj obrjad v Zolotoj Orde. Astrahan': Astrahanskij gos. universitet, 2007. 201 s.
11. Tomilov N.A. Jetnicheskaja istorija tjurkojazыchnogo naselenija Zapadnoj-Sibirskoj ravniny v konce XVI – nachale XX v. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1992. 271 s.
12. Jelert A.H. G.F. Miller o korennom naselenii Tomskogo uezda // Tradicionnye verovanija i byt narodov Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1987. S. 171-178.
13. Zajceva O.V. Priznaki musul'manskoj pogrebal'noj obrjadnosti v Ob'-Tomskom mezhdurech'e / O.V. Zajceva, E.V. Vodjasov // Vestn. Tom. gos. un-ta (Istorija) / Izd-vo Tom. un-ta. 2013. № 3 (23). S. 134-137.
14. Mogil'nikov V.A. Pamjatniki kochevnikov Sibiri i Central'noj Azii (XIII-XIV vv.) / Stepi Evrazii v jepohu srednevekov'ja. M., 1981. Т. 18. S. 194-200.
15. Pletneva L.M. Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.э. (po arheologicheskim istochnikam). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1997. 350 s.
16. Zajceva O.V. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote Shajtanskoj arheologicheskoi jekspedicii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta na territorii Kozhevnikovskogo rajona Tomskoj oblasti v 2006 g.: issledovanija mogil'nika Shajtan II. Tomsk, 2009. 216 s.
17. Egorov V.L. Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy v XIII-XIV vv. M.: KRASAND, 2010. 248 s.
18. Trepalov V.V. Zolotaja Orda v XIV stoletii. M.: Квадрига, 2010. 72 s.

19. Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, odnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy. SPb., 1884. T. 1. 563 s.
20. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisej. T. 1. Kn. 1. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 316 s.
21. Hudjakov Ju.S. Kontakty tjurkskih i mongol'skih kochevnikov s narodami taezhnyh rajonov Sibiri v jepohu razvitogo srednevekov'ja // Ural'sk. ist. vestn. 2011. № 2. S. 88-94.
22. Kalan Je. Zolotaja Orda (Ulus Dzhuchi) i strany Vostoka: torgovo-jekonomicheskie vzaimootnoshenija vo vtoroj polovine XIII – XIV vv. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzha-ni AN RT, 2012. 156 s.
23. Valetskaja M.N. Sravnitel'nyj analiz pogrebal'nogo obrjada Astrahancevskogo kurgannogo mogil'nika i mogil'nika Shajtan II // Arheologija, jetnologija i antropologija Evrazii. Issledovanija i gipotezy: Materialy dokladov LII Regional'noj (VIII Vserossijskogo s mezhdunarodnym uchastiem) arheologo-jetnograficheskoj konferencii. Novosibirsk, 2012. S. 186-187.
24. Barsukov E.V. «Perevoz» cherez reku Ob' XVII veka: geograficheskij i istoriko-kul'turnyj aspekty // Vestn. Tom. gos. un-ta (Istorija) / Izd-vo Tom. un-ta. 2012. № 3 (19). С. 148-156.
25. Zajceva O.V. O vydelenii Shajtanskogo arheologicheskogo mikrorajona na juge Tomskoj oblasti / O.V. Zajceva, E.V. Barsukov, A.V. Gusev // Arheologicheskie mikrorajony severnoj Evrazii. Omsk, 2004. S. 37-40.

УДК 904

Распространение ислама на северо-восточной периферии Золотой Орды в свете новых археологических данных

¹ Ольга Викторовна Зайцева
² Евгений Вячеславович Водясов

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050 г. Томск, пр. Ленина 36
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: snori76@mail.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050 г. Томск, пр. Ленина 36
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема времени появления ислама в Томском Приобье. Отсутствие надежных письменных свидетельств делает необходимым привлечение археологических данных. Проведенный анализ погребального обряда позволил установить, что ислам проникает в Томское Приобье уже в XIII–XIV вв., что совпадает по времени с распространением ислама в Золотой Орде. В двух некрополях, находящихся в правобережье Оби – Астраханцевском могильнике и могильнике Шайтан II, выявлены погребения, совершенные по мусульманскому обряду. Все это позволяет поставить вопрос о возможности вхождения территории Томского Приобья в состав Золотой Орды.

Ключевые слова: ислам; погребальный обряд; Золотая Орда; Томское Приобье.

UDC 93/99

Glimpse of the Early History of the Russian Accession of Siberia (controversial interpretations of “Yermak’s Seizure” of “Kuchum’s Kingdom”)

Yakov G. Solodkin

Nizhnevartovsk State University, Russian Federation
PhD (History), Professor
2 – 37, Mira Str., Nizhnevartovsk, Tyumenregion, 628616
E-mail: hist2@yandex.ru

Abstract. A number of Soviet and post-Soviet historians, following their predecessors since N.M. Karamzin and proceeding from the Stroganovsky Chronicle, developed in the 1630s, share the view that the participants of “Yermak’s Seizure” of Siberia involved several hundreds of foreigners, who served the Stroganovs. This version, seriously challenged by some scholars, for instance, by R.G. Skrynnikov, should be refuted as it contradicts the evidence from other sources, especially the early ones that date back to the late 16th century, alongside with some implicit facts. It appears to have originated from the desire of the famous Kama salt industry merchants to emphasize the role of their ancestors in the Russian accession of Siberia, though their involvement had never been reflected in the Russian official chronicles.

A number of scholars side with the opinion that Yermak became the ruler (*bek*) of the Siberian Khanate following the battle at the Chuvashov Mys and the seizure of the town of Siberia (Kashlyk) by the Cossacks that put Kuchum to flight. This assumption seems to be unfounded. According to the Cossack tradition, throughout the raid into Siberia, all the decisions were made collectively, never by the chief ataman alone. Kuchum’s forces in autumn of 1582 were not defeated once and for all, and when Yermak was killed in a skirmish with the Tatars at the Vagay mouth in summer of 1584, his authority was not firmly established within the Siberian territories. Yermak notified Ivan IV, seemingly via the Stroganovs, of the victory over the khan, thus accepting the rule of Muscovy, its support was vital for him to hold the newly acquired territories. To assist him, the czar sent a detachment headed by Prince S.D. Bolkhovsky, and when the latter died of starvation in winter of 1584–1585, the Cossacks subsequently abandoned Kashlyk to join the troops of voivode I.V. Glukhov.

Keywords: Yermak; the Stroganovs; the Cossack raid into Siberia; the Stroganovsky Chronicle; khan Kuchum; Kashlyk (Isker); bek; Ivan the Terrible; voivode; historiography of the early stages in the Russian accession of Siberia.

Введение. В конце XVI в., со времени беспримерной экспедиции Ермака, началось присоединение Сибири к России. Несмотря на пристальный интерес ученых многих поколений, начиная с Г.Ф. Миллера, к перипетиям «зауральской эпопеи», многие проблемы истории вхождения «Закаменской страны» в состав Московского государства остаются дискуссионными, прежде всего из-за малочисленности ранних источников, особенно документальных. Исследователи, в частности, не пришли к единодушным выводам относительно того, принимали ли участие в знаменитом походе в «царство» Кучума ратники, служившие Строгановым, и, одолев татарского хана, стал ли Ермак правителем Сибири.

Максимально широкое использование нарративных источников, прежде всего Строгановской и Есиповской летописей, разумеется, с учетом их происхождения и бытования, сравнение показаний указанных памятников с документальными, главным образом из грамот Ивана IV Строгановым и разрядных записей, фольклорным материалом, запечатленным, к примеру, Кунгурским летописцем (далее – КЛ), позволяет, думается, принимая во внимание степень достоверности имеющихся в нашем распоряжении данных, подойти к разрешению двух этих спорных вопросов «Сибирского взятия», явившегося одним из самых знаменательных событий отечественной истории 1580-х гг.

Источники заметно расходятся в определении численности «русского полка», сумевшего на удивление быстро разгромить «Кучумово царство». По свидетельству Саввы Есипова, Ермак повел за «Камень» 540 «православных воев». Эта цифра, которую большинство ученых находит вполне достоверной, в созданной почти синхронно с «Повестью о Сибири и о сибирском взятии» тобольского владычного дьяка Строгановской летописи Основной редакции (далее – СЛ) увеличивается на три сотни литовцев, немцев и татар (или литовцев, татар и русских), выделенных «храброму смлада» атаману прикамскими солепромышленниками [1]. В СЛ по Толстовскому списку утверждается, что «русский полк», разгромивший ханство Кучума, насчитывал 540 «воев»: 330 ермаковцев и 210 «домашних и приборных наемных» Семена, Максима и Никиты Строгановых. Две последние из этих цифр кажутся произвольными. Указание СЛ на численность двинувшегося в Сибирь отряда повторено в зависимом от нее Румянцевском летописце (далее – РЛ) обоих видов. В Сольвычегодском летописце, дошедшем до нас в рукописи конца XVII в., – вторичном, по наблюдению Р.Г. Скрынникова, относительно исторической повести, созданной по заказу Строгановых, – сказано

об усиливших «дружину» Ермака 330 ратниках из владений пользовавшихся благоволением Ивана Грозного промышленников [2]. Быть может, переписчик этого провинциального летописца допустил ошибку или же его «слогатель» пользовался иным, чем уцелевшие, списком СЛ.

Многие историки, начиная с Н.М. Карамзина, доверяли ее сообщению о численности русского отряда, выступившего против «кучумлян» [3]. Так склонен был вслед за С.Ф. Платоновым поступать и М.П. Алексеев. А.А. Введенский не исключал, что Строгановы отправили 300 своих «людей» в сибирский поход, а по предположению Д.Я. Резуна, немцы входили в число соратников Ермака [4]. С точки зрения Н.А. Лапина, три сотни строгановских ратников пополнили казачий отряд не в начале прославленной экспедиции, а перед битвой у Искера; их привел на помощь ермаковцам атаман Иван Кольцо, посланный с этой целью к прикамским солепромышленникам. Н.А. Миненко полагает, что в состав насчитывавшего 840 казаков войска Ермака входили и «охочие люди», ранее служившие Строгановым [5].

Чаще всего считается, что поляки, литовцы и немцы, двинувшиеся из строгановских городков за Урал, очутились в русском плену в годы Ливонской войны и были выкуплены приуральскими «магнатами». Татар, а заодно и русских, включенных в их «вотчинную армию», на взгляд А.Г. Гасникова, Строгановы приобрели у ногаев. Л.С. Соболева же на основании РЛ вида А (не замечая, что его источником послужила СЛ) утверждает, будто «казакам было придано (неясно, кем – Строгановыми или московским правительством. – Я.С.) хорошо экипированное войско наемников» из немцев и «литвы» [6]. В представлении А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякова численность «европейских воинов» в организованной «уральскими купцами» экспедиции против «кучумлян» могла простираться от одной десятой части до половины всего казачьего отряда. (Ранее Ю. С. Худяков писал, что Ермак располагал 5000 казаков, о чем повествуется в позднем КЛ, а также 300 немцев и литовцев) [7].

Как отмечается А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяковым, на многих иллюстрациях «Истории Сибирской» С.У. Ремезова (далее – ИС) изображены ратники в латах и шлемах, обычных для Западной Европы, к примеру, рисунке, отражающем бой за Карачин городок, а «дружину», сокрушившую Сибирское ханство, возглавлял Герман, который, судя по имени, «происходил из группы «немцев», включенных в состав воинства Ермака купцами Строгановыми». Но если верить С.У. Ремезову, Германом (Ерманом) вначале звали самого Ермака, а «фряжскими» доспехами на миниатюрах ИС наделены не отдельные, а все сподвижники легендарного атамана [8].

А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяков обращают внимание и на то, что в отряде тарского письменного головы А.М. Воейкова, нанесшего Кучуму в 1598 г. окончательное поражение, тоже были немцы, вероятно, опять-таки «из числа военнопленных с Ливонской войны». Но в документах, где подробно определяется состав этого отряда, о немцах умалчивается. Напомним, что Ливонская война закончилась в 1583 г., а в следующем году новое московское правительство отпустило на родину 900 пленных литовцев [9].

Еще в конце XIX в. С.А. Адрианов отвергал интересующее нас известие СЛ, указывая на малочисленность населения прикамских городков. Р.Г. Скрынников с должными основаниями признавал это известие баснословным, относил его к наивным вымыслам. (Так полагали и С.В. Бахрушин, Н.И. Никитин, А.Т. Шашков). Г.П. Головачанский и А.Ф. Мельничук сводят «роль Строгановых в организации экспедиции Ермака в Сибирь» только к «финансовой и экономической» поддержке казачьего похода [10]. Примечательно, что в знаменитой «опальной» грамоте Ивана IV Строгановым от 16 ноября 1582 г. и весьма обширной дипломатической документации рубежа XVI – XVII вв. (отчасти введенной в научный оборот А. А. Преображенским) не сказано о том, что наряду с казачьей вольницей в поход против сибирского «салтана» двинулось и несколько сот западноевропейских выходцев. О немцах и «литве», павших в боях с «погаными», умалчивается и в синодике «ермаковым казакам» (далее – С) [11], и в «Кратком описании о Сибирстей земли ...» (далее – КО), и в «гистории» Есипова, в том числе ее вторичных разновидностях. Исключение составляет лишь Никита Пан, однако примерно за год до «пошества» в Сибирь он наряду с другими «воровскими» атаманами действовал в Поволжье, а не состоял на службе у Строгановых [12].

Утверждение, что в обессмертившей ее предводителя зауральской экспедиции отряд строгановских «охочих казаков» возглавлял Черкас (Иван) Александров [13], следует отнести к домыслам. К тому же этот казак, дослужившийся до чина тобольского татарского головы, быть может, и не являлся соратником Ермака, а очутился в Сибири со стрельцами князя С. Д. Болховского [14].

Вывод о том, что в число сподвижников Ермака, «взявших» «за саблю» Сибирское ханство, входили казанские татары (мусульмане), чуваша, башкиры и коми [15], основанный отчасти на известии СЛ, не согласуется с перечнем имен – исключительно славянских – атаманов и казаков, павших в зауральской экспедиции, из С, хотя вряд ли можно признать этот перечень исчерпывающим.

Говоря об участии иноземцев, да и татар, в «покорении Сибири», анонимный «списатель» СЛ, очевидно, лишний раз старался подчеркнуть заслуги Строгановых в присоединении к Московскому государству «бусурманского юрта», не располагая при этом какими-нибудь документальными данными. Кстати, 300 служилыми людьми, судя по царской грамоте С.А., М.Я. и Н.Г. Строгановым от 7 января 1584 г., предводительствовали воевода князь С.Д. Болховский, головы И.С. Киреев и

И.В. Глухов, весной того же года выступившие из Чердыни на помощь Ермаку и прибывшие в Кашлык вскоре после гибели «непобедимого ратоборца». Сообщение о том, что в Прикамье к казачьей «дружине» присоединилось такое же количество местных «воев», могло появиться в СЛ под влиянием едва ли не последней грамоты «яростиваго» самодержца в строгановские городки.

Недавно А.Г. Нестеров, И.Л. Измайлов, Ю.С. Худяков и В.В. Трепавлов повторили мысль, высказанную гораздо раньше Н.Н. Фирсовым, что, овладев Кашлыком, Ермак стал рассматривать себя как нового правителя Сибири, а вовсе не казачьего предводителя или русского наместника. Известные современные историки ссылаются на то, что в качестве бека «велеумного» атамана, соратники которого заняли и разорили многие местные городки и улусы, признали вожди некоторых угорских и тюркских племен либо княжеств [16]. В глазах Д.И. Копылова, по восточной традиции свергнувший хана сам становился ханом, и вассалы Кучума, к примеру, Бояр, потянулись в Кашлык с изъявлением покорности. На взгляд В.Ю. Софронова, в годы «зауральской эпопеи» Ермак действовал по-хозяйски, т.к. происходил из знатного рода сибирских князей, а в оценке Г.Л. Файзрахманова, «вел себя, как владетель государства» [17].

По убеждению же Р.Г. Скрынникова, которое разделяют Е.Е. Рычаловский и И.Р. Соколовский, в Сибири легендарный атаман стал править именем царя, понимая, что без помощи России не удержит «взятую» «за саблю» страну [18]. Вспомним, однако, что успешную вначале экспедицию снарядили Строгановы, именно этим крупнейшим русским солепромышленникам казаки, вероятно, сообщили о разгроме Кучума и захвате Кашлыка. Представление о Сибири как государевой вотчине, «державе» московских венценосцев, очевидно, утвердилось со временем, и навязывать его вольным казакам едва ли уместно. Взгляд, будто «после (первой. – Я. С.) зимовки казаки объявили Сибирь владением царской короны» [19] – не более чем домысел.

По словам А.П. Яркова, водворение прославленного атамана в Искере и многих соседних городках «не означало, что ханство перестало существовать: Кучум откочевал на Омь, в Барабинские степи, где продолжал править и собирать ясак, но лишь в южных улусах»; ясак же, думается исследователю, «был в тех условиях не столько материальным подтверждением политического подчинения, сколько признаком взаимозависимости двух субъектов отношений» [20]. Мог ли Ермак владеть остальными землями Сибирского «царства», тюменский историк не поясняет. Бежавший из Кашлыка осенью 1582 г., Кучум еще не утратил надежды вернуть себе трон.

В представлении омских ученых А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова для Кучума, который «был по своей сути кочевником», Искер «не имел практически никакого значения, для него столицей ханства была его ставка, место, где стояла его юрта» [21]. Это суждение кажется по меньшей мере односторонним. Ведь Сибирь (что, если следовать Савве Есипову, запечатлелось даже в его названии) являлся «начальным (столнейшим) градом», и недаром тотчас после оставления его русскими, уже «безопасными» «до конца», позднее весной или в первые дни лета 1585 г. главную резиденцию Кучума занял старший сын и наследник престарелого хана Али (Алей), вскоре вынужденный уступить Кашлык Сейдяку или Саййид Ахмад беку Тайбугиду, и лишь с пленением последнего основателем Тобольска (Новой Сибири) письменным головой Д.Д. Чулковым «град» (Старая Сибирь), из которого бежал «салтан», разгромленный ермаковцами «под Чувашею», был заброшен. К тому же в Кашлыке обосновался и удерживал его, осажденный Карачей, «старейшина» казаков Ермак, туда же направлялись в 1584 и 1585 гг. первые русские воеводы князь С.Д. Болховский и И.А. Мансуров.

Мнение о Ермаке как новом беке Кашлыка отчасти, думается, могло быть навеяно сообщением (повторенным в официальном Новом летописце) анонимного автора КО, что предводителя «русского полка», сумевшего разгромить «бесерменское» «царство» и «севшего» там, «повеле государь (Иван IV. – Я. С.) написать в грамотах сибирским князем». (Об этом упоминается и в позднем Бузуновском летописце). Согласно ИС, татары считали Ермака русским князем [22]. Ее создатель, как думается Е.И. Дергачевой-Скоп и В.Н. Алексею, признавал (и старался показать) «наставника» казаков в зауральском походе не атаманом, а князем сибирским, правителем огромной страны, ранее подвластной Кучуму; на одной из иллюстраций к Ремезовской летописи Ермак «восседает на троне сибирских царей» [23]. Однако в Служебной чертежной книге С.У. Ремезова главный герой его «Истории» назван воеводой – первым в черед тех, кто управлял Сибирью от имени московского государя [24], и всерьез говорить о том, что Ермака провозгласили сибирским князем, Болховитинов (точнее, Болховский) вез «ратоборному» атаману царскую грамоту с пожалованием княжеского титула [25], разумеется, не приходится; как справедливо заметили Р.Г. Скрынников, Д.И. Копылов и Е.К. Ромодановская, подобное представление – чистый вымысел, легенда [26].

В Погодинском летописце, содержащем немало уникальных известий о прославленном казачьем походе, упоминается о царском «указе» Ермаку «быть к Москве», очевидно, дабы избежать его соперничества с Болховским. Атаману, овладевшему «с товарищи» ханством Кучума, было бы зазорно подчиняться молодому воеводе, почти не имевшему боевого опыта; не исключено, начались бы и трения между «сбившими с куреня» сибирского «салтана» вольными казаками, пожалованными московским государем, и служилыми людьми, за которыми не числилось каких-либо подвигов.

В «Описании новые земли Сибирского государства ...» утверждается, будто атаманы и казаки просили Ивана Грозного в завоеванную ими страну прислать воевод, а до их прибытия царь приказал

ведать ею Ермаку «с товарищи» [27]. Эта версия, разумеется, едва ли может считаться правдоподобной.

Хотя в КО читаем, что Ермак «сяде в царстве Сибирском» (обычно это выражение означало занятие престола [28]), по свидетельству безвестного книжника, отправив в Москву полсотни сеунчиков, атаман «под царскую руку подводит всю Сибирскую землю и приводит к шерти» (на имя Ивана Васильевича), т.е. выступает в роли отнюдь не суверенного правителя. (Вопреки представлению Р.Г. Скрынникова, Л.Е. Морозовой, Н.А. Миненко и Д.И. Копылова, даже находившего, что шерть составлялась при участии Ермака, последнее сообщение едва ли заслуживает доверия [29]). Скорее всего казаки известили московское правительство о своей победе над Кучумом через Строгановых, что фактически означало признание зависимости от царя Ивана, и недаром на помощь «дружине» был направлен отряд князя С. Д. Болховского; после смерти этого воеводы и почти всех его стрельцов голодной зимой 1584–1585 гг. ермаковцы, уже лишившиеся своего предводителя, перешли под начало головы И. В. Глухова.

В Есиповской летописи Основной редакции (далее – ЕЛ) и ее вторичных разновидностях сообщается, что остяцкий князь Бояр (точнее, Баяр) «принесоша Ермаку и казаком (накануне обосновавшимся в Кашлыке. – Я.С.) многия дары», но усматривать в этом признание власти Ермака как нового хана (таково, напомним, мнение Д.И. Копылова) либо московского самодержца, думается, не стоит. Правда, в одной из таких разновидностей Повести о Сибири и о сибирском взятии – Абрамовском летописце – интересующее нас свидетельство сопровождается замечанием о том, что «Бог повелепокорити их, татар, под высокую государскую руку», но оно может считаться трактовкой позднего редактора. В той же ЕЛ лишь констатируется, что ермаковцы «повоева» многие городки и улусы по Иртышу и Оби, захватили Казымский городок и пленили его князя. В КЛ, фрагменты которого включены в ИС, упоминается о «поставлении» есаулом Богданом Брязгой правителя Коды Алача «большим князем» вместо убитого Самара, но без указания на волю московского государя [30].

По убеждению Ю.С. Худякова, на стороне Ермака против «кучумлян» сражались уже и служилые татары, и служилые угры [31]. Оно, вероятно, основано на летописных известиях о присяге коренного населения Сибири московскому государю. Но эти известия, воспринятые научной традицией, повторим, требуют сугубо критического отношения, да и сами сословные группы служилых татар и угров возникли позднее зауральской экспедиции вольных казаков [32].

Оценивая версию о Ермаке как беке Сибири (вывод о признании этого статуса атамана некоторыми вождями местных племен должен, очевидно, считаться явным преувеличением), следует учитывать, что, по наблюдению В.А. Александрова и Н.Н. Покровского, во время похода за «Камень» приказы исходили вовсе не от главного атамана (другими являлись Иван Кольцо, Никита Пан, Матвей Мещеряк, Яков Михайлов, Иван Гроза), и только, а сохранялась «обязательность коллективного решения» казачьего «войска» (на круте), к примеру, о «посылке» отряда Ивана Кольца к Караче [33]. Впрочем, заключение Е.К. Ромодановской, будто в сибирских летописях Ермак изображен неотделимым от «дружины», нуждается в ограничениях. Так, по свидетельствам Есипова, царь Иван Ермака «заочным словом пожаловал», татарин Сенбахта пришел в город Сибирь к предводителю казаков, и он (в нескольких списках ЕЛ при этом говорится о соратниках атамана) «посла некоторых товариства своего» захватить царевича Маметкула; последнего «прият» именно атаман, который «поведает» близкому родственнику хана «царское великое жалованье и ублажает его (Маметкула. – Я.С.) ласкосердымисловесы»; накануне гибели Ермак «побеже в струг свой, и не можедоити» [34]. (В С сказано, что в поход, оказавшийся для него последним, атаман выступил «на стречюбухарцов», т. е. среднеазиатских купцов).

Утвердившись в Кашлыке, казаки, быть может, и мечтали создать новое «войско», подобное Донскому, но быстро поняли, что в силу ограниченности своих сил, враждебного окружения, да и природных условий, сделать это едва ли реально.

Таким образом, выдавать Ермака за нового (после Кучума, бежавшего из Кашлыка) правителя Сибири, даже той ее части, на которую власть отказывавшегося смириться с поражением хана уже не распространялась, как представляется, нет должных оснований.

Анализ сведений СЛ и других источников, даже косвенных данных по рассмотренным вопросам, заставляет признать неубедительной получившую широкое распространение в историографии версию об участии в завоевании «Сибирского царства» наряду с «ермаковыми казаками» ратников, накануне состоявших на службе в строгановских городках. Нет должных оснований присоединиться и к сделанному рядом современных ученых выводу о том, что, одолев Кучума в сражении близ Кашлыка, заняв эту ханскую резиденцию, Ермак, оставаясь атаманом своей «единодушной дружины», превратился в полновластного правителя Сибири. Критическое рассмотрение источниковедческих аспектов «зауральской эпопеи» 1580-х гг. дает возможность признать ее (не отрицая роли Строгановых в подготовке знаменитой экспедиции) подвигом казачьей волиницы, неотделимым от которой Ермака зачастую изображали уже первые сибирские летописцы.

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

Примечания:

1. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М.: Наука, 1987. 382 с.; Сибирские летописи. Рязань: Александрия, 2008. 645 с.
2. Ромодановская Е.К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. 391 с.
3. См., напр.: Введенский А. Библиотека и архив у Строгановых в XVI–XVII вв./А. Введенский //Север. 1923. Кн. 3–4. С. 69–115; Токарев С. Поход Ермака и завоевание Сибирского царства /С. Токарев//Исторический журнал. 1939. № 1. С. 97–102; Апполова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 370 с.; Копылов Д.И. Ермак. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989. 239 с.; Никитин Н. И. Тобольская «литва» в XVII в. /Н.И. Никитин//Город и горожане в России XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1991. С. 47–73; Файзрахманов Г. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань: Фэн, 2002. 488 с.; Худяков Ю.С. Кольчуга Ермака. Легенды и источники/ Ю.С. Худяков //Тюркские народы: мат-лыV-го Сибир. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2002. С. 240–243; Он же. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке/Ю. С. Худяков//История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: мат-лы Международ. конф. (далее – ИЭК). Курган: изд-во Курган.гос. ун-та, 2011. С. 104–108; Гасников А.Г. Еще раз о походе Ермака Тимофеевича в Сибирь/ А.Г. Гасников//Казачество: Проблемы истории и историографии: мат-лы 28-й всерос. заоч. науч. конф. СПб.: «Нестор», 2003. С. 19–24; Филь С.Г. Казаки «литовского списка»/ С.Г. Филь//Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура): мат-лымеждународ. научно-практ. конф. Тюмень: изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2009. С. 186–194; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Европейские военные специалисты в российских войсках в Сибири в конце XVI – начале XVII вв./ А.Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков// «AusSibirien-2011»: научно-информ. сб. (к 75-летию А. В. Христея). Тюмень: «Печатник», 2011. С. 44–46; Ярков А.П. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири/А.П. Ярков//Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки (далее – ЗС). Нижневартовск; Омск: Омскбланкиздат, 2011. Вып. 10. С. 21–54; Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: изд-во Марийского гос. ун-та, 2012. 586 с.
4. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: Введ., тексты и комментарий: XIII–XVII вв. 3-е изд. Новосибирск: Наука, 2006. LXXII + 504 с. (СО РАН: Избр. труды); Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М.: изд-во социально-экономической литературы, 1962. 312 с.; Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1993. 246 с., и др.
5. Лапин Н. Военное искусство в сибирских походах Ермака/Н. Лапин// Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 36–44; Миненко Н.А. Тюмень: Летопись четырех столетий. Тюмень: «Печатник», 2004. 416 с.
6. Соболева Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации/ Л.С. Соболева//Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI – XX вв. Новосибирск: Наука, 2005. С. 296 – 317.
7. Худяков Ю.С. Кольчуга Ермака. Легенды и источники/Ю. С. Худяков//Тюркские народы: мат-лыV-го Сибир. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: изд-во Омск.гос. пед. ун-та, 2002. С. 240–243; Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Европейские военные специалисты в российских войсках в Сибири в конце XVI – начале XVII вв./А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков // «AusSibirien-2011»: научно-информ. сб. (к 75-летию А.В. Христея). Тюмень: «Печатник». 2011. С. 44–46.
8. Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР): XVII век. М.: Художественная литература, 1989. Кн. 2. 704 с.; Алексеев В.Н. Рисунки «Истории Сибирской» С.У. Ремезова (Проблемы атрибуции)/В.Н. Алексеев //Древнерусское искусство: Рукописная книга. М.: Наука, 1974. Сб. 2. С. 175 – 196; Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «Житие Ермаково, как Сибирь взал ...» (Одна из трансформаций жанра воинских житий в XVII в.)/ Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев //Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI – XX вв. Новосибирск: Наука, 2005. С. 134–152.
9. Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиеюимп. Академии наук. СПб., 1841. Т. 2. IV + 348 + 29 с.; Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М.: «Мысль», 1986. 333 с.
10. Скрынников Р. Сибирская одиссея/Р. Скрынников//На суше и на море: Повести: Рассказы: Очерки: Статьи. М.: «Мысль», 1980. Вып. 20. С. 170–192; Он же. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд, испр. и доп. Новосибирск: Наука, 1986. 318 с.; Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Ермак и Строгановы: к проблеме подготовки и начала экспедиции в Сибирь/ Г.П. Головчанский, А.Ф. Мельничук//Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья: мат-лыВсерос. научно-практ. конф. («Строгановские чтения»). Березники: Пермское книжное изд-во, 2004. С. 21–25. См. также:

- Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. Нижневартовск: изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2010. 170 с.
11. ПСРЛ. М.: Наука, 1987. Т. 36. 382 с.
 12. Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков/ В.И. Сергеев//Актуальные проблемы истории СССР. М.: изд-во Моск. гос. пед. ин-та, 1976. С. 18–57.
 13. Резун Д.Я. Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака?/Д.Я. Резун//Изв. Сибир. отделения АН СССР: Сер.обществ. наук. 1981. № 11. Вып. 3. С. 17–21.
 14. Солодкин Я. Г. Был ли Черкас Александров соратником Ермака? (К истории сибирского летописания XVII в.)/Я. Г. Солодкин//Клио: Журнал для ученых. 2013. № 9 (81). С. 118–120.
 15. Ярков А.П. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири/А.П. Ярков//ЗС. Нижневартовск; Омск: Омскбланкиздат, 2011. Вып. 10. С. 21–54. Ср.: Кадырбаев А.Ш. Ермак и «взятие Сибири»: тюркский контекст/А.Ш. Кадырбаев//ИЭК. Курган: изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 82–87.
 16. Нестеров А.Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XV–XVI вв./А.Г. Нестеров//Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов: мат-лымеждународ. научно-практ. конф. М.: Наука, 2003. С. 109–121; Измайлов И. «Я научу тебя, как топить в реке татарских царей ...». Татары в Смутное время: события и судьбы/И. Измайлов//Родина. 2005. № 11. С. 75–78; Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2007. 255 с., и др.
 17. Копылов Д.И. Ермак. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989. 239 с.; Софронов В. Кто же ты, Ермак Аленин?/В. Софронов//Родина. 1994. № 8. С. 34–38; Файзрахманов Г. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань: Фэн, 2002. 488 с.
 18. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Наука, 1986. 318 с.; Сибирь: Атлас Азиатской России. Новосибирск; М.: Изд.-продюсер. центр «Дизайн: Информатика: Картография», 2007. 864 с.
 19. Великая Русь: история и художественная культура: X–XVII века/Д.С. Лихачев, Г.К. Вагнер, Г.И. Вздорнов, Р.Г. Скрынников. М.: «Искусство», 1994. 488 с.
 20. Ярков А.П. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири/А.П. Ярков//ЗС. Нижневартовск; Омск: Омскбланкиздат, 2011. Вып. 10. С. 21–54.
 21. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Еще раз об отношении отечественной историографии к сибирской государственности/А.В. Матвеев, С.Ф. Татауров//Сулеймановские чтения (пятнадцатые): Всерос. научно-практ. конф. «Социально-демографическое и культурное состояние сибирских татар» (Тюмень, 17–18 мая 2012 года): мат-лы и докл. Тюмень: изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. С. 105 – 111.
 22. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Житие Ермаково, как Сибирь взал ...» (Одна из трансформаций жанра воинских житий в XVII в.) / Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев //Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск: Наука, 2005. С. 134–152.
 23. Алексеев В.Н. Рисунки «Истории Сибирской» С.У. Ремезова (проблемы атрибуции)/ В.Н. Алексеев // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М.: Наука, 1974. Сб. 2. С. 175–196; Он же. О жанровой специфике ремезовской «Истории Сибирской» (Текст и иллюстрации) /В.Н. Алексеев//Книга и литература. Новосибирск: изд-во Гос. публ. научно-техн. библиотеки СО РАН, 1997. С. 5–15, и др.
 24. Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской: Жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1990. 400 с.
 25. Ичѐв А. Живо казачество Сибири. Оно есть и будет/А. Ичѐв//Международная жизнь. 1993. № 4. С. 96–101; Гасников А. Г. Еще раз о походе Ермака Тимофеевича в Сибирь/ А.Г. Гасников //Казачество: проблемы истории и историографии: мат-лы 28-й всерос. заоч. науч. конф. СПб.: «Нестор», 2003. С. 19–24.
 26. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Наука, 1986. 318 с.; Копылов Д.И. Ермак. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во. 239 с.; Ромодановская Е.К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. 391 с.
 27. Сибирские летописи. Рязань: Александрия, 2008. 645 с.; Илюшечкина Т.Н. Голландская версия Описания Сибири: к литературной истории памятника/Т.Н. Илюшечкина // II Ремезовские чтения: 2005: Провинция в русской культуре. Новосибирск: изд-во Гос. публ. научно-техн. библиотеки СО РАН, 2008. С. 389–414.
 28. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицеюимп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. 392 + 3 + 14 с.; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в./В.И. Корецкий//Летописи и хроники: 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 223–243; ПЛДР: Конец XVI – начало XVII веков. М.: Художественная литература, 1987. 616 с.; ПСРЛ. М.: Наука, 1978. Т. 34. 304 с., и др.
 29. Солодкин Я.Г. «Шерговали» ли сибирские «иноземцы» московскому государю в начале похода Ермака? (Об одном спорном вопросе «зауральской эпопеи»)/Я.Г. Солодкин//Актуальные вопросы истории Сибири: Восьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: изд-во Алтайского гос. ун-та, 2011. С. 44–47, и др.

30. ПСРЛ. М.: Наука, 1987. Т. 36. 382 с.; ПЛДР: XVII век. М.: Художественная литература, 1989. Кн. 2. 704 с.
31. Худяков Ю.С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке/ Ю.С. Худяков //ИЭК. Курган: изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 104–108.
32. Бахрушин С.В. Научные труды. М.: изд-во АН СССР, 1955. Т. 3. Ч. 2. 264 с.; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остоиков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. / Е.В. Вершинин, А.Т. Шашков // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 2004. С. 10–32; Тычинских З.А. Татарская страта Сибирского ханства/ З.А. Тычинских//Сулеймановские чтения (тринадцатые): Всерос. научно-практ. конф. «Тюркское средневековье Западной Сибири в современных исследованиях» (Тюмень, 18–19 мая 2010 года): мат-лы и докл. Тюмень: изд.-полиграф. центр «Экспресс», 2010. С. 117–120.
33. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
34. ПСРЛ. М.: Наука, 1987. Т. 36. 382 с.

References:

1. Polnoe sobranie russkikh letopisei (dalee – PSRL). М.: Nauka, 1987. 382 s.; Sibirskie letopisi. Ryazan': Aleksandriya, 2008. 645 s.
2. Romodanovskaya E.K. Izbr. trudy: Sibir' i literatura: XVII vek. Novosibirsk: Nauka, 2002. 391 s.
3. Sm., napr.: Vvedenskii A. Biblioteka i arkhiv u Stroganovykh v XVI–XVII vv./A. Vvedenskii //Sever. 1923. Kn. 3–4. S. 69–115; Tokarev S. Pokhod Ermaka i zavoevanie Sibirskogo tsarstva /S. Tokarev//Istoricheskii zhurnal. 1939. № 1. S. 97–102; Appolova N.G. Khozyaistvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoi polovine XIX v. М.: Nauka, 1976. 370 s.; Kopylov D.I. Ermak. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1989. 239 s.; Nikitin N. I. Tobol'skaya «litva» v XVII v. /N.I. Nikitin//Gorod i gorozhane v Rossii XVII – pervoi polovine XIX v. М.: Nauka, 1991. S. 47–73; Faizrakhmanov G. Istoriya sibirskikh tatar (s drevneishikh vremen do nachala XX veka). Kazan': Fen, 2002. 488 s.; Khudyakov Yu.S. Kol'chuga Ermaka. Legendy i istochniki/ Yu.S. Khudyakov //Tyurkskie narody: mat-lyV-go Sibir. simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri». Tobol'sk; Omsk: izd-vo Omsk. gos. ped. un-ta, 2002. S. 240–243; On zhe. Bor'ba za vosstanovlenie Sibirskogo khanstva v XVII veke/Yu. S. Khudyakov//Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri: mat-ly Mezhdunarod. konf. (dalee – IEK). Kurgan: izd-vo Kurgan.gos. un-ta, 2011. S. 104–108; Gasnikov A.G. Eshche raz o pokhode Ermaka Timofeevicha v Sibir'/ A.G. Gasnikov//Kazachestvo: Problemy istorii i istoriografii: mat-ly 28-i vseros. zaoch. nauch. konf. SPb.: «Nestor», 2003. S. 19–24; Fil' S.G. Kazaki «litovskogo spiska»/ S.G. Fil'//Kazachestvo Sibiri: ot Ermaka do nashikh dnei (istoriya, yazyk, kul'tura): mat-lymezhdunarod. nauchno-prakt. konf. Tyumen': izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2009. S. 186–194; Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. Evropeiskie voennye spetsialisty v rossiiskikh voiskakh v Sibiri v kontse XVI – nachale XVII vv./ A.Yu. Borisenko, Yu. S. Khudyakov// «AusSibirien-2011»: nauchno-inform. sb. (k 75-letiyu A. V. Khristelya). Tyumen': «Pechatnik», 2011. S. 44–46; Yarkov A.P. Kuchum i Ermak: smena temporitma v Sibiri/A.P. Yarkov//Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost': Kraevedcheskie zapiski (dalee – ZS). Nizhnevartovsk; Omsk: Omskblankizdat, 2011. Vyp. 10. S. 21–54; Bakhtin A.G. Mariiskii kraj v XIII–XVI vekakh: ocherki po istorii. Ioshkar-Ola: izd-vo Mariiskogo gos. un-ta, 2012. 586 s.
4. Alekseev M.P. Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeiskikh puteshestvennikov i pisatelei: Vved., teksty i komentarii: XIII–XVII vv. 3-e izd. Novosibirsk: Nauka, 2006. LXXII + 504 s. (SO RAN: Izbr. trudy); Vvedenskii A.A. Dom Stroganovykh v XVI–XVII vekakh. М.: izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1962. 312 s.; Rezun D. Ya. Rodoslovnaya sibirskikh familii: Istoriya Sibiri v biografiyakh i rodoslovykh. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izd-vo, 1993. 246 s., i dr.
5. Lapin N. Voennoe iskusstvo v sibirskikh pokhodakh Ermaka/N. Lapin// Voenno-istoricheskii zhurnal. 1966. № 1. S. 36–44; Minenko N.A. Tyumen': Letopis' chetyrekh stoletii. Tyumen': «Pechatnik», 2004. 416 s.
6. Soboleva L.S. «Gosudarev ataman» Ermak Timofeevich: vektory idealizatsii / L.S. Soboleva // Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI – XX vv. Novosibirsk: Nauka, 2005. S. 296 – 317.
7. Khudyakov Yu.S. Kol'chuga Ermaka. Legendy i istochniki/Yu. S. Khudyakov//Tyurkskie narody: mat-lyV-go Sibir. simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri». Tobol'sk; Omsk: izd-vo Omsk.gos. ped. un-ta, 2002. S. 240–243; Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. Evropeiskie voennye spetsialisty v rossiiskikh voiskakh v Sibiri v kontse XVI – nachale XVII vv./A.Yu. Borisenko, Yu.S. Khudyakov // «AusSibirien-2011»: nauchno-inform. sb. (k 75-letiyu A.V. Khristelya). Tyumen': «Pechatnik». 2011. S. 44–46.
8. Pamyatniki literatury Drevnei Rusi (dalee – PLDR): XVII vek. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. Kn. 2. 704 s.; Alekseev V.N. Risunki «Istorii Sibirskoi» S.U. Remezova (Problemy atributsii)/ V.N. Alekseev//Drevnerusskoe iskusstvo: Rukopisnaya kniga. М.: Nauka, 1974. Sb. 2. S. 175–196; Dergacheva-Skop E. I., Alekseev V. N. «Zhitie Ermakovo, kak Sibir' vzal ...» (Oдна iz transformatsii zhanra voinskikh zhitii v XVII v.)/ E.I. Dergacheva-Skop, V.N. Alekseev //Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoi

- dukhovnoi kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI – XX vv. Novosibirsk: Nauka, 2005. S. 134 – 152.
9. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyuimp. Akademii nauk. SPb., 1841. T. 2. IV + 348 + 29 s.; Zimin A. A. V kanun groznykh potryaseni: Predposylki pervoi Krest'yanskoi voiny v Rossii. M.: «Mysl'», 1986. 333 s.
 10. Skrynnikov R. Sibirskaya odisseya/R. Skrynnikov//Na sushe i na more: Povesti: Rasskazy: Ocherki: Stat'i. M.: «Mysl'», 1980. Vyp. 20. S. 170–192; On zhe. Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka. 2-e izd, ispr. i dop. Novosibirsk: Nauka, 1986. 318 s.; Golovchanskii G.P., Mel'nichuk A.F. Ermak i Stroganovy: k probleme podgotovki i nachala ekspeditsii v Sibir'/ G.P. Golovchanskii, A.F. Mel'nichuk//Voprosy istorii i kul'tury Permskogo Prikam'ya: mat-lyVseros. nauchno-prakt. konf. («Stroganovskie chteniya»). Berezniki: Permskoe knizhnoe izd-vo, 2004. S. 21–25. Sm. takzhe: Solodkin Ya.G. «Ermakovo vzyatie» Sibiri: zagadki i resheniya. Nizhnevartovsk: izd-vo Nizhnevart. gos. gumanitar. un-ta, 2010. 170 s.
 11. PSRL. M.: Nauka, 1987. T. 36. 382 s.
 12. Sergeev V.I. Istochniki i puti issledovaniya sibirskogo pokhoda volzhskikh kazakov/ V.I. Sergeev //Aktual'nye problemy istorii SSSR. M.: izd-vo Mosk. gos. ped. in-ta, 1976. S. 18–57.
 13. Rezun D.Ya. Kuda i s kem ushli kazaki posle gibeli Ermaka?/D.Ya. Rezun//Izv. Sibir. otdeleniya AN SSSR: Ser.obshchestv. nauk. 1981. № 11. Vyp. 3. S. 17–21.
 14. Solodkin Ya. G. Byl li Cherkas Aleksandrov soratnikom Ermaka? (K istorii sibirskogo letopisaniya XVII v.)/Ya. G. Solodkin//Klio: Zhurnal dlya uchenykh. 2013. № 9 (81). S. 118–120.
 15. Yarkov A.P. Kuchum i Ermak: smena temporitma v Sibiri/A.P. Yarkov//ZS. Nizhnevartovsk; Omsk: Omskblankizdat, 2011. Vyp. 10. S. 21–54. Sr.: Kadyrbaev A.Sh. Ermak i «vzyatie Sibiri»: tyurkskii kontekst/A.Sh. Kadyrbaev//IEK. Kurgan: izd-vo Kurgan. gos. un-ta, 2011. S. 82–87.
 16. Nesterov A.G. Formirovanie gosudarstvennosti u tyurkskikh narodov Urala i Zapadnoi Sibiri v XV–XVI vv./A.G. Nesterov//Desht-i Kipchak i Zolotaya Orda v stanovlenii kul'tury evraziiskikh narodov: matlymezhdunarod. nauchno-prakt. konf. M.: Nauka, 2003. S. 109–121; Izmailov I. «Ya nachu tebya, kak topit' v reke tatarskikh tsarei ...». Tatory v Smutnoe vremya: sobytiya i sud'by/I. Izmailov//Rodina. 2005. № 11. S. 75–78; Trepavov V.V. «Belyi tsar'»: obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. M.: izd. firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2007. 255 s., i dr.
 17. Kopylov D.I. Ermak. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1989. 239 s.; Sofronov V. Kto zhe ty, Ermak Alenin?/V. Sofronov//Rodina. 1994. № 8. S. 34–38; Faizrakhmanov G. Istoriya sibirskikh tatar (s drevneishikh vremen do nachala XX veka). Kazan': Fen, 2002. 488 s.
 18. Skrynnikov R.G. Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka. 2-e izd., ispr. i dop. Novosibirsk: Nauka, 1986. 318 s.; Sibir': Atlas Aziatskoi Rossii. Novosibirsk; M.: Izd.-prodyuser. tsentr «Dizain: Informatika: Kartografiya», 2007. 864 s.
 19. Velikaya Rus': istoriya i khudozhestvennaya kul'tura: X–XVII veka/D.S. Likhachev, G.K. Vagner, G.I. Vzdornov, R. G. Skrynnikov. M.: «Iskusstvo», 1994. 488 s.
 20. Yarkov A.P. Kuchum i Ermak: smena temporitma v Sibiri/A.P. Yarkov//ZS. Nizhnevartovsk; Omsk: Omskblankizdat, 2011. Vyp. 10. S. 21–54.
 21. Matveev A.V., Tataurov S.F. Eshche raz ob otnoshenii otechestvennoi istoriografii k sibirskoi gosudarstvennosti/A.V. Matveev, S.F. Tataurov//Suleimanovskie chteniya (pyatnadsatye): Vseros. nauchno-prakt. konf. «Sotsial'no-demograficheskoe i kul'turnoe sostoyanie sibirskikh tatar» (Tyumen', 17–18 maya 2012 goda): mat-ly i dokl. Tyumen': izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2012. S. 105 – 111.
 22. Dergacheva-Skop E.I., Alekseev V.N. «Zhitie Ermakovo, kak Sibir' vzal ...» (Odna iz transformatsii zhanra voinskikh zhitii v XVII v.) / E.I. Dergacheva-Skop, V.N. Alekseev //Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv. Novosibirsk: Nauka, 2005. S. 134–152.
 23. Alekseev V.N. Risunki «Istorii Sibirskoi» S.U. Remezova (problemy atributsii)/ V.N. Alekseev // Drevnerusskoe iskusstvo: Rukopisnaya kniga. M.: Nauka, 1974. Sb. 2. S. 175–196; On zhe. O zhanrovoi spetsifike remezovskoi «Istorii Sibirskoi» (Tekst i illyustratsii) /V.N. Alekseev//Kniga i literatura. Novosibirsk: izd-vo Gos. publ. nauchno-tekhn. biblioteki SO RAN, 1997. S. 5–15, i dr.
 24. Gol'denberg L.A. Izograf zemli Sibirskoi: Zhizn' i trudy Semena Remezova. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izd-vo, 1990. 400 s.
 25. Ichev A. Zhivo kazachestvo Sibiri. Ono est' i budet/A. Ichev//Mezhdunarodnaya zhizn'. 1993. № 4. S. 96–101; Gasnikov A. G. Eshche raz o pokhode Ermaka Timofeevicha v Sibir'/ A.G. Gasnikov //Kazachestvo: problemy istorii i istoriografii: mat-ly 28-i vseros. zaoch. nauch. konf. SPb.: «Nestor», 2003. S. 19–24.
 26. Skrynnikov R. G. Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka. 2-e izd., ispr. i dop. Novosibirsk: Nauka, 1986. 318 s.; Kopylov D.I. Ermak. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo. 239 s.; Romodanovskaya E.K. Izbr. trudy: Sibir' i literatura: XVII vek. Novosibirsk: Nauka, 2002. 391 s.
 27. Sibirskie letopisi. Ryazan': Aleksandriya, 2008. 645 s.; Ilyushechkina T.N. Gollandskaya versiya Opisaniya Sibiri: k literaturnoi istorii pamyatnika/T.N. Ilyushechkina // II Remezovskie chteniya: 2005: Provintsiya v russkoi kul'ture. Novosibirsk: izd-vo Gos. publ. nauchno-tekhn. biblioteki SO RAN, 2008. S. 389–414.

28. Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiyuimp. Akademii nauk. SPb., 1836. T. 2. 392 + 3 + 14 s.; Koretskii V. I. Solovetskii letopisets kontsa XVI v./V.I. Koretskii//Letopisi i khroniki: 1980 g. M.: Nauka, 1981. S. 223–243; PLDR: Konets XVI – nachalo XVII vekov. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1987. 616 s.; PSRL. M.: Nauka, 1978. T. 34. 304 s., i dr.

29. Solodkin Ya.G. «Shertovali» li sibirskie «inozemtsy» moskovskomu gosudaryu v nachale pokhoda Ermaka? (Ob odnom spornom voprose «zaural'skoi epopei»)/Ya.G. Solodkin//Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: Vos'mye nauchnye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina. Barnaul: izd-vo Altaiskogo gos. un-ta, 2011. S. 44–47, i dr.

30. PSRL. M.: Nauka, 1987. T. 36. 382 s.; PLDR: XVII vek. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. Kn. 2. 704 s.

31. Khudyakov Yu.S. Bor'ba za vosstanovlenie Sibirskogo khanstva v XVII veke/ Yu.S. Khudyakov //IEK. Kurgan: izd-vo Kurgan. gos. un-ta, 2011. S. 104–108.

32. Bakhrushin S.V. Nauchnye trudy. M.: izd-vo AN SSSR, 1955. T. 3. Ch. 2. 264 s.; Vershinin E.V., Shashkov A.T. Uchastie sluzhilykh ostyakov Kodskogo knyazhestva v voennykh pokhodakh kontsa XVI – pervoi treti XVII v. / E.V. Vershinin, A.T. Shashkov // Zapadnaya Sibir': proshloe, nastoyashchee, budushchee. Surgut: Diorit, 2004. S. 10–32; Tychinskikh Z.A. Tatarskaya strata Sibirskogo khanstva/ Z.A. Tychinskikh//Suleimanovskie chteniya (trinadtsatye): Vseros. nauchno-prakt. konf. «Tyurkskoe srednevekov'e Zapadnoi Sibiri v sovremennykh issledovaniyakh» (Tyumen', 18–19 maya 2010 goda): mat-ly i dokl. Tyumen': izd.-poligraf. tsentr «Ekspress», 2010. S. 117–120.

33. Aleksandrov V.A., Pokrovskii N.N. Vlast' i obshchestvo: Sibir' v XVII v. Novosibirsk: Nauka, 1991. 401 s.

34. PSRL. M.: Nauka, 1987. T. 36. 382 s.

УДК 93/99

**К первоначальной истории присоединения Сибири к России
(о некоторых спорных интерпретациях «Ермакова взятия» «Кучумова царства»)**

Яков Григорьевич Солодкин

Нижевартовский государственный университет, Российская Федерация
доктор исторических наук, профессор
E-mail: hist2@yandex.ru

Аннотация. Несколько сот иноземцев, накануне служивших Строгановым, вопреки созданной по их заказу в 1630-х гг. летописи, вряд следует включать в число участников «Ермакова взятия» Сибири. Не может считаться оправданным и взгляд ряда ученых, будто после бегства Кучума из Кашлыка предводитель казачьей «дружины» стал правителем или беком Сибирского ханства. Известив, скорее всего по решению войскового круга, Ивана IV о победе над татарами, Ермак фактически признавал зависимость от Москвы, сознавая, что без ее помощи не сумеет удержаться в завоеванной стране.

Ключевые слова: Ермак; Строгановы; поход казаков в Сибирь; Строгановская летопись; хан Кучум; Кашлык (Искер); бек; Иван Грозный; воевода; историография начала присоединения Сибири к России.

Property Crimes in Russia (1700–1864): law Enforcement Practice¹Natalia V. Lebedeva²Nelly G. Makarenko¹⁻² Sochi State University, Russian Federation¹ PhD (Law), Associate Professor

E-mail: lebnat@yandex.ru

² PhD (Law), Associate Professor

Abstract. The article deals with considerations of Russian law enforcement practices in regard to property crimes between 1700-1864. The cases about thefts, robberies, embezzlements, fraud, arson and other property related crimes from the Central Archive of Nizhegolodskaya oblast are analyzed. The study shows, that the property related crimes, especially in the first half of XIX century were predominant.

The articles features studies by N.A. Neklyudov and E.N. Anuchin, who illustrated the law enforcement practice in the first half of XIX century (1827–1846). The criminal statistics reflects significant figures in property crimes committed by peasants from 1847 to 1856 (in 44 Provinces of the Russian Empire). The statistics is considered in this article on the base of official records: Statistical Annals of the Russian Empire.

Keywords: property related crimes; law enforcement practices; state statistics on property crimes.

Введение. Особенностью российской правоприменительной практики исследуемого периода являлось формальное действие Соборного Уложения 1649 г. до 30-х гг. XIX в. при признании правоприменителями, прежде всего, Правительствующим Сенатом, его норм архаичными. На характер приговоров судов также существенно влияли обобщения судебной практики Правительствующим Сенатом, а с начала XIX в. – и Государственным Советом.

Негативным аспектом в изучении правоприменительной практики является отсутствие государственной статистики о количестве имущественных преступлений в Российской империи в XVIII в. Отдельные показатели преступности начали фиксироваться в первой половине XIX века. Анализом правоприменительной практики в первой половине XIX века занимались исследователи Н.А. Неклюдов, Е.Н. Анучин и др., однако упорядоченный и общий характер они приобрели лишь во второй половине XIX в.

Материалы и методы. Теоретической основой статьи послужили монографические исследования дореволюционных, советских и современных авторов: Е.Н. Анучина, Н.А. Неклюдова, С.С. Остроумова, С.Л. Елисеева и др.

Эмпирическую базу составили: кодифицированные акты: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., 1866 г. и 1885 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уголовное Уложение 1903 г.; нормативно-правовые акты, инкорпорированные по хронологическому принципу: Полное Собрание законов Российской империи в редакциях; нормативно-правовые акты, систематизированные по отраслевому критерию: Свод законов Российской империи 1832 г., 1842 г., 1885 г.; акты официального делопроизводства: Статистический временник Российской империи. В статье проанализированы материалы Центрального Архива Нижегородской области.

Авторами использовались общенаучные и частноправовые методы познания. С помощью формально-юридического, проблемно-категориального, сравнительно-правового, системно-исторического, метода сравнительного и ретроспективного анализа и историко-политического толкования права исследовано нормативное содержание изучаемых правовых источников. Правовые явления были освещены в связи с социально-историческими и политическими условиями в хронологической последовательности.

Обсуждение. Знаковым событием в законодательстве России имперского периода, внесшим кардинальное изменение в применение норм как материального, так и процессуального права, стало создание Артикула 1715 г. [1]. Из уголовно-правовых документов петровского времени наибольший интерес представляет Артикул Воинский 1715 г. с кратким толкованием [2]. Его разработка велась одновременно с подготовкой и проведением военной реформы. Так, в 1700 г. появилось «Краткое обыкновенное учение» – строевой устав пехоты [2]; в 1702 г. – «Уложение, или право воинского поведения генералам, средним и меньшим чинам и рядовым солдатам», называемое «Уложение Шереметева» [3]; в 1706 г. был составлен «Краткий Артикул» – военно-уголовный закон [4].

Артикул воинский 1715 г. [5] включал статьи о преступлениях не только воинских, но и политических и общеуголовных. Это и предопределило его применение в общих судах. Видимо, недостаточная четкость формулировок Соборного уложения 1649 г. [6] требовала обращения к другому законодательному материалу. Воинские артикулы без значительных изменений действовали для войск в военное время до 1812 года (до издания Полевого уголовного уложения 1812 года), а в мирное время – до 25 июня 1839 года, то есть до издания Военно-уголовного устава, включенного в

Свод военных постановлений [7].

Необходимо отметить, что Соборное уложение 1649 г. [8] продолжало применяться, но многие нормы права XVII в. фактически потеряли силу после государственных преобразований начала XVIII века. По сравнению с Соборным уложением 1649 г. [9]. Артикул воинский 1715 г. [10] содержит значительно большее число видов преступлений, причем составы преступлений определены более точно и четко. В частности, имущественные преступления предусмотрены в главе XXI. К ним относились кража и грабеж.

Следует привести в качестве примера несколько дел из Центрального архива Нижегородской области в подтверждение частого применения артикулов о кражах нижегородской палатой уголовного суда. Дело «О краже у крестьянина Анисима Карпова хлеба крестьянином Федором Осиповым» [11] 1785 г. Дело «О краже крестьянином Иваном Ивановым и мещанином Николаем Мерлушкиным коровы у купца Ивана Подсосова» [12] 1786 г. Дело «По обвинению однодворцев Краснослободской округи с. Лячи Меркула Якунева и Ивана Соломина в краже лошадей и имущества у помещицы Евсюковой и убийстве однодворца Назара Сидорова» [13] (9 апреля 1801 г. – 29 января 1802 г.).

Архивные материалы Нижегородской губернии, иллюстрируют, что и артикулы о грабежах неоднократно применялись на практике, в частности нижегородской палатой уголовного суда. В качестве примеров применения статей о грабежах можно привести ряд дел. Дело «По обвинению крестьян Макарьевской округи экономического ведомства д. Вязники Лариона Гусева, Степана Хохрина и др. в грабежах проходивших по Волге судов» [14]. Передано от Нижегородской верхней расправы департамента уголовных дел. Дело «По обвинению крестьян Васильской округи татарской деревни Андреевки в ограблении крестьянина Княгининской округи с. Сосновки Парамона Данилова» [15] (8 декабря 1796 г. – 19 декабря 1796 г.). Передано от генерал-губернатора кн. Вяземнина.

В Артикуле были определены такие составы преступлений, как утайка чужого имущества, отданного на сохранение, присвоение находки, повреждение и истребление чужой собственности (например, поджог). Имущественные преступления наказывались крайне жестоко (колесование, сожжение, повешение, отсечение головы, шпицрутены, отсечение носа и ушей, каторга).

Применение статей о поджоге имущества иллюстрируют следующие дела из Нижегородской палаты уголовного суда: дело «О привлечении к ответственности дьякона Перевозской округи экономического села Ягодное Михаила Иванова и дочери его Матрены за намерение поджечь крестьянские дома» [16]. Передано из духовной консистории. Дело «О сожжении крестьянами деревни Пиянши заповедной березовой роци в апреле 1781 г.» [17]

В Артикуле воинском 1715 г. устанавливалось наказание за казнокрадство, растрату и предусматривались особые виды вымогательства и взяточничества [18]. Об использовании указанных положений свидетельствует следующий пример: дело «По расследованию причин недостачи казенных денег в Наровчатском уездном казначействе» [19]. Дело «О растрате бывшим казенным старостой Иваном Тимофеевым денег разного рода сумм» [20]. Окончательный приговор по делу не вынесен. Также примером растраты дело «По обвинению крестьянина Ивана Гортова (графа Шереметева) в краже им денег 1515 руб.» за 1804 г. 15 января 1804 г. из горбатовского уездного суда [21]. Окончательный приговор по делу не вынесен. Дело было направлено в Нижегородскую палату уголовного суда на ревизию.

Итак, из приведенных примеров видно, что в провинции Российской империи преобладали дела о расследовании краж крестьянского имущества и грабежей, также часты были поджоги леса и растраты имущества должностными лицами. Приговоры были преимущественно неокончательными.

С 1832 г. достигнут новый уровень развития правоприменительной практики по имущественным преступлениям в связи с созданием свода законов Российской империи 1832 г. При составлении тома XV свода законов Российской империи 1832 г. воинские артикулы широко использовались как действующие законы и легли в основу уголовного законодательства России исследуемого периода. Систематизация российского законодательства в области уголовного права завершилась изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в 1845 году [22].

Подготовка Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. была начата сразу после издания свода законов Российской империи 1832 г. Уложение, по мнению его составителей, должно было объединить все уголовное законодательство, привести его в единую систему.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года представляло собой обширный кодекс, состоявший из 12 разделов (2224 статей), распадающихся на главы, некоторые главы – на отделения, отделения – на отделы. В частности, имущественные преступления содержались в Разделе XII о преступлениях и проступках против собственности частных лиц (ст. ст. 2094–2224), подразделявшемся на следующие главы: глава 1 «О насильственном завладении чужим недвижимым имуществом, о захватах и неправильном пользовании доходами или иными выгодами чужого имения и об истреблении граничных меж и знаков»; глава 2 «О истреблении и повреждении чужого имущества»; глава 3 «О похищении чужого имущества»; глава 4 «О присвоении и утайке чужой собственности»; глава 5 «О преступлениях и проступках по договорам и другим обязательствам».

Примерами насильственного завладения недвижимостью могут послужить: дело «О несогласии владельцами острова Трестьянского выделить из одного острова отдельный участок статскому советнику Голубеву» [23]. Дело «О взыскании государственным крестьянином с. Козино

И. Рязановским с крестьянина вотчины помещицы Новиковой д. Горбатовки А. Зиновьева денег за самовольное пользование его земельным участком» [24].

К имущественным преступлениям в имперской России также относился и самовольный захват чужого движимого имущества. Пример такого преступления – дело «О самовольной разборке крестьянами хлеба» [25] (11 марта 1837 г. – 28 июня 1843 г.) из Арзамасского уездного суда.

К истреблению имущества относился, как правило, поджог. Это доказывают следующие дела из Центрального архива нижегородской области. Дело «О поджоге флигеля князя Кутушева его крестьянином Севостьяном Антоновым» [26] (27 марта 1833 г. – 16 июля 1833 г.) из Лукояновского уездного суда. Дело «О сгоревших торговых банях мещанина Алексеева по расследованию причин пожара» [27] (7 июля 1825 г. – 21 октября 1828 г.) из Балахнинского уездного суда.

Следует отметить, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не представляло собой достаточно четкого, юридически точно разработанного уголовного кодекса. И в то же время следует обратить внимание на его значительное совершенство по сравнению с прежним уголовным законодательством России. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. определило понятие преступления, основания наступления уголовной ответственности и другие институты общей части. Был определен возраст уголовной ответственности, действие закона во времени и пространстве, принцип личной ответственности и многое другое. Новая редакция Уложения была осуществлена в 1866 году в связи с проведением в стране крестьянской реформы, реформы полиции, судебной реформы и изменениями карательной политики.

Ранее отмечалось, что негативным аспектом в изучении правоприменительной практики исследуемого периода является отсутствие государственной статистики о количестве имущественных преступлений в Российской империи в XVIII в. Отдельные показатели преступности стали фиксироваться в первой половине XIX века в исследованиях Н.А. Неклюдова [28], Е.Н. Анучина [29], С.Л. Елисеева [30] и др. Так, исследователь Е.Н. Анучин отмечает, что высоким удельным весом имущественные преступления обладали в первой половине XIX века. В Российской империи в 1827–1846 гг. по судебным приговорам в Сибирь было сослано 79 846 человек, 60 % из них было осуждено за совершение имущественных преступлений: за воровство и мошенничество составили 4/5; за ограбление и разбой – 1/10; «зажигатели» (поджигатели чужого имущества) – 1/25, «святотатцы» (похитители церковного имущества) – 1/33; растратчики казенного имущества – 1/300 [31].

По мнению С.Л. Елисеева, заметная часть сосланных осужденных за совершение имущественных преступлений совершила преступления в сравнительно молодом возрасте. Так, среди мужчин, осужденных за разбой и грабеж, почти каждый второй был в возрасте от 21 до 30 лет (43 %). На возрастную группу в 16–20 лет пришлось 6.8 %; 28.4 % составили лица в возрасте от 31 года до 40 лет; 21.8 % – лица старше 40 лет. У женщин, осужденных за эти преступления, соотношение названных возрастных групп было несколько иным: преступницы в возрасте 16-лет составили 5.4 %; преступницы в возрасте от года до 30 лет – 37.5 %; в возрасте 31 до 40 лет – 39.3 %; на долю женщин старше 40 лет приходилось 17.8 % [32]. В середине XIX в. отмечался рост числа подсудимых и осужденных.

Согласно позиции С.С. Остроумова: «с 1857 по 1865 г. число подсудимых увеличилось на 1/3, а число осужденных более чем в 1,5 раза. Конечно, в определенной степени на это увеличение оказало влияние введение в 1860 г. в судах судебных следователей, что привело к более тщательному расследованию, а отсюда к росту числа возбужденных уголовных дел. Но, несомненно, основной причиной роста преступности явилось не процессуальное нововведение, а резкое изменение всей экономической обстановки в результате свершившегося в стране экономического переворота» [33].

О большом количестве преступлений против собственности в середине XIX в. свидетельствует уголовная статистика по учету осужденных государственных крестьян за десятилетие 1847–1856 гг. (по 44 губерниям Российской империи). Из общего числа государственных крестьян, обвиненных по уголовной палате и совестному суду, каждый пятый (21.1 %) был осужден за преступления против собственности. Среди осужденных за эти преступления абсолютное большинство составляли осужденные за воровство-кражу (80.2 %). Осужденные за воровство и мошенничество составили 7 %, за грабеж – 4.3 %, за разбой – 0.5 %, за истребление и повреждение чужого имущества – 0.3 %, за зажигательство – 6 %, за насильственное завладение чужим недвижимым имуществом, истребление граничных межей и знаков – 1.9 % [34].

Во второй половине XIX в. количество имущественных преступлений оставалось по-прежнему значительным. В частности, в 1863 г. 80 % от осужденных за преступления против собственности составили казенные, удельные и временнообязанные крестьяне, 8.7 % – мещане и цеховые. При этом количество крестьян было наибольшим среди осужденных за преступления против собственности государства (93.9 %); мещан и цеховых – среди осужденных за преступления против частной собственности (12.4 %) [35].

По наблюдениям С.С. Остроумова, в 1860–1867 гг. доля имущественных преступлений превышала 60 % от числа всех преступлений. Так, 52 % преступников было осуждено за преступления против частной собственности, 48 % – за преступления против собственности государства. Среди преступлений против частной собственности первое место занимала кража – 80 % [36].

Заключение. Исходя из анализа судебной практики по делам об имущественных преступлениях в 1700–1864 гг., следует сделать вывод о том, что в связи с проводимыми государственными реформами в

исследуемый период наблюдается резкое ухудшение криминогенной обстановки, характеризующейся увеличением имущественных преступлений до 60 % от числа всех преступлений.

Государственная статистика о количестве имущественных преступлений стала вестись лишь во второй половине XIX в., в которой учитывалось количество уголовных дел, осужденных и подсудимых. В этот период количество имущественных преступлений оставалось по-прежнему значительным. Так, в период с 1832 г. по 1864 г. доля имущественных преступлений превысила 60 % от числа всех преступлений. Среди имущественных преступлений в российской провинции, в частности в Нижегородской губернии, преобладали кражи, грабежи, истребление чужого имущества в виде поджогов, а также насильственное завладение чужим имуществом. Дела о государственных растратах являлись крайне редкими в практике судебного разбирательства из-за трудности доказывания, поэтому подобные случаи носили единичный характер.

Примечание:

1. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб., 1830. Т. V. № 3004. Устав Воинский 1716. Артикул Воинский 1715.
2. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб., 1830. Т. V. № 3004. Устав Воинский 1716. Артикул Воинский 1715.
3. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб., 1830. Т. V. № 3004. Т. IV. № 1726.
4. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб., 1830. Т. V. № 3004. Т. IV. № 1912.
5. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб., 1830. Т. V. № 3004. Т. IV. № 2107.
6. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб., 1830. Т. V. № 3004. Т. 1. № 1. Соборное Уложение 1649 г.
7. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб., 1830. Т. V. № 3004. Т. XIV. № 12468.
8. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб., 1830. Т. V. № 3004. Т. 1. № 1. Соборное Уложение 1649 г.
9. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб., 1830. Т. V. № 3004. Т. 1. № 1. Соборное Уложение 1649 г.
10. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб., 1830. Т. V. № 3004. Устав Воинский 1716. Артикул Воинский 1715.
11. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 875. Д. 8. Л. 1.
12. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 875. Д. 36.
13. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 176. Д. 65.
14. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 176. Д. 5.
15. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 176. Д. 45.
16. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 176. Д. 18.
17. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 875. Д. 13.
18. Полное Собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. V. № 3006. Устав Воинский 1716. Артикул Воинский 1715. Артикул № 191, 194, 183-184.
19. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 176. Д. 25.
20. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 176. Д. 30.
21. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 176. Д. 20.
22. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб., 1845 г.
23. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 154. Д. 831.
24. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 154. Д. 833.
25. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 176. Д. 19.
26. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 176. Д. 146.
27. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 176. Д. 6.
28. Неклюдов Н.А. Руководство Особенной части русского уголовного права. СПб., 1887.
29. Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873.
30. Елисеев С.Л. Общие черты имущественной преступности в царской России // Вестник ТГПУ. 2006.
31. Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873. С. 20-25.
32. Елисеев С.Л. Общие черты имущественной преступности в царской России // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 11. С. 37–40.
33. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 15-18.
34. Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства Государственных имуществ. СПб., 1871. С. 31.
35. Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. Ч. 1-11. С. 19.
36. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 19.

References:

1. Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, izd. 1. SPb., 1830. T. V. № 3004. Ustav Voinskii 1716. Artikul Voinskii 1715.
2. Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, izd. 1. SPb., 1830. T. V. № 3004. Ustav Voinskii 1716. Artikul Voinskii 1715.
3. Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, izd. 1. SPb., 1830. T. V. № 3004. T. IV. № 1726.
4. Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, izd. 1. SPb., 1830. T. V. № 3004. T. IV. № 1912.
5. Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, izd. 1. SPb., 1830. T. V. № 3004. T. IV. № 2107.

6. Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, izd. 1. SPb., 1830. T. V. № 3004. T. 1. № 1. Sobornoe Ulozhenie 1649 g.
7. Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, izd. 1. SPb., 1830. T. V. № 3004. T. XIV. № 12468.
8. Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, izd. 1. SPb., 1830. T. V. № 3004. T. 1. № 1. Sobornoe Ulozhenie 1649 g.
9. Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, izd. 1. SPb., 1830. T. V. № 3004. T. 1. № 1. Sobornoe Ulozhenie 1649 g.
10. Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, izd. 1. SPb., 1830. T. V. № 3004. Ustav Voinskii 1716. Artikul Voinskii 1715.
11. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 875. D. 8. L. 1.
12. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 875. D. 36.
13. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 176. D. 65.
14. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 176. D. 5.
15. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 176. D. 45.
16. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 176. D. 18.
17. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 875. D. 13.
18. Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. SPb., 1830. T. V. № 3006. Ustav Voinskii 1716. Artikul Voinskii 1715. Artikul № 191, 194, 183-184.
19. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 176. D. 25.
20. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 176. D. 30.
21. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 176. D. 20.
22. Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 g. SPb., 1845 g.
23. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 154. D. 831.
24. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 154. D. 833.
25. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 176. D. 19.
26. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 176. D. 146.
27. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 176. D. 6.
28. Neklyudov N.A. Rukovodstvo Osobennoi chasti russkogo ugovolnogo prava. SPb., 1887.
29. Anuchin E.N. Issledovaniya o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827–1846 godov. Materialy dlya ugovolnoi statistiki Rossii. SPb., 1873.
30. Eliseev S.L. Obshchie cherty imushchestvennoi prestupnosti v tsarskoi Rossii // Vestnik TGPU. 2006.
31. Anuchin E.N. Issledovaniya o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827–1846 godov. Materialy dlya ugovolnoi statistiki Rossii. SPb., 1873. S. 20-25.
32. Eliseev S.L. Obshchie cherty imushchestvennoi prestupnosti v tsarskoi Rossii // Vestnik TGPU. 2006. Vypusk 11. S. 37–40.
33. Ostroumov S.S. Prestupnost' i ee prichiny v dorevolutsionnoi Rossii. M., 1980. S. 15-18.
34. Materialy dlya statistiki Rossii, sobiraemye po vedomstvu Ministerstva Gosudarstvennykh imushchestv. SPb., 1871. S. 31.
35. Statisticheskii vremennik Rossiiskoi imperii. SPb., 1866. Ch. 1-11. S. 19.
36. Ostroumov S.S. Prestupnost' i ee prichiny v dorevolutsionnoi Rossii. M., 1980. S. 19.

УДК 94

Имущественные преступления в России (1700–1864 гг.): правоприменительная практика

¹ Наталья Викторовна Лебедева

² Нелли Григорьевна Макаренко

¹⁻² Сочинский государственный университет, Российская Федерация

¹ кандидат юридических наук

E-mail: lebnat@yandex.ru

² кандидат юридических наук

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей российской правоприменительной практики по делам об имущественных преступлениях с 1700 г. по 1864 г. Проанализированы дела из Центрального Архива Нижегородской области о кражах, грабежах, растратах, мошенничестве, поджогах и других имущественных преступлениях, которые доказывают, что в исследуемый период высоким удельным весом обладали имущественные преступления, особенно в первой половине XIX в.

В статье рассмотрены исследования Н.А. Неклюдова и Е.Н. Анучина, которые проиллюстрировали правоприменительную практику в первой половине XIX века (1827–1846 гг.).

О значительном количестве преступлений против собственности в середине XIX в. свидетельствует уголовная статистика по учету осужденных государственных крестьян за десятилетие с 1847 по 1856 гг. (по 44 губерниям Российской империи), которая также рассмотрена в настоящей статье на основании актов официального делопроизводства: Статистический временник Российской империи.

Ключевые слова: имущественные преступления; правоприменительная практика; государственная статистика о количестве имущественных преступлений.

UDC 341.01

Development of the Kuril Islands by the Russian Empire

Pavel N. Biriukov

Voronezh State University, Russian Federation
394033, Voronezh, Universitetskaja, pl. 1
Doctor (Legal), Professor
E-mail: birukovpn@yandex.ru

Abstract. The article reveals the history of the finding and development of the Kuril Islands, provides the information, concerning Russian travelers, Japanese documentary sources of XVII—XVIII centuries, bearing evidence of the discoverers of the Kuril Islands. The author briefly describes the history of development of the Kuril Islands, Sakhalin and Hokkaido by Russian industrialists and securing Russia's sovereignty over these territories. The author tells about different agreements between the two countries and international legal acts, which determined the state affiliation of the disputable islands at different times.

Keywords: Kuril islands; Treaty of Portsmouth; treaties on trade and borders.

Введение. В истории Курил имеется немало «белых» пятен. Одним из них считается взаимоотношения России и Японии по поводу Курильских островов. В принципе, "курильская" тематика в отечественной науке достаточно популярна. Однако, на мой взгляд, истории остро "не хватает" юриспруденции. В настоящей статье предпринята попытка осветить проблемы освоения Курил Россией с точки зрения права – международного и национального.

Материалы и методы. Основным источником для написания данной статьи стали официальные документы Российской империи, Японии, российско-японские договоры, материалы журнальных публикаций и архивы.

В процессе исследования были использованы основные методы исторического познания: проблемно-хронологический, историко-ситуационный, системный и сравнительного правоведения.

Обсуждение. С начала XVII века русские землепроходцы открыли и нанесли на карты новые земли на востоке, включая многочисленные острова в северной части Тихого океана. «Курильская земля» изображалась уже на многих картах XVII века, опубликованных в России и Западной Европе на основании данных русских мореплавателей и землепроходцев [1]. Об открытии Курил русскими в 30-х годах XVII века упоминается и в японских документах (например, схематическая карта Южных Курил Мураками Хиронори 1635 г.).

Однако уже в 1636 г. сегунат принял решение о самоизоляции Японии. Под страхом смерти японцам запрещалось покидать территорию своей страны без разрешения правительства, а также строить большие суда для дальних плаваний. Иностранные купцы давали обязательство заниматься только торговлей. Эта политика на двести с лишним лет законсервировала Японию. Очевидно, ни о каком освоении Курил японцами речь уже идти не могла. Поэтому об отсутствии суверенитета Японии над островами в 40-х годах XVII века указывается в официальном издании сегуната 1644 г. На карте острова Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан изображены как неподвластные императору. Границы Японии на севере проходили именно по северному побережью острова Хоккайдо. Политике самоизоляции японское правительство твердо следовало на протяжении всего XVIII века и первой половины XIX века. Эта политика однозначно ликвидировала саму возможность расширения территории Японии, в том числе и на севере.

Полноценное освоение Курильских островов русскими началось в начале XVIII века. 26 сентября 1711 г. Петру I Д. Я. Анциферовым и И. П. Козыревским была подана челобитная об их походе на острова против мыса Лопатки. Первое российское описание Курил, включая их южную часть, было сделано в 1711–1713 годах по результатам экспедиции И. Козыревского, который собирал сведения о большинстве островов, в том числе Итурупе, Кунашире и даже «Двадцать Втором», который позже стал называться о. Хоккайдо.

В 1713 г. И. Козыревский составил «Чертёж морским островам» с картой всех Курильских островов и их подробным описанием. В «Чертежах» в отношении острова Кунашир, например, сказано: "Живут иноземцы те ж, что и на Итурупе и Урупе; и вера одна, а язык один или свой имеют, и о том не уведомился; и на Матмайский остров ходят, на котором стоит город Матмай, и с Матмайского к ним приходят с годовыми товарами и торгуют. И сей остров больше Итурупы и Урупа и многонароден. А в подданстве ли оные кунаширцы к Матмаю городу или нет, и о том в достаток не уведомился. А итурупинцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве и торгуют повольно" [2].

Известен ряд других русских имен в истории освоения Курильских островов. При этом, действия первооткрывателей по приведению местных жителей в российское подданство утверждались государственными актами. Имеется, в частности, донесение Сената императрице

Екатерине I от 18 января 1727 года с просьбой об издании указа о вхождении в состав России новых земель, включая открытые на Тихом океане острова [3].

Русские землепроходцы, открывая населенные земли, сразу же объявляли об их включении в состав России. Они начинали освоение этих земель, вели миссионерскую деятельность, облагали местное население данью, придерживаясь имеющихся у них предписаний не посягать на иностранные владения. При открытии было точно установлено, что Курилы не подчинялись иностранному государству. М. Шпанберг, который в 1738–1740 годах посетил Курильские острова, в том числе их южную часть, в рапорте в Адмиралтейств-коллегию подтвердил полученные ранее И. Козыревским сведения о том, что из посещенных им островов «под властью японского хана только один Матмай-остров (о. Хоккайдо), а прочие острова неподвластны». Во время экспедиции М.П. Шпанберга на Южные Курилы многие жители были обращены в христианство и приняли русские имена. Необходимо помнить, что в то время на территории Японии христианство было запрещено сегунатом под страхом смерти. Это правило неукоснительно исполнялось, что также подтверждает отсутствие юрисдикции Японии над Курилами.

Уже в 1745 году Курилы были уже внесены на "Генеральную карту Российской империи" в Академическом атласе [4]. В указе Екатерины II от 30 апреля 1779 г. повелевалось: «Приведенных в подданство на дальних Курильских островах мохнатых курильцов оставить свободными и никакого сбора с них не требовать, да и впредь обитающих тамо народов к тому не принуждать» [5].

В донесении Екатерине II от 22 декабря 1786 года Президента Коммерц-коллегии А.Р. Воронцова и государственного секретаря А.А. Безбородко, говорилось: «Северо-западный берег Америки с островами, около одного находящимися и другими грядями оттоле до Камчатки и от сего полуострова до Японии простирающимися, открыт из давних времен одними российскими мореплавателями», на основании чего все эти территории «неоспоримо должны принадлежать России» [6]. На основе этого донесения уже 22 декабря 1786 года был издан указ Екатерины II, в котором повелевалось: "нашей Коллегии иностранных дел все тут представленное к сохранению права нашего на земли, мореплавателями российскими открытыя, произвести в действо, поколику то от оной зависит» [7].

В апреле 1787 г. была организована специальная экспедиция для исполнения указа. В п. 12 наставления Адмиралтейств-коллегии начальнику экспедиции капитану 1-го ранга Г. И. Муловскому предписывалось: "1) Обойти плаванием и описать все малые и большие Курильские острова от Японии до Камчатской Лопатки, положить их наивернее на карту и от Матмая до той Лопатки все причислить формально ко владению Российскаго государства, поставя или укрепя гербы и зарыв медали в пристойных местах с надписью на российском и латинском языках, означающею ево путешествие или приобретение" [8]. На протяжении XVIII века все Курильские острова, включая и их южную часть, вошли в состав России.

В конце 18 века началось продвижение самодетельное японцев на Курилы. Поэтому Россия в 1795 году построила крепость на острове Уруп. К 1804 году на Курилах фактически сложилось двоевластие: на Северных Курилах сильнее ощущалось влияние России, на Южных – Японии, однако формально все Курилы по-прежнему принадлежали России [9]. Подтверждением этого является и сделанное главой русского посольства Н. Резаковым в ходе переговоров с уполномоченным японского правительства К. Тоямой в 1805 году заявление о том, что «к северу от Матмая (о. Хоккайдо) все земли и воды принадлежат русскому императору и чтобы японцы не распространяли далее своих владений». На карте 1809 года Курилы приписывались к Иркутской губернии.

В указа императора Александра I от 4 сентября 1821 г. говорилось: "1. Производство торговли китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, в портах и заливах и вообще по всему Северо-Западному берегу Америки, начиная от Берингова пролива до 51' Северной широты, также по островам Алеутским и по Восточному берегу Сибири; так как по островам Курильским, то есть начиная от того же Берингова пролива до Южного мыса острова Урупа, и именно до 45' 50' Северной широты предоставляется в пользование единственно Российским подданным.

2. По сему, воспрещается всякому иностранному судну не только приставать к берегам и островам, подвластным России, в предыдущей статье обозначенным; но и приближаться к оным в расстоянии менее ста итальянских миль" [10].

7 февраля 1855 года был подписан первый русско-японский договор – Трактат о торговле и границах. В ст. 2 договора говорится: "Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Что касается острова Крафто (Сахалина), то он остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени". Договор провозгласил отношения мира и дружбы между двумя странами, открыл для российских судов три японских порта и установил границу в районе Южных Курил между островами Уруп и Итуруп [11].

Конечно, может возникнуть вопрос: почему Россия, имея в то время права на все Курильские острова, тем не менее согласилась на установление границы с Японией между островами Уруп и Итуруп? Ответ содержится в дополнительной инструкции МИД России Е. В. Путятину о переговорах с японцами № 730 от 27 февраля 1853 г., утвержденной императором Николаем I 24 февраля 1853 г.

[12]: "По сему предмету о границах наше желание быть по возможности снисходительными (не проронивая однако же наших интересов), имея в виду, что достижение другой цели, - выгод торговых, - для нас имеет существенную важность. Из островов Курильских южнейший, России принадлежащий, есть остров Уруп, которым мы и могли бы ограничиться, назначив его последним пунктом Российских владений, к югу, - так, чтобы с нашей стороны южная оконечность сего острова была (как и ныне она в сущности есть) границею с Японией, а чтобы с Японской стороны границею считалась северная оконечность острова Итурупа. Если бы, паче чаяния, Японское Правительство стало предъявлять свои права на сей остров, то Вы можете объяснить им, что о. Уруп на всех наших картах показывается принадлежащим России и что лучшим доказательством сей принадлежности есть то, что Российско-Американская Компания, имеющая в своем управлении Российския владения в Америке и в разных там морях, не только распоряжается Урупом наравне с прочими Курильскими нашими островами, но даже имеет там поселение, и вообще сей остров считается границею наших владений в Курильских островах". Поэтому в русско-японском договоре и было закреплено: «Отныне – да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией». Этим надеждам, однако, не суждено было сбыться. По мере роста экономической и военной мощи Япония пошла по пути экспансии и территориальных захватов [13].

25 апреля (7 мая) 1875 г. был заключен новый Трактат между Россией и Японией [14]. Статья 2 Трактата гласит: "Взамен уступки России прав на остров Сахалин, изъясненной в статье первой, Его Величество Император Всероссийский, за Себя и Своих Наследников, уступает Его Величеству Императору Японскому группу островов, называемых Курильскими, которыми Он ныне владеет, со всеми верховными правами, истекающими из этого владения, так что отныне сказанная группа Курильских островов будет принадлежать Японской Империи. Эта группа включает в себе нижеозначенные восемнадцать островов, а именно: ... так что пограничная черта между Империями Российской и Японскою в этих водах будет проходить через пролив, находящийся между мысом Лопаткою полуострова Камчатки и островом Шумцу". Таким образом, острова к северу от Урупа были объявлены российскими, а Итуруп, Кунашир, Шикотан и Плоские (Хабомаи) официально отошли к Японии. Сахалин по взаимному согласию стали считать территорией совместного проживания японцев и русских, что не предотвратило дальнейших конфликтов [15].

Петербургский договор от 7 мая 1875 г. [16] также предусматривал переход Сахалина России, а всех Курильских островов – Японии. В собственность Российской империи в обмен на 18 Курильских островов был полностью передан остров Сахалин. Тем самым, Договор изменил положения Трактата 1855 г. 10 (22) августа 1875 г. в Токио была принята дополнительная статья к договору, регулирующая права жителей, остающихся на уступленных территориях [17].

С заключением нового соглашения – Трактата о торговле и мореплавании между Россией и Японией от 27 мая (8 июня) 1895 г. [18] - Договор 1855 г. утратил силу. Однако, было подтверждено действие соглашения 1875 г. [19].

В свою очередь, Трактат 1895 г. был разорван Японией в одностороннем порядке после нападения на Россию в 1904 году. Санкт-Петербургский же договор сохранял силу вплоть до 1905 г., когда по итогам русско-японской войны был подписан Портсмутский мирный договор [20], по которому Россия уступала Японии все Курилы и южный Сахалин. В соответствии с этим договором Россия уступила Японии часть острова Сахалин южнее 50 параллели северной широты. Добиваясь от российского правительства территориальных уступок, японские представители на мирной конференции в Портсмуте прямо заявили, что война упраздняет все договоры и соглашения, заключенные ранее. Следовательно, на момент крушения империи Курилы принадлежали Японии на основании действовавших в то время международно-правовых норм.

Заключение. Таким образом, Курильские острова, включая их южную часть, исторически были не исконно японскими, а российскими землями. Япония получила права на острова лишь в результате Портсмутского договора с Россией. Поэтому трактовать территориальные притязания Японии к России в контексте «восстановления исторической справедливости», по меньшей мере, безосновательно.

Примечания:

1. Русские Курилы: история и современность: Сб. док. / В.К. Зиланов, А.А. Кошкин, И.А. Латышев [и др.]. М., 1995 и др.
2. Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979. С. 453: URL: <http://encsakhalin.ru/object/1804812571?lc=ru> (дата обращения: 5.08.2014).
3. См.: Екатерина I Алексеевна // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
4. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6771&PORTAL_ID=6770 (дата обращения: 15.07.2014).
5. ПСЗРИ, т. XX, док. № 14867; URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1700dok/1779043oek2.php> (дата обращения: 15.07.2014).
6. Сенченко И.А. История Сахалина и Курильских островов: к проблеме русско-японских отношений в XVII–XX вв. М., 2005.

7. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147259&PORTAL_ID=7149&SECTION_ID=6771 (дата обращения: 5.08.2014).
8. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. М., 1989. С. 236.
9. URL: <http://ria.ru/spravka/20120424/632862793.html#ixzz347h5uANl> (дата обращения: 5.08.2014).
10. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1821. Т. XXXVII. С. 904.
11. Русско-японские договоры и соглашения // БСЭ. Т. 22. М., 1975.
12. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147030&PORTAL_ID=7149&SECTION_ID=6771 (дата обращения: 15.07.2014).
13. См.: Иконникова Т.Я. Очерки истории взаимоотношений России и Японии в конце XIX в. — 1917 г. Хабаровск, 2001.
14. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6771&CENTER_ELEMENT_ID=147031&PORTAL_ID=6771 (дата обращения: 15.07.2014).
15. Сысоева Е. А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855-1875 гг.
16. URL: <http://www.prlib.ru/history/pages/item.aspx?itemid=520> (дата обращения: 15.07.2014).
17. Строева М.В. Петербургский договор 1875 г. и его роль в истории русско-японских отношений XIX в. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.
18. URL: <http://doc2ovek.ru/node/1965> (дата обращения: 15.07.2014).
19. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока, 1895-1905 гг. СПб, 1906. С. 27, 42, 43, 52.
20. URL: <http://www.prlib.ru/history/pages/item.aspx?itemid=240> (дата обращения: 15.07.2014).

References:

1. Russkie Kurily: istoriya i sovremennost': Sb. dok. / V. K. Zilanov, A. A. Koshkin, I. A. Latyshev [i dr.]. М., 1995 i dr.
2. Russkaya Tikhookeanskaya epopeya. Khabarovsk, 1979. S. 453: URL: <http://encsakhalin.ru/object/1804812571?lc=ru> (data obrashcheniya: 5.08.2014).
3. См.: Ekaterina I Alekseevna // Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: V 86 tomakh (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890—1907.
4. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6771&PORTAL_ID=6770 (data obrashcheniya: 15.07.2014).
5. PSZRI, t. XX, dok. № 14867; URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1700dok/17790430ek2.php> (data obrashcheniya: 15.07.2014).
6. Senchenko I. A. Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov: k probleme russko-yaponskikh otnoshenii v XVII-XX vv. М., 2005.
7. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147259&PORTAL_ID=7149&SECTION_ID=6771 (data obrashcheniya: 5.08.2014).
8. Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoi chasti Tikhogo okeana vo vtoroi polovine XVIII v. Sbornik dokumentov. М., 1989. S. 236.
9. URL: <http://ria.ru/spravka/20120424/632862793.html#ixzz347h5uANl> (data obrashcheniya: 5.08.2014).
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. SPb, 1821. T. KhKhKhVII. S. 904.
11. Russko-yaponskie dogovory i soglasheniya // BSE. Т. 22. М., 1975.
12. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147030&PORTAL_ID=7149&SECTION_ID=6771 (data obrashcheniya: 15.07.2014).
13. См.: Ikonnikova T.Ya. Ocherki istorii vzaimootnoshenii Rossii i Yaponii v kontse XIX v. — 1917 g. Khabarovsk, 2001.
14. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6771&CENTER_ELEMENT_ID=147031&PORTAL_ID=6771 (data obrashcheniya: 15.07.2014).
15. Sysoeva E. A. Sakhalin i Kuril'skie ostrova v russko-yaponskikh otnosheniyakh 1855-1875 gg.
16. URL: <http://www.prlib.ru/history/pages/item.aspx?itemid=520> (data obrashcheniya: 15.07.2014).
17. Stroeva M. V. Peterburgskii dogovor 1875 g. i ego rol' v istorii russko-yaponskikh otnoshenii XIX v. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2010.
18. URL: <http://doc2ovek.ru/node/1965> (data obrashcheniya: 15.07.2014).
19. Sbornik dogovorov i diplomaticheskikh dokumentov po delam Dal'nego Vostoka, 1895-1905gg. SPb, 1906. S. 27, 42, 43, 52.
20. URL: <http://www.prlib.ru/history/pages/item.aspx?itemid=240> (data obrashcheniya: 15.07.2014).

УДК 341.01

Об освоении Курильских островов Российской империей

Павел Николаевич Бирюков

Воронежский государственный университет, Российская Федерация
394000, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Доктор юридических наук, профессор
E-mail: birukovpn@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается история открытия и освоения Курильских островов. Приводятся сведения российских, а также японских документальных источников периода XVII—XVIII веков, свидетельствующие о действительных первооткрывателях Курильских островов. Приводится ряд соглашений между двумя странами, которые в разное время определяли государственную принадлежность спорных островов.

Ключевые слова: Российско-японские отношения; Курильские острова; Портсмутский мирный договор.

UDC 913.1/913.8

Revisiting Linguistic and Topographical Principles of Russia's Mapping in the XVIIIth Century: Critical Overview of Documents

Alexander V. Dmitrijev

National Research University "St. Petersburg State Polytechnical University", Russian Federation
Polytechnicheskaya, 29, Saint Petersburg, 195251
PhD (linguistics), Assistant Professor
E-mail: avd84@rambler.ru

Abstract. The article is aimed at presenting a critical overview of the XVIIIth century documents stored in Archives of RAS (ff. 3 and 20 – manuscripts by Lomonosov) and RSAAD (f. 248 – documents of the Senate). This period is rich in the documental base; methodological views by V.N. Tatitshev and M.V. Lomonosov are the core of the article. The analyzed sources are divided into three groups: enactments on the issues relating to mapping, geodesy and frontier surveying; civil letters; authorial instructions. The choice of sources is caused by both their capacity to be unexceptionable material in the course of reconstructing historic and cultural landscapes and by the fact that they concern, firstly, requirements for writing place-names on Russian maps, and secondly, gathering techniques of place-names. It is of vital importance to deduce how the attitude of surveyors, geodesists and scholars in general towards the problem of gathering and processing geographical names changed during fledging years of Russian cartography.

The article concludes that the Geographical Department of the Russian Empire (having been responsible for all the geodesic and surveying procedures at that time) didn't manage to solve the problem of developing commonly used principles of writing place-names on maps, and in fact delegated complete control over it to map-makers. This yielded, as a result, to the "free will" in marking place-names onto maps. The latter in its turn caused the occurrence of multiple linguistic mistakes on Russian maps of the XVIIIth century. It became a reason for reexamination of the whole cartographical perspective later, in the XIXth century. However the problem of place-names standardization has become the real focus of scientific research only since late 1930s.

Keywords: linguistic and topographical principles; place-names; mapping; gathering and processing geographical names.

Введение. Данная статья является продолжением наших работ в области исторической географии и картографической топонимики. Многие аспекты касательно лингвистического наполнения исторических карт уже были прежде нами рассмотрены [1].

Целью данной статьи является критический обзор содержания документов, касающихся, во-первых, требований к написанию названий на русских географических картах, во-вторых, техники сбора географических названий.

Материалы и методы. Привлекаются документы XVIII века, с оригиналами которых мы работали в Архиве РАН (фф. 3 и 20 – рукописи Ломоносова) и РГАДА (ф. 248 – документы Сената). Представляется важным проследить, как изменялось отношение топографов, геодезистов и ученых вообще к проблеме сбора и обработки географических названий.

Исследованием отечественных картографических инструкций и предписаний занималось не так много историков и географов, однако до сегодняшнего дня эти материалы не были предметом отдельного лингвистического изучения со стороны топонимистов. Поэтому в данной работе мы предлагаем посмотреть на эти документы именно под лингвистическим углом зрения.

Основной метод, используемый в работе, диахронический, который предполагает в лингвистических исследованиях сравнительное изучение конкретных языковых фактов с опорой на исторические документы. В нашем случае единицей анализа является топонимическая нормализация.

Обсуждение. Начиная с петровских времен и до середины 1730-х годов, большинство карт было графическим изложением съемочных журналов, которые составлялись геодезистами в поле. Картографирование начиналось с текстовых описаний местности, которые затем в камеральных условиях переводились в картографическое изображение [2].

Кроме того, первые петровские геодезисты не имели специальных инструкций по записи названий и поступали так же, как и их предшественники – составители чертежей: записывали названия в соответствии с живым употреблением их в то время и с сохранением диалектных особенностей. Это, в свою очередь, делает невозможным создание целостной картины методики сбора и транскрипции географических названий в прошлом.

Для первых правительственных картографических инструкций 1720-х годов характерна особая лаконичность. Фактически в них речь идет только о предписаниях по нанесению объектов на карты, а не их орфографическому оформлению. Это такие документы, как Генеральный регламент 1720 года

[3], «Пункты каким образом сочинять ландкарту» 1721 года [4], правительственный указ «О распределении Геодезистов по Губерниям и Провинциям для сочинения ландкарт» 1728 года [5].

В «Реэстре, что при сочинении в пополнку описывать и примечать надлежит, то чего в присланных ландкартах не находится», составленном И.К. Кириловым в 1723 году, говорится уже о подробном полевом сборе макро- и микрообъектов, однако о рекомендациях к написанию топонимов на картах снова ни слова [6]. Следует отметить, что в «Реэстре» появляется важное новшество, придуманное И.К. Кириловым и ставшее в будущем основой для полевой топонимической работы XVIII века, – каталоги географических объектов, прилагаемые в алфавитном порядке к полевым журналам геодезистов. Фрагмент одного такого журнала опубликован в [6].

Остановимся подробнее на руководстве А. Клешина «География и геодезия следуют каким образом начать описывать которое нибудь государство или губернию или какую нибудь часть света всяких там лежащих мест». Несмотря на то, что и оно, к сожалению, не дает нам никакой информации о том, как именно надлежало геодезисту записывать названия, в данном руководстве впервые приведена развернутая методика сбора географических названий (ее-то как раз и взял В.Н. Татищев на вооружение): «...будучи в том же городе спрашивать надлежит о озерах, где оные есть и каким которое звание и близ которых деревень лежат... и есть ли на оных острова и оные вносить в ландкарту. Потом спрашивать о реках, которой какое звание и откуда течет, которая из озера или в озеро, или из болота, сиречь где начало и конец той реки имеют быть, и под которые деревни течет; также и о прочих местах спрашивать, откуда вытекли и где впали в озеро или в реку, которая течет. А потом спрашивать надлежит о болотах, о горах, о лесах и о степях и о дорогах; и все вышеупомянутое вносить в ландкарту и иметь в журналах; также описывать мельницы и в картах означивать. Еще – же описывать и вносить в ландкарту – города, села, деревни, которые ныне пусты, и как тем звание. В ландкартах – же назначивать – города, села, деревни, мельницы» [7].

Итак, в руководстве А. Клешина рекомендуется следующий порядок опроса местных жителей. Сначала геодезист расспрашивал об озерах, их расположении относительно деревень. Затем он переходил к рекам: выяснял их истоки и устья, через какие деревни протекают и какие более мелкие водные объекты в эти реки впадают. После этого речь заходила о болотах, горах, лесах, степях, дорогах и мельницах. Диалог геодезиста и местного жителя завершался расспросами об исчезнувших городах, селах и деревнях. Иными словами, полевой опрос геодезист начинал с выяснения гидронимов как наиболее устойчивых урочищ и только потом переходил к установлению других типов объектов.

В 1737 году после смерти И.К. Кирилова совершенствование российской картографии было возложено на В.Н. Татищева. Свою картографическую деятельность В.Н. Татищев начал еще в 1719 году и предложил рекомендации «како ландкарты или чертежи земель сочинять со объявлением угодий, то есть пашни, лесов, рек, озер, болот и мест песчаных» [8].

В.Н. Татищев первым высказал идею установления происхождения географического названия в процессе полевых работ. Так, в одном его «Наказе» от 1739 года предписывалось «выбрать села и деревни» и установить, «от чего звание свое производят по реке ль или по какому случаю» [9].

Следуя традиции А. Клешина, В.Н. Татищев требовал составлять к каждой карте алфавитные списки населенных пунктов, которые мыслились им как историко-географические словари-справочники.

Наиболее яркие, новые для того времени лингвистические идеи прозвучали в инструкционной анкете «Предложение о сочинении истории и географии российской», составленной В.Н. Татищевым в 1737 году и состоящей из 198 пунктов. Для диалектолога и топонимиста наибольший интерес могут представлять наставления, данные В.Н. Татищевым в 198 пункте анкеты и касающиеся «обсче паки до всех народов». Эти рекомендации можно было бы применить и к сбору географических названий, поскольку, как следует из самой анкеты, «сие нужно, чтоб те, колико возможно, в географии и сочинении ландкарт научены были» [10]:

«198. Наипаче всего нужно каждого народа язык знать, дабы чрез то знать, коего они отродья суть, но в языке надобно смотреть:

1. Слова такие, которые не легко переменяются...

2. При записывании их (слов вообще – А.Д.) надлежит внятно выслушивать, чтоб одну букву за другую не положить, как и русские не искусные не токмо в речении, но и в письме часто *a* за *o*, *b* за *n*, *v* за *f*, *d* за *m*, *z* за *c*, *k* за *x*, или обратно одно за другое пишут: *хлеп*, *хфала*, *горот*, *вос*, *x камисару*, вместо: *хлеб*, *хвала*, *город*, *воз*, *k камисару*, в котором знающий грамматику никогда не погрешит, ибо единственно: *град* множественно *грады*, а *граты* написать нельзя...

3. Нужно смотреть на ударение гласа, ибо: *будíи* и *бúди* разное есть, первое есть *будить*, а другое от *был* происходит, и для того надлежит внятно выслушивать, неоднова спрашивать и по изречении силу налагать.

4. Притом же и то прилежно смотреть, чтоб сказывающий имел чистое и совершенно речение, ибо картавые, заиковатые и шепелеватые всех букв прямо выговорить не могут.

5. Некоторые народы имеют такое изречение, чего нашими буквами изобразить не можно, например у немцев и латинистов *h* легче нашего *g*, у горских есть подобное нашему *xg*, но еше легче и

для того нужно буквами изобразовать, но, чтоб разницу знать, над одною точку класть и особливо описать, что она точка значит, легче или жесточе выговаривать» [11].

Основная мысль, которая высказывается В.Н. Татищевым в 198 пункте этой анкеты, - это мысль о восприятии географом и геодезистом языка местного населения при картографировании территории. Поэтому данные наставления могли послужить хорошими рекомендациями для диалектологических разысканий, а стало быть, и для топонимических. Таким образом, можно заключить, что эту инструкцию В.Н. Татищева можно считать первым научным лингво-топографическим опросником.

В добавление к этой инструкционной анкете можно привести также «Правительствующему Сенату от таинного советника Татищева доношение» 1739 года. В 8 параграфе этого документа, между прочим, указывается, что «весьма нужно всех иноязычных подданных Российских народов разность и согласие языков знать, дабы их произношение познать и древность русскую изъяснить». С этой целью В. Н. Татищев «сочинил...начало краткого лексикона.., отдал в Академию, чтоб оный повелели, соверша, напечатать и с теми предложении в города разослать, чтоб в каждом обретающихся народов языки ко оному приписывать и к сочинению географии присылать» [12].

Как видно из трех документов, В.Н. Татищев первым из русских ученых усмотрел корень проблемы того времени – отсутствие должной лингвистической подготовки геодезистов и картографов. Однако, к сожалению, практически никто тогда не придавал значения всем этим чрезвычайно важным идеям В.Н. Татищева. Не удивительно, что после выхода в свет первого академического Атласа Российской Империи в 1745 году В.Н. Татищев подверг его критике, особо отметив топонимические ошибки, допущенные при составлении атласа: «многие знатные степи, горы, озера, реки имея довольно к тому места не подписаны», а «некоторые имена испорчены и неправо писаны» [13].

В 1758 году во главе Географического департамента встал М.В. Ломоносов, который внес серьезный вклад в развитие отечественных картографических идей. В частности, одним из самых важных аспектов он считал обеспечение картосоставительских работ точными научными данными, полученными в ходе полевых геодезических и топонимических работ. Поэтому в «Инструкции Географическому департаменту» 1757 года М.В. Ломоносов четко определил, что из карт должна быть исключена любая гипотетическая, не основанная на проверенных данных информация. Для этого Географический департамент должен был провести систематизацию источников картосоставления. С этой целью были созданы целые списки и краткие описания монастырей, городских и сельских церквей, собраны сведения о числе сел и деревень с показанием числа жителей. Статистические сведения нужны были М.В. Ломоносову для того, чтобы знать реальные размеры деревень [14].

Свои взгляды на проблему отбора объектов М.В. Ломоносов наглядно и убедительно выразил в своем сочинении «Краткое показание о происхождении Академического Географического департамента» 1763 года [15].

Те деревни, которые имели малые размеры и не влияли, как бы мы сейчас сказали, на опорный объектный каркас карты, можно было бы не наносить. Это и составляло суть новой картосоставительской концепции М.В. Ломоносова – картографической генерализации как в области нанесения географических объектов, так и в области написания названий для этих объектов. Следовательно, возникала возможность для работы только с релевантными топонимами, так как лишняя информация, засорявшая топографическую основу карты, заведомо исключалась.

В этой же работе («Краткое показание о происхождении Академического Географического департамента») М.В. Ломоносов критикует плохое знание языка топонимов иностранными географами, которое приводит к грубым топонимическим ошибкам: «Когда иностранные географы прошибаются в наших именах знатных мест, как то Jerislew, Cremelina, Dniper вместо Ярославль, Кремль, Днепр и пр., то позволено ли г. Шмиту прошибку сделать в наименовании чухонской деревни? Притом заподлинно известно, что Миллеру и Шмиту сей язык не так знаком, чтобы могли вступить о том в критические исследования» [16].

К слову сказать, М.В. Ломоносов возражал против присутствия в Географическом департаменте Г.Ф. Миллера, поскольку «для исправного наименования урочищ должен быть природный россиянин» [17].

Итак, топонимическим содержанием карты, по мнению М.В. Ломоносова, должен был заниматься тот, кто хорошо владел языком, на котором подписывал названия. Стало быть, и в поле геодезисту надлежало хорошо знать не только местность, но и языковую специфику народа, чтобы не допустить ошибок.

Особый интерес представляет «Мнение о употреблении нынешних ревизии в пользу географии российской и сочиняющегося новаго атласа» М. В. Ломоносова, высказанное им в 1764 году о том, каким должен быть будущий атлас России [18].

М.В. Ломоносов полагал, что для совершенствования российской картографии и искоренения ошибок, допущенных при составлении атласа 1745 года, необходимо:

- 1) «сочинить перечни числа душ во всяком селе и деревне;

2) означать, в коих селах и деревнях есть церкви, каменные ли, или деревянные, и как во имя, а где церковей нет, то означать, и каким оныя деревни принадлежат приходы;

3) показать, где какие самые ближние реки, или другие воды, на которую сторону и как далече от онаго места, по скаскам жителей;

4) ежели тут будет небольшая речка, то означать, в какую она именитую реку впадает, и при каком урочище;

5) на каком оное село, или деревня, стоит положении, на горе ли, или на низком песчаном луговом, или лесистом месте;

6) на большой ли стоит дороге, по которой из городов и каких именно проезжают, или на проселочной только;

7) как дальше отстоит от своего присутственного города, по общей скаске жителей» [19].

Мы рассмотрели фундаментальные положения картосоставительных концепций В.Н. Татищева и МВ. Ломоносова. Разберемся, возымели ли они должное действие при проведении крупномасштабных картографических работ в 1760–1770-е годы.

Так, в «Манифесте о генеральном размежевании земель во всей империи» от 19 сентября 1765 года есть всего одно предложение касательно нанесения (не написания!) топонимов: «Все земли межевать не к именам владельцев, а к именам сел и деревень, а пустоши к их собственным названиям» [20].

Поэтому в ходе межевания возникли весьма серьезные проблемы лингвистического характера: 1) помещик, а вслед за ним и землемер, должны были заняться установлением не только правильных границ владений, но и верных названий для этих владений – что было сложной задачей, поскольку 2) у землемеров в распоряжении были только документы XVI–XVII веков, в которых была масса названий, трудно узнаваемых в топонимах конца XVIII века, 3) да и в самой Чертежной межевой канцелярии делались не очень успешные попытки сличения старых названий XVI–XVII веков с названиями XVIII века – в силу отсутствия необходимого лингвистического опыта и знаний.

Фактически землемеры оказались в «топонимическом тупике», и необходимо было что-то решать.

Решение, хотя и довольно слабое, появилось год спустя, когда впервые в правительственном документе «Инструкции землемерам к генеральному всей империи нашей земель размежеванию» (1766) были даны некоторые указания относительно передачи названий на межевых планах: «Оказавшиеся при межевании пустоши, реки, ручьи и другие урочища под названиями неблагопристойными, в межевых книгах и на планах писать другими именами, составляя оные чрез прибавку или убавку литер в прежнем названии. О потребности таковой перемены землемеры должны представлять конторам, которые, учинив оную, должны сообщить с определений своих копий владельцам при выдаче им планов и межевых книг и при рассылке их в надлежащие присутственные места, дабы в потребном случае можно было видеть, какие урочища получили другие названия» [21].

Тем не менее правила были настолько плохо разработаны и скудны, что оказались не востребованными и нереализованными большинством картографов того времени.

В этой связи в 1768 году было опубликовано «Резюме постановлений Комиссии Академии Наук по Географическому департаменту Академии Наук», в котором были высказаны некоторые соображения по части передачи названий на картах [22]. Но и здесь не вышло без противоречий.

Так, в 6 пункте «Резюме» говорится о том, что геодезисты могут сами решать, как писать названия: «Понеже для всех карт не можно определить общих правил, то положено определение письмен, смотря по обстоятельствам мест, какие на ландкартах представлены, отдать на рассуждение самих сочинителей ландкарт» [23].

В 7 же пункте «Резюме» предписано часть названий (имена нарицательные, куда, видимо, относились географические термины) переводить, а часть (имена собственные, которые «самим иностранным уже известны») – транскрибировать, то есть оставлять «без всякого перевода, только чтоб вырезывать латинскими буквами». Во всех «сомнительных и других случаях, где что перевести должно», картографы должны были «совету требовать от тех, коим препоручен Географический департамент» [24].

Таким образом, в пункте 7 даются рекомендации к тому, как должно писать названия, а в пункте 6 – как можно писать названия («смотря по обстоятельствам»). В условиях таких двойственных и неоднозначных критериев геодезисту было весьма тяжело грамотно и объективно составить топонимический каркас карты.

Все это послужило дополнительным основанием для дальнейшего развития «топонимического произвола» на картах и распространения огромного количества ошибок.

Исходя из содержания пунктов 6 и 7, можно заключить, что к концу 1760-х годов в российской картографии назрело два вопроса: 1) по какому принципу следует передавать термины (апеллятивы) в структуре названий – перевод (без дублирования термина на другом языке) или транскрибирование (с дублированием термина на другом языке)? 2) что делать с содержательной частью топонима: переводить или транскрибировать?

Другой идеей, высказанной в «Резюме», стала идея шрифтового оформления топонимов, когда геодезистам предписывалось подражать в этом вопросе «новейшим французским ландкартам» и в каждой карте указывать, «каким письмом и какой величины имена вырезывать должно». С целью «чистаго и красивого вырезывания шрифтов» было поручено сделать для резной палаты «прописы всяким шрифтам и сообщить оные рещикам» [25].

Однако 30 марта 1770 года появился указ «Об означении красками на всех уездных и специальных планах: селений, межей, дорог и всей ситуации», в котором, между прочим, отмечалось следующее: «Звание селам, деревням и дорогам подписано столь худо, что с великою трудностью разобрать можно, так как и литеры Латинские, показующая смежество уездов, означены весьма же неясно» [26].

Получается, что снова, даже спустя два года, проблема осталась нерешенной. Что мешало геодезистам прислушаться к издаваемым Географическим департаментом инструкциям и предписаниям – не вполне ясно. Да и что мешало самому Географическому департаменту в свое время взять на вооружение советы В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова – тоже не совсем объяснимо.

Итог всем таким легковесным решениям внутри Географического департамента подвел Г.Ф. Миллер.

В своем «Отзыве... о географических и картографических работах Академии Наук» от 1779 года Г.Ф. Миллер охарактеризовал картографические работы Академии наук следующим образом: «Знатоки порицают тот факт, что названия на картах часто бывають написаны неверно, пропущены важные, приведены неважные, только занимающие место. Отчего это происходит? Я думаю, что Географическому департаменту передаются хорошие и правильные карты, но при копировке их вкрадываются ошибки, которые никто не дает себе труда исправлять путем внимательного сличения копий с оригиналами... Насколько важно, чтобы руководители Географического департамента обладали знанием настоящего правописания, можно видеть на примере г. г. Делиля и Винсгейма. Первый давал многим русским названиям французский характер, не считаясь ни с какими указаниями, а второй писал в своем Землеописании то Полтава, то Плотава, потому что нашел последнее название на какой-то иностранной карте» [27].

Вплоть до конца XVIII века отношение государства к важной проблеме написания названий на географических картах оставалось нейтральным. Конечно, нельзя сказать, что из-за этого практика составления карт ухудшилась. Государство все же предпринимало скудные попытки дать ход развитию идей, изложенных в Инструкции 1766 года. Например, с 1798 года губернским и уездным землемерам было предписано вести ведомости об изменении владельцев дачи и владений со времени генерального межевания. В ведомости учитывались, в частности изменения в названии урочищ и селений с указанием причины изменений, например, «произвол владельца» [28].

Заключение. В данной статье мы постарались осветить основные вехи работы в России над решением такой важной топонимической проблемы, как написание географических названий на картах. Мы не случайно выбрали именно XVIII век, поскольку в этот период шло становление и последующее активное развитие отечественной картографии. Этот период насыщен документальной базой; центральное место занимают методологические воззрения В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова.

Подводя общий итог, можно выделить следующее.

1. Являясь единственной в то время централизованной организацией, отвечавшей за все картосоставительные работы в России, Географический департамент так и не смог решить проблему разработки единых принципов написания топонимов на картах и практически все отдавали на откуп самим картографам, на их усмотрение. Стоит отметить, что, например, шведская картография – которую Петр I взял за образец для составления русских карт – уже к середине XVIII века имела четко разработанные принципы написания географических названий, и так называемый «топонимический произвол» практически отсутствовал [29].

Все возникшие ошибки удалось частично устранить только в первой трети XIX века, когда было создано Военно-топографическое Депо. Во второй половине XIX века в связи с составлением известной Специальной десятиверстной карты Российской Империи было принято весьма лаконичное решение: «В надписях держаться общепринятой орфографии». Эти слова можно было бы трактовать как некий итог в разрешении вопросов, касающихся подписей названий для объектов на картах XIX века, да и вообще всего картографического искусства России, начиная с Петра I.

Проблема же нормализации географических названий стала предметом научно-практического исследования только с конца 1930-х годов. Ведь именно в 1938 году было создано Главное управление геодезии и картографии (ГУГК) при СНК СССР, которое поставило главную цель – разработку точных языковых критериев написания географических объектов.

2. Советы профессиональных историков и лингвистов – В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова – оказались удивительным образом не востребованы не только большинством картографов того времени, но и самим Географическим департаментом. И это при том, что уже была сформирована языковая норма и были написаны известные грамматики русского языка В. Адодуровым, М. Ломоносовым, А. Барсовым, Г. Кургановым, а в 1802 году Императорской академией наук была издана первая академическая грамматика. Топонимические вопросы в российской картографии XVIII века остались нерешенными.

3. Все приведенные выше документы могут служить превосходным материалом в ходе реконструирования историко-топонимического ландшафта. Иными словами, картографические инструкции, письма, акты – это те же исторические документы для топонимиста, что и писцовые книги, карты, ревизии. Например, полевые журналы геодезистов могут прояснить многие неясные вопросы, в первую очередь, в микротопонимике: ведь помимо крупных объектов, геодезистам предписано было фиксировать и мелкие. Более того, сама структура полевого журнала (в виде таблицы) с указанием расстояний между населенными пунктами позволяет идентифицировать и локализовать объект на местности, определить его относительные координаты – а это уже возможность нанести (хоть и приблизительно) на карту названия (особенно исчезнувшие) с привязкой к локусу.

Примечания:

1. Дмитриев А.В. Лингвистически ориентированный картографический компонент автоматизированной топонимической базы данных Ингерманландии: дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.21. СПб., 2010. 235 с.
2. Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. 229 с.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Том 6 (1720–1722). СПб., 1830. №3534.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 248. Книга 1201. Лист 53.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Том 8 (1728–1732). СПб., 1830. №5320.
6. Фель С.Е. Картография России XVIII века. М., 1960. С. 90.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 248. Книга №1/1201. Дело 21.
8. Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. С. 46.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 248. Описание 14. Дело 772. Лист 447-447 об.
10. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 78.
11. Татищев В.Н. Избранные... С. 94-95.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 248. Описание 14. Дело 772. Лист 447-447 об.
13. Свенске К. Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного императорскою академиею наук в 1745 г. СПб., 1866. С. 151-153.
14. Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Фонд 3. Описание 1. Дело 219. Лист 159-162.
15. Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Фонд 20. Описание 1. Дело 1. Лист 332-339.
16. Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Фонд 20. Описание 1. Дело 1. Лист 335.
17. Поспелов Е.М. Топонимика и картография. М., 1971. С. 109.
18. Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Фонд 3. Описание 10. Дело 44. Лист 1.
19. Архив Российской Академии наук... Лист 1.
20. Полное собрание законов Российской Империи. Том 17 (1765–1766). СПб., 1830. №12474.
21. Полное собрание законов... №12570.
22. Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Фонд 3. Описание 10. Дело 23. Лист 2-5.
23. Архив Российской Академии наук... Лист 4.
24. Архив Российской Академии наук... Лист 4.
25. Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. Л., 1946. С. 206.
26. Полное собрание законов Российской Империи. Том 19 (1770–1774). СПб., 1830. №13440.
27. Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. Л., 1946. С. 228.
28. Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. 229 с.
29. Åberg A. Läsning av gamla handstilar. Stockholm, 1950. 50 p.

References:

1. Dmitrijev A.V. Linguistic-based map component of database on Ingermanland place-names. PhD thesis: 10.02.21. Saint Petersburg, 2010. 235 p.
2. Postnikov A.V. The development of large-scale mapping in Russia. Moscow, 1989. 229 p.
3. The full collection of Russian Empire's laws. Vol. 6 (1720–1722). Saint Petersburg, 1830. №3534.
4. Russian State Archive of Ancient Documents (RSAAD). f. 248, b. 1201, p. 53.
5. The full collection of Russian Empire's laws. Vol. 8 (1728–1732). Saint Petersburg, 1830. №5320.
6. Fel S.E. Mapping of Russia in XVIII century. Moscow, 1960. P. 90.
7. Russian State Archive of Ancient Documents (RSAAD). f. 248, b. №1/1201, d. 21.
8. Postnikov A.V. The development of large-scale mapping in Russia. Moscow, 1989. P. 46.
9. Russian State Archive of Ancient Documents (RSAAD). f. 248, inv. 14, d. 772, p. 447-447 rev.
10. Tatitshev V.N. Selecta on Russian geography. Moscow, 1950. P. 78
11. Tatitshev V.N. Selecta... P. 94-95.
12. Russian State Archive of Ancient Documents (RSAAD). f. 248, inv. 14, d. 772, p. 447-447 rev.
13. Svenske K. Sources for compiling Atlas of Russian Empire published by Imperial Academy of sciences in 1745. Saitn Petersburg, 1866. 204 p.

14. Archive of Russian academy of sciences (Archive RAS). f. 3, inv. 1, d. 219, p. 159-162.
15. Archive of Russian academy of sciences (Archive RAS). f. 20, inv. 1, d. 1, p. 332-339.
16. Archive of Russian academy of sciences (Archive RAS). f. 20, inv. 1, d. 1, p. 335.
17. Pospelov E.M. Toponymy and mapping. Moscow, 1971. 256 p.
18. Archive of Russian academy of sciences (Archive RAS). f. 3, inv. 10, d. 44, p. 1.
19. Archive of Russian academy of sciences... P. 1.
20. The full collection of Russian Empire's laws. Vol. 17 (1765–1766). Saint Petersburg, 1830. №12474.
21. The full collection of Russian Empire's laws... №12570.
22. Archive of Russian academy of sciences (Archive RAS). f. 3, inv. 10, d. 23, p. 2-5.
23. Archive of Russian academy of sciences... P. 4.
24. Archive of Russian academy of sciences... P. 4.
25. Gnucheva V.F. Geographical department of Academy of sciences of XVIII century. Leningrad, 1946. 446 p.
26. The full collection of Russian Empire's laws. Vol. 19 (1770 - 1774). Saint Petersburg, 1830. №13440.
27. Gnucheva V.F. Geographical department of Academy of sciences of XVIII century. Leningrad, 1946. 446 p.
28. Postnikov A.V. The development of large-scale mapping in Russia. Moscow, 1989. 229 p.
29. Åberg A. Läsnig av gamla handstilar. Stockholm, 1950. 50 p.

УДК 913.1/913.8

К вопросу о лингво-топографических принципах составления российских карт в XVIII веке: критический обзор документов

Александр Владиславович Дмитриев

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Российская Федерация
192251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: avd84@rambler.ru

Аннотация. Цель статьи – представить критический обзор содержания русских документов XVIII века, хранящихся в Архиве РАН (фф. 3 и 20 – рукописи Ломоносова) и РГАДА (ф. 248 – документы Сената). Период насыщен документальной базой; центральное место занимают методологические воззрения В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова. Для анализа привлекаются три блока источников: законодательные акты по вопросам картографии, геодезии и межеванию; гражданские письма; авторские инструкции. Выбор источников обусловлен не только тем, что они могут служить превосходным материалом в ходе реконструирования историко-топонимического ландшафта территории, но также и тем, что они касаются, во-первых, требований к написанию названий на русских географических картах, во-вторых, техники сбора географических названий. Для нас представляется важным проследить, как изменялось отношение топографов, геодезистов и ученых вообще к проблеме сбора и обработки географических названий в период становления российской картографии.

В статье делается основной вывод о том, что Географический департамент Российской Империи (заведовавший в то время всеми геодезическими и топографическими работами) не решил проблему разработки единых принципов написания топонимов на картах и практически все отдал на откуп самим картографам, что породило, как результат, «топонимический произвол», а последнее, в свою очередь, стало причиной возникновения огромного числа лингвистических ошибок на русских картах XVIII века. Это и стало основанием для пересмотра всей картографической концепции позже – в XIX веке, однако сама проблема нормализации географических названий стала предметом научно-практического исследования только с конца 1930-х годов.

Ключевые слова: лингвистические и топографические принципы; топонимы; картография; сбор и обработка географических названий.

UDC 94

The North Black Sea Region (the 18th-19th Centuries): A Historiographical Survey¹ Aleksandr A. Cherkasov² Vyacheslav I. Menkovsky³ Vladimir G. Ivantsov⁴ Aleksandr A. Ryabtsev⁵ Violetta S. Molchanova⁶ Olga V. Natolochnaya^{1, 3, 4, 5} Sochi State University, Russian Federation¹ Dr. (History), Professor² Belarus State University, Belarus

Dr. (History), Professor

³ PhD (History), Assistant Professor⁴ PhD (Economy), Assistant Professor⁵ Postgraduate Student⁶ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

PhD (History)

Abstract. This historiographical survey examines studies concerned with the exploration of the north Black Sea region in the 18th-19th centuries. Studies into the subject can be divided into three major groups: 1. Pre-revolutionary studies (Russian and foreign works published prior to 1917); 2. Soviet studies (1917-1991); 3. Modern Russian studies (1991-2014). In conclusion, the authors point up that despite the diversity of studies into the history of the Caucasus and the Caucasian War, fragmentary attention has been devoted to the history of the north Black Sea region in the 18th-19th centuries. To this day, there have been no comprehensive studies into the history of Jigets, the Sadz, and other tribes, which means that the subject of the history of the north Black Sea region is still waiting for its researcher.

Keywords: north Black Sea region; historiographical survey; 18th-19th centuries

Введение

Под территорией Северного Причерноморья подразумевается прибрежная и нагорная территория, на которой проживали адыги (натухаевцы, шапсуги), убыхи и абазины (к последним относятся медовеевцы, садзы, джигеты и др.). Географически данная территория простиралась от Анапы до реки Бзыбь. Долгое время эта территория представляла практически обособленную зону для внешнего влияния. Как известно, вглубь своих территорий горцы чужаков не пускали и ограничивались практически только торговыми сношениями на побережье. Начавшаяся Кавказская война изменила ситуацию. В результате на территории Северного Причерноморья оказалось значительное количество российских и иностранных подданных, включая разведчиков и эмиссаров. Так, в первой трети XIX в. на территории горцев Черноморья появились и работали эмиссары и агенты различных стран. Представляют несомненный интерес для историографов их дневники, изданные впоследствии. Пожалуй, самым значимым и подробным среди этих работ стал «Дневник о пребывании в Черкесии» Джеймса Белла, английского эмиссара, подстрекавшего горцев к продолжению войны против русских. Его «Дневник» был издан в Лондоне в 1840 г., однако был переведен на русский язык и доступен для читателя лишь недавно – в 2007 г.

Пребывание иностранцев на территории Северного Причерноморья, оставивших об этом письменное наследие, заслуживает отдельного историографического исследования.

Материалы и методы.

Материалами для подготовки статьи стали исследования, посвященные историко-культурному наследию Северного Причерноморья в XVIII–XIX вв. Важное значение в исследовании имеют и источники личного происхождения, а именно: дневниковые записи и мемуары, написанные путешественниками и военными агентами.

Методы. В работе над историографической рукописью использован хронологический метод, который позволяет рассмотреть историографию вопроса в его хронологическом (временном) порядке.

Результаты. Исследования по данной проблеме можно разделить на три основные группы:

1. Дореволюционные исследования (российские и зарубежные труды, опубликованные в период до 1917 года);
2. Советские исследования (1917–1991 гг.);
3. Современные российские исследования (1991–2014 гг.).

Дореволюционные исследования

Изучение историко-культурного наследия региона началось еще в период Кавказской войны. Так, английский эмиссар Джеймс Белл проживавший на территории Северного Причерноморья в 1837-1839 гг. оставил подробные записи о своем пребывании [1]. Записи Белла представляют интерес в понимании социальных и экономических процессов на территории горцев Черноморья. Несомненный интерес представляют также и письменные свидетельства, пребывавших на территории Черноморья: русского разведчика Ф.Ф. Торнау [2], корреспондента лондонского «Таймс» Дж. А. Лонгворт [3], а также путешественников Фредерика Дюбуа де Монперэ [4], Юлиуса Клапорт [5], Эдмунда Спенсера [6] и др.

Наиболее подробны дневниковые записи Джеймса Белла, который едва ли не в стенографической форме конспектировал все происходящее в течение своего двухлетнего пребывания у горцев. Записи другого английского эмиссара, Джона Логворта, носят более эпизодический характер, и его воспоминания, по сути, являются рассказом о пребывании у горцев. Что касается русского разведчика Ф.Ф. Торнау, оставившего «Воспоминания кавказского офицера», то необходимо отметить, что Торнау удалось посетить лишь абазин и он практически не коснулся жизни убыхов и тем более шапсугов.

Фредерик Дюбуа де Монперэ в своей работе под названием «Путешествие вокруг Кавказа» попытался проследить историю горцев Черноморья, начиная с первой трети XVIII в. Автор описал социальный строй, демографию и быт горцев Черноморья, а также попытки России начать конструктивный диалог с горцами до военных действий.

После окончания Кавказской войны началось систематическое изучение истории Северного Причерноморья. Значимую роль в этом проводили представители Русского императорского географического общества, а также военные историки. В этот период основное внимание в научных исследованиях уделялось изучению истории Кавказской войны. Делаются попытки обобщения многолетней истории крепостей, фортов, линий. Так, например, исследователь Е. Васильев продолжил исследование истории Черноморской береговой линии с 1833 года по 1855 год [7]. Исследователь Н. Дубровин уделяет главное внимание процессу укрепления русских на Кавказе [8]. Важную роль в событиях на территории Северного Причерноморья в период Кавказской войны играли азовские казаки, которые обеспечивали охрану таких объектов в крепостях как приморские блокгаузы. Эти события нашли свое отражение в работе А.П. Гаденко [9].

К сюжетам, связанным с окончанием Кавказской войны и покорением Кавказа, обратился известный кавказовед С. Эсадзе [10]. В исторических описаниях находят свое отражение и сюжеты, связанные с деятельностью известных исторических личностей. Так, например, Ф.Г. Уманец обратился к политике, проводимой генералом А.П. Ермоловым [11].

Из фундаментальных работ необходимо отметить Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК), изданные в Тифлисе. Тома издавались по мере накопления материала. Так, т. 3 был издан в 1879 г., т. 9 в 1881 г., а т. 10 в 1885 г. Издания АКАК, содержат богатый материал, в том числе документы и мемуарные произведения, относящиеся к Кавказской войне.

Немалое внимание Кавказской войне было уделено в многотомной работе «Кавказский сборник», издававшейся, как и труды АКАК, в Тифлисе. В частности том 5, изданный в 1880 г., был посвящен военным действиям в Кубанской области в 1861–1864 гг., а том 13, изданный в 1899 г., – драматическим событиям 1840–1842 гг. на Кавказе.

Необходимо отметить, что к 1890-м гг. интерес к теме Кавказской войны в научной литературе начал резко падать. Причинами этого явления стало изменение геополитической ситуации, связанной с событиями в Средней Азии, а в последующем на Дальнем Востоке.

Советские исследования

В советский период интерес к изучению локальной истории, в частности истории Северного Причерноморья упал. Кавказская война начала трактоваться как освободительная война против царского режима. Такое сужение проблематики не позволило историкам начать процесс изучения глубинных причин Кавказской войны и связанного с ней мухаджирства, а точнее перед ними такая задача и не стояла.

Публикациям 1920–1930-х гг. был свойственен историко-этнографический, описательный жанр, а в послевоенный период начали появляться первые монографические труды.

В советский период о горцах Черноморья писали такие известные историки-кавказоведы как Н. Дубровин [12], А.Н. Генко [13], А.В. Фадеев [14], Л.И. Лавров [15], Г.А. Дзидзария [16] и другие. Необходимо отметить, что интерес А.Н. Генко к убыхскому языку был не случаен. Накануне Первой мировой войны научные экспедиции Русского императорского географического общества посещали в Турции убыхские селения и пытались восстановить убыхский язык. Однако в убыхских поселениях, ввиду ассимиляции их жителей, практически никто не говорил на родном языке.

Заслуживает внимания работа Л.И. Лаврова "Этнографический очерк убыхов", которая содержит ценный материал о традициях и верованиях горцев Черноморья, а также о проблемах социально-экономического развития горского общества [17].

В 1935 г. в журнале "Исторический сборник" была опубликована статья А.В. Фадеева, которую автор посвятил освободительному движению горцев Черноморья, в частности убухов в период Кавказской войны [18]. Автор отдельно выявляет роль горных убухских князей в деле противодействия России в период Кавказской войны.

В другой своей работе А.В. Фадеев рассматривает абхазо-убухские взаимоотношения в первой трети XIX в. [19] Автор обращает свое внимание на попытки убухов приобщить Абхазию к войне против Российской империи. Не обходит вниманием А.В. Фадеев и тему деятельности иностранных эмиссаров из Турции и Великобритании на территории горцев Черноморья.

Проблемами истории и этнографии горцев Черноморья занимались такие известные исследователи-кавказоведы как Н.Г. Волкова [20], Е.П. Алексеева [21], З.В. Анчабадзе [22] и др.

Таким образом, интерес исследователей к теме истории Северного Причерноморья наблюдался практически на протяжении всего советского периода. Единственно когда этот интерес несколько снизился – это период 1940–1950-х гг., что, было связано с Великой Отечественной войной, а затем с периодом восстановления народного хозяйства.

Современные российские исследования

Характерным явлением в 1990-х гг. и в начале XXI века стало обращение к проблематике народов Северного Причерноморья кавказских авторов, пытающихся в условиях идеологизированного общества объективно и, вместе с тем, с позиций национального самосознания создать «правдивую» историю своих народов.

Одной из первых работ, написанных в современный российский период, стал труд В.Х. Кажарова «Адыгская хаса», в котором автор пишет о попытках создания государства на территории горцев Черноморья. Автор уделяет внимание и военным действиям на завершающем этапе Кавказской войны [23].

В 1996 году в Краснодаре были изданы «Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.» [24]. В этом коллективном труде было уделено внимание и Кавказской войне на территории Северного Причерноморья.

Одним из первых обобщений монографического плана, посвященного убухам, является труд М. Х.-Б. Кишмахова «Род из священной долины убухов». Автор описывает территорию их расселения, численность, хозяйственные занятия, ремесла, быт и культуру, обычаи и традиции. В работе содержатся данные о социальной, экономической, политической и общественной организации убухов. Ценность этой работы определяется и тем, что в ней дана реконструкция влиятельного в прошлом убухского рода Берзек и деятельность представителей этого рода в годы Кавказской войны: переговоры с русским командованием, организация освободительной борьбы, попытки создания государства на территории Западной Черкесии и массовое выселение убухов в Османскую империю [25].

В 2001 году в свет вышла работа Т.В. Половинкиной «Черкесия – боль моя» [26]. В работе делается попытка обобщения истории участия горцев Черноморья в Кавказской войне, раскрываются некоторые особенности быта и нравов горцев Черноморья.

В 2002 г. в Майкопе было опубликовано исследование А.Ю. Чирг, в котором содержится материал об эволюции общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа. Автором были раскрыты особенности общественно-политической организации племен, в том числе на территории Северного Причерноморья [27]. Вместе с тем автор пытается разобраться в причинах провала идеи создания государства на территории Северо-Западного Кавказа и одну из причин этого видит в племенной раздробленности.

В том же году в Нальчике выходит исследование А.В. Сивера, которое содержит интересные сведения о горцах Черноморья и, в частности, шапсугах. Автор подробно останавливается на роли горцев Черноморья в Кавказской войне [28]. Примечательно, что причину поражения причерноморских горцев в Кавказской войне А.В. Сивер видит в горской раздробленности.

В 2007 году в Нальчике была защищена кандидатская диссертация М.Г. Хафизовой «Убухи в освободительном движении на Северо-Западном Кавказе в 20-60-е годы XIX века» [29]. Автор обращает свое внимание на то, что «в 1830-х-1850-х гг. "черкесский вопрос" вызывает обострение англорусских противоречий. Под предлогом "защиты" народов Северо-Западного Кавказа от экспансии России была выдвинута идея создания "независимой Черкесии" под покровительством западных держав. Речь шла не только о моральной и дипломатической поддержке Черкесии. Определенная помощь военными припасами (оружием, порохом) и военными советниками оказывалась, но она была незначительной и не играла решающей роли. С особой силой интересы европейских государств, в особенности, Англии, на Северо-Западном Кавказе проявились во время Крымской войны 1853–1856 гг. Попытки антирусской коалиции держав использовать Черкесию в войне против России полностью провалились» [30].

Заключение. Завершая, хочется отметить, что, несмотря на разнообразие исследований по истории Кавказа и Кавказской войны истории Северного Причерноморья XVIII–XIX вв. уделено внимание лишь эпизодично. До сегодняшнего дня нет комплексных исследований по истории

джигетов, садзов и других племен, а это означает, что тема истории Северного Причерноморья продолжает ждать своего исследователя.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках фундаментальной темы НИР «Кавказ в диалоге цивилизаций: механизмы глобальных изменений (опыт XVIII–XIX вв.)». Сочи, 2014.

Примечания:

1. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. В 2 т. Нальчик, 2007.
2. Торнау Ф. Ф. Воспоминания Кавказского офицера. Майкоп, 2008.
3. Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. / В кн.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Эльбрус. Нальчик. 1974.
4. Фредерик Дюбуа де Монперэ Путешествие вокруг Кавказа. Майкоп, 2010.
5. Клапорт Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.
6. Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году. Нальчик, 2008.
7. Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834–1855 годов. //Военный сборник. 1874. №9
8. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. СПб., 1871.
9. Гаденко А.П. Азовское казачье войско (1830–1865 гг.). Кашира, 1912.
10. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914.
11. Уманец Ф.Г. Проконсул Кавказа. СПб., 1912.
12. Дубровин Н. Черкесы. Краснодар, 1927.
13. Генко А.Н. О языке убыхов // Известия АН СССР. Серия 7. Л., 1928.
14. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.
15. Лавров Л.И. Этнографический очерк убыхов / Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. Майкоп, 1968. Т. 7.
16. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Издательство "Алашара", 1982. 530 с.
17. Лавров Л.И. Этнографический очерк убыхов / Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. Майкоп, 1968. Т. 7.
18. Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. М., 1935. № 4.
19. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.
20. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII–начале XX в. М.: Наука, 1984.
21. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. 355 с.
22. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVIII вв.). Сухуми, 1959.
23. Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Нальчик, 1992. 159 с.
24. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.
25. Кишмахов М. Х.- Б. Род из священной долины убыхов. Черкесск, 1999. 464 с.
26. Половинкина Т.В. Черкесия – боль моя. Майкоп: ГУРИПП "Адыгея", 2001. 224 с.
27. Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа. Майкоп, 2002.
28. Сивер А. Шапсуги. Этническая история и идентификация. Нальчик: "Полиграфсервис и Т", 2002. 216 с.
29. Хафизова М.Г. Убыхи в освободительном движении на Северо-Западном Кавказе в 20-60-е годы XIX века. / Дисс... на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Нальчик, 2007.
30. Хафизова М.Г. Убыхи в освободительном движении на Северо-Западном Кавказе в 20-60-е годы XIX века. / Автореф. дисс... на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Нальчик, 2007. С. 24.

References:

1. Bell Dzh. Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 gg. V 2 t. Nal'chik, 2007.
2. Tornau F. F. Vospominaniya Kavkazskogo ofitsera. Maikop, 2008.
3. Longvort Dzh. A. God sredi cherkesov. / V kn.: Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. El'brus. Nal'chik. 1974.
4. Frederik Dyubua de Monpere Puteshestvie vokrug Kavkaza. Maikop, 2010.
5. Klaport Yu. Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh. Nal'chik, 2008.
6. Spenser E. Opisanie poezdok po Zapadnomu Kavkazu v 1836 godu. Nal'chik, 2008.
7. Vasil'ev E. Chernomorskaya beregovaya liniya 1834–1855 godov. //Voennyi sbornik. 1874. №9
8. Dubrovin N. Istoriya voiny i vladychestva russkikh na Kavkaze. T.1. SPb., 1871.
9. Gadenko A.P. Azovskoe kazach'e voisko (1830–1865 gg.). Kashira, 1912.
10. Esadze S. Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voiny. Tiflis, 1914.
11. Umanets F.G. Prokonsul Kavkaza. SPb., 1912.
12. Dubrovin N. Cherkesy. Krasnodar, 1927.
13. Genko A.N. O yazyke ubykhov // Izvestiya AN SSSR. Seriya 7. L., 1928.
14. Fadeev A.V. Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX v. M., 1960.

15. Lavrov L.I. Etnograficheskie ocherki obykhov / Uchenye zapiski Adygeiskogo NII yazyka, literatury i istorii. Maikop, 1968. T. 7.
16. Dzidzariya G.A. Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya. Sukhumi: Izdatel'stvo "Alashara", 1982. 530 s.
17. Lavrov L.I. Etnograficheskie ocherki obykhov / Uchenye zapiski Adygeiskogo NII yazyka, literatury i istorii. Maikop, 1968. T. 7.
18. Fadeev A.V. Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Zapadnom Kavkaze // Istoricheskiy sbornik. M., 1935. № 4.
19. Fadeev A.V. Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX v. M., 1960.
20. Volkova N.G. Etnicheskiy sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII-nachale XX v. M.: Nauka, 1984.
21. Alekseeva E.P. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Karachaevo-Cherkesii. M.: Nauka, 1971. 355 s.
22. Anchabadze Z.V. Iz istorii srednevekovo Abkhazii (VI-XVIII vv.). Sukhumi, 1959.
23. Kazharov V.Kh. Adygsкая khasa. Nal'chik, 1992. 159 s.
24. Ocherki istorii Kubani s drevneishikh vremen po 1920 g. / Pod obshch. red. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar, 1996.
25. Kishmakhov M. X.- B. Rod iz svyashchenoi doliny obykhov. Cherkessk, 1999. 464 s.
26. Polovinkina T.V. Cherkesiya – bol' moya. Maikop: GURIPP "Adygeya", 2001. 224 s.
27. Chirg A.Yu. Razvitiye obshchestvenno-politicheskogo stroya adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza. Maikop, 2002.
28. Siver A. Shapsugi. Etnicheskaya istoriya i identifikatsiya. Nal'chik: "Poligrafservis i T", 2002. 216 s.
29. Khafizova M.G. Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Severo-Zapadnom Kavkaze v 20-60-e gody XIX veka. / Diss... na soisk. uch. st. kand. ist. nauk. Nal'chik, 2007.
30. Khafizova M.G. Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Severo-Zapadnom Kavkaze v 20-60-e gody XIX veka. / Avtoref. diss... na soisk. uch. st. kand. ist. nauk. Nal'chik, 2007. S. 24.

УДК 94

Северное Причерноморье (XVIII–XIX вв.): историографический обзор

- ¹ Александр Арвелодович Черкасов
- ² Вячеслав Иванович Меньковский
- ³ Владимир Гаврилович Иванцов
- ⁴ Александр Александрович Рябцев
- ⁵ Виолетта Сергеевна Молчанова
- ⁶ Ольга Васильевна Натолочная

^{1, 3, 4, 5} Сочинский государственный университет, Российская Федерация

¹ Доктор исторических наук, профессор

² Белорусский государственный университет, Беларусь

Доктор исторических наук, профессор

³ Кандидат исторических наук, доцент

⁴ Кандидат экономических наук, доцент

⁵ Аспирант

⁶ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Кандидат исторических наук

Аннотация. В историографическом обзоре рассматриваются исследования, посвященные изучению Северного Причерноморья в XVIII–XIX вв. Авторы разделили историографию на исследования по данной проблеме можно разделить на три основные группы: 1. Дореволюционные исследования (российские и зарубежные труды, опубликованные в период до 1917 года); 2. Советские исследования (1917–1991 гг.); 3. Современные российские исследования (1991–2014 гг.). В завершении авторы отмечают, что, несмотря на разнообразие исследований по истории Кавказа и Кавказской войны истории Северного Причерноморья XVIII–XIX вв. уделено внимание лишь эпизодично. До сегодняшнего дня нет комплексных исследований по истории джигетов, садзов и других племен, а это означает, что тема истории Северного Причерноморья продолжает ждать своего исследователя.

Ключевые слова: Северное Причерноморье; историографический обзор; XVIII–XIX вв.

UDC 94(47)

Public Sentences by Peasants of Kursk Province in the Post-reform Period as a Source of the Activities of Peasant Public Administration

Tatyana Shishkareva

Southwest State University, Russian Federation
PhD (History), Lecturer
E-mail: karev@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of peasant sentences in Kursk province as a source, which contains information on the activities of rural and volost gatherings. Peasant assemblies, being one of the institutions of peasant public administration, invoked sentences on important issues, providing the support of the community. The analyzed sentences by peasant gatherings of Kursk province in 1861–1900 reflect the full range of social, economic and legal relations in peasant societies. In addition, the sentences enable to identify internal social processes in the community, the shortcomings and contradictions in the formation and development of peasant public administration.

Keywords: peasant public administration; peasant community; rural and regional assemblies; sentence; rural municipality; mayor.

Введение. Изучение крестьянского общественного управления как формы самоорганизации крестьянской общины, получившей формальное закрепление в 1861 г., имеет большое значение для формирования современного опыта самоуправления в России. Отсутствие значимых результатов реформирования местного самоуправления и невысокие темпы развития аграрного сектора экономики современной России определяют необходимость исследований в области крестьянского самоуправления как уникального социально-правового института, воплотившего в себе демократические начала и традиционные основы жизнедеятельности крестьянских обществ.

Обширный опыт крестьянского самоуправления включает в себя практику непосредственной демократии и выборов, особенности ментальности, а также политической и правовой культуры крестьянства, сочетание обычного и формального права, социального партнерства и государственной опеки над общиной.

Материалы и методы. Методологической основой исследования являются принципы объективизма и историзма. Использование исторического подхода в исследовании крестьянского общественного управления позволяет изучить процесс развития его институтов в конкретных политико-правовых и социально-экономических условиях. Источниковая база исследования представлена источниками различного происхождения. Основную группу источников составляют архивные документы. При проведении исследования использовались документы, содержащиеся в Государственном архиве Курской области, в том числе документы фонда Курского губернатора, фонда Курского губернского присутствия, фонда Курского губернского статистического комитета, фонда Курского губернского правления, фонда волостных правлений.

Обсуждение. Учрежденное Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости крестьянское (Далее – Общее положение) общественное управление базировалось на деятельности сельских и волостных сходов. Именно им предоставлялось право решать наиболее важные вопросы, касающиеся жизнедеятельности крестьянских обществ. Общее положение определяло перечень вопросов, подлежащих компетенции сходов. Их решение закреплялось приговором сходов. Решения сельских сходов признавались законными в том случае, если на сходе присутствовал сельский староста и не менее половины всех крестьян, имеющих право участвовать в сходах. Кроме того, для постановления приговоров по наиболее важным вопросам, как-то замена общинного пользования землей участковым или подворным, раздел мирских земель на постоянные наследственные участки, передел мирской земли, распоряжение мирским капиталом, исключение из обществ их членов, требовалось согласие не менее двух третей всех крестьян, имеющих право голоса на сходе.

Решения волостного схода признавались действительными, когда на сходе были: волостной старшина и не менее двух третей крестьян, имеющих право голоса. Все дела на волостном сходе решались по общему согласию или по большинству голосов.

Общее положение не устанавливало какой-либо обязательной формы приговоров. На практике крестьянские приговоры содержали сведения о дате, месте проведения схода, количестве присутствующих домохозяев или выборных на волостном сходе, сведения о сельском старосте или волостном старшине, присутствие которых являлось обязательным. Кроме того приговор отражал постановляемое решение. Примером приговора может являться приговор крестьян Льговского уезда Курской губернии: «1873 года мая 26 дня нижеподписавшиеся Курской губернии Льговского уезда крестьяне деревни Золотухиной, сего числа быв собраны на сельском сходе в количестве

9 домохозяев, составляющих сельский наш сход, единогласно постановили сей Приговор в том, чтобы просить распоряжения Правительства об отчислении нашего общества, состоящего из 25 ревизских душ, из Кожлянкой в Нижнедроняевскую волость, так как деревня Золотухина отстоит от Нижнедроняевской волости в 8 1/2 верстах, а от Кожлянкой волости в 15 верстах, чрез что мы терпим неудобство в делах, касающихся до волостного правления. В том и подписуемся крестьяне деревни Золотухиной Антип Сорокин, Аким Сорокин, Григорий Сорокин, Антон Сорокин, Григорий Сорокин, Иван Калугин, Петр Калугин, Филат Калугин, а вместо их неграмотных крестьянин деревни Золотухиной Кирила Михайлов Сорокин руку приложил» [1]. Этот приговор не содержит сведений о том, кто из крестьян являлся старостой, однако он присутствовал на сходе, поскольку волостное правление заверило этот приговор, о чем на приговоре была совершена надпись «1875 го года мая 26 дня приговор сей в Кожлянском волостном правлении явлен и в книгу приговоров подлинником под №31 записан в том волостном правлении, подписом и приложением печати свидетельствует волостной старшина Скрыгин, волостной писарь Критский» [2].

Сельский сход постанавливал приговоры о выборе сельских должностных лиц и назначении выборных на волостной сход, волостной сход осуществлял выборы старшины и судей волостного суда. Постановление выборных приговоров осуществлялось простым большинством или единогласно. Так, при открытии Костровской волости Рыльского уезда Курской губернии в октябре 1861 г. волостным старшиной был избран крестьянин Яков Коростелев, «в пользу которого подан 31 голос из 60, затем единодушно избраны двенадцать очередных судей волостного суда» [3].

Примером выборного приговора может служить приговор волостного схода о выборах старшины крестьян Пенской волости: «1877 г. февраля 27 дня мы нижеподписавшиеся Курской губернии Обоянского уезда Пенской волости выборные на волостной сход разных сел и деревень, быв сего числа на волостном сходе, постановили сей приговор в том, что мы с общего всех согласия избрали вновь на новое трехлетие в должность волостного старшины крестьянина Марка Емельянова Головенкина которому положено избирательных шаров 130 и свой 1, неизбирательных 6» [4].

Иногда процесс голосования осуществлялся разделением избиравших на две группы. Так, при выборе волостного старшины в Амонской волости в 1883 г. непреременный член Чарторижский, объявил собравшемуся волостному сходу, что «нужно приступить к выборам, когда же заявлено было о желании избрать прежнего волостного старшину Купреева, предложил тем, которые желают его избрать, остаться в комнате канцелярии, где находился волостной сход в числе 114 человек, нежелающим перейти в смежную комнату...» [5].

Выборы должностных лиц крестьянского самоуправления производились не только открытой подачей голосов, но и закрытой баллотировкой. В Щигровском уезде в феврале 1877 г. в шести волостях были произведены выборы волостных старшин, и из них в двух открытой подачей голосов. При рассмотрении уездным присутствием избирательных приговоров, между членами присутствия возникли прения относительно открытой подачи голосов при избрании волостных старшин. Губернское по крестьянским делам присутствие в своем докладе от 10 мая 1877 г. высказало мнение о том, что для пользы дела при выборах должностных лиц подлежит применять способ закрытого баллотирования, если волостным сходом не будет выражено желание произвести выборы открытым голосованием [6].

К ведению сельских сходов относилось постановление приговоров об исключении из общества его членов. Причинами удаления из сельского общества могли служить как совершаемые преступления, так и безнравственное, порочное поведение. Так, приговорами сельских обществ крестьяне сл. Борисовка Грайворонского уезда Курской губернии Ф. Горлач и Д. Пархоменко были удалены из общества за воровство и бродяжничество [7]. Крестьянин Н. Григорьев был удален из Рождественского сельского общества за недостойное поведение [8]. Но иногда причинами удаления из общества было сведение счетов с неудобными обществу лицами и их семьями. Кроме того, крестьянские общества имели право на постановление приговоров о непринятии в свою среду. Например, в соответствии с приговором крестьян села Малой Рыбицы на полном сходе, состоящем из 126 домохозяев был не принят в сельское общество опороченный по суду крестьянин того села Семен Жук 37 лет от роду [9].

К ведению сельского схода также относилось назначение опекунов и попечителей, а также проверка их действий. Имущество сирот, открывшееся после смерти наследодателя, подлежало описи и оценке должностными лицами крестьянского самоуправления. Сход же непосредственно принимал решение о необходимости продажи имущества, либо его части, либо же определял порядок ведения хозяйства. При этом соблюдались следующие правила: отчуждение «жизненных припасов и вещей, подверженных скорому тлению» разрешалось сельским сходом, прочее движимое и недвижимое имущество отчуждалось и закладывалось по приговорам, утвержденных губернским присутствием [10]. Рассмотрим на примере назначение опекуна над сиротами и их имуществом. В соответствии с выпиской из книги на записку приговоров о назначении опекуна Большесолдатского волостного правления за 1898 г, сельский сход крестьян села Большого Солдатченка Большесолдатченского общества Большесолдатченской волости Суджанского уезда состоящий из 391 домохозяев 30 августа 1898 г. в присутствии сельского старосты Афанасия Гридина в числе 261 домохозяев постановил приговор об избрании опекуна над оставшимися после смерти крестьянина Григория Максимова

Березуцкого, умершего 13 декабря 1896 г., имуществом и малолетним Андреем 6 лет и Гаврилой 3 лет, которым стала родная мать малолетних детей Евдокия Березуцкая. Ей и передавалось в распоряжение все имущество сирот, значащееся в описи, составленной 3 сентября 1898 г. Далее каждый год опекуноша представляла обществу годовые отчеты об использовании имущества [11].

Еще одним важным направлением деятельности сельских сходов являлось разрешение семейных разделов. Первое десятилетие после реформы в Курской губернии плохо велся учет семейных разделов, в том числе и потому, что они в большинстве своем были самовольными. После принятия закона о семейных разделах в 1866 г. количество разделов резко сократилось. Однако постепенно происходило измельчение семьи. Семья с одним, двумя работниками становится не только основой формой семейной организации в общине, но и трудовой единицей. Кроме того, с увеличением количества семей, увеличилось и число домохозяев, участвующих в сельских сходах. Это приводило к омоложению состава сельского схода.

Рассмотрим на примере приговор о разделе, совершенный сельским сходом в Ново-Оскольском уезде. При разделе семьи крестьян Лавриненковых общества слободы Александровки 4 октября 1887 г., состоявшегося в результате семейного раздора образовалось две семьи. Одна состояла из 3 человек с одним работником, а другая из 11 человек с двумя работниками. Семье, возглавляемой домохозяином Семеном Лавриненковым, по разделу стало принадлежать земля в количестве 8 $\frac{1}{4}$ десятин, изба с двором, амбар, третья часть ветряной мельницы, 50 оскорей, 2 лошади и 1 жеребенок, 1 корова, 2 подтелка, 10 овец, 2 свиньи, 8 гусей, 10 кур, 2 повозки на ходу, 2 хомута, 2 седелки, 2 возжей, 2 полушубка, 1 тулуп, 2 зипуна, разной хозяйственной посуды и хлеба третью часть. Василию и Макару Лавриненковым осталось 19 $\frac{1}{4}$ десятин земли, 2 избы с двором, две части ветряной мельницы, 2 амбара, 100 оскорин, 4 лошади, 2 жеребенка, 2 коровы, 5 подтелков, 22 овцы, 3 свиньи, 16 гусей, 20 кур, 4 повозки, 4 хомута, 4 седелки, 4 возжей, 4 полушубка, 2 тулупа, 4 зипуна, разной хозяйственной посуды и хлеба две части [12]. Семейные ссоры часто служили лишь поводом к разделу, причины же лежали в новых исторических условиях, созданных крестьянской реформой. Последствием семейных разделов было не только изменение социальной структуры крестьянской общины, но и новые экономические реалии, связанные с дроблением трудовой семьи, что являлось одной из причин дальнейшего обнищания деревни.

С осуществлением семейных разделов тесно связано постановление сходами приговоров о переделе земли. Переделы земли осуществлялись, если вследствие семейных разделов число домохозяев увеличивалось, либо же число домохозяев уменьшалось, для чего поля разбивали на большее или меньшее количество полос. Приговоры о переделах земли принимались квалифицированным большинством домохозяев, участвующих в сходе. Исполнение приговоров о переделе земель на наличные души немедленно после их составления до рассмотрения жалоб крестьянскими присутствиями часто являлось предметом споров между недовольными переделом внутри общины, поскольку постановление приговоров могло быть от незаконного числа домохозяев (менее $\frac{2}{3}$), или приговором постанавливался раздел земли четвертных и подворных участков, не подлежащих разделу на души, или приговором включалась в перераспределяемую земля огородов и конопляников, также не подлежащих разделу на души, как отнесенных законом к усадебной оседлости. Поводом для недовольства часто становился передел земли, осуществленный по незаконному приговору. Приговор этот подлежал уничтожению «с разъяснением сельскому обществу, что оно должно возвратить однообщественникам своим земли в том количестве, как они владели таковыми до передела» [13].

Особый интерес представляют приговоры крестьянских сходов об общественных нуждах, благоустройстве, призрении и обучении грамоте. Они дают необходимые представления о повседневной жизни крестьян, их нуждах и устремлениях, отражая изменения быта крестьян в пореформенный период.

С учреждением сельских обществ и волостей, а также избранием должностных лиц крестьянского общественного управления в 1861 г. начался процесс открытия сельских школ в Курской губернии. Мировой посредник 3 участка Белгородского уезда 11 ноября 1861 года в своем донесении губернатору сообщал: «Временнообязанные крестьяне... совершенно поняв преобразования их быта, с большим усердием заботятся об устройстве помещений для волостей, сельских управлений, магазинов и училищ» [14]. Конечно, создание сельских училищ требовало больших затрат и зачастую было непосильным бременем для обществ. Поэтому, не во всех сельских обществах были открыты школы, иногда на всю волость приходилось по два сельских училища. В приговоре сельского схода Матвеевского общества Брусовской волости Фатежского уезда от 8 сентября 1877 г. о желании быть причисленными к Смородинской волости одной из причин перечисления являлось то, что в обществе нет училища и средств к его созданию, кроме того «ближайшая ... в Брусовской волости школа находится в селе Брусовом и отстоит ... в 10 верстах... За непосещением Брусовской школы нашими детьми... они остаются без образования» [15].

Открывшиеся школы или училища частью содержались за счет обществ, частью на средства частных лиц, а с созданием земства – за счет выделяемых им средств. Часть сельских училищ относилась к ведению Министерства народного образования, однако большее количество училищ находилось в ведении должностных лиц крестьянского самоуправления.

В связи с постепенным ухудшением материального благополучия обществ в некоторых случаях происходило закрытие сельских училищ. В связи с этим курский губернатор в своем Циркуляре от 25 февраля 1871 г. мировым посредникам указывал на необходимость обращать внимание на общественные приговоры по делам училищ, убеждать общества в необходимости сохранения обеспечения училищ, за исключением «разве особенно уважительных причин, каково обеднение общества вследствие пожаров, наводнений, повальных болезней, скотских падежей и других народных бедствий» [16]. Нехватка средств на содержание или постройку учебных заведений вынуждала крестьянские общества обращаться за единовременным или постоянным пособием. Так, приговором Дальне-Песчанского сельского общества Пушкарской волости Белгородского уезда от 16 июня 1908 было постановлено просить ...об ассигновании из губернских сумм на постройку школы безвозвратного пособия 1200 р. и ссуды 1200 руб. для постройки «однокомплектного училищного здания на 66 человек...» [17].

Деятельность сельского схода по вопросу презрения престарелых и неспособных к труду членов сельских обществ ограничивалась созданием богоугодных заведений для лиц, которые не имели родственников, либо лиц имеющих родственников, которые из-за бедности не могли оказать им помощь. Кроме того, сельский сход принимал решения об оказании помощи тем семьям, которые вследствие тяжелой болезни работника или иных причин временно лишись средств к существованию, а также о презрении сирот. Так, приговором крестьян села Устинки Шебекинской волости Белгородского уезда от 16 августа 1901 г. постановлено не менее 1/10 дохода от общественных ярмарок «употреблять на содержание и обучение бедных сирот ...остальную сумму ...половину на уплату денежных повинностей...остальную половину на благоустройства села...» [18].

Содержание призреваемых часто было затруднительно для сельских обществ. Так, при объезде волостей Новооскольского уезда в 1888 г. вице-губернатор сообщал, что Слоновское общество «имеет богадельню в купленном для сей цели доме, помещение чистое... Хотя крестьяне пользуются достаточным наделом и в среде их развиты сапожное и столярное ремесла, но за последние годы, вследствие пьянства и беспорядочной жизни, а также и неурожаев, они сильно обеднели. Я получил несколько заявлений от лиц призреваемых обществом, что им прекращена за последний год выдача денежного пособия...» [19].

Таким образом, содержание сельских школ или училищ, а также богоугодных учреждений зависело от материального благополучия крестьянских обществ и потому, сельские и волостные сходы часто вынуждены были принимать решения о закрытии учебных заведений и отказе в выделении средств на содержание призреваемых, находящихся в ведении должностных лиц сельских и волостных обществ.

В соответствии с Общими Положениями сельский сход через выборных мог осуществлять подачу жалоб и просьб по всем делам касающимся общества.

В архивных документах канцелярии губернатора и губернского по крестьянским делам присутствия содержится большое количество различного рода жалоб и прошений крестьян, значительную часть которых составляли жалобы на действия должностных лиц крестьянского общественного управления и мировых посредников. Примером тому может послужить прошение Курскому губернатору от поверенного поселян Обоянского уезда села Ржавы: «1864 года февраля 19 числа по согласию общества нашего подано было прошение с приговором общества к мировому посреднику Господину Прибыткову о том, чтобы он в участке нашем не утверждал старшиною нашего села Федора Чепурного, но он Г. Посредник, не знаем за что осердился, бросил наше прошение и сказал такими словами «вы избранные от общества, то жалуйтесь Губернатору на меня», ... просим приказать от общества нашего волостного старшину Федора Чепурного от занимаемой им должности...» [20].

Для представления своих интересов перед третьими лицами, сельское общество избирало особых поверенных и выдавало им доверенность на представление его интересов. Примером этому может послужить приговор крестьян Старооскольского уезда, содержащий следующие условия доверения: «1882 года февраля 11 дня нижеподписавшиеся Старооскольского уезда Стрелецкой волости общества государственных крестьян слободы Пушкарской быв на сельском сходе собранные по распоряжению сельского старосты от 150 дворов и 700 ревизских душ более двух третей домохозяев по разным общественным нуждам, где избрали из среды себя в общественные поверенные государственного крестьянина Ивана Стефанова Коновалова, которого уполномочивает на ведение всех наших гражданских, уголовных, административных дел во всех судебных мировых учреждениях, уездных присутствиях, волостных судах, окружном суде, судебной палате, правительствующем сенате и во всех присутственных местах и должностных лицах, для чего он может подавать прошения и другие бумаги, быть на судебных заседаниях, выслушивать постановления и решения, изъявлять удовольствие или неудовольствие, приносить частные апелляционные и кассационные жалобы, заявлять о подлоге, отвечать по заявленному нам подлогу и по всем искам, окончивать дела миром не иначе как по согласию с нами, на что каждый раз ему будут предписаны условия действия, по сей доверенности в части или полностью, имеет право передоверить другому лицу, также уполномочиваем находиться при исполнительных действиях судебных приставов и других лиц, получать от всех мест и лиц следуемые нам деньги» [21].

Проблема представительства крестьян в высших инстанциях заключалась в том, что очень часто общества избирали малограмотных и не знающих законы поверенных, поскольку квалифицированные услуги стоили больших издержек и «крестьяне, не зная требований закона, проигрывают свои процессы часто за несоблюдением какой-либо формальности» [22].

Наиболее важными вопросами, по которым сельский и волостной сходы постановляли приговоры, были определение размера сборов на общественные расходы, раскладка казенных податей, земских и мирских сборов и натуральных повинностей, а также осуществление раскладки издельной повинности и оброка в пользу помещика по душам, по тяглам или иным способом в соответствии с местными обычаями в тех обществах, где существовала круговая порука; принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок.

Мирские повинности поступали на нужды волости или нужды сельского общества. Помимо мирских повинностей крестьяне несли земские и казенные повинности, как денежные, так и натуральные. К казенным платежам относились подушная подать, сбор на продовольственное обеспечение, поземельный налог [23]. По уставу о земских повинностях общества крестьян, как сельские, так и волостные, исполняли обязательные земские повинности по содержанию в исправности почтовых, торговых и других больших дорог, а также их починке, по поставке подвод для развозов нижних полицейских чинов, жандармов, по перевозке больных и увечных арестантов и доставлению нижних чинов запаса армии в случае ее мобилизации к определенным местам. Кроме того, общества должны были предоставлять караульных для сопровождения арестантов, отводить или нанимать помещения для урядников, жандармов, лесных кондукторов, для проезжающих военных и гражданских чинов, а также для квартирования воинских команд, исполнение обязанностей сотских и десятских или их наём.

Раскладка платежей производилась на сельском сходе по окладным листам, получаемым из казначейства и земства, а также в соответствии с приговорами сходов, которые определяли мирские расходы. Каждому домохозяйину сообщалось о сумме сборов, назначенной с него по раскладке общества и о сроках, в которые должна быть внесена сумма. Для удостоверения произведенной раскладки податей и сборов сельское общество должно было составить приговор. На самом деле многие сельские общества не только своевременно, но и вовсе иногда не делали раскладок между крестьянами. В ряде случаев ни сами общества, ни должностные лица крестьянского самоуправления не принимали мер к своевременному взысканию окладных сборов, отчего накапливалась недоимка, взыскиваемая впоследствии по распоряжению полиции. Однако считать, что неосуществление раскладок между крестьянами и как следствие неуплата податей и сборов и накопление недоимок, происходили от нежелания обществ исполнять податную повинность либо от некомпетентности и бездеятельности должностных лиц, было бы неверно. Крестьянское хозяйство, если и получило импульс в первые годы реформы, то очень быстро его растеряло. Постепенный упадок хозяйства делал крестьянина и общину в целом неплатежеспособными. Уплата всех сборов и податей, лежащих на крестьянах, зачастую становилась возможной только при наличии дополнительных заработков крестьян.

Как отмечалось ранее, законодательство не предписывало строго регламентированной формы крестьянских приговоров. Однако в случае с раскладочными приговорами, местные власти предпринимали шаги по формализации этого процесса. Так, в Курской губернии в 1892 г. была утверждена форма раскладочного приговора, который должен был содержать сведения о недоимке общества, о том, какие средства, принятые сборщиком, должны поступить на пополнение недоимки, какие средства идут на погашение текущего оклада выкупных платежей, государственного поземельного налога, губернского земского сбора, уездного земского сбора, на содержание волостного правления, на содержание училища, на сельские надобности, на содержание пожарных инструментов, на содержание пункта лошадей, на жалование должностным лицам, на ремонт общественного магазина, на молебны, на отправление новобранцев, на ведение судебных дел, на наем сторожей и другие нужды. При этом приговором определялось, какое количество денежных средств должно поступить от общественных доходов, а какое общество полагает взыскать с каждого домохозяйства по числу числящееся за каждым двором земли. Кроме этого, приговором указывались суммы страховых платежей, подлежащих уплате [24]. Примером раскладочного приговора может служить приговор о раскладке мирских расходов, постановленный в Львовском уезде Шептуховским волостным сходом, в соответствии с которым жалование волостного старшины составило 300 руб., расходы на разъездной пункт для старшины и писаря – 400 руб., на отопление здания волостного правления – 50 руб., волостному писарю назначалось жалование в размере 300 руб., помощнику волостного писаря – 120 р., на канцелярию по волостному правлению – 100 р., на канцелярию по волостному суду – 30 р., трем волостным судьям по 48 рублей, председателю волостного суда – 60 руб., сторожу волостного правления – 50 руб., рассыльному при волостном правлении 40 руб., всего 1594 руб., «каковую сумму сход разложил на число ревизских душ, именно 3370 и с каждой ревизской души приходится по 47 1/2 к., остаток же из общей суммы 6 р. 75 коп. ...в число страховых платежей здания волостного правления...» [25].

Сельский и волостной сход в соответствии с Общим Положением также осуществляли учет должностных лиц, избранных обществами, и назначал им жалование или иное вознаграждение за службу. Вопреки указанной норме, как отмечалось в Циркуляре Министерства внутренних дел от

9 июня 1875 г. Курскому губернатору сельскими обществами «не производится учетов собранных сельскими старостами и сборщиками сумм» [26]. Несмотря на многочисленные случаи растрат денежных сумм должностными лицами, их учет либо не производился обществами вовсе, либо осуществлялся формально. Формальный учет осуществлялся сходом путем голосования за произведенный самими должностными лицами учет тех сумм, которые находились в их ведении. Такая ситуация возникала в связи с тем, что крестьяне были не в состоянии в силу своей малограмотности разобраться в счетоводстве, а потому принимали на веру предлагаемый им учет денежных сумм. Чтобы изменить сложившуюся практику, губернатор в 1880 г. рекомендовал уездным присутствиям «вменить в обязанность ... предварительно ... выборов должностных лиц производить через своих членов подробный учет как волостных старшин, так и прочих должностных лиц, заведующих общественными суммам...» [27].

Что касается вознаграждения должностных лиц, то некоторые общества вовсе отказывались назначать какое-либо вознаграждение. Размер вознаграждения в тех обществах, где оно все же назначалось, зависел от занимаемой должности, от состоятельности общества и его многочисленности. Размер вознаграждения сельского старосты в некоторых обществах был номинальным, в иных же обществах был сравним с вознаграждением волостного старшины. Однако, даже в случае отсутствия вознаграждения, при занятии должности старосты сохранялась определенная выгода, так он пользовался льготами, освобождался от рекрутской повинности и телесных наказаний. Волостные судьи также не всегда получали вознаграждение, если же получали, то их вознаграждение было сопоставимо с вознаграждением старосты.

Вознаграждение одного старосты в губернии составляло от 3 руб. до 120 руб. в год. Волостные старшины, как правило, получали вознаграждение, значительно превышающее доход старосты от занимаемой им должности и наделялись большим объемом предоставляемых льгот, имея при этом более широкий круг обязанностей. При этом исполнение этих обязанностей в полной мере, в силу незнания законов и неграмотности волостных старшин, было затруднительно, вследствие чего одной из ключевых фигур в волости являлся писарь, осуществляющий делопроизводство и счетоводство в волостном правлении. Вознаграждение писаря при этом могло значительно превышать размер жалования старшины. Так, в соответствии с раскладочным приговором Ивницкого волостного схода Львовского уезда годовое жалование волостного старшины составляло 120 р., а волостного писаря – 300 руб., волостного судьи – 48 руб. [28]

К ведению волостного схода относилось также принятие решений по всем хозяйственным и общественным делам целой волости. Например, на волостном сходе от 10 мая 1867 года выборные государственные крестьяне Старооскольского уезда Долгополянкой волости «с общего и непринужденного всех согласия постановили сей приговор в том, что мы желаем предоставить в продажу на торги устроенный нами дом для приемного упокоя и для призрения заболевающих крестьян, он существовал у нас с 1863 года и находился в нем фельдшер, от которой мы больницы пользы нисколько не находили и не находим, потому что крестьяне доселе к оному обращения не имели, а только излишние нам издержки» [29]. На волостном сходе крестьяне Николаевской волости Путивльского уезда 17 января 1888 года в присутствии волостного старшины Льва Игнатьевича Приходько в количестве 84 человек постановили приговор об учреждении вспомогательной кассы и взносе в нее по 20 копеек с каждой души ежегодно «на случай каких-либо бедствий как в делах общественных, так и в хозяйствах отдельных лиц и чтобы не прибегать для займа к лицам берущих процентов 4 и даже 5 коп. с рубля в месяц»... [30].

Также крестьянские общества постановляли приговоры по всем вопросам, которые относились законодательством к их компетенции. Примером может послужить разрешение сельскими обществами открытия питейных заведений. В соответствии с Уставом о питейном сборе, раздробительная продажа крепких напитков в селениях, в черте усадебной оседлости, разрешалась не иначе как по мирским приговорам сельских обществ [31].

Из дел Курского губернского по крестьянским делам Присутствия усматривается, что сельские общества при выдаче приговоров, разрешающих частным лицам производить продажу хлебного вина, облагали лиц, которым позволяли осуществлять торговлю, денежным взносом за право такой торговли. Нередко в тех же приговорах или особых к ним условиях право питейной продажи предоставлялось исключительно одному или нескольким лицам [32]. За такую монополию предприниматели готовы были платить немалые суммы. Так, в соответствии с данными управляющего акцизными сборами Курской губернии, при открытии питейного заведения обществам платилась условная сумма, которая иногда доходила до 350 руб. серебром [33]. Указанная сумма не была предельной. Например, крестьяне села Смородинского Смородинской волости Фатежского уезда полным сельским сходом в присутствии местного сельского старосты Пеликова составили приговор на отдачу Фатежскому купцу Василию Петровичу Абрамову двух питейных заведений за 825 рублей [34].

Распространенным явлением при постановлении приговоров крестьянских сходов был обычай «иметь случай выпить магарыч...», при этом сумма могла составлять более 20 руб., «отчего крестьяне избегают брать приговоры» [35]. Примером может послужить приговор крестьян общества слободы Пушкарской о снижении арендной платы купцу Ивану Яковлевичу Дятлову. Для того, чтобы крестьяне подписали этот приговор купец приговорил при мельнице «бочонки с водкою, вином и

закускою, куда собрались с кулачного боя лица и из других мест и некоторые из них напились ...пьяными и, не помня, что было от собранных лиц по поводу Дятлова ли или другого лица написанся приговор ...» [36].

Заключение. Приговоры сельских и волостных сходов, с одной стороны отражают их компетенцию, с другой стороны позволяют выявить тенденции в развитии самоуправления крестьян. Незаконность принимаемых приговоров, беспечность в выборе должностных лиц, бездеятельность крестьянских обществ в их учете, свидетельствуют о несовершенстве самоорганизации и самоуправления в крестьянских обществах. Однако, можно говорить о существовании сильных, стабильных сельских и волостных обществ, обладающих высокой степенью организации, которые были способны обеспечить жизнедеятельность общины.

Крестьянские приговоры в полной мере отражают деятельность сельских и волостных сходов, лежавшую в основе крестьянского общественного управления. Сельские и волостные сходы выполняли важнейшую функцию социально-правового регулятора в крестьянских обществах. Несмотря на все недостатки и противоречия в становлении и развитии крестьянского общественного управления, деятельность его институтов способствовала осуществлению крестьянскими обществами своих экономических, социальных и правовых функций. Осуществление сходами выборов должностных лиц, процесс принятия решений на сходах большинством голосов, формировали опыт осуществления демократии, оказывая влияние на менталитет крестьян, на их правосознание.

Таким образом, крестьянские приговоры являются ценным источником, свидетельствующим о деятельности институтов крестьянского самоуправления. Они содержат информацию обо всем спектре жизнедеятельности крестьянской общины, практике правоприменения и социальных процессах, происходивших в крестьянских обществах.

Примечания:

1. Государственный архив Курской области (ГАКО) Ф. 68. Оп. 1. Д. 5939. Л. 320.
2. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5939. Л. 320
3. ГАКО. Ф. 1. Оп.1. Д. 296. Л. 188
4. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1 л. Д. 95. Л. 4.
5. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1 л. Д. 137. Л. 8-9.
6. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6535. Л. 7
7. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 179. Л. 1.
8. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 995. Л. 1.
9. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6155. Л. 142.
10. Бржеский, Н. Очерки юридического быта крестьян / Н. Бржеский. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1902. С.9.
11. ГАКО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
12. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 2737. Л. 408.
13. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1 л. Д. 154. Л. 57-60.
14. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 209.
15. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5940. Л. 545.
16. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3744. Л. 25.
17. Журналы заседаний Белгородского уездного земского собрания. XLIV очередного с 1-го по 3-е октября 1908 года и экстренного за 1 апреля 1908 года: Типография Курского губернского земства, 1909. С. 150.
18. Журналы заседаний Белгородского уездного земского собрания. XXXVII очередного с 25-го по 28-е сентября 1901 года, 1902 г.: Типография Курского губернского земства, 1903. С. 164.
19. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 3857. Л. 8.
20. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2166. Л. 3.
21. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8864. Л. 98.
22. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3119. Л. 18.
23. Книга для крестьян. Сост. П.Н. Сысоев. Углич, 1893. - С.21
24. ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 318. Л. 166.
25. ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 318. Л. 60.
26. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6044. Л. 34.
27. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7755. Л. 3.
28. ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 318. Л. 52.
29. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2719. Л. 112.
30. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 4457. Л. 2.
31. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8840. Л. 45.
32. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3119. Л. 6.
33. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3745. Л. 33.
34. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 760. Л. 657
35. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8844. Л. 15.
36. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8864. Л. 96.

References:

1. GAKO (Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti). F. 68. Op. 1. D. 5939. L. 320.
2. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 5939. L. 320
3. GAKO. F. 1. Op.1. D. 296. L. 188
4. GAKO. F. 68. Op. 1 l. D. 95. L. 4.
5. GAKO. F. 68. Op. 1 l. D. 137. L. 8-9.
6. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 6535. L. 7
7. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 179. L. 1.
8. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 995. L. 1.
9. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 6155. L. 142.
10. Brzheskii, N. Ocherki yuridicheskogo byta krest'yan / N. Brzheskii. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1902. S.9.
11. GAKO. F. 188. Op. 1. D. 22. L. 1.
12. GAKO. F. 68. Op. 2. D. 2737. L. 408.
13. GAKO. F. 68. Op. 1 l. D. 154. L. 57-60.
14. GAKO. F. 1. Op. 1. D. 296. L. 209.
15. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 5940. L. 545.
16. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 3744. L. 25.
17. Zhurnaly zasedanii Belgorodskogo uezdnogo zemskogo sobraniya. XLIV ocherednogo s 1-go po 3-e oktyabrya 1908 goda i ekstrennogo za 1 aprelya 1908 goda.: Tipografiya Kurskogo gubernskogo zemstva, 1909. S. 150.
18. Zhurnaly zasedanii Belgorodskogo uezdnogo zemskogo sobraniya. XXXVII ocherednogo s 25-go po 28-e sentyabrya 1901 goda, 1902 g.: Tipografiya Kurskogo gubernskogo zemstva, 1903. S. 164.
19. GAKO. F. 68. Op. 2. D. 3857. L. 8.
20. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 2166. L. 3.
21. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 8864. L. 98.
22. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 3119. L. 18.
23. Kniga dlya krest'yan. Sost. P.N. Sysoev. Uglich, 1893. - S.21
24. GAKO. F. 66. Op. 1. D. 318. L. 166.
25. GAKO. F. 66. Op. 1. D. 318. L. 60.
26. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 6044. L. 34.
27. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 7755. L. 3.
28. GAKO. F. 66. Op. 1. D. 318. L. 52.
29. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 2719. L. 112.
30. GAKO. F. 68. Op. 2. D. 4457. L. 2.
31. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 8840. L. 45.
32. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 3119. L. 6.
33. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 3745. L. 33.
34. GAKO. F. 68. Op. 2. D. 760. L. 657
35. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 8844. L. 15.
36. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 8864. L. 96.

УДК 94(47)

**Мирские приговоры крестьян Курской губернии
в пореформенный период как источник о деятельности
крестьянского общественного управления**

Татьяна Николаевна Шишкарева

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
кандидат исторических наук, старший преподаватель
E-mail: ashishkarev@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению крестьянских приговоров Курской губернии как источника, содержащего в себе информацию о деятельности сельских и волостных сходов. Анализу подвергнуты приговоры крестьянских сходов Курской губернии в пореформенный период, отражающие весь спектр общественных, хозяйственных и правовых отношений в крестьянских обществах.

Ключевые слова: крестьянское общественное управление; крестьянские общества; сельский и волостной сход; приговор.

UDC 930.85

Nikolai Katanov in China: Unpublished Travel Diaries¹Yulia A. Martynova²Dmitry E. Martynov

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation
Institute of Philology and Intercultural Communication
Salikh Saidashev Higher School of Arts
PhD, Teaching assistant

420021, Russian Federation, Kazan, Tatarstan str., 2
E-mail: marabaeva.juli@gmail.com

² Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation
Institute of Oriental Studies and International Relations

Dr (History), Associated Professor

420111, Russian Federation, Kazan, Pushkin str., 1/55
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Abstract. The article summarizes the results of Xinjiang expedition by N.F. Katanov, conducted in 1889–1892 by order of the Russian Academy of Sciences. The core materials and undifferentiated diaries remained unpublished and are deposited in the National Archives of the Republic of Tatarstan.

N.F. Katanov's data in the National Archives of the Republic of Tatarstan (Fund 969) includes 551 files, covering the period of 1878 – 1919. We are talking about three documents:

- Fund 969, Inv. 1, d. 10: Journey to Siberia, Dzungaria and East Turkestan, committed in 1890 (241 pages);

- F. 969, Inv. 1, d. 11: Trip to the Seven Rivers and Tarbagatai, 1891 (558 p.)

- F. 969, Inv. 1, d. 76: Travel to Central Asia, Western China (Turfan) and Mongolia (487 p.).

N.F. Katanov travelled across the territory of Qing China several times. In 1890 he visited eight Chinese centers – Hotan, Kashgar, Aksu, Kuchar, Karakash, Baya, Lo-gucheng and Turpan, the language and folklore of the Turkic peoples of Eastern Turkestan were of his primary concern. Then he visited mainly Seven Rivers (Zhetysu), settled in Chuguchak, starting from May 13 to November 7, 1891, and in Chuguchak (where he settled from May 13 to November 7). Since November 8, 1891 to March 7, 1892, he visited Xinjiang, where he lived mainly in Hami. Then he went to Kulja, and returned to the Russian Empire in May 1892, staying within the China territory 18 months in total.

Keywords: General History; China; Xinjiang; N.F. Katanov; ethnography.

Введение. Николай Фёдорович Катанов (1862–1922) в истории отечественного востоковедения остался в первую очередь как авторитетный ученый-лингвист, наиболее успешно работавший в области тюркологии [1, с. 3]. Его magnum opus – «Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» [2], защищённый в качестве докторской диссертации в 1903 г., пользовался популярностью не только в России, но и в Западной Европе. Круг интересов Катанова был необъятен, однако некоторые магистральные направления можно выделить: в первую очередь это этнография, фольклористика и лингвистика тюркских народов, проживающих по обе стороны российско-китайской границы. Именно эти сюжеты в первую очередь привлекали зарубежных и отечественных исследователей. Наиболее характерна здесь история с публикацией ряда фольклорных текстов Катанова в Германии, осуществлённой ещё в 1933–1943 гг. [3-4]. Основной интерес к наследию Н.Ф. Катанова проявляют исследователи Татарстана, Хакасии и Тувы. В последнее десятилетие наиболее фундаментальные труды были изданы по этой тематике Р.М. Валеевым, В.Н. Тутужековой, А.К. Кужутет [1], [5], [6]. В числе неопубликованного – весьма объёмные дневники путешествий Катанова в Семиречье, Тарбагатай, Восточный Туркестан и Монголию, осуществлённых в 1889–1892 гг.

Синьцзянская экспедиция Н.Ф. Катанова. Уроженец Хакасии, Н.Ф. Катанов окончил с золотой медалью Красноярскую гимназию и стал студентом арабо-турецко-татарского разряда факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (причём из его переписки 1884 г. следует, что он собирался поступать в Казанский университет, но узнал, что восточный факультет уже 30 лет как в Петербурге) [1, с. 24]. После окончания университета, судьба Н.Ф. Катанова была фактически решена В.В. Радловым, который ещё в декабре 1887 г. представил доклад в отделении этнографии Русского географического общества, в котором предлагал организовать экспедицию для «исследования остатков тюркских племён на крайнем Востоке» [1, с. 30]. Одной из кандидатур, представленных в записке Радлова, был и Николай Катанов. Императорским указом от 22 декабря 1888 г. кандидат университета Н.Ф. Катанов был «командирован за границу с учёной целью» [1, с. 31]. На первых порах маршрут не был окончательно определён: в ходатайстве Петербургской Академии

Наук говорилось о его «отправке в Восточную и Западную Сибирь для изучения быта и языка народностей тюркского происхождения с последующей поездкой с этою же целью в Монголию и северо-западный Китай» [7, с. 331]. Азиатский Департамент МИД 10 января 1889 г. даже направил российскому посланнику в Пекине А.М. Кумани просьбу об оказании Н.Ф. Катанову всяческого содействия в случае посещения им Пекина. Письма аналогичного содержания были посланы внешнеполитическим ведомством российским консулам: И.В. Падерину в Монголии, В.М. Успенскому в Кульдже и М.П. Шишмареву в Чугучаке (Тарбагатае) [там же]. Последними, как следует из его дневников, он смог воспользоваться в полной мере.

На территории Китая Н.Ф. Катанов побывал несколько раз. Летом 1890 г. он посетил восемь центров – Хотан, Кашгар, Аксу, Кучар, Каракаш, Бая, Логучен и Турфан, в которых его в первую очередь интересовали язык и фольклор тюркских народов Восточного Туркестана. Следующая поездка по территориям, в основном, Семиречья с базированием в Чугучаке, проходила с 13 мая по 7 ноября 1891 г., причём в Чугучаке он находился с 13 мая по 7 ноября. С 8 ноября 1891 по 7 марта 1892 г. он вновь отправился в Синьцзян, где жил, преимущественно, в Хами. Далее он отправился в Кульджу и вернулся в пределы Российской империи в мае 1892 года, пробыв на китайской территории, в общей сложности, 18 месяцев [1, с. 33–39].

Первое китайское путешествие Н.Ф. Катанова, показалось ему благоприятным, о чем говорится в письме от 1 ноября 1890 г. к В. В. Радлову из пограничного поста Бахты: «Третьего дня я вернулся с двумя своими спутниками из путешествия по Чжунгарии (Тарбагатайскому округу) и Восточному Туркестану. За эту поездку мне удалось добраться до Ху-ми-е-цзы (Урумчи). На пути встретились города: Чугучак, Дурбульджин, Кур-Кара-усу, Манасы, Чан-цзи (Санжи) и Урумчи. В этих городах я встретил жителей всех южных городов провинции Ганьсу ([помимо] Восточного Туркестана). Эти жители летом в вышеуказанных шести городах занимаются полевыми работами, а осенью возвращаются домой» [7, с. 332].

Значительно больше трудностей встретилось Н.Ф. Катанову в Восточном Туркестане: «Если [мне] придется ехать в Хами, то прошу выхлопотать из Пекина китайский открытый лист, иначе придется где-нибудь положить [даже] голову. Если я буду назван кушцом, то тогда хоть с места не двигайся, потому что китайцы [местные чиновники] оберут всего и везде будут придираются [ко мне]. Без открытого листа [Цзунлиямэня], будет худо еще и потому, что много уйдет денег на подарки чиновникам» [там же].

Этот материал хорошо дополняется неизданными дневниковыми материалами. В записи от 17 июля 1890 г. читаем:

«В 7 часов вечера приехал ко мне с визитом Чугучакский галдай Ба, вытребованный сюда из-за моей бумаги хебей-амбанем. Галдай объявил мне через китайца-переводчика, хорошо знающего по-киргизски, что мне дадут билет до Урумчи и обратно и что, если дадут бумагу об оказывании мне покровительства, как писал чугучакский консул М.П. Шишмарев, то выйдут большие неприятности, как для меня, так и для них. Посидев один час, он уехал. Перед прощанием галдай сказал, что такого рода бумагу, о которой пишет консул, можно дать только по получении разрешения из Пекина или, по крайней мере, от Илийского (Кульджинского) цзянь-цзюня» [8, л. 68 об].

Дело оказалось весьма сложным, в результате дело дошло до МИДа в Петербурге. В телеграмме М.П. Шишмарева от 2 июня следующего, 1891 г., говорилось:

«Тарбагатайский амбань [правитель] не пропускает путешественника Катанова в Притяньшань без разрешения центральной власти, ссылаясь на то, что в [русско-китайских] трактатах ничего не сказано о путешественниках. Не будет ли признано возможным испросить разрешение из Пекина» [7, с. 332].

Пропуск для Катанова удалось получить в результате переговоров российского поверенного в делах К.В. Клейменова с чиновниками Цзунлиямэня (пекинского Трибунала внешних сношений) 5 июня 1891 г. [там же].

Опубликованные и неопубликованные источники по путешествиям Н.Ф. Катанова в северо-западный Китай. Поездка Н. Ф. Катанова в северо-западную часть цинского Китая в 1890–1892 гг. (по заданию Российской Академии наук для этнографических и лингвистических исследований некитайских народов тюркского происхождения) сыграла огромную роль в формировании его научных интересов. О результатах своих исследований он детально рассказал на общем собрании РГО, состоявшемся в С.-Петербурге 19 мая 1893 г.

Для исследований Н.Ф. Катанова в северо-западном Китае наиболее характерен интерес к истории и особенно к жизни и быту некитайских народов данного региона. С предварительными итогами зарубежной экспедиции Н. Ф. Катанова познакомила своих читателей и газета «Сибирский вестник», поместившая по этому поводу краткую информацию в № 62 от 31 мая 1892 г. (с. 1). Некоторые подробности можно найти и в переписке Н.Ф. Катанова с В.В. Радловым, извлечения из которых, согласно решению историко-филологического отделения Академии Наук от 9 января 1890 г. сначала публиковались в виде приложений к академическим «Запискам», а в 1893 г. были опубликованы отдельным изданием [9]. В предисловии В.В. Радлов писал, что причиной издания послужило то, что «этих письмах было немало новых сведений по этнографии и тюркологии» [9,

с. 10]. Совершенно справедливым следует признать замечание Радлова, что материалы, представленные в письмах, весьма отрывочны и не вполне обработаны [там же].

Отчитавшись перед научной общественностью столицы об итогах экспедиции в Китай Н.Ф. Катанов, не найдя подходящего места для службы в Петербурге, перебрался в Казань. Именно с этим городом оказались связаны все 29 оставшихся ему лет жизни. В Казани Н.Ф. Катанов подготовил к защите докторскую диссертацию и смог реализовать свои научные и жизненные устремления, занимаясь преподаванием в Казанском университете и духовной академии [10, с. 76–84]. Немалую роль в том, что Н.Ф. Катанову удалось устроиться в Казани, сыграли В.В. Радлов и В.Р. Розен [7, с. 335].

Неудивительно, что огромные по объёму материалы путешествий Катанова в северо-западный Китай и Монголию, так и оставшиеся в значительной степени неопубликованными, сохранились именно в его фонде в Национальном архиве Республики Татарстан. Перечислим эти материалы:

– Ф. 969, оп. 1, д. 10: Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану, совершённое в 1890 г. (241 л.);

– Ф. 969, оп. 1, д. 11: Поездка в Семиречье и Тарбагатай, 1891 г. (558 л.);

– Ф. 969, оп. 1, д. 76: Путешествие по Средней Азии, Западному Китаю (Турфану) и Монголии (487 л.).

В статье Н.А. Шарангиной [6, с. 109–114] данные материалы характеризуются как «черновые», что не вполне соответствует действительности для двух первых дел. Объёмные тексты могут считаться полностью подготовленными для публикации, несмотря на достаточно эклектический их характер. В первую очередь бросается в глаза перемешанность самых разноплановых материалов, записи узкобытового характера сменяются этнографическими наблюдениями, фольклорными материалами (фиксируемыми в порядке их получения и записи), разными заметками, а также скрупулёзно фиксируемыми наблюдениями за погодой и состоянием атмосферы. Чтобы дать представление о характере неопубликованных материалов Н.Ф. Катанова, приведём один пример:

«18 августа. В 8 часов утра нам дали из китайской гостиницы 3 тарелки лапши за 3 кашгарских янчана. Одной порции лапши вполне достаточно для одного человека. Китайцы прибавляют так много перца, что и одной порции съесть нельзя. Лапша готовится из теста, заводимого без дрожжей, на одной воде. Наречие здешних дунган значительно разнится от наречия дунган чутучакских. Мусульман в карауле Улан-Усун 2 человека: 1 турфанец, живущий у китайца в работниках, и другой – халиец, продающий здесь дыни и арбузы, растущие в 40 ли отсюда, в деревне Ши-ши-хо-за. Этот хамиец сообщил мне 10 слов своего наречия. По этим словам видно, что халийское наречие весьма близко к турфанскому. Я и Исмаил [проводник Катанова – Ю.М.] заплатили за ночевку в комнате гостиницы по 3 кашгарских янчана. Отдельной платы за лошадей не брали. Войско в этой деревне стоит 50 человек вместе с сотником-начальником. В этой деревне есть кумирня и крепость. До деревни Ши-ши-хо-за мы ехали 4 часа. По сторонам дороги растёт высокий камыш, джингда и вяз. Дорогой мы видели толстую змею, длиной в 2 ½ аршина. После деревни Ши-ши-хо-за мы переехали чистую горную речку. В деревне Ши-ши-хо-за наш проводник Исмаил купил мяса 2 джина за 40 коп. В деревне есть 3 лавки. Мы остановились покормить коней на правом берегу речки. Эта речка первая с чистой водой. Все речки и ручейки, через которые нам пришлось переезжать до сих пор, были мутными. Вода в них была смешана с глиной и солончаком. Дорогой встретились нам 2 молодых аркара. В деревне Ши-ши-хо-за живёт мусульман 20 человек. Все они занимаются земледелием и садоводством. Приехали они сюда из Турфана, Аксу и Кашгара; из Хами нет никого. Между Улан-Усуном и Ши-ши-хо-за встретилось 8 верховых человек. Когда мы сидели на привале и пили чай, к нам подошел мальчик Садык, сын Сауда, 13 лет, родом из Турфана, живущий здесь со своими родителями уже 10 лет. Он хорошо говорит по-китайски. За 2 четверостишия (песни), которые он мне сообщил, я дал ему 1 лист белой бумаги №5. Содержание песен – следующее:

Пока не наступит
Ранняя весна,
Не будет петь
Звонкоголосый соловей!
Пока не придут
Признаки несчастья,
Не будет плакать
Перед Богом – раб его (т. е. человек)!

Белый тюльпан,
Красный тюльпан,
Если наступит весна,
Расцветут!
Возьмет ли друг,
Или не возьмет (их),
Добрая воля
Самого друга!

С места мы тронулись в 12 ч. ночи, чтобы при лунном освещении проехать всё расстояние до реки Манас.

Общее состояние атмосферы за этот день было следующее. В 5 ч. утра дул легкий SW ветер, а в 1 ч. дня - умеренный W; потом ветра не было целый день. В 5 ч. утра была закрыта облаками 1/2 неба, в 1 ч. дня – всё небо и, наконец, в 8 ч. в[ечера] – 3/4» [8, л. 95–96].

Заключение. Несмотря на постоянно выходящие новые работы по наследию Н.Ф. Катанова, ряд ключевых материалов остаются неопубликованными. Содержание дневников Катанова, относящихся к его экспедициям 1889 – 1892 гг., самое разноплановое, и автор, кажется, так и не сумел привести их к стандартам литературы о путешествиях XIX в. Однако современного исследователя может привлечь именно эклектический характер записей, в которых предстаёт в нерасчлѐнном виде поток впечатлений учёного от «зазеркалья» так называемого «цивилизованного мира» того времени.

Примечания:

1. Валеев Р.М. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии / Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова [и др.]. Казань-Абакан: Алма-Лит, 2008 – 2009. 354 с

2. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня / Н.Ф. Катанов. Казань: Типо-литография Казанского университета, 1903. XLII+1539+8+LX с.

3. Katanov N. Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. В. I. Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften, XXXII. Berlin, 1933.

4. Katanov N. Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. В. II. Aus dem Nachlaß von N. Th. Katanov herausgegeben. (Als Manuskript getruet). Berlin, 1943. 185 S.

5. Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли (Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества) / Н.Ф. Катанов; Подгот., вступ. слово А.К. Кужугет / Кызыл: Тувинский институт гуманитарных исследований, 2011. 384 с.

6. Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного семинара, 30 – 1 июля 2005 г. / Ред. коллегия: Валеев Р.М., Закиев М.З., Зайнуллин Г.Г. Казань: Алма-Лит, 2006. 296 с.

7. Хохлов А.Н. Поездка Н.Ф. Катанова в Северо-Западный Китай в 1890–1892 гг. и его труды по исламоведению / А.Н. Хохлов // Архив российской китаистики. Ин-т востоковедения РАН. Т. II / сост. А.И.Кобзев; отв. ред. А.Р.Вяткин. М.: Наука – Восточная литература, 2013. С. 327–355.

8. Катанов Н.Ф. Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану, совершѐнное в 1890 г. / Н.Ф. Катанов // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 969, оп. 1, д. 10. 241 л.

9. Катанов Н.Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана [Приложение №8 к 73-му тому «Записок Академии Наук»] / Н.Ф. Катанов. Санкт-Петербург, 1893.

10. Валеев Р.М., Мартынов Д.Е. Российское университетское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX – начало XX вв.) / Р.М. Валеев, Д.Е. Мартынов. Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. 116 с.

References:

1. Valeev R.M. (2008) *N.F. Katanov i gumanitarnye nauki na rubezhe vekov* [N.F. Katanov and the Humanities at the Turn of the centuries], Kazan-Abakan, Alma-Lit. [in Russian]

2. Katanov N.F. (1903) *Opyt yissledovaniya uryankhaiskogo yazyka s ukazaniyem glavneishikh rodstvennykh ego otnosheniy k drugim yazykam turkskogo korniya* [Research experience in Uryankhay language indicating the most important kinship to other Turkic roots languages], Kazan, University typography and lithography. [in Russian]

3. Katanov N. (1933) *Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. В. I. Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften, XXXII, Berlin.* [in German]

4. Katanov N. (1943) *Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. В. II. Aus dem Nachlaß von N. Th. Katanov herausgegeben. (Als Manuskript getruet), Berlin.* [in German]

5. Katanov N.F. (2011) *Ocherky Uryankhaiskoy zemly (Dnevnik puteshestviya, ispolnennogo v 1889 gody po porutcheniyu Imperatorskoy Akademii Nauk i Imperatorskogo Russkogo Geographicheskogo obshestva)* [Essays on Uryankhay Land: Travel Diary, is made in 1889 by order of the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society], ed. by A.K. Kuzhuget, Kyzyl, Tuva Institute of the Humanities. [in Russian]

6. Valeev R.M. et al. [ed.] (2006) *Naslediye N.F. Katanova: Istoriya i kultura turkskikh narodov Evrazii* [N.F. Katanov Heritage: The history and culture of the Turkic peoples of Eurasia], Kazan, Alma-lit. [in Russian]

7. Khokhlov A.N. (2013) *Poezdka N.F. Katanova v Severo-Zapanuiy Kitai v 1890 – 1892 i yego trudy po islavedeniyu* [N.F. Katanov Journey to Northwest China in the 1890-1892 and his writings on Islamic Studies], Archives of the Chinese Studies in Russia, Vol. II, 327-355. [in Russian]

8. Katanov N.F. (1890) *Puteshestviye po Sibiri, Dzungarii i Vostochnomu Turkestanu, sovershyonnoye v 1890 g.* [Journey to Siberia, Dzungaria and East Turkestan, committed in 1890], National Archives of the Tatarstan Republic, f. 969. Inv. 1, d. 10.

9. Katanov N.F. (1893) *Pis'ma iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana* [Letters from Siberia and East Turkestan (suppl. to Proceedings of the Imperial Academy of Sciences)], Saint-Petersburg. [in Russian]

10. Valeev R.M., Martynov D.E. (2009) *Rossiiskoye universitetskoye vostokovedeniye v arkhivnykh dokumentakh: tsentry, sobytiya i naslediye (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Oriental Studies of Russian universities in XIX – early XX centuries: centers, events and heritage in archival documents], Kazan, Kazan State University. [in Russian]

УДК 930.85

Н.Ф. Катанов в Китае: неопубликованные путевые дневники

¹Юлия Александровна Мартынова

²Дмитрий Евгеньевич Мартынов

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация

Институт филологии и межкультурной коммуникации

Высшая школа искусств им. С. Сайдашева

Кандидат исторических наук, ассистент

420021, Казань, ул. Татарстан 2

E-mail: marabaeva.juli@gmail.com

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация

Институт международных отношений, истории и востоковедения

Доктор исторических наук, доцент

420111, Казань, ул. Пушкина 1/55

E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Аннотация. В статье подытоживаются результаты синьцзянской экспедиции Н.Ф. Катанова, осуществлённой в 1889–1892 гг. по заданию Российской Академии Наук. Основные объёмные материалы и нерасчленённые дневниковые материалы остались неопубликованными, и хранятся в фондах Национального архива Республики Татарстан.

На территории Цинского Китая Н.Ф. Катанов побывал несколько раз. Летом 1890 г. он посетил восемь китайских центров – Хотан, Кашгар, Аксу, Кучар, Каракаш, Бая, Логучен и Турфан, в которых его в первую очередь интересовали язык и фольклор тюркских народов Восточного Туркестана. Следующая поездка по территориям, в основном, Семиречья с базированием в Чугучаке, проходила с 13 мая по 7 ноября 1891 г., причём в Чугучаке он находился с 13 мая по 7 ноября. С 8 ноября 1891 по 7 марта 1892 г. он вновь отправился в Синьцзян, где жил, преимущественно, в Хами. Далее он отправился в Кульджу, и вернулся в пределы Российской империи в мае 1892 года, пробыв на китайской территории, в общей сложности, 18 месяцев

Личный фонд Н.Ф. Катанова в НА РТ (фонд 969) включает 551 дело, датированных периодом 1878–1919 гг. Речь идёт о трёх объёмных документах:

– Ф. 969, оп. 1, д. 10: Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану, совершённое в 1890 г. (241 лист);

– Ф. 969, оп. 1, д. 11: Поездка в Семиречье и Тарбагатай, 1891 г. (558 л.);

– Ф. 969, оп. 1, д. 76: Путешествие по Средней Азии, Западному Китаю (Турфану) и Монголии (487 л).

Ключевые слова: Всеобщая история; Китай; Синьцзян; Н.Ф. Катанов; этнография.

UDC 323.37(477) «17-18»

**The History of Bureaucracy of the Russian Empire
in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century**

Sergey I. Degtyarev

Sumy State University, Ukraine
17, Kominterna St., Sumy, 40009
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: starssergo@bigmir.net

Abstract. The paper examines the state of the examination of the history of bureaucracy in the Russian empire by Russian scientists of XIX – early XX centuries. Some researchers considered the bureaucracy of the Russian Empire as a negative phenomenon. They believed that bureaucracy protects only the interests of the nobility and the government (Brazolenko B., Seredonin S., Ol'shevskiy I.). But some scientists believed that the bureaucracy of the Russian Empire was a mediator between the state and society (Gradovskiy A., Korkunov N., Lazarevskiy N.). It is concluded that at that time most had historical and legal character. Regional and national features of the functioning of the bureaucracy within the territories, annexed by the Russian Empire in the analyzed period were considered insufficient.

Keywords: Historiography; Bureaucracy; Civil Official; Russian Empire.

Введение. Вообще вопрос чиновничества Российской империи в XIX – начале XX вв. довольно редко становился предметом специальных исследований. Но при этом появлялось значительное количество научной и публицистической литературы, посвященной различным государственным органам власти и управления, истории общественных или экономических отношений, дворянского сословия и т.п. При этом одним из наиболее популярных источников для этих работ послужили материалы государственных учреждений разного уровня, которые содержали, кроме всего прочего, данные о чиновниках и канцелярских служащих этих учреждений. Эта информация частично отобразилась в работах исследователей и публицистов.

Материалы и методы. В основу данной статьи легли работы российских ученых – историков, юристов, философов, социологов XIX – начала XX вв., посвященные или частично касающиеся истории гражданского чиновничества Российской империи. При их анализе в большей степени нами использовался библиометрический метод исследования.

Обсуждение. Начала российской историографии истории чиновничества Российской империи фактически были положены в XIX в. Причиной большого внимания к указанной проблематике стала необходимость повышения эффективности государственного управления в империи, а для этого следовало выяснить в том числе и исторические корни формирования бюрократического аппарата. Таким образом одними из первых исследователей истории чиновничества стали ученые-правоведы.

К вопросам, связанным с прошлым чиновничества, исследователи-правоведы чаще всего обращались вскользь, в контексте характеристики истории и деятельности административных учреждений. А те работы, предметом которых была непосредственно бюрократия, посвящались лишь ее высокопоставленным представителям: воеводам, губернаторам, генерал-губернаторам. Это, например, работы И. Андриевского, И. Блинова, В. Гессена [1; 4; 7]. В частности работа И. Блинова "Губернаторы" больше посвящена характеристике обязанностей и границ власти губернаторов и мало касается других гражданских чиновников. Но это исследование все же освещает условия сношений губернских органов власти и управления с подчиненными им учреждениями, что в определенной степени дает возможность представить уровень зависимости местного чиновничества от высшего начальства.

Историография имперского периода склонна была рассматривать бюрократию как явление негативное, "выразителя интересов дворянства" и средство, с помощью которого самодержавие достигало своих целей. Бюрократия часто противопоставлялась обществу, над которым пыталась установить свою власть. Так, Б. Бразоленко в своей статье связывал с российским чиновничеством отчужденность от реалий жизни, господство рутины и сухого формализма, неоправданную централизацию власти и подавление любой инициативы в обществе [5, с.15]. И. Ольшевский также указывал на канцелярщину, рутину делопроизводства, формализм, волокиту как характерные особенности российской бюрократии [24, с.53-68]. С. Середонин рассмотрел взаимоотношения коронной (назначаемой) и выборной местной администрации. Он подчеркнул, что в период правления Александра I качество управления дворянских выборных должностных лиц было очень низким, местная администрация не желала иметь под боком выборных служащих, которые могли ограничивать действия чиновников [15]. Но в целом бюрократия как конкретная проблема практически не обращала на себя внимания исследователей дооктябрьского периода.

Представители государственной школы меньше критиковали бюрократию Российской империи. Одним из наиболее ярких представителей этого направления был А. Градовский. В своем фундаментальном труде "Начала русского государственного права", он дал характеристику центральным и местным учреждениям и в связи с этим привел некоторые данные о чиновниках. Сама работа носит историко-юридический характер. Согласно с его концепцией, государство было упорядочивающей и объединительной основой, а чиновничество – необходимым посредником между государством и обществом. Как следствие, целесообразность деятельности чиновничества в целом не подлежит сомнению, можно говорить только о затратах бюрократической системы и недостатках в работе отдельных ее представителей [8-11].

Идеи А. Градовского развили Н. Коркунов, Н. Лазаревский [18; 21].

Е. Анучин, О. Эйхельман, К. Соколов, используя историко-юридический метод, фактически реабилитировали термин "бюрократия", который до этого имел негативный оттенок и подразумевался как неэффективное управление [2; 29; 31]. Понятие "бюрократ" использовалось с тех пор как синоним слов "чиновник" и "администратор".

Одну из первых попыток исследовать историю чиновничества в целом сделал Е. Карнович [16]. Но его работа "Русские чиновники в былое и настоящее время" не отличалась глубиной выводов, освещала указанную проблему достаточно поверхностно, а некоторые данные, которые в ней содержались, можно подвергнуть сомнениям. Советский ученый П. Зайончковский очень критически отнесся к этой работе, лаконично охарактеризовав ее как очерк "лишенный научного интереса". Кроме того он считал, что количественные данные относительно чиновников Карновичем приведены не достоверные [13, с.19, 21].

Другие ученые-правоведы касались некоторых аспектов истории чиновничества, изучая юридические особенности функционирования российского государственного аппарата. К. Постовский исследовал вопрос криминального и судебного процесса в делах государственных служащих, которые совершили служебные преступления. В своей работе он опирался на законодательство конца XIX в. [26]. В. Евреинов был одним из первых, кто изучал систему гражданского чиновничества [12]. Изучался вопрос касательно уровня образованности чиновников судебного ведомства последней четверти XIX в. При этом ставилась цель определить профессиональный потенциал судебных учреждений империи через изучение количества чиновников этого ведомства, которые имели низшее, среднее и высшее образование [22].

Большой вклад в изучение бюрократического аппарата Российской империи сделали ученые-историки. Иногда этой проблемы они касались лишь поверхностно, при исследовании более общих исторических вопросов, а иногда посвящали ей отдельные научные работы. Например, в работах Ключевского, Кавелина, Чичерина, Сергеевича, Романовича-Славятинского и многих других историков XIX – начала XX вв. одной из главных была проблема сословий, их прав, привилегий, обязанностей и повинностей, их отношение к общегосударственным интересам и условиям развития государства [3, с.65]. В частности А. Романович-Славятинский придавал большое значение созданию корпоративной организации дворянства при Екатерине II [28]. В. Ключевский, В. Ивановский рассматривали чиновничество как особый общественный класс. По словам В. Ключевского, Российская империя со второй половины XIX в. руководствовалась не аристократией, а бюрократией, которую он определял как лишенную всякого социального облика кучку физических лиц различного происхождения, объединенную только чиновничеством [17, с.92]. В. Ивановский определял специфические черты бюрократии как отдельного класса, среди которых он назвал четкие иерархически построенные социальные роли, закрепляемые рангами, особую групповую психологию, тесную связь с властью и т.д. [14].

Особое значение имеет исследование барона С. Корфа, который считал, что дворянская служба по выборам стояла ниже государственной и дворяне почти сразу после издания Жалованной грамоты начали уклоняться от этой обязанности [19]. Хотя при этом большинство авторов дооктябрьского периода, высоко оценивая принятие Жалованной грамоты дворянству, считали выборную службу вариантом государственной (как оно и было на самом деле). Н. Чечулин обозначил отношение к службе дворянства до введения Жалованной грамоты. Он указал на то, что дворянство посредством своего участия в административных делах провинции стало больше контактировать с чиновничеством [30, с.85].

Отдельную наработку составляют труды непосредственно чиновников тех или иных государственных ведомств. Их работы по большей части сводились к освещению некоторых аспектов функционирования разных сфер государственного управления или отдельных их учреждений. При этом часто уделялось внимание и служащим этих учреждений. Так, социальному облику провинциального педагогического чиновничества в имперский период посвящены работы М. Васильева, И. Ульянова, А. Красева [6; 20]. Будучи чиновниками по ведомству Министерства народного образования, эти авторы выступали за создание профессиональных и моральных критериев служащих, давали рекомендации касательно повышения квалификации преподавателей.

С конца XIX в. все более популярными становятся идеи марксизма, которые нашли свое воплощение и в научных методах при изучении различных проблем истории. Первые историки-марксисты изучали бюрократию Российской империи в контексте своей базовой концепции о

классовом господстве. В связи с этим они отождествляли бюрократию и дворянство. Один из представителей марксистской школы, М. Ольминский считал, что бюрократии вне помещного дворянства не существовало вообще [23, с.24]. Разделяя эту точку зрения, Н. Рожков на примере литературных персонажей пытался воспроизвести психологические портреты разных типов чиновничества [27]. А М. Покровский постоянное увеличение влияния чиновников в обществе тесно связывал с развитием денежного обращения [25].

В целом в российской историографии исследуемого периода довольно детально было проанализировано законодательство, на которое опиралось чиновничество в своей деятельности, рассмотрены основные проблемы организации и функционирования системы управления в центре и на местах, дана характеристика положения высшей провинциальной бюрократии. Были даже сделаны немногочисленные попытки дать оценки чиновничеству/бюрократии (иногда даже морально-этического характера), определить уровень зависимости государства от бюрократического аппарата [5; 14; 16; 24].

В то же время целый ряд аспектов обозначенной проблемы оставался или малоизученным, или ему вообще не уделялось внимания. Так, исследователи XIX – начала XX вв. практически не изучили социокультурные и социопрофессиональные характеристики гражданских чиновников. Частично это объясняется тем, что представления об этой социальной группе сильно зависели от политических убеждений и строились в большей степени на основе общественных стереотипов, чем на совокупности объективных фактов. Мало внимания уделено чиновникам местных государственных учреждений низших инстанций. Безусловно большим недостатком российской историографии исследуемого периода является полное отсутствие работ, где ученые, изучая различные аспекты государственной службы и истории гражданского чиновничества, затрагивали бы региональные или национальные особенности этих явлений. А такие особенности существовали и это подтверждает нормативная база, которая регулировала управленческую сферу на так называемых окраинах империи – в Прибалтике, западных губерниях, Малороссии, Сибири, на Кавказе, Землях Войска Донского и т.п.

Заключение. Проблема изучения гражданского чиновничества стала актуальной в Российской империи уже с первых лет XIX в., когда бюрократическая система этого государства находилась еще в стадии формирования – постоянно усложнялась система управления, штаты чиновников росли, бюрократические функции усложнялись и т.д. Нужно было учитывать и ликвидировать недостатки, которые проявлялись в процессе функционирования этой системы, решать кадровый вопрос. В результате уже многие современники обратили внимание на обозначенные вопросы и стали активно их изучать. В то же время большое количество аспектов указанной проблемы так и не были затронуты учеными XIX – начала XX вв., что открыло широкое поле для исследований в области истории чиновничества Российской империи в дальнейшем. Ныне обозначенное направление является чрезвычайно важным для изучения, так как, например, многие недостатки, присущие современному чиновничеству корнями уходят именно во времена Российской империи и причины их появления следует искать именно там.

Примечания:

1. Андриевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах / И.Е. Андриевский. СПб., 1864. 156 с.
2. Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени / Е. Анучин. СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1872. 238 с.
3. Белявский М.Т. Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия / М.Т. Белявский // Вестник Московского университета. Серия IX. История. № 2. Март-апрель. 1970. С. 65-79.
4. Блинов И. Губернаторы / И.А. Блинов. СПб.: Типо-Литография К.Л. Пентковского, 1905. 365 с.
5. Бразоленко Б. Очерк развития бюрократии в России / Б. Бразоленко // Вестник знания. 1903. №8. С. 12-24.
6. Васильев М.Г. История Вятской гимназии за 100 лет ее существования / М.Г. Васильев. Вятка: Вятская губернская типография, 1911. 371 с.
7. Гессен В.М. Губернатор как орган надзора / В.М. Гессен. СПб., 1905. 120 с.
8. Градовский А.Д. История местного управления в России / А.Д. Градовский // Собрание сочинений. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 2. 492 с.
9. Градовский А.Д. Начала русского государственного права / А.Д. Градовский // Собрание сочинений. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 7. 433 с.
10. Градовский А.Д. Начала русского государственного права / А.Д. Градовский // Собрание сочинений. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1903. Т. 8. 580 с.
11. Градовский А.Д. Начала русского государственного права / А.Д. Градовский // Собрание сочинений. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1904. Т. 9. 559+CLXXX с.
12. Евреинов В.И. Гражданское чиновничество в России: Исторический очерк / В.И. Евреинов. СПб., 1887. 146 с.

13. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П.А. Зайончковский. М.: "Мысль", 1978. 288 с.
14. Ивановский В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс / В.В. Ивановский // Русская мысль. 1903. № 8. С. 7-15.
15. Исторический обзор деятельности Комитета министров: в 5-ти тт. / сост. Середонин С.М. СПб.: Канцелярия Комитета Министров, 1902. Т. 1. С. 277-278.
16. Карнович Е.П. Русские чиновники в былое и настоящее время / Е.П. Карнович. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1897. 164 с.
17. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций / В.О. Ключевский. Кн. 3. М.: Мысль, 1993. 558 с.
18. Коркунов Н.М. Русское государственное право / Н.М. Коркунов. Т. 1-2. СПб., 1901-1903.
19. Корф С.А., барон. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 годов / С.А. Корф. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1906. 720 с.
20. Красев А.А. Начальные народные училища Вятской губернии. Краткий исторический очерк / А.А. Красев. Вятка: Вятская губернская типография, 1900. 55 с.
21. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву / Н.И. Лазаревский. СПб., 1910. Т. 1-2.
22. О-в В. Образование лиц судебного ведомства // Юридический вестник. № 5. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1880. С. 142-152.
23. Ольминский М.С. Управление Россией в минувшем столетии / М.С. Ольминский. СПб., 1904. 124 с.
24. Ольшевский И. Бюрократия / И. Ольшевский. М., 1906. 80 с.
25. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен / М.Н. Покровский. СПб., 1914. Т. 5.
26. Постовский К. Об уголовном преследовании должностных лиц за преступления по службе / К. Постовский // Юридический вестник. Т. III. 1880. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1880. С. 530-551, 760-801.
27. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки / Н.А. Рожков. СПб., 1905.
28. Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования / А. Романович-Славатинский. СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1870. 564 с.
29. Соколов К.Н. Очерки истории и современного значения генерал-губернатора / К.Н. Соколов // Вестник права. 1903. Кн. 7, 8.
30. Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. Исторический очерк / Н.Д. Чечулин. СПб., 1889. 189 с.
31. Эйхельман О.О. Обзор центральных и местных учреждений управления в России и Устава о службе по определению от правительства / О.О. Эйхельман. К., 1890. 246 с.

References:

1. Andrievskiy I. About viceroys, voivods and governors / I.E. Andrievskiy. SPb., 1864. 156 p. (In russian).
2. Anuchin E. Historical overview of the development of administrative and police institutions in Russia from Institutions of the provinces in 1775, until recently / E. Anuchin. SPb.: Typography of the Ministry of Internal Affairs, 1872. 238 p. (In russian).
3. Belyavskiy M.T. Classes and castes of feudal society in Russia in the light of Lenin's legacy / M.T. Belyavskiy // Bulletin of Moscow University. Series IX. History. № 2. March-April. 1970. P. 65-79. (In russian).
4. Blinov I. Governors / I.A. Blinov. SPb.: Tipo-Lithography of K.L. Pentkovskiy, 1905. 365 p. (In russian).
5. Brazolenko B. Outline of the development of bureaucracy in Russia / B. Brazolenko // Herald of knowledge. 1903. №8. P. 12-24. (In russian).
6. Vasiliev M.G. History of Vyatka gymnasium for 100 years of its existence / M.G. Vasiliev. Vyatka: Vyatka provincial printing, 1911. 371 p. (In russian).
7. Gessen V.M. Governor as the supervisory authority / V.M. Gessen. SPb., 1905. 120 p. (In russian).
8. Gradovskiy A.D. The history of local government in Russia / A.D. Gradovskiy // Collected Works. SPb.: Typography of M.M. Stasyulevich, 1899. Vol. 2. 492 p. (In russian).
9. Gradovskiy A.D. The beginning of the Russian state law / A.D. Gradovskiy // Collected Works. SPb.: Typography of M.M. Stasyulevich, 1901. Vol. 7. 433 p. (In russian).
10. Gradovskiy A.D. The beginning of the Russian state law / A.D. Gradovskiy // Collected Works. SPb.: Typography of M.M. Stasyulevich, 1903. Vol. 8. 580 p. (In russian).
11. Gradovskiy A.D. The beginning of the Russian state law / A.D. Gradovskiy // Collected Works. SPb.: Typography of M.M. Stasyulevich, 1904. Vol. 9. 559+CLXXX p. (In russian).
12. Evreinov V.I. Civil chinoproizvodstvo in Russia: Historical Review / V.I. Evreinov. SPb., 1887. 146 p. (In russian).

13. Zayonchkovskiy P.A. The governmental apparatus of autocratic Russia in the nineteenth century / P.A. Zayonchkovskiy. M.: "Mysl'", 1978. 288 p. (In russian).
14. Ivanovskiy V.V. Bureaucracy as an independent social class / V.V. Ivanovskiy // Russian Thought. 1903. № 8. P. 7-15. (In russian).
15. Historical overview of the activities of the Committee of Ministers: in 5vol. / Comp. Seredonin S.M. SPb.: The Office of the Committee of Ministers, 1902. Vol. 1. P. 277-278. (In russian).
16. Karnovich E.P. Russian officials in the past and now / E.P. Karnovich. Spb.: Typ. of P.P. Soykin, 1897. 164 p. (In russian).
17. Klyuchevskiy V.O. Russian history. Full course of lectures / V.O. Klyuchevskiy. Vol. 3. M.: Mysl', 1993. 558 p. (In russian).
18. Korkunov N.M. Russian state law / N.M. Korkunov. Vol. 1-2. SPb., 1901-1903. (In russian).
19. Korf S.A., baron. Nobility and social class control over the century: 1762-1855 years / S.A. Korf. SPb.: Typography of Trenke and Fyusno, 1906. 720 p. (In russian).
20. Krasev A.A. The initial public schools of Vyatka province. A brief historical sketch / A.A. Krasev. Vyatka: Vyatka provincial printing, 1900. 55 p. (In russian).
21. Lazarevskiy N.I. Lectures on Russian state law / N.I. Lazarevskiy. SPb., 1910. Vol. 1-2. (In russian).
22. O-v V. Education of employees of the judicial department // Legal Herald. № 5. M.: Typography of A.I. Mamontov and Co, 1880. P. 142-152. (In russian).
23. Ol'minskiy M.S. Management of Russia in the last century / M.S. Ol'minskiy. SPb., 1904. 124 p. (In russian).
24. Ol'shevskiy I. Bureaucracy / I. Ol'shevs'kiy. M., 1906. 80 p. (In russian).
25. Pokrovskiy M.N. Russian history from ancient times / M.N. Pokrovskiy. SPb., 1914. Vol. 5.
26. Postovskiy K. About criminal prosecution of officials for crimes in the service / K. Postovskiy // Legal Herald. Vol. III. 1880. M.: Typography of A.I. Mamontov and Co, 1880. P. 530-551, 760-801. (In russian).
27. Rozhkov N.A. Historical and sociological essays / N.A. Rozhkov. SPb., 1905. (In russian).
28. Romanovich-Slavatinskiy A. Nobility in Russia from the beginning of the XVIII century to the abolition of serfdom. Corpus of material and preparatory sketches for historical research / A. Romanovich-Slavatinskiy. SPb.: Typography of the Ministry of Internal Affairs, 1870. 564 p. (In russian).
29. Sokolov K.N. Essays on the history and contemporary significance of the Governor-General / K.N. Sokolov // Herald of law. 1903. Vol. 7, 8. (In russian).
30. Chechulin N.D. Russian provincial society in the second half XVIII century. A historical essay / N.D. Chechulin. SPb., 1889. 189 p. (In russian).
31. Eykhel'man O.O. Overview of central and local administrative institutions in Russia and the Charter of the service for its intended purpose by the Government / O.O. Eykhel'man. K., 1890. 246 p. (In russian).

УДК 323.37(477) «17-18»

История чиновничества Российской империи в российской историографии XIX – начала XX вв.

Сергей Иванович Дегтярев

Сумский государственный университет, Украина
40009, г. Сумы, ул. Коминтерна, 17
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: starsergo@bigmir.net

Аннотация. Анализируется состояние изучения истории бюрократии Российской империи российскими учеными XIX – начала XX вв. Часть исследователей рассматривали бюрократию Российской империи как негативное явление. Они считали, что бюрократия защищает только интересы дворянства и правительства (Бразоленко Б., Середонин С., Ольшевский И.). Но некоторые ученые считали, что чиновничество Российской империи было посредником между государством и обществом (Градовский А., Коркунов Н., Лазаревский Н.). Сделаны выводы о том, что в это время большинство исследований имели историко-правовой характер. Мало учитывались региональные и национальные особенности функционирования бюрократического аппарата на территориях, присоединенных к Российской империи в исследуемый период.

Ключевые слова: историография; бюрократия; гражданский чиновник; Российская империя.

UDC 930

Nationhood and Political Identity in Peoples' Mentality from Provincial Towns of the Russian Empire, in XIX – early XX centuries¹Inga V. Maslova²Irina E. Krapotkina¹Kazan Federal University, Russian Federation
Dr. (History), Professor

E-mail: Saveliz@yandex.ru

²Kazan Federal University, Russian Federation
PhD (History), Professor

E-mail: ikrapotkina@mail.ru

Abstract. The article features the historic overview on development of political inceptions towards the state and state power of the Russian Empire in XIX – early XX centuries. The study is based on the analysis of basic ideas, stereotypes, and values of mass political culture of different social layers from provincial towns. The relevance of the topic is determined by the current state in today's Russia, where renewal of the society is very much dependant on public opinion on power structures. Thus, the perceptions of power by different social layers are determined not just through political and socio-economical conditions, but they have also deep cultural roots. The reconstruction of a change of people's mentalities towards the state power in XIX – early XX centuries, gives an opportunity for a deeper analyzing, to explain and understand the processes in the public perceptions of today's citizens of Russia.

Keywords: state power; political identity; citizens; provincial town; the Russian Empire; mentality.

Введение. Один из самых спорных вопросов в условиях модернизации современной России – вопрос о роли государства и государственной власти в различных сферах жизни общества. Анализ традиционных установок русского архетипа показывает, что в сознании россиян существует тесная связь, зависимость между личностью и государством. Эти отношения менялись во времени и в историческом пространстве. Двадцать лет назад государство воспринималось некоторыми социальными группами (особенно культурной и научно-технической элитой страны) как институт, сдерживающий свободное развитие человека. Во многом это была естественная реакция поколения, выросшего в условиях несвободы, тоталитарного государства, постоянного сдерживания личной инициативы. Не случайно начатые в России в 90-е годы XX в. преобразования проходили под лозунгом отделения государства от общества, минимизации возможности вмешательства государства в сферу частных интересов. Однако большинство россиян не ставили под сомнение необходимость защитных и социальных функций государства. Так возник нынешний конфликт между государством и обществом. И единственный выход из него видится в возвращении статуса государства и государственной власти, в возрождении патриотизма россиян.

Обращаясь к истории Российской империи XIX – начала XX в., мы видим, что государственная власть в ней обеспечивала сохранение единства и целостности такой огромной страны. Для россиян изначально более важной была государственная, а не национальная идея, традиционной характеристикой русского менталитета было глубокое уважение к государственной власти, идея служения Отчеству.

Материалы и методы. Для написания данной статьи использовались делопроизводственные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), Государственном архиве Кировской области (Киров), Программы проведения торжеств, в честь императорской фамилии, Присяга на верность Царю и Отечеству, публикации в региональной прессе XIX – начала XX в.

Привлекаемые исторические источники позволили раскрыть отношение горожан к государственной власти. Ракурс предпринятого исследования связан с современной ситуацией в гуманитарных науках, для которых характерны историко-культурный и антропологический подходы, междисциплинарность, обращение к истории малых общественных групп. Положенный в основу исследования антропологически ориентированный метод, предполагает изучение взглядов, мнений, настроений людей, их пристрастий, структуры ценностных ориентаций.

Научное исследование построено на основе принципов научности и объективности. В качестве методов исследования использованы: хронологический, позволивший проследить эволюцию политических представлений горожан о государстве и власти в России XIX – начале XX в.; сравнительно-исторический, для выделения характерных особенностей политической культуры горожан предполагается рассмотреть её в сравнении с губернскими и столичными жителями России; реконструктивный метод предполагает восстановление отдельных фактов на основе анализа письменных источников, фотодокументов, воспоминаний и т.д.

Обсуждение. Для российского менталитета характерен страх перед государством на генетическом уровне, добровольное подчинение ему. С древнейших времен государство осознавалось россиянами как Царь и как Бог, как верховный судья и в то же время – как защитник и покровитель. В русской культуре государственная власть наделялась особой силой.

Особенности истории России сказывались на формах её государственности. В Древнерусском государстве великому князю полагалось быть по-отечески строгим и справедливым. Идея верховной власти государя значительно укрепилась в Московском государстве, где ей придавался сакральный характер, т.е. власть воспринималась не как юридическое право, а как религиозное понятие. С падением Византии московских князей стали называть «царями», а в 1547 г. Иван IV Васильевич венчался на царство. Слово «царь» стало официальным, и это был не только титул, а божественное имя, с мистическим смыслом «воля царя – воля Бога». Сакрализация монарха, а вместе с ним идеи сильной власти ещё более усиливается при Петре I, когда на него возлагаются функции патриарха.

Самодержавие возникло в России в определенных исторических условиях и со временем стало отождествляться в сознании граждан с государством. Государственная власть традиционно оставалась очень сильной. В течение нескольких веков она была важнейшим компонентом русской культуры, что оказало влияние на русскую ментальность. Отношения власти и населения по традиции понимались как патриархально-семейные: «царь-батюшка» – глава русского рода, а «дети государевы» (народ) обязаны следовать его наказам.

Исторически власть в России держалась на страхе: горожане боялись городского, городской – градоначальника, тот – губернатора и т.д., по восходящей, к царю. Традиции подчинения власти и государству глубоко проникли в культуру городского населения и получили законченное воплощение в среде жителей городской провинции XIX – начала XX в.

В то время как столичная жизнь впитывала в себя западноевропейские и американские новации государственного либерализма и республиканских свобод, горожане российской провинции оставались носителями массовой политической культуры россиян по вопросам государства и государственной власти.

Отметим, что основными ретрансляторами политических воззрений на власть в среде горожан были многочисленные представители чиновничества. В истории Российской империи XIX – начала XX в. формирование чиновничества обусловлено ролью государства. Интерес к категории государственных служащих связан с общим антропологическим поворотом в историческом познании. Дореволюционные исследователи, как правило, юристы, предпринимали попытки дать определение понятию «государственная служба» [1].

В трудах историков вопросы государственной службы рассматривались в контексте изучения абсолютизма в России, развития государственного аппарата, становления чиновничества, проблем борьбы с бюрократизмом [2].

Учитывая противоречивые черты сложной общественно-публичной деятельности чиновника как такового и отечественного чиновника, в частности, отметим, что подлинным созидателем истории выступает не столько народ или выдающиеся личности – императоры, вожди, герои, сколько «серые» чиновники, часто демонстративно услужливые, но по-своему понимающие и в соответствии со своими интересами и способностями реализующие доверенные им государством функции. Корпорация чиновников являла собой организованную и, в большинстве своем, интеллигентную семью, которая была объединена одной общей идеей – верно, честно и разумно служить Государю Императору и Государству, и в пределах закона подчиняться требованиям правительства и начальства. Как отмечал О. Эйхельман, «обязанность служащего есть исполнение всех лежащих на нём, по предмету должности, действий; оно должно быть законное, во всём согласное с уставами и учреждениями, добросовестное, нелицемерное и бескорыстное; служащий должен «охранять всё в высокому Его Императорскому Величеству самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества». Всякую вверенную тайну, касающуюся службы и пользы Его Императорского Величества, служащий должен хранить свято и ненарушимо и никому не сообщать, кому о том ведать не надлежит. Служащий обязан уважением к своему начальству и должен точно исполнять его приказания; если же он сочтёт повеление «незаконным или противным интересу Его Императорского Величества, он обязан неупустительно исполнить то, что на подобные случаи в учреждении занимаемой им должности предписано»» [1, с. 79]. При вступлении в должность чиновники присягали на верность Царю и Отечеству, зачитывая клятвенное обещание [3, л. 20].

С усложнением системы управления в Российской империи горожане все чаще сталкивались с представителями различных государственных служб: налоговых, судебных, правоохранительных и т.д.

Каждая городская группа по-своему вступала в коммуникативные отношения с представителями чиновничества. Если купцы при общении с чиновничеством могли опираться на свое материальное положение, то у подавляющего большинства горожан не было серьезных рычагов воздействия на государственных служащих. Постепенно в «картине мира» горожан вырисовывается образ чиновника, которому приписывались определенные нравственные качества, образ жизни, внешний вид и другие атрибуты, характеризующие его, как человека, приближенного к власти и материальным благам.

В провинции немногочисленные зажиточные горожане чувствовали себя гражданами России в большей степени, чем в Москве и Петербурге, в которых проживало многочисленное неслужилое дворянство, чиновничество. Более того, они не только субъективно ощущали себя полноправными гражданами, но и были таковыми, повседневно участвуя в делах городского самоуправления.

Во второй половине XIX в. значительно расширилась роль горожан и, в первую очередь, купцов в управлении делами своих городов. В этот период на местах возникли органы городского и земского самоуправления, которые имели возможность оказывать воздействие на самые разные стороны жизни этих регионов. Согласно российскому закону, городская дума являлась распорядительным, а управа исполнительным органом городского общественного управления. Городовое положение 1870 г. строго определяло круг их полномочий, включавших в себя сбор и распределение местных налогов, ведение городского хозяйства, развитие промышленности и торговли, системы народного хозяйства и здравоохранения.

В городе Елабуге, Вятской губернии представители крупнейшего купеческого рода Стахеевы неоднократно проявляли себя усердными ревнителями городских нужд, занимая должности в органах местного общественного управления.

Первым проявил себя на этом поприще Иван Иванович Стахеев, занимая должность бургомистра елабужского городского магистрата, а с 1850 по 1853 г и с 1862 по 1865 г. по выбору городского общества служил елабужским городским головой. За отличные успехи по службе и «особенные труды на должности городского головы пожалован золотой медалью для ношения на шее, на ленте ордена Св. Анны» [4, л. 110]. Ещё раньше в формулярном списке И.И. Стахеева появилась запись о награждении его Орденом Святого Александра Невского за усердие. Служба в должности городского головы позволила Ивану Ивановичу ближе познакомиться и понять нужды горожан, что в свою очередь подвигло его на жертвования в пользу благоустройства города. На средства И.И. Стахеева был построен в городе каменный мост, строительство которого обошлось жертвователю в 15 000 руб. По желанию жителей города мост стал называться Стахеевским, а его устроитель Иван Иванович в 1871 г. он был удостоен звания Почётного гражданина города Елабуги [4, л. 2]. Желая заложить прочные основы источнику доходов, необходимому для покрытия общественных нужд, он построил на свои средства каменный Гостиный двор и пять корпусов деревянных торговых помещений, деревянные помещения казарменные для тюремного замка затратив на эти сооружения десятки тысяч рублей серебром. Из них только торговые помещения приносили городу 3 500 руб. ежегодно.

Частые пожары, происходившие в городе, приводили к тому, что горожане целыми семьями оставались без крыши над головой, а помощь, предусмотренная в таких случаях со стороны местных органов управления, оказывалась не достаточной. Учитывая сложившуюся ситуацию, Иван Иванович пожертвовал в пользу погоревших жителей города 10 000 руб.

Брат Ивана Ивановича, Дмитрий Иванович Стахеев, был избран к обязанностям городского головы с 1865 по 1868 г. Дмитрий Иванович озаменовал это время неусыпным попечением о городских нуждах и устройстве городского хозяйства. На средства Дмитрия Ивановича была построена огромная лестница, ведущая к пристани, позволившая жителям города значительно проще и быстрее добираться до реки Камы [5, с. 8]. Таким образом, в лице Дмитрия Ивановича городская управа нашла постоянный источник поступления сумм на городские нужды.

Примечательно, что, занимая пост городского головы, Дмитрий Иванович отказывался получать жалование за эту должность, направляя причитающиеся ему деньги на нужды города.

Широкомасштабная благотворительная деятельность, которой прославились Стахеевы в XIX – начале XX в., проводилась с учетом пожеланий и нужд органов городской власти и городского самоуправления. Инициатива елабужан, поддержанная городской думой по поводу открытия в Елабуге реального училища была воплощена в жизнь только при непосредственном участии купечества города. Самый крупный вклад в постройку училищного здания и оснащение его кабинетов внесли Стахеевы: Иван Иванович пожертвовал 100 000 руб., совместный внос Дмитрия Ивановича и братьев Ивана и Василия Григорьевичей составил 45 000 руб. Для наглядности отметим, что общая сумма капиталов, собранных на устройство реального училища в Елабуге, равнялась 185 583 руб. [6, с. 7]. Отношения между органами городского управления и елабужскими купцами строились по-разному: часто это были безвозмездные жертвования, но нередко купцы оказывали городу услуги по благоустройству как бы в кредит. Отсутствие в городской казне средств не всегда позволяло вовремя производить необходимые мероприятия по поддержанию городских учреждений, ремонту улиц и коммуникаций т.д. В этих условиях сложилась система, при которой состоятельные купцы производили необходимые работы за свой счет, а городская управа при появлении средств оплачивала их затраты.

В 1883 г. городская управа заняла у Д.И. Стахеева 16 000 руб. на городские нужды [7, с. 39]. Согласно Отчетам о деятельности Елабужской городской управы, в 1896 г. Иван Григорьевич Стахеев предоставил городу 29 430 руб. на устройство земляной дамбы, ведущей к городской пристани. Другой представитель династии Стахеевых – инженер-механик Федор Васильевич провел работы по устройству электрического освещения от Камской пристани к городу.

Конечно чиновник государственного ведомства, как носитель государственной власти, отличался от горожанина, наделенного властными полномочиями в органах местного самоуправления, но для большинства провинциальных горожан, именно последний являлся первой и наиболее доступной ступенью государственной власти. При этом довольно тесным образом со временем работы чиновников связаны праздничные неприсутственные дни, объявлявшиеся в честь «Государя Императора и Его Августейшей семьи» [8].

Отличительной особенностью социально-психологического портрета провинциального горожанина Российской империи XIX – начала XX в. была идея служения государю и государству.

В период капиталистических преобразований в России индивидуализм и практицизм, стремление к выгоде и материальному благополучию выступали существенным мотивом предпринимательской деятельности горожан. Но это стремление не стало культурным образцом, ему была необходима высшая идея. Этой идеей стало служение государю и государству. Важнейшей характеристикой социально-психологического портрета провинциального горожанина были монархические настроения. В каждом уездном городе широко отмечались торжества по случаю очередной годовщины коронации царствующего императора. Днем официальной коронации Николая I было 22 августа 1826 г., этот день становился общегосударственным праздником. На страницах «Вятских губернских ведомостей» описывались праздничные мероприятия, приуроченные к этой дате, состоявшиеся в 1851 г.: «С каким неизъяснимо сладким чувством с какой радостью встретили мы этот незабвенный день Коронования Августейшего нашего Монарха» [9]. Традицией торжеств было угощение, которое часто организовывалось за счет благотворительных средств. Например, глазовский 2-й гильдии купец Морголи, управляющий конторой акцизно-откупного комиссионерства, предоставил угощение (вино и мясная порция) для всех низших военных чинов в городе. Купцы и чиновники города Котельнича на собранные по подписке средства 22 августа 1851 г. организовали обед для солдат инвалидной команды [10]. Ещё одно подтверждение монархических настроений мы находим в таких фактах, как проведение торжеств по случаю коронации Александра III. В фондах Государственного архива Кировской области отложилось документы и программа проведения подобных торжеств в Яранске. В яранской городской думе по поводу организации праздника развернулась бурная дискуссия. Городская управа, ссылаясь на скудность бюджета и «неудовлетворенность насущных общественных потребностей», высказалась против организации угощения для народа. Но большинством голосов думцев, среди которых преобладало купечество, постановили выделить 700 руб. на праздник [11, л. 2]. Открытие празднования Священного коронования началось с молебна, после которого духовенство и именитые горожане перешли в здание городской управы, где в честь празднования пели гимн «Славься, славься наш Русский Царь». Затем на площади состоялась раздача угощения (водки и пирогов с мясом) служащим 155 пехотного запасного батальона.

В 16 часов проходило народное гуляние на площади. Эта часть праздника началась с выступления учениц городской прогимназии. Девочки исполняли народный гимн. Каждая участница хора получила в качестве подарка по книге. Выступление продолжилось пением соединенных хоров певчих Успенского Собора и Троицкой церкви. После чего были организованы танцы. Молодые люди могли проявить себя в спортивных состязаниях. Победители в беге, лазанье на мачты были награждены отрезами материи на сорочки. «На гулянии... были устроены хороводы, на которые приглашены девицы и молодежь из соседних селений. Каждая из участниц в хороводе, получала в подарок платок» [11, л. 5 об.].

В честь «торжества Священного коронования» Николая II в 1896 г. в Елабуге была организована подписка на учреждение стипендии имени Государя Императора при ремесленном училище. По подписке было собрано 2 000 руб., при этом список участников подписки составил 32 человека, из них 15 купцов. Самый крупный взнос в размере 500 руб. поступил от торгового дома «Григория Стахеева сыновья» [12, с. 162].

Купечество выступало с инициативой сбора средств на устройство памятников монаршим особам. Например, открытие памятника Императору Александру II в Глазове в 1912 г. [13].

В случае проведения общественных обедов и официальных торжеств, первый тост обязательно провозглашался за Государя. В июне 1909 г., после торжественного освящения электрической станции в Сарапуле, городское купечество было приглашено на обед на дачу городского головы П.А. Башенина. «Когда подали шампанское, начались тосты. Первый «за Государя» был покрыт громким «Ура!» присутствующих» [14].

В случае посещения города представителями царствующей династии проводилась большая подготовительная работа по благоустройству мест, которые намеривались посетить высокие гости, и организации торжественного приема. В 1868 г. великий князь Владимир Александрович совершал путешествие на пароходе по рекам России и посетил ряд городов Вятской губернии. В числе городов, удостоенных высочайшего визита, была Елабуга. Приготовления к встрече начались заблаговременно. Пристань была украшена флагами и цветами. На пристани была построена палатка, где гостя встречал сам губернатор и именитое елабужское купечество. «Великий путешественник соизволил принять приготовленный для него чай и после сего возвратился на пароход» [15, с. 144]. В 1873 г. подобный же визит в Сарапул нанес великий князь Алексей

Александрович. Отметим, что на организацию приема высочайшего гостя из городского бюджета было выделено 221 руб. 70 коп. Для сравнения скажем, что на постройку и ремонт городских дорог в названном году городские власти выделили гораздо менее значительные деньги – 150 руб. [16, л. 78об.].

Чувством неподдельной заботы о судьбах государства проникнуто письмо слободского купца К. Антифилатова к городскому голове с просьбой об открытии в городе общественного банка: «...Многие из моих предприятий, особливо по торговле нынешней, послужили в ощутимой для Российской торговли пользы и приобрели одобрение от самого Правительства. Почему желание мое как гражданина Отечество свое любящего, содействовать пользам общим» [17, с. 47]. Купец здраво рассуждает о том, какие экономические мероприятия могли способствовать росту благосостояния государства. Промышленность и торговля, по его мнению, «главные отрасли государственного богатства». С детства занимаясь торговлей, Анфилатов видит проблемы этой сферы. По его словам, торговля «при всех заботах правительства достигла цветущего состояния лишь в столицах и главнейших городах – приморских...судьба же купцов малокапитальных, а равно и мастеровых и ремесленников, в особенности тех, которые живут во внутренних городах, прямо-таки незавидна: редкие из них трудами своими могут приобрести себе столько, чтобы им стало на одно токмо с семействами пропитание и градские повинности» [18, с. 4]. Подытоживая, инициатор открытия общественного банка пишет: «Торговля и промышленность не развиваются в России по той причине, что нет организации дешевого кредита».

Особый характер русского патриотизма исторически связан с культом власти и государства. В российской культуре любовь к Родине неразрывно связана с любовью к родной земле, природному ландшафту и к государству. Государственность вообще имела в истории России и её культуре особое значение. Русский солдат воевал «За Веру, Царя и Отечество». Исторически в русском патриотизме присутствовал православно-государственный элемент.

Чувство патриотизма было отличительной чертой, свойственной жителям городов Вятской губернии. Оно проявлялось в пожертвованиях в пользу российской армии, активном участии в праздновании различных юбилейных мероприятий, связанных с героическим прошлым страны.

26 августа 1912 г. в Глазове были проведены народные гуляния в память о Бородинском сражении. «Увеселения посещены громадной массой публики. На берегу... был зажжен фейерверк!».

Во время Крымской войны «граждане Елабуги принесли на алтарь отечества до 25 000 руб. серебром для военных надобностей» [17, с. 123]. Самый крупный взнос (в размере 10 000 руб.) был сделан купцом 1-й гильдии И.И. Стахеевым. В городе на средства того же купца были построены казармы для инвалидов. Казармы впоследствии по усмотрению общества обращены в помещение резервного батальона.

Благотворительная деятельность династии Стахеевых в поддержку русских воинов-участников Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. находила отражение на страницах центральных изданий. «Правительственный вестник» сообщал: «Жители города Елабуги пожертвовали на военные надобности, по подписке, в распоряжение правительства 18 000 руб. Наиболее крупные пожертвования принадлежат И.И. Стахееву – 5 000 руб., торговому дому «Григория Стахеева сыновья» – 3 000 руб., Д.И. Стахееву – 2 000 руб.» [19].

Иногда понятие патриотизм понимался горожанами и властям по-разному. Это становилось поводом для горожан проявить некоторое неподчинения властям.

Сарапульская газета «Кама» в феврале 1915 г. опубликовала статью «Елабуга. Наши патриоты». Корреспондент из Елабуги сообщил об интересном, и как выяснилось позднее незаконно организованном социальном проекте компаньонов торгового дома «И.Г. Стахеев» Николая и Григория Ивановичей Стахеевых. Чтобы передать сарказм современника по отношению к предпринимателям, приведем цитату из статьи: «Они затеяли, должно быть по «мягкосердечию своему, «доброе дело» – освобождение от воинской повинности своих служащих» [20]. Напомним, что в этот период шла Первая мировая война, и выполнение воинской повинности означало отправку на фронт.

Удивление и возмущение корреспондента вызвал тот факт, что никто из служащих торгового дома не попал в списки мобилизации ратников ополчения. Стахеевым удалось освободить своих работников от призыва, вполне законным, по их мнению, способом. Согласно законодательству Российской империи, от воинской повинности освобождались лица, работавшие на речных и морских судах. Стахеевы уже с конца XIX в. владели огромным флотом речных торговых судов. Так вот накануне мобилизации большинство их служащих оказались «нанятыми на «стaxeевскую флотилию» капитанами, их помощниками, лоцманами, штурвальными и др.». С одной стороны, трудно обвинять названных предпринимателей в отсутствии патриотизма, учитывая их благотворительные взносы в пользу российской армии. С другой стороны, мотивацией названного поступка было, скорее всего, желание сохранить штат служащих, а соответственно и прибыль. Вместе с тем сложно объяснить понятие «патриотизм» супруге, чей муж уходит на фронт, оставив у неё на руках шестерых маленьких детей, или матери, которая отправляет на фронт своего единственного сына. И супруга, и мать будут до скончания дней своих видеть в хозяине торгового дома отца и благодетеля, который попытался, даже возможно во имя собственных интересов, застраховать их

семью от возможной утраты кормильца. Так или иначе, по названному факту было проведено расследование, братьев Стахеевых оштрафовали, а их служащие, подлежащие мобилизации, были отправлены на фронт.

Заключение. В целом политическая идентификация провинциальных горожан исторически связана с культом власти и государства. В числе характеристик менталитета провинциальных горожан Российской империи XIX в. нами выделяется почитание императорской власти, олицетворением которой являлась царствующая династия Романовых. Проявление названной характеристики менталитета мы находим:

Во-первых, в конкретных поведенческих установках горожан: присяга на верность, обязательное участие в праздничных мероприятиях, посвященных Священному коронованию, тезоименитству, встрече августейших особ; пение гимнов и провозглашение тостов в адрес монарха и членов его семьи;

Во-вторых, в желании иметь некие визуальные символы царствующей династии в своем городе или доме: памятки, портреты, статуэтки, цветочные клумбы с изображением представителей царствующей династии;

В-третьих, в создании в городе своеобразной социокультурной среды, отражавшей монархические настроения: присвоение учебным заведениям, паркам имен представителей династии Романовых; приурочивание их открытия к торжественным событиям в истории царствующего рода; открытие городских отделений общественных и благотворительных организаций, инициированных Романовыми.

В-четвертых, в личном вкладе горожан в поддержании имиджа власти: организация общественных обедов и раздача угощений, пожертвования в дни официальных торжеств в честь императора.

Примечания:

1. Эйхельман О. Обзор центральных и местных учреждений Управления в России и Устава о службе по определению от правительства. Киев, 1890.
2. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительно-историческое исследование. М., 1994.
3. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 733. Оп. 40. Д. 360.
4. ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф 582. Оп. 26. Д.846.
5. Отчёт о деятельности Елабужской городской управы и о состоянии подведомственных ей частей за 1896 г. Вятка, 1898.
6. Историческая записка о состоянии реального училища за 25 лет его существования.(1878 – 1903 гг.) / Сост. П. Дернав. Елабуга, 1903.
7. Смета доходов и расходов г. Елабуги Вятской губернии на 1889 г. Вятка, 1889.
8. Изменения праздничных дней // Чиновник. 1913. № 30.
9. Вятские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1851. № 34.
10. Вятские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1851. № 37.
11. ГАКО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 45.
12. Отчет о деятельности Елабужской городской управы за 1896 год. Вятка, 1898.
13. О постанове памятника // Глазовская речь. 1912. 25 августа.
14. Празднества на даче П.А. Башенина // Прикамская жизнь. 1909. 11 июня.
15. Шишкин Н.И. История г. Елабуги с древнейших времен. Елабуга, 1901.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп.92. Д. 126.
17. Прибавление к № 28 Вятских губернских ведомостей. 1841.
18. Замятин Г. Исторический очерк возникновения в гор. Слободском Общественного Анфилатова Банка // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 год. / Сост. Н. Спасский. Вятка, 1909.
19. Правительственный вестник. 1877. 18(30) августа.
20. Кама. 1915. 18 февраля.

References:

1. Eikhel'man O. Obzor tsentral'nykh i mestnykh uchrezhdenii Upravleniya v Rossii i Ustava o sluzhbe po opredeleniyu ot pravitel'stva. Kiev, 1890.
2. Medushevskii A.N. Utverzhenie absolyutizma v Rossii: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie. M., 1994.
3. RGIA (Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv). F. 733. Op. 40. D. 360.
4. GAKO (Gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti). F 582. Op. 26. D.846.
5. Otchet o deyatel'nosti Elabuzhskoi gorodskoi upravly i o sostoyanii podvedomstvennykh ei chastei za 1896 g. Vyatka, 1898.
6. Istoricheskaya zapiska o sostoyanii real'nogo uchilishcha za 25 let ego sushchestvovaniya. (1878 – 1903 gg.) / Sost. P. Dernov. Elabuga, 1903.
7. Smeta dokhodov i raskhodov g. Elabugi Vyatskoi gubernii na 1889 g. Vyatka, 1889.

8. Izmeneniya prazdnichnykh dnei // Chinovnik. 1913. № 30.
9. Vyatskie gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naya. 1851. № 34.
10. Vyatskie gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naya. 1851. № 37.
11. GAKO. F. 632. Op. 1. D. 45.
12. Otchet o deyatel'nosti Elabuzhskoi gorodskoi upravy za 1896 god. Vyatka, 1898.
13. O postanove pamyatnika // Glazovskaya rech'. 1912. 25 avgusta.
14. Prazdnestva na dache P.A. Bashenina // Prikamskaya zhizn'. 1909. 11 iyunya.
15. Shishkin N.I. Istoriya g. Elabugi s drevneishikh vremen. Elabuga, 1901.
16. GAKO. F. 582. Op.92. D. 126.
17. Pribavlenie k № 28 Vyatskikh gubernskikh vedomostei. 1841.
18. Zamyatin G. Istoricheskii ocherk vozniknoveniya v gor. Slobodskom Obshchestvennogo Anfilatova Banka // Pamyatnaya knizhka Vyatskoi gubernii i kalendar' na 1910 god. / Sost. N. Spasskii. Vyatka, 1909.
19. Pravitel'stvennyi vestnik. 1877. 18(30) avgusta.
20. Kama. 1915. 18 fevralya.

УДК 930

Чувство государственности и политическая идентификация в менталитете жителей провинциальных городов Российской империи в XIX – начале XX в.

¹ Инга Владимировна Маслова

² Ирина Евгеньевна Крапоткина

¹ Казанский федеральный университет, Российская Федерация

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: Saveliz@yandex.ru

² Казанский федеральный университет, Российская Федерация

Кандидат исторических наук, профессор

E-mail: ikrapotkina@mail.ru

Аннотация. В статье изучен исторический опыт формирования культуры политического представления о государстве и государственной власти в Российской империи XIX – начала XX века на основе анализа обыденных представлений, стереотипов, ценностей массовой политической культуры различных социальных слоев населения провинциальных городов. Значимость темы исследования определяется современной ситуацией в России, когда процессы обновления общества оказываются в значительной зависимости от того, каким образом общественность относится к властным структурам. При этом представление различных социальных слоев о власти не только определяется политическими и социально-экономическими условиями, но и имеет глубокие культурные корни, обнаруживается в сложившихся стереотипах восприятия субъектами культуры. Реконструкция процесса изменения менталитета горожан в XIX – начале XX в. в отношении власти представляет возможность глубже проанализировать, понять и объяснить процессы, происходящие в сознании современных граждан России.

Ключевые слова: государственная власть; политическая идентификация; горожане; провинциальный город; Российская империя; менталитет.

UDC 94(470) «19/20» +281.93

Preconditions and Reasons of Religions Educational and Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in the Late 19th – Early 20th Centuries

Yelena D. Mikhailova

South West State University, Russian Federation
PhD, Associate Professor
E-mail: miheldm@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to studying the reasons and preconditions for religions, educational and missionary activities of the Russian Orthodox Church in the late 19th – early 20th centuries.

Basing on the archive records, the author shows that most important preconditions for enhancing religions – educational activities were the following: the destruction of traditional patriarchal life of the masses, which was based on religions values, the need to overcome “religions ignorance” of a significant part of Orthodox population, the rapid religions dissent in the Russian Empire.

Analysis of reasons for their wide spread shows that it wasn't the cause of foreign influence or any kind of social protest.

Studying contemporary opinions as well as specific facts of provincial parish life led to the conclusion that there existed a wide complex of preconditions that influenced the growth of “protest” forms of religion.

Keywords: orthodox customs; traditional worldview; modernization; transformation of consciousness; “religious ignorance”; religious dissent; sectarianism; religious educational and missionary activity; spiritual and moral climate.

Введение. Вторая половина XIX – начало XX вв. вошли в историю как период модернизации, или «вестернизации» Российского государства. Стали эпохой заметного изменения духовно-нравственного и религиозного климата в российском обществе. Под влиянием общественной модернизации и европеизации начал разрушаться традиционный патриархальный уклад жизни широких масс, а вместе с ним начало трансформироваться и традиционное мировоззрение, основанное на религиозных ценностях. Изучение материалов местной и центральной прессы соответствующего периода (записок священнослужителей, публицистических очерков светских современников) дало массу примеров растущего равнодушия к церкви и пренебрежения ее установлениями со стороны самого большого социального слоя России – крестьянства. Анализ содержания ежегодно подававшихся в Св. Синод отчетов о состоянии Курской епархии за период с 1884 по 1916 гг. привел к выводу о растущей обеспокоенности курских преосвященных духовно-нравственным состоянием своих прихожан, распространением безверия и атеизма. Знакомство с источниками историко-этнографического характера привело к заключению об активном распространении в крестьянской среде конца XIX – начала XX в. пословиц и поговорок, отражающих неуважение к православным священнослужителям.

Согласно Б.Н. Миронову, одним из главных признаков модернизма является ослабление религиозных традиций и утверждение светской системы ценностей, в которой индивидуализм является «массовым ощущением», «второй религией», «новой технологией общественного и человеческого успеха» [1].

Действительно, факты говорят, что в результате «великих» реформ система ценностей крестьянства и городских низов начала меняться, в их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма, не свойственных патриархальному обществу. Капиталистические отношения, не стесняемые религиозными представлениями, становились нормой.

Согласно исследованию В.Ю. Лещенко, в народные поговорки пореформенного периода все чаще стала входить «жадность» притча. «У попа глаза завидующие, руки загребущие»; «Поп с живого, мертвого дерет»; «У попов карманы глубоки» [2].

С этим утверждением соотносятся слова И.А. Добровольского, с горечью писавшего, что «Русский крестьянин суверен, но все более равнодушен к религии... Он для очистки совести соблюдает внешние обряды культа; он идет в воскресенье к обедне, чтобы шесть дней больше не думать о церкви. Священников он презирает как тунаядцев, как людей алчных, живущих на его счет. Героем всех народных непристойностей, всех уличных песенок, предметом насмешки и презрения всегда являются поп и дьякон или их жены» [3].

Материалы и методы. Источниками для написания данной статьи послужили материалы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Курской области, отчёты о состоянии Курской епархии, выпуски Миссионерского обозрения, статьи курского автора И. Дмитриевского, исследования российского историка А.И. Клибанова, специалиста в области

истории религии и сектантства, создателя школы исследователей религиозно-общественных движений в России. И, конечно же, многочисленные труды, доктора исторических наук Б.Н. Миронова. Он является автором первого в мировой историографии обобщающего фундаментального исследования социальной истории России с конца XVIII в. до 1917 г., базирующегося на массовых статистических источниках.

Источниками являются также труды «отца русской педагогики», К.Д. Ушинского, российского культуролога А.С. Ахиезера, исследователя исторических закономерностей и А.И. Фаресова, русского писателя и публициста.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

О духовной жизни населения Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. красноречиво свидетельствуют отчеты о состоянии епархии, ежегодно подававшиеся в Синод курскими преосвященными. Не будучи заинтересованными в очернении своей паствы, архиереи, тем не менее, на протяжении периода с 1884 по 1916 гг. были вынуждены уделять всё большее внимание неполноценности ее религиозной жизни. «Простой народ... недостаточно проникает в сущность религиозных истин и не сознает, в чем именно должна проявляться его вера в жизни; интеллигенция относится скептически к этим истинам, а в жизни своей редко сообразуется с требованиями религии», - говорится в отчёте за 1906 г. [4].

Обсуждение. По сведениям И.А. Добровольского, отношение к церкви в соседних приходах часто оказывалось «настолько равнодушно, что пользовались малейшим недосугом, недомоганием или плохой дорогой и погодой, чтобы не посещать ее. О некоторых крестьянах говорили, что они были в церкви только тогда, когда венчались» [5]. Такая картина была характерна не только для Курской губернии. О подобных настроениях православных прихожан в пореформенный период свидетельствуют материалы из Владимирской губернии, изданные Б.М. Фирсовым и И.Г. Киселевой. Так, согласно этим материалам, в Меленковском уезде указанной губернии молились мало, да и родители не внушали детям творить молитву [6]. Едва ли не все посещали церковь лишь в праздничные и воскресные дни. В будни на службе бывал только церковный староста. Женщины посещали храм активнее мужчин. Священное писание крестьяне читали редко и молитв знали мало. Посты соблюдали «старики да старухи», молодежь соблюдала их не особенно строго [7].

О меняющемся менталитете широких масс говорит содержание народной литературы того времени. Проводимые современными учеными исследования показывают, что на рубеже XIX-XX в. здесь появляется новый – рациональный, активный, далекий от религии и церкви – герой, добивающийся успеха в жизненной борьбе благодаря личным усилиям, часто при этом вступая в конфликт с общиной и выходя за рамки устоявшихся обычаев. Он заменяет традиционного героя, который полагался на судьбу и божественное провидение [8]. «Замечаются отступления от традиционного мировоззрения, и мы здесь и там видим признаки зарождения другого, признающего участие человека в собственной судьбе», - писал по этому поводу Д.К. Кавелин [9].

В целом «догоняющая» модернизация оставила глубокий след на духовном облике российского социума. Ослабление влияния православия на широкие слои населения, капитализация человеческих отношений, пренебрежение к традиционным «деревенским» ценностям (без их адекватной замены) привели к процессу массового разложения нравственных устоев общества. Характеризуя городскую жизнь начала XX в., курский епископ Питирим писал: «Нарушение супружеской верности и незаконное сожитие составляют обычное явление, ими несколько не стесняются и часто жена и муж открыто изменяют друг другу, а общество... совершенно равнодушно к подобным поступкам» [10]. Также ему и его преемникам пришлось говорить о пьянстве, «легкомысленном и неосторожном употреблении безнравственных, грубых ругательств», легкомысленных суждениях о религии и т. д. [11].

Знаменитый русский педагог К.Д. Ушинский обращал внимание на явственную зависимость духовно-нравственного состояния населения и степени «цивизованности» того или иного населенного пункта (региона, области). Вот что он писал по поводу влияния новых явлений на духовную жизнь народа: «Патриархальная нравственность сохраняется гораздо более в глуши наших деревень, удалённых от центров промышленной деятельности и цивилизации. Чем более заброшена деревня в глушь, чем менее она пользуется всеми выгодами образования, тем патриархальнее её жители и тем они нравственнее. Чем ближе к железным дорогам и шоссе, к большим сухопутным и водяным сообщениям, к столицам и фабричным местностям, тем меньше патриархальности и вместе с тем меньше нравственности. Словом, наша патриархальная нравственность не выдерживает столкновения с цивилизацией, поедается ею, как вековые леса поедаются пламенем пожара» [12].

Записки современников, наблюдавших трансформацию жизненных устоев, часто имеют весьма пессимистический характер. Вот, например, «живой» рассказ о довоенном периоде жизни в деревне (то есть в начале XX в.): «Совести не стало в народе... Честь пропадает,... Нравственные

убийства страшней уголовных... Государство распадается снизу. Этого никто не замечает, но это факт. Невозможно никакое общественное дело с этими массами. Начните вы что-нибудь делать у себя в имении... Ни плотника, ни печника, ни пастуха не найти честного. Все норовят забрать деньги вперед, сделать кое-как... Рабочие требуют денег вперед, уходят с работы; а получив деньги, запиивают и тоже уходят.... Всюду жалобы, что в крестьянах совести не стало...» [13].

Все чаще стало проявляться равнодушие к человеческой жизни. Так, в 1905–1906 гг. только эсерами в результате индивидуальных террористических актов было убито более 3 тысяч человек; при этом население в большинстве своем не порицало, а порой приветствовало убийц [14].

Л. Толстой в 1910 г. с ужасом отмечал: «Вандалы...уже вполне готовы у нас в России. И они, эти вандалы, эти отпетые люди, особенно ужасны у нас, среди нашего, как это ни странно кажется, религиозного народа. Вандалы эти особенно ужасны у нас именно потому, что у нас нет сдерживающего начала, которое так сильно среди европейских народов. У нас либо истинное, глубоко религиозное чувство, либо полное отсутствие всяких сдерживающих начал: Стенька Разин, Пугачев... И, страшно сказать, эта армия Стеньки и Емельки все больше разрастается...» [15].

Анализируя причины нравственного упадка российского общества, представители Русской Православной церкви обычно указывали на необходимость укрепления религиозных основ в жизни масс. В то же время они были вынуждены обращать внимание на религиозную «неграмотность» населения, называя ее одной из предпосылок успешности антицерковной пропаганды.

Миссионер П.И. Молчанов так характеризовал состояние религиозных воззрений в крестьянской среде «глухих мест» центральной России: «Религиозно крестьянин не просвещен, яко младенец. У большинства неграмотных крестьян вся религия заключается в одних только обрядах. Такие элементарные христианские истины, как о троичности лиц Божества, крестьянину совершенно неведомы. Спросите какого-нибудь крестьянина или крестьянку – «Кто есть Бог? Где он?», - то он только удивленно посмотрит на вопрошающего или даже укажет на икону как на Бога; нередкость услышать, что Троица – три Бога, Христос есть Иисус, Христос есть истинный Христос – вот понятия простонародья о Спасителе мира» [16].

Языческим, по сути, мог оставаться и взгляд на православные иконы. Тот же миссионер пишет, что в граничащих с украинскими землями местностях Курской губернии существовал обычай «лишать первоначальной чести» ветшающие иконы (по мере старения иконы было принято выносить в сени, в ригу, а затем в хлев к лошадям). Следствием этого обычая, по словам И. Дмитриевского, было то, что «иконы в глазах православных вовсе не имеют того священного значения, какое должны бы иметь».

Говоря об условиях распространения «раскола» (в первую очередь сектантства) во второй половине XIX – начале XX в., следует обратить внимание и на изменения в образе жизни, которые происходили под влиянием реформ и модернизации российского общества. Разрушение традиционной замкнутости, распространение отходничества, появление заводов и фабрик способствовало развитию религиозного инакомыслия. «В уезде внешним источником вольномыслия служат отхожие промыслы, а постоянным внутренним – заводы.... Заводские идеи, конечно, разносятся по деревням; заводская жизнь проникает в семьи и вот здесь, как там: свобода брачных отношений, нарушение постов, утрата уважения к авторитету веры и установлениям церкви, а отсюда и полное неуважение к служителям церкви» – говорится в записках И. Дмитриевского [17]. Похожие объяснения можно найти и в рапортах уездных исправников, доносивших курскому губернатору сведения о религиозном инакомыслии [18].

На модернизацию как причину религиозного раскрепощения указывается и в трудах современных историков. В частности, о «духовной эмансипации» говорит в своем фундаментальном труде Б.Н. Миронов, исследуя изменения в менталитете крестьянства пореформенного периода [19].

С мыслями православных миссионеров перекликаются и суждения представителей светской власти второй половины XIX в. В частности, для изучения причин стойкости «раскола» (т.е. старообрядчества и сектантства) в 1852 г. была сформирована специальная правительственная комиссия. Проработав три года, один из ее членов сформулировал пять причин отхода прихожан от господствующей церкви. К ним были отнесены: протест против современного порядка вещей; казенный характер церкви; отвращение от церкви, внушаемое народу чиновническим духовенством; недостаток свободы слова, свободы религиозной полемики; потребность в умственной деятельности, лишенной простора и света, задыхающейся под душным гнетом полицейской опеки [20].

Обсуждение. Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. Русская Православная церковь оказалась перед лицом серьезных проблем. С одной стороны, развитие капиталистических отношений в России в пореформенный период сопровождалось изменением мировоззрения населения и трансформацией духовно-нравственного климата в обществе. Модернизация привела к постепенному разрушению традиционных ценностей, ослаблению религиозности населения, падению в его глазах авторитета церкви и ее представителей. С другой стороны, народная религиозность, сохранявшаяся в российской «глубинке», часто оказывалась далека от православного идеала. Образованные православные священнослужители пореформенного периода

все чаще обращали внимание на догматическое невежество российских крестьян и распространенность в их среде разнообразных суеверий. В этих условиях сохранение (а в идеале – укрепление) православных устоев в обществе требовало от Церкви чуткой работы со своими прихожанами и значительных религиозно-просветительских усилий.

Вторая половина XIX – начало XX в. стали эпохой заметного изменения духовно-нравственного и религиозного климата в российском обществе. Под влиянием общественной модернизации начал разрушаться традиционный патриархальный уклад жизни широких масс, а вместе с ним начало трансформироваться и традиционное мировоззрение, основанное на религиозных ценностях. Материалы Курской епархии свидетельствуют, что авторитет Православной церкви оказался, поколеблен, церковная составляющая жизни населения стала уменьшаться. В этих условиях от Церкви требовались продуманные и эффективные меры, направленные на укрепление веры и сохранение влияния на умы широких слоев российских подданных.

Другой предпосылкой активизации религиозно-просветительской деятельности церкви тала необходимость преодоления «религиозного невежества» значительной части православного населения, а также большого количества суеверий и предрассудков, несовместимых с учением Церкви. Данная проблема не была новой, однако именно в рассматриваемый период стала особенно заметной.

Третьей важной предпосылкой активной религиозно-просветительской и миссионерской деятельности православных священнослужителей во второй половине XIX – начале XX в. стало бурное развитие религиозного инакомыслия в Российской империи. Эта проблема стала актуальной еще во второй половине XVII в. (после реформ патриарха Никона и появления старообрядческого движения), однако особенно злободневной стала в пореформенный период, когда численный рост сект достиг апогея с распространением в народной среде т.н. «рационалистических» религиозных учений (штундизма, баптизма, евангелического христианства, толстовства и т. д.), а старообрядческое сообщество существенно укрепилось. Именно во второй половине XIX – начале XX в. возникло наибольшее количество русских сект. Пропаганда мистико-экстатических учений привела к появлению сект «шалопутов», «серафимовщины», «иннокентиевщины», «новохлыстовщины», «Нового Израиля», «трезвенников». Кроме того, в пореформенный период русское сектантство попало под влияние протестантских идей. Изучение истории религиозного инакомыслия в центральной России продемонстрировало, что в последнее десятилетие XIX в. и в начале XX в. наиболее высокие темпы развития были присущи русской штунде и баптизму, нашедшим многочисленных сторонников в Курской, Орловской, Тамбовской, Московской и других губерниях.

Проведенный анализ причин быстрого распространения религиозного инакомыслия в России конца XIX – начала XX в. показал, что они не могут быть сведены к иностранным влияниям (тезис церковной историографии) либо к проявлению социального протеста (тезис советско-марксистской историографии). Изучение мнений современников (представителей светской и духовной власти, общественных деятелей), а также конкретных фактов провинциальной приходской жизни привело к выводу о существовании обширного комплекса предпосылок, лежавших в основе роста «протестных» форм вероисповедания. К ним, в первую очередь, относились реалии жизни Русской православной церкви: неоднозначное восприятие прихожанами, видевших в ней «казенное ведомство», бюрократизация, низкий образовательный уровень значительной части духовенства, формализм, часто имевший место в проповедях и культовых действиях православных священнослужителей. Их представители часто отличались относительно высоким уровнем грамотности, глубокой религиозных убеждений и ревностной проповеднической деятельностью. Отсутствие связи с государственными структурами и периодические притеснения со стороны власти позволяли религиозным нонконформистам представлять себя в качестве «истинных христиан», противостоящих «греховному миру». Импонировал православному населению и строгий образ жизни, характерный для старообрядцев и ряда сектантских сообществ (христоверов, штундистов, евангелических христиан и т.д.). Уход из лона Русской православной церкви с последующим присоединением к старообрядцам или сектантам мог означать попытку присоединиться к более «благочестивому» сообществу.

Заметную роль в конфессиональном выборе отпадавших от православия людей играла материальная поддержка, которую старообрядцы и сектанты оказывали своим единоверцам.

Сплоченность и материальное благополучие большинства старообрядческих и сектантских общин, готовность оказать помощь новым членам также определяли симпатии к ним у части прихожан господствующей церкви.

Заключение. Важной предпосылкой развития религиозного инакомыслия в российской провинции в конце XIX – начале XX в. стали изменения в образе жизни и менталитете широких слоев общества, произошедшие под влиянием «великих реформ» и индустриализации в России. Распространение образования и либерализация общественной жизни создали условия для духовного раскрепощения («эмансипации»), а разрушение традиционной замкнутости, распространение отходничества, появление заводов и фабрик способствовало распространению новых религиозных

идей. В этих условиях от Церкви требовались продуманные и эффективные меры, направленные на укрепление религиозной веры в среде прихожан, сохранение влияния на умы широких масс, а также собственные миссионерские мероприятия для борьбы с ростом сектантства.

Примечания:

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2003. 583 с.
2. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.): Монография. СПб.: СПГУТД, 2004. 608 с.
3. Добровольский И.А. Записки приходского священнослужителя. СПб., 1906. 59 с.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.796. Оп.442. Д. 2158. Л.29.
5. Речь белгородского епископа Иоанникия по поводу открытия епархиального съезда в Курске // Миссионерское обозрение, 1905. № 16. С. 48-49.
6. Фирсов Б.М. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. / Б.М. Фирсов, И.Г. Кисилева. СПб. Издательство Европейского Дома, 1993. 472 с.
7. Добровольский И.А. Записки приходского священнослужителя. СПб., 1906. 114 с.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России. М., 1999. Т. 1. 548 с.
9. Кавелин Д.К. Собр. соч. Издательство: СПб., 1898. Т. 2. 540 с.
10. Там же.
11. Отчёты о состоянии Курской епархии за 1906–1916 гг.
12. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в воспитании // Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1948. 435 с.
13. Фаресов А.И. Голоса земли: Очерки с натуры. СПб., 1909. 238 с.
14. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С.322.
15. Толстой Л.Н. Три дня в деревне // Собр. соч. в 12-ти тт. М., 1987. Т. 11. 497 с.
16. Молчанов П.И. Современные задачи православной миссии // Миссионерский листок. Вып. 4. М., 1892. 58 с.
17. Дмитриевский И. Из записок миссионера. Религиозное брожение в Путивльском уезде. Курск, 1900. 40 с.
18. Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6781. Л. 3-15.
19. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. СПб.: «Дмитрий Буланин» 2003. Т. 1. 583 с.
20. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. М., 1978. 344 с.

References:

1. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): V 2t. - SPb.: «Dmitrii Bulanin». 2003. 583 s.
2. Leshchenko V.Yu. Russkaya sem'ya (XI – XIX vv.): Monografiya. SPb.: SPGUTD, 2004. 608 s.
3. Dobrovolskii I.A. Zapiski prikhodskogo svyashchennosluzhitelya. SPb., 1906. 59 s.
4. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F.796. Op.442. D. 2158. L.29.
5. Rech' belgorodskogo episkopa Ioannikiya po povodu otkrytiya eparkhial'nogo s'ezda v Kurske // Missionerskoe obozrenie, 1905. № 16. S. 48-49.
6. Firsov B.M. Byt velikoruskikh krest'yan-zemlepushchey. Opisanie materialov etnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva. / B.M.Firsov, I.G. Kisileva. SPb. Izdatel'stvo Evropeiskogo Doma, 1993. 472 s.
7. Dobrovolskii I.A. Zapiski prikhodskogo svyashchennosluzhitelya. SPb., 1906. 114 s.
8. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii. M., 1999. T. 1. 548 s.
9. Kavelin D.K. Sobr. soch. Izdatel'stvo: SPb., 1898. T. 2. 540 s.
10. Tam zhe.
11. Otchety o sostoyanii Kurskoi eparkhii za 1906 - 1916 gg.
12. Ushinskii K.D. O npravstvennom elemente v vospitanii // Sobr. soch.: V 2 t. T. 1. M., 1948. 435 s.
13. Faresov A.I. Golosa zemli: Ocherki s natury. - SPb., 1909. 238 s.
14. Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). T.1. Ot proshlogo k budushchemu. Novosibirsk, 1997. S.322.
15. Tolstoi L.N. Tri dnya v derevne // Sobr. soch. v 12-ti tt. M., 1987. T. 11. 497 s.
16. Molchanov P.I. Sovremennye zadachi pravoslavnoi missii // Missionerskii listok. Vyp. 4. M., 1892. 58 s.
17. Dmitrievskii I. Iz zapisok missionera. Religioznoe brozhenie v Putivl'skom uezde. Kursk, 1900. 40 s.
18. Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti. F. 1. Op. 1. D. 6781. L. 3-15.
19. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii. SPb.: «Dmitrii Bulanin» 2003. T. 1. 583 s.
20. Klivanov A.I. Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii. M., 1978. 344 s.

**Условия и предпосылки религиозно-просветительской
и миссионерской деятельности Русской православной церкви
в центральной России в конце XIX – начале XX в.**

Елена Дмитриевна Михайлова

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: miheldm@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена условиям и предпосылкам религиозно-просветительской и миссионерской деятельности Русской православной церкви в конце XIX – начале XX в.

Опираясь на материалы архивов, автор показывает, что важной предпосылкой активизации религиозно – просветительской деятельности стали разрушение традиционного патриархального уклада жизни широких масс, основанного на религиозных ценностях, необходимость преодоления «религиозного невежества» значительной части православного населения, бурное развитие религиозного инакомыслия в Российской империи. Проведенный анализ причин его распространения показал, что они не могут быть сведены к иностранным влияниям, либо к проявлению социального протеста. Изучение мнений современников, а также конкретных фактов провинциальной приходской жизни привело к выводу о существовании обширного комплекса предпосылок, лежавших в основе роста «протестных» форм вероисповедания.

Ключевые слова: православные устои; традиционное мировоззрение; модернизация; трансформация сознания; «религиозное невежество»; религиозное инакомыслие; сектантство; религиозно-просветительская и миссионерская деятельность; духовно-нравственный климат.

UDC 070.481(571.1/.5)

Legal Status of the Official Provincial Print Media in the Periodical Press System of the Russian Empire

Vyacheslav V. Shevtsov

Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin avenue, 36
PhD (History), Associate Professor
E-mail: totleben@yandex.ru

Abstract. The article is focused on the formation and changes of the legal base of the publication of the official provincial periodical press on the basis of legislation and archival sources. The emergence of the chain of uniform official periodicals in the 30s of the XIX century was caused by the policy of Nikolay I, aimed at the strengthening of lawfulness, putting in order the flow of paper documents, creation of the unified information system in various regions and strengthening of the state guardianship over political life of the country. Alexander II expanded the program of the informal part of provincial journals (in 1855 and 1863). It strengthened the tendency of the development of various regional versions of the journals, the informal parts of which often went beyond the law. Journals depended on the local authorities (despite cancellation of the general censorship in 1862 and preliminary censorship in 1881), not on the central censorship institutions. In 1878–1881, 1901 and 1916 the Ministry of Internal Affairs organized the commissions in order to change the legislative framework of the journals publication, but it didn't lead to any changes in the existing statute and regional governmental newspapers continued to develop diversely.

Keywords: provincial and regional journals; official provincial printed media; censorship; history of public administration.

Введение. Периодическая печать в России возникла по инициативе государства, с целью идеологического и информационного обеспечения проводимой им политики. Губернские ведомости представляли собой значительный и постоянно растущий сегмент провинциальной правительственной печати (в 1838 г. – 42, в 1901 г. – 73 наименования), посредством официальной части обеспечивавшей управленческую деятельность центральных и местных властей, внесшей вклад в социокультурную самоидентификацию российских регионов посредством части неофициальной. Максимально полный обзор развития правового положения губернских ведомостей и выделение в нем определенных качественных этапов необходимы для характеристики условий формирования и функционирования как всего сегмента губернских ведомостей в системе периодической печати Российской империи, так и их отдельных конкретных наименований.

Материалы и методы. В «Полном собрании законов Российской империи» за 1830–1881 гг. содержится более 30 узаконений, определявших принципы организации губернских ведомостей, порядок их цензурирования, введивших изменения в программу неофициальной части газеты. Более 20 основных циркуляров цензурного ведомства за этот период разъясняли, дополняли и корректировали законодательный статус ведомостей. Официально-документальные материалы центральных государственных учреждений, осуществлявших функции управления губернскими ведомостями представлены делами Российского государственного исторического архива (значительная часть из которых, вводится в научный оборот впервые). Помимо общенаучных методов анализа источникового материала применялись специально-исторические – сравнительно-исторический, позволивший выделить и сопоставить отдельные этапы в развитии правового статуса губернских ведомостей, и историко-генетический, способствовавший раскрытию изменений в содержании и функциях губернских ведомостей на всем протяжении их существования в соответствии с направлением государственной политики в области печати, а также развитием общественно-политической и культурной жизни страны.

Обсуждение. Пробразом губернских ведомостей можно считать «Тамбовские известия», издававшиеся в 1788 г. Г.Р. Державиным [1; с. 65–68]. Их появление было вызвано административными и экономическими причинами – необходимостью сокращения бумажной переписки, печатным обнародованием центральных и местных распоряжений, пресечением завышения цен при казенных поставках. История этого первенца провинциальной казенной печати была недолгой и завершилась с отъездом из Тамбова одного из самых просвещенных губернаторов екатерининской эпохи [2; с. 131–143]. Удачным опытом издания газеты отвечавшей «видам правительства» стали «Тифлиссские ведомости», учрежденные в 1828 г. И.Ф. Паскевичем [3; с. 120]. С их помощью наместник Кавказа планировал сообщать о ходе военных действий с Турцией, удовлетворить растущий интерес к региону со стороны русских читателей, а также популяризовать собственную личность среди местного населения и в столицах России [4, с. 4–9; 3, с. 114–124]. А.С. Пушкин считал тифлиссскую газету, несмотря на ее официальный профиль, «единственной из

русских газет, которая имеет свое лицо и в которой встречаются статьи, представляющие действительный, в европейском смысле, интерес» [4; с. 24]. Однако издание было убыточным, нуждалось в постоянной поддержке со стороны местной администрации и прекратилось в 1832 г.

Возможно, опыт издания «Тифлиских ведомостей» был использован при разработке проекта губернских изданий, который стал обсуждаться в правительственных кругах после начала выхода кавказской официальной газеты. Министр финансов Е.Ф. Канкрин в конце 1828 г. обратился в Комитет министров с предложением издавать официальные газеты при каждом губернском правлении для сокращения расходов по делопроизводству и с целью содействия местной торговли и промышленности. В начале 1829 г. Комитет министров одобрил предложение Е.Ф. Канкринина [5, ф. 560, оп. 14, д. 36, л. 1–2]. 27 октября 1830 г. вышло «Положение об издании губернских ведомостей», которые разделялись на 4 отделения: «1) Постановления и предписания, 2) Объявления казенные, 3) Известия, 4) Объявления частные» [6, т. 5, отд. 2, № 4036]. В 1831 г. увидели свет только «Ярославские губернские ведомости», в остальных пяти «пробных» губерниях выходу газеты помешали организационно-финансовые, административные и технические трудности [7, с. 43–45; 8, с. 14–16; 9, с. 16].

3 июня 1837 г. Николаем I было утверждено «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях», обязывавшее печатать ведомости все губернии и области Российской империи. В целом программа и содержание газеты соответствовали «Положению» 1830 г. Газета разделялась на две части: официальную, вместившую два первых отделения, и неофициальную («Прибавления»), вместившую третье и четвертое. Официальная часть утверждалась подписью вице-губернатора и рассылалась должностным лицам, в министерство внутренних дел, а также в другие губернии. Таким образом, ведомости приобретали черты обязательного регионально-циркулярного издания. Неофициальная часть содержала торгово-промышленные, сельскохозяйственные и историко-географические сведения, а также частные объявления [5, т. 12, отд. 1, № 10304, § 86–96]. С 1838 г. губернские ведомости стали издаваться в 42 губерниях и областях Европейской России. «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях» и «Правила для издания сенатских ведомостей» были продублированы в «Своде законов Российской империи» 1842 г. [10, т. 1, ч. 1, ст. 493, прил. 1–22; ч. 2, ст. 753–763].

Следующие изменения в программе газеты произошли в 1845 г. в связи с изданием «Учреждения губернских правлений». Структура издания вновь менялась – оно разделялось на два отдела: общий, являвшийся полностью официальным, и местный, состоящий из официальной и неофициальной частей. Создавалась специализированная штатная структура для подготовки газеты – газетный стол. Путем перечисления допускаемых в неофициальной части тем возможно говорить о ее существенном расширении, в сравнении с первоначальным проектом: «известия и статьи всякого рода, относящиеся, более или менее, до местности; сведения географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и проч.; о чрезвычайных явлениях и происшествиях в губернии; о явлениях метеорологических; статьи и сведения о сельском хозяйстве, об урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, рынках, судоходстве, о рыночных и справочных ценах, состоявшихся торговых и других обществах, о выданных привилегиях на изобретения; некрологи известных в губернии лиц и проч.» [6, т. 20, отд. 1, № 18580, ст. 142–175].

Революция 1848–1849 гг. в Европе привела к ужесточению цензуры в России. 2 апреля 1848 г. был создан «Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений», получивший по фамилии своего первого председателя Д.П. Бутурлина название «Бутурлинский комитет». Им было запрещено пропускать в печать произведения «могущие дать повод к ослаблению понятий о подчиненности или могущие возбуждать неприязнь и завистливое чувство одних сословий против других» [11; с. 90]. По мнению М.Е. Михайловой появлению этого распоряжения способствовала статья литовского историка О.Б. Ярошевича в «Гродненских губернских ведомостях», в которой говорилось о незаинтересованности крепостных крестьян в результатах своего труда. В итоге губернаторам был разослан циркуляр МВД, предписывавший не допускать в ведомостях публикаций о жизни помещичьих крестьян [12; с. 40–41]. «Комитет 2 апреля 1848 г.» регулярно подготавливал сводки о содержании губернских ведомостей, запрещая публикации о народных обрядах, песнях, пословицах, поговорках и загадках, которые могли бы нарушить «добрые нравы» и дать повод «к легкомысленному или превратному суждению о предметах священных» [13; с. 112]. Так, в список запрещенных к печати попали все сочинения и статьи, касавшиеся восстаний Е.И. Пугачева и С.Т. Разина, как «неуместные и оскорбительные для народного чувства» [14; с. 298].

27 апреля 1851 г. неофициальная часть губернских ведомостей была подчинена общей цензуре – путем ее передачи от вице-губернаторов местным цензурным комитетам, а за их отсутствием – профессору или чиновнику училища, по представлению попечителей учебных округов и с утверждения министра народного просвещения [6, т. 26, отд. 1, № 24979]. Это переподчинение было вызвано требованием «Комитета 2 апреля 1848 г.» в связи со статьями в «Курских губернских ведомостях» врача В.К. Гутцейта «Об ископаемых Курской губернии» [15, 1850, № 16, 17; 1851, № 7], содержание которых противоречило библейской трактовке происхождения мира [5, ф. 772, оп. 1, д. 2451, л. 1–106]. С одной стороны, появление для неофициальной части специального цензора, подчиненного Главному

управлению цензуры, можно расценивать как усиление цензуры, с другой – как ее профессионализацию.

На исходе николаевского царствования законодательный регламент для губернских ведомостей пополнился новыми пунктами. В 1849 г. «простонародные ведомости» на эстонском и латышском языках учреждались в Лифляндии [6, т. 24, № 23385, § 805]. В 1852 г. «Учреждение губернских правлений» 1845 г. распространялось на всю Прибалтику, где разрешалось издание ведомостей на немецком, латышском и эстонском языках [6, т. 27, № 26269, ст. 140]. В 1850 г. допускалось публиковать известия о перемещениях по стране членов императорской фамилии без «особого высочайшего разрешения» [6, т. 25, № 24460]. Прибавления к ведомостям расширялись путем включения в них медицинских наставлений о предотвращении распространения эпидемий и эпизоотий (1851) [6, т. 26, отд. 1, № 25500] и объявлений о вызове к торгам по казенным подрядам (1852) [6, т. 27, № 25944]. В 1852 г. в губернских ведомостях с разрешения духовных цензурных комитетов стало возможным размещать проповеди, слова и речи духовных лиц [14; с. 479]. Наконец, в 1853 г. в ведомостях западных губерний разрешалось публиковать сообщения о лишении должностей управляющих поместьями, превысивших свои полномочия [6, т. 28, № 27405, ст. 5].

Во внутренней политике Александра II и его либеральных министров – С.С. Ланского (1855–1861) и П.А. Валуева (1861–1868) – одним из инструментов воздействия на общественное мнение стала контролируемая и управляемая государством гласность. 22 февраля 1855 г. Александр II утвердил положение Комитета министров, введившего более четкую формулировку программы неофициальной части губернских ведомостей (строка «...известия и статьи всякого рода, относящиеся, более или менее, до местности...» была заменена на «...относящиеся до местности сведения и материалы...»), с примечанием, ограничивающим газету рамками документального повествования: «Сообщаемые в неофициальной части известия, сведения и материалы не должны облекаться в формы таких литературных статей, в которых обыкновенно имеет место вымысел или непринадлежащая к самому предмету обстановка, каковы повести, рассказы и т. п.» [6, т. 30, № 29059]. Эти изменения вошли в новый «Свод законов Российской империи» 1857 г. [16, т. 2, ч. 1, ст. 853–889]. Именным указом 1858 г. Александр II повелел перепечатывать во всех губернских ведомостях высочайшие рескрипты, министерские отношения и постановления дворянских комитетов по устройству быта помещичьих крестьян [6, т. 36, № 32737а]. 8 марта 1860 г. появился специальный циркуляр Департамента полиции исполнительной, в котором утверждалась необходимость помещать в губернских ведомостях статьи, «имеющие не только местный, но и общий интерес», и вместе с тем губернатором предписывалось «не допускать в печати статей, не согласных с направлением, указанным для губернских ведомостей в законах» [17; с. 212]. Цензура ведомостей смягчалась – за март 1859 – апрель 1862 г. в отчетах направляемых в министерство народного просвещения особым чиновником, просматривавшим 19 губернских ведомостей Европейской России не сообщалось ни об одном нарушении ими цензурных правил [5, ф. 772, оп. 1, д. 4841, 1859 г.].

В 1861 г., вследствие представлений местных властей, было разрешено публиковать в губернских ведомостях постановления губернского по крестьянским делам присутствия, касавшихся крестьянской реформы, но под ответственностью губернатора и с предоставлением в МВД десяти оттисков напечатанного [5, ф. 772, оп. 1, д. 5681, 1861 г., л. 1–4]. В этом же году цензурное ведомство распространило циркуляр, запрещающий включать комментарии в текст обнародуемых в газетах правительственных распоряжений [18; с. 93].

С 1 января 1862 г. поставщиком информации, комментариев и соответствующих настроению власти оценок стал официальный печатный орган МВД – «Северная почта», реорганизованный в 1869 г. в «Правительственный вестник» как головной орган в системе губернских официальных газет. В докладе П.А. Валуева «О мерах для противодействия путем печати нынешнему направлению литературы» (1862) ставилась задача идеологического противостояния оппозиционной правительству прессе: «Нужно употреблять то самое оружие, которое употребляется против правительства его недоброжелателями, и противопоставить печатному слову печатное же слово» [5, ф. 1282, оп. 2, д. 1940, 1862 г., л. 2–4]. Рукою Александра II на докладе было написано: «Мысль эта совершенно согласна с тем, что я давно желал» [Там же, л. 1]. В ряду прочих мер по практическому воплощению этой мысли необходимо было повысить значение губернских ведомостей. В записке П.А. Валуева 7 сентября 1863 г. к главноуправляющему II Отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии барону М.А. Корфу «О расширении программы губернских ведомостей» признавалось, что их чтение мало распространено между частными лицами по причине низкого уровня публикуемых материалов: «местные сведения и материалы статистического, исторического и этнографического характера, которые разрешено печатать, нуждаются и обработке специалистами, недостаток которых ощутителен даже и в лучших столичных журналах» [5, ф. 775, оп. 1, д. 239, л. 1–10б]. Для придания ведомостям большей популярности предлагалось разрешить в них перепечатки политических известий и руководящих статей из официальных «Северной почты», «Русского инвалида» и «Journal de S. Petersburg» [5, ф. 775, оп. 1, д. 239, л. 4]. М.А. Корф, бывший последним председателем «Комитета 2 апреля 1848 года», дал согласие на расширение программы губернских ведомостей, но только для двух-трех губерний, чтобы на опыте убедиться в пользе от сего для предназначенной цели и не поставить себя в необходимость потом снова стеснять эту программу» [5,

ф. 775, оп. 1, д. 239, л. 16]. Невысокий образовательный уровень местного общества, его поглощенность обыденными интересами, по мнению Корфа, обуславливали слабый и случайный интерес к газетному слову и, следовательно, снижали возможность влиять на умонастроения провинциальной публики: «Большая часть губернских ведомостей извела на опыте, до какой степени простирается равнодушие провинциального общества к чтению даже того, что непосредственно касается его материального благосостояния» [5, ф. 775, оп. 1, д. 239, л. 130б–140б].

10 марта 1862 г. Главное управление цензуры упразднялось, а функции светской цензуры разделялись между министерством народного просвещения, в ведении которого оставалось наблюдение за изданиями, подлежащими общей цензуре, деятельность местных цензурных комитетов и отдельных цензоров, и министерством внутренних дел, на которое возлагалось наблюдение за содержанием печатных изданий государственных учреждений. Губернские ведомости как и все государственные издания, освобождались от общей цензуры, но сохраняли над собой правительственно-административный контроль. Губернаторы могли поручать исполнение цензурских функций «лицам по своему выбору, с тем чтобы в сомнительных только случаях лица сии обращались к цензорам министерства народного просвещения, а где оных не полагается – к директорам училищ» [5, ф. 776, оп. 20, д. 412, 1881 г., л. 1–50б]. «Во временных правилах по цензуре» 12 мая 1862 г. перечислялись темы, запрещенные к печати, и сохранявшие свою силу предшествовавшие распоряжения по цензуре [14; с. 469–482]. 14 января 1863 г. цензурные комитеты и отдельные цензоры были переданы из ведения министерства народного просвещения в министерство внутренних дел [6, т. 38, № 39162], а «Временными правилами о печати 1865 года» при МВД создавалось Главное управление по делам печати. Предварительная цензура столичных и всех правительственных изданий отменялась. В случае нарушения ими законов они подвергались судебному преследованию, а в случае «замеченного в них вредного направления» – административным взысканиям (что оставляло за государством возможность внесудебного воздействия на печать) [6, т. 40, № 41988; № 41990].

В рамках реформы печати и цензуры, П.А. Валуевым были реализованы предлагаемые им меры к расширению программы губернских ведомостей. 15 ноября 1863 г. Александр II утвердил соответствующее положение Комитета министров: в ведомостях, «в видах большего распространения их в народе и для возмещения издержек на их издание», было разрешено перепечатывать «политические известия», «правительственные распоряжения» и «руководящие статьи по предметам внешней политики и внутреннего управления» из официальных изданий – «Северной почты», «Русского инвалида» и «Journal de S. Petersburg». Заимствование статей из центральных правительственных органов избавляло их от цензуры на местах, предусматривалось лишь «наблюдение» за такими перепечатками со стороны вице-губернатора. Доходы от издания ведомостей по расширенной программе могли использоваться для вознаграждения редактора газеты [6, т. 38, № 40271].

Освобождение ведомостей от общей цензуры, допущение в них статей на политические темы, общие либеральные настроения во власти и обществе привели к тому, что губернские ведомости де-факто стали развиваться вне пунктов разрешенной правительством программы, вовсе не ограничиваясь перепечатками из петербургских официальных газет. В секретном обзоре отечественной журналистики за 1863–1864 гг. отмечалось, что она отклонилась от задуманного правительством направления «благодетельной гласности» в сторону «одностороннего служения временным политическим, гражданским и общественным вопросам» [19, с. I, 208]. Это касалось и губернских ведомостей, среди которых отличились «Пермские», публиковавшие сведения о безуспешных попытках миссионеров обращения раскольников в православие; «Владимирские», организовавшие полемику между частным и должностным лицами о злоупотреблениях в распределении квартирной повинности, и «Нижегородские», высказавшие мнение «о некоторой даже пользе коммунистических и социалистических учений» [19 с. 295–296]. Редакции «Воронежских» и «Московских» ведомостей, по наблюдениям МВД, вовсе устранились от своего официального характера, пытаясь и по содержанию, и по способу изложения статей сравняться с частными столичными изданиями.

В июле 1863 г. губернаторы были предупреждены о недопущении оглашения в неофициальной части известий, которые заключали в себе «как нападки на администрацию вообще, так и критику деятельности местных учреждений или описания злоупотреблений губернских и уездных должностных лиц». Такие публикации определялись как «неуместные в правительственном издании местной администрации, предназначенном для служения интересам губернского и уездного управления, но отнюдь не для указаний на его несостоятельность». Об «упущениях» местной власти можно было писать только с ее же санкции, с указанием «принятых уже к уничтожению их мер и без всякой затем дальнейшей полемики по сему предмету...» [20; с. 13–14]. В августе 1864 г. последовало циркулярное предписание МВД начальникам губерний о недопущении полемики «между служащими лицами и правительственными учреждениями» в губернских официальных органах печати [20; с. 34]. В марте 1865 г. П.А. Валуев писал к своему заместителю А.Г. Тройницкому: «Вы бы много меня одолжили составлением циркулярного письма к губернаторам, чтобы обратить их внимание на “Губернские ведомости”. Они совсем не наблюдают за окраскою этих изданий!» [21; с. 696]. Результатом этой просьбы стал секретный циркуляр МВД от 24 марта 1865 г., в котором обращалось внимание, что

ведомости публикуют «мелочные сведения о разных местных беспорядках, неверные слухи, соблазнительные или скандальные рассказы о местных происшествиях <... > толки о недостатках, неправильных или неосторожных действиях местной администрации или городской и земской полиции и т.п. сведения о действительных происшествиях, случившихся в губернии, часто облачаются в форму юмористических, насмешливых и полувывмышленных рассказов». Такая ситуация определялась как недопустимая, подчеркивалось, что органы правительства должны «существенно отличаться от частных изданий, предпринимаемых разными лицами с целью литературною, ученою, промышленною или просто спекулятивною» [5, ф. 776, оп. 34, д. 13, л. 31–32об; д. 14, л. 23–24об]. 27 июля 1865 г. последовало второе конфиденциальное предложение МВД губернаторам с призывом «навести порядок» в деле издания ведомостей, которые отклонялись от предписанной законом программы. При нарушениях «редакторами и цензурующими губернские ведомости чиновниками постановленных правил» губернаторы должны были прибегнуть «к немедленной их замене другими, более благонадежными лицами» [20; с. 52]. На протяжении 1866 г. Главное управление по делам печати накопило целое дело о выходе за рамки официальной программы губернских ведомостей Калуги, Перми, Вятки, Костромы, Смоленска и других городов [5, ф. 776, оп. 3, д. 372, 1866 г.].

7 ноября 1865 г. Главное управление по делам печати относительно губернских ведомостей распространило разъяснение, что для них сохраняется цензорский просмотр «на основании прежде изданных по сему предмету правил» с обязательным обозначением на каждом экземпляре «цензорского дозволения» [22; с. 255], т.е. ведомости не получали характера полностью бесцензурных изданий и сохраняли над собой предварительный административный контроль. Если общая цензура (до ее отмены в столицах) могла допустить к печати обличительную статью или статью, содержащую вымысел, то цензура административная не могла их даже принимать к рассмотрению, как изначально входившие в противоречие с программой местной правительственной газеты [17; с. 191–193].

В 1870 г. министерством внутренних дел было дано согласие на печатание в одиннадцати ведомостях телеграмм, политических известий, театра, хроники и т.д. Десяти ведомостям были даны разрешения на публикацию передовых статей, статей по общественным, научным и литературным вопросам [5, ф. 776, оп. 14, д. 44, 1901 г., л. 62об]. Это можно расценивать как уступку со стороны цензурного ведомства, признавшего, что неофициальные части ведомостей продолжают развиваться вне рамок разрешенной законом программы как местные провинциальные общественные издания.

Стремление редакций ведомостей к расширению неофициальных частей своих изданий привело к образованию в 1878 г. в министерстве внутренних дел «Комиссии для пересмотра узаконений об издании губернских и областных ведомостей». Поводом к ее созданию стала проект «О замене губернских ведомостей более целесообразным провинциальным периодическим изданием и об упразднении губернских типографий», автором которого был непреременный заседатель витебского уездного полицейского управления А.И. Иверсен. «Всемирно известно, – писал А.И. Иверсен, – что губернские ведомости везде составляют самое незначительное, непопулярное и скучное периодическое издание. Поэтому публика не выписывает и не читает этих газет» [5, ф. 776, оп. 20, д. 55, 1878 г., л. 5–5об]. Главной причиной этого была несовременность их программы, однако, по мнению Иверсена, усиливать и расширять необходимо было не неофициальную часть, которая только снижала авторитет местного казенного органа, а напротив, официальную, для придания ему строго и обширного «хронологического сборника правительственных распоряжений, циркуляров, уведомлений, сведений и объявлений всех без исключения властей и мест целой губернии» [Там же, л. 8об]. Такая программа по своему духу была близка первоначальному, преимущественно служебному характеру ведомостей какместилищу правовой информации, но в новых условиях пореформенного управления. Министр внутренних дел Л.В. Маков признал проект Иверсена «заслуживающим полного внимания» и благодарил за его сообщение. 18 августа 1878 г. МВД утвердило «Комиссию для пересмотра узаконений об издании губернских и областных ведомостей». Для принятия участия в работе «Комиссии» был вызван в Петербург и сам А.И. Иверсен. Из сохранившегося архивного дела не ясно, какие вопросы обсуждала «Комиссия». Общая внутривластная ситуация в стране менялась очень быстро. Л.С. Макова на его посту сменил М.Л. Лорис-Меликов, а министром нового правительства стал Н.П. Игнатьев. Заседание «Комиссии», назначенное на 12 февраля 1881 г. было накануне отменено [Там же, л. 49об–50]. Возможно, Александру II не удалось подписать не только первую российскую конституцию, но и внести изменения в программу ведомостей (как это было сделано им в 1857 и 1863 гг.). В итоге деятельность «Комиссии для пересмотра узаконений об издании губернских и областных ведомостей» постепенно сошла на нет.

В начале своего правления, 30 сентября 1881 г., Александр III по докладу Н.П. Игнатьева освободил губернские и областные ведомости от предварительной цензуры как правительственные издания, «с тем, чтобы они издавались под ответственностью губернского начальства» [23, т. 1, № 420; 5, ф. 776, оп. 5, д. 45, 1871 г., л. 11–11об]. Причинами этого было не только формальное противоречие «Временных правил о печати 1865 года» уже отменявших предварительную цензуру всех правительственных изданий с продолжившим существование порядком их предварительного просмотра губернаторами и вице-губернаторами (на это МВД обращало внимание II отделения Е.И.В.), но и необходимость направить средства, выделяемые на вознаграждение чиновников, в действительности (а не по букве закона)

осуществлявших такой просмотр, на цели цензурирования печати частной [5, ф. 776, оп. 20, д. 412, 1881 г., л. 1–3об].

Законодательная отмена предварительной цензуры для губернских ведомостей в 1881 г. вновь не освобождала их от контроля со стороны губернской власти. Главное управление по делам печати (как и при освобождении ведомостей от общей цензуры в 1862 г.) 29 октября 1881 г. распространило дополнительное разъяснение, что губернаторы и начальники областей должны принять «все зависящие от них меры к тому, чтобы придать местным официальным органам то значение и тот характер, которые требуют от них достоинства правительства и пользы дела», и вновь напоминало о том, чтобы в неофициальной части ведомостей не появлялись «неуместно резкие заявления и суждения о рассматриваемых фактах и вопросах, статьи полемические, юмористические перепечатки из частных изданий, известия и слухи о предполагаемых мерах и распоряжениях правительства, а равно анекдоты и вообще статьи легкого и так называемого фельетонного содержания» [22; с. 256]. Циркуляр 30 апреля 1882 г. вновь воспроизводил формулировку о запрещении печатать в ведомостях «слухи о разных действиях или предположениях правительства» [5, ф. 776, оп. 34, д. 14, л. 128], а вслед за этим, с учреждением в С.-Петербурге 23 мая 1882 г. «Северного телеграфного агентства», МВД циркуляром от 5 декабря 1882 г. выдало разрешение на использование в ведомостях его сведений о внутренней и иностранной политике, общественной и экономической жизни [24; с. 11].

В связи с распространением с конца 70-х гг. революционных брошюр новое консервативное правительство от попыток направить губернские ведомости в нужное для себя русло предприняло шаги к созданию нового центрального охранительного органа для народа – «Сельского вестника», начавшего выходить с 1 сентября 1881 г. Кроме того, была активизирована работа по выпуску литературы религиозно-нравственного и патриотического содержания [25; с. 7–28].

В начале XX в. губернские ведомости вновь обратили на себя внимание властей. В январе 1901 г. при Главном управлении по делам печати была создана «Комиссия для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей», под председательством главного редактора «Правительственного вестника» К.К. Случевского [5, ф. 785, оп. 1, д. 354, л. 1–4]. Для ознакомления с положением на местах с 9 по 19 апреля 1901 г. в столице был проведен съезд редакторов провинциальных правительственных газет. Сформулированная новая редакция программы газеты должна была войти в «Учреждение губернских правлений» (Т. 2., Ч. 1., ст. 453, 460, 532–594) Свода законов Российской империи. Вносились существенные изменения в основные цели издания: «1) для скорейшего обнародования распоряжений губернского начальства и других известий, следующих к всеобщему сведению или исполнению; 2) для выяснения, как общих, так и преимущественно местных вопросов на основании строго проверенных данных и 3) для просветительных целей вообще» [5, ф. 785, оп. 1, д. 55, л. 189–189об]. Однако, эти изменения так и остались в проекте. Не было предпринято со стороны министерства внутренних дел и каких-либо шагов по узакониванию положения тех ведомостей, в которых неофициальная часть была расширена де-факто. Причины этого видятся в общем консервативном курсе николаевского правительства, опасении каких-либо перемен в положении печати. Проект требовал первоначальных бюджетных вложений, затрагивал сложившиеся финансовые отношения между губернскими ведомостями, губернской типографией и губернским правлением, изменял существующее расписание штатов, ставил проблему подбора идеологически надежных кадров. Кроме того, в лице обновленных официальных органов, получивших право обсуждать правительственные и административные мероприятия, власть могла получить не союзника, а противника.

В период революции 1905–1907 гг. самодержавная власть стремилась использовать и усовершенствовать имевшиеся в ее распоряжении органы печати для проведения контрполитики в отношении радикально-революционной и либеральной идеологии. В рамках реформы правительственной печати самостоятельным и ежедневным изданием с увеличенным тиражом стал «Сельский вестник»; в период февраля – мая 1906 г. выходила официальная правительственная газета «Русское государство» как публицистическая часть «Правительственного вестника»; с июня 1906 г. ее функции были возложены на частную, под руководством министерства внутренних дел, газету «Россия» [26; с. 133–149]. Губернские ведомости как местные правительственные органы выполняли функцию антиреволюционной пропаганды в различной степени, в зависимости от отношения к газете губернатора, политических взглядов ее редактора, накала революционной борьбы, наличия партийной монархической прессы. Однако в «Своде законов Российской империи» (по продолжению 1906 г.) находим лишь формулировку, обобщающую предшествовавшие законодательные уточнения: «В губернских ведомостях некоторых губерний разрешено перепечатывать из всех существующих у нас официальных изданий политические известия и вообще правительственные распоряжения, равно как заимствовать из них руководящие статьи по предметам внешней политики и внутреннего управления...» [27, т. 2, ст. 541, прим. 2]. В условиях недофинансирования из центра неофициальные части ведомостей в послереволюционный период стали уменьшаться и возвращаться к прежнему положению справочно-информационных приложений. Материальное положение ведомостей ухудшил закон 16 июня 1905 г., вводивший с 1 января 1906 г. обязательную оплату пересылки казенных периодических изданий – 1 руб. 20 коп для газет периодичностью более двух раз в неделю и 1 руб. для газет, выходивших не более двух раз в неделю [5, ф. 776, оп. 22, д. 59, 1906 г., л. 2, 14]. Не раз

в прессу проникали сообщения о готовящейся всеобъемлющей реформе губернских ведомостей. «Сибирская жизнь» в феврале 1910 г. писала, что «в самом непродолжительном времени по предложению министерства внутренних дел предстоит изменение программы местных “Губернских ведомостей”. Упраздняется неофициальная часть этого издания, причем объявления частного характера также не будут приниматься» [28, 1910, № 33]. В июне 1910 г. «Кубанские областные ведомости» сообщали читателям: «МВД созывает осенью съезд советников губернских правлений вице-губернаторов для обсуждения вопроса об издании “Губернских ведомостей”. Решено в принципе изменить эти газеты и наполнять их циркулярно материалом из “России”, так что “литературная” часть “Губернских ведомостей” будет сводиться к простой перепечатке из “частного” издания» [29; с. 58]. Однако эти новости оказывались не более чем слухами. Съезд редакторов и представлявших провинциальные казенные издания чиновников был организован Главным управлением по делам печати уже в условиях Первой мировой войны – 3–5 февраля 1916 г. в Петрограде. Председательствующим на съезде был главный редактор «Правительственного вестника» князь С.П. Урусов. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов в своем обращении к участникам съезда определял печать как «уши, глаза и щупальца жизни» и отмечал два главных преимущества перед частной прессой – «непартийность» и «достоверная осведомленность из первых источников». Как и в 1901 г., основным был вопрос о расширении неофициальной части ведомостей как издания, способного на равных с частными газетами освещать местные интересы. В условиях войны новыми проблемами стали дефицит бумаги и призыв в армию редакторов и типографских рабочих. Присоединяясь к мнению «Комиссии» 1901 г., съезд выработал и два новых принципиальных положения для местного правительственного органа: издание его на местных языках на национальных окраинах и создание при «Правительственном вестнике» «осведомительно-литературного учреждения» для снабжения ведомостей информацией и статьями. Однако, итоговый протокол съезда 1916 г. даже не был перепечатан набело и содержал рукописные правки на полях. Недостаток финансов, нежелание предоставить официальным органам большую самостоятельность вновь послужили препятствием к решительным изменениям в облике правительственной печати.

После февральской революции 9 марта 1917 г. Временное правительство ликвидировало Главное управление по делам печати [30, ф. 1787, оп. 1, д. 35]. «Правительственный вестник» сменился «Вестником Временного правительства». Губернские ведомости, с прежним или новым названием, стали по-прежнему исполнять функцию местных правительственных органов, а в условиях гражданской войны их материально-техническая база перешла в руки антибольшевистских правительств или советской власти. Последним печатным органом, сохранявшим преемственность и в названии, и в назначении с царскими ведомостями, были «Таврические губернские ведомости», выходившие до падения Правительства Юга России в 1920 г. [31, с. 153–155].

Закключение. Государственную политику в отношении губернских ведомостей, изменение их правового положения в законодательстве во второй четверти XIX – начале XX века можно представить в следующей периодизации:

1828–1830 гг. – подготовка проекта издания губернских ведомостей с участием министерств финансов и внутренних дел; определение основных целей издания, материальных и технических ресурсов для его организации.

1830–1837 гг. – начальный период издания губернских ведомостей – законодательное определение структуры, содержания, состава и функций редакции, порядка выхода, финансового обеспечения, цензурирования и распространения ведомостей; опытное издание газеты в Ярославской губернии.

1838–1845 гг. – массовое издание ведомостей как неотъемлемой составляющей деятельности губернских и областных правлений; первые опыты организации неофициальной части и цензурные уточнения ее содержания.

1845–1855 гг. – расширение программы неофициальной части ведомостей путем ее законодательной регламентации, усиление цензурного контроля, начало формирования региональных вариантов губернских ведомостей.

1855–1863 – использование правительством ведомостей в политике «управляемой гласности»; освобождение их от общей цензуры (с сохранением предварительной административной цензуры) и разрешение статей на общественно-политические темы.

1864–1881 гг. – тенденция к приобретению ведомостями (в своих неофициальных частях), характера самостоятельного регионального издания, вне рамок законодательно определенной программы и противодействие этой тенденции со стороны министерства внутренних дел

1881–1900 гг. – развитие губернских ведомостей в условиях отмены предварительной административной цензуры (с сохранением контроля со стороны губернаторской власти) и активного развития частной провинциальной печати; утрата государством интереса к собственным местным изданиям.

1901–1904 гг. – попытка выработки новой редакции программы издания ведомостей в соответствии с новыми общественно-политическими условиями и фактическим изменением содержания неофициальных частей; предложения с мест о предоставлении ведомостям большей тематической, организационной и экономической свободы; обсуждение будущего губернских

ведомостей в печати; дальнейшее разновекторное и разноуровневое развитие ведомостей (в зависимости от местных условий), без изменения законодательных оснований и выработки общего направления.

1905–1907 гг. – реорганизация сектора правительственной печати, проект усиления правительственного влияния в провинции через губернские ведомости; участие губернских ведомостей в антиреволюционной пропаганде и выполнение ими функций консервативных промонархических изданий (до появления местных партийных правых газет).

1908–1916 гг. – сокращение государственного финансирования и постепенная деполитизация губернских ведомостей; последнее обсуждение возможности их реформирования в условиях приближающейся революции.

Благодарности. Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Примечания:

1. Семенников В.П. Дополнительные материалы для истории провинциальных типографий XVIII и начала XIX века и для библиографии книг, в них напечатанных // Русский библиофил. 1913. № 7. С. 64–83.

2. Шевцов В.В. Шампанское губернатора: метод «насыщенного описания» // Человек–текст–эпоха. Сборник научных статей и материалов. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 1. С. 131–143.

3. Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М.: Наука, 1973. 460 с.

4. Махарадзе Н.А. Первая русская газета на Кавказе (1828–1832). Тбилиси: Изд-во «Сабчота Сакартвело», 1975. 164 с.

5. Российский государственный исторический архив (РГИА).

6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание 2-е. СПб.: Тип. II отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1830–1884.

7. Дементьева В.В. Из истории возникновения «Ярославских губернских ведомостей» // Советские архивы. М., 1981. № 6. С. 43–45.

8. Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. лингвистического ун-та, 2008. 375 с.

9. Михайлова М.Е. «Астраханские губернские ведомости» в контексте общественно-культурной жизни Астраханской губернии (1838–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Волгоград, 2006. 31 с.

10. Свод законов Российской империи. Издание 1842 года. СПб., 1842.

11. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект-Пресс, 2001. 368 с.

12. Михайлова М.Е. «Астраханские губернские ведомости» в контексте общественно-культурной жизни Астраханской губернии (1838–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Волгоград, 2006. 221 с.

13. Блюм А.В. Фольклорно-этнографические материалы «Губернских ведомостей» в оценке царской цензуры (По документам «Комитета 2 апреля 1848 г.») // Советская этнография. 1971. № 1. С. 111–114.

14. Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб.: Тип. Морского министерства, 1862. 482 с.

15. Курские губернские ведомости.

16. Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. СПб., 1857.

17. Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1878. 347 с.

18. Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 гг. СПб., б.г. 94 с.

19. Собрание материалов и направлений различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие в отечественной журналистики за 1863 и 1864 г. СПб.: Тип. МВД, 1865. 280 с.

20. Сборник распоряжений по делам печати (с 1863 по 1 сентября 1865 года). СПб.: Тип. МВД, 1865. 79 с.

21. Русская старина. 1899. Сентябрь.

22. Сборник циркуляров и распоряжений МВД, относящихся до губернатора, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений, с 1858 по 1896 г. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1896.

23. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1885–1916.

24. М. К-ий. Провинциальная печать. Губернская пресса // Новое слово. Журнал научно-литературный и политический. СПб., 1896. № 12. С. 161–179.

25. Блюм А.В., Кельнер В.Е., Патрушева Н.Г. Издание «книг для народа» // Книга в России. 1861–1881: В 3 т. / Под общей ред. И.И. Фроловой. М.: Книга, 1991. Т. 3. С. 7–28.

26. Шевцов В.В. С.С. Татищев, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин об изменении места и роли правительственной печати в борьбе за общественное мнение в годы первой русской революции // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Межвузовский тематический сборник статей. Выпуск 3. Томск: Изд-во ТГПИУ, 2006. С. 133–149.

27. Свод законов Российской Империи. Все 16 томов, исправленные по Продолжениям 1906 и 1908 гг. и дополненные позднейшими узаконениями, в четырех книгах. М., 1910.

28. Сибирская жизнь : газета политическая, литературная и экономическая. Томск. 1894–1917.

29. Болтуц О.А. Провинциальный газетный фельетон: от отдела к жанру (на материале кубанской периодики рубежа XIX–XX вв.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. Краснодар, 2006. 156 с.

30. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

31. Филимонов С.Б. Последний редактор «Таврических губернских ведомостей» (Дело Н.П. Чоглакова) // Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков: документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е года. Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. С. 153–155.

References:

1. Semennikov V.P. Dopolnitel'nye materialy dlya istorii provintsial'nykh tipografii XVIII i nachala XIX veka i dlya bibliografii knig, v nikh napechatannykh // Russkii bibliofil. 1913. № 7. S. 64–83.

2. Shevtsov V.V. Shampanskoe gubernatora: metod «nasyshchennogo opisaniya» // Chelovek–tekst–epokha. Sbornik nauchnykh statei i materialov. Tomsk: Izd–vo TGU, 2004. Вып. 1. S. 131–143.

3. Vateishvili D.L. Russkaya obshchestvennaya mysl' i pechat' na Kavkaze v pervoi treti XIX veka. M.: Nauka, 1973. 460 s.

4. Makharadze N.A. Pervaya russkaya gazeta na Kavkaze (1828–1832). Tbilisi: Izd–vo «Sabchota Sakartvelo», 1975. 164 s.

5. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA).

6. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZ). Sobranie 2-e. SPb.: Tip. II otd. Sobstv. e.i.v. kantselyarii, 1830–1884.

7. Dement'eva V.V. Iz istorii vzniknoveniya «Yaroslavskikh gubernskikh vedomostei» // Sovetskie arkhivy. M., 1981. № 6. S. 43–45.

8. Kurbakova E.V. Istoriya kazanskoi i nizhegorodskoi pressy 1811–1917 gg.: vlast' i obshchestvennye nastroyeniya rossiiskoi provintsii. Nizhnii Novgorod: Izd–vo Nizhegorod. gos. lingvisticheskogo un-ta, 2008. 375 s.

9. Mikhailova M.E. «Astrakhanskie gubernskie vedomosti» v kontekste obshchestvenno-kul'turnoi zhizni Astrakhanskoi gubernii (1838–1917 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02. Volgograd, 2006. 31 s.

10. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1842 goda. SPb., 1842.

11. Zhirkov G.V. Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv. M.: Aspekt-Press, 2001. 368 s.

12. Mikhailova M.E. «Astrakhanskie gubernskie vedomosti» v kontekste obshchestvenno-kul'turnoi zhizni Astrakhanskoi gubernii (1838–1917 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02. Volgograd, 2006. 221 s.

13. Blyum A.V. Fol'klorno-etnograficheskie materialy «Gubernskikh vedomostei» v otsenke tsarskoi tsenzury (Po dokumentam «Komiteta 2 aprelya 1848 g.») // Sovetskaya etnografiya. 1971. № 1. S. 111–114.

14. Sbornik rasporyazhenii i postanovlenii po tsenzure s 1720 po 1862 g. SPb.: Tip. Morskogo ministerstva, 1862. 482 s.

15. Kurskie gubernskie vedomosti.

16. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1857 g. SPb., 1857.

17. Sbornik uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva po delam pechati. SPb.: Tip. Retgera i Shneidera, 1878. 347 s.

18. Sbornik rasporyazhenii po tsenzure s 1828 po 1862 gg. SPb., b.g. 94 s.

19. Sobranie materialov i napravlenii razlichnykh otraslei russkoi slovesnosti za poslednee desyatiletie v otechestvennoi zhurnalistiki za 1863 i 1864 g. SPb.: Tip. MVD, 1865. 280 s.

20. Sbornik rasporyazhenii po delam pechati (s 1863 po 1 sentyabrya 1865 goda). SPb.: Tip. MVD, 1865. 79 s.

21. Russkaya starina. 1899. Sentyabr'.

22. Sbornik tsirkulyarov i rasporyazhenii MVD, otnosyashchikhsya do gubernatora, vitse-gubernatorov, sovetnikov gubernskikh pravlenii, kantselyarii gubernatorov, gubernskikh tipografii, stroitel'nykh i vrachebnykh otdelenii, a takzhe do gorodskikh i zemskikh uchrezhdenii, s 1858 po 1896 g. M.: T-vo skoropechatni A.A. Levenson, 1896.

23. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 3-e. SPb., 1885–1916.

24. M. K–ii. Provintsial'naya pechat'. Gubernskaya pressa // Novoe slovo. Zhurnal nauchno-literaturnyi i politicheskii. SPb., 1896. № 12. S. 161–179.

25. Blyum A.V., Kel'ner V.E., Patrusheva N.G. Izdanie «knig dlya naroda» // Kniga v Rossii. 1861–1881: V 3 t. / Pod obshchei red. I.I. Frolovoi. M.: Kniga, 1991. T. 3. S. 7–28.

26. Shevtsov V.V. S.S. Tatishchev, S.Yu. Vitte i P.A. Stolypin ob izmenenii mesta i roli pravitel'stvennoi pechati v bor'be za obshchestvennoe mnenie v gody pervoi russkoi revolyutsii // Voprosy otechestvennoi i

vseobshchei istorii. Mezhvuzovskii tematicheskii sbornik statei. Vypusk 3. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2006. S. 133–149.

27. Svod zakonov Rossiiskoi Imperii. Vse 16 tomov, ispravlennye po Prodolzheniyam 1906 i 1908 gg. i dopolnennye pozdneishimi uzakoneniymi, v chetyrekh knigakh. M., 1910.

28. Sibirskaya zhizn' : gazeta politicheskaya, literaturnaya i ekonomicheskaya. Tomsk. 1894–1917.

29. Boltuts O.A. Provintsial'nyi gazetnyi fel'eton: ot otdela k zhanru (na materiale kubanskoj periodiki rubezha XIX–XX vv.) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.10. Krasnodar, 2006. 156 s.

30. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF).

31. Filimonov S.B. Poslednii redaktor «Tavrisheskikh gubernskikh vedomostei» (Delo N.P. Choglakova) // Filimonov S.B. Tainy krymskikh zastenkov: dokumental'nye ocherki o zhertvakh politicheskikh repressii v Krymu v 1920–1940-e goda. Simferopol': Biznes-Inform, 2003. S. 153–155.

УДК 070.481(571.1/.5)

Правовое положение официальной губернской прессы в системе периодической печати Российской империи

Вячеслав Вениаминович Шевцов

Томский государственный университет, Российская Федерация

634650, Томская область, г. Томск, проспект Ленина, 36

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: toleben@yandex.ru

Аннотация. На основе законодательных актов и архивных материалов рассмотрено формирование и изменения правовой базы издания официальной губернской периодики. Появление в 30-х гг. XIX в. сети единообразных официальных изданий было вызвано курсом Николая I на упрочение законности, упорядочивание документооборота, создание унифицированной информационной системы в различных регионах и усиление государственной опеки над общественно-политической жизнью страны. При Александре II программа неофициальной части была расширена (в 1855 и 1863 годах). Это усилило тенденцию развития разнообразных региональных вариантов ведомостей, неофициальные части которых часто выходили за юридические рамки. Ведомости, в большей степени, зависели не от центральных цензурных учреждений, а от местного начальства, в ведении которого они находились (несмотря на отмену общей цензуры в 1862 г. и предварительной цензуры в 1881 г.). В 1878–1881, 1901 и 1916 годах министерство внутренних дел организовывало комиссии для изменения законодательных рамок издания ведомостей, но в итоге никаких изменений в существующие законоположения внесено не было и местные правительственные газеты продолжали развиваться разновекторно.

Ключевые слова: губернские и областные ведомости; официальная губернская печать; цензура; история государственного управления.

The Everyday Life of the Mounted Police Guard Force in the Territory of the Black Sea Governorate (1901–1909)

Konstantin V. Taran

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
PhD (History)
E-mail: taran.constantin@yandex.ru

Abstract. This article addresses the everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate – more specifically, the territory of Sochi Okrug. On the eve of and during the 1905-1907 revolutionary events, it was this area where an extremely volatile situation had persisted due to interethnic conflicts. It was in hopes of enhancing authority in the region that the mounted police guard force was set up, which consisted of Cossacks, the Ingush, and Ossetians. In conclusion, the author points up that, on the whole, the mounted police guard force did a good job performing its law enforcement duties in the region's territory during the pre-revolutionary and revolutionary periods.

Keywords: mounted police guard force; Black Sea Governorate; everyday activity

Введение. 23 мая 1896 г. при активном участии члена Государственного совета Н.С. Абазы вышло постановление «О преобразовании административного устройства Черноморского округа» и об утверждении «Временных правил об устройстве судебной части по производству судебных дел в Черноморской губернии и штата местных административных установлений в означенной губернии». Этим постановлением Черноморский округ был изъят из подчинения Кубанской области и преобразован в Черноморскую губернию, которая в свою очередь была введена в состав Закавказья [1].

Материалы и методы. Материалами для написания статьи послужили документы из региональных и местных архивохранилищ, а именно: государственного архива Краснодарского края, Центра документации новейшей истории Краснодарского края, архивного отдела администрации города Сочи. Помимо этого использовались документы Музея истории города Сочи.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективности и системности. Помимо того, использовались хронологический метод, позволивший рассмотреть события в их хронологической последовательности.

Результаты. В административном отношении губерния делилась на три округа: Новороссийский, Туапсинский и Сочинский с губернским центром в Новороссийске [2].

Черноморская губерния являлась новым административным делением России, тянулась длинной и сравнительно узкой полосой вдоль восточного берега Черного моря, занимая пространство между ним и Главным Кавказским хребтом. На северо-западе и северо-востоке Черноморская губерния соприкасалась с Кубанской областью, на востоке с Сухумским округом Кутаисской губернии [3].

На фоне мощного индустриального центра, которым являлся Новороссийск, остальная территория и населенные пункты в большей степени носили аграрный характер.

Состав сельского населения Черноморской губернии из-за миграционных процессов являлся неоднородным и многонациональным. Греки, армяне и грузины оказались в более выгодных условиях по сравнению с представителями славянских национальностей, переселившихся на территорию Черноморья, т.к. аграрные и климатические особенности являлись для первых привычными, и их приспособляемость на новых землях прошла относительно безболезненно. Незнание природно-климатических особенностей местности и связанные с этим формы и методы ведения сельского хозяйства оказывали негативное воздействие на крестьян, переселившихся на территорию Черноморья из центральных губерний империи [4].

По состоянию на 1906 г. в процентном отношении славяне (62,6%) преобладали в Черноморской губернии, армяне располагали 8,5%, в совокупности представители грузинских национальностей имеретинцы, мегрелы, лезгинцы, черкесы, абхазы составляли 24%, на долю остальных этнических групп приходилось 14,9% [5].

Из-за разнообразного этнического состава Черноморья имели место конфликты на межнациональной почве. Например, в начале XX в. крестьяне из Навагинского сельского общества Сочинского округа русские и немцы, неоднократно заявляли властям о притеснениях со стороны грузин, проживающих в селе Пластунка [6].

Недальновидная политика имперских властей способствовала эскалации напряженности между переселенцами в Сочинском округе. Это связано с тем, что с 1888 г. по 1892 г. русская администрация стала практиковать приписку семей русских переселенцев к селениям, населенным преимущественно греками и армянами. Предполагалось, что славяне быстрее адаптируются на новых землях, перенимая аграрный опыт своих соседей. При этом не было учтено то обстоятельство, что

старожилы осели на земельных участках более удобных для обработки, а вновь прибывшим переселенцам достались худшие земельные наделы. Именно эти причины спровоцировали межэтнические конфликты в труднодоступных горных селениях Черноморья [7].

Для предотвращения столкновений среди поселенцев на национальной почве из-за лучших земельных участков, русской администрацией на Кавказе были созданы отряды конно-полицейской стражи, функционировавшие в период с 1901 г. по 1909 г. [8]

Труднодоступная горная местность, пересеченная горными реками, переправиться через которые в половодье было практически не возможно, сложные погодные, природно-климатические условия особенно в осенне-зимний период, все это ложилось в основу организации такой правоохранительной структуры как конно-полицейские отряды Закавказья. Именно мобильные группы всадников могли по приказу руководства оперативно отреагировать и локализовать межэтнический конфликт в горном селении, находящимся на значительном расстоянии от окружного центра. Также нужно отметить, что в Новороссийском и Туапсинском округе Черноморской губернии отряды конно-полицейской стражи не создавались.

По имеющимся сведениям, в посаде Сочи дислоцировался отряд конно-полицейской стражи в количестве 25 человек, под командованием корнета Попова. Это подразделение размещалось рядом со зданием администрации начальника Сочинского округа [9], которую возглавлял штабс-капитан в отставке В.И. Розалион-Сошальский. Кроме этого, в подчинении начальника округа в посаде несли службу 10 городских [10].

В состав конно-полицейской стражи входили 10 всадников осетинского конного дивизиона, мусульман по вероисповеданию, которые размещались в городе Хосте [11]. Учитывая соотношение стражников и городских в Сочи, можно полагать, что городских в Хосте было примерно 3 или 4 человека. Таким же количеством могли располагать силы правоохранительных органов в Адлере и в западных сельских обществах Сочинского округа. При этом в некоторых населенных пунктах несли службу урядники и приставы. Этнический состав конно-полицейской стражи был неоднородным и состоял в основном из славян-казаков, ингушей и осетин. Несение службы не ограничивалось у стражников реагированием на удаленные межэтнические конфликты, поэтому им часто приходилось в случае надобности выполнять функции городских.

Участвуя в предотвращении конфликтов, имели место случаи, когда по вине самих стражников происходили события, грозящие дестабилизации общественного порядка. Так, 23 марта 1905 г. сочинский городской С.М. Декажев, ингуш по национальности, намеревался впустить в сочинское арестное помещение свою сожительницу Х. Кишманову. Получив в этом отказ от старшего городского Е. Гнилицкого, Декажев произвел в него 2 выстрела из револьвера, но промахнулся. Ввиду возбужденного состояния Декажева Гнилицкий вместе с Кишмановой скрылись из арестного помещения. Декажев принялся их искать и зашел в харчевню, расположенную напротив арестного помещения. Там ему повстречался турецко-подданный армянин *Иго сын Оганеса*, которого Декажев убил двумя выстрелами. Потом Декажев отправился в рядом стоящую пекарню и ранил из револьвера содержателя ее турецко-подданного Дмитрия Мурат-оглы. После этого Декажев отправился в арестное помещение, где добровольно сдал оружие и был арестован [12].

Политических мотивов для убийства армянина у Декажева не было. В посаде говорили, что убийство было совершенно городским, находившимся в состоянии алкогольного опьянения, который по ошибке убил армянина «*вместо женщины*» [13], т.е. в порыве ревности.

В связи с нарастанием революционного движения в Черноморье, конно-полицейская стража принимала участие в наведении порядка, который нарушали представители социалистических и иных политических течений. Например, между рабочими, собравшимися на сочинском базаре 19 июня 1905 г. произошел конфликт. На место происшествия с чинами полиции явился пристав Хорольский. Из толпы рабочих кто-то крикнул: «*Бей полицию!*», после этого в полицейских полетели камни. Приставу Хорольскому был нанесен удар кулаком в лицо, а случайно оказавшемуся на базарной площади штабс-капитану Лордкипанидзе камнем попали в грудь. По прибытии земской конно-полицейской стражи и начальника округа порядок был восстановлен [14].

Другая группа рабочих 20 и 21 июня 1905 г. рано утром обходила ряды лавок на базаре с требованием о закрытии, что беспрекословно исполнялось. После выхода роты солдат Херсонского полка порядок на базаре был восстановлен [15]. Как указывал начальник Сочинского округа, эти беспорядки были спровоцированы рабочими-мегрелами, к которым примкнули «*пропащие русские*». Указанная группа рабочих никаких требований администрации округа не предъявляла. Они же 22 июня 1905 г. с применением силы пытались закрывать магазины, обливали мясо в лавках керосином, запрещали работать кузнецам, дрогалам и извозчикам дилижансов, опрокидывали транспортные средства тех, кто с ними не соглашался. Начальник округа в 7 ч. утра вызвал роту солдат и земскую конно-полицейскую стражу, которым приказал оказать содействие предпринимателям. Также было оказано содействие туркам, доставляющим пассажиров и грузы по морю на фелюгах [16].

Вслед за этим в сентябре 1905 г. стали происходить инциденты с применением огнестрельного оружия на участках по постройке Новороссийско-Сухумского шоссе, которые также пришлось устранять конно-полицейским стражникам. Сторонник социал-демократов П. Сергеев агитировал

рабочих с адлерского участка прекратить работы, но т.к. заработок был приемлемый, рабочие продолжили работать. Вследствие отказа прекратить работы неизвестные вооруженные люди открыли огонь из ружей по рабочим в районе села Веселого [17]. Очередное нападение на рабочих произошло 10 сентября 1905 г. В этот день восемь вооруженных мегрел напали на осетин и русских, работавших на дагомьском участке у реки Мамайка, требуя прекращения работ, и открыли по рабочим огонь из ружей. Жертв, среди рабочих не было, но убито было две лошади [18].

На строительстве шоссе на участке между Адлером и Гагрой рабочие выступили против объявленного руководством строительства уменьшения поденной платы в октябре 1905 г., связанного с сокращением осенью продолжительности светового и соответственно рабочего дня, что происходило ежегодно. Помимо этого, рабочие-строители из-за угроз некоторых своих товарищей не вышли на работу [19]. Чтобы пресечь силовое давление на рабочих, начальник округа систематически высылал отряды конно-полицейской стражи для наведения порядка и охраны рабочих, и оповестил население, что попытки препятствовать рабочим на постройке Новороссийско-Сухумского шоссе будут пресекаться вооруженной силой. Кроме этого, начальник округа ходатайствовал перед Черноморским губернатором о присылке в Сочи казаков, т.к. количества вооруженных стражников для защиты рабочих недостаточно [20].

Представители социалистических и иных политических течений опасались противодействий со стороны конно-полицейской стражи. Примечательно, что на одной из манифестаций в Сочи, возглавляемой социал-демократами, учитель Павелко задействовал учащихся, которых разместили в передних рядах, фактически используя несовершеннолетних как живой щит, на случай столкновения с конно-полицейской стражей [21].

Деятельность конно-полицейской стражи в период декабрьского восстания в Сочи в 1905 году рассмотрена нами в целом ряде публикаций, поэтому мы не будем здесь на этом сюжете останавливаться [22-23].

Заключение. Завершая хочется отметить, что эффективность использования отрядов конно-полицейской стражи для устранения локальных конфликтов на территории Черноморской губернии была относительной, но не безуспешной. Стражники – казаки, ингуши и осетины добросовестно исполняли свои должностные обязанности, при этом они не реагировали на политическую агитацию, которая после объявления царского манифеста от 17 октября 1905 г., охватила практически все сельские общества Сочинского округа. Конно-полицейская стража просуществовала до 1909 года и в связи со стабилизацией политической обстановки в стране была расформирована.

Примечания:

1. Михайлова О. Сочи: Форт, пост, посад, город (1838–1917) / О. Михайлова, А. Козырев. Сочи, 2000. С. 35.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 213. Л. 1.
3. Энциклопедический словарь // Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб., 1900. С. 648-649.
4. Черкасов А.А. Крестьянское движение на Черноморье в период революции и гражданской войны. Краснодар, 2003. С. 26.
5. Трехбратов Б.А. Первые шаги... Выступления армейских и казачьих частей на Северном Кавказе в период революции 1905 – 1907 гг. Краснодар, 1989. С. 6.
6. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 62. Л. 103-105.
7. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000. С. 34.
8. Аманжолова Д. Межэтнические конфликты в Российской империи (1905–1916 гг.). В поисках решений. История. № 32. 1999. С. 6.
9. Здание дореволюционной администрации Сочинского округа, ныне расположено медицинское училище г. Сочи по ул. Орджоникидзе. Примечание автора.
10. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 57. Л. 124-126.
11. Музей истории города-курорта Сочи (МИГКС). ОПИ. ОФ – 10426/13. Л. 1.
12. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 584. Оп. 1. Д. 200. Л. 366.
13. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 458. Л. 4.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 231. Д. 2315. Ч. 72. Л. 8.
15. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 199. Л. 97.
16. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/1. Л. 171.
17. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/1. Л. 172.
18. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 199. Л. 195.
19. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/1. Л. 68
20. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/1. Л. 172.
21. МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 173.
22. Таран К.В. Сочинская республика 1905–1906 гг.: мифы и реальность // Русская старина. 2012. № 2 (6). С. 48-51.

23. Таран К.В. Общественно-политическое движение в Черноморской губернии в период Первой российской революции (1905–1907 гг.). Банска Быстрица, 2014.

References:

1. Mikhailova O. Sochi: Fort, post, posad, gorod (1838 – 1917) / O. Mikhailova, A. Kozyrev. Sochi, 2000. S. 35.
2. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraya (TsDNIKK). F. 1774-r. Op. 2. D. 213. L. 1.
3. Entsiklopedicheski slovar' // Izd. Brokgauz F.A., Efron I.A. SPb., 1900. S. 648-649.
4. Cherkasov A.A. Krest'yanskoe dvizhenie na Chernomor'e v period revolyutsii i grazhdanskoi voiny. Krasnodar, 2003. S. 26.
5. Trekhbratov B.A. Pervye shagi... Vystupeniya armeiskikh i kazach'ikh chastei na Severnom Kavkaze v period revolyutsii 1905 – 1907 gg. Krasnodar, 1989. S. 6.
6. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 62. L. 103-105.
7. Tveritinov I.A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Sochinskogo okruga vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. Sochi, 2000. S. 34.
8. Amanzholova D. Mezhetnicheskie konflikty v Rossiiskoi imperii (1905-1916 gg.). V poiskakh reshenii. Istoriya. № 32. 1999. S. 6.
9. Zdanie dorevolyutsionnoi administratsii Sochinskogo okruga, nyne raspolozheno meditsinskoe uchilishche g. Sochi po ul. Ordzhonikidze. Primechanie avtora.
10. Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi (AOAGS). F. R-279. Op. 1. D. 57. L. 124-126.
11. Muzei istorii goroda-kurorta Sochi (MIGKS). OPI. OF – 10426/13. L. 1.
12. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK). F. 584. Op. 1. D. 200. L. 366.
13. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 458. L. 4.
14. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 102. Op. 231. D. 2315. Ch. 72. L. 8.
15. GAKK. F. 584. Op. 1. D. 199. L. 97.
16. MIGKS. OPI. OF-10426/1. L. 171.
17. MIGKS. OPI. OF-10426/1. L. 172.
18. GAKK. F. 584. Op. 1. D. 199. L. 195.
19. MIGKS. OPI. OF-10426/1. L. 68
20. MIGKS. OPI. OF-10426/1. L. 172.
21. MIGKS. OPI. OF – 10426/1. L. 173.
22. Taran K.V. Sochinskaya respublika 1905–1906 gg.: mify i real'nost' // Russkaya starina. 2012. № 2 (6). S. 48-51.
23. Taran K.V. Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Chernomorskoj gubernii v period Pervoi rossiiskoi revolyutsii (1905–1907 gg.). Banskaya Bystritsa, 2014.

УДК 94

**Повседневные будни конно-полицейской стражи
на территории Черноморской губернии (1901–1909 гг.)**

Константин Викторович Таран

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

E-mail: taran.constantin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается повседневная жизнь конно-полицейской стражи на территории Черноморской губернии, а в частности на территории Сочинского округа. Накануне и в период революционных событий 1905–1907 гг. именно здесь сохранялась крайне не стабильная ситуация в связи с межнациональными конфликтами. Для усиления власти в регионе и была создана конно-полицейская стража, состоявшая из казаков, ингушей и осетин. В завершении автор отмечает, что в целом конно-полицейская стража справилась с возложенными на нее задачами охраны правопорядка на территории региона в предреволюционный и революционный периоды.

Ключевые слова: конно-полицейская стража; Черноморская губерния; повседневная деятельность.

UDC 94

History of Origin of the Multiparty System in the Central Black Earth of Russia in Early XX Century

Alla N. Gutorova

Southwest State University, Russian Federation
305040 Kursk, 50 let Oktyabryast, 94
PhD, Associate Professor
E-mail: allagutorova@mail.ru

Abstract. The author of in this article has analyzed the main works of local researchers and unpublished documents archives (The State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Kirov Region, the Center for Documentation and Recent History of the Volgograd Region) and attempted to make comprehensive and objective review of the history of political parties in the Central Black Earth Region. The article analyzes the process of establishing of the multiparty system in Kursk, Tambov and Voronezh provinces. The author makes the conclusion, concerning the quantitative and the social composition of district committees, the work of local branches with the population of provinces.

Keywords: political party county committees; multiparty system.

Введение. В конце IX века – начале XX века в России произошли большие изменения. Самодержавная государственность была очень устойчивой в период стабильности и в то же время очень уязвимой в критические периоды, когда централизованная верхушка власти подвергалась атакам общественных сил. К началу XX века волна студенческих беспорядков, рабочих забастовок и террористических актов дестабилизировала политическую ситуацию. Разразившийся в 1900–1903 гг. мировой экономический кризис добавил контраст в существующую ситуацию, что привело к падению производства, инфляции и ухудшению положения широких народных масс. Кризис был усугублен засухой и неурожаем 1903 года.

Материалы и методы. Исследование процесса становление региональной многопартийности в начале XX века в Центральном Черноземье основано на материалах государственных архивов Курской области, Воронежской области и Тамбовской области, центра документации новейшей истории Воронежской области, а так же на трудах отечественных ученых. Основными методами исторического познания, которые были использованы при написании статьи, являются: проблемно-хронологический, синхронистический, сравнительно-исторический, системный и статистический.

Обсуждение. Нарастание революционных волнений ясно показали верховной власти, что перемены назрели. Власть должна была определить: либо она проявит в политической реформе инициативу и самостоятельность, либо неудовлетворенность ее упрямством даст революционным силам хорошие шансы на реализацию своих замыслов. «Вопрос о будущем России становится грозно. Он настоятельно требует решения, и этого не видят «наверху»» [1].

Настроение и сплоченность народа волновала власть. Несмотря на встречные народу шаги властей, народные массы «подогревало» то, что верхи прислушиваются к их мнению, что делало их более сплоченными и требовательными. Кульминационным моментом стал Манифест от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором говорилось о согласии царя включить «в состав высших государственных учреждений особое законодательное установление, которому представляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и обсуждение росписи государственных доходов и расходов» [2]. Царь вынужден был «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова собраний и союзов» [3]. Это положение создало условия для формирования легальных политических партий: в 1906 году в России их насчитывалось до 50, но заметное место на российской политической арене занимали лишь несколько из них [4].

23 апреля 1906 г. вышли в свет Высочайше утвержденные «Основные государственные законы», пункт 38 которых гласил: «Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам. Условия образования обществ и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок закрытия обществ и союзов, определяется законом» [5]. Однако за месяц до этого, 4 марта 1906 года, в Царском Селе был подписан Именной высочайший Указ Правительствующему Сенату «О Временных правилах об обществах и союзах» [6], которым «впредь до издания, в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 года, общего закона о союзах и обществах» признавалось «за благо ввести в действие временные, по этому предмету, правила». Согласно «Временным правилам...», обществом считалось «соединение нескольких лиц, которые, не имея задачи получения для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель, а союзом –

соединение двух или нескольких таких обществ, хотя бы через посредство их уполномоченных». Действие названного нормативного акта не распространялось на союзы и общества, преследующие религиозные цели, и на общества, образуемые учащимися в учебных заведениях. Согласно названию Указа, его действие имело временный характер – до принятия специального закона об обществах и союзах. Однако вплоть до 1917 г. неоднократные попытки подготовить подобный закон так ничем и не увенчались.

В формировании российских политических партий имелись свои особенности по сравнению с аналогичным процессом на Западе:

- в России партии сформировались раньше чем профсоюзы и поэтому брали на себя помимо политических, часть профсоюзных функций;
- в России процесс образования социально-классовых политических структур начался с образования марксистских партий, а на Западе он этим завершился;
- в России процесс образования пролетарских партий опережал образование буржуазных политических партий, (что сделало рабочий класс политически более сильным), тогда как на Западе образование пролетарских политических партий следовало за образованием буржуазных партий;
- в России формировался революционный авангардный тип политических партий, в то время как на Западе в основном – парламентский тип партий;
- российские политические партии провозглашали классовую принадлежность и классовый состав, в то время как на Западе – надклассовость и всенародность;
- в России политические партии формировались в условиях многонациональной среды, что способствовало возникновению двух типов партий – национальные и интернациональные;
- Россия отличалась от Западе по степени непримиримости политических сил и крайней политизацией партий. Бескомпромиссные позиции многих из них зачастую приводили к столкновениям, что в условиях фактического отсутствия политических свобод и подпольного действия вело к созданию внутри партий специальных органов по борьбе со своими оппонентами [7].

На процесс формирования политических партий заметное влияние оказали качественные изменения во внутреннем состоянии двух основных классов индустриального-общества-буржуазии и пролетариата. Оба класса были заинтересованы в выработке и пропаганде своего идеала общественного устройства, в отстаивании своих политических интересов и целей.

Для российской многопартийности в том виде, в каком она сложилась перед первой российской революции, было характерно следующее:

1. Наличие сильного и организованного левого фланга, настроенного непримиримо по отношению не только к самодержавию, но и к «центру», т.е. к либералам;
2. Многочисленность правого фланга;
3. Быстрый рост достаточно рыхлого либерального «центра», правая часть которого открыто тяготела к соглашению с властями, а левая пыталась балансировать между крайне левыми и властями.

Для формирования либеральных и демократических политических партий России основной базой стало земское движение. В сентябре 1905 года проходит съезд земских и городских деятелей, на котором была намечена программа партии, получившая название Конституционно-демократической. Программа партии конституционных демократов была утверждена на учредительном съезде в октябре 1905 года.

Либеральные партии были не единодушны в своих требованиях. Так «Союз 17 октября», представлявший правый центр либеральных партий, полностью базировался на принципах Манифеста 17 октября 1905 г. Его кредо было: «Сильная власть выведет страну из хаоса» [8].

Организационно Союз создал за 1905–1907 гг. 260 отделов на местах. Местные отделы партии были образованы в основном в Земских губерниях Европейской России. Отделы были губернские, городские, уездные, волостные и сельские. Общая численность членов партии достигла в 1906–1907 гг. 75–77 тыс. человек. На автономных началах к Союзу примыкали 23 организации, близкие ему по программе и тактике.

В Центральном Черноземье первый отдел «Союза 17 октября» был создан в Воронежской губернии 26 ноября 1905 г. В состав бюро отдела вошли видные деятели губернского движения того времени: Урсул, Н.А. Клочков, Н.А. Цветков, И.Г. Бочарников.

Особое внимание среди либералов следует уделить кадетам – ведущей фракцией в I Думе. Основной социальной базой кадетской партии стала интеллигенция, составившая почти 90 % ее состава. Кадеты в программах и идейных установках делали ставку на реформы и компромисс.

В октябре 1905 года в Тамбове был образован первый в регионе комитет кадетской партии. В него вошли руководители земских учреждений Л.Д. Брюхатов, Ю.А. Новосильцев, М.Н. Колотов, В.В. Измайлов.

В ноябре был создан комитет в Воронеже. 14 ноября был избран временный комитет, а в январе 1906 г. на губернском партийном съезде – постоянный. Председателем был избран Андрей Иванович Шингарев, санитарный врач из Воронежа, активный земский деятель, чья книга «Вымирающая деревня», опубликованная в 1902 году, поднимала острейшие социальные и политические вопросы современной России. В будущем А.И. Шингарев станет Депутатом II, III, IV Государственных дум,

министром земледелия в первом и министром финансов во втором составе Временного правительства. В 1918 г. был расстрелян.

В это же время шло создание Курской кадетской организации. В ноябре 1905 г. был образован временный комитет, а в феврале на губернском съезде партии кадетов был избран постоянный. В него вошли 10 человек. Суджанский уездный комитет партии (Курская губерния) создал специальную комиссию из 22 человек с целью проведения агитации среди крестьян. Было решено организовать крестьянский союз в уезде, начать распространение народной газеты и популярных листовок, проводить личные беседы с крестьянами, для чего предлагалось использовать страховых агентов. Специально для крестьян в губернии в популярной форме издавались брошюры, листовки, прокламации. В Воронеже была выпущена брошюра «Чего хочет партия народной свободы», где крестьянам обещалось столько земли, сколько им нужно; привлекались к агитационной работе сельские священнослужители. В Курске в популярной форме были изданы «Устав кадетской партии» и листовка «Долго терпел русский народ». В Тамбовской губернии практиковалось использование платных агитаторов для работы среди крестьян.

К концу 1907 г. количество и численность местных кадетских организаций сильно сократились. Это объяснялось прежде всего усилением репрессий со стороны губернских и уездных властей в отношении организаций партии. Многие активисты движения к этому времени оказались за пределами своих губерний либо вследствие административной высылки, либо по иным причинам. Как правило, они прекращали после этого свою партийную деятельность. Только из одной Курской губернии выехали такие авторитетные члены партии, как Н.И. Раевский, А.А. Андреевский, А.Г. Раппопорт и др.[9]

Кроме того, уездные комитеты партии фактически приостанавливали свою работу после окончания выборной кампании, т.к. иные формы и направления деятельности в сложившихся условиях были крайне затруднены. Данные по численности местных партийных организаций Центрального Черноземья к тому времени выглядят следующим образом. В Курской губернии к концу 1907 г. остался только один губернский комитет, в состав которого входило десять членов избранных еще в августе 1906 г.

В любой стране, где возникает оппозиция существующему строю, правящему режиму, неизбежно появляются объединения, которые его поддерживают. В ряде случаев они возникают и существуют при помощи и покровительстве правительства. Но несомненно, что немалая доля участников подобных движений и организаций вполне искренне принимает сторону власти, исходя из своих идеалов и представлений. Так как в России, в отличие от Запада, не было партии власти, поскольку носителем верховной власти являлось самодержавие в форме абсолютной монархии, соответственно, именно правые партии являлись надежной опорой монарха, хотя последний официально это скрывал. Монархисты буквально «боготворили» Царя в прямом смысле этого слова, призывали к этому народные массы, тем самым создавая оппозицию другим партиям.

В момент своего зарождения правомонархическое движение в губерниях Центрального Черноземья существовало в основном в двух формах - "тайные патриотические организации" и под видом неорганизованной уличной "толпы простолюдинов". Причем, господствующей на этом этапе формой, была уличная "толпа простолюдинов", получившая в левой печати название "черной сотни".

Наиболее активно процесс формирования черносотенных организаций проходил в Курской и Тамбовской губерниях. Так, в Курской губернии уже в 1904 году состоялось тайное совещание 20 «истинно-русских людей», на котором были обсуждены актуальные вопросы борьбы против надвигающейся революции. Характерно, что в этой встрече принимали участие многие из тех, кто впоследствии будет составлять руководство монархического движения: В. Доррер, Г. Щечков и др. С этого собрания началась политическая карьера Н. Маркова [10]. Первой монархической организацией в этом регионе стала Курская народная партия порядка. Ее программа была опубликована в газете «Губернские ведомости» 10 октября 1905 г. Через два месяца 14 декабря 1905 года в зале дворянского собрания прошло первое заседание этой партии. Инициатива собрания принадлежала «истинно-русским людям». 31 декабря 1906 г. Курская народная партия порядка слилась с Союзом русского народа и на ее основе был образован Курский отдел СРН, насчитывавший 1170 человек. Обоснование было лаконичным – Союз преследует те же цели, что и Курская народная партия порядка, а соединение придаст ей еще большую силу и крепость [11]. В Тамбове в начале 1905 года появились «Воззвания к русским патриотам» от имени тайной организации «Тамбовской партии патриотов» с призывами для расправы с крамольниками.

Состав монархических организаций был неоднороден. В попытке проанализировать социальный состав этих организаций по Центральному Черноземью приходится сталкиваться с недостатком необходимого фактического материала. Как правило, в списках членов черносотенных организаций нет сведений об их социальной принадлежности. Однако есть косвенные свидетельства очевидной неоднородности этих рядов. Так, курский Совет губернского отдела СРН включал журналиста, двух членов Государственной думы, двух священников, инспектора народных училищ, двух торговцев, генерала, а также двоих членов без установленного рода занятий [12]. Отдел СРН в г. Обояни Курской губернии состоял из статского советника, почетного гражданина, троих мещан, двух священнослужителей, казака и отставного военного. Среди учредителей Обоянского отдела

Русского народного союза имени Михаила Архангела был один статский советник, один губернский секретарь, один отставной подполковник, два мещанина, три потомственных почетных гражданина, один казак, шесть купцов, пять представителей духовенства. Председателем отдела был избран предводитель уездного дворянства, товарищем председателя – дьякон. В Тимском Совете СРН Курской губернии также председательствовал предводитель уездного дворянства, товарищем председателя был председатель уездной управы, казначеем – священник, секретарем – священник. Члены Совета: земские начальники участков – 4, священник – 1, волостной старшина – 1 [13].

Пестрота социального состава наблюдалась и в Тамбовской губернии. Так, Совет Моршанского отдела СРН состоял из одного титулярного советника, двух мещан, одного дьякона, одного – отставного подпрапорщика, семерых крестьян. В правление Тамбовского отдела Союза русского народа входило: дворян – 3 человека, мещан – 2, потомственных граждан – 2, крестьян – 5 [14]. Правление воронежского Митрофано-Георгиевского общества состояло из статских и надворных советников – 3 человека, их жен и вдов – 3, мещан – 2, купцов – 1, крестьян – 1 [15]. Материалы Центрального Черноземья дают основание утверждать, что в монархические организации не слишком охотно шли представители интеллигенции. Анализируя деятельность монархических организаций, можно утверждать, что основным направлением этой деятельности было участие в выборах в Государственную думу. Один из видных курских монархистов Г. Щечков неоднократно публично заявлял, что быть в Государственной думе – это долг черносотенцев, обосновывая это тем, что нанести поражение врагам церкви, престола и Родины на местах – недостаточно. Правые должны продолжать давление на них и в Госдуме, чтобы те не сделали ее своим оплотом. Не идти в Думу значит уклониться от исполнения долга [16].

Социалистические идеи на рубеже XIX–XX веков были популярны во многих европейских странах. В России же распространение социалистических идей находилось в самом начале пути. В Курской и Тамбовской социал-демократических организациях в период и после революции 1905 г. четкого деления на большевистскую и меньшевистскую фракции не существовало. Организации были объединенные. Поэтому вопрос об их объединении не стоял. Несмотря на жестокие преследования, социал-демократические организации на местах проявляли большую жизнеспособность. Наступившая реакция не остановила партийной работы. К лету 1907 г. – социал-демократическая организация Курской губернии насчитывала около 500 человек, более половины которых составляли меньшевики. Продолжали действовать организации меньшевиков и в уездах. После ареста большого числа членов суджанской организации продолжала свою работу небольшая группа в Торговом училище под руководством меньшевика Генигафта. К ней присоединились меньшевики библиотеки Земской управы. До конца 1907 г. продолжала работать рыльская меньшевистская группа; вплоть до 1909 г. вела активную работу путивльская группа меньшевиков [17].

В декабре 1907 г. была ликвидирована рыльская группа РСДРП. Прекратил свою деятельность губернский комитет РСДРП. Председатель комитета А.А. Аристархов в 1908 г. уничтожил документы организации и перестал созывать комитет. Таким образом, силы курских меньшевиков значительно ослабились в результате наступления реакции.

Рабочие Воронежских заводов часто выражали недовольство тем, что в местной социал-демократической организации все время идет фракционная борьба, что параллельно существует два комитета, каждый из которых проводит свою политическую линию. Под влиянием требований момента на местах началось объединение большевистских и меньшевистских организаций. С этой целью в ноябре 1905 г. был образован Федеральный Совет Воронежского комитета РСДРП, в который вошли представители обоих комитетов в равном количестве [18]. В конце января 1906 г. был создан Воронежский объединенный комитет РСДРП. Но это объединение носило формальный характер. Полиции удалось обнаружить типографию комитета РСДРП, она была разгромлена. Арестам подвергались, главным образом, большевики, в результате чего руководство Воронежским объединенным комитетом перешло в руки меньшевиков. Затихла деятельность военной организации при Воронежском комитете РСДРП, так как меньшевики были против военного обучения и отзывали своих людей их боевых отрядов. В то же время Воронежский комитет развернул активную работу среди крестьян. Меньшевики побывали во многих селах Воронежской губернии. Выпускались специальные листовки для крестьян [19].

После неудачной попытки организовать меньшевистскую группу в Курске М.И. Богомазов организовал меньшевистскую группу в родном г. Судже Курской губернии. Суджанские меньшевики сотрудничали с местными большевиками.

Партия социалистов-революционеров, выражавшая крестьянские интересы, в эти годы была самой крупной, активной социалистической партией. Образовался Союз социалистов-революционеров (ССР) – так сначала называлась партия – в 1896 году в Саратове, затем перебрался в Москву. Ширилась сеть эсеровских кружков и в уездных городах. Еще в 80-х гг. XIX в. стала складываться Грайворонская организация в Курской губернии [20]. В 1900–1904 гг. эсеровские кружки появились в Старооскольском, Суджанском, Щигровском и других уездах Курской губернии. Одной из наиболее сильных уездных организаций была Старооскольская, в состав которой входили Е.А. Кувшинникова, И.И. Лубашев, А.Е. Першин и др. Возглавил ее студент Харьковского ветеринарного института Н. Кошлаков. Комитет установил связи с рабочими железнодорожной

станции, создал кружки среди сапожников и столяров. Особое внимание уделялось работе среди сельского населения. При комитете действовала боевая дружина, для обучения которой была учреждена должность инструктора. Главное внимание в своей работе эсеры уделяли крестьянству. Их деятельность в деревне была сосредоточена на двух основных направлениях: распространении агитационной литературы и организации крестьянских братств. Таким образом, к 1907 г. эсеры Черноземного Центра пользовались довольно значительным влиянием среди крестьянства, части рабочих, среди городского населения. Им удалось создать разветвленную и достаточно многочисленную сеть местных организаций. К этому времени активно действовали организации эсеров: в Воронеже – 147, Курске – 11, Тамбове – 79, общей численность соответственно 2027,574 и 1070 человек.

В июне 1917 г. возродилась Шигровская организация эсеров. Сюда на родину после февральской революции из ссылки возвратились крестьяне, арестованные за участие в крестьянском движении в годы революции 1905–1907 гг. и сразу активно включились в революционную борьбу. Летом 1917 г. эсеровские организации действовали в Старооскольском, Новооскольском, Корочанском, Белгородском, Путивльском, Львовском, Гайворонском и Дмитриевском уездах Курской губернии. К этому времени Курская эсеровская организация насчитывала около 5 тыс. человек.

Большим доверием пользовались эсеры и у населения Тамбовской губернии. Организации эсеров появились почти во всех уездах губернии: Тамбовском, Моршанском, Козловском, Борисоглебском и др.[21] В Воронежской губернии к июлю 1917 г. в партию эсеров входило около 4,5 тыс. человек. Из 180 волостей Воронежской губернии эсеровские организации были образованы в 104 [22].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что социалистические партии прошли не легкий путь в своем формировании. Они представляли собой оппозицию другим партиям.

Заключение. В России конца XIX – начала XX в.в. номинально действовало около 300 партий – общероссийских и национальных. До 1905 г. в стране возникло 4 общероссийских и 47 национальных партий и движений. К февралю 1917 г. их число уже составляло 45 общероссийских и 113 национальных партий и движений, с марта по октябрь 1917 г. – 8 общероссийских и 46 национальных партий и движений [23]. С конца 1917 г. по 1925 г. список российских политических партий пополнился еще 7 общероссийскими и 76-79 национальными организациями, большинство которых тяготело к социалистической ориентации. Таким образом, в период с 1882 г. по 1925 г. в России функционировало 60 общероссийских и 228–231 национальных партий и движений (в число последних входили вновь образованные партии республик Средней Азии и Казахстана и Федерации национальных партий (групп) – английской, чехословацкой, немецкой, румынской и др.) [24].

Таким образом, на формирование и деятельность политических партий Центрального Черноземья конца XIX – начала XX вв. оказало влияние множество факторов, таких как тяжелая политическая обстановка в стране и регионе, экономический кризис, нарастающее народное недовольство, а также большая распространенность политических учений, главным образом марксизма. Не стоит забывать и о роли отдельных лидеров, которые организовывали и координировали деятельность своих политических партий (В.И. Ленин, П.Н. Пуришкевич, Ю.О. Мартов и др.). Кроме того, в России в условиях отсутствия правового государства, так и не оформился механизм политического взаимодействия партий, не сложились нормы по которым бы партии могли строить взаимоотношения друг с другом.

Примечания:

1. Из беседы публициста славянофильского полка генерала А.А. Киреева и К.К. Победоносцева о положении России, сентябрь 1990 г.
2. Манифест от 17 октября 1905 г. Об усовершенствовании государственного порядка.
3. Манифест от 17 октября 1905 г. Об усовершенствовании государственного порядка.
4. Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С.3-4.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т.XXV. Отд. 1. № 26803.
6. Собрание узаконений. 1906. Отд. 1. № 98. Ст. 603.
7. Голубев Н.Р. Взгляды политических партий и общественных движений на проблемы настоящего и будущего России (конец XIX – начало XX вв.). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1998. С.33-34.
8. Хордина Т.В. Партия – «Союз 17 октября». Протоколы съездов. Конференции и заседания ЦК. В 2-х томах/ Том 1. 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1996. С. 203.
9. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 236. Л. 2.
10. Стрелков А.Т. Деятельность черносотенных организаций России в губерниях центрального Черноземья (1905–1917 гг.). Автореферат соис. учен. степ. канд. истор. наук. МПГУ. М., 1997. С. 9.
11. Курский листок. 1905. 21 декабря; 1906. 11 января; 14 января.
12. Вестник Союза русского народа. 1911. 16 июня.
13. ГАРФ. Ф. 117, Оп. 1. Д. 71. Л. 13, Л. 15.
14. Государственный Архив Тамбовской области. Ф. 972. Оп. 1. Д. 264.
15. Государственный Архив Воронежской области. Ф. 1. Оп.2. Д.326. Л.3.
16. Авилова Н.Л. Российская многопартийность: региональный аспект (на материалах политических партий и движений Центрального Черноземья). 1900–1999 гг. Дисс... докт. ист. наук. М., 2000. С. 125.

17. Государственный архив Курской области. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 450. Л. 435.
18. Центр документации новейшей истории Воронежской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 130. Л. 74.
19. ЦДНИ ВО Ф. 5. Оп. 1. Д. 102. Л. 191-192.
20. ГАКО. Ф. 1642. оп. 1. Д. 585. Л. 1.
21. Дело деревни. 1917. №3.
22. Земля и воля. 1917. 29 сентября.
23. Пономарев Е.Г. Политико-правовые основы многопартийности в Российской империи и особенности перехода к однопартийной системе (Историко-правовой анализ): Дис. д-ра юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2000. С. 276.
24. Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 9.

References:

1. From the conversation of publicist of Slavophile Regiment of General A.A.Kireyeva and K.K. Pobedonostev on the situation in Russia, in September 1990. (In russian).
2. Manifesto of October 17, 1905. About the improvement of public order.
3. Manifesto of October 17, 1905. About the improvement of public order.
4. Spirin L.M. Russia 1917: From the history of the struggle of political parties. М., 1987. P. 3-4. (In russian).
5. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. - Collection of the third. T.XXV. Div. 1. № 26803.
6. Collection of Laws. 1906. Div. 1. № 98. Art. 603.
7. Golubev N.R. Views of political parties and social movements on problems of the present and the future of Russia (late nineteenth and beginning of XX centuries.). Perm; Univ Perm State University, 1998. P.33-34.
8. Khordina T.V. Party - "Union of October 17." Minutes of Congresses. Conferences and meetings of the Central Committee. In 2 volumes / Volume 1. 1905–1907. М.: ROSSPEN, 1996. P. 203. (In russian).
9. State Archive of the Russian Federation. F. 523. Op.1. С. 236. S. 2.
10. Gunmen A.T. Activities reactionary organizations in the provinces of central Russia Chernozem (1905–1917). Author's abstract on scientific degree of candidate of historical sciences. MPGU. М., 1997. P. 9. (In russian).
11. Kursk sheet. December 1905. 21; 1906. Jan. 11; January 14.
12. Bulletin of the Union of the Russian people. 1911. June 16.
13. State Archive of the Russian Federation. F. 117, Op. 1. С. 71. S. 13, S. 15.
14. State Archive of the Tambov region. F. 972. Op. 1. С. 264.
15. State Archive of the Voronezh Region. F. 1. Op.2. С.326. S.3.
16. Avilova N.L. Russian multiparty: regional aspect (on materials of political parties and movements of the CentralChernozem). In 1900 and 1999. Dissertation of the doctor of historical sciences. Moscow State Pedagogical University. М., 2000. P. 125. (In russian).
17. State Archive of the Kursk region. F. 1642. Op. 1С. 450. S. 435.
18. Documentation Center of the modern history of the Voronezh Region. F. 5. Op. 1. С. 130. S. 74.
19. Documentation Center of the modern history of the Voronezh Region. F. 5. Op. 1. С. 102. S. 191-192.
20. State Archive of the Kursk region. F. 1642. Op. 1. С.585. S.1.
21. The case of the village. 1917. № 3.
22. Land and Freedom. 1917. September 29.
23. Ponomarev E. Political and legal framework of a multiparty system in the Russian Empire and especially the transition to a single-party system (Historical and legal analysis): the Dissertation of the doctor of laws: 12.00.01 Nizhny Novgorod, 2000 P. 276. (In russian).
24. Political parties in Russia: history and modernity. М., 2000. P. 9. (In russian).

УДК 94

**История зарождения многопартийности в начале XX века
в Центральном Черноземье**

Алла Николаевна Гуторова

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: allagutorova@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа основных работ отечественных исследователей и неопубликованных документов архивов (ГАРФ, ГАКО, ЦДНИ ВО) предпринята попытка всестороннего и объективного рассмотрения истории возникновения политических партий в Центральном Черноземье. В работе анализируется процесс становления многопартийности в Курской, Тамбовской и Воронежской губерниях. В статье делаются выводы о количественном и социальном составе уездных комитетов, о работе местных отделений с населением губерний.

Ключевые слова: политическая партия; уездные комитеты; многопартийность.

UDC 94(47)

Capital University and the World War: Theory and Practice of ‘Academic Patriotism’¹ Evgeny A. Rostovtsev² Dmitry A. Barinov

¹ St. Petersburg state University, Russian Federation
PhD, Associate Professor
E-mail: eugene.rostovtsev@gmail.com

² St. Petersburg state University, Russian Federation
research fellow
E-mail: barinov_dima.hm@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the research positions of St. Petersburg State University Corporation during the World War I until the collapse of the Russian Empire in 1917. During the war, professorial part of the University Corporation was an active member of the civil society and was involved in the political processes of pre-revolutionary Russia. The authors reconstruct collective “portrait” of university teachers (especially quantitative, social, confessional aspects, etc.), consider problems of “academic patriotism”, “emancipation of the German science”. One of the main aims of this article is to demonstrate influence of war events and condition on the political views and the policy of university administration. The authors also show the changes of pedagogical activity of professors and teachers and science life as a whole. This research used the methods of collective biography construction and prosopography studies.

Keywords: History of Russia of the XX century; World War I; St. Petersburg (Petrograd) University; history of the higher school; professorial corporation; collective biography.

Введение. Принципы и стратегия поведения научной элиты в ситуации мобилизации национальных ресурсов для достижения победы в войне – одна из востребованных и модных тем в современной литературе по истории и антропологии науки [1-4]. Причина актуализации этой проблематики понятна – анализ состояния умов и действий ученого сообщества в условиях неизбежного выбора между интернациональными ценностями «науки» и по определению национальными ценностями «патриотизма» позволяет понять и оценить характер политических и нравственных проблем, стоявших перед представителями отечественной интеллигенции начала XX века. В центре внимания настоящей статьи следующие вопросы: что представляла собой преподавательская корпорация столичного университета в годы «великой войны» в количественном и качественном отношении? Каковы были ее ценностные и идейные горизонты и в чем заключалась специфика профессорского «патриотизма»? И, наконец, каков был вклад петроградских университетов в общее дело сражающейся нации? Что сделала корпорация и ее члены для победы в войне?

Методы. В статье задействован разнообразный комплекс архивных и опубликованных источников: нормативные акты, делопроизводственная документация, публицистика, источники личного происхождения в совокупности позволяющие воссоздать целостную картину жизни университетской корпорации эпохи I Мировой войны.

Обсуждение. Санкт-Петербургский (Петроградский) университет в эпоху «великой войны» – признанный научный и интеллектуальный центр России и Европы. Согласно Уставу 1884 г. состоял из четырех факультетов: юридического, физико-математического, историко-филологического, восточных языков. На каждом из них был собран цвет российской науки. Так, только начав перечислять всемирно известных ученых в алфавитном порядке отметим, что среди всемирно известных ученых на физмате (который включал специализации по точным и естественным дисциплинам) в военные годы трудились А.А. Адамов, А.И. Воейков, В.А. Догель, Х.Я. Гоби, В.Д. Зеленский, П.А. Замятченский, А.Ф. Иоффе, В.Н. Ипатьев; на юридическом факультете В.Н. Бенешевич, В.М. Грибовский, В.Ф. Дерюжинский, А.А. Жижиленко, М.М. Ковалевский; на факультете восточных языков В.М. Алексеев, В.В. Бартольд, Н.И. Веселовский, Б.Я. Владимирцев, К.Г. Залеман; на историко-филологическом факультете А.В. Айналов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.И. Введенский, С.А. Венгеров, И.М. Гревс, И.Д. Греков и многие другие. Если говорить о количественном составе студенчества и преподавательского корпуса, то к 1914 г. в университете числилось 7442 студентов (1915 – 6904; 1916 – 7780; 1917 – 5964) и 246 преподавателей (1915 – 252; 1916 – 292; 1917 – 293; по факультетам см. табл. 1).

Таблица 1.

Количество преподавателей в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете [Сост. по: 5-9]

	1912/1913	1913/1914	1914/1915	1915/1916
Юридический	65	55	64	63
Историко-филологический	78	85	81	102
Восточных языков	27	26	27	35
Физико-математический	80	80	80	82
Всего	250	246	252	292

Согласно уставу 1884 г. и «Временным правилам» 1905 г. университет обладал значительной автономией. Несмотря на формальное право Министерства народного просвещения (МНП) отвергать любые решения Университетского совета нормативного и организационного характера и назначать собственных кандидатов на преподавательские должности, такое происходило редко даже в эпоху «реакционера» Л.А.Кассо, бывшего министром с 1910 по 1914 г. и враждовавшего с либеральной профессурой, а его назначенцы быстро становятся «изгоями» как в преподавательской, так и в студенческой среде [10].

Сословный и религиозный состав университетской корпорации представлен в таблицах 2 и 3. Эти данные демонстрируют, что состав преподавательского корпуса, включая как профессоров, так и младших преподавателей был многонациональным и сословным. Между тем, без сомнения и в абсолютных цифрах, и в относительном выражении в преподавательской среде доминировали выходцы из привилегированных сословий, в первую очередь, дворянства.

Таблица 2.

Сословный состав преподавательской корпорации Санкт-Петербургского (Петроградского) университета, 1914–1917 гг. [Сост. по: 11; 12]

Происхождение	Юридический (%)	Историко-филологический (%)	Восточных языков (%)	Физико-математический (%)	Всего (%)
Дворяне	8,3	28,6	27	40,7	29,6
Дети чиновников и военных	50	30	7,7	17	25,1
Купцы	8,3	8,5	3,8	3,4	6,1
Духовенство	4,2	11,5	11,5	6,7	8,8
[Интеллигенция: «сын учителя», «сын профессора», «сын артиста» и т.п.]	16,8	11,5	7,7	11,9	11,6
Почетные граждане	8,3	1,4	7,7	3,4	3,9
Крестьяне		2,8	3,8	5,1	3,3
Мещане	4,2	4,3	7,7	6,7	5,8

Таблица 3.

Санкт-Петербургский университет. Вероисповедание профессоров и преподавателей на 1914 год [Сост. по: 13]

Вероисповедание	Профессора (%)	Младшие преподаватели (%)	Профессорско-преподавательский состав в целом (%)
Историко-филологический факультет			
Православные	77,9	79,2	78,3
Католики	7,4	8,3	7,6
Протестанты	14,7	12,5	14,1
Физико-математический факультет			
Православные	90,2	86,4	89

Католики	0	13,6	4,1
Протестанты	7,8	0	5,5
Армяно-григориане	2	0	1,4
Юридический факультет			
Православные	94,6	83,6	90
Католики	0	4,3	1,7
Протестанты	2,7	13,1	6,6
Иудеи	2,7	0	1,7
Факультет восточных языков			
Православные	66,7	44,4	47,5
Католики	0	5,6	4,8
Протестанты	33,3	16,5	19
Армяно-григориане	0	5,6	4,8
Буддисты	0	5,6	4,8
Мусульмане	0	5,6	4,8
Караимы	0	5,6	4,8
Нет данных	0	11,1	9,5
В целом по университету			
Православные	61,1	83,5	84,9
Католики	6,7	4,2	5,2
Протестанты	7,8	12,7	10,7
Армяно-григориане	0	1,4	0,9
Иудеи	0	0,7	0,5
Мусульмане	0	0,7	0,5
Буддисты	0	0,7	0,5
Караимы	0	0,7	0,5
Нет данных	0	1,4	0,9

Комментируя таблицу 3 отметим, что в составе петербургской профессорской корпорации было на начало I Мировой войны немало ученых немецкого происхождения во главе с ректором Эрвином Гримом. К этой группе католиков и протестантов, по всей видимости, немецкого происхождения накануне войны относились профессора Ф.А. Браун, Х.Я. Гоби, В. фон-Зелер, А.Х. Гольмстейн, В.В. Бартольд, акад. К.Г. Залеман, лектор Ф.Е. Беттак, приват-доценты О.А. Вальдгауер, Э.А. Вольтер, Е.М. Придик, Ф.А. Вальтер, барон А.А. Сталь-фон Гольштейн, Г.К. Меклер, В.Э. Сеземан, К.Ф. Тиандер, Ю.Ю. Форсман, А.Э. Шмидт, В.К. Шмидт, А.А. Рихтер, заведующий биологической станцией А.А. Клюге, лаборанты и хранители кабинетов К.К. Баумгарт, А.Г. Генкель, А.В. Швейер, П.Г. Кок, Э.Х. Фрицман, библиотекари Р. фон-Антониус и Ю.П. Фридолин. Этот ряд можно продолжить. Даже ученый садовник при ботаническом саде университета Р.Ф. Ниман был евангелического-лютеранского вероисповедания [14]. Впрочем, зачастую именно интеллектуалы немецкого происхождения оказывались в наибольшей степени «русскими патриотами» [15].

Вообще в трудах по истории науки достаточно подробно показана связь русской, в том числе университетской науки с немецкой [16-18]. Особенно ярко эта связь прослеживается по материалам Петербургского (Петроградского) университета. Из 66 иностранных почетных членов Петербургского университета избранных в период с 1830 по 1917 г. немецких ученых (представителей Австрии и Германии) было 31 человек, для сравнения представителей французской науки — 10, следующими третьими англичан — 7 человек [19]. Не менее важно указать и на представительство столичных ученых в немецких научных институтах, среди членов университетской корпорации 1914–1917 гг., можно назвать следующие примеры: А.В. Васильев — член Берлинского математического общества, К.В. фон Зелер, М.Р. Фасмер — работали в стенах Берлинского университета, А.В. Сапожников в Лейпцигском институте им. Освальда, Е.М. Придик в Германском археологическом институте (в качестве члена-корреспондента), там же в качестве члена состоял и О.Ф. Вальдагауэр, входивший в ряды Геттингенской Академии наук, немецкого археологического института, М.Н. Римский-Корсаков трудился в Зоологическом институте в Гейдельберге и зоологической лаборатории Мюнхенского университет [20].

Отражением напряженной учебной и научной жизни служат сведения о педагогической и публикационной активности преподавателей университета в период войны (см. табл. 4). Данные показывают, что война практически не сказалась на учебной жизни и лишь в незначительной степени повлияла на падение числа книжных изданий, подготовленными университетскими преподавателями, в то время как общее книгоиздание в стране в целом сократилось вдвое.

Педагогическая и публикационная активность преподавательской корпорации Санкт-Петербургского (Петроградского) университета [Сост. по: 21-23]

факультеты	Годы, среднее количество курсов		Годы, среднее число книжных публикаций	
	1912/1913	1915/1916	1914	1916
Юридический	1,6	1,6	0,67	0,73
Историко-филологический	2	1,9	1,06	0,8
Восточных языков	3,8	3,4	0,79	0,66
Физико-математический	1,6	1,6	0,95	0,86
Всего	2	1,9	0,88	0,77

Члены преподавательского мира были активными участниками не только многих научных и просветительских объединений, но также многочисленных благотворительных обществ, политических партий (прежде всего кадетов), а также государственных институтов - Государственной думы, Государственного совета, Сената, Петербургской (Петроградской) Городской думы. Разумеется, очень тесной была связь Петроградского университета с Академией наук. Достаточно сказать, что в ее составе в период войны было 24 преподавателя университета (13 академиков и 11 членов корреспондентов), а если учитывать тех, кто из «военного» состава университета стал членом или членом-корреспондентом Академии после 1917 г., то таких было 55 человек (абсолютный рекорд среди российских высших учебных заведений) [24; 25].

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что университетская коллегия столицы вполне отвечала по составу и качеству сил статусу и званию научной элиты российского государства. Как она смогла ответить на национальный вызов? Выдержать испытание мировой войной?

Начало первой мировой войны поставило Университетский совет в новую общественную ситуацию. О патриотической программе российских либералов (наиболее последовательно она была сформулирована представителями кадетов) написано довольно много. Она включала в себя идею т. н. «внутреннего мира», т. е. примирения с правительством ради победы, совместного с властью противостояния революции, обоснования русского империализма как «освободительного» для славянских народов и Европы, но одновременно и идею о том, что война должна способствовать внутренним реформам, залогом которым является союз с демократическими нациями [26; 27]. Идея «внутреннего мира» нашла свое выражение в заявлении ректора Э.Д. Гримма на экстренном заседании Совета университета 29 июля 1914 г. Речь ректора была выдержана в подобающих случаю патетических тонах: «Одна за другой две соседние державы, всегда хвалившиеся своей преданностью культуре, навязали нам войну», бросив «вызов современной цивилизации»; «Россия приняла этот вызов, сильная величием единением Царя и народа <...> И с радостью университет и впредь уступит им свои помещения и все, в чем могут нуждаться офицеры и солдаты, готовящиеся стать на защиту родины» [28, с.72-73]. Не менее патриотичен был и «единодушно» принятый адрес Совета Государю Императору [28, с. 74-75].

На протяжении всех военных лет Университет продолжает демонстрировать этот официальный патриотизм, периодически организуя разного рода торжественно-патриотические мероприятия: избрание почетным членом университета Бельгийского короля Альберта [29], избрание великого князя Николая Николаевича почетным членом университета и приветственные телеграммы в его адрес [30], избрание почетным членом университета председателя Государственной Думы М.В. Родзянко [31], участие в учреждении института исторических съездов имени Николая II [32] и т. п. Как известно, русская либеральная общественность выступала в качестве одного из самых верных приверженцев Антанты [33]. Петроградский университет выступает в качестве важного участника культурных контактов со странами Антанты. Особенно ярко эту роль университет играет в 1916 г., когда в Совете формируется программа сотрудничества российских ученых с интеллектуальной элитой Англии и Франции. Определенное значение также имели формальные (санкционированные властью) и неформальные контакты союзников с представителями либерального крыла интеллектуальной элиты. [31, Л. 92 об.-93, 34; 35; 37].

Однако не менее важно учитывать и традиции корпоративной культуры столичного университета. В ее основе – представления об академической автономии как основе университетской жизни. На протяжении многих лет российская профессура настаивала на его пересмотре, существенных успехов в этом направлении ей удалось добиться в ходе революции 1905 г., когда были изданы: «Временные правила об управлении университетами», согласно которым восстанавливалась выборность основных административных магистратур (деканов и ректора)[38]. Между тем, остались неудовлетворенными собственно содержательные требования «автономии», связанные с правом корпорации самостоятельно определять требования к порядку прохождения университетских курсов, правила приема в университет, организацию студенческого самоуправления. Это обстоятельство, наряду с оппозиционной и революционной деятельностью студенчества, предопределило дальнейшее

противостояние российских университетов с Министерством народного просвещения (МНП), кульминацией которого стал т.н. «кризис высшей школы» эпохи Л.А. Кассо. Если конфликт Л.А. Кассо с Московским университетом завершился массовой отставкой его профессоров и приват-доцентов, то конфликт с столичным университетом развивался по другому сценарию. Петербургский университет организовал судебный процесс против министра, вступая с Л.А. Кассо в полемику по формальным вопросам и по мере возможности, игнорировал указания МНП, ограничивающие автономию. Л.А. Кассо со своей стороны пытался обуздать «фрондирующий» университет переводом его профессоров в провинцию и замещения их кафедр министерскими назначениями [39; 40].

Важно подчеркнуть, что патриотический подъем 1914 г. не привел к существенному снижению уровня противостояния университетской корпорации и министерства Л.А. Кассо, кончина которого в ноябре 1914 г. вызвала поистине восторженные отклики в либеральной прессе. В частности, либеральная печать «патриотично» припомнила среди «заслуг» Л.А. Кассо «профессоров-назначенцев» немецкого происхождения и стажировки в Германии «под надзором немецких профессоров» молодых русских ученых, имея в виду попытки министра воссоздать систему подготовки русских ученых за рубежом. Как подчеркивал кадетский «День», характеризуя итоги «правления» Л.А. Кассо, «ненормально, когда русские ученые с мировым именем являются «изгоями» в нашем школьном деле, а в то же время на кафедры приглашаются иностранцы, посредственных талантов и знаний»[41].

В 1915 г. отношения между МНП и российским профессорским сообществом меняются в положительную сторону — министром назначается граф П.Н. Игнатъев, который позиционировал себя как сторонник университетской автономии, которого в либеральных кругах считали «антиподом своих предшественников» (А.Н. Шварца и Л.А. Кассо)[42]. Профессура столичного университета во главе с ректором Э.Д. Гриммом принимает деятельное участие в выработке проекта нового устава. Активное сотрудничество с министерством, по-видимому, отчасти снижает в этот период оппозиционность университетской корпорации. В этом смысле, имея в виду активное участие многих представителей преподавательской корпорации университета в новом оппозиционном движении, ориентированном на Прогрессивный блок, и набравшем силу как раз с 1915 г., правомерно говорить об элементе негласного «торга» Совета университета с министерством, когда вопреки наметившемуся противостоянию правительства и общества либеральная профессура продолжала оказывать публичную поддержку МНП [43-45].

Тема эмансипации от немецкой науки была первоначально поднята профессором биологии А.С. Догелем, который в заседании Университетского совета 1 сентября 1914 г. предложил профессорам не печатать своих работ на немецком языке, не выписывать немецких журналов, не покупать в Германии и Австро-Венгрии приборы и препараты для лабораторий университета. Как заявил А.С. Догель, «насколько я могу судить, теперь настал благоприятный момент, когда, наконец, мы можем и должны освободиться от столь заботливо в течение целых столетий опекающих нас германцев и устроить у себя дома все то, чем до сих пор нам приходилось пользоваться от услужливых соседей» [46, с.78]. Правда у большинства Совета позиция А.С. Догеля энтузиазма не вызвала. Декан физико-математического факультета В.М. Шимкевич так прокомментировал прозвучавшие предложения: «Прежде всего, задавшись какой-нибудь целью, надо считаться с тем можно ли ее выполнить» [46, с.79-80].

Помимо дискуссий об эмансипации можно указать и на конкретную деятельность университета, связанную с помощью фронту. В августе 1914 г. ректор получил письмо из министерства, адресованное всем университетам по поводу участия высших учебных заведений в деле изготовления лекарств. Проблема заключалась в том, в Петроградском университете не было медицинского факультета. В связи с этим, его обязанности были возложены на физико-математический факультет, который имел химическую лабораторию. Однако возможности ее изначально, по признанию ректора, были слишком малы [46, с.79-80]. Впрочем, физико-математический факультет действительно оказался (в ряду существовавших еще историко-филологического, юридического и восточных языков) наиболее приближенным к практическим потребностям военного времени. В лабораториях факультета изучались способы борьбы с «удушливыми средствами», разрабатывались взрывчатые вещества, в работу на оборону включилось и отделение химии Русского физико-химического общества при Петроградском университете [47; 48]. Еще в сентябре 1914 г. один из профессоров факультета (Х.Я. Гоби) возбудил вопрос об организации при факультете санитарно-бактериологических курсов, однако реальная возможность их открытия появилась только в 1917 г.[49]

С самого начала войны профессорская корпорация Петербурга выступила с призывом к преодолению зависимости от Германии в ряде научных и технологических сфер (особенно велика была зависимость России от Германии в естественных дисциплинах, химии и медицине) [50; 51]. В апреле 1915 г. группа петроградских профессоров (в том числе университетских) обратилась в министерство с запиской, в которой указывалось, что теперь наступило время «освободить наших молодых ученых от необходимости печатать свои труды и изыскания в немецких журналах». С этой целью авторы записки желали основать в Петрограде четыре научных журнала: по зоологии, ботанике, гистологии и бактериологии [52]; в апреле 1916 г. к ним прибавился и план организации журнала по физиологии [53]. Впрочем, понятно, что проекты подобного рода, поскольку по ним

запрашивалось государственное финансирование, отражали не только «патриотические чувства» профессоров, но и желание использовать в корпоративных целях общественно-политическую ситуацию. Так, например, Министерство согласилось по ходатайству профессоров финансировать журнал «Зоологический вестник», «но с тем, чтобы и университет пошел на встречу данному начинанию назначением соответствующего пособия из своих специальных средств», и, после того как в Министерство была представлена смета журнала, оно вновь подняло вопрос о софинансировании [54] и получило ответ, что об этом не может быть и речи «в виду чрезвычайного увеличения цен на ремонтные работы, топливо и проч. — смета специальных средств в текущем году и возможно — в будущем по своему вероятно будет заключена с дефицитом» [55]. В результате журнал издавался только на министерские деньги, но в ограниченном объеме [56].

Если организация русских научных изданий под флагом эмансипации от немецкой науки или патриотическими лозунгами несомненно отвечала корпоративным интересам университета, то иные предприятия, к которым университет побуждался условиями военного времени, не вызывали у преподавательского сообщества никакого энтузиазма. Особенно показательна в этом смысле попытка организации в составе университета «практического» медицинского факультета. Первоначально, одним из обстоятельств, побуждавших профессоров противодействовать организации факультета, было опасение того, что новый факультет может быть сформирован из назначенцев Л.А. Кассо, чуждых корпоративному духу университета. В разговоре с городским головой ректор Э.Д. Гримм признался, что «всем очень не хочется вводить новый факультет, особенно теперь, когда министерство Бог знает кого насует в качестве профессоров, но приходится считаться с общественным мнением, которое стоит за учреждение факультета» [Цит. по: 57]. С особенной резкостью против создания медицинского факультета выступил академик В.А. Стеклов. Особенно интересно его утверждение (в споре с профессорами, более лояльными к идее создания факультета) о том, что невозможно в качестве причины организации медицинского факультета рассматривать стремление университета установить связи с максимально широкими общественными кругами и слоями общества или, как замечает автор записки, действовать «в угоду общественному мнению» и «подлаживаться под мнение общественных организаций» [58]. В апреле 1917 г. Университетский совет в очередной раз отверг проект организации факультета, исходивший уже от новой власти. Этот эпизод вполне отражает не только качество отношений университета с муниципальными и центральными властями, но также в более широком смысле ситуацию с отношением университетской корпорации к общественным нуждам военного времени. В то же время, на наш взгляд, наиболее важным является то обстоятельство, что сама традиция университетского преподавания не была ориентирована на выполнение конкретного социального заказа. Представления об «университетской автономии», господствовавшие в среде профессуры, не способствовали такой постановке вопроса. Утопический идеал университета — как своеобразной башни из «слоновой кости», — который независим от политических и социальных бурь, ярко представил, например, последний дореволюционный ректор Э.Д. Гримм. По его словам, целью университета является «осуществлять свое высокое научное назначение, не отдавая дани ни задаче образования разных категорий служилых людей, ни каким бы то ни было не научным целям» [59].

Этой академической установке отвечает и ограниченный характер участия Петроградского университета в т.н. «войне профессоров» (обмене гневными заявлениями профессорских коллегий стран — соперников в войне) [4; 60; 61] и фактический отказ (единственный в своем роде среди высших учебных и научных заведений империи) от исключения из числа почетных членов университета подданных воюющих с Россией государств [62].

При всем этом следует подчеркнуть, что там, где непосредственно не затрагивались высокие «научные» ценности или корпоративные интересы, администрация университета и преподавательская коллегия предпринимали максимум усилий патриотического характера. Так в годы войны университет становится важным центром городской общественной благотворительности, а его представители (и преподаватели, и студенты) принимали участие в разных сторонах жизни «воюющего» города. Одним из отличий военного времени можно назвать бесконечные «кружечные сборы» на нужды раненных и пострадавших от военных действий [63].

Кроме участия университета в Комитете и Исполнительной Комиссии Петроградских высших учебных заведений, созданных для организации помощи высшей школы фронту, отдельные члены университетской корпорации принимали участие в общественных благотворительных установлениях, возникших в условиях военного времени. Например, профессор М.И. Ростовцев входил в комитет «Петроград — беженцам», организовавшим сборы в пользу беженцев в том числе и на территории университета [64]. Ряд преподавателей Петроградского университета активно участвовал в деятельности Особого совещания по обороне, центрального аппарата Военно-промышленного комитета [65].

В качестве заслуги университета следует отметить его участие (вместе с городом) в организации госпиталя («лазарет высших учебных заведений»), в зданиях университета было открыто несколько госпиталей, размещен один из запасных полков, ряд студентов университета с первых дней отправился на фронт добровольцами или санитарями. Попечителем двух лазаретов был ректор университета Э.Д. Гримм, двух других — профессора Д.И. Рихтер и В.И. Срезневский [66; 67].

В управлении лазаретами принимали участие жены профессоров и приват-доцентов университета [68]. Университетская корпорация постановила отчислять 3 % жалования в пользу лазарета высших учебных заведений [69]. Примечательно, что один из лазаретов (Биржевая лин., д. 6) был организован в столовой Общества вспомоществования студентов, возглавлявшегося городским головой И.И. Толстым [70].

Следует указать и на гуманистические попытки университетской коллегии Петроградского университета (по инициативе профессоров М.И. Ростовцева и С.А. Жебелева) организовать в 1916 г. Комитет помощи русским военнопленным студентам в Германии [71; 72]. Разумеется, говоря о профессорском патриотизме нельзя не упомянуть и про патриотическую публицистику, ставшую важным фактором в формировании образа врага. Можно сказать, что на короткий период власть, ранее видевшая в профессуре вечного политического оппонента, смогла воспользоваться ее мощным интеллектуальным и идеологическим ресурсом [73].

Таким образом, мы видим, что стратегия профессорского патриотизма следовала не столько тому политическому заказу, который исходил от власти и государственных институтов, но тем общественным и корпоративным ценностям, в мире которых жила столичная университетская элита. Крах старого порядка, во многом связанный с непосильными испытаниями военного времени означал и крах прежнего университетского мира [74]. Из 292 человек на 1915/1916 на 1919–1920 остался 191 [6-9; 75], на 1921/22 -173 [76]. Многие умерли (по нашим подсчетам до 1920 г., не пережив лихолетия революции и гражданской войны, скончалось не менее 40 человек). По примерным подсчетам всего после 1917 г. из советской России уехало 79 человек, из них 28 в эмиграции жили в странах – бывших противниках России в войне – Германии и Австрии [20].

Заключение. Итак, академическая корпорация столичного университета по праву могла считаться одним из ведущих научных и интеллектуальных центров Российской империи эпохи «великой войны». Просвещенный патриотизм корпорации не предполагал, однако, отступления от базовых культурных и научных ценностей, верность которым декларировалось поколениями петербургских профессоров. Эта позиция в частности нашла отражение в том, что т.н. эмансипация от немецкой науки не носила шовинистического характера – ситуация военного времени использовалась для создания новых организационных структур для развития российской науки.

В то же время эпоха мировой войны ярко показала, и то, что в кризисных условиях профессора и преподаватели столичного университета, движимые утопическими стремлениями к университету вне политики и идеологии, не способны в своем корпоративном сознании подняться выше узко ориентированных академических интересов. Неразрывной частью корпоративных ценностей являлись представления об университетской автономии, которыми корпорация не готова была пожертвовать даже в экстремальной военной ситуации. Профессорский патриотизм был тесно связан с собственными либеральными политическими представлениями о будущем России, непосредственной личной гражданской активностью направленной на помощь фронту и пострадавшим от великой войны. Иными словами вклад академической корпорации столичного университета в борьбу за победу отражал, прежде всего, не государственный заказ, а внутреннюю мотивацию профессорской коллегии и отдельных ученых.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 5.38.98.2012 («Петербургский университет в истории России XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть»).

Примечания:

1. Дмитриев А.Н. Мобилизация интеллекта: Первая Мировая война и международное научное сообщество / А.Н.Дмитриев // Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 196–235.
2. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) / А.Е.Иванов // ВИЕТ. 1999. №2. С. 108–127.
3. Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны / Е.А.Ростовцев // Диалог со временем. 2009. Вып. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. С.308-324.
4. Rostovcev E.A. The Capital University in a Time of War. Saint Petersburg/Petrograd 1914-1917 / E.A.Rostovcev // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. Von T. Maurer. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006. S. 177-188.
5. Отчеты о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского [Петроградского университета] за 1912–1916 гг. СПб.-Пг., 1913–1916.
6. Списки преподавателей и профессоров историко-филологического факультета Императорского Петроградского университета с 1819 года. Пг.: [б.и.], 1916
7. Списки преподавателей и профессоров факультета восточных языков Императорского Петроградского университета с 1819 года. Пг.: [б.и.], 1916.
8. Списки преподавателей и профессоров физико-математического факультета Императорского Петроградского университета с 1819 года. Пг.: [б.и.], 1916.

9. Списки преподавателей и профессоров юридического факультета Императорского Петроградского университета с 1819 года. Пг.: [б.и.], 1916.
10. Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Санкт-Петербургский университет) / Е.А.Ростовцев // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. III). С.473-507.
11. Формулярные списки профессоров. ЦГИА СПб. Ф. 14 Оп. 3. Д.16328-1632.
12. Формулярные списки хранителей, лаборантов и ассистентов. ЦГИА СПб. Ф. 14 Оп. 3. Д.16332-16336.
13. Отчет о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского Императорского университета за 1913 год. / Сост. А.Х.Гольмстен. СПб.: Тип. Б.М. Вольф, 1914. 501 с.
14. См.: Личный состав императорского С.-Петербургского университета 1914 года // Отчет о состоянии и деятельности императорского С.-Петербургского университета за 1913 год. / Сост. А.Х.Гольмстен. СПб.: Тип. Б.М.Вольф, 1914. Отдел XI. отд. паг. С. 1-101.
15. См.: Henriksson Anders Nationalism, Assimilation and Identity in Late Imperial Russia: The St. Petersburg Germans, 1906-1914 / A.Henriksson // Russian Review. Vol. 52, No. 3 (Jul., 1993). P.351.
16. См., напр.: Vernadsky George Rise of Science in Russia 1700-1917 / G.Vernadsky // Russian Review. Vol. 28, No. 1 (Jan., 1969), pp. 37-52.
17. Куликова А.М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М.: Наука, 1982. 207 с.
18. Dahlmann Dittmar Before the Great War: German Entrepreneurs in Russia – Russian Scholars in Germany. Two Types of Russian-German Relations in the Decades before the First World War / D.Dahlmann // Russian-German Special Relations in the Twentieth Century: A Closed Chapter?.Schlögel, Karl (Editor). Oxford, GBR: Berg Publishers, 2006. P. 11-30.
19. Никольцева Г.Д. Из истории международных научных связей Петербургского университета (зарубежные ученые – почетные члены университета) / Г.Д.Никольцев, Л.А.Шилов // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Т.2. С.167-171.
20. Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета 1819-1917. СПб., 2012-2014. / Ред. коллегия: проф.Р.Ш. Ганелин (руковод. проекта), проф. А.Ю. Дворниченко / отв. ред. доц. Т.Н.Жуковская, доц. Е.А.Ростовцев, доц. И.Л. Тихонов. // [Электронный ресурс]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/> (дата обращения: 30.07.2014).
21. Каталог Российской национальной библиотеки
22. Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1912–1913 уч. год. СПб.: Тип. Б.М.Вольфа, 1912. 34 с.
23. Обзорение преподавания наук в Императорском Петроградском университете на 1915–1916 уч. год. Пг.: Тип. Б.М.Вольфа, 1915. 40 с.
24. См.: Действительные Российской Академии наук с 1724 г. // Российская Академия наук. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ras.ru/members/personalstaff1724/fullmembers.aspx> (дата обращения: 2.08.2014).
25. Члены-корреспонденты Российской Академии наук с 1724 г. // Российская Академия наук. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ras.ru/members/personalstaff1724/correspondentmembers.aspx> (дата обращения: 2.08.2014).
26. См. об этом, напр.: Шелохаев В.В. Теоретические представления российских либералов о войне и революции / В.В. Шелохаев // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 127–140.
27. Шелохаев В.В. Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны / В.В. Шелохаев // Первая мировая война: Пролог XX века. М.: Наука, 1998. С. 355–366.
28. Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 29 июля 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. Пг.: Тип. Б.М.Вольфа, 1916. №70. С.72-76.
29. В октябре 1914 г. (см.: Об избрании Бельгийского короля Альберта I Почетным членом Университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11028).
30. В марте 1915 г., после взятие Перемышля русскими войсками, главнокомандующим которых был Николай Николаевич. См.: Дело Совета об избрании Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Почетным членом университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11029. Характерно, что университет продолжал посылать приветственные телеграммы Николаю Николаевичу и тогда, когда он был «сослан» командовать Кавказским фронтом и являлся одним из лидеров дворцовой оппозиции (Дело Совета Императорского Петроградского университета о заседаниях Совета 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11137. Л. 70, 71).
31. Протокол заседания Совета Петроградского университета от 5 декабря 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 82 об.

32. См.: Ростовцев Е.А. Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны / Е.А.Ростовцев // Отечественная история /. Под ред. А.Н. Кашеварова, С.Б. Ульяновой. Сб. ст. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2007. С. 106–107.
33. См., напр.: Ковалева А.С. О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны / А.С.Ковалева // Первая мировая война: история и психология: Материалы Рос. науч. конф., 29-30 нояб. 1999 г. / Ред. В.И. Старцев. СПб.: Нестор, 1999. С. 106.
34. См.: Дело Совета Императорского Петроградского университета о мерах к установлению более тесных сношений между английскими и русскими учеными // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11199.
35. Протокол Совета Петроградского университета от 23 мая 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 32 об.–33 об.
36. Протокол заседания Совета Петроградского университета от 5 декабря 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 92 об.–93.
37. Положение вопроса о культурном сближении России с дружественными державами к началу 1917 г. // ГАРФ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–3 об.
38. Временные правила об управлении университетами (август 1905 г.) // ПСЗ. Собр. III. Т. XXV. Отделение I. С. 658–659.
39. Лейкина-Свирская В.Р. Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо / В.Р.Лейкина-Свирская // Вестник ЛГУ. 1947. № 4. С. 151–158.
40. Савельева В.Г. Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет / В.Г.Савельева, В.П.Яковлев // Вестник ЛГУ. 1983. № 2. Ист., язык, лит. Вып. 1. С. 14–19.
41. Петроград, 28 ноября // День. 28 ноября 1914 г.
42. Дневник Н.Н. Платоновой. 19 июня [1915 г.] // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5694. Л.79 об.
43. См.: напр.: Grimm Э.Д. Организация университетского преподавания по проекту нового устава / Э.Д.Гримм // Русская мысль. 1916. №4. С.109–122. № 5. С. 52–57.
44. Ольденбург С. Граф Павел Николаевич Игнатьев. Министр Народного Просвещения / С.Ольденбург // Школа и жизнь. 1917. №2. 11 января. С.1–4 (25–31).
45. Dmitriev A.N. State, Universities, and Higher Education in Russia during the First World War / A.N.Dmitriev // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2006. S. 149–152
46. Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 года // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. Пг.: Тип. Б.М.Вольфа, 1916. №70. С.76–94.
47. Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 г. / Сост. А.Х.Гольмстен. Пг.: Тип. Б.М.Вольфа, 1916. С. 114–115.
48. См. также: ЦГИА СПб. Ф.974. Военно-Химический комитет при Императорском Петроградском университете.
49. Переписка об организации врачебно-санитарных курсов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 76
50. См. об этом, напр.: Novgorotsev P.J. Universities and Higher Technical Schools / P.J.Novgorotsev // Russian Schools and Universities in the World War. New Haven: Yale University Press, 1929. P. 174–175.
51. Ipatieff V.N. Modern Science in Russia / Ipatieff V.N. // Russian Review Vol. 2, No. 2 (Spring, 1943). P.73–74.
52. См.: Высшая школа / Школа и жизнь. 1915. №17. 27 апреля. С.6. (Стлб. 424).
53. См.: Высшая школа / Школа и жизнь. 1916. №15. 13 апреля. С.8 (Стлб. 375)
54. Департамент Народного Просвещения, Разряд учен. учреждений и высших учебных заведений – Попечителю Петроградского учебного округа, 7 июля 1915 г., №30230 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11075. Л. 3.
55. Ректор – Попечителю Петроградского учебного округа, 21 июля 1915 г., №2538 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11075. Л. 7–7 об.
56. Зоологический Вестник. Пг., 1916–1918. Т. I–III.
57. Толстой И.И. Дневник. В 2 томах. / И.И.Толстой. СПб.: Лики России, 2010. Т. II. 1910–1916. С. 403.
58. Мнение акад. В. Стеклова о нежелательности учреждения медицинского факультета при Петроградском Университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 74. Л. 7–8 об.
59. Гримм Э.Д. Организация университетского преподавания по проекту нового устава / Э.Д.Гримм // Русская мысль. 1916. №4. С. 111.
60. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11027.
61. См. подробнее: Maurer T. Der Krieg der Professoren. Russische Antworten auf den deutschen Aufruf «An die Kulturwelt» / T.Maurer // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 2004. №1. S. 221–247.
62. См. подробнее: Ростовцев Е.А. Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) / Е.А.Ростовцев // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д.Марголиса (1930–1996) / сост. Т.Н.Жуковская. отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2012. С.308–315.

63. См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.10838, 10980.
64. Комитет «Петроград — беженцам» по сбору в пользу беженцев — ректору университета, 10 сентября 1915 г., №57 // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.10980. Л. 78.
65. Учреждения и организации, оказывающие помощь беженцам в гор. Петрограде. Справочная книжка. Пг.: Ком. е.и.в. вел. кн. Татианы Николаевны, 1915. С. 13–14, 19.
66. См.: Очерк деятельности Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов. Пг., 1916. Вып. I. С. 88–89.
67. Всероссийский Союз городов. Справочная книжка Петроградского городского и областного комитетов. Пг.: [б.и.], 1916. С. 116, 117, 119.
68. Отношение к настоящей войне // Отчет Петроградского университета за 1914 г. / Сост. А.Х.Гольмстен. Пг.: Тип. Б.М.Вольфа, 1915. С. 91–93.
69. Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 29 июля 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. Пг.: Тип. Б.М.Вольфа, 1916. №70.
70. Очерк деятельности Петроградского городского комитета городского комитета Всероссийского союза городов. Пг., 1916. Вып. I. С. 166
71. См.: Дело Совета Петроградского университета об учреждении при Петроградском Университете Комитета помощи военнопленным студентам // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.11184. Л.1-12 об.
72. Протоколы заседаний Совета Петроградского университета от 15 февраля и 23 мая 1916 г. (ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д. 11367. Л.19 об., 33об.-34).
73. См.: Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Академический патриотизм: пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы I Мировой войны / Е.А.Ростовцев, И.В.Сидорчук // ВИЕТ. 2014. №3. С. 3-21.
74. См.: Кривоноженко А.Ф. Процесс советизации Петроградского университета в 1918–1922 гг. / А.Ф.Кривоноженко // Клио. 2013. №10. С.104-108.
75. Алфавитный список профессоров и преподавателей Единого Петроградского Университета 1919–1920 уч.г. // Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ИК. Д. 198.
76. Подсчеты А.В. Шилова: Шилов А.В. Из истории Петроградского университета: судьбы ученых в послеоктябрьский период / А.В.Шилов // Петербургские чтения 1997. СПб., 1997. С. 255. Автор приводил данные от общего числа (362 человека), работавших в 1915–1916 гг. профессоров, приват-доцентов и ассистентов (которые в дореволюционной высшей школе относились не к преподавательскому, а учебно-вспомогательному персоналу).

References:

1. Dmitriev A.N. Mobilizatsiya intellekta: Pervaya Mirovaya voina i mezhdunarodnoe nauchnoe soobshchestvo / A.N.Dmitriev // *Intelligentsiya v istorii: Obrazovanniy chelovek v predstavleniyakh i sotsial'noi deistvitel'nosti*. M.: IVI RAN, 2001. S. 196–235.
2. Ivanov A.E. Rossiiskoe «uchenoe soslovie» v gody «Vtoroi Otechestvennoi voiny» (Ocherk grazhdanskoi psikhologii i patrioticheskoi deyatel'nosti) / A.E.Ivanov // ВИЕТ. 1999. №2. С. 108–127.
3. Rostovtsev E.A. Ispytanie patriotizmom. Professorskaya kollegiya Petrogradskogo universiteta v gody Pervoi mirovoi voiny / E.A.Rostovtsev // *Dialog so vremenem*. 2009. Vyp.29. Mir i voina: aspekty intellektual'noi istorii. S.308-324.
4. Rostovcev E.A. The Capital University in a Time of War. Saint Petersburg/Petrograd 1914-1917 / E.A.Rostovcev // *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg* / Hrsg. Von T. Maurer. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006. S. 177-188
5. Otchety o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo S.-Peterburgskogo [Petrogradskogo universiteta] za 1912 – 1916 gg. SPb.-Pg., 1913-1916.
6. Spiski prepodavatelei i professorov istoriko-filologicheskogo fakul'teta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta s 1819 goda. Pg.: [b.i.], 1916
7. Spiski prepodavatelei i professorov fakul'teta vostochnykh yazykov Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta s 1819 goda. Pg.: [b.i.], 1916.
8. Spiski prepodavatelei i professorov fiziko-matematicheskogo fakul'teta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta s 1819 goda. Pg.: [b.i.], 1916.
9. Spiski prepodavatelei i professorov yuridicheskogo fakul'teta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta s 1819 goda. Pg.: [b.i.], 1916.
10. Rostovtsev E.A. 1911 god v zhizni universitetskoj korporatsii (vlast' i Sankt-Peterburgskii universitet) / E.A.Rostovtsev // *Kafedra istorii Rossii i sovremennaya otechestvennaya istoricheskaya nauka* / otv. red. A. Yu. Dvornichenko. SPb.: Izdatel'skii Dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012. (Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishikh vremen do XX veka. T. III). S.473-507.
11. Formulyarnye spiski professorov. TsGIA SPb. F. 14 Op. 3. D.16328-1632.
12. Formulyarnye spiski khranitelei, laborantov i assistentov. TsGIA SPb. F. 14 Op. 3. D.16332-16336.
13. Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Sankt-Peterburgskogo Imperatorskogo universiteta za 1913 god. / Sost. A.Kh.Gol'msten. SPb.: Tip. B.M. Vol'f, 1914. 501 s.

14. Sm.: Lichnyi sostav imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta 1914 goda // Otchet o sostoyanii i deyatelnosti imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1913 god. / Sost. A.Kh.Gol'msten. SPb.: Tip. B.M.Vol'f, 1914. Otdel XI. otd. pag. S. 1-101.
15. Sm.: Henriksson Anders Nationalism, Assimilation and Identity in Late Imperial Russia: The St. Petersburg Germans, 1906-1914 / A.Henriksson // Russian Review. Vol. 52, No. 3 (Jul., 1993). P.351.
16. Sm., napr.: Vernadsky George Rise of Science in Russia 1700-1917 / G.Vernadsky // Russian Review. Vol. 28, No. 1 (Jan., 1969), pp. 37-52.
17. Kulikova A.M. Stanovlenie universitetskogo vostokovedeniya v Peterburge. M.: Nauka, 1982. 207s. .
18. Dahlmann Dittmar Before the Great War: German Entrepreneurs in Russia – Russian Scholars in Germany. Two Types of Russian-German Relations in the Decades before the First World War / D.Dahlmann // Russian-German Special Relations in the Twentieth Century: A Closed Chapter?.Schlögel, Karl (Editor). Oxford, GBR: Berg Publishers, 2006. P. 11-30.
19. Nikol'tseva G.D. Iz istorii mezhdunarodnykh nauchnykh svyazei Peterburgskogo universiteta (zarubezhnye uchenye – pochetye chleny universiteta) / G.D.Nikol'tsev, L.A.Shilov // Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta. L.: Izd-vo LGU, 1968. T.2. S.167-171.
20. Setevoi biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Sankt-Peterburgskogo universiteta 1819-1917. SPb., 2012-2014. / Red. kollegiya: prof.R.Sh. Ganelin (rukovod. proekta), prof. A.Yu. Dvornichenko / otv. red. dots. T.N.Zhukovskaya, dots. E.A.Rostovtsev, dots. I.L. Tikhonov. // [Elektronnyi resurs]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/> (data obrashcheniya: 30.07.2014).
21. Katalog Rossiiskoi natsional'noi biblioteki
22. Obozrenie prepodavaniya nauk v Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete na 1912–1913 uch. god. SPb.: Tip. B.M.Vol'fa, 1912. 34 s.
23. Obozrenie prepodavaniya nauk v Imperatorskom Petrogradskom universitete na 1915–1916 uch. god. Pg.: Tip. B.M.Vol'fa, 1915. 40 s.
24. Sm.: Deistvitel'nye Rossiiskoi Akademii nauk s 1724 g. // Rossiiskaya Akademiya nauk. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ras.ru/members/personalstaff1724/fullmembers.aspx> (data obrashcheniya: 2.08.2014).
25. Chleny-korrespondenty Rossiiskoi Akademii nauk s 1724 g. // Rossiiskaya Akademiya nauk. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ras.ru/members/personalstaff1724/correspondentmembers.aspx> (data obrashcheniya: 2.08.2014).
26. Sm. ob etom, napr.: Shelokhaev V.V. Teoreticheskie predstavleniya rossiiskikh liberalov o voine i revolyutsii / V.V. Shelokhaev // Pervaya mirovaya voina: diskussionnye problemy istorii. M.: Nauka, 1994. S. 127–140.
27. Shelokhaev V.V. Razrabotka kadetami natsional'nogo voprosa v gody Pervoi mirovoi voiny / V.V. Shelokhaev // Pervaya mirovaya voina: Prolog KhKh veka. M.: Nauka, 1998. S. 355–366.
28. Protokol zasedaniya Soveta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta. 29 iyulya 1914 g. // Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta za 1914 g. Pg.: Tip. B.M.Vol'fa, 1916. №70. S.72-76.
29. V oktyabre 1914 g. (sm.: Ob izbranii Bel'giiskogo korolya Al'berta I Pochetnym chlenom Universiteta // TsGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 11028).
30. V marte 1915 g., posle vzyatie Peremyshlya russkimi voiskami, glavnokomanduyushchim kotorykh byl Nikolai Nikolaevich. Sm.: Delo Soveta ob izbranii Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo Knyazya Nikolaya Nikolaevicha Pochetnym chlenom universiteta // TsGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 11029. Kharakterno, chto universitet prodolzhal posylat' privetstvennye telegrammy Nikolayu Nikolaevichu i togda, kogda on byl «soslan» komandovat' Kavkazskim frontom i yavlyalsya odnim iz liderov dvortsovoi oppozitsii (Delo Soveta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta o zasedaniyakh Soveta 1916 g. // TsGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 11137. L. 70, 71).
31. Protokol zasedaniya Soveta Petrogradskogo universiteta ot 5 dekabrya 1916 g. // TsGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 11367. L. 82 ob.
32. Sm.: Rostovtsev E.A. Universitetskaya korporatsiya stolitsy Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny / E.A.Rostovtsev // Otechestvennaya istoriya /. Pod red. A.N. Kashevarova, S.B. Ul'yanovoi. Sb. st. SPb.: Izd-vo Politekhnikeskogo universiteta, 2007. S. 106–107.
33. Sm., napr.: Kovaleva A.S. O vzaimootnosheniyakh mezhdru russkoi liberal'noi burzhuaznoi oppozitsiei i pravitel'stvom v khode Pervoi mirovoi voiny / A.S.Kovaleva // Pervaya mirovaya voina: istoriya i psikhologiya: Materialy Ros. nauch. konf., 29-30 noyab. 1999 g. / Red. V.I. Startsev. SPb.: Nestor, 1999. S. 106.
34. Sm.: Delo Soveta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta o merakh k ustanovleniyu bolee tesnykh snoshenii mezhdru angliiskimi i russkimi uchenymi // TsGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 11199.
35. Protokol Soveta Petrogradskogo universiteta ot 23 maya 1916 g. // TsGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 11367. L. 32 ob.–33 ob.
36. Protokol zasedaniya Soveta Petrogradskogo universiteta ot 5 dekabrya 1916 g. // TsGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 11367. L. 92 ob.–93.

37. Polozhenie voprosa o kul'turnom sblizhenii Rossii s druzhestvennymi derzhavami k nachalu 1917 g. // GARF. F. 581. Op. 1. D. 24. L. 1–3 ob.
38. Vremennye pravila ob upravlenii universitetami (avgust 1905 g.) // PSZ. Sobr.III. T.XXV. Otdelenie I. S.658–659.
39. Leikina-Svirskaya V.R. Iz istorii bor'by Peterburgskogo universiteta s ministerstvom Kasso / V.R.Leikina-Svirskaya // Vestnik LGU. 1947. № 4. S. 151–158.
40. Savel'eva V.G. Studencheskaya zabastovka 1911 g. i Peterburgskii universitet / V.G.Savel'eva, V.P.Yakovlev // Vestnik LGU. 1983. № 2. Ist., yazyk, lit. Vyp. 1. S. 14–19.
41. Petrograd, 28 noyabrya // Den'. 28 noyabrya 1914 g.
42. Dnevnik N.N. Platonovoi. 19 iyunya [1915 g.] // OR RNB. F.585. Op.1. D.5694. L.79 ob.
43. Sm.: napr.: Grimm E.D. Organizatsiya universitetskogo prepodavaniya po proektu novogo ustava / E.D.Grimm // Russkaya mysl'. 1916. №4. S.109–122. № 5.S. 52–57.
44. Ol'denburg S. Graf Pavel Nikolaevich Ignat'ev. Ministr Narodnogo Prosveshcheniya / S.Ol'denburg // Shkola i zhizn'. 1917. №2. 11 yanvarya. S.1–4 (25–31).
45. Dmitriev A.N. State, Universities, and Higher Education in Russia during the First World War / A.N.Dmitriev // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2006. S. 149–152
46. Protokol zasedaniya Soveta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta. 1 sentyabrya 1914 goda // Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta za 1914 g. Pg.: Tip. B.M.Vol'fa, 1916. №70. S.76–94.
47. Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Petrogradskogo universiteta za vesennee polugodie 1916 g. / Sost. A.Kh.Gol'msten. Pg.: Tip. B.M.Vol'fa, 1916. S. 114–115.
48. Sm. takzhe: TsGIA SPb. F.974. Voенно-Khimicheskii komitet pri Imperatorskom Petrogradskom universitete.
49. Peregiska ob organizatsii vrachebno-sanitarnykh kursov // TsGIA SPb. F. 14. Op. 27. D. 76
50. Sm. ob etom, napr.: Novgorotsev P.J. Universities and Higher Technical Schools / P.J.Novgorotsev // Russian Schools and Universities in the World War. New Haven: Yale University Press, 1929. P. 174–175.
51. Ipatieff V.N. Modern Science in Russia / Ipatieff V.N. // Russian Review Vol. 2, No. 2 (Spring, 1943). P.73–74.
52. Sm.: Vysshaya shkola / Shkola i zhizn'. 1915. №17. 27 aprelya. S.6. (Stlb. 424).
53. Sm.: Vysshaya shkola / Shkola i zhizn'. 1916. №15. 13 aprelya. S.8 (Stlb. 375)
54. Departament Narodnogo Prosveshcheniya, Razryad uchen. uchrezhdenii i vysshikh uchebnykh zavedenii – Popechitelyu Petrogradskogo uchebnogo okruga, 7 iyulya 1915 g., №30230 // TsGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 11075. L. 3.
55. Rektor – Popechitelyu Petrogradskogo uchebnogo okruga, 21 iyulya 1915 g., №2538 // TsGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 11075. L. 7–7 ob.
56. Zoologicheskii Vestnik. Pg., 1916–1918. T. I–III.
57. Tolstoy I.I. Dnevnik. V 2 tomakh. / I.I.Tolstoy. SPb.: Liki Rossii, 2010. T.II. 1910–1916. S. 403.
58. Mnenie akad. V. Steklova o nezhelatel'nosti uchrezhdeniya meditsinskogo fakul'teta pri Petrogradskom Universitete // TsGIA SPb. F. 14. Op. 27. D. 74. L. 7–8 ob.
59. Grimm E.D. Organizatsiya universitetskogo prepodavaniya po proektu novogo ustava / E.D.Grimm // Russkaya mysl'. 1916. №4. S. 111.
60. TsGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 11027.
61. Sm. podrobnее: Maurer T. Der Krieg der Professoren. Russische Antworten auf den deutschen Aufruf «An die Kulturwelt» / T.Maurer // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 2004. №1. S. 221–247.
62. Sm. podrobnее: Rostovtsev E.A. Kazus professora fon Lista (epizod iz universitetskoj istorii perioda Pervoi mirovoj voiny) / E.A.Rostovtsev // Uroki istorii – uroki istorika. Sbornik statei k 80-letiyu Yu.D.Margolisa (1930–1996) / sost. T.N.Zhukovskaya. otv. red. A.Yu. Dvornichenko. SPb.: Nestor-Istoriya, 2012. S.308–315.
63. Sm.: TsGIA SPb. F.14. Op.1. D.10838, 10980.
64. Komitet «Petrograd – bezhentsam» po sboru v pol'zu bezhentsev – rektoru universiteta, 10 sentyabrya 1915 g., №57 // TsGIA SPb. F.14. Op.1. D.10980. L. 78.
65. Uchrezhdeniya i organizatsii, okazyvayushchie pomoshch' bezhentsam v gor. Petrograde. Spravochnaya knizhka. Pg.: Kom. e.i.v. vel. kn. Tatiyan Nikolaevny, 1915. S. 13–14, 19.
66. Sm.: Ocherk deyatel'nosti Petrogradskogo gorodskogo komiteta Vserossiiskogo soyuza gorodov. Pg., 1916. Vyp. I. S. 88–89.
67. Vserossiiskii Soyuz gorodov. Spravochnaya knizhka Petrogradskogo gorodskogo i oblastnogo komitetov. Pg.: [b.i.], 1916. S. 116, 117, 119.
68. Otnoshenie k nastoyashchei voine // Otchet Petrogradskogo universiteta za 1914 g. / Sost. A.Kh.Gol'msten. Pg.: Tip. B.M.Vol'fa, 1915. S. 91–93.
69. Protokol zasedaniya Soveta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta. 29 iyulya 1914 g. // Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta za 1914 g. Pg.: Tip. B.M.Vol'fa, 1916. №70.

70. Ocherk deyatelnosti Petrogradskogo gorodskogo komiteta gorodskogo komiteta Vserossiiskogo soyuza gorodov. Pg., 1916. Vyp. I. S. 166
71. Sm.: Delo Soveta Petrogradskogo universiteta ob uchrezhdenii pri Petrogradskom Universitete Komiteta pomoshchi voennoplennym studentam // TsGIA SPb. F.14. Op.1. D.11184. L.1-12 ob.
72. Protokoly zasedanii Soveta Petrogradskogo universiteta ot 15 fevralya i 23 maya 1916 g. (TsGIA SPb. F.14. Op.1. D. 11367. L.19 ob., 33ob.-34).
73. Sm.: Rostovtsev E.A., Sidorchuk I.V. Akademicheskii patriotizm: propagandistskie teksty prepodavatelei rossiiskoi vysshei shkoly v gody I Mirovoi voiny / E.A.Rostovtsev, I.V.Sidorchuk // VIET. 2014. №3. S. 3-21.
74. Sm.: Krivonozhenko A.F. Protsess sovetizatsii Petrogradskogo universiteta v 1918–1922 gg. / A.F.Krivonozhenko // Klio. 2013. №10. S.104-108.
75. Alfavitnyi spisok professorov i prepodavatelei Edinogo Petrogradskogo Universiteta 1919–1920 uch.g. // Arkhiv Muzeya istorii SPbGU. F. IK. D. 198.
76. Podschety A.V. Shilova: Shilov A.V. Iz istorii Petrogradskogo universiteta: sud'by uchenykh v posleoktyabr'skii period / A.V.Shilov // Peterburgskie chteniya 1997. SPb., 1997. S. 255. Avtor privodil dannye ot obshchego chisla (362 cheloveka), rabotavshikh v 1915–1916 gg. professorov, privat-dotsentov i assistentov (kotorye v dorevolyutsionnoi vysshei shkole odnosilis' ne k prepodavatel'skomu, a uchebno-vspomogatel'nomu personalu).

УДК 94(47)

**Столичный университет и мировая война:
теория и практика «академического патриотизма»**

¹ Евгений Анатольевич Ростовцев

² Дмитрий А. Баринов

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
кандидат наук, доцент

E-mail: rostovtsev@hotmail.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
Младший научный сотрудник

E-mail: barinov_dima.hm@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается положение университетской корпорации С.-Петербургского / Петроградского университета в годы Первой мировой войны. Во время войны профессорская часть университетской корпорации была активным участником гражданского общества, и была вовлечена в политические процессы предреволюционной России. В статье реконструируется коллективный портрет преподавателей университета, рассматриваются проблемы "академического патриотизма", "эмансипации от немецкой науки", влияния военного положения на взгляды и внутриуниверситетскую политику профессоров и преподавателей, а также на их педагогическую деятельность и научную жизнь. Авторы использовали в статье методы просопографии и реконструкции коллективной биографии.

Ключевые слова: История России XX века; Первая мировая война; Санкт-Петербургский (Петроградский) университет; история высшей школы; профессорская корпорация; коллективная биография.

UDC 93/94

The Program of Activities and Objectives of the Resettlement Administration During the First World War

Irina V. Voloshinova

National mineral resources University (University of Mines), Russian Federation
199106, Saint-Petersburg, 21st line, 2
Associate Professor
E-mail: VIV10@yandex.ru

Abstract. The activities of the Russian Resettlement Office during the First World War are considered on the basis of the archival materials. The Office was in charge of the resettlement of peasants and land management. It took care of refugees since the beginning of the war. Resettlement posts were transformed into the epidemic control and isolation points for the prisoners of war. The Office solved the important problems of examination and development of new territories of the country, especially the North of the European Russia, in which it succeeded.

Keywords: the First World War; prisoners of war; refugees; land management; development of the North of European Russia.

Введение. Переселенческое Управление первоначально создавалось в связи с необходимостью государственного контроля за перемещением больших крестьянских масс из Центральной России за Урал. После реорганизации управленческой структуры, в одном Переселенческом управлении сосредоточились все функции по образованию переселенческого земельного фонда, перевозке, водворению и устройству переселенцев, а также снабжение их необходимым сельскохозяйственным и лесным материалом, оказание медицинской, культурной и агрономической помощи. С другой стороны была проведена децентрализация по горизонтали, т.е. образование особых переселенческих районов на колонизируемой территории во главе с заведующим переселенческим делом и необходимых штатом сотрудников (топографов, агрономов, землемеров, и т.д.) [1].

В переселенческом ведомстве сконцентрировалась практически вся деятельность, связанная с изучением и освоением восточной части Российской империи. Результаты экспедиционных экономико-статистических и почвенно-ботанических исследований территории Азиатской России легли в основу правительственных мероприятий для осуществления успешной колонизации заселяемых районов. Но с началом мировой войны на Переселенческое Управление были возложены новые задачи, не входившие в сферу его деятельности, сопряженные с выполнением ранее заявленными планами.

Материалы и методы. Источниковую базу статьи составляют законодательные акты, отчеты и материалы Переселенческого Управления Министерства Земледелия, хранящиеся в Российском Государственном Историческом Архиве в фонде 391, исследования непосредственных участников и организаторов переселенческого дела. Сравнительно-исторический метод позволяет рассмотреть различные исторические явления в тесной связи с конкретно-исторической обстановкой.

Обсуждение. Первая мировая война и последовавшие за ней революционные потрясения в значительной мере свели на нет наладившийся было в масштабах страны процесс организованного переселения. Плановое переселение в Сибирь избыточного населения малоземельных районов европейской части России на основах и методах дореволюционного правительства закончилось. С этого момента переселенческое движение в Сибирь резко сократилось. В 1914 году до объявления войны еще успело проследовать 336.409 человек, количество, почти равное предыдущему году. В 1915 г. движение сразу упало до 28185 человек. в 1916 г. – до 11.201 чел. и в 1917 г. – до 5895 человек. С объявлением войны было издано распоряжение о прекращении выдачи проходных и ходаческих свидетельств и льготных тарифных удостоверений. Это прибывали в Сибирь остатки переселенческой волны предшествующих лет, по разным причинам задержавшихся в дороге. Основной причиной их задержки была загруженность железных дорог военными перевозками. Цифровые данные о движении переселенцев за период войны приблизительные, так как в это время в Сибирь, кроме переселенцев, двигалось значительное количество беженцев, и для органов регистрации было трудно провести грань между переселенцами и беженцами[2].

Военная обстановка сама поставила важные задачи и определила программу деятельности органам переселения: с одной стороны - это забота о беженцах и устройство военнопленных, что ранее не входило в круг профессиональной деятельности, с другой стороны общие планы изучения, освоения и заселения страны с точки зрения экономической целесообразности выявили направления колонизации первой необходимости. Кроме того, на переселенческих органах лежала текущая задача забота и поддержание уже переселившихся хозяйств, так как число «обратников» и до войны было значительным.

Согласно закону 30.08.1915 г. заботы по обеспечению материальных нужд беженцев во время войны были возложены на МВД, губернаторов, земские учреждения и др., однако, Переселенческому Управлению пришлось принять в его обслуживании самое деятельное участие. Это объяснялось тем, что в Управлении имелся опытный персонал, работавший в пределах Европейской и Азиатской России по передвижению переселенцев, а также останочные и врачебно-питательные пункты на главнейших путях следования на восток. Также часто в местах прибытия отсутствовали земские учреждения и до образования особых губернских комитетов, переселенческие органы были наиболее приспособленными для помощи беженцам, занимаясь их устройством, распределением на работы военнопленных, поддерживали жизнеспособность заселенных местностей [3]. Уже с осени 1914 года, когда возникло большое по размерам движение военнопленных, в соответствии с приказом верховного начальника санитарной и эвакуационной части, переселенческие пункты стали, по мере возникновения нужды, превращаться в изоляционно-пропускные пункты для санитарного обслуживания военнопленных. Движение беженцев коренным образом отличалось в худшую сторону от движения переселенцев. Возникнув в условиях военных действий, оно, естественно, носило характер бедствия. Недостаток вагонов, отсутствие заранее легально разработанного плана перевозок, вследствие внезапности самого явления, неподготовленность мест, куда беженцы следуют, к приему их и, наконец, угнетенное душевное состояние самих беженцев - все это делало обслуживание этого движения исключительно трудным. Положение в значительной мере ухудшалось тем, что волна беженцев направилась в Сибирь не по какому-либо определенному, заранее разработанному плану, но была явлением почти случайным, вызванным быстрым накоплением беженцев в восточных губерниях европейской России. Администрация Сибири, а также и общественные организации в виде местных комитетов Союза городов, обществ помощи жертвам войны и т.п., совершенно не готовились к приему сколько-нибудь значительного числа беженцев, так как существовало твердое убеждение, что Сибирь для расселения беженцев не потребуется, к тому же все значительные города Сибири расположенные по линии железных дорог, были уже переполнены военнопленными. Переселенческие организации под давлением ситуации вынуждены были в своей работе уделять главное внимание землеотводным работам, и нередко качество заготовленного фонда приносилось в жертву количеству. Устаивался быт новоселов, оказывалась ссудная помощь, происходило снабжение сельскохозяйственным инвентарем, строились больницы, школы и другие общественные здания [4].

Несмотря на то, что утвержденные 16.09.1914 г. Советом Министров «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств» говорили о том, что любое ведомство может «заказать» необходимое ему количество пленных для своих нужд [5], на деле война расставила свои приоритеты. В письме от 17.03.1916 г. помощнику военного министра М.А. Беляеву товарищ министра земледелия по ПУ Г.В. Глинка просил обеспечить кустарные мастерские для выделки мехов немецкими специалистами из числа военнопленных, которых отзывали для сельскохозяйственных работ в Европейскую Россию: «Лучшая обработка мехов сосредоточена, как известно, в Германии. В России же, за отсутствием хороших мастеров, меха почти не обрабатываются. Поэтому мы принуждены отправлять в Германию сырой материал, а затем переплачивать громадные суммы за ввозимые к нам наши же меха». Причем, количество требуемых германских специалистов запрашивалось всего 20 человек [6]. Этот запрос был переадресован в Министерство земледелия, распорядившееся военнопленными и отдавшее предпочтение использовать пленных на сельскохозяйственных работах. В справке о численности военнопленных, требующихся для работ Переселенческому Управлению в 1916 г. по 14 районам Сибири и Дальнего Востока (Томский, Енисейский, Иркутский Приморский и т.д.) запрашивалось 17.750 человек [7]. В массе своей военнопленные использовались для строительства дорог (корчевка дорожного полотна, разубка просеки, насыпи, окантовка, настил гатей, бревен и т.д.), заготовки леса (корчевка и рубка), гидротехнических работах (постройка колодцев). Оплата их труда была ниже, чем у вольнонаемных, но не качество, отмечалось в отчетах [8].

Естественно, что в военное время все тыловые ведомства и организации ощутили на себе сокращение расходов. И с этим по понятным причинам мирились, но старались сохранить хотя бы свои профессиональные кадры. Г.Ф. Чиркин, возглавлявший Переселенческое Управление, просил положить предел призыву в войска местных чинов переселенческой организации. «До сих пор этих чинов уже призвано в разное время свыше 40 % и уже есть все основания опасаться, что даже намеченные по переселенческой смете мероприятия выполнены не будут. Боевой мощи российских армий лишняя сотня заведующих устройством переселенцев топографов, гидротехников и дорожных десятников не увеличит, а эта сотня людей обеспечивает в значительной степени удовлетворение создаваемых, между прочим тою же войною нужд многомиллионного крестьянского населения» [9]. А сокращение расходов на переселенческие нужды остановили проекты постройки железнодорожного строительства за Уралом, подготовку земель для новых переселенцев и под угрозой оказались планы освоения Европейского Севера России.

В годы первой мировой войны в Переселенческом Управлении на повестку дня ставится вопрос освоения и заселения Европейского Севера. В журнале совещания под председательством Управляющего Министерством Земледелия П.А. Вихляева по обсуждению мероприятий ведомства в

деле экономического оживления Севера Европейской России от 9 сентября 1917 г. говорилось, что Переселенческое Управление уже приступило к обследованию Севера в смысле определения его пригодности для заселения и выяснения тех путей, по которым должна быть направлена колонизационная политика. «Одним фактом открытия Мурманской железной дороги в народно-хозяйственную жизнь страны вовлекается огромная земельная площадь, тающая в себе много природных богатств, но доселе почти безлюдная и экономически непочатая»[10].

Экономическая мотивация была вполне понятна, поскольку имелись «исключительно благоприятные условия, которые в связи с переживаемыми событиями создались для развития лесного хозяйства на нашей северной окраине. С наступлением мирного времени, международный рынок предъявит огромные требования на строительные материалы. (Между тем война сильно истощила леса Западной Европы, равно как и наши Западные губернии). Главное препятствие для развития производительных сил Севера – это его безлюдье, почти полное отсутствие рабочих рук. Необходимо привлечь сюда живую силу, путем создания благоприятной для этого обстановки, необходимы широкие колонизационные мероприятия. Для этого необходимо составить один общий план ведомственной работы, основой которого должна быть эксплуатация лесных богатств, а отдельными заданиями - привлечение рабочей силы и капитала, улучшение водных путей. Период обустройства Европы, который вызовет огромный спрос на лесные материалы, будет кратковременный. Учитывая эту кратковременность, наши конкуренты по экспорту леса, США и Канада, скандинавские страны деятельно готовятся к завоеванию европейского рынка. Чтобы не потерять рынка необходимо и нам приступить теперь же к подготовительным работам, тщательно изучить потребности рынка и учесть возможную конкуренцию со стороны других стран»[11]. Все эти планы не остановили октябрьские события 1917 года.

Сохранение переселенческих органов после Октябрьской революции было связано с возобновившимся переселенческим движением и его социально-экономическим значением в системе хозяйственных мероприятий Советской власти. Начавшаяся оломка хозяйственного уклада в деревне, голод, массовая безработица в городах, военные действия и оккупация германской армией западных районов России вызвали массовое движение населения из одних районов в другие, а также за Урал. Внимание новой власти к переселенческому вопросу был в первую очередь связан с разрешением чрезвычайно сложных земельных отношений: он рассматривался в неразрывной связи с решениями проблем земельно-хозяйственного строительства. Как отмечал В.И. Ленин, переселенческий вопрос являлся подчиненным по отношению к аграрному вопросу в центре страны [12].

«Переселенческое управление было единственным учреждением в составе бывшего министерства земледелия, не прервавшим ни на один день своей работы в октябрьско-декабрьские дни 1917 г.» – отмечалось в отчете о деятельности Переселенческого управления за первый год Советской власти [13]. Усиление переселенческого движения за Урал с весны 1918 г. обуславливалось еще и тем, что переселенцы стремились прибыть на новое место жительства к началу весенних полевых работ. Переселенческое движение этого времени регулировалось декретами, разрешавшими или запрещающими переселение в те или иные районы [14]. Учитывая трудности перевозки переселенцев и их земельного устройства, которые были довольно трудоемкими и дорогостоящими мероприятиями, земельные и переселенческие организации принимали меры к сокращению масштабов и регулированию переселенческого движения. Оценивая в целом те переселенческие мероприятия, которые проводились до начала планового переселения, заведующий Переселенческим Отделом Наркомзема РСФСР М.А. Большаков считал, что, «отбросив в сторону колонизационную политику дореволюционного периода, как негодную и несовместимую с принципами Советской власти, революция не создала взамен никакой новой». Период 1918–1922 гг. им охарактеризован как «колонизационное безвременье»[15].

В ходе осуществления аграрной программы Советской власти сразу началось вовлечение в хозяйственный оборот неиспользуемых земельных фондов. Благоприятные условия для освоения необжитых земель, в том числе и путем переселения, создали национализация и объединение земли в единый государственный фонд на основе декрета «О земле», в котором подчеркивалась целесообразность использования необрабатываемых земель, законодательно закреплялись новые основы переселенческой политики. Методы и цели ее, сформулированные в декрете, отражали прямую заинтересованность и ведущую роль Советского государства в освоении земельного запаса. Устанавливалась последовательность предоставления права на переселение, причем преимущество отдавалось деревенской бедноте, безземельным крестьянам при их добровольном согласии.

Большое значение для улучшения использования земельного фонда имел и «Основной закон о социализации земли». Создаваемый в соответствии с ним единый запасной земельный фонд способствовал планомерному освоению новых земель в общегосударственном масштабе. «Основной закон о социализации земли» стимулировал организацию на осваиваемых землях государственных и коллективных хозяйств. В нем нашли дальнейшее развитие идеи декрета «О земле»: в разделе о переселении подчеркивалась экономическая целесообразность переселения малоземельных сельскохозяйственных товариществ и коммун, а не отдельных хозяйств. С учетом этого отмечалось, что государство будет оказывать новоселам всяческое содействие для планового и научного ведения коллективного общественного хозяйства [16].

Согласно закону «О социализации земли» все переселение земледельцев на новые места объявлялось производимым за счет государства и не мыслилось в качестве свободного проявления хозяйственной инициативы. Таким образом, в данном законодательном акте была проведена более или менее чистая линия своеобразной «национализации» переселенческого вопроса. В отличие от прежней переселенческой политики, допускавшей свободное переселение из любых областей и обуславливавшей его участием самого переселяющегося в расходах и риске переселения, закон «О социализации» все бремя регулирования переселения возлагал на государство, оставляя за переселяющимися только участие в этом деле. В конечном итоге вопрос сводился к колоссальному по масштабу расселению в «порядке социалистического землеустройства», именно так он ставился на земельных съездах и совещаниях [17].

Несмотря на начавшуюся гражданскую войну, сотрудники Переселенческого Управления смогли настоять на необходимости организации экспедиций на Север Европейской России и доказать, что Север может приобрести экономическую независимость, стать монопольным собственником лесного рынка и обладать собственным источником существования, если повернет свое хозяйство в сторону земледелия. Г.Ф. Чиркин неоднократно указывал в своих работах на необходимость колонизации Севера Европейской России, сочетая ее с одновременным строительством густой сети подъездных путей, земельным устройством переселенцев, мелиорацией, проведением телефонных и телеграфных линий [18]. Теме колонизации новых районов России посвящали свои работы и другие исследователи: Ярилов А.А., Книпович Б.Н., Успенский А., Лубны-Герцык Л.И. и др. [19-23]. Но в то время северные губернии оказались единственно достигаемым районом с заведомо избыточным земельным фондом, использование которого сопрягалось с эксплуатацией леса как предмета экспорта. Поэтому, одним из первых постановлений Советской власти в области переселений в марте 1918 года было издание циркулярного обращения к Советам с призывом к временному удержанию переселений за Урал, поскольку «земля отныне и навсегда стала вольной и всенародной», рекомендовалось обратить внимание на расселение внутри Европейской России, уделяя особенное внимание Северу Европейской России. 1 августа 1919 г. В.И. Лениным было подписано постановление СНК об отпуске 2209510 рублей Центральному отделу землеустройства на экспедиции для обследования районов возможного заселения Севера [24-25], а с осени 1919 г. начали работу по планам изыскания колонизационного фонда на Севере новые специальные органы НКЗ – колонизационные экспедиции [26-28].

Закключение. Поводя итог деятельности Переселенческого Управления во время войны, можно сказать, что оно справились с возложенными на них задачами вполне профессионально. Более того, оно смогло продолжить свою работу и при новой власти и реализовать ранее поставленные проекты. Важно, что после Октябрьской революции появилось новое толкование термина «колонизация, которая теперь рассматривалась как последовательная система мер, направленных к развитию в крае хозяйственной, промышленной жизни на основе рационального, интенсивного, всестороннего использования природных богатств, что стало концепцией государственной переселенческой политики СССР почти весь XX век.

Примечания:

1. Мырзахметова А.Ж. История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук Республика Казахстан. Караганда, 2007.
2. Старков П. Переселение в Сибирь за время империалистической войны и революции (1914–1925 гг.) // Жизнь Сибири, 1926. № 7-8. С. 29-31.
3. Российский Государственный Исторический Архив. Ф.391. оп.6. д.334. л.3-4.
4. Старков П. Переселение в Сибирь за время империалистической войны и революции (1914–1925 гг.) // Жизнь Сибири, 1926. № 7-8. С. 29-31.
5. РГИА. Ф.391. оп.6. д.310. л.19.
6. РГИА. Ф.391. оп.6. д.335. л.77.
7. РГИА. Ф.391. оп.6. д.335. л.1.
8. РГИА. Ф.391. оп.6. д.310. л.103.
9. РГИА. Ф. 391. оп.6. д.682. л.75.об.
10. РГИА. Ф.391. оп.6. д.703. л.4.
11. РГИА. Ф.391. оп.6. д.703. л. 25.
12. Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 26 октября 1917 г. «О земле»: «...Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению. Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч. должно взять на себя государство» / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1928 гг. М., 1967. Т.1. С.17; Декрет ВЦИК Советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов. 27 января 1918 г. «О социализации земли». Раздел VI. Переселение / Там же. С. 40-41.

13. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 873. Л. 51.Об. Справка о деятельности Переселенческого Управления (Работа во время революции).
14. Например, постановлением СНК от 24 апреля 1919 г. «Об организации переселения в производящие губернии и в Донскую область» в целях облегчения тяжелого продовольственного положения крестьян и рабочих северных губерний было разрешено переселяться в южные районы Республики. Постановлением СНК от 24 июля 1919 г. «Об устройстве земельного быта калмыцкого народа», занимаемая ими территория закрывалась для переселения / Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов (1917-1965) / Под ред. С.Г. Струмилина. 2-е изд. М., 1967. С. 40, 43.
15. Большаков М.А. Задачи и перспективы колонизации // Земельное дело: Сборник статей по вопросам земельной и сельскохозяйственной политики, экономики, техники и организации земельного дела, колонизации и переселения и земельного дела за границей / Под ред. А.А. Андреева, М.М. Шульгина. М., 1923. С. 125.
16. Куликов В.И. Исторический опыт освоения целинных земель. М., 1978. С. 12-73.
17. Ямзин И.Л., Вошинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С.71-75.
18. Чиркин Г.Ф. 1) О колонизационно-культурных задачах после войны // Вопросы колонизации. 1916. № 18; 2) Объяснительные записки к сметам расходов Переселенческого Управления на 1915, 1916, 1917, 1918 гг. 3) Труды II Всероссийского Съезда Лиги аграрных реформ. М., 1917. Вып.3. Земельный фонд, нормы и контингент.
19. Ярилов А.А. Колонизация и использование природных богатств как основные предпосылки дальнейшего развития России. М., 1921.
20. Книпович Б.Н. Очерк деятельности НКЗ за три года 1917-1920 гг. М., 1920.
21. Успенский А. Прошлое и будущее колонизации // «О земле»: Сборник статей об использовании в народно-хозяйственном обороте свободных земель. М., 1922. Вып. 3.
22. Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР (за время войны и революции). М., 1926.
23. Гиппиус Л. Север Европейской России. Пг., 1918.
24. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1919. Отд.1. № 4. Ст. 44.
25. Декреты Советской власти. М., 1976. Т. 8. С. 128, 247-249.
26. Цабель Л.Н. Колонизация Севера, ее задачи и перспективы. Пг., 1919.
27. Овчинников Н.Я. Работы Северных колонизационных экспедиций Наркомзема (1919–1921 гг.). Пг., 1922.
28. Иорданский Ю.П. Материалы Северных колонизационных экспедиций. Колонизация Севера. Пг., 1920.

References:

1. Myrzakhmetova A.Zh. Istoriya obrazovaniya i deyatel'nosti organov Pereselencheskogo upravleniya v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX v. Avtoref. diss. kand. ist. nauk Respublika Kazakhstan. Karaganda, 2007.
2. Starkov P. Pereselenie v Sibir' za vremya imperialisticheskoi voiny i revolyutsii (1914–1925 gg.) // Zhizn' Sibiri, 1926. № 7-8. S. 29-31.
3. Rossiiskii Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv. F.391. op.6. d.334. l.3-4.
4. Starkov P. Pereselenie v Sibir' za vremya imperialisticheskoi voiny i revolyutsii (1914–1925 gg.) // Zhizn' Sibiri, 1926. № 7-8. S. 29-31.
5. RGIA. F.391.op.6. d.310. l.19.
6. RGIA. F.391. op.6. d.335. l.77.
7. RGIA. F.391. op.6. d.335. l.1.
8. RGIA. F.391. op.6. d.310. l.103.
9. RGIA. F. 391. op.6. d.682. l.75.ob.
10. RGIA. F.391. op.6. d.703. l.4.
11. RGIA. F.391. op.6. d.703. l. 25.
12. Dekret II Vserossiiskogo s"ezda Sovetov rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov. 26 oktyabrya 1917 g. «O zemle»: «...Eсли v otdel'nykh mestnostyakh nalichnyi zemel'nyi fond okazhetsya nedostatochnym dlya udovletvoreniya vsego mestnogo naseleniya, to izbytok naseleniya podlezhit pereseleniyu. Organizatsiyu pereseleniya, ravno kak i raskhody po pereseleniyu i snabzheniyu inventarem i proch. dolzhno vzyat' na sebya gosudarstvo» / Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam. 1917-1928 gg. М., 1967. Т.1. S.17; Dekret VTsIK Sovetov rabochikh soldatskikh i krest'yanskikh deputatov. 27 yanvarya 1918 g. «O sotsializatsii zemli». Razdel VI. Pereselenie / Tam zhe. S. 40-41.
13. RGIA. F. 391. Op. 6. D. 873. L. 51.Ob. Sправка о deyatel'nosti Pereselencheskogo Upravleniya (Rabota vo vremya revolyutsii).
14. Naprimer, postanovleniem SNK ot 24 aprelya 1919 g. «Ob organizatsii pereseleniya v proizvodnyashchie gubernii i v Donskuyu oblast'» v tselyakh oblegcheniya tyazhelogo prodovol'stvennogo polozheniya krest'yan i rabochikh severnykh gubernii bylo razresheno pereselyat'sya v yuzhnye raiony Respubliki. Postanovleniem SNK ot 24 iyulya 1919 g. «Ob ustroistve zemel'nogo byta kalmytskogo naroda»,

zanimaemaya imi territoriya zakryvalas' dlya pereseleniya / Ekonomicheskaya zhizn' SSSR. Khronika sobytii i faktov (1917-1965) / Pod.red. S.G. Strumilina. 2-e izd. M., 1967. S. 40, 43.

15. Bol'shakov M.A. Zadachi i perspektivy kolonizatsii // Zemel'noe delo: Sbornik statei po voprosam zemel'noi i sel'skokhozyaistvennoi politiki, ekonomiki, tekhniki i organizatsii zemel'nogo dela, kolonizatsii i pereseleniya i zemel'nogo dela za granitse / Pod red. A.A. Andreeva, M.M. Shul'gina. M., 1923. S. 125.

16. Kulikov V.I. Istoricheskii opyt osvoeniya tselinnykh zemel'. M., 1978. S. 12-73.

17. Yamzin I.L., Voshchinin V.P. Uchenie o kolonizatsii i pereseleniyakh. M.; L., 1926. S.71-75.

18. Chirkin G.F. 1) O kolonizatsionno-kul'turnykh zadachakh posle voyny // Voprosy kolonizatsii. 1916. № 18; 2) Ob'yasnitel'nye zapiski k smetam raskhodov Pereselencheskogo Upravleniya na 1915, 1916, 1917, 1918 gg. 3) Trudy II Vserossiiskogo S'ezda Ligi agrarnykh reform. M., 1917. Vyp.3. Zemel'nyi fond, normy i kontingent.

19. Yarilov A.A. Kolonizatsiya i ispol'zovanie prirodnykh bogatstv kak osnovnye predposylki dal'neishego razvitiya Rossii. M., 1921.

20. Knipovich B.N. Ocherk deyatel'nosti NKZ za tri goda 1917-1920 gg. M., 1920.

21. Uspenskii A. Proshloe i budushchee kolonizatsii // «O zemle»: Sbornik statei ob ispol'zovanii v narodno-khozyaistvennom oborote svobodnykh zemel'. M., 1922. Vyp. 3.

22. Lubny-Gertsyk L.I. Dvizhenie naseleniya na territorii SSSR (za vremya voyny i revolyutsii). M., 1926.

23. Gippius L. Sever Evropeiskoi Rossii. Pg., 1918.

24. Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. 1919. Otd.1. № 4. St. 44.

25. Dekrety Sovetskoj vlasti. M., 1976. T. 8. S. 128, 247-249.

26. Tsabel' L.N. Kolonizatsiya Severa, ee zadachi i perspektivy. Pg., 1919.

27. Ovchinnikov N.Ya. Raboty Severnykh kolonizatsionnykh ekspeditsii Narkomzema (1919–1921 gg.). Pg., 1922.

28. Iordanskii Yu.P. Materialy Severnykh kolonizatsionnykh ekspeditsii. Kolonizatsiya Severa. Pg., 1920.

УДК 93/94

Программа деятельности и основные задачи Переселенческого Управления в годы Первой мировой войны

Ирина Валерьевна Волошинова

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», Российская Федерация

199106, Санкт-Петербург, 21-я линия, 2

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: VIV10@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматривается деятельность Переселенческого Управления России во время Первой мировой войны. Ведомство занималось переселением и землеустройством крестьян. С началом войны оно первым смогло взять на себя заботы об устройстве беженцев. Переселенческие пункты превратились в изоляционно-пропускные пункты для санитарного обслуживания военнопленных. Актуальным для Переселенческого Управления оставались важные задачи обследования и освоения новых территорий страны, в первую очередь Севера Европейской России, с чем ведомство успешно справилось.

Ключевые слова: Первая мировая война; военнопленные; беженцы; землеустройство; освоение Севера Европейской России.

UDC 061.62 (571.16)

Professors and Teaching Staff of Tomsk University during the World War I

¹ Sergei A. Nekrylov

² Sergey F. Fominykh

³ Alexander N. Sorokin

¹ Tomsk State University, Russian Federation

Doctor of Historical Sciences, Professor

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: san_hist@sibmail.com

² Tomsk State University, Russian Federation

Doctor of Historical Sciences, Professor

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: fsf@mail2000.ru

³ Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University, Russian Federation

Candidate of historical sciences, Associated professor

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: salexhist@mail2000.ru

Abstract. The article deals with the participation of the teaching staff and professors of Tomsk Imperial University in the organizing of medical aid to the wounded in the World War I. Moreover, they actively took part in the fulfillment of the defense orders for the battlefield, producing of medical drugs and development of asphyxiant gases countermeasures. The paper reconstructs the history of Tomsk University contribution to the struggle against Germany during the First World War on the basis of the existing scientific literature, documental materials, including the ones introduced into the research use for the first time and the periodical media. The article is devoted to those, who are interested in the history of the World War I and in the history of higher education and science in Russia, as well.

Keywords: World War I; Tomsk University; Asian Russia; science; higher school.

Введение. В связи со 100-летием со дня начала Первой мировой войны значительно усилился интерес к ее истории. В настоящее время в России проводятся многочисленные конференции, съезды, выставки и другие мероприятия посвященные Первой мировой войне. Одним из актуальнейших вопросов, остается вопрос о патриотизме. Именно в годы Первой мировой войны патриотизм на некоторое время сплотил народ вокруг монархии. Во многом этому способствовали и русские ученые, которые в первые же дни войны поддержали правительство и Николая II и начали активно участвовать во всех сферах деятельности направленных на оборону страны и победу над Германией.

Первой мировой войне посвящено много исследовательской литературы. Однако небольшая часть трудов обращалась к вопросам о мобилизации в российских университетах [1], о влиянии Первой мировой войны на науку и отношение к войне российских ученых [2].

В том числе, одним из малоизученных вопросов остается вопрос о той практической деятельности которую выполняли ученые страны как на фронте, так и в тылу в годы Первой мировой войны. На примере Императорского Томского университета делается попытка освятить эту деятельность ученых и педагогов на востоке страны.

Материалы и методы. Основным источником для написания статьи послужили материалы фондов Ф. 102 «Томский государственный университет» и Ф. 126 «Управление Западно-Сибирского учебного округа», хранящихся в Государственном архиве Томской области (ГАТО). Это личные дела профессоров, документы официального делопроизводства – переписка, циркуляры, отчеты. Источниковую базу исследования составили также Отчеты о состоянии Императорского Томского университета за 1914–1917 гг. Отдельные аспекты, характеризующие особенности повседневной жизни в этот период в Томске отражены на страницах томской газеты «Сибирская жизнь».

В работе использован сравнительно-исторический метод, дающий возможность вскрыть сущность изучаемых явлений и по сходству и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в пространстве и времени. Данный метод позволил выявить общее и особенное в государственной политике в области высшего образования и науки в разные исторические периоды.

Обсуждение. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война в целом негативно сказалась на жизни университетского сообщества.

Профессор юридического факультета И.И. Аносов с горечью писал в «Сибирской жизни»: «Интеллигентные силы России подорваны войной. Университеты ее (и другие высшие учебные заведения) находятся в критическом положении. И в числе прочих разруха эта занимает одно из виднейших мест. Скорее уймется голод, скорее страна получит нужные ей товары, чем можно будет

снабдить ее достаточным числом образованных людей. Работы будет вдоволь – работников не будет...» [3].

Однако, несмотря на сложившуюся обстановку преподаватели и профессора медицинского факультета Томского университета перестроили формы своей научной деятельности, направив их на нужды фронта.

Часть их стала выезжать на театр боевых действий. Так, в 1914 г. по приглашению Главного управления Красного Креста на фронт выезжали профессор Н.И. Березнеговский и В.Н. Саввин, в 1915 г. – профессор Н.И. Березнеговский, В.Н. Саввин, П.П. Авроров, Г.М. Иосифов, Н.В. Вершинин, А.А. Кулябко, приват-доценты А.М. Никольский, В.П. Миролюбов, П.М. Караганов, старший ассистент Я.А. Калачников, младший ассистент А.В. Рязанов, ординаторы Ф.Ф. Рихтер, С.И. Беликов-Штомич [4].

Фото. А.М. Никольский (первый ряд, второй справа) у санитарного вагона

В.П. Миролюбов, например, работал старшим врачом резерва при госпитале Рязанской общины Красного креста в Вильне [5. Л. 43]. Длительное время на фронте находились младший ассистент при кафедре врачебной диагностики, доктор медицины А.В. Рязанов и прозектор при кафедре фармакологии, приват-доцент Н.С. Спасский [6].

С весны 1915 г. Н.С. Спасский состоял старшим врачом отряда (госпиталя) Александровской общины РОКК, сформированного комитетом «Христианская помощь» на территории Сербии во время эпидемии тифа. О работе Н.С. Спасского в отряде высоко отзывался посланник в Сербии князь Г.Н. Трубецкой, отмечая его самоотверженность. После занятия болгарскими войсками Сербии Александровский госпиталь, возглавляемый Н.С. Спасским, продолжил свою работу. Однако в начале 1916 г. Н.С. Спасский был отправлен в лагерь для пленных, затем в июле 1916 г. был направлен в Брацу для несения санитарной службы. В ноябре 1916 г. Н.С. в составе санитарной миссии выезжал в Стокгольм, откуда вернулся в Россию [7. С. 37-44].

П.П. Авроров некоторое время в 1915 г. он находился в составе Российского общества Красного Креста в действующей армии на Западном фронте, где возглавлял бактериологическую лабораторию при заведующем санитарной частью управления особоуполномоченного при 12-й армии [8. Л. 73].

В годы Первой мировой войны (1915 г.) Н.В. Вершинин по просьбе Главного управления Российского общества Красного Креста занимался разработкой методов защиты от боевых отравляющих веществ и лечения солдат, пострадавших от их применения.

Работа в военно-полевых госпиталях, дала ученым Томского университета богатый материал для написания обобщающих трудов. Так, например, В.Н. Саввин работая хирургом в различных московских госпиталях, а затем инспектором распределительных госпиталей Московского городского самоуправления, обслуживавших раненых и больных воинов, обобщил опыт многочисленных операций в монографии «Очерки военно-полевой хирургии: Ранения кровеносных сосудов», внесшей серьезный вклад в разработку вопросов сердечно-сосудистой хирургии [9].

Профессор Н.И. Березнеговский во время Первой Мировой войны заведовал крупными хирургическими госпиталями Красного Креста сначала в Риге, затем в Киеве [10. Л. 256, 257, 258]. Он в общей сложности провел на войне 2 года. Собранный им материал послужил основой для написания ряда работ по военно-полевой хирургии [11].

Материалы, собранные профессорами и преподавателями медицинского факультета во время лечения раненых, нашли отражение и на страницах сибирской и российской медицинской периодической печати. Так, приват-доцент В.П. Миролубов опубликовал статью «О газовом омертвлении у раненых» [12], профессор Г.М. Иосифов «К статистике ранений за первый год войны с Германией» [13].

Во время Первой мировой войны химики и физики Томского университета приняли активное участие в выполнении оборонных заказов. Так, когда летом 1915 г. на имя ректора университета поступил запрос из Управления верховного начальника санитарной и эвакуационной части относительно того, ведутся ли в университете исследования в области применения удушливых газов и борьбы с ними [14. Л. 1], на медицинском факультете была создана Комиссия по вопросу об изыскании способов применения удушливых газов и о борьбе с ними.

Комиссию, в состав которой первоначально вошли М.Г. Курлов, П.П. Орлов, Н.А. Александров и Н.В. Вершинин, возглавил профессор А.П. Поспелов [14. Л. 8, 14], которого после отъезда в длительную командировку в Петроград в конце 1915 г. заменил Н.А. Александров. В дальнейшем состав комиссии пополнился А.А. Кулябко, П.Н. Лашенковым, П.В. Бутягиным, Н.В. Вершининым и приват-доцентом П.М. Карагановым, а также профессорами Томского технологического института Я.И. Михайленко, Т.И. Тихоновым, А.А. Потембей, преподавателями того же института Г.В. Хониным и М.И. Мещеряковым, начальником железнодорожного училища инженером С.И. Болотовым, гласным городской думы инженером К. Эманом.

Кроме того, в состав комиссии вошли руководители работ на «заводе»: доктор химии Додонов, провизор Должик, студенты Бартенев, Щукин и делопроизводитель комиссии секретарь по студенческим делам Томского университета П.В. Леонов. Комиссия была включена в качестве отдельной секции в состав Томского областного военно-промышленного комитета.

На состоявшемся 18 августа 1915 г. заседании комиссии с докладом выступил профессор А.П. Поспелов, который предложил способ защиты от удушливых газов с помощью маски, закрывающей всю голову и сообщаемой с кислородной сумкой. Причем выдыхаемый воздух поглощался известью. Для изготовления маски и сумки предлагался дешевый и, тем не менее, газонепроницаемый материал. А.П. Поспелов продемонстрировал и разработанный им аппарат.

Комиссия предложила составить простую инструкцию с перечнем мер спасения на случай применения удушливых газов и высказалась за необходимость сбора метеорологических данных о направлении господствующих ветров в районе боевых действий, за широкое использование жидкого аммиака в целях связывания удушливых газов и применения на фронте кислорода на случай отравления газами. Изучение эффективности употребляемых растворов в противогазах взял на себя профессор Н.А. Александров.

На заседании комиссии профессор П.П. Орлов заявил об отсутствии соответствующего оборудования в химической лаборатории университета для изучения проблемы применения удушливых газов. Выступая на заседании комиссии 3 октября, он посчитал нецелесообразным само производство в Томске удушливых газов во сколько-либо значительных количествах, а в некоторых случаях и прямо опасным и заявил о своем выходе из состава комиссии. Ему возразили Н.А. Александров и А.П. Поспелов, которые заявили, что разработанные ими методы получения безводной синильной кислоты, а также жидкого хлора и фосгена «являются вполне безопасными, так как сгущение газов при наличии хорошего охлаждения происходит полностью, и только безрассудство в обращении со стеклянными сосудами, содержащими жидкие газы, могло бы иметь известную опасность» [15].

Было решено всю работу сосредоточить на изыскании мер борьбы с удушливыми газами. Кроме того, комиссия рекомендовала профессорам А.П. Поспелову и Н.А. Александрову продолжить начатые ими опыты по изготовлению безвредного цианистого водорода, который, по их мнению, мог бы найти применение в артиллерийском деле. На заседании комиссии был продемонстрирован цианистый водород и заслушан доклад А.П. Поспелова о возможности его изготовления в значительном количестве при условии получения исходных компонентов из Европейской России [14. Л. 16, 17].

В Петроград был направлен запрос о присылке в Томск сведений о результатах анализов удушливых газов, примененных немцами на Восточном фронте, а также образцы повязок-противогазов [14. Л. 21]. Уже во второй половине сентября в Томск были отправлены 10 образцов

повязки против удушливых газов, описание изготовления повязки и выкройка. Предлагалось организовать изготовление повязок в Томске, а затем пересылать их для химической пропитки в Москву. Причем оговаривалось, что эти повязки применимы лишь в летнее время. Управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части обещало дополнительно выслать результаты анализов удушливых газов после их окончательной обработки [14. Л. 18, 19].

В дальнейшем комиссия провела несколько заседаний, на которых рассматривались различные вопросы, связанные с организацией работ по выполнению задания военных властей.

В конце октября 1915 г. А.П. Поспелов выезжал в Петроград для участия в заседании комиссии по изготовлению удушливых средств, созданной при Главном артиллерийском управлении.

Он выступил на заседании этой комиссии, а также на заседаниях ее Военно-химического комитета (председатель Н.С. Курнаков, члены: В.Е. Тищенко, А.Е. Фаворский, Л.А. Чугаев, В.Г. Хлопин и др.) с докладами о производстве в Томске безводной синильной кислоты, ее физических свойствах и методах получения. А.П. Поспелов продемонстрировал также свыше 1 кг кислоты, изготовленной в Томске. Доклады А.П. Поспелова получили высокую оценку, а академик Н.С. Курнаков заявил, что томский опыт явился «первым реальным предложением русских лабораторий» [14. Л. 33]. Комиссия приняла решение об оказании необходимой помощи Томскому университету в осуществлении предложения А.П. Поспелова.

Будучи в Петрограде, А.П. Поспелов, учитывая информацию с французского фронта о желательности примешивать к синильной кислоте вещество с более тяжелыми парами (например, хлорное олово, хлористый мышьяк), провел дополнительные исследования. Им была составлена специальная инструкция для оснащения 3-х дюймовых артиллерийских снарядов соответствующими компонентами. Вместе с директором Института экспериментальной медицины С.К. Дзержговским А.П. Поспелов провел серию опытов над животными в дезинфекционной камере института с целью проверки токсической дозы, необходимой для снаряжения одного снаряда. Он продемонстрировал также свою маску (без кислородного питания), взятую для образца для защиты при работах с удушливыми газами, которые велись в то время в Петроградском технологическом институте [14. Л. 34, 35].

Повторно А.П. Поспелов был вызван в Петроград 17 декабря того же года. Телеграммой от директора департамента народного просвещения ему было предписано «незамедлительно прибыть по неотложной надобности» в Петроград [16. Л. 99]. Как сообщала газета «Сибирская жизнь», А.П. Поспелов «увез с собой недоконченный изобретенный им прибор – маску (противогаз) для представления в противогазовой комиссии. «Маска Поспелова», как ее называют, будет вполне защищать от удушливых газов» [17]. Он пробыл в Петрограде до осени 1917 г., несмотря на неоднократные попытки руководства университета вернуть его в Томск. Срок командировки ему продляли «в интересах обороны» [16. Л. 110, 111, 113]. За «труды, понесенные при условиях военного времени», А.П. Поспелов был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (1916) [16. Л. 108].

Деятельность комиссии при Томском университете заключалась, во-первых, в разработке конструкции противогазовой маски с кислородным питанием, во-вторых, в выработке промышленного метода получения безводного цианистого водорода (жидкость «Х», как он назывался в переписке) и хлористого мышьяка, а также желтой кровяной соли, металлического натрия и его перекиси, равно как и регенерации эвериттовой соли, являющейся дополнительным продуктом при получении цианистого водорода.

В первое время опыты проводились в помещениях физического кабинета (подвальный этаж главного здания) и фармацевтической лаборатории университета. Горное управление для работ комиссии временно одолжило небольшую динамо-машину, которую установили в подвальном помещении физического кабинета. Изготовление препаратов было организовано в приспособленном для этого помещении бывшего газового завода. На эти цели были использованы деньги из специальных средств университета и выделенные на содержание фармацевтической лаборатории (всего 2220 руб.). Главное артиллерийское управление в 1915 г. выделило 1632 руб. 50 коп., а Министерство народного просвещения – 3500 руб. [14. Л. 45] В феврале 1916 г. Комиссия по изготовлению удушающих газов добилась выделения университету 1684 руб. на организацию и 8640 руб. – на производство безводной синильной кислоты [14. Л. 122].

В апреле 1916 г. на имя ректора Томского университета поступило письменное извещение председателя комиссии при Главном артиллерийском управлении по изготовлению удушающих средств о выделении университету кредита на сумму 21 600 руб. [14. Л. 296]. Однако деньги своевременно не поступили. К маю университет из своих средств затратил на содержание завода 7075 руб. Ректор М.Ф. Попов в телеграмме на имя председателя комиссии при Главном артиллерийском управлении генерала Крылова просил принять меры к тому, чтобы ускорить перевод выделенных средств на содержание завода и передать его в ведение Артиллерийского ведомства [14. Л. 304].

При участии Военно-промышленного комитета под заводские работы Акцизным ведомством были выделены помещения Томского казенного винного склада. В одно из них из университетских госпитальных клиник, располагавшихся поблизости, была перенесена паровая динамо-машина. Акцизное ведомство предоставило еще две динамо-машины с Бийского винного склада.

Завод функционировал в составе трех отделений. В первом из них велись работы по изготовлению цианистого водорода и желтой кровяной соли, во втором – металлического натрия и его перекиси. На заводе было занято более 60 человек, причем основной контингент работающих составили студенты: 24 – с медицинского факультета Томского университета и 7 – из Томского технологического института. Всего 31 человек.

Ввиду того, что профессор А.П. Поспелов длительное время находился в Петрограде, общее заведование делами завода и отделением цианистого водорода было возложено на профессора Н.А. Александрова.

Другие отделения завода находились в ведении профессора технологического института Я.И. Михайленко и преподавателей того же института Г.В. Хонина и М.И. Мещерякова.

После того как М.И. Мещеряков в феврале 1916 г. был откомандирован в Петроград в помощь А.П. Поспелову, его заменил преподаватель технологического института В.Ф. Юферов. По вызову военного ведомства в Петроград в апреле 1916 г. выезжали также профессор Томского университета Н.А. Александров и профессор Томского технологического института Я.И. Михайленко [18].

Таким образом, в работе комиссии и производстве на заводе, кроме студентов, принимали участие 9 членов профессорской корпорации университета, 1 секретарь по студенческим делам Томского университета в качестве делопроизводителя и бухгалтера, 5 человек из личного состава технологического института и 4 человека из других организаций.

Производство на заводе началось с 3 февраля; к 12 марта 1916 г. было изготовлено 56,7 кг (3,5 пуда) [14. Л. 124, 125, 216], а к середине августа 1916 г. около 110 пудов безводного цианистого водорода, из которых 25 пудов по требованию заказчика было отправлено в Петроград. Остальные 85 пудов хранились в специально построенном леднике. Последний был сооружен на университетской усадьбе на средства Главного артиллерийского управления [19. Л. 289 к–289 л.].

Работы на заводе велись и в 1917 г. Так, в первых числах сентября 1917 г. на имя ректора Томского университета поступило отношение начальника 2-го отдела по изысканию и заготовлению удешевленных средств химического комитета при Главном артиллерийском управлении, в котором содержалось предложение использовать для постановки опытов в заводском масштабе имевшуюся при университете установку для получения желтой соли с применением в качестве высокопроцентного азотистого сырья цианамида кальция [20. Л. 13].

Еще одно направление деятельности ученых Томского университета в годы войны было связано с изготовлением лекарственных препаратов. Это было вызвано их дефицитом из-за прекращения импорта из стран Западной Европы. По инициативе профессора Н.А. Александрова в фармацевтической лаборатории Томского университета были изготовлены аспирин и ксероформ. Несмотря на то, писал Н.А. Александров в «Сибирской жизни», что лаборатория «обделена и помещением, и средствами», опыты над дальнейшим получением препаратов по спискам военно-промышленного комитета и Министерства народного просвещения продолжались [21]. Аспирин был передан для клинических испытаний в университет, где и был признан отвечающим своему назначению.

В ноябре 1915 г. по инициативе профессора Н.А. Александрова в 8-й аудитории университета состоялось собрание томских фармацевтов по вопросу об изготовлении ксероформа и аспирина [22. Л. 65].

Заключение. Таким образом, в годы Первой мировой войны профессора и преподаватели Томского университета прилагали усилия к тому, чтобы применить свои знания и навыки для укрепления обороноспособности страны, проводя исследования в лаборатории, выезжая на театр военных действий для лечения в полевых условиях раненых.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program/.

Примечания:

1. Горелов Ю.П., Н.Д. Ростов Особенности проведения мобилизаций на территории Сибири в войнах начала XX века // Ползуновский вестник. 2003. № 3-4. С. 96-104.

2. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108-127; Иванов А. Е. Университетская политика самодержавия в конце XIX – начале XX вв. // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979; Соскин В.Л. Научная интеллигенция Сибири накануне революции // Кадры науки советской Сибири. Новосибирск, 1991. С. 19-39.

3. Сибирская жизнь. 1917. 6 сент.

4. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 666. Л. 28, 29, 39; Ф. 126. Оп. 2. Д. 3015. Л. 256, 257, 258; Д. 3127. Л. 95, 96, 97, 98, 99, 164, 165-165 об., 166-166 об.; Отчет о состоянии ИТУ за 1914 год. Томск, 1915. Отдел 4. С. 2; Отчет о состоянии ИТУ за 1915 год // ИТУ. 1916. Кн. 64. С. 78; Циркуляр... 1915. № 8. С. 665.

5. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 666.

6. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 544. Л. 1; Д. 666. Л. 66/

7. Шевцова Г.И. Деятельность на территории Сербии и возвращение из плена эпидемиол. отряда Александровской общины РОКК (отряда Н.С. Спасского) в годы Первой мировой войны // Вестн. Том. ун-та. 2010. № 4 (12).
8. ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 34.
9. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3015. Л. 234, 235, 236, 236 об., 237, 237 об., 238, 238 об., 239, 240, 241; ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3127. Л. 27, 28, 29; Саввин В.Н. Очерки военно-полевой хирургии: Ранения кровеносных сосудов // ИТУ. 1918. Кн. 67. С. 1-161.
10. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3015.
11. Березнеговский Н.И. О ранах, причиняемых взрывчатыми и разрывными пулями. Пг., 1915; Он же. Об огнестрельных военно-полевых ранениях черепа // Известия ТГУ. 1921]. Т. 71 [пагин. 10-я. С. 1-47.
12. Миролюбов В.П. О газовом омертвлении у раненых // Русский врач. 1915. № 47.
13. Иосифов Г.М. К статистике ранений за первый год войны с Германией // Сибирский врач. 1916. № 3-6.
14. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 70.
15. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 704. Л. 25 об. 26 февраля 1916 г. в помещении газового завода во время работ по изготовлению препаратов синильной кислоты при перегонке газов из одной колбы в другую с профессором Н.А. Александровым произошел несчастный случай (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 704. Л. 272); Сибирская жизнь. 1916. 28 февр.
16. ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 435.
17. Сибирская жизнь. 1916. 19 янв.
18. Сибирская жизнь. 1916. 19 апр.
19. ГАТО. Ф.102. Оп. 1. Д. 686.
20. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 820.
21. Сибирская жизнь. 1915. 8 дек.
22. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 716.

References

1. Gorelov Ju.P., N.D. Rostov Osobennosti provedenija mobilizacij na territorii Sibiri v vojnah nachala XX veka // Polzunovskij vestnik. 2003. № 3-4. P. 96-104.
2. Ivanov A.E. Rossijskoe «uchenoe soslovie» v gody «Vtoroj Otechestvennoj vojny» // Voprosy istorii estestvoznanija i tehniki. 1999. № 2. S. 108-127; Ivanov A. E. Universitetskaja politika samodержavija v konce XIX – nachale XX cent. // Gosudarstvennoe rukovodstvo vysshej shkoloj v dorevoljucionnoj Rossii i SSSR. M., 1979; Soskin V. L. Nauchnaja intelligencija Sibiri nakanune revoljucii // Kadry nauki sovetskoj Sibiri. Novosibirsk, 1991. P. 19-39.
3. Sibirskaja zhizn'. 1917. 6 sent.
4. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 666. Л. 28, 29, 39; F. 126. Оп. 2. Д. 3015. Л. 256, 257, 258; D. 3127. Л. 95, 96, 97, 98, 99, 164, 165-165 об., 166-166 об.; Otchet o sostojanii ITU za 1914 god. Tomsk, 1915. Otdel 4. S. 2; Otchet o sostojanii ITU za 1915 god // ITU. 1916. Кн. 64. S. 78; Cirkuljar... 1915. № 8. P. 665.
5. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 666.
6. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 544. Л. 1; D. 666. Л. 66.
7. Shevcova G.I. Dejatel'nost' na territorii Serbii i vozvrashhenie iz plena jepidemiol. otrjada Aleksandrovskoj obshhiny ROKK (otrjada N.S. Spasskogo) v gody Pervoj mirovoj vojny // Vestn. Tom. un-ta. 2010. № 4 (12).
8. ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 34.
9. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3015. Л. 234, 235, 236, 236 об., 237, 237 об., 238, 238 об., 239, 240, 241; ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3127. Л. 27, 28, 29; Savvin V.N. Oчерки voenno-polevoj hirurgii: Ranenija krovenosnyh sosudov // ITU. 1918. Кн. 67. P. 1-161.
10. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3015.
11. Bereznegovskij N.I. O ranah, prichinjaemyh vzryvchatymi i razryvnymi puljami. Pг., 1915; On zhe. Ob ognestrel'nyh voenno-polevyh ranenijah cherepa // Izvestija TGU.1921]. T. 71 [pagin. 10-ja. P. 1-47.
12. Miroljubov V.P. O gazovom omertvenii u ranenyyh // Russkij vrach. 1915. № 47.
13. Iosifov G.M. K statistike ranenij za pervyj god vojny s Germaniej // Sibirskij vrach. 1916. № 3-6.
14. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 70.
15. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 704. Л. 25 об. 26 fevralja 1916 g. v pomeshenii gazovogo zavoda vo vremja rabot po izgotovleniju preparatov sinil'noj kisloty pri peregonke gazov iz odnoj kolby v druguju s professorom N.A. Aleksandrovym proizoshel neschastnyj sluchaj (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 704. Л. 272); Sibirskaja zhizn'. 1916. 28 fevr.
16. ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 435.
17. Sibirskaja zhizn'. 1916. 19 janv.
18. Sibirskaja zhizn'. 1916. 19 apr.
19. ГАТО. Ф.102. Оп. 1. Д. 686.
20. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 820.
21. Sibirskaja zhizn'. 1915. 8 dek.

УДК 061.62 (571.16)

**Профессора и преподаватели Томского университета
в годы Первой мировой войны**

¹ Сергей Александрович Некрылов

² Сергей Федорович Фоминых

³ Александр Николаевич Сорокин

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор
634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36
E-mail: san_hist@sibmail.com

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор
634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36
E-mail: fsf@mail2000.ru

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Национальный
исследовательский Томский политехнический университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36
E-mail: salexhist@mail2000.ru

Аннотация. Статья посвящена участию преподавателей и профессоров Императорского Томского университета в организацию медицинской помощи раненым в Первой Мировой войне. Помимо этого, они приняли активное участие в выполнении оборонных заказов для фронта, изготовлении лекарственных препаратов и разработках мер по борьбе с удушливыми газами. На основании имеющейся научной литературы, документальных материалов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, и периодической печати реконструируется история вклада ученых Томского университета в борьбу с Германией в годы Первой мировой войны. Статья предназначена для интересующихся историей Первой Мировой войны, а также истории высшего образования и науки в России.

Ключевые слова: Первая мировая война; Томский университет; Томск; Азиатская Россия; наука; высшая школа.

UDC 902/904(571.52)

The Last Expedition of the Siberian A.V. Adrianov (Tuva, 1915–1916)

Olga B. Belikova

Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
PhD (History)
E-mail: bob@mail.tsu.ru

Abstract. The article presents the results of the examination of archaeological activity of Siberian public figure and scientist A.V. Adrianov (1854–1920) in his last expedition. It took place in the upstream basin of the Yenisei River – in Tuva (Uryankhaysky Krai / Tannu Uryankhay) in 1915–1916. The archaeologist could not summarize and publish the results of his successful field research – he died in 1920 due to the unjustified sentence of the Bolsheviks. The expedition prehistory, the content of the archaeological excavations and exploration, the history of the materials deposition to the storage, scientist's last years have been restored. The information, concerning 23 ancient Old Turkic manuscripts, examined by A.V. Adrianov has been identified and summarized. The data on new sources have been introduced into scientific use.

Keywords: A. V. Adrianov; expedition of 1915–1916.; Tuva (Uryankhaysky Krai / Tannu Uryankhay); archeology; scientific testament.

Введение. В 2014 г. отмечается 100-летие вхождения Тувы (Урянхайский край) в состав России и 160-летие со дня рождения А.В. Адрианова – выдающейся личности в общественно-политической, культурной и научной жизни Сибири конца XIX – начала XX в., просветителя, публициста, редактора газеты «Сибирская жизнь», археолога, этнографа, историка (рис. 1). Он, по ёмкой характеристике М.А. Дэвлет, – «последователь и единомышленник лидеров сибирского областничества Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, сторонник культурного и экономического самоопределения Сибири в составе России» [1]. Активно участвовал в деятельности ряда научных организаций (Русское географическое общество и его Восточно-Сибирский отдел, Русское и Московское археологические общества, Финно-угорское общество и др.).

Рис. 1. А.В. Адрианов, около 1909 г., Томск. Фотосъёмка В.М. Лебова.
Институт истории материальной культуры: фотоархив. Ед. хр. О.2515/127

С Тувой, расположенной в верхнем течении р. Енисей, на юге Восточной Сибири на границе с Монголией, А.В. Адрианова связали несколько экспедиций: в 1879 г. под руководством его учителя и старшего друга, «последнего энциклопедиста Сибири» Г.Н. Потанина [2] и самостоятельные 1881, 1883 г. Значительно позже, в 1915–1916 гг., А.В. Адрианов провёл в Туве свою последнюю экспедицию, к которой подвело драматическое событие в его жизни – трёхлетняя административная ссылка 1913–1916 гг. До июня 1915 г. он последовательно отбывал её в городах Нарыме Томской губернии, Красноярске, Минусинске, селе Ермаковском Енисейской губернии. Члены его многочисленной и дружной семьи в течение всей ссылки оставались проживать в Томске.

Ещё в Красноярске А.В. Адрианов осенью 1913 г. сделал «Русскому комитету для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении» конкретное предложение о проведении в Туве археологических разысканий 1914 г. И достаточно быстро, к февралю 1914 г. комитет поддержал это намерение финансово и организационно. Однако опальный археолог в тот год не получил от властей разрешения на поездку, несмотря даже на личное ходатайство академика, председателя комитета В.В. Радлова перед министром внутренних дел Н.А. Маклаковым.

Только в феврале 1915 г. хлопоты Русского комитета, самого А.В. Адрианова и его покровителей завершились успехом: В.В. Радлов добился разрешения министра на тувинскую экспедицию. (Это событие впервые осветила М.А. Дэвлет [3]). Но на её проведение комитет, ввиду ограниченности средств из-за продолжавшейся Первой мировой войны, сократил сумму с 1000 руб., как выделялось в 1914 г., до 600 руб. Их хватило только на первый полевой сезон, да и то лишь при мощной поддержке сибирского мецената, купца, будущего основателя независимой Тувы И.Г. Сафьянова, в Тапсинской усадьбе которого на р. Пий-Хем и базировался постоянно А.В. Адрианов. Работы 1916 г. обеспечивались, вероятно, уже только их возможностями. Полевые исследования учёного в Туве длились 16 месяцев, при этом в 1915 г. они проводились на основе выданного ему Императорской археологической комиссией разрешения – «Открытого листа».

Археолог выехал из Ермаковского в Урянхай 18 июня 1915 г. вместе со своим помощником, телеутом Г.М. Токмашевым, прибывшим к нему специально из Томска. В д. Григорьевке они, как было договорено, присоединились к каравану И.П. Сафьянова и его семьи, состоявшему из 35 верховых и вьючных лошадей и нескольких двуколёсных повозок (двуколки) для женщин и детей. И далее уже все вместе продвигались по строящейся Усинской дороге (рис. 2, 3), которая должна была соединить Россию и Урянхайский край. Её сооружение от Григорьевки началось в 1910 г., но ко времени начала указанного путешествия в эксплуатацию сдали лишь небольшой отрезок – около 35 вёрст (37 км). Путь от Ермаковского до Тапсинской усадьбы протяжённостью около 300 км по тракту, горно-таёжным тропам и рекам занял у А.В. Адрианова и Г.М. Токмашева 9 дней – с 18 по 26 июня 1915 г.

Рис. 2. 19 июня 1915 г.: «На 40-й версте по Усинской дороге в подъём на Кулумос.

Загиб шоссированной дороги, по которой поднимаются Сафьяновы. Вдали арестанты-рабочие». Фотосъёмка А.В. Адрианова. Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ: фотоотдел. Ед. хр. 153-72

Богатейшие результаты своей урянхайской экспедиции 1915–1916 гг. А.В. Адрианов не смог не только опубликовать, но и обобщить, например, в форме научного отчёта. В марте 1920 г. в Томске в возрасте 65 лет он по необоснованному приговору Томской ЧК был расстрелян. Накануне ареста (22 декабря 1919 г.), предвидя трагическую развязку, успел подать заявление от 10 декабря к С.И. Руденко, заведующему кабинетом географии Томского университета, ставшее своеобразным научным завещанием. На его основе А.В. Адрианов ещё успел передать в кабинет основные экспедиционные материалы своей последней экспедиции [4]. Благодаря предпринятым мерам эти

коллекции и документы были спасены. Часть иных его архивных материалов зимой 1919/20 г. погибла, библиотека была расхищена [5].

Рис. 3. 20 июня 1915 г.: «На Усинской дороге – мост через Васильев Ключ, берёза, котлы, вдали арестанты-рабочие за обедом». Фотосъёмка А.В. Адрианова. Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ: фотоотдел. Ед. хр. 153-25

Материалы и методы исследования. В процессе авторских разысканий (с 1996 г.) сформирована объёмная и репрезентативная источниковая база о рассматриваемой экспедиции. Материалы выявлены уже в 11 учреждениях России: Томск, Санкт-Петербург, Москва, Красноярск, а также в частных архивах. Они включают археологическую коллекцию № 6041 Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета и внушительный корпус архивных документов. В числе последних – около 275 единиц хранения, и это касается только одной экспедиции неутомимого исследователя! Среди них преимущественно его автографы (полевые дневники [6], отчётные документы, письма и пр.), а также переписка с Г.Н. Потаниным [7], Русским комитетом, включая председателя В.В. Радлова и секретаря Л.Я. Штернберга, и многими другими учреждениями и личностями.

Будучи отменным фотографом, А.В. Адрианов в Урянхае в 1915–1916 гг., как и в других своих многочисленных поездках, фотосъёмке (на стеклянные негативные пластины) уделял значительное внимание. Поэтому уникальными и надёжными для реконструкции хроники и содержания экспедиции стали его фотоматериалы. Среди них – два шаблонных дневника, в которые он методично вносил краткие записи о сюжете каждой из 259 съёмок, выполненных им с 19 июня 1915 г. (ещё по пути в Урянхай; рис. 2; рис. 3) до 17 октября 1916 г. (уже в Минусинске, по дороге домой в Томск).

В целом же восстановлено, что в Туве археологические и прочие сюжеты были запечатлены А.В. Адриановым на 280 стеклонегативах, от которых мне удалось выявить пока 96 индивидуальных фотовидов (34,3 %) и затем идентифицировать их с конкретными записями в дневниках. Из числа этих снимков ценнейшим источником для восстановления состава коллекций из какого-либо раскопанного археологом комплекса стали фотографии своеобразных картонных планшетов, на которые, как было принято в ту пору, он прикрепил артефакты и оставил под ними соответствующие подписи.

Представленные фотоматериалы, редкостные для Сибири начала XX в., совокупно вводят в научный оборот колоссальный массив информации о проведённых А.В. Адриановым в Туве работах по археологии и этнографии, его биографии и хронике жизни, конкретных местных жителей, ландшафтах и пр.

В российские хранилища с 1915 г. по 1970-е гг. поступил внушительный корпус материалов как самой урянхайской экспедиции 1915–1916 г., так и о связанных с нею событиях. Сохранность ключевых источников об археологических исследованиях в Туве обеспечил, прежде всего, сам А.В. Адрианов в трагические для него дни декабря 1919 г. Как источники использованы и публикации, авторы которых С.Е. Малов [8], С.В. Киселёв [9], М.А. Дэвлет [10], В.М. Крюков [11] и др.

Весь массив выявленных материалов целенаправленно подвергся комплексному источниковедческому анализу, с максимально возможной верификацией каких-либо выдвинутых положений данными из разноплановых и многочисленных источников.

Обсуждение. Полагаю, что первый научный интерес к адриановским материалам 1915–1916 гг. проявили в Томске в период с декабря 1919 г. по весну 1922 г. сотрудники университета, археологи С.И. Руденко и С.А. Теплоухов. Отдельные материалы экспедиции впервые опубликовали С.Е. Малов (1936; 1952) и С.В. Киселёв (1939). Заслуга введения их в широкий научный оборот принадлежит Л.Р. Кызласову, который первым начал их (с 1958) целенаправленно и систематически издавать [12]. Существенную роль во включении этих источников в научное пользование сыграли в 1950-х гг. А.А. Адрианов (старший сын археолога), В.И. Матющенко и с конца 1970-х гг. – И.Л. Кызласов [13].

Огромное значение в изучении археологической деятельности А.В. Адрианова 1915–1916 гг. и его биографии последних лет жизни имеют с конца 1950-х гг. разыскания М.А. Дэвлет. Её принадлежит заслуга возвращения в науку адриановского наследия в целом и написания его творческой биографии.

Однако в максимально возможном полном виде и обобщённо исторические источники, связанные с экспедицией А.В. Адрианова 1915–1916 гг., ранее не рассматривались и не публиковались. Целью моего исследования стало реконструкция содержания археологической деятельности этой экспедиции, её истории, биографии последних лет жизни учёного (1913–1920), а также издание источников.

Результаты. Восстановлен характер археологических раскопок и разведочных разъездов А.В. Адрианова 1915–1916 гг. Передвигаясь вместе с Г.М. Токмашевым и местными рабочими на лошадях верхом или в двуколках, он провёл их на широкой территории Урянхайского края, крайние границы которой следующие:

- на востоке – район нижнего течения р. Каа-Хем;
- на западе – верховья р. Хемчик (правый приток р. Улуг-Хем);
- на севере – район бассейна р. Уюк (левый приток р. Пий-Хем);
- на юге – верховья р. Элегест.

Археолог осуществил раскопки 11 памятников. В том числе 60 курганов исследовал в 8 могильниках: Салдам, Курже, Чинге, Бай-Булун, Пий-Хем, Бегре, Уюк-Тарлык, Коктон. Раскапывал и другие памятники: Чингисханова Дорога вдоль левого берега р. Улуг-Хем; «китайский городок» (городище Дён-Терек XIII в.) на правой стороне р. Элегест; каменная ограда на р. Уюк. Хронология всех этих объектов – от эпохи бронзы до XVIII–XIX вв.

Воссозданы также маршруты, сроки и результаты археологических разведок. В 1916 г. А.В. Адрианов, к примеру, выполнил внешнее обследование ныне всемирно известного кургана скифского времени Аржан-1, расположенного в «долине царей» на левой стороне р. Уюк (правобережье р. Пий-Хем). Он подробно описал его, а также произвёл 3 фотосъёмки на стеклонегативы – это была первая фотофиксация знаменитого в будущем погребального комплекса.

На основе выявленных авторских текстов и фотографий А.В. Адрианова обобщены и идентифицированы сведения об обследовании им памятников древнетюркской письменности. Установлено, что в 1915–1916 гг. в Туве он обследовал минимум 23 камня с рунической надписью (пронумеровал их в пределах V–XVII и XIX–XXIX), которые мною идентифицированы с опубликованными памятниками письменности.

Так, достоверно определено, что в 1915 г. А.В. Адрианов обследовал 6 камней с надписями:

V (Е-9, Кара-Суг), на правобережье р. Улуг-Хем, у нераскопанного А.В. Адриановым кургана на р. Саир;

VI (Е-64, Оттук-Даш-II или Элегест-II), на левобережье р. Улуг-Хем;

VII (Е-4, Оттук-Даш-I), на левобережье р. Улуг-Хем;

VIII/XI (Е-10, Элегест-I), на левобережье р. Улуг-Хем, у раскопанного кургана 18 могильника Чинге;

IX (Е-50, «Тувинская стела Б»), на левобережье р. Улуг-Хем, у раскопанного кургана 21 могильника Бай-Булун;

X (Е-51, «Тувинская стела Д»), на левобережье р. Улуг-Хем, у раскопанного кургана 22 могильника Бай-Булун.

В 1916 г. А.В. Адрианов обследовал 17 камней с надписями, основную часть которых удалось идентифицировать:

XI (Е-11, Бегре), на левобережье р. Бегре, у раскопанного кургана 34 могильника Бегре;

XII (Е-49, Бай-Булун-II), именно на левобережье р. Уюк;

XIII (Е-1, Уюк-Тарлак), на левобережье р. Уюк;

XIV (Е-2, Уюк-Аржан), на левобережье р. Уюк, в степи Коктон, у раскопанного кургана 54;

XV–XVI (Е-68, Эль-Бажи), на левобережья р. Улуг-Хем;

XVII (Е-42, «Памятник Минусинского музея», Бай-Булун-I), «Илихемская» – на правобережье р. Улуг-Хем, на р. Эйлиг-Хем;

XX (предположительно, Е-44, Кызыл-Чираа-II);

XXI (Е-43, Кызыл-Чираа-I), на правобережье р. Улуг-Хем;
XXII (предположительно, Е-45, Кёжээлиг-Хову), на правобережье Улуг-Хем, на р. Иджим (Эжим).

Исследование авторских материалов А.В. Адрианова об обследованных им в 1915–1916 гг. надписях выявило в итоге принципиальные разногласия со сложившимися в тюркской рунологии положениями относительно первоначального географического нахождения 5 памятников письменности. Отчётливо обозначилось и понимание археологом огромной исторической ценности обследованных им камней с надписями. Понимая опасность для их сохранности со стороны русского населения, А.В. Адрианов принял решение «не оставлять на месте ни одного такого памятника» [14], вывозить их из Тувы и до особого распоряжения Русского комитета временно базировать в Минусинском музее. Поэтому водным путём – на плотках вниз по р. Улуг-Хем (Енисей), традиционным для жителей Тувы ко времени полного сооружения Усинской колёсной дороги, он отправил в 1915–1916 гг. в Минусинск минимум 11 камней с надписями, которые в итоге так и остались в указанном музее. Также сплавом по реке, через Минусинск, А.В. Адрианов добирался домой в Томск, отбыв из Тапсинской усадьбы Сафьяновых 29 сентября 1916 г.

Заключение. Приоритетными для А.В. Адрианова в экспедиции 1915–1916 гг. в Туве были работы по археологии, успех проведения которых он предвидел ещё до отъезда туда, причисляя край к «району “колыбели человечества”» [15]. Исследованиями самого археолога и его последователей эти слова подтверждены сполна.

Выявление источников, связанных с последней экспедицией А.В. Адрианова, проводится в процессе всего многолетнего исследования, но часть из них, достоверно существовавших, до сих пор не обнаружена, включая массив авторских стеклофотонегативов. В ходе архивных разысканий попутно встречен значительный объём его сведений 1915–1916 гг. (включая отражённый фотографиями) об истории русского населения Урянхая, этнографии тувинцев (быт, хозяйство, праздник борьбы Улу-Наир, свадьба, Шага – празднование Нового года и пр.), истории ряда отдельных семей и личностей Урянхая. Все они, возможно, станут предметом специальных разысканий исследователей, увлечённых тувинской тематикой начала XX в.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект № 2059: Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект).

Примечания:

1. Дэвлет М.А. В минусинской ссылке. (К 75-летию со дня кончины А.В. Адрианова) // Археология Сибири: Историография и источники: Сб. науч. тр. Омск: Изд. Ом. гос. ун-та, 1996. С. 56.
2. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск: Изд-во научно-технической лит., 2004. 208 с.; и др.
3. Дэвлет М.А. О последней археологической экспедиции А.В. Адрианова (1915–1916 гг.) // Методология и историография археологии Сибири: Сб. науч. тр. Кемерово, 1994. С. 83–84; Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея: История изучения (XVIII – начало XX вв.). М., 1996. С. 213; и др.
4. Беликова О.Б., Вдовин А.С. «Завещание» А.В. Адрианова от 10 декабря 1919 г. о материалах его последней экспедиции (Тува, 1915–1916 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. Томск, 2009. № 324 (июль). С. 163–168.
5. Рудковская М.А. Томский период жизни С.И. Руденко // Тр. Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 13. С. 72; и др.
6. Адрианов А.В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува) / Подготовка к публикации О.Б. Беликовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 146 с.; и др.
7. Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину / Сост., публ. Н.В. Васенькин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 288 с. (Сибирский архив; Т. 3).
8. Малов С.Е. Новые памятники с турецкими рунами // Язык и мышление. М.; Л., 1936. Вып. 6–7. С. 251–279; Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.
9. Киселёв С.В. Неизданные надписи енисейских кыргызов // Вестн. древней истории. 1939. № 3 (8). С. 124–134.
10. Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.; и др.
11. Крюков В.М. Александр Адрианов: Последние годы. Томск: Изд-во научно-технической лит., 2004. 80 с.; и др.
12. Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестн. МГУ. Сер.: Историко-филологическая. 1958. № 4. С. 71 и др. Табл. II, 57, 70, 74; Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. 212 с.
13. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с. (Археология СССР: Свод археологических источников; Вып. ЕЗ-18).
14. [Адрианов А.В. Предварительный отчёт от 27 октября 1915 г. в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии об археологических исследованиях 1915 г. в Урянхайском крае] // Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук. Ф. 148. Оп. 1. Д. 80. Л. 54.

15. [Адрианов А.В. Письмо от 22 сентября 1914 г. из с. Ермаковского Л.Я. Штернбергу] // Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук. Ф. 148. Оп. 1. Д. 83. Л. 133–133 об.

References:

1. Devlet M.A. V minusinskoj ssylke. (K 75-letiju so dnja konchiny A.V. Adrianova) // Arheologija Sibiri: Istoriografija i istochniki: Sb. nauch. tr. Omsk: Izd. Om. gos. un-ta, 1996. S. 56.
2. Sagalaev A.M., Krjukov V.M. Potanin, poslednij jenciklopedist Sibiri: Opyt osmyslenija lichnosti. Tomsk: Izd-vo nauchno-tehnicheskoy lit., 2004. 208 s.; i dr.
3. Devlet M.A. O poslednej arheologicheskoy ekspedicii A V. Adrianova (1915–1916 gg.) // Metodologija i istoriografija arheologii Sibiri: Sb. nauch. tr. Kemerovo, 1994. S. 83–84; Devlet M.A. Petroglify Eniseja: Istorija izuchenija (XVIII – nachalo XX vv.). M., 1996. S. 213; i dr.
4. Belikova O.B., Vdovin A.S. «Zaveshhanie» A.V. Adrianova ot 10 dekabrja 1919 g. o materialah ego poslednej jekspedicii (Tuva, 1915–1916 gg.) // Vestn. Tom. gos. un-ta. Tomsk, 2009. № 324 (ijul'). S. 163–168.
5. Rudkovskaja M.A. Tomskij period zhizni S.I. Rudenko // Tr. Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2004. T. 13. S. 72; i dr.
6. Adrianov A.V. Dnevnik arheologicheskikh issledovanij 1915–1916 gg. v Urjanhajskom krae (Tuva) / Podgotovka k publikacii O.B. Belikovej. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008. 146 s.; i dr.
7. Adrianov A.V. «Dorogoj Grigorij Nikolaevich...»: Pis'ma G.N. Potaninu / Sost., publ. N.V. Vasen'kin. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2007. 288 s. (Sibirskij arhiv; T. 3).
8. Malov S.E. Novye pamjatniki s tureckimi runami // Jazyk i myshlenie. M.; L., 1936. Vyp. 6–7. S. 251–279; Malov S.E. Enisejskaja pis'mennost' tjurkov: teksty i perevody. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 116 s.
9. Kisel'jov S.V. Neizdannye nadpisi enisejskikh kyrgyzov // Vestn. drevnej istorii. 1939. № 3 (8). S. 124–134.
10. Devlet M.A. Aleksandr Vasil'evich Adrianov (k 150-letiju so dnja rozhdenija). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004. 68 s.; i dr.
11. Krjukov V.M. Aleksandr Adrianov: Poslednie gody. Tomsk: Izd-vo nauchno-tehnicheskoy lit., 2004. 80 s.; i dr.
12. Kyzlasov L.R. Jetapy drevnej istorii Tuvy (v kratkom izlozhenii) // Vestn. MGU. Ser.: Istoriko-filologicheskaja. 1958. № 4. S. 71 i dr. Tabl. II, 57, 70, 74; Kyzlasov L.R. Istorija Tuvy v srednie veka. M.: MGU, 1969. 212 s.
13. Kyzlasov I.L. Askizskaja kul'tura Juzhnoj Sibiri X–XIV vv. M.: Nauka, 1983. 128 s. (Arheologija SSSR: Svod arheologicheskikh istochnikov; Vyp. E3-18).
14. [Adrianov A.V. Predvaritel'nyj otchjot ot 27 oktjabrja 1915 g. v Russkij komitet dlja izuchenija Srednej i Vostochnoj Azii ob arheologicheskikh issledovanijah 1915 g. v Urjanhajskom krae] // Sankt-Peterburgskij filial arhiva Rossijskoj Akademii nauk. F. 148. Op. 1. D. 80. L. 54.
15. [Adrianov A.V. Pis'mo ot 22 sentjabrja 1914 g. iz s. Ermakovskogo L.Ja. Shternbergu] // Sankt-Peterburgskij filial arhiva Rossijskoj Akademii nauk. F. 148. Op. 1. D. 83. L. 133–133 об.

УДК 902/904(571.52)

Последняя экспедиция сибиряка А.В. Адрианова (Тува, 1915–1916 гг.)

Ольга Борисовна Беликова

Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, Томская область, г. Томск, пр. Ленина, 36
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-mail: bob@mail.tsu.ru

Аннотация. В статье представлены итоги изучения археологической деятельности сибирского общественного деятеля и учёного А.В. Адрианова (1854–1920) в его последней экспедиции. Она состоялась в 1915–1916 гг. в бассейне верхнего течения р. Енисей – в Туве (Урянхайский край). Результаты успешных полевых разысканий сам археолог не успел обобщить и опубликовать – погиб в 1920 г. по необоснованному приговору большевиков. Восстановлена предыстория экспедиции, содержание археологических раскопок и разведок, история поступления их материалов в хранилища, биография учёного последних лет жизни. Обобщены и идентифицированы сведения об обследовании А.В. Адриановым 23 памятников древнетюркской письменности. Введены в научный оборот данные о новых источниках.

Ключевые слова: А.В. Адрианов; экспедиция 1915–1916 гг.; Тува (Урянхайский край); археология; научное завещание.

UDC 94

Gas Attack of the German Troops in Ikskyulsky Fortified Area: Documents Testify

Vladimir V. Korovin

Southwest State University, Russian Federation
305040, Kursk, 50 let oktyabrya street, 94
Doctor (History), Professor
E-mail: vlavikor@yandex.ru

Abstract. World War I has become the main testing area for test and application of the latest types of weapons, including such type of weapons of mass destruction as chemical. Despite rather detailed description of poison gases use on the battlefields in works of the military experts, newly revealed documentary sources allow to capture the public attention both to operational and tactical results of their impact and to social and humanitarian consequences of the appeal to similar methods of war. The specified circumstance gains special relevance in the modern geopolitical situation.

The publication is based on the documents introduced into scientific use for the first time, gained in funds of the Russian state military and historical archive. Behavioral features of the staff of the military units, caught by gas attack of the German troops on Ikskyulsky bridgehead on September 25, 1916 are revealed in the article.

Keywords: World War I; Zapadnaya Dvina; infantry regiment; gas attack; strengthening; island; gas mask; machine gun; losses; battalion.

Введение. Первая мировая война стала основным полигоном для испытания и применения новейших видов вооружения, в том числе такого вида оружия массового поражения – как химическое. Несмотря на достаточно подробное освещение проблемы использования отравляющих веществ на театрах боевых действий в трудах военных специалистов, вновь открываемые исследователями документальные источники позволяют обратить внимание общественности не только на оперативно-тактические результаты их воздействия, но и на социально-гуманитарные последствия обращения к подобным методам ведения войны. Указанное обстоятельство приобретает особую актуальность в современной геополитической ситуации.

Материалы и методы. Основными источниками для подготовки данной публикации стали материалы, выявленные автором в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Дополнительная информация об описываемых событиях получена из материалов периодической печати.

Автором использовались проблемно-хронологический метод, позволивший изучить проблему исследования в последовательном развитии, и структурно-функциональный метод, способствовавший определению основных направлений работы органов военного управления и характер их влияния на ход изучаемых событий.

Результаты. К концу 1915 г. Россия потеряла Польшу, Курляндскую губернию, а немцы стояли у Риги. В 1916–1917 гг. войска Северного фронта не предпринимали активных действий: отдельные операции проводились лишь в контексте других событий и обычно не вели к серьезному изменению линии фронта. Так, в марте 1916 г. в районе Двинска была предпринята неудачное наступление, которое вместе с боями у оз. Нарочь должно было отвлечь внимание германцев от боев у Вердена. Летом 1916 г., когда на юге армии Брусилова прорывали австрийские линии обороны, Северный фронт оставался преимущественно пассивным [1].

Тем не менее, осенью 1916 г. в боевой биографии частей 44-й пехотной дивизии, входившей в состав XXI армейского корпуса 12-й армии Северного фронта, произошли, пожалуй, самые трагические за весь период Первой мировой войны события. В это время 173-й и 174-й пехотные полки занимали оборонительные позиции в Икскульском предместном укрепленном районе на берегу реки Западная Двина.

Известный военный ученый А.Н. Де-Лазари в исследовании «Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг.» так описывал произошедшее: «Химическая атака германских войск в районе Икскуля 25 сентября 1916 г. началась в 4 час. 25 мин. Передовые наблюдатели 173-го пехотного полка дали сигналы лишь тогда, когда слышали шипение газа и шум в германских окопах. Поэтому противогазы были надеты с некоторым опозданием, когда волна газа захватила передовые окопы, а затем острова Голый и Лесистый. Одновременно с выпуском газа германские войска открыли заградительный огонь химическими снарядами в тылу Икскульского укрепления по правому берегу Западной Двины и в районе озера Лебедино» [2].

Вслед за первой волной противник повел наступление силой до двух батальонов на всю предместную позицию. Оно было прекращено сильным огнем заранее пристрелянных пулеметов и

артиллерии. В 5 час. 15 мин. с германских позиций была выпущена вторая волна газа из тех же пунктов.

Движение газа было замечено, поэтому часть тяжелых батарей обрушилась как на пункты выпуска, так и на облака газа с целью их разрежения. Эта волна прошла через русские укрепления, заполняя окопы и ходы сообщения. Около 6 часов утра противник выпустил третью волну, удлинив фронт атаки (перед позициями 176-го Переволоченского пехотного полка). За второй и третьей волнами газа были предприняты попытки произвести новые атаки, но и они были отбиты пулеметами и артиллерией. В течение дня наиболее пострадавшие подразделения были заменены. Так, на смену 4-му батальону 173-го полка заступил 2-й батальон. На правом участке укрепрайона все роты полка сменили бойцы 2-го Рижского батальона.

К вечеру 26 сентября потери частей 44-й пехотной дивизии исчислялись: 811 тяжело отравленных и 272 умерших[3]. Значительное число жертв было вызвано элементом неожиданности атаки и слабым эффектом марлевой повязки (рассчитанной на хлор и синильную кислоту), которой снабжались бойцы. Противогазом Зелинского-Кумманта, оказавшим гораздо больший эффект защиты, обеспечивались лишь офицеры, унтер-офицеры и разведчики[4].

Детальную информацию об обстоятельствах применения противником химического оружия и особенностях поведения военнослужащих русской армии, столкнувшихся с необходимостью противостоять малоизвестным средствам борьбы, содержит приказ по 44-й пехотной дивизии от 26 сентября 1916 г. № 408/200. Начальник дивизии генерал-лейтенант Я.К. Цихович отмечал: «Газовая атака, предпринятая по Каменецкому полку, вызвала большие жертвы. Отправившись 26 сентября вечером на предместную позицию, я по пути встречал много отравленных одиночных людей и партий, и со многими говорил. Выясняются следующие основные причины больших потерь: 1) Газ, по заключению врачей – фосген. Марлевая повязка от него не спасает. Масок же Кумманта-Зелинского в полку было мало. Многие мне говорили, что маску надели, но она газ пропускала.

2) Масса людей не успела надеть масок. Неприятель пустил газ с участков, сближенных с нашими окопами на 150-200 шагов. Газ обнаружен был тотчас не только секретами, но и доблестными офицерами, бывшими в эту ночь на разведке впереди своих проволочных заграждений. С заставы у Бунча выпущена была красная ракета. Тем не менее, от реки Двины, что сзади позиции, шла такая сильная тяга, что газ быстро распространялся по окопам и ходам. Газовых атак было три с промежутком по полчаса».

Вернувшиеся накануне вечером с работ по оборудованию оборонительных сооружений военнослужащие, расположились по убежищам и крепко уснули. Убежища для укрытия от перекрестного артиллерийского огня, поражающего предместную позицию, частично были устроены в каменоломнях. Несмотря на наличие дневальных у каждой пирамиды с ружьями, газ так быстро распространился по каменоломням, что дневальные не успели сразу разбудить всех спавших солдат.

В начавшейся после объявления тревоги суете, от каждого бойца требовалось практически на ощупь развязать узелок шнурка, которым перевязывалась сумка с защитной маской старого образца. По свидетельствам очевидцев сделать это дрожащими от волнения руками было непросто. Между тем, фосген все сильнее оказывал отравляющее воздействие на личный состав. Военнослужащие, имевшие маски Зелинского, надевая средства защиты, так же успели вдохнуть газ, поэтому даже среди них оказались легко отравленные.

Командир 173-го пехотного Каменецкого полка генерал-майор С.И. Кулешин, которому приходилось делать по телефону распоряжения и отвечать на вопросы, вынужден был поднимать маску, чтобы его голос был услышан при артиллерийской канонаде. В результате его самочувствие стало резко ухудшаться, но генерал продолжал работать. В подобном положении находились и другие начальствующие офицеры и нижние чины. Отдавать громко приказания через противогаз невозможно. Поэтому многие из самопожертвования их снимали: «Истинный герой подпоручик Вавилов не надел маски только потому, чтобы голосом поддержать среди вверенной ему роты порядок. Теперь этот доблестный офицер мучается почти в безнадежном положении».

К сожалению, среди военнослужащих оказались и те, кто не имел противогазов. К их числу, прежде всего, относились недавно вернувшиеся из командировок солдаты и офицеры. Средства индивидуальной защиты отсутствовали у подпоручика Вавилова, штабс-капитана Разумова и штабс-капитана Яновского. Указанные офицеры накануне ночью выдвинулись вперед проволочных заграждений для разведки передовых позиций противника. Чтобы железный футляр не блестел в отражении лунного света, демаскируя разведчиков, противогазы пришлось оставить в расположении. В результате отравления, штабс-капитан Разумов скончался, а штабс-капитан Яновский находился в безнадежном состоянии.

Несмотря на большие жертвы, 173-й пехотный полк отстоял вверенный ему участок. Противник выпускал ядовитые газы со стороны м. Бунч и по обе стороны от него. Но застава у Бунча, находившаяся в 300 метрах от газовых баллонов, осталась на месте. И эту, выдававшуюся вперед точку обороны, войнам полка удалось удержать за собой.

Признавая заслуги личного состава 173-го пехотного полка в отражении газовой атаки, начальник дивизии констатировал: «Враг рассчитывал на нашу растерянность от сильных волн газа, пущенных трижды в разных местах, и думал заработать позицию голыми руками, это доказывает его

сильный заградительный огонь химическими снарядами по ближнему тылу и нашей артиллерии, и тяжелыми – по более удаленным тылам. Наша оборона выстояла, прежде всего, благодаря коренной доблести славного Каменецкого полка в полном составе его господ офицеров и нижних чинов во главе с командиром генерал-майором Кулешиным; к самоотверженной работе наших героев-пулеметчиков; искусству и доблести нашей легкой и тяжелой артиллерии и применению полком разных мер к парализации газов, между прочим, соломенных костров, сделанных в виде жгутов на палке и выбрасываемых через окоп. Эти костры, по свидетельству участников, принесли большую пользу».

Генерал-лейтенант Я.К. Цихович в приказе частям дивизии приводил и другие примеры мужества подчиненных, выражая искреннюю благодарность представителям отдельных подразделений: «Один из отравленных мне с увлечением рассказывал, что его 12-я рота выпустила 24 тысячи патронов по немцам. Офицер, посланный командиром полка в окопы, видел, как нижние чины, отравленные газами, еле держались на ногах, со слезящимися глазами, отплеывая рвоту, не покидали своих мест у бойниц, и продолжали стрелять по наступающим.

Кроме пехоты и артиллерии, большое отличие оказали понтонеры, поправлявшие мост, постоянно разрушаемый огнем, и занятые перевозкой под огнем через Двину эвакуированных. Неразлучные друзья пехоты саперы и прожектористы, каждый по своей специальности внесли свой труд в общее дело обороны предмостной позиции. Скромные достойные труженики телефонисты самоотверженно чинили провода под сильнейшим огнем, и благодаря этому связь работала так хорошо, что минуты не было, чтобы я не знал о том, что делается на предмостной позиции. О каждой новой волне знал я, о каждой атаке.

Наконец, не могу обойти молчанием самоотверженную работу скромных достойных тружеников – младших врачей полка Минкина и Штрейса и добровольца сестру милосердия Земгора М.И. Рецикову, в волнах удушливого газа, под артиллерийским огнем и после атаки, весь день, не зная усталости, оказывавших помощь раненым и отравленным. При больших потерях этот персонал представлен был собственным силам, так как вследствие полного перерыва связи весь день между обоими берегами от артиллерийского огня, медицинскую помощь на левый берег удалось подать только вечером»[5].

Во время отражения ночной газовой атаки противника на Иксюльское предмостное укрепление совершил подвиг рядовой 173-го пехотного полка телефонист Василий Китаев, положивший «душу свою за други своя». Почувствовав по запаху первым надвигавшиеся ядовитые газы, и обеспокоенный за безопасность своих товарищей, отдохавших в землянках, он, не желая терять времени на надевание противогаза, что могло помешать ему быть услышанным, бросился самоотверженно к землянкам. Добежав до них, успел крикнуть громко: «Газы! Маски!» Разбудив товарищей, упал и умер «смертью храбрейших из храбрых».

Командующий армией генерал от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриев в приказе по войскам XII армии № 747 от 29 сентября 1916 г. отмечал: «С чувством благоговения преклоняюсь перед памятью доблестного Китаева. Он совершил высший из подвигов, возможных для солдата. Презирая личную опасность и смерть, он, прежде всего, подумал о спасении товарищей и многие обязаны ему своей жизнью.

Да будет тебе земля пухом, доблестный воин, а Каменецкий полк да сохранит память о нем навсегда. Пусть память о Китаеве будет гордостью для славного полка. Надеюсь, что молодцы-каменцы, в среде которых воспитался Китаев, сумеют при случае жестоко наказать злого врага за гибель своего героя и других павших при этой атаке своих товарищей.

Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и отдельных командах. Командиру полка известить старосту деревни, где родился покойный, о геройском его подвиге, дабы родители и односельчане гордились им. Семье павшего героя переслать сто рублей – единовременного пособия и дарованный ему Георгиевский крест»[6].

Описание ситуации, сложившейся в Иксюльском укрепрайоне накануне и в ходе газовой атаки германских войск, существенно дополняется сведениями из журнала военных действий артиллерийской группы 44-й пехотной дивизии. 24 сентября 1916 г. 1-я батарея в ответ на выстрелы противника выпустила по целям 48 гранат. Батарея пристрелялась по руслу Двины, выпустив 8 гранат и 12 шрапнелей. По приказанию командира 173-го пехотного полка генерала С.И. Кулешина, батареи 2-го дивизиона в 14 час. 40 мин. открывали огонь по проволочным заграждениям с целью проделать в них бреши, чтобы дать возможность пехоте ночью взять пленных. Во исполнение этого приказа 1-я батарея выпустила 130 гранат. В результате стрельбы опорные кольца на некоторых участках были выбиты, проволока повреждена и разбита на небольшом протяжении. 5-я и 6-я батареи по проволочному заграждению выпустили 406 гранат, проволока оказалась сильно повреждена.

25 сентября в 4 час. 30 мин. на дивизионном наблюдательном пункте находился командир 5-й батареи капитан Турбин, который получил известие о выпуске газов от командира полка и офицера-наблюдателя подпоручика Занько, находившегося на предмостном укреплении. Получив сообщение о вражеской атаке, командир 5-й батареи отдал приказание немедленно открыть огонь всеми батареями дивизиона по участкам, из которых выпускались газы, и руководил работой

артиллерии до тех пор, пока на пункты не прибыли командиры батарей. Капитан Турбин, находясь на командном пункте, который обстреливался ураганным огнем тяжелой артиллерии удушливыми снарядами, все время лично передавал приказания на батареи, снимая для этого маску, препятствовавшую передаче голосовых команд. Наблюдатель Мартыненко и телефонист Зинченко находились вместе с командиром 5-й батареи на пункте, стали свидетелями полного пренебрежения к опасности смерти со стороны капитана Турбина, воодушевлявшего их личным примером к такой же самоотверженной работе.

Около 5 час. 30 мин. капитан Турбин почувствовал головокружение, появились признаки отравления. С помощью разведчика, лившего воду ему на голову, капитан Турбин, пересиливая нездоровье, до конца боя оставался на своем посту и руководил огнем батарей. В течение всего боя батареи осыпались снарядами и осколками. И номера при орудиях работали в облаках газов.

От непрерывной стрельбы и громадного количества выпущенных патронов, орудия накалялись до крайней степени, срез муфты отходил от упорного кольца на большое расстояние. При каждом орудии работало не более 4 человек, остальным приходилось подносить снаряды, и эти номера в условиях крайне тяжелых, под непрерывным огнем тяжелых снарядов, в облаках газов, вели быструю и энергичную стрельбу во все время боя[7].

Как следует из журнала военных действий 173-го пехотного полка, «26 сентября утром приехали первые исследователи газовой атаки: офицер химической команды и чиновник, поделившийся с нами своим «научным» опытом. Оба они соглашались, что Иксколь – идеальное место для выпуска немецких газов.

Вечером приехала комиссия генерала с врачом и капитаном Генерального штаба, и с ними шикарный лейтенант с безукоризненным пробором, интересовавшимся участью «флота». Флот большей частью стал подводным достоянием. Затонуло 2 катера и несколько лодок, разбитых немецкой артиллерией. Комиссия опросила очевидцев газовой атаки. Были допрошены командир полка генерал-майор Кулешин, подпоручик Никольский и доктор Штрейс.

Капитану Попову было поручено вести комиссию в окопы и каменоломни, где она пожелала найти «запах газа». Грязь ходов сообщения и лакированные сапоги были причиной того, что капитан Генерального штаба очень скоро почувствовал «характерный» запах и все благополучно вернулись обратно. Настроение не приподнятое, напряженное, все ждут повторения газовой атаки, и это родило молчание тревоги»[8].

Напряженность обстановки поддерживалась периодически поступающими сигналами тревоги и усилением обстрела левого берега Двины. По мнению самих военнослужащих, страха перед новой газовой атакой уже не было. Уверенности придавало и появление в расположении войск необходимого числа противогазов, которые 25 сентября вечером, под сильным обстрелом противника, были доставлены полковым музыкантом Болофовским.

27 сентября 173-й полк, потерявший значительную часть личного состава, должны были сменить воины 175-го пехотного Батурицкого полка, но они приняли занимаемые Каменецким полком позиции лишь на следующий вечер. А 28 сентября на участок 4-й роты 173-го пехотного полка вышли два немецких солдата, которые были захвачены ротным секретом. Перебежчики – эльзасцы показали, что они из 129-го активного полка 105-й пехотной дивизии. Их часть прибыла сюда в августе из Галиции после пополнения. Пленные сами были переведены в полк неделю назад из 175-го запасного батальона. О газовой атаке они показали следующее: «Боясь нашей атаки, немцы решили сбросить нас в Двину 25 сентября, чтобы предупредить наше наступление. Выпустили не весь газ, так как у них произошел беспорядок вследствие нашей стрельбы. Неизрасходованные баллоны хранятся в окопах под мешками с землей, причем против нашего левого фланга баллоны в 30 метрах от реки у Пильверса»[9].

Командование дивизии пыталось предпринять дополнительные меры для предотвращения тяжелых последствий в случае повторения подобных нападений противника. Так, приказом по 44-й пехотной дивизии № 409/203 от 28 сентября 1916 г., в дополнение к красным ракетам и сигнальщикам для оповещения о газовой атаке, командиру 175-го пехотного полка предписывалось «немедленно купить и поставить на предместной позиции три колокола (по одному за правым флангом, центром и левым флангом)». То же предлагалось исполнить командирам 174-го и 176-го пехотных полков, купив по 2 колокола на каждый ротный участок. У колоколов должны были находиться постоянные посты: «Заметив красные ракеты, услышав тревогу, посты эти бьют набат непрерывно, пока все не наденут масок»[10].

Заключение. Образцы мужества и героизма, проявленные воинами 44-й пехотной дивизии при отражении газовой атаки противника 25 сентября 1916 г., заслуживают не только внимания исследователей, но и требуют бережного сохранения исторической памяти о них. Как хранится она потомками рядового Егора Ивановича Морозова, родившегося в 1883 г. в селе Павловка Обоянского уезда Курской губернии. Попав под химическую атаку, он получил серьезные повреждения здоровья: тело было покрыто пигментными пятнами, пострадали голосовые связки – сильный голос остался на всю жизнь. Об этом помнит его правнук, майор в отставке В.Ф. Морозов и его родственники.

Память о погибших хранит и Воинское братское кладбище, находящееся юго-восточнее посёлка Пикальне (Pikalne) края Саласпилс (Salaspils novads) Рижского района (Rīgas rajons) Латвии. 1 августа

2014 г. на территории военного городка в Курске, из которого летом 1914 г. уходили на фронт части 44-й пехотной дивизии, открыта мемориальная доска. Волею судьбы именно здесь ныне дислоцируются подразделения бригады радиационной, химической и биологической защиты.

Примечания:

1. Пахалюк К.А. Первая мировая в прибалтийских странах: сражения и память // http://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/07/bcc3fbebfbdb2d6d1ba0bf61305e71b25cb97816.pdf. С. 4.
2. Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914-1918 гг. // http://www.supotnitskiy.ru/book/book5_prilogenie10.htm
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2787. Оп. 1. Д. 151. Л. 1-18.
4. РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 38. Л. 9-9-об.
5. РГВИА. Ф. 3720. Оп. 1. Д. 18. Л. 19-19-об.
6. РГВИА. Ф. 3720. Оп. 1. Д. 18. Л. 21-21-об.
7. РГВИА. Ф. 3720. Оп. 1. Д. 19. Л. 9-10.
8. РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 38. Л. 11.
9. РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 38. Л. 12-об.
10. РГВИА. Ф. 3720. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.

References:

1. Pakhalyuk K.A. Pervaya mirovaya v pribaltiiskikh stranakh: srazheniya i pamyat' // http://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/07/bcc3fbebfbdb2d6d1ba0bf61305e71b25cb97816.pdf. S. 4.
2. De-Lazari A.N. Khimicheskoe oruzhie na frontakh Mirovoi voiny 1914-1918 gg. // http://www.supotnitskiy.ru/book/book5_prilogenie10.htm
3. RGVIA. F. 2787. Op. 1. D. 151. L. 1-18.
4. RGVIA. F. 2787. Op. 1. D. 38. L. 9-9-ob.
5. RGVIA. F. 3720. Op. 1. D. 18. L. 19-19-ob.
6. RGVIA. F. 3720. Op. 1. D. 18. L. 21-21-ob.
7. RGVIA. F. 3720. Op. 1. D. 19. L. 9-10.
8. RGVIA. F. 2787. Op. 1. D. 38. L. 11.
9. RGVIA. F. 2787. Op. 1. D. 38. L. 12-ob.
10. RGVIA. F. 3720. Op. 1. D. 18. L. 24.

УДК 94

**Газовая атака германских войск на Иксюльский укрепрайон:
документы свидетельствуют**

Владимир Викторович Коровин

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: vlavikor@yandex.ru

Аннотация. Первая мировая война стала основным полигоном для испытания и применения новейших видов вооружения, в том числе такого вида оружия массового поражения – как химическое. Публикация подготовлена на основе впервые вводимых в научный оборот документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива. В статье раскрываются поведенческие особенности личного состава частей, оказавшихся в эпицентре газовой атаки германских войск, обрушившейся 25 сентября 1916 г. на Иксюльское предместное укрепление.

Ключевые слова: Первая мировая война; Западная Двина; пехотный полк; газовая атака; укрепление; остров; противогаз; пулемет; потери; батальон.

UDC 94(470.323)

The Development of Peasant Household in the Kursk Province during the Revolutionary Events of 1917 and the Civil War

Andrey A. Kolupaev

Southwestern State University, Russian Federation
305040, Kursk, October 50, 94
PhD (History), Associate Professor
E-mail: kolupaev79@mail.ru

Abstract. The article is concerned with the integrated study of certain elements of a peasant household in the Kursk Province during the revolutionary events of 1917 and the Civil War on the basis of the unresearched sources. The article studies labor forces and the activities of peasant population, land ownership and land management, the level of material and technical basis, farm production. The author concludes that failures of reforms, establishment of a state trade monopoly resulted in the reduction of crop yields, decrease in cultivated areas and livestock. After October 1917 the crisis of industry and inflation contributed to further decrease in farm production, as a result peasant household became natural.

Keywords: peasant farm; labor forces; activities of population; land ownership; land management; material and technical basis; farm production.

Введение. Перманентно переживаемые Россией потрясения политического, экономического, мировоззренческого характера возрождают интерес к историческому пути, пройденному страной. Одной из главных тем исторической науки остается тема революций февраля и октября 1917 года и гражданской войны в России. Наряду с научным интересом история «разлома» 1917 года имеет актуальное общественное звучание и продолжает оставаться предметом научных и общественных дискуссий, критерием политического и мировоззренческого позиционирования россиян.

Несмотря на широкую освещенность темы, проблема крестьянства в условиях расширяющегося властного вакуума осталась вне поля зрения историков. Ученые ограничивались лишь фрагментарным изучением крестьянского хозяйства отдельных районов России в контексте освещения военно-коммунистических методов политики большевиков. В то же время Курская губерния является в силу своего географического расположения важнейшим регионом с точки зрения понимания проблем крестьянства России.

Состояние научной разработанности темы (отрывочность, определенная недоговоренность и пр.) определяют значимость проблем изучения таких вопросов как трудовые ресурсы и занятия крестьянского населения в период революционных событий 1917 года и гражданской войны, поземельные отношения, материально-техническая база сельского хозяйства и сельскохозяйственное производство.

Результатом исследования должно стать комплексное исследование исторического опыта развития крестьянского хозяйства Курской губернии на переломном этапе российской истории – в годы революционных событий 1917 года и гражданской войны.

Материалы и методы. В основу предлагаемой статьи легли непечатные и печатные архивные источники. Наибольшей ценностью и разнообразием обладает информация, почерпнутая в фондах Государственного архива Курской области. Вторую группу источников составили печатные материалы Курского губернского статистического бюро. Привлеченный круг источников отличается необходимым разнообразием информации и обеспечивает получение достоверных данных о развитии крестьянского хозяйства Курской губернии в период революционных событий и гражданской войны.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, классификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный, статистический и типологический.

Обсуждение. В истории возникновения в отечественной науке исследуемой проблемы выделяются два временных периода: «советский» (1920-е – 1980-е гг.) и «постсоветский» (1990-е гг. – 2000-е гг.). Согласно советской историографической традиции крестьянское хозяйство в годы революций и гражданской войны находилось в упадке, не демонстрировало признаков роста, большинство крестьян «пошло в революцию». Кардинальные перемены историографической ситуации произошли в начале 1990-х гг. Благодаря работам современных авторов Т. Шанина, А.Н. Медушевского, А.А. Куренышева В.И. Михеева, С.В. Федорова, С.В. Фелелова началось историософское переосмысление вопросов, связанных с социальной ситуацией в российской деревне.

Аграрная политика и аграрные отношения российской деревни были подвергнуты детальному историографическому анализу в трудах В.П. Данилова, Г.И. Шмелева, М.Л. Родикова. Проблема использования военно-коммунистических методов в деревне поднималась в работах крупного исследователя аграрной истории В.В. Кабанова. Региональные исследования ученых (А.Я. Переверзев, Е.К. Введенский, О.Н. Мигущенко, Н.Г. Кононов), несмотря на количественный рост с разной степенью изученности, по-прежнему, отражают жизнедеятельность крестьян Курской губернии в период революционных событий 1917 года и гражданской войны лишь попутно [1, с. 11-16]. Комплексный анализ состояния крестьянских хозяйств Курской губернии и занятий крестьянского населения накануне и в годы революций 1917 года и гражданской войны отсутствует. В то же время подобное обобщающее исследование крестьянства Европейского Севера на переломном этапе истории было успешно проведено известным ученым В.А. Саблиным [2].

Накануне Февральской революции 1917 года крестьянские хозяйства Курской губернии располагали необходимыми людскими трудовыми ресурсами. В курской деревне наблюдался даже значительный избыток рабочих рук. Для обработки 2384 тыс. десятин крестьянской пашни было достаточно 198,7 тыс. работников, тогда как в полевых работах 1917 года принимало участие 387,5 тыс. мужчин (т.е. в 1,5 раза больше необходимого количества). Сказывалась огромная перенаселенность губернии. Недосток рабочих рук наблюдался только в хозяйствах с семьями, состоящими из 1-3 человек (11,9% от общей численности хозяйств) [3].

Крестьянское хозяйство сумело приспособиться к условиям Первой мировой войны. Сократился отход на дальние промыслы, часть крестьянских хозяйств, испытывавших недостаток рабочих рук, сдавала свои участки в аренду.

После революционных событий октября 1917 года и заключения Брестского мира большая часть курских крестьян, принимавших участие в Первой мировой войне, вернулась в свои деревни. Вводимая большевиками политика «военного коммунизма» способствовала сокращению сельскохозяйственного производства в крестьянских хозяйствах. Сокращению подверглись и все виды крестьянских промыслов. Так, если в 1917 году общая численность крестьянских хозяйств с промыслами составляла 72 733 хозяйства (17,2 % от общей численности всех хозяйств), с населением 115 тыс. человек, то в 1920 году общая численность крестьянских хозяйств с промыслами составляла 41 964 хозяйства (9,4 % от общей численности крестьянских хозяйств) с населением 91 тыс. человек [4].

Все это еще больше увеличило избыток трудовых ресурсов в курской деревне. Многие крестьяне включились в политическую борьбу, ведя активное сопротивление политике, проводимой советской властью, отказываясь служить в Красной армии.

Население Курской губернии за годы революций и гражданской войны с учетом естественного прироста сократилось на 277 тыс. человек. Но, несмотря на это, крестьянское хозяйство Курской губернии к марту 1921 года имело значительный избыток трудовых ресурсов. По данным переписи населения 1920 года, численность мужского наличного приписного крестьянского населения в рабочем возрасте составила 432,2 тыс. человек, т.е. выросла с 1917 года на 173 тыс. человек (40 %), что еще больше увеличило избыток рабочих рук и нашло отражение в попытках курских крестьян переселиться в другие регионы страны [5].

К февралю 1917 года произошло значительное увеличение землевладения крестьянских хозяйств Курской губернии. Накануне февральских революционных событий 1917 года 2 млн 984 тыс. десятин земли (77,1 %) в Курской губернии принадлежало крестьянам и только лишь 885 тыс. десятин земли (22,8 %) было собственностью владельцев, не являвшихся крестьянами [6].

После Февральской революции 1917 года были сделаны попытки со стороны части населения и некоторых представителей местных органов власти ликвидировать хозяйства крестьян-собственников.

В результате произошедшей после октября 1917 года аграрной революции изменился характер землевладения и землеустройства. После принятия декретов «О земле» и «О социализации земли» различные формы частной собственности на землю, в том числе и общинная, были ликвидированы, и вся она стала принадлежать государству. Произведенное уравнильное распределение земли из-за недостатка земельных ресурсов в Курской губернии не привело к увеличению крестьянских наделов, которые в годы гражданской войны подвергались частым переделам, что в свою очередь отрицательно сказывалось на сельскохозяйственном производстве.

Прибавка земли на каждого крестьянина в губернии составила в среднем 0,1 десятины. В то же время внутри уездов эта цифра не была одинаковой. В Корочанском уезде крестьяне получили по 0,1 десятины, а в Рыльском – по 0,3 десятины. Колебалась по уездам и величина земельных наделов. В Корочанском уезде на одного человека в 1919 году приходилось 0,8 десятины, а в Тимском – 1,4 десятины. В то время как, по подсчетам специалистов, для нормального сельскохозяйственного цикла требовалось не менее 10 десятин на крестьянский двор. За годы революций и гражданской войны увеличилось количество хозяйств без земли. Так, если в 1917 году таких хозяйств было 3 534, то в 1920 году – 10 485 (почти в три раза больше) [7].

Во время оккупации части территории губернии немецкими войсками в 1918 году права земельных собственников были восстановлены. В период контроля губернии Вооруженными силами

Юга России белые сделали попытку вернуть частную собственность на землю. Однако начавшаяся реализация этих планов была прервана военными поражениями деникинцев [8].

Накануне Февральской революции 1917 года половина (50,1 %) крестьянских хозяйств Курской губернии обладала улучшенным сельхозинвентарем. Снабжение крестьянских хозяйств сельхозинвентарем замедлили события Первой мировой войны [9, с. 58-59].

Несмотря на значительные военные мобилизации крестьянские хозяйства Курской губернии обладали необходимой численностью рабочего скота. В 1917 году достаточным для проведения полного цикла работ на крестьянских полях было 198,7 тыс. лошадей. В то же время в ходе переписи 1917 года было зарегистрировано 478 тыс. лошадей рабочего возраста, принадлежавших крестьянам. Таким образом, почти 58,5 % взрослого конского поголовья в курской деревне было избыточным [10].

В годы революций и гражданской войны материально-техническая база крестьянских хозяйств существенно ослабла, так как принятый большевиками декрет о монопольном распределении сельскохозяйственного инвентаря в условиях огромного сокращения отечественной промышленности и полного отсутствия импорта не мог гарантировать обеспечение крестьянских хозяйств сельскохозяйственным инвентарем. Кроме того, даже тот незначительный сельхозинвентарь, который поступал в распоряжение государства, направлялся, как правило, в коллективные и советские хозяйства.

Сократилась численность рабочего скота, в первую очередь вследствие военно-конской повинности. Вместе с тем в индивидуальных крестьянских хозяйствах на всем протяжении исследуемого периода имелось достаточное количество рабочего скота. В 1920 году в крестьянских хозяйствах было 378,3 тыс. рабочих лошадей (79,1% от показателя 1917 года). Несмотря на сокращение к 1920 году общей численности рабочего скота, избыток рабочих лошадей в крестьянских хозяйствах продолжал сохраняться, так как ликвидация частного землевладения не привела к значительному увеличению площади крестьянских наделов. Кроме того, в годы революций и гражданской войны произошло уменьшение площади крестьянских посевов (на 267,7 тыс. десятин, или на 15,9% от уровня 1917 года), что также освобождало от работы большую часть рабочего скота [11].

За годы революционных событий и гражданской войны резко изменились показатели распределения рабочего скота между крестьянскими хозяйствами. Уничтожение крепких крестьянских хозяйств в ходе большевистских аграрных преобразований, военные мобилизации во время гражданской войны привели к ликвидации многолошадных хозяйств и к увеличению численности безлошадных хозяйств в курской деревне к 1921 году. Эти же причины вызвали сокращение на 13,6% численности двухлошадных хозяйств. Единственной увеличившейся на 26,5 % категорией хозяйств были однолошадные хозяйства [12]. Эти данные свидетельствуют об огромном падении производственной базы индивидуального крестьянского хозяйства губернии в 1917–1921 гг., так как «в Курской губернии плужная упряжка требует рабочей силы более одной лошади, кроме того, расстояние полей от усадьбы настолько значительно, что требует парной упряжки для вывоза хлеба, того же требует и пересеченный рельеф» [13, с. 22]. Такое распределение численности рабочего скота указывало на «обеднячивание» курской деревни к 1921 году.

Отрицательную роль в снижении материально-технической базы крестьянских хозяйств Курской губернии также сыграла ликвидация земств, кооперации, помещичьих и крепких крестьянских хозяйств, которые способствовали увеличению количества усовершенствованного инвентаря, улучшению качества рабочего скота, посевного материала. Так, например, с развалом агрономической службы, при отсутствии рынков и помещичьих экономий прекратилась практиковавшаяся раньше замена семян сельскохозяйственных культур [14, с. 60-69].

Накануне Февральской революции 1917 года сельскохозяйственное производство крестьянских хозяйств Курской губернии стабильно развивалось. Об этом свидетельствовал рост посевных площадей товарных культур и урожайности.

Основным источником доходов для большинства крестьянских хозяйств было земледелие. Все остальные виды деятельности курских крестьян по своим размерам уступали полеводству. Земледелие в крестьянских хозяйствах губернии характеризовалось преимущественным развитием зерновых культур с незначительным (сравнительно) преобладанием озимых посевов над яровыми.

На протяжении всего периода революционных событий 1917 года и гражданской войны наблюдался постоянный спад производства сельскохозяйственной продукции в крестьянских хозяйствах губернии. Он выражался в сокращении посевных площадей, снижении урожайности сельскохозяйственных культур, поголовья скота, валового сбора сельскохозяйственной продукции.

Резко снизилась урожайность в крестьянских хозяйствах губернии, самый низкий показатель которой пришелся на 1920 год. Так, например, урожайность озимой ржи составила 7 пудов (14 %, здесь и далее от уровня 1917 года), озимой пшеницы – 9 пудов (13,6 %), яровой пшеницы – 14 пудов (29,7 %) [15].

В ответ на продрозверстку курское крестьянство сократило площадь посевов всех товарных культур – как озимых, так и яровых. Особенно уменьшилась площадь посевов озимой пшеницы и овса. Вместо них увеличились площади культур для внутривозвращенного потребления: проса и

гречихи. Рост площади посевов проса объяснялся сравнительно малыми затратами посевного материала и засушливо-устойчивым характером культуры. Произошло увеличение площадей, занятых под картофель.

Другим показателем, подтверждающим натурализацию крестьянского сельскохозяйственного производства в годы революций и гражданской войны, стал огромный рост приусадебных участков. Если в 1917 году площадь посевов на усадьбе составляла 5,7 тыс. десятин, то к 1920 году она составила 157,1 тыс. десятин (более чем в 27 раз). Здесь следует принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, увеличение значения продовольственных культур. Во-вторых, – в условиях продразверстки, когда учитывались лишь полевые посевы, – сохранение огорода как фактически не облагаемого разверсткой объекта. Поэтому там, где это было возможно, крестьяне увеличивали площадь огородов. Именно на огороде в 1920 году находилась подавляющая часть посевов картофеля – 60 тыс. десятин (82,1 % от всех посевов картофеля) и конопли 38,2 тыс. десятин (89,8 %) [16].

Вследствие сокращения площади посевов, снижения урожайности культур к 1921 году значительно сократилась валовая продукция крестьянского полевого хозяйства. Так, например, валовый сбор озимой ржи в 1921 году составил 14 849 тыс. пудов (36,6 % от уровня 1916 года) [17].

Аналогичные процессы происходили и в животноводстве. Общая численность скота в 1918 году составила 2 млн 321 тыс. голов (81,2 %, здесь и далее от показателя 1917 года, по данным 11 не оккупированных немецко-гайдамацкими войсками уездов). К 1920 году увеличилось количество хозяйств без скота на 8 %, без рабочего скота – на 24,4 %, без коров – на 37,7 %. Численность крупного рогатого скота уменьшилась на 22 %. Наполовину сократилось поголовье мелкого скота (свиней, овец) как более легко отчуждаемого при реквизициях и разверстке [18].

Также как и полеводство, крестьянское животноводство в 1917–1921 гг. приобрело натуральный характер. Об этом свидетельствовал рост поголовья коров. К 1920 году их насчитывалось 374,5 тыс. голов (113,7 %). Увеличение количества коров в значительной мере обусловлено тем, что молоко не изымалось по продразверстке до марта 1920 года [19, с. 84].

Другим показателем натурализации животноводства являлось сокращение поголовья молодого скота. Именно за счет этой группы происходило уменьшение общей численности крестьянского стада. Даже среди крупного рогатого скота, где отмечался прирост взрослого поголовья, убыль молодых возрастов была огромна. Так, например, в 1920 году количество крупного рогатого скота в возрасте до 1,5 лет составляло 129,5 тыс. голов (41%). Та же тенденция наблюдалась во всех уездах губернии и во всех группах скота. Эти процессы были вызваны проводимой большевиками продразверсткой, когда крестьянина не могли заинтересовать низкие твердые цены, и он старался ограничить поголовье своего скота личными потребностями. Таким образом, если в 1917 году в среднем на одно хозяйство в губернии приходилось 10 голов скота, то в 1920 – 4,9 [20, с. 84-85].

Заключение. Таким образом, период революционных событий 1917 года и гражданской войны стал коренным поворотом в развитии крестьянских хозяйств Курской губернии, о чем свидетельствует кардинальное изменение всех элементов структуры крестьянского хозяйства.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что крестьянское хозяйство в исследуемый период обладало необходимыми трудовыми ресурсами, которые в результате проводимой большевиками экономической политики оказались невостребованными, что не только замедлило развитие хозяйств, но и негативно сказалось на экономике страны. Как следствие этого значительно сократились все виды крестьянских промыслов.

Начатая при Временном правительстве и продолженная при большевиках аграрная революция полностью уничтожила результаты сложившегося к февралю 1917 года землеустройства, сделав крестьянское хозяйство, обладающее небольшим производственным потенциалом, единственным производителем сельскохозяйственной продукции.

В исследуемый период ослабла материально-техническая база крестьянских хозяйств, прекратилось их пополнение сельхозинвентарем, снизилось качество и численность рабочего скота. Но даже несмотря на это, в условиях значительного сокращения посевных площадей крестьянское хозяйство обладало необходимым количеством рабочего скота.

Период революционных событий 1917 года и гражданской войны стал временем глубокого кризиса сельскохозяйственного производства, негативные явления в котором проявились уже после прихода к власти Временного правительства. Неудачные попытки проведения реформ, установление государственной торговой монополии выразились в снижении урожайности, сокращении посевных площадей и поголовья скота. После октября 1917 года кризис промышленности и инфляция способствовали дальнейшему сокращению сельскохозяйственного производства, в результате чего крестьянское хозяйство приобрело натуральный характер.

Таким образом, к марту 1921 года в аграрном секторе экономики губернии сложилась парадоксальная ситуация: крестьянское хозяйство, обладавшее необходимым производственным потенциалом, оказалось в условиях, когда оно было вынуждено резко ограничить сельскохозяйственное производство своими внутренними потребностями. Продолжавшаяся с 1918 года вооруженная борьба крестьян и угроза потери власти заставили большевиков отменить проводимую политику «военного коммунизма» и ввести в стране нэп.

Примечания:

- 1 Колупаев, А.А. Индивидуальное крестьянское хозяйство Курской губернии в годы революций и гражданской войны (1917 г. – весна 1921 г.): монография / А.А. Колупаев; Юго-Зап. ун-т. Курск, 2012. 175 с.
- 2 Саблин, В.А. Крестьянское хозяйство на Европейском Севере России (1917-1920): монография / В.А. Саблин. М.: Academia, 2009. 432 с.
- 3 Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф.Р. 322. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
- 4 ГАКО. Ф.Р. 322. Оп. 1. Д. 3. Л. 71-71 об.; 261; 592.
- 5 ГАКО. Ф.Р. 313. Оп. 1. Д. 526. Л. 20-20 об.; Д. 525. Л. 69-71.
- 6 ГАКО. Ф.Р.327. Оп.2. Д.112. Л.2.
- 7 ГАКО. Ф.Р.313. Оп.1. Д.31а. Л.2-2 об.
- 8 ГАКО. Р. 1010. Оп.1. Д.167. Л.85-86, 88.
- 9 Колупаев, А.А. Ук. соч. С. 58-59.
- 10 Итоги сельскохозяйственной переписи 1917 года по Курской губернии. Курск: Отд. печати Губполитпросвета, 1922. 177 с.
- 11 Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года по Курской губернии. С. 248–249.
- 12 ГАКО. Ф. Р. 313. Оп. 1. Д. 5723. Л 27, 51.
- 13 Мигущенко, О.Н. Военный коммунизм в Курской губернии: монография / О.Н. Мигущенко; Юридический институт МВД России. Орел, 1998. С. 22.
- 14 Колупаев, А.А. Ук. соч. С. 60-69.
- 15 ГАКО. Ф.Р.327. Оп.2. Д.143. Л.30, 40, Д. 183. Л. 4, 8.
- 16 Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года по Курской губернии. Курск: Отд. печати Губполитпросвета, 1923. 315 с.
- 17 ГАКО. Ф.Р.327. Оп.2. Д.404. Л.29-32.
- 18 ГАКО. Ф.Р.327. Оп.2. Д.292. Л.2-7, Д.156. Л.12.
- 19 Колупаев, А.А. Ук. соч. С. 84.
- 20 Там же. С. 84-85.

References:

- 1 Kolupaev A.A. The individual peasant farm in the Kursk Province during the Revolutionary Events and the Civil War (1917 – spring 1921): monograph / A.A. Kolupaev; Southwest State University Kursk, 2012. 175 p. (In russian).
- 2 Sablin V.A. A peasant farm in the Russian European North. (1917-1920): monograph / V.A. Sablin. M.: Academia, 2009. 432 p. (In russian).
- 3 GAKO, F.P. 322, op. 1, D. 9, ll. 13.
- 4 GAKO, F.P. 322, op. 1, D. 3, ll. 71-71; 261; 592.
- 5 GAKO, F.P. 313, op. 1, D. 526, ll. 20-20; 261; 592.
- 6 GAKO, F.P. 322, op. 1, D. 3, ll. 71-71; 261; 592.
- 7 GAKO, F.P. 313, op. 1, D. 31a, ll. 2-2.
- 8 GAKO, P. 1010, op. 1, D. 167, ll. 85-86, 88.
- 9 Kolupaev A.A. Uk. soch. Pp. 58-59. (In russian).
- 10 The results of the agricultural census of 1917 in the Kursk Province. Kursk: Press department Gubpolitprosvet, 1922. 177 p. (In russian).
- 11 The results of the agricultural census of 1920 in the Kursk Province. Pp. 248–249. (In russian).
- 12 GAKO, F.P. 313, op. 1, D. 5723, ll. 27, 51.
- 13 Miguschenko O.N. War Communism in the Kursk province: monograph / O.N. Miguschenko; the Law Institute of the Russian Interior Ministry. Orel, 1998. P. 22. (In russian).
- 14 Kolupaev A.A. Uk. soch. Pp. 60-69.
- 15 GAKO, F.P. 327, op. 2, D. 143, ll. 30, 40, D. 183, ll 4,8.
- 16 The results of the agricultural census of 1920 in the Kursk Province. Kursk: Press department Gubpolitprosvet, 1923. 315 p. (In russian).
- 17 GAKO, F.P. 327, op. 2, D. 404, ll. 29-32.
- 18 GAKO, F.P. 327, op. 2, D. 292, ll. 2 – 7; D. 156, ll. 12.
- 19 Kolupaev A.A. Uk. soch. Pp. 84. (In russian).
- 20 Ibidem, Pp. 84-85. (In russian).

**Развитие крестьянского хозяйства Курской губернии в годы
революций 1917 года и гражданской войны**

Андрей Анатольевич Колупаев

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: kolupaev79@mail.ru

Аннотация. В статье на основе ранее не привлекавшихся к исследованию источников были комплексно изучены отдельные элементы крестьянского хозяйства Курской губернии в переломный для аграрного сектора экономики России период революционных событий 1917 года и гражданской войны. В работе рассматриваются трудовые ресурсы и занятия крестьянского населения, землевладение и землеустройство, уровень материально-технической базы хозяйств, сельскохозяйственное производство. Автор указывает, что неудачные попытки проведения реформ, установление государственной торговой монополии выразились в снижении урожайности, сокращении посевных площадей и поголовья скота. После октября 1917 года кризис промышленности и инфляция способствовали дальнейшему сокращению сельскохозяйственного производства, в результате чего крестьянское хозяйство приобрело натуральный характер.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство; трудовые ресурсы; занятия населения; землевладение и землеустройство; материально-техническая база; сельскохозяйственное производство.

Kabardian Nobility in the Civil War: the Matter of Estate Honor

Osman A. Zhansitov

Humanities Research Institute of the Kabardino-Balkarian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: osman.zhansitov@yandex.ru

Abstract. Civil war in Nalchik District was still considered as a confrontation of ideologies, social and political systems, a race for power and economic benefits. In this research we focus on the estate aspect, trying to consider the events of 1917-1920 as a struggle of the upper classes for the preservation of traditional rights and privileges that were challenged by the revolutionary-minded peasantry.

Keywords: Soviet authorities; the princes; the noble rank; anti-Bolshevik movement; the upper classes; peasant activists.

Введение. После провозглашения в марте 1918 г. советской власти в Нальчикском округе (ныне Кабардино-Балкарская республика), сразу же обозначился курс на вытеснение представителей традиционных элит из общественно-политической жизни, ущемление их экономических прав.

Представители кабардинской знати, на которых навесили ярлык «богатеев и прихвостней контрреволюции» лишались избирательных прав, облагались высокими налогами, на наиболее состоятельных из них была наложена контрибуция. Многие князья и дворяне в соответствии с декретом, о ликвидации в стране частной собственности потеряли свои земельные участки. Сопротивлявшимся действиям советской власти арестовывали и заключали под стражу. Все это подрывало авторитет аристократии и предопределило ее оппозиционность большевикам.

Материалы и методы. Исследование основано на материалах архивных фондов, монографических трудах и мемуарной литературе затрагивающих нашу проблему. Привлеченный к ее решению методологический подход включает источниковедческий анализ и общенаучные методы исторического исследования: проблемно-хронологический, ретроспективный, сравнительно-исторический.

Обсуждение. Революционные процессы в Нальчикском округе выдвинули на авансцену политической жизни представителей крестьянства. Постепенно в его среде стали проявляться следы большевистской пропаганды, подхваченной незначительной группой местных активистов, и заключавшейся в формировании неприязненного, враждебного отношения к дворянству как к таковому. От речей, лозунгов и пересудов антидворянской направленности вскоре перешли к насилию в отношении представителей высших сословий. Причем помимо «государственного» насилия (конфискации, аресты, расстрелы), в практику входило провоцируемое и поощряемое большевистской властью «народное» насилие, преподносившееся как справедливый акт исторического возмездия угнетенных слоев населения.

В ноябре-декабре 1918 г. Нальчикский округ захлестнула волна погромов, мародерства и насилия исходившая от красноармейских частей, а также местного населения и затронувшая в первую очередь и по большей части кабардинскую знать. Дома князей, дворян и других социально чуждых категорий населения как участвовавших так и не участвовавших в антибольшевистском движении открыто подвергались разграблению. О масштабах и глубине поразившей общество классовой ненависти говорит и то обстоятельство, что, нередко, провоцируемая большевиками толпа не просто расхищала имущество, но и уничтожала все, что не могла унести, завершая свой акт борьбы с «угнетателями народа», поджогом дома.

О характере погромов родовых гнезд кабардинской аристократии можно судить хотя бы из описи имущества князя Атажуко Атажукина, составленной после двухмесячного пребывания Нальчикского округа под властью большевиков. Возвратившись в свое имение, Атажуко Атажукин, все это время скрывавшийся как князь от преследований, увидел следующую картину: «...сорван с пола линолеум, печь с терракотовыми рамами уничтожена, отбита штукатурка с потолка, сорваны обои, с печи сорван кафель, колонка медная для нагревания воды уничтожена, две двери сорваны и уничтожены, отбита совершенно деревянная обшивка в коридоре, вся галерея с двойными стеклянными рамами и коробками уничтожена, внутренняя часть кунацкой выгорела совершенно, в конюшнях уничтожены ясли сосновые, летняя кухня разрушена, в саду 150 фруктовых деревьев уничтожены, забор вокруг сада на 180 саженей уничтожен»[1]. Важно отметить, что народная мораль считала уничтожение имущества, а тем более поджог дома, пусть даже принадлежащего врагу, наиболее постыдными деяниями.

Советская власть не считалась со званиями, титулами и статусом противника, но, напротив, использовала это как повод для более сурового, пренебрежительного обращения с ним. Кроме того, большевики стремились привить подобный стиль взаимодействия со знатью и народным массам.

Покушение на жизнь, собственность и привилегии не воспринималось бы дворянством так болезненно, если бы оно явилось следствием вынужденного подчинения превосходящим внешним силам. Но поскольку это покушение исходило от лица бывшего подвластного «неблагородного» населения, что было само по себе нонсенсом, возмущение знати, как говорится, не знало предела. В представлениях дворянина крестьянин не мог занимать высокие позиции в общественной иерархии.

Когда советская власть была все же провозглашена, наметились два пути сопротивления ей. Первый заключался в занятии представителями традиционных элит ключевых позиций в новых властных структурах (правительство Шакманова). Это помогло на время обезопасить Нальчикский округ от скатывания в состояние анархии, предотвратить острую социальную.

Второй путь, очевидность которого еще более обозначилась после силового смещения «контрреволюционного» правительства Шакманова большевиками, предполагал вооруженную борьбу с последними. Сторонниками и инициаторами этой борьбы являлась, прежде всего, кабардинская знать, для которой помимо политических и экономических мотивов противостояния новой власти, важным побудителем являлось возмущение фактом оскорбления сословной чести.

В риторике кабардинских антибольшевистских кругов рефреном звучала тема защиты сословной чести, национальной гордости. Когда в октябре 1918 г. лидер местного антибольшевистского движения З. Даутоков-Серебряков освободил Нальчик от большевиков, вернувшийся к исполнению своих обязанностей председатель Нальчикского окружного совета Т. Шакманов, выразил ему благодарность «за восстановления чести и самостоятельности Кабарды»[2]. О самом З. Даутокове-Серебрякове, в народе говорили, что он «воевал против большевиков за то, чтобы князь оставался князем, а дворянин – дворянином»[3]. В белогвардейских частях, сформированных из жителей Нальчикского округа, была популярна сложная «по горячим следам» песня о том, как «аул Клишбихабль спас честь кабардинского дворянства»[4]. Этот аул во время пребывания Нальчикского округа под властью большевиков в ноябре-декабре 1918 г. не допустил погромов и разграбления домов противников советской власти (о чем говорилось выше), за что в 1919 г. при «белых» был освобожден от штрафов, наложенных на остальные селения.

Вооруженный путь противостояния большевизму предполагал, прежде всего, создание организованной боеспособной силы, каковая появилась в августе 1918 г., в лице «Отряда свободы», возглавляемого упомянутым выше З. Даутоковым-Серебряковым.

К. Чхеидзе, как непосредственный участник антибольшевистского движения в Кабарде, представил подробную картину формирования отряда: «Всадники, собиравшиеся в отряде Заур-бека (З. Даутокова-Серебрякова, – О. Ж.), принадлежали к различным слоям кабардинского народа. Первыми стали прибывать старослужащие Кабардинского полка и кабардей-ворки (дворяне II класса). Религиозно и национально настроенные селяне посылали своих сыновей. Потом стали прибывать офицеры Кабардинского полка: русские и кабардинцы. Дальше – офицеры других частей, живших в Нальчике. Князья и балкарцы вступили в отряд позже... Отряд занимался усиленной муштровкой. Создавалась строевая часть опытным начальником. Кабардинцы, как конники, чрезвычайно годный элемент»[5]. Необходимость противодействия большевистской власти дала возможность кабардинскому дворянству ощутить себя на своем месте, то есть собираться в ополчения и участвовать в сражениях, что воскрешало дух, позабытой наезднической культуры.

Упомянутые К. Чхеидзе «национально и религиозно настроенные селяне» это представители той группы кабардинского крестьянства, которая не соблазнилась большевистской пропагандой, не могла принять навязываемые ей новые идеалы и в союзе с дворянством выступила за сохранение традиционного бытия, ценности которого являлись надсословными. В крестьянской среде обнаружили и те, кто, считая проявление учтивости к знатному человеку данью традиции, воспринял покушение большевиков на дворянское достоинство как личное оскорбление.

Наличие крестьянских ополченцев в войске З. Даутокова-Серебрякова, не было препятствием тому, чтобы оно воспринималось и позиционировалось как дворянское. В документах, мемуарах, этнографических источниках касающихся того периода антибольшевистские вооруженные формирования Кабарды именовались не иначе как «дворянский полк», «княжеско-дворянские отряды», «узденская сотня» и т. д.

История взаимоотношений кабардинской аристократии с народом не знала вооруженных столкновений. Для представителей высших сословий война являлась, по сути, профессией и велась либо с внешним врагом, либо с равными по статусу оппонентами во время междоусобиц. Бывали случаи привлечения крестьянского ополчения в качестве вспомогательной силы для отражения превосходящего по численности врага, после чего оно сразу же расформировывалось. Дворяне в «простолюдинах» не видели угрозы своему положению, исключали (сам характер феодальных отношений в Кабарде исключал) возможность организации ими вооруженных формирований, способных, к тому же, конкурировать или противостоять дружинам знатных воинов. Когда известный кабардинский ясновидец Лиоан Бжихатлов, живший в XVIII в. предрек, что «чувыки из грубой

кожи», т. е. крестьяне, «пойдут войной против сафьяновой обуви», т. е. князей и дворян, и победят, последние, прослышав об этих словах, с издевкой ответили: «...ну и что же, если бы даже чувячное войско и восстало, думаете что эти голодранцы чего-либо смогут совершить? Ха-ха! Им не в первый раз совершать «большие дела» босиком»[6].

Подобный скептицизм относительно способностей неблагородных сословий к военному делу по инерции переключался и в представлениях последующих поколений знати, некоторые представители которой, уже не являясь профессиональными войнами, по-прежнему считали военную сферу своей компетенцией. Поэтому, уже в период гражданской войны многие дворяне не воспринимали противостоящие им красноармейские отряды, набранные из крестьян, как достойных противников, несмотря на то, что среди них встречались прирожденные войны. «И эти – красные, писал К. Чхеидзе, – без сомнения, лихие джигиты – и они были кабардинцами...»[5].

Борьба с большевизмом, точнее с тем его сегментом, который был представлен кабардинским крестьянством, воспринималась знатью как подавление «холопского бунта», наказание и приведение к порядку ослушавшихся, перешедших границы дозволенного выходцев из «простонародья».

Риторика в отношении примкнувшей к большевикам прослойки кабардинского общества, изобиловала уничижительными эпитетами, как бы обозначающими ее маргинальность, оторванность от «здоровой» части социума. Революционер Т. Ахохов, представлявший кабардинцев на Владикавказском съезде народов Терека, жаловался, что представители «свергнутых классов» называют «работников народной власти босяками»[7]. Комментируя действия красноармейских отрядов в Нальчикском округе, Правитель Кабарды Т. Бекович-Черкасский, в частности, отметил: «...зная наше тяжелое положение, известный враг нашего народа, Катханов, собрав *все подонки общества* (курсив наш – О. Ж.) в Кабарде и горной Осетии двинулся на Нальчик с целью захватить власть...»[7].

К ноябрю 1918 г. военно-политическая обстановка в Терской области меняется в пользу большевиков. Им удается подавить восставших против советской власти терских казаков, взять под контроль стратегически важные коммуникации и населенные пункты. Отряды З. Даутокова-Серебрякова в этих условиях вынуждены были отступить на Кубань. Здесь они влились в Добровольческую армию А. Деникина и в авангарде последней в январе 1919 в ходе наступления на Терек, вновь заняли Нальчикский округ. С этого момента начался длившийся чуть больше года период его пребывания под «белой» властью, отменившей все законы и установления большевиков.

Высшие сословия стали восстанавливать утраченные позиции в общественно-политической и хозяйственной жизни. Труднее было восстановить деформированный революцией социальный климат. Предстояло выстраивать отношения с народом, точнее с той его частью, которая, поддержав большевиков, участвовала в погромах, грабежах и насилии, в том числе, и в отношении представителей знати. То есть была перейдена черта, за которой прежнее мирное, регулируемое традицией сосуществование было не возможно. Да и сама традиция требовала от пострадавших жесткой реакции по факту уничтожения имущества, преследований и гибели родственников. Учитывая то, что пострадавшими были представители знати, а причастными к их бедам «бывшие холопы» эта жесткость усиливалась жаждой отмщения задетой сословной чести. К тому же обстановка гражданской войны исключала различного рода церемонии, когда речь шла о наказании.

В документах той поры отмечается, что князья и дворяне «самолично, путем запугивания или тех или иных репрессий предъявляли жителям, принимавшим участие в разграблении имущества всевозможного рода требования о возвращении такового, или уплаты его стоимости, а то и просто забирали имущество таковых лиц»[8].

Вопросы лидерства в кабардинском антибольшевистском движении, определялись, в том числе, и с учетом занимаемого его участниками места в сословной иерархии. То обстоятельство, что З. Даутоков-Серебряков по происхождению был знатный дворянин, но не князь послужило дополнительным мотивом назначения Правителем Кабарды в период деникинского правления генерал-лейтенанта, князя Т. Б. Бековича-Черкасского. К. Чхеидзе писал по этому поводу: «То высокое место в освобожденной Заурбеком (З. Даутоковым-Серебряковым. – О. Ж.) Кабарде, которое по праву принадлежало ему, отдало другому. Этот другой был человеком отличных качеств, бесспорного ума и мужественного сердца. Сверх того, этот человек был старше Заурбека. И Заурбек признал его начальство над собою. И это повелевали обычаи. Как мог он, призывающий к порядку, воспевающий обычаи, отказаться от своего слова?»[9].

Деятельность администрации Т. Бековича-Черкасского была осложнена условиями военного времени. Мобилизация в белую армию, реквизиции продовольствия, различного рода налоги, карательные рейды по селам, «сочувствующим большевикам» вызывали недовольство значительной части населения властью Деникина в целом и, представляющей ее в Кабарде местной аристократией, в частности.

Поражение белых частей по всем фронтам гражданской войны, предопределило судьбу антибольшевистских сил Нальчикского округа. В марте 1920 г. организованной четырехтысячной колонной из значительно поредевших полков белогвардейской Кабардинской конной дивизии и сотен беженцев они отступили из Нальчика в направлении Владикавказа и далее в Грузию.

Заключение. Гражданская война в Нальчикском округе сопровождалась ярко выраженным межсословным конфликтом. Высшие сословия не желали мириться с потерей статусных привилегий и признавать над собой власть бывшего подвластного населения. Последнее, в свою очередь, связывало с советской властью надежды на улучшение своего социально-экономического положения, и готово было ради этого «потеснить» прежнюю элиту. Конфликт интересов полярных социальных групп осложнил протекание революционных процессов и гражданского противостояния в кабардинском обществе, добавив трагизм и в без того тяжелый период его истории.

Примечание

1. Материалы «Комиссии при Правителе Кабарды по выяснению и удовлетворению убытков лиц ограбленных и разоренных большевиками». Нальчик: Принт-Центр, 2013. 370 с.
2. УЦГА АС КБР, ф. 198, оп. 1, д.2, л. 68.
3. Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (КБИГИ), ф. 2, оп.2, д. 76, С.162.
4. УЦГА АС КБР, ф. р-183, оп. 3, д. 511, л. 76.
5. Чхеидзе К.А. Генерал Заур-бек Даутоков Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик: Кавказская здравница, 2008. 120 с.
6. Сказания о Жабаци Казанок. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 330 с.
7. Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: издательство «Эльбрус», 1979. 356 с.
8. УЦГА АС КБР, ф. 95, оп. 1, д. 11, л. 17.
9. Чхеидзе К.А. Страна Прометей. Нальчик: издательство «Полиграфсервис и Т.» 2004. 264 с.

References:

1. Materialy «Komissii pri Pravitele Kabardy po vyvasneniyu i udovletvoreniyu ubytkov lits ograblennykh i razorennykh bol'shevikami». Nal'chik: Print-Tsentr, 2013. 370 s.
2. UTsGA AS KBR, f. 198, op. 1, d.2, l. 68.
3. Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk (KBIGI), f. 2, op.2, d. 76, S.162.
4. UTsGA AS KBR, f. r-183, op. 3, d. 511, l. 76.
5. Chkheidze K.A. General Zaur-bek Dautokov Serebryakov. Grazhdanskaya voina v Kabarde. Nal'chik: Kavkazskaya zdravnitsa, 2008. 120 s.
6. Skazaniya o Zhabagi Kazanoko. Nal'chik: El'-Fa, 2001. 330 s.
7. Uligov U.A. Sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voina v Kabarde i Balkarii i sozdanie natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1937 gg.). Nal'chik: izdatel'stvo «El'brus», 1979. 356 s.
8. UTsGA AS KBR, f. 95, op. 1, d. 11, l. 17.
9. Chkheidze K.A. Strana Prometeya. Nal'chik: izdatel'stvo «Poligrafservis i T.» 2004. 264 s.

УДК 93/94

**Кабардинское дворянство в гражданской войне:
вопросы сословной чести**

Осман Асланович Жанситов

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: osman.zhansitov@yandex.ru

Аннотация. Гражданская война в Нальчикском округе рассматривалась до сих пор как противостояние идеологий, социально-политических систем, борьба за власть и экономические выгоды. В данном исследовании мы делаем акцент на сословном аспекте, пытаемся взглянуть на события 1917-1920 гг. как на борьбу высших сословий за сохранение традиционных прав и привилегий, которые стали оспариваться революционно настроенным крестьянством.

Ключевые слова: советская власть; князья; дворянское достоинство; антибольшевистское движение; высшие сословия; крестьянские активисты.

UDC 947.0

«We Are Russia and You Are Ukraine and We Don't Care about You...»: Territorial Disputes within the Priazov Area and Donbas in 1920s

¹ Evgeny F. Krinko

² Igor E. Tatarinov

¹ Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Doctor (History)

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Independent researcher, Lugansk, Ukraine

PhD (History)

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Abstract. This paper is devoted to the formation of the Russian-Ukrainian border in the Priazov Area and Donbas in 1920s. It is based on the study of the documents of the Russian and Ukrainian archives, contemporary publications. In March 1920, the Soviets leadership handed Donbas (Donets Province) to the Ukrainian Soviet Socialist Republic. Western regions of the former Province of the Don Cossacks were also conceded. But the leaders of the Don (later – Southeast) Region of the Russian Soviet Federative Socialist Republic insisted on the lands return. The territorial dispute was completed in 1925, when the greater part of the Taganrog and Shakhtinsky Districts were accede to the North Caucasus Region of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. The new Russian-Ukrainian border was detected after long disputes. It remains the same.

Keywords the Priazov Area; Donbas; Russian-Ukrainian border; Taganrog District; Shakhtinsky District; Donets Province; Southeast Region; North Caucasus Region.

Введение. События завершающегося 2014 г. придали особую актуальность существованию границ в Приазовье и Донбассе между странами, менее четверти века назад входившими в состав единого союзного государства. Обращение к данным вопросам свидетельствует, что многие сегодняшние проблемы жителей приграничных территорий своими корнями уходят в прошлое. Особый интерес представляет период 1920-е гг., когда в Приазовье только формировалась граница между союзными советскими республиками – РСФСР и УССР.

Материалы и методы. Вопросы формирования российско-украинской границы в советской историографии обычно рассматривались в рамках концепции «дружбы народов», не допускавшей возможности обсуждения каких-либо претензий друг другу «братских республик». Только в последние годы появились работы, авторы которых разбирают перипетии взаимоотношений между РСФСР и УССР в 1920-е гг., опираясь на архивные документы. Среди них следует отметить статью Е.Ю. Борисёнок, опубликованную в 2005 г. [1]. Но главное внимание в ней уделяется формированию российско-украинской границы в районе Воронежской, Курской и Брянской губерний, а вопрос о ее южном участке считается менее значимым. Несомненный интерес представляет сборник документов, подготовленный Ю. Галкиным непосредственно по данной проблеме [2]. Формирование границы УССР в 1920-е гг. изучали В. Боечко, А. Ганжа, Б. Захарчук, В. Кузьменко, В. Сергейчук и другие украинские историки [3–7]. Как правило, они недооценивают произведенное в 1920-е гг. разграничение в Приазовье и на Донбассе. Данная статья подготовлена на основе изучения как уже опубликованных материалов, так и документов из архивов России (Москвы, Ростова-на-Дону, Таганрога) и Украины (Киева, Луганска). Авторы опираются на принцип историзма, рассматривая формирование российско-украинской границы в контексте определенной эпохи, используют, помимо общенаучных, методы источниковедческого анализа, а также историко-системный и сравнительно-исторический методы.

Обсуждение и результаты. После Гражданской войны перед руководством страны встали вопросы о новом национально-государственном и административно-территориальном устройстве. Однако установить границы по этническому принципу было крайне сложно. К тому же большевики, декларируя право наций на самоопределение в годы войны, придавали данному лозунгу тактический характер, связывая его реализацию с решением конкретных политических и социально-экономических задач. Так, 15 марта И.В. Сталин, как председатель Украинского совета Трудовой армии, подписал постановление об образовании Донецкой губернии из частей Харьковской, Екатеринославской губерний и Области Войска Донского [8]. Это решение выходило за пределы его компетенции, но получило поддержку в Москве и в Харькове, являвшемся в то время столицей УССР. Уже на следующий день по инициативе В.И. Ленина СНК РСФСР поручил административной комиссии при ВЦИК составить план образования губернии так, чтобы она включала «всю горную

промышленность и достаточное для полного обеспечения местного населения количество продовольственных уездов и волостей из соседних губерний». 23 марта СНК РСФСР конкретизировал поручение, предложив, чтобы в состав губернии входила «из казачьих областей южная часть Донецкого и северная часть Черкасского округов» [9, с. 586–587]. Несмотря на протест казачьего отдела ВЦИК, 28 марта это постановление было утверждено. Советское руководство рассчитывало передачей Донбасса укрепить украинский пролетариат и обеспечить политическую лояльность правительства СССР, к тому же разделяло на части непокорную «казачью Вандею».

Мнение же Донского исполнительного комитета вообще не учитывалось. Более того, обратившись в ВЦИК по данному вопросу, Донисполком получил 19 марта разъяснения о том, что Донская область останется в существующих границах. 30 марта он телеграфировал в округа о том, что «Донская область сохраняется в старых территориальных границах с сохранением прежнего административного деления по округам, станицам, волостям» [2]. Между тем, 16 апреля Президиум Всеукраинского ЦИК утвердил границы Донецкой губернии, включив в нее помимо частей Харьковской и Екатеринославской губерний, территории бывшей Области Войска Донского: а) Донецкого округа – станицы Гундоровскую, Каменскую, Калитвенскую, Усть-Белокалитвенскую, волость Карпово-Обрывскую, б) Черкасского округа – станицы Владимирскую и Александровскую, «далее на запад условная линия, Казачьи лагеря, Мало-Несветаевская, Нижне-Кременская и далее до границ с Таганрогским округом», в) Таганрогский округ целиком [10].

Принятые решения парализовали управление на местах. Партийная конференция Таганрогского округа телеграфировала о своем возмущении «неразберихой, творящейся вокруг вопроса о границах Донецкой губернии и Донской области. Луганск телеграфно предписывает Таганрогу, ссылаясь на Постановление СНК, подчиняться ему. Ростов-на-Дону на это телеграфирует Таганрогу, что границы Донской области остаются прежние. Часть Таганрогского округа без ведома Таганрогского окружного ревкома уже занята Донецкой губернией, где представители Луганска грозят представителям Таганрога арестом вооруженной силой». В ответ из Москвы сообщали, что вопрос о границах Донецкой губернии решен СНК и утвержден ВЦИК: «Никаких изменений или уклонений быть не может. Таганрог входит в Донецкую губернию» [11].

Добавил неразберихи изданный Донецким губернским исполкомом приказ № 11 от 12 июля 1920 г., где перечислялись входившие в состав губернии районы. В нем отмечалось, что станица Луганская, входившая до того в состав Миллеровского района Донской области, присоединяется к Луганскому району Донецкой губернии. Казаки станицы Луганской категорически возражали против этого, а местные советские органы, находясь в нескольких километрах от Луганска, продолжали исполнять директивы и предписания, приходившие из Миллерово. Луганский районный продовольственный комиссар докладывал в райисполком 21 июля 1920 г. о том, что «Луганский станичный исполком подчиняется до сего времени Миллеровскому райисполкому, получая от него предписания. Обращаем Ваше внимание на ненормальность сего явления, тормозящего проведение продовольственной политики на местах...». Аналогичные сигналы шли и из отдела народного образования, просившего Луганский райисполком «дать окончательный ответ, кому они должны подчиняться – Миллерову или Луганску». В ответ была получено уведомление, что «Луганская станица действительно присоединена к Луганскому району Донецкой губернии» [12].

Тем не менее украинская сторона не была удовлетворена, рассчитывая на гораздо большие территориальные приобретения. Генеральный прокурор и нарком юстиции УССР Н.А. Скрипник выдвигал требования «приобщить к украинской территории Воронежскую, Курскую, Черноморскую, Азовскую, Кубанскую области и подчинить эти земли правительству УССР» [13]. В подготовленном проекте «О внешних границах УССР» указывалось на необходимость присоединения к УССР ряда территорий Курской, Воронежской губерний, населенных, как считали его авторы, преимущественно украинским населением [3, с. 52]. Для рассмотрения данного проекта ЦИК СССР создал специальную комиссию во главе с председателем ЦИК Белорусской ССР А.Г. Червяков.

В свою очередь, руководство Донской области (с 13 февраля 1924 г. – в составе Юго-Восточной области) настаивало на возвращении утраченных территорий, составивших в 1923 г. Таганрогский и Шахтинский округа Донецкой губернии. Донецкий губернский исполком, напротив, ходатайствовал о присоединении Приморской волости Ростовского округа. 23 мая 1923 г. Президиум Госплана УССР указал на нецелесообразность возвращения Шахтинского района, «охватывающего огромную часть всего антрацитного района с городом Таганрогом». В то же время он считал необходимым «дополнительно разработать вопрос о возможности передачи Юго-Восточной Области узкой полосы по Донцу с Белой Калитвой», признав, что та «имеет ряд серьезных оснований претендовать на город Таганрог и сельскохозяйственную часть Таганрогского округа в силу старых торговых связей с Ростовом, а также в силу общности сельскохозяйственной структуры Таганрогского района с Юго-Восточной Областью» [2].

11 июля 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) сочло «желательным» присоединение Таганрога и Шахт к Юго-Востоку «с тем, чтобы передаваемая территория в особенности с украинским населением была бы сокращена» [14]. Для точного определения границ была создана специальная комиссия. В ходе обсуждения руководству Донецкой губернии и Юго-Восточной области удалось достичь компромисса о передаче большей части Шахтинского и Таганрогского округов из УССР в РСФСР к 1 октября 1924 г.

Однако Шахтинский окружной комитет КП(б)У высказался категорически против вхождения в состав Юго-Востока. На партийных собраниях рудников, заседаниях бюро райкомов и окружных партийных конференциях принимались резолюции, призывавшие сохранить единый Донбасс. Соответствующие материалы публиковались и в периодической печати Донбасса.

21 октября 1924 г. Комиссия ЦИК СССР по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР постановила провести границу УССР с РСФСР в Шахтинском округе по рекам Северскому Донцу и Большой Каменке. К Северо-Кавказскому краю, в состав которого 16 октября вошла Юго-Восточная область, переходили часть Сорокинского района севернее реки Северский Донец, станица Гундоровская и хутор Плешаково. К Донецкой губернии – часть Сорокинского района южнее Северского Донца, хутора Власово и Королево. Из Таганрогского округа в составе Донецкой губернии оставались Амвросиевский, Екатериновский и Федоровский районы, части Голодаевского и Матвеево-Курганского районов [15]. Но запротестовали сельские жители пяти названных районов. Прошедшие в них в конце 1924 г. собрания жителей выступили за присоединение к Северо-Кавказскому краю. Основными аргументами они называли удаленность от окружного и губернского центра – г. Сталино (в настоящее время – Донецк) и тяготение к Таганрогу, незнание «чужого для нас украинского языка» и, как следствие, «непонимание всех распоряжений, издаваемых правительством». Особые опасения высказывались в связи с проводившейся на Украине украинизацией языка, вызывавшей необходимость «переродиться во всех отношениях жизни» [16]. Против отторжения части районов от Таганрогского округа высказалась и XII окружная партийная конференция. В результате Президиум ВЦИК 17 ноября 1924 г. признал вопрос «недостаточно проработанным и несогласованным с точки зрения национальной и экономической» [2].

К концу 1924 года у Комиссии ЦИК СССР по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР сложилось достаточно ясное понимание позиции сторон и степени обоснованности их претензий. Но только 13 июля 1925 г. Президиум ВЦИК постановил утвердить решения паритетной комиссии. В состав РСФСР были включены: а) Федоровский, Николаевский (с городом Таганрогом), Матвеево-Курганский, Голодаевский районы, восточная часть Екатериновского района Таганрогского округа; б) Глубокинский, Ленинский, Каменский, Усть-Белокалитвенский, Владимировский, Сулинский, Шахтинский (с городом Шахты) районы и части территории Сорокинского и Алексеевского районов Шахтинского округа. 21 сентября ВЦИК отклонил ходатайство Северо-Кавказского крайисполкома по вопросу о присоединении сел Мариновки, Успенского, Григорьевского и Петропавловки к Таганрогскому округу [17]. В составе Донецкой губернии УССР остались Шарাপовский и Ровенецкий, части Сорокинского и Алексеевского районов Шахтинского округа; Дмитриевский, Красно-Лучский и Амвросиевский (кроме Мариенгеймского сельсовета) районы, часть Голодаевского и Екатерининского районов Таганрогского округа.

Постановление ЦИК СССР «Об урегулировании границ Украинской Социалистической Советской Республики с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Белорусской Социалистической Советской Республикой» 16 октября 1925 г. окончательно утвердило новые границы. Согласно Постановления ЦИК СССР, устанавливались следующие границы между УССР и РСФСР. Часть Сорокинского района к северу от Северского Донца отходила к РСФСР, южная оставалась в УССР. Далее граница шла по Северскому Донцу вплоть до впадения в нее Большой Каменки. Станица Гундоровская отходила к РСФСР, но рудники оставались в УССР. Хутора Нижний Шевырев и Плешаков отходили к РСФСР, а хутора Власов и Королев оставались в УССР «с тем, что землепользование всех этих хуторов остается без изменения до производства землеустроительных работ». Далее граница шла между землепользованиями совхоза «Красная Могила» и хуторами Ковалево, Платово и Гуково, по границе Шарановского района. Проходя по территории Алексеевского района и оставляя в УССР землепользования станицы Остаховой и хуторов Нижне-Ефремовского, Нижне-Александровского и Верхне-Тузловского, граница доходила до Таганрогского округа. Проходя по старой окружной границе Шахтинского и Таганрогского округов на протяжении 5 верст, шла по направлению к реке Тузлову по районной границе между Голодаевским и Дмитриевским районами до реки Миус. Далее по Миусу, при этом села Мариновка и Григорьевка оставались в УССР, а слобода Голодаевка отходила к РСФСР, как и немецкие колонии Бишлеровка, Мариенгейм и Густафельд. Далее по границе Амвросиевского района до речки Средний Еланчик, по землепользованиям села Покрово-Киреевки, хуторов Екатеринославского, Слюсаревы до балки Грузский Еланчик, оставляя северо-западную часть Екатериновского района в пределах УССР. Далее граница шла по балке Грузский Еланчик вплоть до границы Мариупольского округа [18].

В документах украинских партийных функционеров отмечалась «полная однородность хозяйственно-экономической структуры смежных округов УССР и Сев. Кав. Края РСФСР» и наличие «хозяйственной коллизии, которая создана с момента установления существующей государственной границы и требует, в связи с этим, скорейшего разрешения» [19]. Но в некоторых районах в результате установления новых границ возникли серьезные экономические противоречия между двумя республиками. Наиболее характерным является противостояние между поселка Меловое Старобельского округа УССР и станции Черткове Северо-Кавказского края РСФСР, возникшее уже в 1926 г. Так, в письме секретаря Старобельского окружного партийного комитета Д. Казачкова в ЦК КП(б) Украины 11 января 1926 г. говорилось о территориальных притязаниях со стороны Северо-

Кавказского края на входивший в состав округа Меловской район. В то же время сам А. Казачков не забыл упомянуть и о намерениях украинской стороны добиться вхождения станции Чертково и Леоно-Калитвинского района в состав УССР. Товарооборот спорных регионов был настолько значительный, что секретарь Старобельского ОПК ходатайствовал о переносе из Старобельска в Меловое филиала Украинбанка [20].

Экономическая ситуация приобрела настолько острый характер, что был поставлен под удар план хлебозаготовок в этих сельскохозяйственных районах. Д. Казачков писал, что на станции Чертково к 1 марта 1926 г. скопилось более 300 тыс. пудов хлеба от украинских хлебозаготовителей, сложенных на открытых, непригодных для хранения площадках. По мнению автора письма, подача вагонов для отправки грузов намеренно тормозилась Миллеровским окружным исполкомом. Применялись и иные меры экономической борьбы [21]. В других документах отмечались случаи недоброжелательного, а местами и враждебного отношения между сторонами. Так, в письме Меловского районного комитета партии от 26 августа 1926 г. в Старобельский окружной комитет речь шла об отказе представителей Северо-Кавказского края провести совместную первомайскую праздничную демонстрацию с мотивировкой: «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела». Приводились факты «переманивания» населения поселка Меловое в Чертково на различные культурно-массовые мероприятия путем организации на то же время бесплатных киносеансов. Острой оставалась ситуация вокруг рынков обоих поселков. Российская сторона проводила более гибкую налоговую политику, путем введения более мягких налоговых ставок, в результате большая часть торговцев с украинского Мелового отправлялась торговать в Чертково. На Меловском рынке падал товарооборот, и как следствие, поступления в местный бюджет. Но главное недовольство Старобельского окружного комитета вызвало то, что его специальную комиссию не допустили к ознакомлению с работой украинских заготовительных организаций на станции Чертково по распоряжению главы Маньково-Калитвинского исполкома Серова и секретаря райкома партии Туменко. Комиссии заявили: «...мы знаем цель Вашего приезда, но Ваше дело не выйдем. Мы никогда не согласимся присоединиться к Украине, ...о котором мы и не думали...». Возмущение комиссии вызвали и слова заведующего клубом хладобойни Данцева, который «высмеивал украинизацию, особенно украинизацию кино». В словах Данцева члены комиссии усмотрели нотки шовинизма и неуважения [22]. Конфликт стал предметом разбирательств контрольных комиссий между Миллеровским и Старобельскими окружными комитетами, в ходе которых указанные факты высмеивания украинской делегации по национальному признаку нашли подтверждение [23].

Разочаровавшись в таких обращениях, Д. Казачков в октябре 1926 г. написал официальное письмо секретарю ЦК КП(б) Украины Л. Кагановичу, где указал на «вопиющие безобразия, которые творятся на границе УССР и Северо-Кавказского края, принимающие местами характер преступлений и о которых дальше молчать нельзя». Главными из них он считал пропажу украинского хлеба на площадках, препятствия в подаче вагонов под грузы и т.д. Отметив, что и экономически, и в этническом плане район станции Чертково тяготеет к УССР, Д. Казачков предложил устранить недостатки присоединением к УССР Маньково-Калитвинского района, где население «на 70–80 % украинское». Он полагал, что потеря станции Чертково для Северо-Кавказского края не была ощутимой, поскольку имелась крупная узловая станция Миллерово, а также ряд станций по направлению к Чертково, «а у нас Чертково единственный выход» [24]. Изложенные факты легли в основу секретной докладной записки (апрель 1927 г.) в ЦК ВКП(б) «По вопросу об исправлении государственных границ УССР и Северо-Кавказского края в районе ст. Чертково». В том же году в проекте постановления Политбюро ЦК ВКП(б) об исправлении указанных границ было зафиксировано положительное мнение членов Политбюро по данному вопросу и рекомендация фракции ЦИК СССР «оформить передачу бывшей Леоно-Калитвинской волости Донского округа Северо-Кавказского края в состав Старобельского округа УССР» [25].

Аналогичные аргументы приводились и в отношении Донецко-Шахтинского округа, отторжение которого от УССР, по мнению украинской партийной верхушки, «совершенно искусственно делит хозяйственно-целостную единицу – Донбасс – между двумя республиками, что, конечно, не может не отражаться на оперативном управлении промпредприятиями. Наряду с этим, возвращение Украине Таганрогского округа, насчитывающего в настоящих его границах всего лишь 257 тысяч жителей, т.е. 37 % от украинского округа, даст возможность, во-первых, путем изменения его границ, поднять хозяйство и экономику как города Таганрога, так и округа в целом, – а во-вторых, выпрямить в этом месте государственную границу, врезавшуюся узким и длинным клином в территорию УССР» [26]. Однако далее дело так и не продвинулось, и данный вопрос было решено более не поднимать.

Выводы. Несмотря на длительность подготовки очередного территориального передела, в отличие от того, который происходил в 1920 г., российско-украинская граница разделила ряд населенных пунктов, а также сложившуюся производственную инфраструктуру – предприятия, шахты, колхозы, линии коммуникаций, что не могло не отобразиться на их социально-экономическом состоянии. С распадом СССР, когда очертания республик приобрели характер действующей государственной границы, это создало немало трудностей в решении различных вопросов для жителей российско-украинского приграничья [27].

Таким образом, положенные в основу преобразований этнографический принцип и экономическая целесообразность так и не удалось рационально и эффективно совместить. Этнически однородное население некоторых областей оказалось разделено между двумя республиками, а разрыв экономики некоторых регионов привел к переориентации народного хозяйства и местами к упадку ряда центров.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках поддержанного РНФ проекта № 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

Примечания:

1. Борисёнок Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 205–237.
2. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. М.: Щербинская тип., 2007. 64 с.
3. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. Київ: Основи, 1994. 168 с.
4. Кузьменко В. До історії формування північно-східного та східного кордонів України (1917–1925 рр.) // Університетські наукові записки: Часопис Хмельницького університету управління та права. 2005. №4 (16). С. 26–30.
5. Кузьменко В. Етнополітичний фактор у формуванні північно-східного та східного кордонів Української СРР (1917–1925 рр.) // Актуальні проблеми політики: Зб. наук. пр. Вип. 22. Одеса, 2004. С. 94–100.
6. Кузьменко В. Етнічні меншини прикордонних районів Української РСР в 20–30-х рр. ХХ ст.: раціональне та ірраціональне у вирішенні проблеми захисту кордонів // Актуальні проблеми політики: Зб. наук. пр. Вип. 29. Одеса, 2006. С. 478–488.
7. Сергійчук В. Етнічні межі і державний кордон України. Київ: ПП Сергійчук М.І., 2008. 560 с.
8. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Ф. Р-482. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.
9. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1974. Т. 7. 676 с.
10. ТФ ГАРО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 86.
11. ТФ. ГАРО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3.
12. Государственный архив Луганской области (далее – ГАЛО). Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 79. Л. 12–14.
13. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 3833. Оп. 1. Д. 197. Л. 56.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 448.
15. ТФ ГАРО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 178. Л. 15.
16. ТФ ГАРО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 18. Л. 5–8, 13, 15, 17–20, 22, 30, 34.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5637. Оп. 6. Д. 6.
18. Известия. 1926. 31 января.
19. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 20. Д. 1813. Л. 35.
20. ГАЛО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 107. Л. 3–5.
21. ГАЛО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 107. Л. 11.
22. ГАЛО. Ф. П-4. Оп.1. Д. 216. Л. 18–20.
23. ГАЛО. Ф. П-4. Оп.1. Д. 216. Л. 30.
24. ГАЛО. Ф. П-4. Оп.1. Д. 107. Л. 45–48.
25. ГАЛО. Ф. П-4. Оп.1. Д.216. Л. 13–18.
26. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1813. Л. 35–36.
27. Ионова Л. Чертковское везение // Российская газета. 2011. 8 февраля.

References:

1. Borisenok, E.Y. Ukraine and Russia: dispute about borders the 1920s // Regions and borders of Ukraine in historical retrospect. M.: Institute of Slavic Studies, 2005. P. 205–237 (in Russian).
2. Galkin, Yu. Collection of documents about the border dispute between Russia and Ukraine in 1920–1925 for the Taganrog-Shahtinskii territory of the Don region. M.: Shcherbinskaya typ., 2007. 64 p. (in Russian).
3. Boechko, V., Ganja, A., Zakharchuk B. Borders of Ukraine: historical perspective and current situation. Kiev: Osnovi, 1994. 168 p. (in Ukrainian/in Russian).
4. Kuz'menko, V. On the history of the formation of the northeast and eastern borders of Ukraine (1917–1925) // University research note: Journal Khmel'nitsky University of Management and Law. 2005. №4 (16). P. 26–30 (in Ukrainian).
5. Kuz'menko, V. Ethno-political factor in the formation of the northeast and eastern borders of the Ukrainian SSR (1917–1925) // Actual problems of policy: Coll. scienc. pr. Vol. 22. Odessa, 2004. P. 94–100 (in Ukrainian).

6. Kuz'menko V. Ethnic minorities in border regions of the Ukrainian SSR 20–30's. XX century: rational and irrational in addressing border protection // Actual problems of policy: Coll. scienc. pr. Vol. 29. Odessa, 2006. P. 478–488 (in Ukrainian).
7. Sergiychuk V. Ethnic boundaries and the border of Ukraine. Kiev: PP Sergiychuk M.I, 2008. 560 p. (in Ukrainian).
8. Taganrog branch of the State Archives of the Rostov Region (hereinafter – TF GARO). F. R-482. Op. 1. D. 1. L. 27.
9. The decrees of the Soviet government. M.: Politizdat, 1974. T. 7. 676 p. (in Russian).
10. TF GARO. F. R-1. Op. 1. D. L. 86.
11. TF GARO. F. R-1. Op. 1. D. 3.
12. State Archives of Lugansk Region (hereinafter – GALO). F. R-242. Op. 1. D. 79. L. 12–14.
13. Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (hereinafter – TsGAVO Ukraine). F. 3833. Op. 1. D. 197. L. 56.
14. Russian State Archives of Socio-Political History. F. 17. Op. 3. D. 448.
15. TF GARO. F. R-10. Op. 1. D. 178. L. 15.
16. TF GARO. F. R-10. Op. 1. D. 18. L. 5–8, 13, 15, 17–20, 22, 30, 34.
17. State Archives of the Russian Federation. F. R-5637. Op. 6. D. 6.
18. Izvestiya. 1926. January. 31 (in Russian).
19. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (hereinafter – TsGAOO Ukraine). F. 1. Op. 20. D. 1813. L. 35.
20. GALO. F. R-4. Op. 1. D. 107. L. 3–5.
21. GALO. F. R-4. Op. 1. D. 107. L. 11.
22. GALO. F. P-4. Op. 1. D. 216. L. 18–20.
23. GALO. F. R-4. Op. 1. D. 216. L. 30.
24. GALO. F. R-4. Op. 1. D. 107. L. 45–48.
25. GALO. F. R-4. Op. 1. D. 216. L. 13–18.
26. TsGAOO Ukraine. F. 1. Op. 20. D. 1813. L. 35–36.
27. Ionova L. Chertkovsky luck // Russian newspaper. 2011. February. 8 (in Russian).

УДК 947.0

**«Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...»:
территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг.**

¹ Евгений Федорович Кринко

² Игорь Евгеньевич Татарин

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Независимый исследователь, Украина
Кандидат исторических наук
E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена формированию российско-украинской границы в Приазовье и Донбассе в 1920-е гг. Она основана на изучении документов российских и украинских архивов, современных публикаций. В марте 1920 г. советское руководство передало Донбасс (Донецкую губернию) УССР. Вместе с ним отошли и западные районы бывшей Области Войска Донского. Однако руководители Донской (позже – Юго-Восточной) области РСФСР настаивали на возвращении земель. Территориальный спор завершился передачей в 1925 г. большей части Таганрогского и Шахтинского округа в Северо-Кавказский край РСФСР. В ходе долгих согласований была определена новая российско-украинская граница. Она сохраняется до настоящего времени.

Ключевые слова: Приазовье; Донбасс; российско-украинская граница; Таганрогский округ; Шахтинский округ; Донецкая губерния; Юго-Восточная область; Северо-Кавказский край.

UDC 93/94

«Indispensable for the Work in Terms of the Decree of Separation of Church and State»: documentary portrait of M.V. Galkin (1885–1948)

¹Mihail Yu. Krapivin

²Yury N. Makarov

¹ Saint-Petersburg State University, Russian Federation

Doctor (History), Professor

E-mail: mihaillkrapivin61@yandex.ru

² Sochi State University, Russian Federation

Doctor (History), Associate Professor

E-mail: yurymakarov61@yandex.ru

Abstract. The article attempts to reconstruct the life journey of one of the most prominent functionaries of the "Union of Soviet Atheists" M.V. Galkin (1885-1948). He was the author of the working draft of the decree on the separation of church and state and school, published in December 1917 within the pages of the party semi-official newspaper 'Pravda'. Being employed as a full-time «expert» of VIII («Church») department of the People's Commissariat of Justice, Galkin (member of the Bolshevik Party since 1919) took a distinct position of militant atheism. He was among the most active participants in the campaign of the opening of graves with the remains of Orthodox Saints (1919-1920s) and of the confiscation of church values from churches and monasteries (1921-1922s). The State Political Directorate engaged Galkin in the preparation and organization of the split in the Orthodox Church. The authorities made extensive use of pre-revolutionary publishing experience of Galkin when editing antireligious periodicals: magazines 'Revolyutsiya I Tserkov' ("Revolution and the Church"), 'Nauka I Religiya' ("Science and Religion"), 'Bezbozhnik' ("Atheist"). Until 1926 Galkin was a member of management of the so-called "atheistic" movement. But after the conflict with Em. Yaroslavsky he lost all his administrative posts (at the national level) and all his political clout (in the governing party and government circles). Under these conditions, Galkin decided to shift his permanent residence for Ukraine. His residency away from the capital seems to be so invisibly that Moscow and Leningrad antireligionists wrongly believed that the life of the former priest passed away, aged 45. In 1930 he supposedly went to Ukraine to give a set of atheistic lectures and disappeared there under mysterious circumstances without a trace.

Keywords: M.V. Galkin; priest; the Russian Orthodox Church; decree on the separation of church and state; VIII Department of People's Commissariat of Justice; confiscation of church values; schism; Antireligious Commission of the Central Committee of the RCP-CPSU (b); Union of Soviet Atheists.

Введение. После победы октябрьского (1917 г.) переворота определенное количество православных священнослужителей поддержало советскую власть. Некоторые из них, отказавшись впоследствии от сана, перешли на богоборческие позиции и активно включились в борьбу с религией, служили в VII-м отделении Секретного отдела ВЧК, в VIII отделе Наркомюста, в структурах «Союза безбожников СССР». М.В. Галкин был первым среди такого рода «перебежчиков».

Материалы и методы. Авторы использовали периодическую печать первых лет советской власти, привлекли неопубликованные документы из 19 фондов 6 центральных и местных архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга (включая федеральные архивы и Центральный архив ФСБ России), а также не введенные в научный оборот материалы отделов рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) и Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург). Система исследовательских процедур, применявшихся авторами, включала в себя историко-генетический, историко-системный и историко-ситуационный методы, что дало им возможность в значительной степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта исследования, позволило проанализировать человеческую личность в процессе развития, в системе координат своего времени, как продукт определенной эпохи и специфических исторических условий, во всем многообразии генетических, причинных связей и взаимовлияний с окружающим миром,

Обсуждение. Данная проблема лишь в последнее время привлекает внимание отечественных историков. Единственная серьезная тематическая работа принадлежит иностранному специалисту – Даниэлю Перису.

Результаты. Галкин-Горев, он же: Галкин (Горев) [настоящая фамилия – Галкин; Горев – литературный псевдоним] Михаил Владимирович родился в Санкт-Петербурге 10 марта 1885 г. в семье священнослужителя [1]. В 1903 г. окончил с серебряной медалью полный курс классической Введенской гимназии. В том же году поступил на учебу в Императорскую Военно-Медицинскую Академию, однако уже с первого курса был уволен «как прекративший без уважительных причин держание переводных экзаменов» [2]. В августе 1904 г. был принят в число студентов юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, однако посещал лекции лишь в

течение одного полугодия. В 1905 г. Галкин сдал экстерном экзамены в Уфимской Духовной Семинарии за полный курс обучения и в 1906 г. получил соответствующее свидетельство. 6 апреля 1906 г. он был определен на должность священника Петербургской церкви Покрова Пресвятой Богородицы при приюте им. Е.И.В. Вел. Кн. Марии Николаевны. В то же время, 8 апреля, согласно собственному прошению (от 29 марта 1906 г.) Галкин был уволен из числа студентов Санкт-Петербургского Университета. На следующий день, 9 апреля, в Исаакиевском кафедральном соборе он был рукоположен во диакона, а 16 апреля там же – в сан священника [3]. 10 сентября 1908 г. по «выдержании установленных экзаменов» Галкин был принят в число студентов Петербургской Духовной Академии [4]. В том же 1908 г. М.В. Галкин на пару со своим отцом протоиереем В.П. Галкиным начинают издание ежемесячного литературного журнала антиалкогольной направленности «Трезвые всходы» (выходившего по 1914 г. включительно). Михаил печатался практически в каждом номере как автор (от редакции и пр.) и как переводчик. В журнале были представлены аналитические материалы, собранные по иностранным источникам, а также данные отечественной статистики. Журнал и приложения рассылались подписчикам по территории всей России [5]. 6 августа 1911 г. Галкин был определен на вакансию священника к Спасо-Преображенской Колтовской церкви (Петебургская сторона, ул. Б. Спасская 26 б.), ранее этого уволившись из состава 3-го курса Петербургской Духовной Академии [6].

В августе 1914 г. священник М. Галкин обратился к Протопресвитеру Военного и Морского духовенства с ходатайством о назначении его в действующую армию с сохранением занимаемого им приходского места на все время военных действий. 15 ноября 1914 г. последовал Приказ по Ведомству Протопресвитера Военного и Морского духовенства за № 882 (По полевой Канцелярии Протопресвитера) об откомандировании свящ. Галкина в 206-й пехотный Сальянский полк. «За отлично-усердное исполнение пастырских обязанностей на поле брани под неприятельским огнем» М.В. Галкин был награжден орденом Св. Анны 3-ей степени с мечами. Однако вскоре его пребывание в действующей армии подошло к концу. 22 сентября 1915 г. резолюцией митрополита Петроградского и Ладожского он был назначен на ставшее вакантным место настоятеля Спасо-Преображенской Колтовской церкви [7]. Занимая должность настоятеля храма, М.В. Галкин параллельно руководил Колтовским отделением Александро-Невского общества трезвости, заведовал Колтовской церковно-приходской школой, состоял товарищем председателя Николаевского благотворительного общества попечения бедных, редактировал (по сведениям на 1916 г.) «Листок Колтовского прихода» [8].

Вместе с тем, если верить позднейшим свидетельствам самого Галкина, в его самосознании, системе мировоззренческих построений и ценностных ориентаций исподволь происходили сущностные изменения: «Вращаясь в кругу рабочих, среди которы[х] были и с.-д., знакомлюсь с классовой борьбой и впервые с Марксом, брошюрами Энгельса, Лафарга и др. В 1917 г. Галкин начинает публиковаться в газете меньшевиков-интернационалистов «Новая жизнь», руководит в ней «церковным отделом». Бывая у А.М. Горького, ведет с ним «беседы на темы о религии, <...> и о развертывающейся борьбе пролетариата в России, роли в ней церкви» [9]. В том же 1917 г. приступает к самостоятельному изданию еженедельной газеты «Свободная церковь» (должность: редактор-издатель), которая первоначально выходит в Петрограде, затем, на период заседаний Поместного Собора, выпуск её переносится в Москву [10].

«Тотчас же после октябрьской революции, прочтя в газетах призыв тов. Троцкого к участию к работе с Советской Властью, отправляюсь в Смольный, к тов. Ленину [11] и прошу его бросить меня на работу где-угодно и кем-угодно, в любой канцелярии, брошенной разбежавшей интеллигенцией. Владимир Ильич, после 10-ти минутной беседы, в которой, как казалось это мне, испытывал мои убеждения, рекомендует от канцелярской работы пока что воздержаться, а лучше написать статью в «Правду» по вопросу об отделении церкви от государства. Для дальнейшего он направляет меня к В.Д. Бонч-Бруевичу» [12].

В.М. Галкин оперативно выполняет ленинское поручение, подготовив «черновой набросок проекта» декрета «по разграничению сферы деятельности государства и сферы чисто церковной», включавший ниже следующие пункты: «1) Религия объявляется частным делом каждого человека. 2) Церковные и религиозные общины объявляются частными союзами, совершенно свободно управляющими своими делами. 3) Преподавание закона Божия в высшей, средней и низшей школах не обязательно. 4) Метрикация рождений, браков и смертей передается из распоряжения церковью особым органам народной власти. От свободной совести каждого зависит, совершать ли вообще тот или иной церковный обряд или его вовсе не совершать.» [13]. В сопроводительном (к тексту статьи) письме, направленном в адрес Совнаркома, М.В. Галкин подчеркивал: «Статью можно напечатать или под инициалами М.Г. или за моей полной подписью “священник Мих. Галкин”, но в этом последнем случае только тогда, если призовете меня к работе в Ваших рядах, так как Вам должно быть понятно, что оставаться после напечатания этой статьи среди фанатичной, почти языческой массы, мне не представляется более ни одного дня. [14].

27 ноября 1917 г. Совнарком, ознакомившись с текстом письма «священника Галкина с предложением своих услуг Совету Народных Комиссаров в области отделения церкви от Государства и в ряде других областей с приложением статьи для газеты», принимает решение (прот. № 12. п. 7)

«письмо <...> передать в Правду для напечатания его с инициал. Галкина. Поручить <...> рассмотреть письмо и статью свящ. Галкина, вызвать Галкина для переговоров и дать в Сов. Нар. Ком. свое мнение о возможности привлечения свящ. Галкина к активной деятельности и на какой пост» [15]. Появление сенсационной статьи произвело на клерикальные круги впечатление разорвавшейся бомбы... Петроградская епархиальная власть озабочена розыском автора данной статьи. Его почти нашли. На понедельник 11 декабря священника Галкина вызывает для переговоров петроградский vikarий Артемий. Священнику Галкину, по слухам, будет предложено или дать всенародное отречение от своих богохульных мыслей, или снять с себя сан». Тем временем Галкин на свои средства начинает в Петрограде выпуск внепартийной епархиальной газеты «Знамя Христа», пришедшей на смену «Свободной Церкви» [16]. На короткое время газета сделалась рупором той части духовенства, которая приветствовала отделение церкви от государства.

В середине апреля 1918 г. при Наркомате юстиции была создана специальная Межведомственная Комиссия, имевшая своей целью осуществить разработку текста Инструкции по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства. В состав Комиссии вошли некоторые члены правительства и юристы. Планировалось и то, что в заседаниях Комиссии будут участвовать представители различных христианских и нехристианских конфессиональных объединений. Среди других по настоятельной рекомендации члена Комиссии В.Д. Бонч-Бруевича, последняя приняла решение привлечь к работе и православного священника М.В. Галкина [17].

Однако дальнейшее развитие событий пошло иным путем. 8 мая 1918 г. Совнарком своим постановлением упразднил Межведомственную Комиссию и создал вместо нее при Наркомюсте (в структуре Наркомюста) специальный Отдел по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства [18], который возглавил старый большевик П.А. Красиков. Отдел, имевший порядковый номер VIII и получивший наименование «ликвидационный» (в 1922–1924 гг. переименованный в V-й «культурный»), должен был обеспечить «ликвидацию» административно-управленческих иерархических церковных структур. Среди прочего, VIII отдел обязан был помогать соответствующим ведомствам в «пресечении контрреволюционной деятельности религиозных объединений» [19].

К лету 1918 г. Галкин переезжает в Москву. После официального отречения от священнического сана (15 июля 1918 г.) Галкин был назначен «экспертом» VIII отдела с 1-го июня 1918 г. [20] В конце 1918 г. он подает заявление о своем желании стать членом РКП (б). Дата его официального вступления в ряды большевистской партии – 1 января 1919 г. С 1918 г. по 1922 г. Галкин продолжает служить в VIII отделе Наркомюста, сначала в качестве рядового «эксперта» [21]; затем (сведения на 9 декабря 1921 г.) – заместителя заведующего отделом [22]. Кроме того, с 1919 г. он исполнял обязанности «соредактора» (по другим сведениям – «зав. редакцией») журнала «Революция и церковь» [23]. В 1919–1920 гг. руководство VIII отдела Наркомюста выступило инициатором кампании по вскрытию мощей православных святых с последующим прекращением доступа к ним со стороны верующих. Особую активность при этом проявлял Галкин. Так в начале сентября 1919 г., выступая перед населением с лекцией «О коммунизме и религии», он (вместе с П.А. Красиковым) предложил изъять у Церкви все мощи и сконцентрировать их в особом музее [24]. 9 августа 1920 г., обращаясь с письмами к Председателю Совнаркома Ленину и Председателю ВЦИК М.И. Калинину, Патриарх Тихон персонально упомянул фамилию Галкина среди тех сотрудников VIII Отдела Наркомюста, которые своими действиями «явно увлекают РСФСР на тернистый путь гонения религий со стороны Государства и стеснения свободы совести» [25]. Показательно и симптоматично, что в тексте служебной характеристики М.В. Галкина от 19 января 1921 г., отложившейся в его личном деле, Нарком юстиции Д.И. Курский, счел возможным (и необходимым) после слов «Незаменим для работы в области проведения декрета отделения церкви от государства», сделать пометку: «Требуется руководство». Начиная с марта 1922 г. Галкин участвует в работе «Комиссии по учету и сосредоточению ценностей», которую возглавлял Л.Д. Троцкий [26]. Затем постановлением Политбюро ЦК РКП (б) от 11 марта 1922 г. его вводят в состав «Комиссии по изъятию ценностей из Московских церквей» («Комиссии по изъятию ценностей по Московской губернии») [27]. С 20 марта 1922 г. он входил в состав т. н. «литературной комиссии» при Бюро ЦКИЦЦ [28]. По поручению «Комиссии при Агит-Отделе Ц.К. по вопросу о листовках и брошюрах по кампании изъятия ценностей церквей» участвовал (наряду с П. А. Красиковым) в работе «редакционной тройки» (сведения от 22 марта 1922 г.) [29]. Весной-летом 1922 г. Галкин привлекается сотрудниками ГПУ «в качестве консультанта» к процессу подготовки и организации раскола в рядах Православной церкви [30]. 18 мая 1922 г. руководство ГПУ направило письмо на имя Л.Д. Троцкого с просьбой разрешить использование Галкина «в качестве консультанта по духовным делам». 29 мая 1922 г. Оргбюро ЦК РКП (б) (протокол заседания № 24 п. 28) заслушав вопрос «О работе т. Горева-Галкина приняло положительное решение: «Не возражать против совмещения работы т. Горева-Галкина у т. Троцкого с работой в СОГПУ в качестве консультанта по делам о духовенстве» [31]. В рапорте начальника VI-го отделения Секретного отдела (СО) ГПУ Е.А. Тучкова на имя начальника СО ГПУ Т.П. Самсонова от 24 июля 1922 г. упоминалось о том, что обновленческое Высшее Церковное Управление по делам Православной Российской Церкви (далее – ПРЦ) действует в соответствии с директивами М.В. Галкина [32]. Решению задачи внесения раскола в ряды православного духовенства должно было способствовать и издание вышедшей с

июня по ноябрь 1922 г. газеты (а до сентября месяца и одноименного журнала) под общим названием «Наука и Религия», обязанности ответственного редактора которых исполнял М.В. Галкин [33]. Как известно, общее руководство процессом раскола Церкви было сосредоточено в руках «Комиссии по проведению отделения церкви от государства» (Антирелигиозной комиссии – АРК), начавшей активно функционировать в сентябре – октябре 1922 г. (согласно постановлению Политбюро ЦК от 19 октября 1922 г.). АРК, с 21 ноября 1922 г. получившая «ЦК-овский» статус, непосредственно подчинялась Оргбюро ЦК, а при решении наиболее принципиальных вопросов – Политбюро ЦК. Секретариат ЦК 13 октября 1922 г. предоставил АРК полномочия «по ведению дел церковной политики» (связь с церковными группами, с ВЦУ и т.д.), по руководству ею в центре и на местах. В ее компетенцию также входила задача выработки «директив по печатной и устной антирелигиозной пропаганде». Комиссии предписывалось установить «тесную и постоянную связь» с ГПУ, церковным отделом Наркомюста и Агитпропом ЦК.

С начала 1920-х годов М.В. Галкин входит в число партийных работников, взятых на номенклатурный учет ЦК РКП(б). Течение его жизни отныне представляется стройной картиной мировоззренческой эволюции от искренней веры к постепенному разрыву с официальным православием с последующим отказом от религии вообще и переходом на богоборческие позиции. Более того: в некоторые анкетные данные Галкин, исходя из конъюнктурных соображений, вносит коррективы, граничащие с прямой фальсификацией (рассказ о беспробудном пьянстве отца, что, скорее всего, не соответствовало действительности; информация о характере полученного им высшего образования [34], а также о начальном периоде своего священнического служения и перманентно возникавших конфликтах с церковным начальством [35]).

До 1926 г. М.В. Галкин-Горин продолжает вести активную агитационно-пропагандистскую работу в системе «Безбожника» (по июнь 1926 г. Галкин занимает должность заместителя Председателя Исполбюро Центрального совета СБ СССР [36-37]). Результаты трудовой деятельности М.В. Галкина до поры до времени получали высокую оценку руководства. Однако осень 1925 – весной 1926 гг. Галкин оказался втянутым в ожесточенный конфликт внутри руководства «безбожным движением». В результате в апреле 1926 г. М.В. Горев (Галкин) написал заявление об увольнении (не исключено, что с целью получения вотума доверия от своих сослуживцев). Однако Исполбюро Центрального Совета СБ на своем заседании от 1 апреля 1926 г. под давлением Ем. Ярославского приняло решение «освободить т. ГОРЕВА от обязанностей За[м]. Пред. Исполбюро и вообще от всякой штатной работы в Центральном Совете С. Б. СССР. После этого Горев попытался найти поддержку у руководства большевистской партии, но безуспешно.

С июля 1926 г. и по март 1928 г. М.В. Галкин в качестве заведующего отвечал за работу Отдела партийной жизни «Рабочей газеты» (Москва). Весной 1928 г. Галкин уезжает на постоянное место жительства на территорию Украины. С марта 1928 г. по июль 1931 г. он исполняет обязанности «пропагандиста-антирелигиозника» в структурах «Союза горнорабочих» (г. Горловка, г. Артемовск). С июля 1931 г. по июль 1933 г. - занимает должность «зав. сектором кадров» Всеукраїнське галузеве об'єднання оптово-роздрібної торгівлі книгами та культуртоварами (Вукопкнига) (Харьков). С лета 1933 г. переходит на преподавательскую работу в вузах г. Харькова: с августа 1933 г. по январь 1935 г. Галкин заведует «соц. эконо. кафедрой» в «Инфизкульт[е]»; с января 1935 г. по январь 1937 г. – он – профессор – Председатель методсовета профессоров в Институте механизации сельского хозяйства. 7 февраля 1935 г. Октябрьский райком г. Харькова принимает решение считать М.В. Галкина «механически выбывшим» из числа членов ВКП (б) (вероятно, речь шла о утрате партбилета). В партийных рядах он был восстановлен (с перерывом партстажа) постановлением Партколлегии ЦКК при ЦК ВКП(б) только 22 августа 1938 г. С одновременным наложением строгого выговора за небрежное хранение партдокументов [38]. В годы Великой Отечественной войны Галкин находился в эвакуации в Новосибирске, заведовал кафедрой марксизма-ленинизма в Новосибирском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (НИИГАиК), а также занимался руководящей работой в местном Союзе безбожников. Умер он уже в послевоенное время. 28 марта 1948 г.

Заключение. Оборотни революционных эпох, называл политических приспособленцев переломных периодов истории известный российский историк В.В. Журавлев, подчеркивая, что главное для них была власть как таковая (вне зависимости от её метаморфоз) со шлейфом многообразных властных атрибутов и привилегий. В этом смысле «бывшие» никому и ничему не изменяли, оставаясь верными самим себе и меняя свой облик синхронно с изменениями условий борьбы за власть. Но был ли М.В. Галкин простым приспособленцем? Для обоснованного ответа на этот вопрос потребуются поиски новых источников, которые позволят дополнить социально-мировоззренческий портрет бывшего священника психологическими, а возможно и психопатологическими характеристиками.

Примечания:

1. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 19. Оп. 113. Д. 4320. Л. 137 об. – 139 об.
2. Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 42873. Л.3.
3. Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4320. Л. 137 об. – 139 об.; Оп. 115. Д. 425. Л. 7-8.

4. Там же. Л. 137 об. – 138.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 777. 1907 г. Оп. 8. Д. 333. Л. 1-1 об.; 1909 г. Оп. 14. Д. 392. Л. 1.
6. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4320. Л. 137 об. - 138.
7. Там же. Оп. 107. Д. 40. Л. 1-1 об., 6; Оп. 113. Д. 4320. Л. 137 об. – 139 об.; Оп. 115. Д. 426. Л. 26 об. – 27.
8. Там же. Оп. 113. Д. 4320. Л. 137 об. – 139 об.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 100. Д. 10902.
10. Свободная Церковь (Пг.). 1917. № 1-16.
11. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки - НИОР РГБ. Ф. 369. К. 256. Д. 32. Л. 1-1 об.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 10902.
13. Правда. 1917. № 205. 16 (3) дек. С. 2.
14. НИОР РГБ. Ф. 369. К. 256. Ед. хр. 33. Л. 1-1 об.
15. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 об.
16. Государственный архив Российской Федерации - ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 156. Л. 3-3 об.
17. ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 688. Л. 12.
18. Там же. Л. 17; РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 111. Л. 8.
19. ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 689. Л. 4.
20. ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 688. Л. 48.
21. Там же. Оп. 3. Д. 742. Л. 9-11; Д. 766. Л. 201-201 об.
22. Там же. Оп. 3. Д. 766. Л. 276; Оп. 5. Д. 240. Л. 663.
23. НИОР РГБ. Ф. 369. К. 256. Ед. хр. 32. Л. 2-3.
24. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 1000. Оп. 79. Д. 24. Л. 14-15.
25. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15184. Л. 1-3 об., Д. 15249. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 56. Д. 26. Л. 42-45 об., 47-47 об.
26. Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). Ф. 1. Оп. 6. Д. 11. Л. 8-9.
27. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 410а. Л. 3-5.
28. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 89-90.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 158. Л. 13-13 об.
30. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Л. 172-173.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 335. Л. 4, 199.
32. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 81.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 367. Л. 3, 180-199.
34. В тексте своей автобиографии Галкин лжесвидетельствовал: «В рясе поступаю на юридический факультет петроградского университета, который и кончаю» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 10902). В партийных анкетах 1940-х годов Галкин вопреки истине указывал, что он окончил Петербургскую Военно-Медицинскую Академию (август 1903 – август 1906 г., январь 1907 – август 1908 г.); а также Петербургский университет (сентябрь 1909 г. – июль 1913 г.) (Регистрационный бланк члена ВКП (б). Партбилет № 3636357. <...> составлен 25 Августа 1940 г.)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 99).
35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 11, 32.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 10902.
37. Черкасов А.А. Устав Союза безбожников СССР // Русский архив. 2013. № 2. С. 89-92.
38. Брушлинская О. «Я чувствую правду Вашего движения» // Наука и религия. 1987. № 11. С. 8.

References:

- 1 Central State Historical Archive in St. Petersburg (St. Petersburg Central State Historical Archives.). F. 19 Op. 113 D. L. 4320 137 vol. - About 139.
2. Ibid. L. 3.
3. Ibid. F. 19 Op. 113 D. L. 4320 137 vol. - 139 of .; Op. 115 425 D. L. 7-8.
4. Ibid. L. 137 vol. - 138.
5. Russian State Historical Archive (RSHA). F. 777. 1907 г. Оп. 8 D. 333 L. 1-1 on .; 1909 Op. 14 D. 392 L. 1.
6. TsGIA St. Petersburg. F. 19 Op. 113 D. L. 4320 137 vol. - 138.
7. Ibid. Op. 107 D. 40. L. 1-1 vol., 6; Op. 113 D. L. 4320 137 vol. - 139 of .; Op. 115 D. 426 L. 26 vol. - 27.
8. Ibid. Op. 113 D. 4320 L. 137 vol. - 139 of .
9. Rossiiskii state archive of social-political history (RGASPI). F. 17. Op. 100. D. 10902.
10. Free Church (Pg.). 1917. № 1-16.
11. Research Department of Manuscripts of the Russian state Library - Niort RSL. F. K. 369 256 32 D. L. 1-1 vol.
12. RGASPI. F. 17 Op. 100 AD 10902.
13. It is true. 1917. № 205. 16 (3) Dec. С. 2.
14. Niort RSL. F. 369 K. 256 IU. xp. 33 L. 1-1 vol.
15. RGASPI. F. 19 Op. 1 D. 12 L. 2 vol.
16. State Archive of the Russian Federation - Russian Civil Aviation. F. P-130. Op. 2 D. 156 L. 3-3 vol.
17. GA RF. F. A-353. Op. 2 D. 688 L. 12.
19. Ibid. L. 17; RGASPI. F. 19 Op. 1 D. 111 L. 8.
19. GA RF. F. A-353. Op. 2 D. 689 L. 4.
20. GA RF. F. A-353. Op. 2 D. 688 L. 48.
21. Ibid. Op. 3, D. 742 L. 9-11; D. L. 201-201.
22. Ibid. Op. 3, D. 766 L. 276; Op. 5 D. 240 L. 663.
23. Niort RSL. F. 369 K. 256 IU. xp. 32 L. 2-3.
24. Central State Archive of St. Petersburg (SPb CSA.). F. 1000, Inv. 79 24 D. L. 14-15.
25. RGASPI. F. 2 Op. 1 D. 15184. L. 1-3 vol., D. L. 15249. 1; GA RF. F. R-1235. Op. 56 26 D. L. 42-45 vol., About 47-47.

26. Central Archives of the Russian Federal Security Service (FSB Russia CA). F. 1 Op. 6 11 D. L. 8-9.
 27. CA FSB Russia. F. 1 Op. 6 D. 410a. L. 3-5.
 27. GA RF. F. R-1235. Op. 140 59 D. L. 89-90.
 28. RGASPI. F. 17 Op. 60 D. 158 L. 13-13 vol.
 29. CA FSB Russia. F. 1 Op. 6 7 D. L. 172-173.
 30. RGASPI. F. 17 Op. 112 D. 335 L. 4, 199.
 31. CA FSB Russia. F. 2 Op. 4 D. 372 L. 81.
 32. RGASPI. F. 17 Op. 112 D. 367 L. 3, 180-199.
 33. In the text of his autobiography Galkin had given false testimony: "In a cassock arrive at the law faculty of Petrograd University, which finished" (RGASPI. F. 17. Op. 100. D. 10902). In party questionnaires 1940-ies Galkin contrary to the truth pointed out that he graduated from the St. Petersburg Military Medical Academy (August, 1903 - August 1906, January 1907 - August 1908); and St. Petersburg University (September, 1909 - July 1913) (Registration form member of the CPSU (b). Membership card No. 3636357. <...> is composed of 25 August 1940") (RGASPI. F. 17. Op. 99).
 34. Ibid. Op. 60. D. 793. HP 128; Op. 112. D. 775. HP 19.
 35. Ibid. F. 17. Op. 100. D. 10902.
 36. Cherkasov A.A. Ustav Soyuz bezbozhnikov SSSR // Russkii Arkhiv. 2013. № 2. p. 89-92. (In russian).
 37. Brushlinsky O. "I feel the truth of Your movement" (Science and religion. 1987. No. 11. P.5-8 C. 5.

УДК 93/93

«Незаменим для работы в области проведения декрета отделения церкви от государства»: документальный портрет М.В. Галкина (1885-1948)

¹ Михаил Юрьевич Крапивин

² Юрий Николаевич Макаров

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: mihaillkrapivin61@yandex.ru

² Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Доктор исторических наук, доцент

E-mail: yurymakarov61@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой попытку реконструкции жизненного пути одного из виднейших функционеров «Союза безбожников СССР» М.В. Галкина (1885–1948). Именно ему принадлежало авторство рабочего варианта декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, опубликованного в декабре 1917 г. на страницах партийного официоза – газеты «Правда». Будучи принятым на штатную должность «эксперта» VIII («церковного») отдела Народного комиссариата юстиции, Галкин (с 1919 г. – член партии большевиков) занял отчетливо выраженную богоборческую позицию. Он был среди наиболее активных участников кампании по вскрытию останков православных святых (1919–1920 гг.) и по изъятию церковных ценностей из храмов и монастырей (1921–1922 г.). Органы ГПУ привлекали Галкина к процессу подготовки и организации раскола в рядах Православной церкви. Власти широко использовали дореволюционный издательский опыт Галкина при редактировании антирелигиозных периодических изданий: журналов «Революция и церковь», «Наука и религия», «Безбожник». До 1926 г. Галкин входил в руководство так называемого «безбожного» движения, однако, оказавшись вовлеченным в конфликт с Ем. Ярославским, он потерял все свои административные посты (на общегосударственном уровне) и утратил все свое политическое влияние (в руководящих партийно-государственных кругах). В этих условиях Галкин принял решение выехать на постоянное место жительства на Украину. Его пребывание далеко от столиц, судя по всему, проходило настолько незаметно, что в кругах московских и ленинградских антирелигиозников складывается, а затем десятилетиями бытует ошибочная версия, что жизнь бывшего священника обрывается в 45-летнем возрасте: в 1930 г. он якобы отправляется на Украину с очередным циклом атеистических лекций и при невыясненных обстоятельствах бесследно там исчезает.

Ключевые слова: М.В. Галкин; священник; Православная Российская Церковь; декрет об отделении церкви от государства; VIII отдел Народного комиссариата Юстиции; изъятие церковных ценностей; церковный раскол; Антирелигиозная комиссия ЦК РКП-ВКП (б); Союз безбожников СССР.

UDC: 94(470) «19/...»-058.224

Reading Rooms of Russian Province in 1920s as Transmitters of Soviet Values

¹Vadim P. Nikolashin

²Vadim V. Kulachkov

¹ Michurinsk state agrarian university, Russian Federation

Senior teacher

E-mail: nikolashin.vadim@yandex.ru

² Bryansk state engineering and technological academy, Russian Federation

Associate Professor

E-mail: vad2517@yandex.ru

Abstract. The article features regional aspects of reading room activities in the 1920s as transmitters of Soviet values. Authors analyze forms and methods of work of this type of socio-cultural institutions, study specifics of relationship of countrymen. The conducted analysis allows speaking about positive impact by reading rooms on evolution of a country life.

Keywords: reading room; village; peasantry; ideological influence; promotion; Soviet values.

Введение. Революционные события 1917 г. изменили общественно-политические реалии деревни. Крестьянство, которое являлось наиболее многочисленной социальной стратой, было необходимо как можно быстрее включить в орбиту идеологического воздействия нового, советского государства. При этом унаследованная от дореволюционного периода социальная инфраструктура не могла быть использована как рупор власти, так как была достаточно узкой и пропагандистки малоэластичной.

Избы-читальни, структурно и функционально близкие к дореволюционным библиотекам, были более эффективным и политически гибким инструментом пропаганды советских ценностей и мощным механизмом повышения грамотности деревни. Несомненно, что изба-читальня была одной из основных форм культурно-просветительной работы в деревенской местности исследуемого периода. Совместное чтение газет и журналов, обсуждение насущных проблем оказывало существенное влияние на мировосприятие крестьян, формируемое большевистским государством. Целью нашей статьи является изучение роли изб-читален российской провинции 1920-х гг. как трансляторов советских ценностей.

Материалы и методы. Материалами для нашего исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные изучению различных аспектов социокультурной истории. Для достижения цели исследования нами использовались методы изучения, анализа и обобщения научной литературы.

Обсуждение. Изучением различных аспектов социокультурной истории занимались такие зарубежные и отечественные ученые, как Ш. Плаггенборг, М. Рольф, Н. Тумаркин, Б.В. Борисов, И.В. Ураева, А. Серикова, А.Л. Воробьева и др.

Необходимо сказать, что избы-читальни появились еще до революции «однако к моменту совершения Октябрьской революции в России насчитывалось немногим более 2000–2500 изб-читален, т.е. в среднем, по статистике, на 113,9 квадратных верст приходилась 1 изба-читальня» [1, 151]. При этом региональная специфика функционирования изб-читален отражалась на эффективности их деятельности. Например, в тамбовской деревне избы – читальни появились в 1918 г. Однако динамичный рост их сети происходит в последующие годы. Так, в Тамбовской губернии «к июлю 1919 г. в десяти уездах находилось 277 изб-читален, т. е. в среднем на один уезд приходилось 28» [2, 378]. В результате тамбовские власти за два первых года добились резкого роста сети изб-читален, что было обусловлено политической значимостью данного процесса.

Но на пути советской культурной модернизации часто вставали объективные экономические факторы. Задача обеспечения изб-читален всем необходимым для работы была весьма актуальной. Материально-финансовые проблемы ограничивали их потенциальные возможности. Кроме того, местные органы власти, как правило, не выделяли отдельным приоритетом поддержку социокультурных учреждений в деревне [3, 255-257].

Позитивное воздействие на развитие сети изб-читален оказывало повышение заработной платы избачам, что амортизировало ряд экономических трудностей в их деятельности. В частности, на материалах Гомельской губернии А.Серикова приходит к выводу, что «к 1923 году под изб-читальню был подведён прочный материальный базис. Месячная ставка избачу, установленная в размере 8 руб. 30 коп. золотых, значительно улучшила его материальное положение, дала ему возможность с большей интенсивностью отдаваться работе, но вместе с тем повысила предъявляемые к нему требования» [4, 20].

В последующие годы заработная плата возрастала, что подтверждает значимость деятельности изб-читален для советского руководства. При этом изба-читальня в сельской местности была как культурным центром, так и выполняла задачу проводника идеологического влияния государства на крестьянское население. А.Л. Воробьева и М.В. Попов обоснованно считают, что «в доколхозной деревне зарплату избачу платили в большинстве случаев именно потому, что он исполнял обязанности секретаря сельской партячейки, ибо это и была его основная обязанность» [5, 23].

Пропагандистская программа власти, транслировавшаяся избами-читальнями, должны была «развевать» вековой традиционализм деревни, повысить ее модернизационный потенциал и снизить политический абсентеизм крестьянства. А. Серикова отмечает, что «изба-читальня стала местом пропаганды идей советского строительства, местом борьбы за политическое просвещение и распространение знаний в деревне, местом введения новых культурных навыков, местом борьбы с религиозной отсталостью и невежеством» [4, 20]. Элементарные знания приходили в деревню, в том числе и вместе с избами-читальнями.

Губернские власти уделяли значительное внимание избам-читальням как опорным пунктам пропаганды советских ценностей. Зачастую стены изб-читален украшались растениями и портретами вождей. Так как основная масса крестьян в начале 1920-х гг. была неграмотной и малограмотной, здесь проводились чтения газет, выпускались силами крестьян стенгазеты, написание писем, играли в шахматы, шашки, действовали кружки рукоделия, политграмотности, велась пропаганда сельскохозяйственных знаний. В резолюции Тамбовского губкома ВКП(б) о работе политпросветорганизаций в период весенне-посевной кампании 15 марта 1927 г. отмечалось: «...в избах – читальнях, библиотеках и красных уголках организовать выставку литературы, диаграмм, рисующих состояние сельского хозяйства волости, села, а также повести работу по организации уголков посевной кампании, используя выставочный материал» [6, 135].

Следует отметить, что среди направлений работы избы-читальни присутствовало и распространение юридических знаний, существовало понимание сотрудничества с судебными работниками. Так, в циркулярах Гомельского губернского суда за 1925 год отмечалась «необходимость введения народных судей в советы изб-читален» [7, 43-43об.]. Кроме того, указывалось, что «каждый судья должен разработать календарный план своих лекций, докладов и беседований в избах-читальнях, народных домах, клубах и т.п. по определенным вопросам, непосредственно затрагивающим экономические интересы крестьянства» [7, 42-42об.].

В избах-читальнях аккумулировались книги, газеты, журналы. Так, в с. Заворонежском Козловского уезда в 1924 г. в избе-читальне выписывались газеты «Наша правда», «Известия», «Беднота», «Безбожник», «Наша деревня», «Крестьянская газета», журналы «Крокодил», «Дрезина» [8, 49]. Литературой их снабжали как волостной исполнительный комитет, так и уездные органы. В ряде случаев поддержку избам-читальням оказывали и другие организации. Так, в Тамбовской губернии «Царевская изба-читальня Градо-Уместкой волости Кирсановского уезда получает большую помощь от местной потребительской кооперации. Кооператив выписывает для читальни газеты: «Тамбовский крестьянин», «Тамбовскую правду», «Кооперативный путь», «Крестьянскую газету» и журналы – «Сам себе агроном», «Смычка» и «Деревенский театр». Кроме этого отчисляется еще 20 руб. на приобретение еще 20 руб. на приобретение необходимых пособий кружкам» [9].

Важную роль в культурном строительстве в деревне играли избачи. Работа избача требовала не только образовательных и педагогических знаний и навыков, но и рекламных шагов, дисциплинированности. Как правило, успешная работа избы-читальни напрямую зависела от личности руководителя, его отношения к работе. Например, в отчете Гомельского губкома ВКП (б) за апрель – сентябрь 1926 г. отмечалось, что «в состоянии аппарата имеются улучшения. Мы имеем в настоящее время целый ряд избачей, которые научились ставить свою работу ставить более или менее правильно. Но, конечно, в этом отношении приходится желать еще много большего» [10, 210].

Наряду с позитивными культурными тенденциями в избах-читальнях наблюдались и откровенные перекосы, которые еще более снижали степень заинтересованности деревни в грамотности. Так, в Челнавской читальне Сабуро-Покровской волости «организованные 3 кружка оказались дутыми – никакой работы они не выполняли, хотя план работы и вывешен на стенке. Избач Юрьев – малограмотный, ему трудно наладить занятия в кружках, а в самих кружках нет ребят, которые могли бы этим заняться» [11]. Селькор Глаз так описывал работу избы-читальни в Сосновской волости: «3 месяца тому назад, при старом избаче Познякове, работа избы-читальни шла хорошо. В настоящее время избач новый и работа пошла по - новому. Читальня все время закрыта на замок, лишь изредка открывается, когда заседает нарсуд. Беспартийная молодежь, взрослые крестьяне и комсомольцы проводят свои собрания в ВИК...» [11].

В рамках активизации работы изб-читален губернские власти проводили специальные конкурсы с последующим вручением призов. Так, в протоколе заседания конкурса на лучшую изб-читальню Тамбовской губернии от 23 февраля 1924 г. отражено постановление: «первую премию, объявленную губполитпросветом (500 экземпляров книг, картограммы революционного движения, 1 глобус и карту Германии) – выдать Токаревской избе-читальне; автору приславшему описание... избы, - тов. Чижко – выдать премию редакции (отрез на костюм). Вторую премию (премия редакции – библиотечка и ряд газет на целый год) – премию редакции (отрез на костюм). Вторую премию

(премия редакции – библиотечка и ряд газет на целый год) – Никольской избе-читальне, автору тов. Бокатову выдать книг на 1 червонец по выбору (премия губполитпросвета). Остальным семи избам-читальням – Карельской, Инжавинской, Семеновской, Таволжанской, Ищенской, Покровско-Васильевской и Сукмановской – объявить похвальные отзывы с указанием, за какие именно стороны работы объявляется похвальный отзыв» [6, 120].

С целью повышения популярности данной формы культурно-просветительной работы в 1925 г. в Брянской губернии проводился аналогичный конкурс [12, 49-52]. Годом ранее, в 1924 г. газетой «Правда», был проведен конкурс изб-читален всероссийского уровня [13, 63]. Сведения о губернском конкурсе присылались в редакцию газеты «Брянский рабочий», где работала комиссия. 12 мая 1925 г. было проведено первое заседание жюри, на котором слушали доклад о ходе конкурса на лучшую избу-читальню. Отмечалось, что «всего на страницах местных газет было напечатано 25 корреспонденций об избах-читальнях. По Бежицкому уезду – 9 изб, по Почепскому – 5, по Жиздринскому – 9, по Карачевскому – 2. Жюри решило воздержаться от выдачи первой премии, т.к. многие избы в конкурсе не участвовали. Вторую премию получила Селецкая изба-читальня Трубчевской волости Почепского уезда. Об избе получено много положительных корреспонденций, она объединила вокруг себя всю культурную работу по району. Было решено выдать избе-читальне 55 рублей, избачу – 20 руб. Третья премия была присуждена Будской избе-читальне Думинической волости Жиздринского уезда. Были получены положительные корреспонденции, работа избы знакома агитационно-пропагандистскому отделу Брянского губкома, поэтому было решено выдать избе – 35 рублей, избачу – 15 рублей» [14, 104].

Сельские активисты лидировали в данном конкурсе, что вполне объяснимо, учитывая занятость большинства рядовых крестьян житейскими бытовыми вопросами. Поэтому при подведении итогов конкурса на лучшую избу-читальню Брянской губернии организаторам пришлось признать, что «конкурс прошёл не так оживленно, как ожидалось. На него поступили материалы о 41 избе, всего около 50 корреспонденций. Из этого числа типично крестьянских, то есть написанных рядовым крестьянином, всего около 10. Остальной материал поступал от комсомольских ячейек, членов партии, избачей, учителей» [14, 105]. Вместе с тем указывалось, что, «несмотря на недостаточность работы, бедность и другие причины, культурные очаги деревни укрепляют свои позиции» [14, 106-107].

В целом к концу НЭПа избы-читальни продемонстрировали свою эффективность. Возникнув как элемент образовательной и, одновременно, библиотечной сети к концу исследуемого периода их число динамично возрастало. При этом отмечалось и повышение качества деятельности изб-читален, что отражалось на включенности крестьянства в их работу. В отчете Тамбовского губкома ВКП(б) на XVIII губернской партийной конференции о политпросветработе от 17–25 января 1927 г. отражена их динамика по твердой сети: «в 1924/25 г. их было 150, в 1925/26 г. – 165, в 1926/27 г. – 184» [6, 133]. «В этом году в каждой волости имеется волостная и сельская изба-читальня твердой сети. В мягкую сеть входят внебюджетные избы-читальни и красные уголки, коих 351... Содержание все больше увязывается с местной действительностью, избы-читальни бьют по больным местам деревни, поэтому интерес к ней среди населения повысился, она все больше привлекает к себе взрослое население, становясь действительным центром общественно-политической жизни в деревне» [6,133].

Заключение. Таким образом, мы приходим к выводу, что избы-читальни как опорные пункты советской власти в деревне в период НЭПа играли одну из центральных ролей в культурном развитии села. Изба-читальня выполняла важную функцию и, по своей сути, продолжала традиции дореволюционных крестьянских совместных чтений, расширяла общий сельский кругозор. При наличии ответственного заведующего изба-читальня была настоящим центром социокультурной жизни деревни. Однако если проанализировать число изб-читален до начала и на завершающем этапе НЭПа, то можно выявить резкое сужение сети данных культурных трансляторов в деревне. В частности, «в Тамбовской губернии в 1920 г. насчитывалось 337 изб-читален, в 1928 г. – 184. В ходе дальнейшего развития избы-читальни были преобразованы в дома культуры (клубы)» [15, 403]. Вероятно, сыграв свою историческую роль, избы-читальни под влиянием экономических и общественных процессов постепенно стали уступать место на деревенской арене новым культурным трансляторам.

Примечания:

1. Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма // Пер. с нем. Ирины Карташевой. СПб.: Журнал "Нева", 2000. 416 с.
2. Борисов Б.В., Ураева И.В. Развитие библиотечной сети Тамбовской губернии в 1917–1920 гг. // Вестник ТГУ, выпуск 11 (79), 2009. С. 375-380.
3. Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения): Монография. Брянск: БГИТА, 2014. 330 с.
4. Серикова А. Изба-читальня как информационный центр: и письмо написать и в шашки сыграть // Библиотечное дело, № 8, 30 апреля 2012. С. 20-22.
5. Воробьева А.Л., Попов М.В. Культура, быт и мировоззрение крестьян Урала в 1920-е гг.: монография. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2011. 180 с.
6. Культурное строительство в Тамбовской губернии. 1918-1928. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1983. 206 с.

7. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф.Р-903. Оп.1. Д.6.
8. Советы Тамбовской области. 1922–1956 гг. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1991. 303 с.
9. Изба-читальня. Знание – свет // Тамбовский крестьянин. 9 апреля 1926.
10. Гомельская губерния. 1919–1926 гг.: документы и материалы / сост.: М.А. Алейникова [и др.]; редколл.: В.И. Адамушко [и др.]. Минск: НАРБ, 2009. 270 с.: ил.
11. По избам-читальням // Тамбовский крестьянин. 28 мая 1926.
12. Кулачков В.В. Культурная политика государства и крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. Монография. Брянск, 2013. 142 с.
13. Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство 1921-1927 гг. (По материалам Европейской части РСФСР). М.: Наука, 1983. 214 с.
14. ГАБО. Ф.П-1. Оп.1. Д.1385.
15. Ураева И.В. Развитие библиотечной сети в Тамбовском регионе в 1917-1941 гг. // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 3-4. С. 401-406.

References:

1. Plaggenborg Sh. Revoljucija i kul'tura: kul'turnye orientiry v period mezhdu Oktjabr'skoj revoljuciej i jepohoj stalinizma // Per. s nem. Iriny Kartashevoj. SPb.: Zhurnal "Neva", 2000. 416 s.
2. Borisov B.V., Uraeva I.V. Razvitie bibliotечноj seti Tambovskoj gubernii v 1917–1920 gg. // Vestnik TGU, vypusk 11 (79), 2009. S. 375–380.
3. Kulachkov V.V. Krest'janstvo Zapadnogo regiona Rossii v 1920-e gg. (sociokul'turnye izmenenija): Monografija. Brjansk: BGITA, 2014. 330 s.
4. Serikova A. Izba-chital'nja kak informacionnyj centr: i pis'mo napisat' i v shashki sygrat' // Bibliotечноe delo, № 8, 30 aprelja 2012. S. 20–22.
5. Vorob'eva A.L., Popov M.V. Kul'tura, byt i mirovozzrenie krest'jan Urala v 1920-e gg.: monografija. Cheljabinsk: Poligraf-Master, 2011. 180 s.
6. Kul'turnoe stroitel'stvo v Tambovskoj gubernii. 1918-1928. Sbornik dokumentov i materialov. Voronezh, 1983. 206 s.
7. GABO (Gosudarstvennyj arhiv Brjanskoj oblasti). F.R-903. Op.1. D.6.
8. Sovety Tambovskoj oblasti. 1922-1956 gg. Sbornik dokumentov i materialov. Voronezh, 1991. 303 s.
9. Izba-chital'nja. Znanie – svet // Tambovskij krest'janin. 9 aprelja 1926.
10. Gomel'skaja gubernija. 1919-1926 gg.: dokumenty i materialy / sost.: M.A. Alejnikova [i dr.]; redkoll.: V.I. Adamushko [i dr.]. Minsk: NARB, 2009. 270 s.: il.
11. Po izbam-chital'njam // Tambovskij krest'janin. 28 maja 1926.
12. Kulachkov V.V. Kul'turnaja politika gosudarstva i krest'janstvo Zapadnogo regiona Rossii v 1920-e gg. Monografija. Brjansk, 2013. 142 s.
13. Kozlov V.A. Kul'turnaja revoljucija i krest'janstvo 1921-1927 gg. (Po materialam Evropejskoj chasti RSFSR). M.: Nauka, 1983. 214 s.
14. GABO. F.P-1. Op.1. D.1385.
15. Uraeva I.V. Razvitie bibliotечноj seti v Tambovskom regione v 1917-1941 gg. // Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy. 2011. № 3-4. S. 401-406.

УДК 94(470) «19/...»-058.224

**Избы-читальни российской провинции 1920-х гг.
как трансляторы советских ценностей**

¹ Вадим Павлович Николашин

² Вадим Витальевич Кулачков

¹ Мичуринский государственный аграрный университет, Российская Федерация
Старший преподаватель
E-mail: nikolashin.vadim@yandex.ru

² Брянская государственная инженерно-технологическая академия, Российская Федерация
Доцент
E-mail: vad2517@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются региональные аспекты деятельности избы-читален 1920-х гг. в качестве трансляторов советских ценностей. Авторы анализируют формы и методы работы данного типа социокультурных учреждений, изучают специфику отношения деревенских жителей. Проведенный анализ в целом позволяет сказать о позитивном влиянии избы-читальни на эволюцию крестьянского быта.

Ключевые слова: изба-читальня; деревня; крестьянство; идеологическое влияние; пропаганда; советские ценности.

UDC 94(470.6)"1920": 94(470.6)"1930"

Research Practice
The Study of Agrarian Communities in the Russia's South 1920s–1930s

Susanna D. Bagdasaryan

Sochi State University, Russian Federation
PhD (History)
E-mail: BSD73@mail.ru

Abstract. The article overviews historiographic issues in the lifestyle of South Russian agrarian (peasant and Cossack) communities of 1920s and 1930s, as well as theoretic-methodological research tools of these communities. The key principles, directions and results of researched issues of life of the farmers of the Don, the Kuban and Stavropol during NEP time and the period of collective construction are identified. Now existing academic schools for the study of peasant-Cossack communities of the 1920s and 1930s in the Southern Russian are briefly described and their activity was assessed.

Keywords: agrarian community; historiography; the Cossacks; collectivization; collective farms; the peasantry; rich peasants; destitution of rich farmers; depriving of Cossacks' identity; scientific school.

Введение. На протяжении многих столетий российское крестьянство играло роль станового хребта отечественной государственности: крестьяне платили львиную долю налогов в казну, содержали (прямо или опосредованно) многочисленных служилых людей, бесперебойно поставляли в армию неприхотливых, выносливых и отважных бойцов и, в конце концов, кормили население России. Вольно или невольно, но крестьянство выступило и чрезвычайно важным ресурсом советской модернизации, превратившей СССР в одну из ведущих мировых держав. Хотя, по иронии судьбы, все та же модернизация поставила предел историческому бытию традиционного крестьянства, возникшее по ее итогам крестьянство колхозное являлось многочисленной социальной группой советского общества, обеспечивающей функционирование аграрного сектора экономики и отвечающей за продовольственную безопасность страны. Поэтому колхозники пользовались устойчивым вниманием советских писателей, сценаристов, публицистов и ученых. В том числе, историки-аграрники активно разрабатывали проблематику формирования и деятельности советской генерации крестьянства, тщательно исследуя как доколхозную деревню эпохи нэпа, так и период коллективизации и последующего развития коллективизированной деревни. Интерес общественности и ученого мира к прошлому и настоящему российской деревни заметно охладил лишь в постсоветский период (правда, первоначально был замечен вызванный «перестройкой» и «гласностью» ажиотаж вокруг болезненных вопросов «раскулачивания» и «расказачивания», антикрестьянских акций времен коллективизации и Великого голода 1932–1933 гг.). В значительной мере это обуславливалось процессом разрушения колхозной системы во время либерал-радикальных реформ 1990-х гг. и игнорированием насущных нужд села так называемыми «реформаторами».

Сегодня в мире происходят события, со всей очевидностью доказывающие неправомерность действий «гарвардской шпаны» [1], объявившей российское сельское хозяйство «черной дырой», отказавшей деревне в праве на развитие и выступившей с броским лозунгом «Запад нас накормит!», являлись не просто ошибкой кабинетных реформаторов, но прямым предательством национальных интересов. Развернувшаяся на фоне украинского кризиса война экономических санкций между Россией и Западом с беспощадной ясностью показывает, насколько сильно продовольственная безопасность нашей страны зависит от иностранных поставщиков и почему отечественный аграрный сектор остро нуждается в поддержке государства. В этой ситуации отрадно декларируемое руководством России намерение учитывать интересы отечественных аграриев и обеспечить развитие нашего сельского хозяйства.

Материалы и методы. Одним из условий успешного реформирования и развития сельского хозяйства в современной нам Российской Федерации выступает тщательное, всестороннее и объективное осмысление опыта предшествующих преобразований в аграрной сфере, которое невозможно без активизации исторических исследований в соответствующем направлении. При этом наиболее актуальным представляется осмысление и переосмысление многократно изучавшегося, но до сих пор вызывающего немало дискуссий переломного этапа в истории российской деревни, каковым выступают 1920–1930-е гг. С точки зрения модернизации сельхозпроизводства эти десятилетия, на первый взгляд столь разные (относительно либеральная эпоха нэпа и сопряженный с массовыми репрессиями «великий перелом») выступают как этапы одного пути, когда советская власть первоначально терпела существование индивидуальных крестьянских хозяйств рядом с колхозно-совхозным сектором, а с конца 1920-х гг. она взяла курс на унификацию аграрной сферы

путем полного вытеснения архаичного мелкокрестьянского производства крупными, технически оснащенными сельхозпредприятиями, – колхозами и совхозами.

В создавшейся ныне ситуации актуализация изучения такого этапа в истории российской деревни, как 1920–1930-е гг., обусловлена определенными историческими параллелями. Ведь тогда, как и сейчас, ведущая и направляющая роль в модернизации аграрного сектора принадлежит государству. Соответственно, анализ реформаторских методик эпохи колхозного строительства позволяет сегодня правильно использовать мощь государства и потенциал общества, повысить эффективность полезных наработок советской эпохи и снизить риск вероятностных исторических ошибок.

Учитывая вышеизложенное, в представленной публикации мы предприняли попытку проанализировать динамику ведущих направлений, теоретико-методологического инструментария и результатов, осуществлявшихся в советский период и продолжающихся поныне научных исследований аграрных сообществ Юга России 1920–1930-х гг. Поскольку в рамках одной публикации никоим образом невозможно хотя бы удовлетворительно проанализировать общероссийскую (тем более, общесоюзную) историографию доколхозной и коллективизированной советской деревни, выбор территориальных рамок нашей работы, – Дона, Кубани и Ставрополья, – предопределен преимущественно аграрным характером экономики перечисленных регионов. Представителями властных структур, в том числе и большевиками, Дон, Кубань, Ставрополье с полным основанием расценивались как весьма важные зернопроизводящие регионы и вовсе не случайно их включили в первоочередной состав объектов сплошной коллективизации. Региональные материалы содержат богатейший массив информации о жизнедеятельности крестьянско-казачьих сообществ в 1920–1930-х гг. и о модернизации сельхозпроизводства здесь, и это всегда привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей.

Южно-российская региональная историография проблемы состояния, развития и преобразований деревни в 1920–1930-х гг. весьма обширна. В этом легко убедиться, бросив лишь беглый взгляд на специальные публикации или соответствующие разделы в монографиях, посвященных аграрной тематике. Собственно, будучи ограничены рамками публикации, исключая возможность тщательного рассмотрения всего обширного комплекса научных работ по рассматриваемой нами проблеме, мы вынуждены ограничиться обзорным анализом наиболее важных, знаковых узким специалистам исследований. С учетом объема настоящей статьи подобная избирательность отнюдь не является недостатком, поскольку сосредоточение нашего внимания на наиболее важных работах позволяет успешно решить поставленные задачи. Заинтересованный же читатель может ознакомиться с подробным анализом историографии различных аспектов жизнедеятельности южно-российского крестьянства и казачества 1920-х – 1930-х гг. в изданных на протяжении последних лет монографиях А.П. Скорика, В.А. Бондарева, Т.В. Панковой-Козочкиной, Т.А. Самсоненко, Р.Г. Тикиджьяна, М.А. Гадицкой, характеристика которых будет дана нами на последующих страницах настоящей публикации.

Обсуждение. С самого начала периода 1920-х гг. южно-российские исследователи активно приступили к освещению и осмыслению тех процессов, которые разворачивались в доколхозных селах и станицах. Анализ разнообразных статей, брошюр и монографий позволяет выделить ряд теоретических и методологических доминант, характерных не только для издававшихся на Юге России работ по аграрной тематике 1920–1930-х гг., но и для всей советской историографии в целом.

Теоретико-методологической базой советской науки, в том числе исторической, являлся марксизм, одновременно выступавший и фундаментом коммунистической идеологии. Тем самым, идеология и наука в СССР тесно сосуществовали на одной идейной основе, причем, первая в сильнейшей степени влияла на вторую, а зачастую, – определяла ее; последнее обстоятельство далеко не самым лучшим образом отражалось на качестве исторических наследований, снижая объективность и обоснованность авторских суждений и выводов. Безусловное доминирование марксизма предопределяло ведущие подходы и направления исторических исследований, в том числе и в области аграрной истории. На протяжении рассматриваемого нами периода превалировали классовый, историко-экономический и историко-политический подходы. Если первый трактовал историю человечества как вечную битву антагонистических классов и нацеливал советских исследователей на освещение социальных антагонизмов и социальных конфликтов, то второй акцентировал внимание специалистов на глубоком изучении экономических (социально-экономических) процессов как факторов, определявших ход и характер процессов социально-политических, которые выступали объектом внимания в рамках третьего из указанных подходов. Социально-экономические и социально-политические процессы и проблемы всегда находились в центре внимания советских исследователей, но актуальность отдельных вопросов в рамках этих проблем неоднократно изменялась под влиянием внутри- и внешнеполитических событий. Все это оказало самое непосредственное влияние на процесс освещения жизнедеятельности аграрных сообществ Дона, Кубани и Ставрополья в 1920–1930-х гг.

В первой половине 1920-х гг. основные усилия южно-российских исследователей были сосредоточены на освещении процесса восстановления сельского хозяйства [2-5], поземельных отношениях и землеустройстве [6], имущественной и социальной дифференциации хозяйств

земледельцев [7-9], кооперации и колхозном строительстве [10-11]. Определенное внимание уделялось функционированию системы сельских советов [12-13], а после того, как с апреля 1925 г. партийное руководство провозгласило кампанию «лицом к деревне», которую в казачьих районах Юга России справедливо расценили как «лицом к казачеству», появился ряд работ о жизнедеятельности казачьих сообществ [14-15].

Надо подчеркнуть, что в 1920-х гг. освещение тех или иных процессов в селах и станицах Юга России мотивировалось не столько отвлеченно-теоретическим научным интересом, сколько практическими соображениями. В случае с восстановительными процессами в аграрном секторе существовал экономический интерес: исследователи констатировали и анализировали ход и результаты расширения посевных площадей, увеличения численности скота и т.п., что способствовало выработке дальнейших мер по восстановлению хозяйства. Внимание к вопросам дифференциации сельского населения, землеустройства и пр. определялось идеологическими установками большевиков и их социально-политическими расчетами, в соответствии с которыми в деревне ставку необходимо было делать на бедняцко-батрацкие слои и решительно ограничивать рост кулацко-зажиточной верхушки. В итоге, сильной стороной работ по аграрной тематике, издававшихся в 1920-х гг. на Юге России, являлась фактура, набор конкретно-исторических сведений (наличие цифр, материалов, статистических выкладок), тогда как объективность авторских выводов и суждений зачастую минимизировалась влиянием политико-идеологических установок компартии.

С началом сплошной форсированной коллективизации практика исследований казачье-крестьянских аграрных сообществ эпохи нэпа на Юге России стремительно сошла на нет. Ученые и публицисты полностью сосредоточились на освещении колхозного строительства, поставив на первый план такие аспекты отмеченной темы, как ликвидация «кулачества», динамика численности колхозов, их организационно-хозяйственное укрепление и т.п. [16-17] Вследствие резкого ужесточения внутривластной ситуации в Советском Союзе в эпоху «великого перелома», работы по колхозной тематике, издававшиеся на Дону, Кубани и Ставрополье в конце 1920–1930-х гг., были политизированы в гораздо большей степени, чем исследования предшествующего десятилетия. Данное обстоятельство весьма существенно снижает научно-теоретическую ценность данных работ, хотя это вовсе не означает, что под названным предлогом они не могут считаться фактом историографии.

В годы Великой Отечественной войны, по очевидным причинам, не проводились исследования ни коллективизированной, ни, тем более, доколхозной деревни Дона, Кубани и Ставрополья. Лишь во второй половине 1940–начале 1950-х гг. южно-российские специалисты вновь заинтересовались тематикой и коллективизации, и развития нэповской деревни. Интерес этот не ослабевал вплоть до окончания советской эпохи, следствием чего стало написание великого множества разнообразных работ – монографий, диссертаций, брошюр, статей, тезисов. Даже просто перечислить эти работы в рамках нашей публикации физически невозможно. Укажем лишь некоторые исследования, которые, на наш взгляд, являются наиболее объемными, информативными и значимыми в познавательном и научно-теоретическом плане.

В общей массе относящихся к 1950–1980-м гг. исторических исследований о южно-российской доколхозной деревне следует, как нам представляется, выделить обстоятельные монографии М.И. Овчинниковой, Е.В. Устиновского, П.Г. Чернопицкого [18-20]. Авторы этих работ сумели сформировать многократно расширенную, по сравнению с исследованиями предшествующих лет и десятилетий, источниковую базу и на ее основе тщательно проанализировать особенности социальных отношений на селе в эпоху нэпа, колхозно-кооперативное движение, динамику посевных площадей, поголовья скота, численности сельхозорудий.

В длинном списке изданных на Юге России в послевоенные советские десятилетия работ о коллективизации и развитии колхозной деревни заслуживают упоминания диссертации и монографии П.З. Канцдалова, В.Н. Пейгашева, Е.Н. Осколкова, Е.И. Турчаниновой [21-24]. В них обстоятельно освещалась динамика коллективизации, меры по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, борьба с «кулаками».

Тем не менее, при позитивных количественных сдвигах (здесь мы имеем в виду не только резкое увеличение со второй половины 1940-х гг. численности работ по интересующей нас проблематике, но также и весьма существенное расширение круга источников и рассматриваемых вопросов), качественные характеристики послевоенной советской историографии аграрных сообществ Юга России 1920-х – 1930-х гг. не претерпели серьезных изменений. По-прежнему ученые анализировали сельскую действительность Юга России эпохи нэпа и колхозного строительства в рамках историко-экономического и историко-политического подходов. В полной мере сохранялся приоритет классового подхода, исследовательский интерес к антикулацким мероприятиям советского правительства оставался традиционно высоким. Тематика классовой борьбы присутствовала практически в каждой работе по рассматриваемой нами проблеме, а также ей посвящались специальные исследования, вполне обстоятельные и информативные, как диссертация В.Е. Щетнёва или совместная монография В.И. Иванова и П.Г. Чернопицкого [25-26]. Наконец, не претерпел радикальных изменений и политико-идеологический базис издававшихся во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг. работ, хотя во времена «оттепели» и даже несколько позднее отдельные исследователи позволяли себе критические замечания в адрес аграрной политики сталинского режима.

Серьезные трансформации, – причем, не только количественные, но и качественные, – ожидали советскую и, в частности, южно-российскую историографию аграрных сообществ 1920–1930-х гг. только в связи с разворачиванием «перестройки» и «гласности». Появление действительной свободы слова, а затем и крушение СССР, дало исследователям возможность освещать ранее запретные вопросы советского прошлого: это, так сказать, количественные изменения в постсоветской историографии, заключающиеся в значительном увеличении числа подвергнутых научному анализу тем. Одновременно, монополия марксизма в сфере методологии сменилась методологическим плюрализмом, что привело к появлению новых направлений и подходов к осмыслению минувшего и, в том числе, – южно-российских аграрных сообществ эпохи нэпа и времен коллективизации; здесь мы видим уже качественные изменения в историографии.

Освободившись от гласных и негласных табу, южно-российские ученые в конце 1980–1990-х гг. сосредоточили усилия на освещении ранее замалчивавшихся вопросов советской истории, в той или иной мере касавшихся и жизнедеятельности крестьянства и казачества Дона, Кубани и Ставрополя в историческую эпоху нэпа и «великого перелома». В частности, в работах А.В. Баранова, А.И. Кругова, А.А. Панарина, Я.А. Перехова объективно и обстоятельно повествовалось о причинах и масштабах голода 1921–1922 гг., повстанческом движении на Юге России на исходе Гражданской войны, антикрестьянских и антиказачьих мерах большевиков, о жесткой налогово-заготовительной политике советской власти, о неоднозначном и нередко отрицательном отношении хлеборобов к колхозам и кооперации [27-31].

Никоим образом не был обойден вниманием и период коллективизации, поскольку в его рамках наличествовали табуированные и еще более острые вопросы, чем в доколхозную эпоху. Голод 1932–1933 гг., депортация населения «чернодосочных» станиц, репрессивные меры сталинского режима в отношении южно-российских хлеборобов во время коллективизации, – эти и другие неудобные для партийно-советских властей вопросы впервые были рассмотрены в постсоветский период в работах Е.Н. Осколкова (которому принадлежит благородная роль «первооткрывателя» отмеченных тем в региональной историографии), Р.М. Куцетерова, П.Г. Чернопицкого и ряда других исследователей [32-37].

Говоря о произошедших в постсоветский период качественных сдвигах в южно-российской историографии аграрных сообществ 1920–1930-х гг., надо отметить плодотворную деятельность ученых по разработке нового теоретико-методологического инструментария и новых направлений исследования. В частности, заслуживает упоминания актуализация А.В. Барановым понятия «многоукладность», которое исследователь трактует как характерное состояние доколхозной деревни и под которым справедливо понимает не только как одновременное наличие ряда хозяйственных форм, но как «всеобъемлющее состояние, имевшее не только экономические, но и социальные, политические, ментальные проявления» [38]. Выведение многоукладности на первый план при анализе устройства доколхозной деревни представляется чрезвычайно важным, поскольку предполагает вариативность развития, а не изначальную заданность движения по пути колхозов и совхозов, как это утверждалось в советской историографии.

Нельзя не упомянуть разрабатываемую Т.А. Булыгиной и членами ее научной школы «Новую локальную историю» [39-40], которая понимается исследователями как «изучение истории региона, в данном случае Северного Кавказа, в исследовательском поле общероссийской истории, с позиций междисциплинарного подхода». [41] Данное направление исследований выглядит перспективным, позволяя в полной мере учитывать этнокультурные особенности южно-российских аграрных сообществ в процессе осуществленных советской властью в 1920-х – 1930-х гг. аграрных преобразований, устанавливая степень опосредованности вторых первыми.

Крушение марксизма как единственно верной методологии и развитие в условиях методологического плюрализма целого ряда новых направлений осмысления прошлого, таких, как история повседневности, гендерная история, историческая антропология и т.п. предоставило южно-российским исследователям возможность анализировать те стороны жизнедеятельности региональных аграрных сообществ 1920-х – 1930-х гг., которые ранее не укладывались в прокрустово ложе классового, историко-экономического, историко-политического подходов и потому практически не привлекали внимания специалистов. Отметим, в частности, исследования Ж.О. Абреговой, Е.Ф. Кринок, И.Г. Тажидиновой, Т.П. Хлыниной, посвященные анализу повседневной жизни населения Юга России эпохи нэпа; помимо прочего, в них освещены аспекты культуры и быта жителей доколхозной деревни [42-43].

Несмотря на вышеперечисленные позитивные явления в постсоветской региональной историографии аграрных сообществ 1920–1930-х гг., на протяжении последних лет явно прослеживается печальная тенденция, заключающаяся в угасании интереса южно-российских исследователей к проблемам жизнеустройства и жизнедеятельности населения доколхозной и, в особенности, коллективизированной деревни. Тенденция эта порождена рядом причин, и среди ведущих выступает общее отчуждение власти и общественности от российской деревни, ее жизни и ее проблем.

На общем печальном фоне отрадно наблюдать появление новых работ по рассматриваемой нами аграрной тематике, ибо каждая из них свидетельствует о сохраняющемся познавательном потенциале

южно-российских историков, специализирующихся в исследовании крестьянства и казачества. Особенно же обнадеживает, когда результатом целенаправленных усилий отдельных исследователей или групп ученых-единомышленников становятся уже не единичные факты историографии (сколь бы солидными они были), а постоянно пополняющийся комплекс специальных работ по аграрной истории Юга России 1920–1930-х гг. или, выражаясь иными словами, – когда мы наблюдаем формирование и деятельность целой научной школы. В настоящее время мы можем констатировать функционирование в нашем регионе как минимум одной такой аграрной школы. Полагаем, что эта школа, – назовем ее новочеркасской, – и ее представители вполне заслуживают того, чтобы посвятить ей несколько страниц в настоящей публикации.

Представители новочеркасской аграрной школы уже внесли заметный вклад в изучение жизнеустройства и жизнедеятельности казачьих и крестьянских сообществ Дона, Кубани, Ставрополья 1920–1930-х гг., значительно расширив наши знания и представления о хозяйстве, быте, культуре и перипетиях исторического пути этих сообществ. Руководитель научной школы, профессор А.П. Скорик, впервые не только в региональной, но и общероссийской историографии, осуществил глубокий и обстоятельный анализ бытия донских, кубанских, терских казаков в такой непростой период их общей истории, как 1930-е гг. Вопреки распространенным в литературе голословным утверждениям о якобы проводившемся и, более того, завершеном в данный период «расказачивании», А.П. Скорик убедительно доказал, что казачество не просто сохранилось как уникальная группа колхозного крестьянства, но во второй половине 1930-х гг. оно вновь было востребовано и признано партийно-советским руководством, а в ряде случаев события развивались настолько мощно, когда уже говорили даже об «оказачивании». Суждения и выводы А.П. Скорика по проблематике казачества 1930-х гг. нашли признание и полную поддержку научного сообщества, о чем свидетельствует факт успешной защиты им диссертации по указанной тематике [44-46].

Одной из отличительных черт работ А.П. Скорика является тяготение к раскрытию методологических проблем исследования (что прослеживается и в работах его учеников). Так, вторая глава его докторской диссертации по отечественной истории называется «Расказачивание как научная категория и историческое явление 30-х гг. XX века на Юге России и его предыстория». В ней анализируются специфика взаимодействия казаков и большевиков в преддверии «великого перелома», политика советской власти по отношению к казачеству в первой половине 30-х гг. XX в., восприятие донцов, кубанцев и терцев сплошной коллективизации и колхозной системы, комплекс существующих дефиниций и подходов к определению «расказачивания». [47] Здесь мы находим четкие определения каждого из этапов противостояния сталинского режима и казачье-крестьянского населения, понятия типов казачьих протестных акций, варианты трактовок «расказачивания». Очевидно, это связано с тем, что А.П. Скорик защитил первую докторскую диссертацию по социальной философии, [48] и его давно волнуют теоретические проблемы развития государственности, [49] а главное – многостороннего социального отклика казачества и крестьянства на макро и микроуровне исторического процесса на политику советского государства в 1920-е – 1930-е, да и 1950-е гг. [50] И если в докторской диссертации по социальной философии поставлена проблема концептуального рассмотрения исторической ошибки и социального эксперимента на уровне социально-философского анализа, [51] то в последующих работах мы видим локализацию научного дискурса на теоретических проблемах истории и современности казачества [52-56].

В работах его ученика – В.А. Бондарева, впервые в южно-российской историографии, коллективизация 1930-х гг. рассматривается с позиций теории модернизации. Действуя в рамках этого, сравнительно нового для отечественной исторической науки, подхода, сформировав и проанализировав широкую источниковую базу, В.А. Бондареву удалось убедительно выявить как достоинства, так и недостатки колхозной системы в том ее виде, в каком она существовала в 1930-х гг. Отмечая многократное превосходство колхозов над индивидуальными земледельческими хозяйствами по уровню механизации, агрономического обслуживания, размерам посевных площадей и пр., исследователь справедливо подчеркнул, что даже к исходу 1930-х гг. уровень энерго и технической оснащенности коллективных хозяйств, равно как и их общее организационно-хозяйственное состояние, были далеко недостаточны для успешного функционирования. Тем самым, коллективизация может позиционироваться в качестве фрагментарной (частичной) модернизации аграрного производства в СССР, по завершении которой постоянно продолжалось проведение мер по дальнейшему осовремениванию сельского хозяйства [57-58]. Наиболее фундаментальной работой В.А. Бондарева является монография «Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни», где научному сообществу предложено множество инновационных суждений, в частности, о кулачестве, раскулачивании и раскрестьянивании [59].

Помимо указанных выше работ, представители новочеркасской школы посвятили целый ряд монографий освещению тех сторон и аспектов исторического бытия колхозной деревни Юга России 1930-х гг., которые практически отсутствовали в качестве предмета исследования в предшествующей региональной историографии. А.П. Скорик и М.А. Гадицкая детально проанализировали гендерные аспекты коллективизации, устройства и функционирования колхозов и сельской действительности 1930-х гг., установив удельный вес женщин в общей массе южно-российских колхозников, развитие их гендерного потенциала в условиях колхозного строительства, степень их вовлеченности в

общественное производство, роль в тех или иных отраслях колхозной экономики, специфику повседневности и ментальности. [60]

В работах В.А. Бондарева и Т.А. Самсоненко подробно рассматривались вопросы формирования, устройства и деятельности систем социальной помощи и медицинского обслуживания в коллективизированных селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополя. Подобные вопросы в региональной южно-российской литературе затрагивались, как правило, лишь в 1930-х гг., да и то, их рассмотрение в то время отличалось не научным, теоретически-выверенным характером, а вполне практическим, прикладным. Тем самым, работы названных авторов заполнили десятилетиями существовавшую в южно-российской историографии лакуну. [60-62]

А.С. Левакин и В.А. Бондарев сосредоточили усилия на освещении проблемы формирования и деятельности административно-управленческого аппарата коллективных хозяйств Юга России 1930-х гг. Парадоксально, но данная тема не нашла отражения в предшествующей научной литературе, несмотря на чрезвычайно важную роль партийных и административных структур в функционировании колхозной системы. [63-64] В.А. Бондарев и М.А. Гадицкая уделили внимание столь популярной в современной историографии теме, как повседневность. Исследователи провели детальный анализ трудовой повседневности в донских, кубанских, ставропольских колхозах 1930-х гг., на основе массива документов и материалов, воссоздав не только производственный быт колхозников и рабочих МТС, но и осветив особенности их досуга, конфликтных ситуаций на работе, методы стимулирования трудовой активности советских аграриев и т.п. [65]

Представители новочеркасской научной школы детально изучают аграрные сообщества Юга России эпохи нэпа, причем в последние годы они заметно активизировали усилия в данном направлении исследований. Отметим работы А.П. Скорика и Р.Г.Тикиджьяна о жизни донских казаков на протяжении 1920-х гг., [66] В.А. Бондарева и Т.В. Панковой-Козочкиной о путях развития крестьянско-казачьего земледелия эпохи нэпа. [67] Совместная монография А.П. Скорика и С.Д. Багдасарян, а также статья С.Д. Багдасарян о таких аспектах повседневности доколхозных сел и станиц Дона, Кубани, Ставрополя, как досуг и праздник, позволила заполнить ряд «белых пятен» в региональной историографии, в которой указанные вопросы практически никогда не привлекали пристального внимания [68-70]. В монографии Т.В. Панковой-Козочкиной раскрываются процессы становления местных органов власти после Гражданской войны и в годы нэпа, показываются противоречия между действовавшими нормативно-правовыми актами и большевистской административной практикой, выделяются особенности электорального процесса в станицах и селах, изучаются деятельность и представления в казачье-крестьянской среде о «союзах хлеборобов» как выразителях деревенских интересов и ценностей, исследуются степень участия и роль казачек и крестьянок в жизни местного сообщества, даются характеристики социально-профессиональной корпорации работников сельсоветов [71].

Заключение. Аграрные научные школы на Юге России, изучающие историческое время 1920-х – 1930-х гг., да и весь советский период, во многом своим исследовательским достижениям обязаны лидерам этих научных сообществ, таким как Ю.П. Денисов, Е.Н. Осколков, В.Е. Щетнев и др. К сожалению, в большинстве случаев с уходом в мир иной ведущих исследователей аграрные научные школы постепенно распадаются. Гораздо реже, как в случае с новочеркасской аграрной школой (А.П. Скорик является учеником Ю.П. Денисова, активно изучавшего аграрную историю 1940–1980-х гг.), происходит формирование нового научного сообщества, продолжающего уже на современном этапе изучение аграрной проблематики. Для новочеркасской аграрной школы характерно стремление к комплексному освещению проблемы бытия аграрных крестьянско-казачьих сообществ Юга России 1920–1930-х гг., когда труд на земле, быт, культура, менталитет сельского населения выступают частями единого целого, именуемого сельской действительностью. Основывая каждую свою работу на обширной источниковой базе, прежде всего, архивных материалах, предварительно подвергнутой обязательному и тщательному критическому анализу, новочеркасские исследователи (научное сообщество ученых, объединяющихся вокруг профессора А.П. Скорика, ибо территориально не все они проживают в столице донского казачества) стремятся к объективному осмыслению проблем минувшего. В этой научной школе изучают аграрные сообщества крестьян и казаков, отдельные социально-профессиональные группы (например, трактористов), хозяйственно-политические группы (например, кулаков, «красных партизан» [72]), гендерные группы (например, женщин). Причем, для них важно выявление не только негатива и/или позитива, и даже не исторического опыта. Ученые новочеркасской школы стремятся показать все многообразие деревенской жизни и раскрывают ее так, чтобы детальнейшим образом разобраться, а какова она история деревни в 1920–1930-е гг.

Примечания:

1. Термин, достаточно часто употребляемый в научно-публицистических дискуссиях, в частности, академиком Д.С. Львовым. См.: Академик Дмитрий Львов: «Нас обессилил синдром вживания в катастрофу» // URL: <http://ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=293daa03-b77d-476b-893d-35e8a8bd2742> (дата обращения: 07.09.2014).

2. Асаульченко П. К восстановлению сельского хозяйства на Кубани // Путь Советов. 1922. № 3–4.

3. Коновалов А. Состояние сельского хозяйства на Юго-Востоке России в 1922 и 1923 гг. // Юго-Восток. 1924. № 1 – 2.
4. Левин С. Сельское хозяйство края в 1924 – 1925 году (по данным налогового учёта 1925 г.) // Северо-Кавказский край. 1925. № 9.
5. Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Ростов н/Д. Краснодар, 1924.
6. Чёрный В. Политика партии на Кубани в области землеустройства // На аграрном фронте. 1927. № 2.
7. Понимарёв А.А. К характеристике расслоения северокавказской деревни. Ростов н/Д., 1925.
8. Конюков И.А. О расслоении крестьянских хозяйств Кубани. Краснодар, 1928;
9. Мартынов М. К характеристике социальной дифференциации деревни на Тереке. Социально-экономический очерк. Пятигорск, 1928.
10. Осинский С. Краткий очерк сельскохозяйственной кооперации Юго-Востока. Ростов н/Д., 1924.
11. Михайлов И. Итоги колхозного строительства (к 10-й годовщине Октября) // Северо-Кавказский край. 1927. № 10.
12. Клейнер И.М. Действительность кубанской станицы. Краснодар, 1924.
13. Горюнов П.М. О перевыборах советов на Дону. Ростов н/Д., 1927.
14. Горюнов П.М. О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Новочеркасск, 1925.
15. Ульянов И. Казаки и Советская республика. М. – Л., 1929.
16. Лихницкий Н.Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д., 1931.
17. Дарьев А.Б. Колхозный Дон. Ростов н/Д., 1933; Наш край (сельское хозяйство Орджоникидзевского края). Пятигорск, 1939; Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. Ростов н/Д., 1940.
18. Овчинникова М.И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921 – 1929). Ростов н/Д., 1972.
19. Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920 – 1929 гг. Ростов н/Д., 1987;
20. Устиновский Е.В. Ленинская аграрная программа и её осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917 – 1927 гг.). Ростов н/Д., 1989.
21. Канцдалов П.З. Коллективизация сельского хозяйства на Тереке: Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 1951.
22. Пейгашев В.Н. Большевики Ставрополя в борьбе за сплошную коллективизацию сельского хозяйства: Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 1951.
23. Турчанинова Е.И. Подготовка и проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства в Ставрополье. Душанбе, 1963.
24. Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств). Ростов н/Д., 1973.
25. Щетнёв В.Е. Классовая борьба в кубанской станице (1920 – 1927 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.
26. Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д., 1971.
27. Кругов А.И. Голод 1921–1922 гг. в Ставропольской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
28. Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики: (1921–1929 гг.). СПб., 1996;
29. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999;
30. Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия. Ростов н/Д., 1997;
31. Панарин А.А. Социально-экономическая трансформация отечественной кооперации в 1921 – 1929 гг.: На материалах Дона и Северного Кавказа. Дис. ... докт. ист. наук. Армавир, 2004.
32. Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991.
33. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 3-23.
34. Токарева Н.А. Деформация социально-экономических отношений в станицах и сёлах Северо-Кавказского края в 1928–1929 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1994.
35. Куцетеров Р.М. Аграрная политика Советского государства. 1917 – 1991 гг. (на материалах Северного Кавказа): Дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 1997.
36. Чернопицкий П.Г. Голод 1932 / 1933 гг. на Кубани // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 26-32.
37. Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. СПб., 2000.
38. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 22.
39. Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Вып. 1. Новая локальная история: методы, источники,

- столичная и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской Интернет-конференции. Ставрополь. 2003. С. 3-11.
40. Булыгина Т.А. Историческая антропология и исследовательские подходы «новой локальной истории» // Человек на исторических поворотах XX века / Под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. Краснодар, 2006. С. 27-34.
41. Булыгина Т.А. Историческая антропология и исследовательские подходы «новой локальной истории» // Человек на исторических поворотах XX века / Под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. Краснодар, 2006. С. 27.
42. Абрегова Ж.О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани (конец XIX – первая треть XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2004.
43. Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920 – 1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д., 2011.
44. Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. Ростов н/Д., 2008.
45. Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д., 2009.
46. Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований. Дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2009.
47. Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2009. С. 20-27.
48. Скорик А.П. Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе. Дис. ... докт. философ. наук. Ростов н/Д., 2001.
49. Скорик А.П., Лукичев П.Н. Квазигосударственность // Полис (Политические исследования). 1994. № 5. С.139-142.
50. Скорик А.П. Донское казачество в начале 1950-х гг. // Вопросы истории (г. Москва). 2013. № 1. С. 64-72.
51. Скорик А.П. Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе. Автореф. дис. ... докт. философ. наук. Ростов н/Д., 2001. С. 11-20.
52. Скорик А.П., Озеров А.А. Этносоциальный адрес донцов. Научно-полюемический дискурс. Ростов н/Д., 2005.
53. Скорик А.П. Казачья корпорация на Дону как современный социальный проект // Клио (г. Санкт-Петербург). 2006. № 1(32). С.167-176.
54. Скорик А.П. Социально-этнические образы и константы казачества Юга России 1930-х гг. // Образ «Другого» в поликультурных обществах: Материалы междунар. науч. конф. Пятигорск, 22-24 апреля 2011 г. Пятигорск – Ставрополь – Москва, 2011. С. 365-368.
55. Скорик А.П. Инсталляция современного казачества в социальном ландшафте российского общества // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: Материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (октябрь 2011 г. / Редкол.: В.Н. Ратушняк (отв. ред.). Краснодар, 2012. С. 235-242.
56. Скорик А.П. Опыт создания исторического описания Первого Донского округа // Вопросы национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей: материалы Международной науч.-практ. конф., посвященной 1150-летию славянской письменности. Краснодар, 2013. С. 146-154.
57. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х гг. XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д., 2005.
58. Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х – 30-х годах XX века. Ростов н/Д., 2006.
59. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х гг. XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. С. 258-268.
60. Скорик А.П., Гадицкая М.А. Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет. Ростов н/Д., 2009.
61. Бондарев В.А., Самсоненко Т.А. Социальная помощь в колхозах 1930-х гг.: на материалах Юга России. Новочеркасск, 2010.
62. Самсоненко Т.А. Коллективизация и здравоохранение на Юге России 1930-х годов. Новочеркасск, 2011.
63. Левакин А.С. Формирование и деятельность административно-хозяйственного аппарата колхозов в 1930-е гг. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья). Дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2009.
64. Левакин А.С., Бондарев В.А. Колхозная администрация 1930-х гг.: социальный портрет и профессиональная деятельность. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co. KG, 2012.

65. Гадицкая М.А., Бондарев В.А. Трудовая повседневность колхозной деревни: складывание новых производственных отношений в селах и станицах Юга России 1930-х годов. Новочеркасск, 2014.

66. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010.

67. Панкова-Козочкина Т.В., Бондарев В.А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск, 2012.

68. Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск, 2012.

69. Bagdasaryan S.D. Militarization of South-Russian Peasants' Leisure in 1920s // Военный сборник. 2013, № 1, pp. 13-17.

70. Bagdasaryan S.D. Daily Occurrence of the Southern Russian Peasantry and Church Institute in the 1920th // European Journal of Social and Human Science, 2014, Vol.(1), № 1, pp. 6-10.

71. Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014.

72. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Красные партизаны в советской действительности 1920-х – 1930-х годов (на материалах Юга России) // Российская история (г. Москва). 2009. № 4. С.104-114.

References:

1. A term often used in scientific and journalistic discussions, in particular, academician D.S. Lvov. See: Academician Dmitry Lvov: «We are weakened by the syndrome of surviving in the catastrophe» // URL: <http://ras.ru/digest/shownews.aspx?id=293daa03-b77d-476b-893d-35e8a8bd2742> (date of access: 07.09.2014). (In russian).

2. Asaulenko P. To the recovery of agriculture in the Kuban // Path of Soviets. 1922. No. 3-4. (In russian).

3. Konovalov A. The State of agriculture in the South-East of Russia in 1922 and 1923 // South-East. 1924. No. 1-2. (In russian).

4. Levin S. Agriculture region in 1924 - 1925 (according to tax records 1925) // North-Caucasian region. 1925. No. 9. (In russian).

5. Goldenthul I. Land relations in the Kuban. A brief outline. Rostov on/D. Krasnodar, 1924. (In russian).

6. Chernyui I. The policy of the party in the Kuban region in the area of the land // In the agricultural front. 1927. No. 2. (In russian).

7. Ponomarev A.A. To the folation's characteristic of the North Caucasian village. Rostov on/D., 1925. (In russian).

8. Konyukov I.A. About the stratification of farms Kuban. Krasnodar, 1928. (In russian).

9. Martynov M. To the characterization of social differentiation village on the Terek. Socio-economic profile. Pyatigorsk, 1928. (In russian).

10. Osinsky, S. A brief outline of agricultural cooperatives in the South-East. Rostov on/D., 1924. (In russian).

11. Mikhailov I. The results of the collective farm construction (to the 10-th anniversary of the October /North-Caucasian region. 1927. No. 10. (In russian).

12. Kleiner I.M. The validity of the Kuban Cossack village. Krasnodar, 1924. (In russian).

13. M. Goryunov O.N. About the elections of Soviet on Don. Rostov on/D., 1927. (In russian).

14. Goryunov P.M. About the Cossack question (From observations and experience in Yeisk region of the Don district). Novocherkassk, 1925. (In russian).

15. Ulyanov I. Cossacks and the Soviet Republic. M. - L., 1929. (In russian).

16. Lichnicki N.T. The class struggle and the kulaks in the Kuban. Rostov on/D., 1931. (In russian).

17. Dariev A.B. Don Collective. Rostov on/D., 1933; Our land (agriculture of Ordzhonikidze region). Pyatigorsk, 1939; The economy of the Rostov region for 20 years. Rostov on/D., 1940. (In russian).

18. Ovchinnikova M.I. Soviet peasantry of the North Caucasus (1921–1929). Rostov on/D., 1972. (In russian).

19. Chernopiskii P.G. Village of North Caucasus region in 1920 - 1929 Rostov on/D., 1987. (In russian).

20. Ustinovskiy E.V. Leninist agrarian programme and its implementation in the North Caucasus (October 1917 - 1927 years.). Rostov on/D., 1989. (In russian).

21. Kantsedalov P.Z. The collectivization of agriculture on the Terek: Dis. ... PHD. Pyatigorsk, 1951. (In russian).

22. Peigashev V.N. The Bolsheviks of Stavropol in the struggle for total collectivization of agriculture: Dis. ... PHD. Pyatigorsk, 1951. (In russian).

23. Turchaninova E.I. Preparation and execution of continuous collectivization of agriculture in the Stavropol region. Dushanbe, 1963. (In russian).

24. Oskolkov E.N. The victory of the collective farm system in the grain areas of the North Caucasus (essays of the history of the party leadership collectivization of peasant and Cossack farms). Rostov on/D., 1973. (In russian).

25. Schetnev V.E. The class struggle in Kubanskaya stanitsa (1920 - 1927 years.). Abstract from dis. ... PHD. M., 1968. (In russian).

26. Ivanov V.I., Chernopiskii P.G. The Socialist construction and the class struggle on Don (1920 - 1937). Historical essay. Rostov on/D., 1971. (In russian).

27. Kruglov A.I. Starvation of 1921 - 1922 in the Stavropol province. Dis. ... PHD. M, 1995. (In russian).

28. Baranov A.V. Social and political development of the North Caucasus in the context of the new economic policy (1921 - 1929). SPb., 1996. (In russian).

29. Baranov A.V. Mixed society of the Northern Caucasus in the context of the new economic policy. Krasnodar, 1999. (In russian).

30. Perechov A.A. Power and Cossacks: the search for agreement. Rostov on/D., 1997. (In russian).

31. Panarin A.A. Socio-economic transformation of domestic cooperation in 1921 - 1929: On the materials of the Don and the North Caucasus. Dis. ... PHD. Armavir, 2004. (In russian).

32. Oskolkov E.N. The famine of 1932 / 1933. Grain reserves and the hunger 1932/1933 years in the North Caucasus region. Rostov on/D., 1991. (In russian).

33. Oskolkov E.N. Tragedy of «chernoloschenyh» stanits: documents and facts // *Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social science.* 1993. No. 1 - 2. P. 3-23. (In russian).
34. Tokareva N.A. Deformation of socio-economic relations in the villages and stanitsas of the North Caucasus region in 1928 - 1929 Dis. ... PHD. Rostov on/D., 1994. (In russian).
35. Kuscheterov R.M. Agricultural policy of the Soviet state. 1917 - 1991 (on the materials of the North Caucasus): Dis. ... PHD. Stavropol, 1997. (In russian).
36. Chernopiskii P.G. Famine of 1932 / 1933 in Kuban // *Native Kuban.* 2002. No. 3. P. 26-32. (In russian).
37. Maltseva N.A. Essays on the history of collectivization in the Stavropol region. SPb., 2000. (In russian).
38. Baranov A.V. Mixed society of the Northern Caucasus in the context of the new economic policy. Krasnodar, 1999. P. 22. (In russian).
39. Malovichko S.I. Boulygina T.A. Modern historical science and the study of local history // *New local history. Vol. 1. A new local history: methods, sources, metropolitan and provincial historiography: proceedings of the first national Internet conference.* Stavropol. 2003. P. 3-11. (In russian).
40. Bulygina T.A. Historical anthropology and research approaches of the «new local history» // *Man on the historical twists and turns of the twentieth century* / Ed. by A.N. Ereemeeva, A.Y. Rozhkova. Krasnodar, 2006. P. 27-34. (In russian).
41. Bulygina T.A. Historical anthropology and research approaches of the «new local history» // *Man on the historical twists and turns of the twentieth century* / Ed. by A.N. Ereemeeva, A.Y. Rozhkova. Krasnodar, 2006. P. 27. (In russian).
42. Abregova Z.O. The Everyday life of the rural population of the Kuban (end of XIX - the first third of the XX centuries). Dis. ... PhD. Maykop, 2004. (In russian).
43. Krinko E.F., Tajidinova I.G., Hlynina T.P. Everyday world of Soviet man of the 1920 - 1940s: life in terms of social transformations. Rostov on/D., 2011. (In russian).
44. Skorik A.P. Diversity of the Cossacks of Southern Russia in the 1930-ies: essays on the history. Rostov on/D., 2008. (In russian).
45. Skorik A.P. Cossack southern Russia in the 1930-ies: the edge of the historic fate of the social community. Rostov on/D., 2009. (In russian).
46. Skorik A.P. Cossacks of Southern Russia in the 30-ies of XX century: a historical conflicts and the experience of transformation. Dis. ... PHD. Stavropol, 2009. (In russian).
47. Skorik A.P. Cossacks of Southern Russia in the 30-ies of XX century: a historical conflicts and the experience of transformation. Abstract. dis. ... PHD. Stavropol, 2009. S. 20-27. (In russian).
48. Skorik A.P. Problems of experiments and errors in the historical process. Dis. ... PHD. Sciences. Rostov on/D., 2001. (In russian).
49. Skorik A.P., Lukichev P.No Quasigovernment // *Polis (Political studies).* 1994. No. 5. P. 139-142. (In russian).
50. Skorik A.P. Don Cossacks in the early 1950s, // *Questions of history, Moscow.* 2013. No. 1. P. 64-72. (In russian).
51. Skorik A.P. Problems of experiments and errors in the historical process. Abstract. dis. ... PHD. Rostov on/D., 2001. P. 11-20. (In russian).
52. Skorik A.P., Ozerov A.A. Ethnosocial address Dontsov. Scientific and polemical discourse. Rostov on/D., 2005. (In russian).
53. Skorik A.P. Cossack Corporation on Don as a modern social project // *Clio (St. Petersburg).* 2006. No. 1(32). P. 167-176. (In russian).
54. Skorik A.P. Socio-ethnic images and constants of the Cossacks of Southern Russia of the 1930s, // *The Image of the «Other» in a multicultural society: proceedings of the Intern. scient. conf. Pyatigorsk, April 22-24, 2011 Pyatigorsk - Stavropol - Moscow,* 2011. P. 365-368. (In russian).
55. Skorik A.P. Installation of the modern Cossacks in the social landscape of the Russian society // *the Russian Cossacks: history, problems revival and prospects: Materials of all-Russian. scient. conf. (October 2011 / editorial Board.: V.N. Ratushnyak (resp. as amended). Krasnodar,* 2012. P. 235-242. (In russian).
56. Skorik A.P. The experience of creating a historical description of the First of the Don district // *Issues of national historiography and national historic views of the Slavs and their neighbors: materials of International scientific-practical use. Conf., dedicated to the 1150th anniversary of Slavonic literature.* Krasnodar, 2013. P. 146-154. (In russian).
57. Bondarev V.A. Fragmentary modernization of post-October village: the story of the transformation of agriculture and the evolution of the peasantry in the late 20's – early 50-ies of XX century on the example of the grain areas of the Don, the Kuban and Stavropol. Rostov on/D., 2005. (In russian).
58. Bondarev V.A. Peasantry and collectivization: the diversity of socio-economic relations of villages in the districts of the Don, the Kuban and Stavropol in the late 20-ies and 30-ies of XX century. Rostov on/D., 2006. (In russian).
59. Bondarev V.A. Fragmentary modernization of post-October village: the story of the transformation of agriculture and the evolution of the peasantry in the late 20's – early 50-ies of XX century on the example of the grain areas of the Don, the Kuban and Stavropol. Rostov on/D., P. 258-268. (In russian).
60. Skorik A.P., Gadickaya M.A. Women-collective farmers of the South of Russia in the 1930-ies: gender-capacity and mentality. Rostov on/D., 2009. (In russian).
61. Bondarev V.A., Samsonenko T.A. Social assistance in collective farms of the 1930s: in the South of Russia. *Novocherkassk,* 2010. (In russian).
62. Samsonenko T.A. Collectivization and health care in the South of Russia of the 1930-ies. *Novocherkassk,* 2011. (In russian).
63. Levakin A.S. Formation and activities of the administrative office of the farms in the 1930s (on the materials of the Don, the Kuban and Stavropol). Dis. ... PhD. *Novocherkassk,* 2009. (In russian).
64. Levakin A.S., Bondarev V.A. The collective administration of the 1930s: a social portrait and professional activities. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co. KG, 2012. (In russian).
65. Gadickaya M.A., Bondarev V.A. Labor daily farm village: building new relations of production in villages and stanitsas of the South of Russia of the 1930-ies. *Novocherkassk,* 2014. (In russian).

66. Skorik A.P., Tikijian R.G. The brave Don Cossacks in 1920-ies: essays on the history. Rostov on/D., 2010. (In russian).
67. Pankova-Kozochkina T.V., Bondarev V.A. Cossack-peasant economy in the era of NEP: problems of modernization of agrarian relations in the South of Russia. Novocherkassk, 2012. (In russian).
68. Bagdasaryan S.D., Skorik A.P. Peasant everyday life of the era of NEP: leisure and holiday in the South of the Russian village in the 1920-ies. Novocherkassk, 2012. (In russian).
69. Bagdasaryan S.D. Militarization of South-Russian Peasants' Leisure in 1920s // Военный сборник. 2013, № 1, pp. 13-17. (In russian).
70. Bagdasaryan S.D. Daily Occurrence of the Southern Russian Peasantry and Church Institute in the 1920th // European Journal of Social and Human Science, 2014, Vol.(1), № 1, pp. 6-10.
71. Pankova-Kozochkina T.V. Cossack-peasant government of the era of NEP: problems of modernization of power relations in Southern Russia in 1920-ies. Novocherkassk, 2014. (In russian).
72. Skorik A.P., Tikijian R.G. Red partisans in the Soviet reality of the 1920s and 1930-ies (on the materials of the South of Russia // Russian history, Moscow). 2009. No. 4. P. 104-114. (In russian).

УДК 94(470.6)"1920": 94(470.6)"1930"

**Исследовательские практики
изучения аграрных сообществ юга России 1920–1930-х гг.**

Сусанна Джамиловна Багдасарян

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: BSD73@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен обзор историографии проблемы жизнедеятельности южно-российских аграрных (крестьянских и казачьих) сообществ в 1920–1930-х гг., а также проанализирован теоретико-методологический инструментарий исследования данных сообществ на отмеченном этапе их истории. Выделяются основные принципы, направления и результаты осуществлявшихся в советское и постсоветское время научных исследований проблемы жизнедеятельности земледельцев Дона, Кубани и Ставрополя в эпоху нэпа и период колхозного строительства. Охарактеризованы ныне существующие на Юге России научные школы по изучению крестьянско-казачьих сообществ 1920–1930-х гг., дана оценка их деятельности.

Ключевые слова: аграрные сообщества; историография; казачество; коллективизация; колхозы; крестьянство; кулаки; расказачивание; раскулачивание; научная школа.

UDC 341.01

The Kuril Islands: Russian-Japanese Relations (1920–2014)

Pavel N. Biriukov

Voronezh State University, Russian Federation
394033, Voronezh, Universitetskaja, pl. 1
Doctor of Legal Sciences, Professor
E-mail: birukovpn@yandex.ru

Abstract. The article deals with the history of Russian-Japanese relations on the Kuril Islands. A number of international documents, determining national ownerships of those islands are reviewed in the article. In particular, it analyzes the provisions of the Convention on basic principles of relations between the USSR and Japan of 1925. It denotes that the Yalta Agreement of 1945 established the territorial boundaries of Japan. From the international law perspective, which was back then effective, the provisions of the Potsdam Declaration of 1945 are considered. Potsdam Declaration (as well as the Yalta Agreement) is an integral part of a unified system of political and legal decisions made by the Allied Powers. The author points out that by signing the Act of Surrender of September 2, 1945, Japan agreed on the terms of the Potsdam Declaration. The provisions of the acts of the United States and Japan are reviewed, as well as the position of their representatives in the 40-50s of last century, which showed the Japan's renunciation of claims for Kuril Islands. Comprehensive investigation exposed to provisions of the San Francisco Peace Treaty of 1951. A due attention is paid to the analysis of the Joint Soviet-Japanese Declaration of 1956. The article represents international legal arguments supporting the affiliation of Kuril Islands to the Russian Federation. The author characterizes a current state of Russian-Japanese territorial issue.

Keywords: the Russian-Japanese relations; Kuril Islands; Convention on the basic principles of relations between the USSR and Japan of 1925; the Yalta Agreement; of 1945; the Potsdam Declaration of 1945; the Treaty of San Francisco of 1951; UN Charter; the Joint Declaration of 1956.

Введение. История взаимоотношений СССР (а теперь России) и Японии по поводу Курильских островов достаточно подробно описано в литературе. Однако в отношении государственной принадлежности Курил до сих пор ведутся споры. В статье предпринята попытка осветить проблемы суверенитета над островами с точки зрения современного международного права.

Материалы и методы. Основным источником для написания данной статьи стали официальные документы ООН, СССР, Японии, других государств, материалы журнальных публикаций и архивы.

В процессе исследования были использованы основные методы познания: проблемно-хронологический, историко-ситуационный, системный и сравнительного правоведения. Рассуждения автора строятся на базе проблемно-хронологического подхода. Использование историко-ситуационного метода позволило воспроизвести оценку подходов различных государств к вопросу о послевоенном территориальном устройстве Японии. Метод сравнительного правоведения определяет разницу во взглядах на действующие ныне международно-правовые нормы о государственной принадлежности Курильских островов. Применение системного метода делает достижения различных дисциплин (истории, международных отношений, международного права) доступными и сравнимыми, поскольку настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым.

Обсуждение. В апреле 2013 г. Москву посетил премьер-министр Японии. Результатом визита в Москву стало подписание Совместного заявления о развитии российско-японского партнерства. Руководители двух стран подтвердили свое желание «заключить мирный договор путем окончательного решения во взаимоприемлемой форме данного вопроса». Однако, по мнению японской стороны, «в конце Второй мировой войны Советский Союз, в нарушение пакта о нейтралитете, а также ряда международно-правовых документов напал на Японию и оккупировал» "северные территории". Следовательно, чтобы заключить мирный договор, необходимо урегулировать территориальную проблему. 6 сентября 2013 г. Президент РФ и Премьер-министр Японии в рамках состоявшегося Саммита G20 пришли к выводу, что страны будут руководствоваться принципом: «Нет победителей – нет побежденных». По мнению глав двух государств, именно так можно решить проблему мирного договора [1]. Какова международно-правовая составляющая этого спора в настоящий момент?

Как известно, после революции 1917 года государственная принадлежность южной части Сахалина и Курил определялась на основании Портсмутский договор 1905 года. В Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. [2] СССР согласился с тем, что Портсмутский договор продолжает действовать. Оба государства также обязывались «воздерживаться от всякой открытой или скрытой враждебной деятельности друг

против друга». Специальными протоколами [3] определялось положение острова Сахалин. Юридически статус-кво сохранялся до 1945 года.

В настоящее время принадлежность СССР Курильских островов, включая острова Итуруп, Кунашир и Малую Курильскую гряду, была определена рядом международно-правовых документов, принятых союзными державами в годы и по окончании Второй мировой войны.

Важнейшим документом в отношении границ послевоенного территориального устройства Японии является Ялтинское соглашение от 11 февраля 1945 года [4], подписанное руководителями СССР, США и Великобритании. В Соглашении (п. 2 и 3) прямо предусматривалась «передача Советскому Союзу» южной части о. Сахалин и Курильских островов. Главы трех великих держав согласились в том, что зафиксированные в этом соглашении нормы должны быть выполнены после победы над Японией. Иными словами, в Соглашении содержатся обязательные правила поведения, а не какие-то общие намерения (как пытаются утверждать в Японии).

Токио считает, что Ялтинское соглашение не имеет к Японии отношения, поскольку она его не подписывала и в момент капитуляции даже не знала о его существовании. Естественно, Япония и не могла участвовать в Ялтинском соглашении, поскольку находилась в состоянии войны с союзниками СССР – США и Великобританией. Вместе с тем, 26 июля 1945 г. главы правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая сделали Заявление (т. н. Потсдамская декларация) [5], в п. 8 которого прямо говорилось: «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем». СССР впоследствии присоединился к Потсдамской декларации.

Таким образом, Потсдамская декларация (равно как и Ялтинское соглашение) является неотъемлемой частью единой системы политико-правовых решений в отношении послевоенного устройства мира, сформулированных союзными державами.

Подписав 2 сентября 1945 года Акт о капитуляции [6], Япония приняла условия Потсдамской декларации 1945 года. В Акте говорится: «Мы, действуя по приказу и от имени Императора Японии, Правительства Японии и Генерального штаба Японии, настоящим принимаем условия Декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами Правительств Соединённых Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР ... Настоящим мы даем обязательство, что Правительство Японии и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации».

Уже на следующий день после подписания Акта о капитуляции – 3 сентября 1945 года – Верховный главнокомандующий союзных держав генерал Д. Макартур издал приказ № 2, согласно которому «Курильские острова, включая группу Хабомаи, являются изъятыми из зоны, где 8-я американская армия принимает капитуляцию японских войск». Этот приказ был положен в основу Меморандума Главнокомандующего союзных держав японскому императорскому правительству № 677 от 29 января 1946 года. Согласно Меморандуму из-под государственной и административной власти Японии были исключены все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе «Курильские острова (Тисима), группа о-вов Хабомаи (Хабомадзе), включая о-ва Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу а также о-в Сикотан». В отношении Меморандума у Японии не возникло никаких возражений, поскольку оно соответствовало условиям капитуляции, на которую страна согласилось [7].

Обязательность Ялтинского соглашения для Японии очевидна также в свете статьи 107 Устава ООН – документа, закрепляющего итоги войны. Устав «ни в коей мере не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям».

После подписания Акта о капитуляции СССР закрепил вхождение в свой состав Курил юридически. «С 20 сентября 1945 г. вся земля с ее недрами, лесами и водами на территории южной части острова Сахалина и Курильских островов является государственной собственностью, то есть всенародным достоянием» - говорилось в п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 г. [8]. Ни США, ни Япония правомерность этого указа никогда не оспаривали.

Ялтинские договоренности были подтверждены в 1951 г. Сан-Францисским мирным договором [9] (далее Договор 1951 г.). Согласно ст. 2с) Договора, «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.»

Утверждения Японии, что: во-первых, РФ не может ссылаться на этот договор, поскольку СССР его не подписал; во-вторых, по той же причине отказ Японии от Курильских островов не относится к России, и он не может использовать его для подтверждения своих прав, поскольку в договоре не указывается, кому именно передаются эти острова, - представляются несостоятельными. Да, СССР в силу ряда причин не подписал Договор 1951 г. Глава советской делегации в заявлении 8 сентября 1951 г. сделал упор на то, что в тексте договора не закреплен суверенитет СССР над Южным Сахалином и Курильскими островами [10]. Верно и то, что в этом документе не указано, в чью пользу Япония отказывается от Курильских островов. Тем не менее, зафиксированный в договоре отказ

Японии от Курильских островов носит абсолютный характер; его правовые последствия выходят за пределы круга участников Договора 1951 г. Согласно общепризнанным нормам международного права, "территориальные" нормы мирных договоров относятся ко всем субъектам МП в целом, а не только к участвующим в них государствам.

В ноябре 2011 года Министр иностранных дел России официально подтвердил позицию РФ: «Курилы были, есть и будут нашей территорией в соответствии с теми решениями, которые были приняты по итогам Второй мировой войны». Относительно Договора 1951 г., Министр, в частности, заявил: «Все разговоры про какие-то другие документы — декларация Сан-Франциско (которую Советский Союз не подписал), — не имеют никакого значения. Есть Устав ООН, в котором все написано просто и понятно» [11].

Еще один аргумент Японии заключается в том, что острова Итуруп, Кунашир и Малая Курильская гряда не входят в понятие «Курильские острова», от которых Япония отказалась по Договору 1951 г. Что можно сказать по этому поводу? В международных документах, в которых решался вопрос о принадлежности Курил, острова никогда (! - П. Бирюков) не разделялись. Руководители союзных держав исходили из понимания, что северные границы территории Японии ограничиваются береговыми линиями острова Хоккайдо, а понятие «Курильские острова» охватывает весь архипелаг, включая, разумеется, его южную часть без какого-либо изъятия. Да и само японское правительство в свое время признавало тот факт, что острова Итуруп, Кунашир и Малая Курильская гряда входят в понятие «Курильские острова», от которых Япония отказалась по Договору 1951 г. Например, представитель МИД в ходе ратификации Договора в парламенте Японии заявлял: «Я считаю, что территориальные пределы Курильских островов, о которых говорится в договоре, включают в себя как северные Курильские острова, так и южные». И далее: «поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета над Курильскими островами, она утратила "право слова" в отношении их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является решенным».

Наконец, по ст. 8а Договора Япония признала «полную силу всех договоров, заключенных союзными державами в настоящее время или в будущем, для прекращения состояния войны, начатой 1 сентября 1939 г., а также любые другие соглашения союзных держав, заключенные для восстановления мира или в связи с восстановлением мира». Таким образом, подписав Сан-Францисский договор, Япония признала действительность всех предыдущих договоренностей союзных держав, включая Каирскую декларацию 1943 г. и Ялтинское соглашение 1945 г.

В Японии утверждают, что занятие СССР Курильского архипелага означает нарушение им принципа отказа от территориальной экспансии, провозглашенного в Каирской декларации 1943 года. Однако сама Япония в течение длительного времени использовала эти острова в качестве базы для агрессии, в том числе для нападения на советские суда. После поражения в войне и Акта о безоговорочной капитуляции от 2 сентября 1945 г. к Японии, как к агрессору, был применен ряд мер ответственности, в том числе и отторжение части территории. Поэтому отторжение Курил следует рассматривать не как «территориальную экспансию», а как меру ответственности Японии согласно Каирской декларации. Такой подход полностью соответствует ст. 77 и 107 Устава ООН.

В 1955–1956 гг. между СССР и Японией шли переговоры о заключении мирного договора. В ходе переговоров СССР соглашался передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, но только в качестве условия заключения договора. СССР выдвигал в качестве *conditio sine qua non*: ликвидация всех американских баз на территории Японии и лишь после подписания мирного договора передача островов. Однако Япония предъявляла все новые и новые требования, вследствие чего мирный договор так и не был разработан.

19 октября 1956 года была подписана Совместная советско-японская декларация [12], которая была одновременно ратифицирована двумя государствами 8 декабря 1956 года. Основным содержанием Декларации стало прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между СССР и Японией. Однако после этого взаимоотношения сторон зашли в тупик аж на полвека.

В 2004 г. Министр иностранных дел РФ заявил, что Россия как продолжатель СССР признаёт декларацию 1956 года как существующую и готова вести на её базе территориальные переговоры. Премьер-министр Японии ответил, что его страну не устраивает передача лишь двух островов: «Если не будет определена принадлежность всех островов, мирный договор подписан не будет». В 2005 г. Президент России выразил готовность решить спор на базе декларации 1956 года, то есть передав Хабомаи и Шикотан, однако Япония не согласилась на это [13]. Переговоры так и не начались.

Заключение. В настоящее время российско-японские отношения переживают не самый лучший период. В марте 2014 года Япония приостановила переговоры с РФ о смягчении визового режима и притормозила начало переговоров еще по двум соглашениям: о предотвращении опасной военной деятельности в космосе и об инвестиционном сотрудничестве. В апреле был введен запрет на выдачу виз 23 российским чиновникам. В августе правительство Японии одобрило введение санкций против двух юридических лиц, был также введен запрет на импорт товаров из Крыма.

Как отмечают в Кремле, санкции Японии остаются самыми мягкими по сравнению с мерами, принятыми "семеркой" [14]. Очевидно, что Япония не желает портить отношения с РФ "украинским вопросом" и еще на что-то надеется в части "северных территорий". 21 сентября 2014 г. Президент РФ обсудил по телефону с Премьер-министром Японии двусторонние отношения. Главы государств договорились о продолжении двусторонних контактов на различных уровнях.

Таким образом, сегодня Токио считает, что СССР в 1945 г. действовал в нарушение международного права. Поэтому перед тем как подписать мирный договор, Россия должна вернуть Курильские острова. Следовательно, между Россией и Японией существует не территориальная проблема, а проблема мирного договора. Территориальный вопрос – это неперемutable условие заключения мирного договора, но никак не его содержания.

Примечания:

1. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1446 (дата обращения: 2.10.2014).
2. URL: <http://www.prlib.ru/history/pages/item.aspx?itemid=393> (дата обращения: 15.07.2014).
3. См.: СССР — Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925-1975). М., 1978; Русские Курилы: история и современность: Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2002.
4. URL: http://www.hrono.info/dokum/194_dok/194502krym.php (дата обращения: 15.07.2014).
5. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1945potsdam.php (дата обращения: 15.07.2014).
6. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/Акт_о_капитуляции_Японии_\(2_сентября_1945\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Акт_о_капитуляции_Японии_(2_сентября_1945)) (дата обращения: 15.07.2014).
7. URL: <http://svom.info/entry/371-kurily-zemlya-rossijskaya/> (дата обращения: 15.07.2014).
8. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_2.02.1946_о_национализации_земли,_банков..._южной_части_острова_Сахалин_и_Курильских_островов (дата обращения: 15.07.2014).
9. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/Сан-Францисский_мирный_договор_\(1951\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Сан-Францисский_мирный_договор_(1951)) (дата обращения: 15.07.2014).
10. URL: http://www.hrono.ru/dokum/195_dok/19510908gromy.php (дата обращения: 15.07.2014).
11. URL: <http://www.interfax.ru/politics/txt.asp?id=216408> (дата обращения: 15.07.2014).
12. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Советско_-_японская_декларация_1956_года (дата обращения: 15.07.2014).
13. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6775&PORTAL_ID=6770 (дата обращения: 15.07.2014).
14. URL: <http://ria.ru/politics/20140921/1024983679.html> (дата обращения: 2.10.2014).

References:

1. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1446 (data obraschenija: 2.10.2014).
2. URL: <http://www.prlib.ru/history/pages/item.aspx?itemid=393> (data obraschenija: 25.09.2014).
3. Sm.: SSSR — Japonija. K 50-letiju ustanovlenija sovetsko-japonskih diplomatičeskikh otnoshenij (1925-1975). M., 1978; Russkie Kurily: istorija i sovremennost': Sbornik dokumentov po istorii formirovanija russko-japonskoj i sovetsko-japonskoj granicy. M., 2002.
4. URL: http://www.hrono.info/dokum/194_dok/194502krym.php (data obraschenija: 15.07.2014).
5. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1945potsdam.php (data obraschenija: 15.07.2014).
6. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/Акт_о_капитуляции_Японии_\(2сентября1945\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Акт_о_капитуляции_Японии_(2сентября1945)) (data obraschenija: 15.07.2014).
7. URL: <http://svom.info/entry/371-kurily-zemlya-rossijskaya/> (data obraschenija: 15.07.2014).
8. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_2.02.1946_о_национализации_земли,_банков..._южной_части_острова_Сахалин_и_Курильских_островов (data obraschenija: 15.07.2014).
9. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/Сан-Францисский_мирный_договор_\(1951\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Сан-Францисский_мирный_договор_(1951)) (data obraschenija: 15.07.2014).
10. URL: http://www.hrono.ru/dokum/195_dok/19510908gromy.php (data obraschenija: 15.07.2014).
11. URL: <http://www.interfax.ru/politics/txt.asp?id=216408> (data obraschenija: 15.07.2014).
12. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Советско_-_японская_декларация_1956_года (data obraschenija: 15.07.2014).
13. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6775&PORTAL_ID=6770 (data obraschenija: 15.07.2014).
14. URL: <http://ria.ru/politics/20140921/1024983679.html> (data obraschenija: 2.10.2014).

Курильские острова: российско-японские отношения (1920–2014 г.)

Павел Николаевич Бирюков

Воронежский государственный университет, Российская Федерация
394000, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Доктор юридических наук, профессор
E-mail: birukovpn@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается история российско-японских отношений по вопросу о принадлежности Курильских островов. Приводится ряд международных документов, которые в разное время определяли государственную принадлежность указанных островов. В частности, анализируются положения Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией 1925 г. Подчеркивается, что Ялтинское соглашение 1945 г. установило территориальные границы Японии. В свете действовавших в то время норм международного права рассматриваются положения Потсдамской декларации 1945 г. Потсдамская декларация (равно как и Ялтинское соглашение) является неотъемлемой частью единой системы политико-правовых решений, сформулированных союзными державами. Автор указывает, что, подписав 2 сентября 1945 года Акт о капитуляции, Япония приняла условия Потсдамской декларации. Изучаются положения документов США и Японии, а также позиции их официальных представителей в 40-х-50-х г. прошлого века, которые свидетельствуют об отказе Японии от претензии на Курильские острова. Всестороннему исследованию подвергаются положения Сан-Францисского мирного договора 1951 г. Большое внимание уделяется анализу Совместной советско-японской декларации 1956 г. Представляются международно-правовые аргументы, подтверждающие принадлежность Курильских островов Российской Федерации. Характеризуется современное состояние российско-японского территориального вопроса.

Ключевые слова: Российско-японские отношения; Курильские острова; Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией 1925 г.; Ялтинские соглашения 1945 г.; Потсдамская декларация 1945 г.; Договор Сан-Франциско 1951 г.; Устав ООН; Совместная декларация 1956 г.

UDC 94:378(571)"1930/1941"

**History and Historians in the Soviet Political and Ideological Structure
in 1930s – early 1940s (case study: the Siberian Region)**

Dmitry V. Khaminov

National Research Tomsk State University, Russian Federation

PhD (History)

E-mail: khaminov@mail.ru

Abstract. In paper deals with the issues of a place and a role of historical knowledge and historians as a special professional community (university professors, researchers and students of the history departments) in the political and ideological structure of the Soviet state in the 1930s – early 1940s. The article restores politics of Communist Party and Soviet government in relation to historians on the example of a unique Siberian small region. The Author made an attempt, on the basis of party and government documents as well as archive materials, some of which were for the first time introduced in scientific circles, give a balanced assessment of these processes in the conditions of the most tragic and controversial periods in the Russian history.

Keywords: history; historian; ideology; politics; research studies; university; institute; Siberia.

Введение. Историки, являясь носителями и трансляторами особого исторического знания, на протяжении всей новейшей истории, во всех государствах и обществах представляли собой особую научно-педагогическую корпорацию, отличающуюся от представителей иных научно-образовательных сообществ. Эта особенность обуславливалась тем, что история выступала мировоззренческим и культурным ретранслятором, являлась специфической сферой общественных отношений и особым направлением государственной политики, благодаря которой осуществляется преемственность поколений и связь времен, формируется историческое сознание личности, ее гражданская и политическая идентичность, мировоззренческие установки, нравственные ценности и чувство патриотизма (в самом широком понимании этого понятия).

Наиболее ярко эта роль проявлялась в Советской России и, в первую очередь, в наиболее трагический и тяжелый период ее истории – в 1930-х – нач. 1940-х гг. Это был период формирования новой модели государственно-политического и общественного устройства, время внутрипартийной борьбы за власть и борьбы с оппозицией и инакомыслием, временем формирования режима личной власти Сталина, что, в конечном счете, привело к политическим репрессиям втор. пол. 1930-х гг. В эти годы крупнейшие мировые державы оказались втянутыми в глобальные геополитические процессы, которые выливались сначала в потенциальную, а вскоре и в реальную военную угрозу, что также требовало от государств-участников этих отношений превентивных действий в области историко-идеологического воспитания своих граждан.

Советские историки оказались непосредственными участниками идеологических процессов. С одной стороны, они были вовлечены в саму систему формирования нового политико-идеологического конструкта (в некоторой степени обслуживавая и поддерживавая его), а с другой стороны, они оказались в числе пострадавших от репрессивных действий государства.

В современной зарубежной и российской историографии сформировался достаточный массив работ, посвященных как в целом этому периоду, так и специальным вопросам идеологической обстановки и репрессивной политики в стране. По поводу общих вопросов государственно-идеологической политики в отношении исторической науки, образования и самих историков в масштабах всей страны написано большое количество научных и публицистических работ, в том числе и диссертационных исследований, а в последнее время стали появляться, хотя и в небольшом количестве, работы, посвященные региональным и локальным сюжетам [1-7]. Исходя из анализа историографии данного вопроса, научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении двух взаимосвязанных процессов и явлений – идеологического влияния государства и репрессивной политики в отношении историков на материалах сибирского региона.

Материалы и методы. При работе над исследованием были использованы партийные и правительственные программные и директивные документы, общегосударственные, региональные и местные нормативно-правовые акты, относящиеся к вопросам идеологии и организации высшего образования и науки. Важной составляющей источниковой базы стали локальные архивные документы сибирских регионов – отчеты о работе и протоколы заседаний партийных организаций вузов, научных учреждений и их структурных подразделений, а также органов власти на местах (городских и региональных).

Методологической основой является историко-институциональный подход к предмету исследования. Принципиальной методологической новизной работы является синтез двух

исследовательских стратегий: теории модернизации и концепции «центр-периферийных отношений».

Обсуждение. Череда губительных реформ и неудачных экспериментов в сфере исторического образования и науки (как и в других гуманитарных отраслях знания), самым негативным образом сказались на положении истории и историков в первое советское десятилетие. В 1920-е гг. в вузах страны (тем более, в Сибири) практически не существовало специальных структур для подготовки историков, преподавание исторических дисциплин (и в вузах и в школах) сводилось лишь к обществуведению (история была лишь вспомогательным знанием, которое обслуживало социологические, политэкономические и иные марксистские конструкты), а традиционные исторические исследования перестраивались под историко-партийную и революционную тематику, или, в лучшем случае, ориентировались на этнографические и краеведческие исследования – т.н. «Золотое десятилетие» краеведения Сибири [Напр. см.: 8. Л. 1].

По мере изменения внутривластной ситуации в стране и в мире, советское правительство, в первую очередь, сам И.В. Сталин, начали уделять больше внимания качеству исторического образования в средних учебных заведениях СССР, что неизбежно влекло за собой и задачу по решению вопроса с качеством подготовки самих историков в вузах.

История в ее традиционных, общегражданских рамках, теперь как нельзя лучше позволяла внедрить установку на восстановление государственной преемственности (между Российской империей и СССР), все более утверждавшуюся в мировоззрении руководства и постепенно в идеологии правящей партии в кон. 1920-х – перв. пол. 1930-х гг. Необходимо было придать ей только идеологическую марксистскую направленность. Преподавателей истории провозглашали «бойцами идеологического фронта» [9. С. 274]. Историческое образование на всех уровнях должно было решать проблему патриотического воспитания молодежи в условиях надвигающейся угрозы глобальной мировой войны, поскольку страна уже перешла от лозунгов о торжестве мировой революции и интернационализма к идее построения социализма в отдельно взятой стране (национально-ориентированная и государственническая функция исторического знания). Патриотизм к началу войны стал пониматься как «чувство постоянной мобилизационной готовности, чувства безграничной, активной любви к своей Родине» [10].

Помимо прямого воздействия на кадры самих историков через специфическое историческое образование, партийно-государственная идеологическая политика была ориентирована и на других специалистов, которых готовила советская высшая школа. Из историков частично формировался состав кафедр общественно-политических наук (кафедры марксизма-ленинизма, исторического и диалектического материализма, политэкономии и проч.), которые были основой политико-воспитательной и идеологической работы в вузах и иных учебных заведениях, формировавшие идейный облик советских специалистов, лояльных к власти.

Начало систематическому процессу подготовки историков в стране в целом и в Сибири, в частности, было положено в перв. пол. 1930-х гг., когда в массовом порядке стали открываться педагогические и учительские институты (во всех административно-территориальных центрах и крупных городах) с историческими факультетами или отделениями [См.: 11]. Особый импульс процесс развития исторического образования получил после выхода Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [12], способствовавшее развитию сети старых и открытию новых исторических структур в вузах Сибири.

Архивные материалы позволяют сделать нам важное наблюдение в отношении специфики формирования студенческого контингента историков в этот период. Поступали на исторические отделения и факультеты не только учителя (без высшего образования), или те, кто хотел бы работать в будущем по профессии, но в вузах (особенно по заочной и вечерней формам) стали обучаться советские и партийные работники, государственные служащие, которым не хватало высшего образования с гуманитарным или педагогическим уклоном для дальнейшего карьерного роста. Получить высшее образование в других вузах, или по другим специальностям (по медицинским, инженерным, техническим или естественнонаучным направлениям), в силу слабой школьной подготовки, для них не представлялось возможным, а система высшего партийного образования в эти годы пока не была в достаточной мере развита на территории Сибири. Таким образом, обучение на исторических факультетах и отделениях, как наиболее приближенных к партийно-идеологической сфере, представляло собой доступный способ для партийных и советских работников и чиновников получить профильное высшее образование.

Историки в 1930-е гг. (как студенты, так и преподаватели) были вовлечены в активную общественно-политическую жизнь. Обладая специальными знаниями, позволявшими им свободно ориентироваться в вопросах не только прошлого, но и современной внешней и внутренней политики, они привлекались партийно-государственными учреждениями в качестве агитаторов от горкомов и обкомов ВКП(б) для работы среди населения, на предприятиях и в организациях, на избирательные участки, работая с избирателями на выборах в органы власти разных уровней [13. Л. 24; 14. Л. 37].

Эти годы были окрашены чередой политических процессов, идеологических кампаний, масштабным интеллектуальным и профессиональным прессингом и политическими репрессиями. Не миновала эта участь и историков, поскольку именно они, в силу своей профессиональной

специфики, как никакие иные представители научно-образовательной корпорации находились в самой гуще идеологических событий.

Помимо вовлеченности историков в общероссийские политические процессы и кампании, в которых они должны были выступать «против оппортунистических оппозиций троцкистов, зиновьевцев, против правых капитулянтов» [15. Л. 6] и проявлять бдительность в «борьбе с троцкистско-бухаринскими вредителями и шпионами» [16. Л. 17], они вынуждены были принимать активное участие и в процессах, напрямую касающихся организации учебного процесса и подготовки историков, а также организации и проведения исторических исследований. Эти процессы непосредственно влияли на содержание учебных курсов, тематику научных работ и т.п. Речь идет об унификации исторического знания путем составления с 1934 г. единых учебников по общим стандартам (например, директивные документы И.В. Сталина, С.М. Кирова, А.А. Жданова «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» и «Замечания о конспекте учебника новой истории»), о кампании, направленной против акад. М.Н. Покровского, его школы и его последователей, а в завершении – внедрение в профессиональную сферу историков положений «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938 г.).

В перв. пол. 1930-х гг. школа акад. М.Н. Покровского задавала тон для историков всей страны. Но уже с сер. 1930-х гг. в стране развернулась кампания, направленная против него. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1936 г. «О задачах на фронте исторической науки» [17] подвергло критике не только его самого, но и его научную школу, концепции и учеников.

Сибирские историки на местах должны были немедленно и положительно реагировать на все происходившие в центре события. Архивные документы реконструируют перед нами общую схему и традицию, сложившуюся в 1930-х – нач. 1940-х гг. в среде историков, по которой они совершали привычный набор действий в таких случаях. Например, против М.Н. Покровского – на общих собраниях изучались материалы правительственных и партийных документов, по итогам этого изучения поддерживались действия партии и правительства в отношении самого академика и его школы, осуждались проявления на местах этих «извращений» в среде некоторых представителей исторической науки, а также делались заявления о решительных действиях каждого преподавателя истории и других общественных наук по пересмотру и исправлению учебных курсов, учебников и учебных пособий, методики преподавания и прочих методологических вопросах.

Логическим продолжением политики в отношении исторического образования и науки, в связи с идеологическими процессами, стала публикация статьи И.В. Сталина «Об учебнике истории ВКП(б): Письмо составителям учебника истории ВКП(б)» (1937 г.) и выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938 г.). В среде провинциальных историков, партийного руководства вузов и сибирских городов, последовала незамедлительная реакция и на эти программные документы. Во всех вузах состоялось их обсуждение, был взят курс на пересмотр учебного процесса в ходе подготовки историков, а также намечены мероприятия по проработке и внедрению этих установлений в студенческой и преподавательской среде.

Заключение. Как видно на примере отдельно взятого российского макро-региона, созданная в довоенное десятилетие сеть педагогических и учительских институтов с историческими отделениями, восстановленные в университетах исторические факультеты и их активная общественно-политическая и идеологическая работа среди населения, сумела дать регионам Азиатской части СССР несколько сотен новых советских историков. Они смогли прийти не только в школы и в вузы, чтобы с новых государственно-патриотических позиций преподавать историю советской молодежи, но и занять особые позиции в государственных, советских и хозяйственных органах. Страна получила за эти годы мощную идеологическую институцию, которая, помимо обслуживания государственно-политических интересов, в последующем сыграла и значительную созидательную функцию. Именно этой молодежи, обучавшейся в сибирских вузах и школах, предстояло на фронтах Великой Отечественной войны проявить свой гражданский и патриотический дух, который, по большей части, создался именно на основе исторического знания.

Благодарности. Статья выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Примечания:

1. Напр. см.: Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934-1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 1997. 202 с.
2. Соловей Т.Д. Историческая эволюция государственной политики в отношении гуманитарных наук в России (XIX – нач. XXI вв.): Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02, 07.00.09. М., 2005. 359 с.
3. Каширин С.В. Марксистская историческая наука в условиях внутрипартийной борьбы с правой оппозицией (1928-1934 гг.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва, 2004. 184 с.
4. Аминова Е.Д. Политическая идеология в системе отечественного исторического образования: 20-30-е годы XX века: Дис. ... канд. ист. наук: 23.00.01. Казань, 2009. 204 с.
5. Гордина Е.Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 3. С. 9-13.
6. Камерова Н.В. Реализация партийно-государственной политики по отношению к исторической науке в Сибири в 1917-1938 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 2010. 275 с. и др.

7. Pshenichnaya V.E., Natolochnaya O.V. Sochi in 1930s: official ideology and implementation realities // European Researcher. 2011. № 4 (6), pp. 366-368.
8. Государственный архив Иркутской обл. (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 242.
9. Гордон А.В. Восстановление исторического образования (1934–2004) // Философский век: альманах. – СПб., 2005. – Вып. 29. – С. 271–278.
10. Правда. 1941. 2 февраля.
11. Постановление ЦИК СССР № 43, СНК СССР № 308 от 14.08.1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» // СЗ СССР. 1930. № 39. Ст. 420.
12. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1934. № 113.
13. Исторический архив Омской обл. (ИАОО). Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 12.
14. Гос. архив новейшей истории Иркутской обл. Ф. 143. Оп. 1. Д. 42.
15. ИАОО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 6.
16. Гос. архив Новосибирской обл. (ГАНО). Ф. П-497. Оп. 1. Д. 3.
17. Известия. 1936 г. 27 января.

References:

1. Napr. sm.: Grechukhin P.B. Vlast' i formirovanie istoricheskogo soznaniya sovetskogo obshchestva v 1934-1941 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Saratov, 1997. 202 s.
2. Solovei T.D. Istoricheskaya evolyutsiya gosudarstvennoi politiki v otnoshenii gumanitarnykh nauk v Rossii (XIX – nach. XXI vv.): Dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02, 07.00.09. M., 2005. 359 s.
3. Kashirin S.V. Marksistskaya istoricheskaya nauka v usloviyakh vnutripartiinoi bor'by s pravoi oppozitsiei (1928-1934 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Moskva, 2004. 184 s.
4. Aminova E.D. Politicheskaya ideologiya v sisteme otechestvennogo istoricheskogo obrazovaniya: 20-30-e gody XX veka: Dis. ... kand. ist. nauk: 23.00.01. Kazan', 2009. 204 s.
5. Gordina E.D. Istoriya kak instrument patrioticheskogo vospitaniya v SSSR nakanune i v nachale Velikoi Otechestvennoi voiny // Prepodavanie istorii v shkole. 2010. № 3. S. 9-13.
6. Kamerova N.V. Realizatsiya partiino-gosudarstvennoi politiki po otnosheniyu k istoricheskoi nauke v Sibiri v 1917-1938 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kemerovo, 2010. 275 s. i dr.
7. Pshenichnaya V.E., Natolochnaya O.V. Sochi in 1930s: official ideology and implementation realities // European Researcher. 2011. № 4 (6), pp. 366-368.
8. Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi obl. (GAIO). F. R-71. Op. 1. D. 242.
9. Gordon A.V. Vosstanovlenie istoricheskogo obrazovaniya (1934–2004) // Filosofskii vek: al'manakh. – SPb., 2005. – Вып. 29. – С. 271–278.
10. Правда. 1941. 2 fevralya.
11. Postanovlenie TsIK SSSR № 43, SNK SSSR № 308 ot 14.08.1930 g. «O vseobshchem obyazatel'nom nachal'nom obuchenii» // SZ SSSR. 1930. № 39. St. 420.
12. Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK. 1934. № 113.
13. Istoricheskii arkhiv Omskoi obl. (IAOO). F. R-1027. Op. 1. D. 12.
14. Gos. arkhiv noveishei istorii Irkutskoi obl. F. 143. Op. 1. D. 42.
15. IAOO. F. R-1027. Op. 1. D. 6.
16. Gos. arkhiv Novosibirskoi obl. (GANO). F. P-497. Op. 1. D. 3.
17. Izvestiya. 1936 g. 27 yanvarya.

УДК 94:378(571)"1930/1941"

**История и историки в советской политико-идеологической структуре
1930 – начале 1940-х гг. (на примере сибирского региона)**

Дмитрий Викторович Хаминов

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36
Кандидат исторических наук
E-mail: khaminov@mail.ru

Аннотация. В представленной работе рассмотрен вопрос о месте и роли исторического знания и историков как особой профессиональной корпорации (преподаватели вузов, ученые и студенты исторических факультетов) в политико-идеологической структуре советского государства 1930-х – нач. 1940-х гг. В статье реконструирована партийная и правительственная политика в отношении историков на примере уникального сибирского макро-региона. Автор предпринял попытку на основе партийно-государственных документов и архивных материалах, часть из которых впервые вводится в научный оборот, дать взвешенную оценку этим процессам в условиях одного из самых трагических и противоречивых периодов в истории российского государства.

Ключевые слова: история; историк; идеология; политика; научные исследования; университет; институт; Сибирь.

**Illegal Actions by Soviet Servicemen Against Civilian Population of Poland
in the Final Stage of World War II**

Sergey I. Belov

Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Russian Federation
PhD (History)
E-mail: belov2006s@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to examine the topic of criminal acts of soldiers of the Red Army against the civilian population of Poland in 1944–1945. Coverage was given to such aspects of the issues as the scope and nature of illegal actions by Soviet soldiers and officers in relation to non-combatants. The issues of military crimes on behalf of the Red Army are introduced. A comparative analysis of the behavior of Red Army soldiers, Polish Army and the civilian population was conducted. The new archival sources – stored in the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, summary reports and political bodies of the 1st Ukrainian and 2nd Belorus Fronts on the attitudes of the population in the liberated areas of Poland in 1944–1945 were introduced to the scientific circles.

Keywords: the Red Army; looting; Poland; falsification of history; historical memory.

Введение. Среди политических деятелей, экономистов, публицистов и ученых общество XXI века принято именовать информационным. Сам этот термин подчеркивает возросшую значимость знаний в жизни современного социума. Увеличение роли информации во всех сферах жизни человека закономерным образом повлекло за собой усложнение методов работы с ней. При этом усовершенствованию подверглись не только приемы использования знаний на благо общества, но и пропагандистские инструменты, целью применения которых является подавление воли людей и использование их в корыстных целях.

Одним из наиболее ярких примеров в данном отношении, в силу масштабности своих последствий, являются фальсификация и политизация истории. Сложно переоценить негативный эффект, оказываемый сознательным искажением событий прошлого на мировоззренческих установках общества. Существующая в массовом историческом сознании относительно устойчивая версия истории и прилегающий к ней набор символов социальной памяти играют в современных условиях роль основы национально-гражданской идентичности и культурной преемственности поколений. В силу этого разрушение единой картины прошлого приводит к утрате людьми собственной идентичности, в результате чего ранее единые народ перестает ощущать себя таковым. Как следствие, общество начинает деградировать, возникает благоприятная среда для развития политического и религиозного экстремизма [1; 2].

Одной из излюбленных направлений работы фальсификаторов является история Великой Отечественной войны, включая такой ее аспект, как действия Красной Армии на территории Европы в период 1944–1945 гг. Посредством искажения фактов российские и зарубежные публицисты содействуют достижению сугубо политических целей – разжиганию антироссийских настроений на постсоветском пространстве, в Европе и США и выработке у граждан РФ комплекса национальной вины [3; 4; 5; 6].

Чаще всего фальсификаторы на страницах своих произведений доказывают, что после вступления в Европу солдаты и офицеры Красной Армии в массовом порядке грабили и убивали местных жителей. Подобные инсинуации пользуются на сегодняшний день большой популярностью как зарубежом, так и в определенных кругах внутри самой России. Однако даже на фоне кампании по переписыванию истории в странах Балтии и на Украине ярким пятном выделяется отношение к действиям Красной Армии со стороны польских исследователей и публицистов. Восприятие гражданами современной Речи Посполитой советских войск, некогда освободивших их предков от германской оккупации, лучше всего отражают недавний инцидент с установкой в Гданьске памятника, изображающего солдата Красной Армии, насилующего польку, и попытка демонтировать могилу И.Д. Черняховского [7; 8].

Сохранение и распространение представлений о советских солдатах как об убийцах и насильниках неизбежно ставит вопрос о возможности попытки ревизии роли Красной Армии в освобождении Европы от нацизма уже на академическом уровне. Равным образом тиражирование подобных фальсификаций провоцирует раскол внутри российского общества, способствует распространению правого экстремизма как в пределах РФ, так и за рубежом, содействует ухудшению взаимоотношений между Москвой и Варшавой на официальном уровне, а также затрудняет в целом диалог между Кремлем и странами Европейского Союза. Все это ставит на повестку дня вопрос о необходимости углубленного изучения проблемы взаимоотношений между советскими войсками и гражданским населением Польши в период ее освобождения от немецкой оккупации.

Материалы и методы. Источниковую базу представленного исследования образовали ранее не введенные в научный оборот документы, обнаруженные в ходе изысканий в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Также часть использованных в процессе написания работы сведений была почерпнута из работ современных исследователей, разрабатывающих смежные темы.

Методологическая база исследования была сформирована за счет сочетания общенаучных и специальных методов, таких как анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, диалектический, системный и историко-сравнительный методы.

Обсуждение. Приступая к освещению заявленной проблемы, в первую очередь необходимо подчеркнуть, что советское руководство накануне вступления Красной Армии на территорию западнее линии Керзона предприняло ряд шагов, направленных на завоевание лояльности этнических поляков. В числе прочих мер постановлением Государственного Комитета Обороны (далее – ГКО) от 31 июля 1944 г. бойцов Красной Армии обязали гарантировать польским гражданам охрану их жизни и здоровья, принадлежащей нонкомбатантам частной собственности и личных имущественных прав [9; 10, д. 20, л. 11.]. Перед вступлением советских войск на территорию Польши политработники провели соответствующую работу с личным составом, в том числе ознакомив солдат и офицеров со всеми документами, принятыми властями относительно поведения бойцов Красной Армии западнее линии государственной границы СССР [10, д. 20, л. 10, 19].

Подобный подход был обусловлен как реалистичным пониманием международной ситуации в партийном и государственном руководстве, а также стремлением Кремля обеспечить вхождение Польши в состав советской зоны влияния после завершения войны. Вероятнее всего, в Москве учитывали также опыт предыдущих конфликтов с Варшавой, которые продемонстрировали наличие ярко выраженных националистических и антикоммунистических настроений в польском обществе.

Однако, несмотря на предпринятые советским руководством меры, контакты между советскими войсками и гражданским населением Польши осложнял произвол со стороны отдельных бойцов и офицеров. В частности, к 7 августа 1944 г. (т.е. через три недели после вступления на территорию Польши) прокуратурой 1-го Украинского фронта было возбуждено 100 дел по факту правонарушений, совершенных советскими военнослужащими на территории Польши. Свыше 50 из них на тот момент закончились осуждением обвиняемых. При этом среди вменяемых в вину солдатам и офицерам Красной Армии преступлений имелось лишь 4 эпизода изнасилования и 1 случай убийства. На фоне того, что общая численность войск 1-го Украинского фронта была приблизительно равна 1,2 млн человек, это позволяет предположить, что по меньшей мере на первом этапе освобождения территории Польши правонарушения не были характерны для поведения абсолютного большинства красноармейцев. Безусловно, возникает вопрос о степени достоверности и объективности материалов военной прокуратуры. Однако особое внимание, проявляемое советским руководством к завоеванию симпатий мирного населения Польши, косвенным образом свидетельствует о том, что прокуратура не могла системно игнорировать факты произвола красноармейцев по отношению к гражданским. Отказ от идеи создания колхозов или даже проведения агитации за их образование, запрет препятствовать исполнению религиозных обрядов, включение в состав Люблинского правительства представителей социалистических и крестьянских партий, обещания значительного расширения территории польского государства – все перечисленные факты указывают на то, что Москва была крайне заинтересована в обеспечении лояльности мирного населения освобожденной Польши и не могла позволить военному руководству закрыть глаза на факты произвола в отношении нонкомбатантов [10, д. 20, л. 1, 10, 12, 19; 11, с. 236–276].

Гораздо чаще, нежели эпизоды убийств или изнасилований имели место, несмотря на строгий запрет со стороны командования, случаи мародерства и грабежей на освобожденных территориях. На заседании Военного совета 1-го Украинского фронта 7 августа 1944 г. было упомянуто всего 20 зафиксированных случаев мародерства со стороны солдат соединений, подчиненных маршалу И.С. Коневу. Чаще всего имели место случаи присвоения лошадей и гуртов скота [10, д. 20, л. 7–10]. Например, член Военного совета 3-й гвардейской армии генерал-майор И. С. Колесниченко упоминал о захвате 32 лошадей. При этом подчеркивалось, что виновники в большинстве случаев были обнаружены и потерпели заслуженное наказание. Командование 1-го Украинского фронта также обращало внимание на то, что поляки, «как ярые частные собственники», крайне жестко реагировали на случаи потравы хлебов и овса. Особенно часто подобные обвинения звучали в адрес 6-го кавалерийского корпуса. Последнее подразделение также заработало себе дурную славу среди поляков в процессе заготовок – его представители вместо денег выдавало хозяевам ферм некие бумаги, по которым советское правительство якобы должно было компенсировать землевладельцам все издержки после завершения войны [10, д. 20, л. 2, 3].

Руководство советских войск резко осуждало и всеми силами пресекало практику мародерства. С целью прекращения случаев незаконного захвата имущества местных жителей, командованием был реформирован порядок проведения заготовок. Продукты было решено приобретать строго за наличный расчет, через подрядчика, а не напрямую у производителя (что значительно сужало возможности для негласных поборов), а затем свозить на специальные сборные пункты, опираясь на которые можно было бы наладить централизованное снабжение войск [Там же, л. 3, 5]. Также

советским командованием были организованы совещания начальников политорганов, посвященные проблеме мародерства, и интенсифицирован процесс подготовки комендантов, на которых было в том числе возложена задача борьбы с хищениями имущества местных жителей. Перечисленные меры способствовали значительному сокращению числа случаев мародерства, однако подобные эксцессы продолжали периодически возникать [Там же, л. 10].

Однако, несмотря на рост уровня дисциплины в войсках после принятия соответствующих решений в августе 1944 г., задача борьбы с мародерством и разного рода мелкими правонарушениями среди частей Красной Армии продолжала оставаться актуальной. В директиве Военного совета 1-го Белорусского фронта № 044 от 23 января 1945 г. упоминалось, что отставшие от своих частей солдаты Красной Армии зачастую занимались попрошайничеством, мародерством и пьянством, совершали хулиганские выходки. Было также отмечено, что при движении через крупные населенные пункты многие командиры и политработники демонстрируют примиренческое отношение к фактам мародерства и чрезмерного употребления алкоголя со стороны своих подчиненных. Отдельные офицеры и вовсе поощряли практику мародерства в отношении продуктов питания, усматривая в этом проявление предприимчивости своих солдат, хотя бы частично освобождающую командиров от заботы о снабжении части. Помимо того, в документах упоминалось, что дивизионные и полковые обозы, в особенности в артиллерийских частях, «загружены всяким хламом» [10, д. 34, л. 66].

Военным советом 1-го Белорусского фронта были даны указания в кратчайшие сроки наладить точный учет личного состава и отправить ответственных офицеров для сбора отставших красноармейцев, снабдив их при необходимости автотранспортом, а также пресечь мародерство и «барахольство». Кроме того, было приказано отчистить обозы от ненужных для боя вещей и запретить впредь их перевозку [Там же, л. 67, 68].

Урегулировать ситуацию позволило также заключение соглашения между правительством СССР и Люблинским правительством. В соответствии с основным на данном нормативном акте приказом Ставки командующим 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов № 220318/сс от 1945 г., западнее линии Керзона трофеями можно было считать лишь принадлежащие воинским частям противника вооружение, боеприпасы, техника, военно-интендантское и военно-техническое имущество, горюче-смазочные материалы и содержимое войсковых продскладов. К числу трофеев отныне не относились автомашины с награбленным и реквизированным немцами у местного населения имуществом, которые было приказано брать под охрану и передавать по акту местным органам власти после соответствующего ходатайства со стороны последних. Помимо того, советское командование воспрещало рассматривать в качестве трофеев и изымать на территории Польши имущество частных владельцев, кооперативных организаций, промышленных предприятий и муниципалитетов. В отношении имущества владельцев поместий, бежавших вместе с отступающей немецкой армией, действовало особое правило – все оставленные ими ценности полагалось брать под охрану и передавать по акту польским органам власти [Там же, д. 33, л. 71].

Все жалобы населения о самовольном изъятии имущества советскими войсками предписывалось тщательно расследовать, как минимум компенсируя в случае подтверждения жалоб понесенный местными жителями урон (в случае, если установить конкретного виновника произошедшего установить не удалось) [10, д. 33, л. 71].

Все перечисленные меры способствовали сокращению случаев произвола советских военнослужащих в отношении гражданского населения Польши, заметно улучшив климат во взаимоотношениях двух сторон в период, последовавший за проведением Висло-Одерской операции [Там же, д. 20, л. 18; Там же, д. 33, л. 434-437, 441, 442; 12, Д. 702, л. 99].

Интересно отметить, что в то же время в документах фиксируются многочисленные случаи участия в мародерстве и разбоях гражданского населения Польши и бойцов Войска Польского. Например, разграбления имения Потоцких в Лансуте, в ходе которого была содрана даже обшивка со стульев, проходило преимущественно силами самих поляков, пользовавшихся положением временного безвластия. Неоднократно по итогам возбужденных по инициативе местных жителей расследований было установлено, что размер похищенного имущества гораздо меньше заявленного хозяином, а преступниками, скорее всего, являются земляки жертв [Там же, д. 20, л. 8].

Принципиально важно подчеркнуть, что речь шла не об единичных эпизодах и не только лишь о жителях сельской местности. Так, когда после освобождения Варшавы советская военная администрация не смогла обеспечить регулирование притока гражданского населения в отчищенный от оккупантов город, жители пригородов в течение двух дней, 18 и 19 января 1945 г., в массовом порядке грабили польскую столицу [Там же, д. 34, л. 85].

Более того, противоправное поведение в отдельных случаях было характерно и для военнослужащих Войска Польского. Так, 2 февраля 1945 г. солдаты и офицеры 27-го стрелкового полка, входившего в состав 10-й дивизии Войска Польского, в количестве 200 человек организовали с целью грабежа нападение на склад наркомата обороны № 821 в г. Краков. 7–8 февраля имели место случаи нападения солдат 29-го полка все той же дивизии на железнодорожные эшелоны с целью захвата перевозимого имущества. 10 февраля группа военнослужащих 10-й дивизии ограбила несколько квартир в г. Катовице. Спустя сутки группа солдат отдельного саперного батальона 10-й дивизии вломилась с целью грабежа в сапожную мастерскую. Во всех упомянутых случаях

действия мародеров были пресечены лишь после вмешательства комендатуры [10, д. 33, л. 444, 445; 12, Д. 702, л. 112].

Принципиально важным является вопрос о том, какие масштабы носили противоправные действия советских войск по отношению к мирному населению Польши в целом за период 1944 – 1945 гг. К сожалению, точных данных относительно данной проблемы во введенных в сохранившихся источниках не сохранилось – лакунарность и фрагментарность дошедших до нас материалов негативным образом отразилась на их информационной полноте. Последнее вынуждает нас обратиться к косвенным доказательствам, среди которых наиболее значимым является качество отношения жителей Польши к военнослужащим Красной Армии.

В случае, если произвол и насилие со стороны советских солдат и офицеров действительно являлись повсеместным явлением, логично было бы ожидать, что естественной реакцией нонкомбатантов на присутствие красноармейцев являлись бы страх и ненависть. Однако сохранившиеся архивные материалы содержат в себе факты, свидетельствующие о достаточно теплых отношениях между советскими войсками и мирным населением.

Согласно материалам донесения отдела по руководству военными комендатурами Военного совета 1-го Украинского фронта начальнику Политического управления о деятельности военных комендатур на освобожденной территории Польши от 13 марта 1945 г., на освобожденной территории Польши большинство населения приветствовало части Красной Армии, что проявлялось как на официальном уровне, в форме митингов и резолюций, так и в быту. В частности, поляки охотно предоставляли ночлег солдатам и офицерам Красной Армии.

Помимо того, население освобожденных областей охотно участвовало в общественных работах, проводимых советской администрацией. Так, в Келецком уезде 14 февраля 1945 г., вблизи с. Цензина, была снесена водой переправа через местную реку. Комендант привлек к работам местных жителей, в короткие сроки на его призыв откликнулось 2 500 человек, которые привели с собой 1 897 лошадей, и уже через 9,5 часов переправа была восстановлена. Общественные организации Кракова активно оказывали помощь советским гражданам, оказавшимся на местном пересыльном пункте. Например, 17 февраля 1945 г. последним было вручено 200 посылок для детей [10, д. 20, л. 18; Там же, д. 33, л. 434].

Комендант г. Севеж сообщал, что персонал городской больницы организовал «теплый уход» за больными и ранеными красноармейцами, а на местный призывной пункт ежедневно приходит 15–20 человек, желающих вступить войско Польское. Расположенные в г. Гостынь и на территории прилегающего уезда 5 больниц также включились в процесс лечения больных и раненных красноармейцев [Там же, д. 33, л. 435].

Проживающие на освобожденных территориях поляки также охотно помогали советским войскам с поиском местонахождения небольших складов оружия, боеприпасов и радиоаппаратуры, которые могли бы послужить основой для действий диверсионных групп немецких спецслужб и антисоветского подполья (в одном лишь Кракове таким образом было выявлено 9 «схронов») [Там же].

Убедившись со временем в преимуществах взаимодействия с советской стороной перед германской оккупацией, жители занятых Красной Армией территорий также начали испытывать страх перед возвращением частей вермахта. В частности, на участке 8-й гвардейской танковой армии имели место случаи, когда вслед за началом контрнаступления немецких войск местное население начинало подготовку для бегства вслед за возможным отступлением Красной Армии. В Калбушеве и вовсе все население ушло из своих домов вместе с советскими войсками [Там же, д. 20, л. 6, 18].

Также в документах нашли отражение эпизоды того, как советские военнослужащие нарушали приказы командования, не желая причинять местным жителям неудобства. Например, командир и начальник штаба 163-го полка 8-й кавалерийской дивизии, размещенные в жилище местного лесника, отказались выселять хозяев, хотя это и предполагалось в соответствии нормативными актами, регулирующими соблюдение военной тайны. Помимо того, советские солдаты и офицеры по просьбе местных жителей охотно перевозили на служебном автотранспорте грузы и пассажиров, несмотря на запреты командования [10, д. 20, л. 13, 16; 12, Д. 700, л. 87].

Показателен и другой факт. Был отмечен ряд случаев, когда раненных красноармейцев оставляли на попечении гражданского населения, а потом вовсе про них забывали. Сотни людей оседали, как отстающие, в пунктах продвижения войск, причем зачастую о них забывали в частях, к которым эти бойцы были приписаны [10, д. 34, л. 66, 67]. Последнее косвенным образом свидетельствовало о достаточно дружелюбном отношении местных жителей к советским войскам, так как в противном случае отстающие солдаты и офицеры Красной Армии вряд ли бы рисковали оставаться во враждебном окружении.

Заключение. Обобщая изложенное выше, мы можем заключить, что существующие на сегодняшний день стереотипы относительно поведения советских войск на территории Польши следует признать несоответствующими действительности. Тяжкие преступления против местных жителей носили единичный характер и оперативно карались. Мародерство со стороны советских солдат также никогда не принимало широких масштабов (в том числе благодаря действиям командования) и касалось преимущественно скота, использовавшегося красноармейцами в качестве тягловой силы и источника мяса, и продуктов питания. В то же время были зафиксированы случаи массового участия в мародерстве самих поляков, включая как гражданских лиц, так и бойцов Войска

Польского. Соответственно, распространяемые ныне рядом публицистов стереотипы относительно поведения бойцов Красной Армии на территории Польши нельзя расценить иначе как явные фальсификации, целью которых является разжигание антироссийских настроений зарубежом и уничтожение символов социальной памяти внутри российского общества.

Примечания:

1. Никифоров Ю.А. Война и миф / Ю.А. Никифоров // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2006. № 38. С. 14.
2. Никифоров Ю.А. О современных приемах искажения прошлого / Ю.А. Никифоров // Преподавание истории в школе. 2010. № 9. С. 4–11.
3. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния / А.С. Сенявский, Е.С. Сенявская // Российская история. 2007. № 2. С. 139–151.
4. Сенявская Е.С. Освободительная миссия СССР во Второй мировой войне как объект искажения исторической реальности и исторической памяти / Е.С. Сенявская // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне: сборник материалов научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг. 21-22 апреля 2010 г. М., 2010. С. 40–42.
5. Погорельская С.В. Германия-Польша-Россия: особенности взаимного восприятия и внешняя политика / С.В. Погорельская // Актуальные проблемы Европы. 2008. Т. 156. С. 156.
6. Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое. Международное отношение и российская историческая политика / И.Б. Торбаков // Символическая политика: сб. научных трудов. Центр социальных научно-информационных исследований Отделение политических науки; Ответственный редактор: Малинова О.Ю. Москва, 2012. С. 91-125.
7. Изнасилование под танком: художник инициировал дискуссию о прошлом Гданьска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20131017/213952307.html> (дата обращения 21.02.2014).
8. Генерала вернут на Родину? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/02/03/general-poln.html> (дата обращения 21.02.2014).
9. Сенявская Е. С. Солдаты Красной Армии на польских землях: психологические аспекты отношений с польским гражданским населением / Е.С. Сенявская // История. 2001. № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://his.1september.ru/article.php?ID=200100801> (Дата обращения 21.02.2014).
10. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 236. Оп. 2727.
11. Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972. 368 с.
12. ЦАМО. Ф. 67. Оп. 12001.

References:

1. Nikiforov Ju.A. The war and the myth / Ju.A. Nikiforov // Search: Policy. Civics. Art. Sociology. Culture. 2006. № 38. P. 14.
2. Nikiforov Ju.A. On the modern methods of distortions of the past / Ju.A. Nikiforov // Teaching of history in schools. 2010. № 9. PP. 4-11.
3. Senjavskij A.S., Senjavskaja E.S. Historical memory of the wars of XX century. as an area of ideological-political and psychological confrontation / A.S. Senjavskij, E.S. Senjavskaja // Russian history. 2007. № 2. P3. 139-151.
4. Senjavskaja E.S. Liberating mission of the USSR in World War II as an object of distortion of historical reality and historical memory / E.S. Senjavskaja // The USSR and its allies and enemies in World War II: proceedings of the scientific-practical conference dedicated to the 65th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, 1941-1945. 21-22 April 2010, Moscow, 2010, PP. 40 - 42.
5. Pogorel'skaja S.V. Germany-Poland-Russia: peculiarities of mutual perception and foreign policy / S.V. Pogorel'skaja // Actual problems of Europe. 2008 Vol. 2. P. 156.
6. Torbakov I.B. "Unexpected" or "uncertain" of the past. International Relations and Russian historical policy / I.B. Torbakov // Symbolic politics: collection of scientific papers. Center for Social Science Information Studies Branch of political science; Managing editor: Malinova O. Moscow, 2012. PP. 91-125.
7. Rape under the tank: the artist initiated a debate about the past Gdansk [Electronic resource]. - Mode of access: <http://www.inosmi.ru/world/20131017/213952307.html> (date accessed 21.02.2014).
8. General return to his homeland? [Electronic resource]. - Mode of access: <http://www.rg.ru/2014/02/03/general-poln.html> (date accessed 21.02.2014).
9. Senjavskaja E.S. Red Army soldiers in the Polish lands: the psychological aspects of the relationship with the Polish civilian population / E.S. Senjavskaja // History. 2001. № 8. [Electronic resource]. - Mode of access: <http://his.1september.ru/article.php?ID=200100801>(date accessed 21.02.2014).
10. Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (further - CAMO). F. 236. R. 2727.

11. Konev I.S. Notes of the front commander. M.: Science, 1972. 368 p.
12. САМО. F. 67. R. 12001.

УДК 94

**Противоправные действия советских военнослужащих по отношению
к гражданскому населению Польши на завершающем этапе
Второй мировой войны**

Сергей Игоревич Белов

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: belov2006s@yandex.ru

Аннотация. Целью данного исследования является изучение темы преступных действий военнослужащих Красной Армии против гражданского населения Польши в 1944–1945 гг. Освещение получили такие аспекты вопроса, как масштабы и характер противоправных действий советских солдат и офицеров по отношению к нонкомбатантам. Раскрыта тема противодействия преступлениям рядовых солдат и офицеров со стороны командования Красной Армии. Проведен сравнительный анализ поведения красноармейцев, военнослужащих Войска Польского и гражданского населения. Введены в научный оборот новые архивные источники – хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации донесения, сводки и отчеты политических органов 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов о настроениях населения на освобожденных районах Польши за 1944–1945 гг.

Ключевые слова: Красная Армия; мародерство; Польша; фальсификация истории; историческая память.

UDC 433

Repressive Policy of the Soviet Government During World War II

¹ Konstantin N. Maksimov

² Irina V. Lidzheva

¹ Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Ilishkina street 8, Elista, Republic of Kalmykia, 358000

Dr. (History), Professor

² Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Ilishkina street 8, Elista, Republic of Kalmykia, 358000

PhD (History)

E-mail: irina-lg@yandex.ru

Abstract. The article features wide range of sources dealing with deportation of a number of Nations in the years of the great Patriotic war. The authors note that the repressive policy of the Soviet state, as well as the reason for the deportation of the peoples in the first half of XX century are rooted in the nature of the totalitarian mode.

Keywords: the Great Patriotic war; Repressive policies; repression; deportation; collaboration; Soviet power.

Introduction. In November, 1936 the Eighth All-Russia Congress of Soviets adopted a new Constitution that proclaimed beginning of socialism establishing in the USSR. The set of fundamental principles added universal direct suffrage and recognized personal and political freedoms: freedom of speech, freedom of the press, freedom of assembly including the holding of mass meetings, freedom of street processions and demonstrations. The right to unite in public organizations was also protected by law. Inviolability of the person and the home of citizens were guaranteed as well.

Unfortunately, proclaimed rights and freedoms failed to forestall the repressive policy. The Soviet policy of large-scale deportation was class-based in the sense that it targeted specific economic and political categories; but it was also ethnically motivated. It started in the pre-war period when ethnic groups were charged with espionage, spying for potential enemies, and occurred in the time of the World War II when they were deported for collaboration with the German invaders.

The decree stated that: 'Under the circumstances of wartime the Soviet government has to take reprisals against the Volga German population' and ordered Russian-Germans' massive deportation in August, 12 1941 for the reason of belonging to the same ethnic group with the Nazi invaders. The total number of deportees was 949829 people, including 5965 people from Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic according to the decree № 84-кс on November, 2 1941 'Deportation of Germans from Kalmyk ASSR' of Council of People's Commissars [1].

Materials and methods. The article considers the repressive policy of the Soviet government in the time of the World War II on the basis of a large number of resources such as published materials and documental ones of State archive of Russian Federation. The historical-systematic method allowed the author to consider facts of massive deportation as a complex process. Besides the mentioned method, the historical-typological, historical-comparative and systematic ones were applied.

Discussion. One of the main targets of the large scale deportation in the beginning of 1940s to sparsely-populated areas was political and economical problems solution. Facing the need of speedy building industrial enterprises, canals, electricity generating plants, coal mines the Soviet government turned out to be unable to establish a suitable infrastructure for employees in advance. A fast and effective way to provide labour resources for un- or sparsely-populated territories of Siberia, Ural, Far East, Sakhalin and Magadan was expelling a great number of people by force and dispatching them to labour camps. Mobilizing labour resources by force seemed to the Soviet government to be an effective means of political and social problems solution. It should be mentioned that the forced labour played a crucial part in socialism establishing.

The expulsion by force had an impact on ethnic composition of the population in both regions from which deportees were expelled and ones to which they were relocated.

Soviet regime paid a special attention to the people who kept up resistance to it or suffered from collectivization and considered them to be ready to assist potential enemies. The false consideration was deflated by the war. A small part of people under consideration delivered assistance to the Nazi. Among them were those who lost belief in the victory of the Red Army or had commercial interests in the period of the successful Nazi offensives on the Soviet territory in 1941-1942. There were cases when inhabitants in the occupied by the Nazi territories or war prisoners went over to the enemy. It is known that as the result of hard battles the number of war prisoners among Soviet soldiers was 2285500 people in 1941-1942. According to the

estimations of Russian historians, the total number of war prisoners among Soviet soldiers was 40696000 people, according to the data of foreign ones, it was approximately from 5246000 to 5744000 people [2].

It should be underlined that desertion the army and evasion of military service took place in the war time. According to the data of Division of fight against banditry of People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR dated from August, 30 1944, in the period of three years (from 1941 till 1944) the number of deserters was 1210224, the number of military service evaders was 456667, the total number was 1666891 (that is 0.86 % of the whole population of the USSR before the World War II). For instance, the total number of deserters and evaders was 26500 (0.8 %) in Krasnodar region, 14493 (0.8 %) in Stavropol region, 5228 (1.28 %) in Northern Ossetiya, 21326 (0.6 %) in Georgia. In the same period there were 99 (0.04 %) cases of desertion and evasion in Kalmykia among representatives of different ethnic groups [3].

The phenomenon of banditry should be paid a special attention as it caused much trouble to the liberated from the Nazi territories. According to the data of Division of fight against banditry of People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR dated from August, 30 1944, in the period of three years (from 1941 till 1944) 8856 bandit groups comprised of 205111 members were liquidated. The number of bandit groups in Northern Caucasus was 1982, 541 in Stavropol region, 499 in Krasnodar region. 23 bandit groups comprising of 786 members were liquidated on the territory of Kalmykia (341 people were released from imprisonment). According to the data of People's Commissariat for Internal Affairs by the end of 1943 there were 4 bandit groups comprising 17 members on the territory of the USSR [4].

The mentioned social phenomena being negative from moral and political point of view appeared in the Soviet society during the World War II and now need a close and detailed interpretation. Josef Stalin's subordinates being aware of his psychological features and trying to please him implemented one and the same scheme. It worked in the following way: in case of any mismanagement in order to conceal true reasons of failures the responsibility was conferred on any person, then he was falsely accused and executed. That's why the heads of the state and the All-Union Communist Party contributed to the repressive policy towards numerous ethnic groups for collaboration, desertion and banditry in the war time, as it absolved them from all personal responsibility for mismanagement followed by catastrophic consequences in 1941-1942. Moreover, the mentioned measure was considered an effective means to keep in fear the rest part of the population.

The mentioned measure also contributed to solution of a large number of problems such as recovering the economic system destroyed by the war and replenishment of labour resources of sparsely-populated areas that dwindled because of mobilization of employable population during the war. By November of 1945 the number of population in special settlements was 2 342 506 people.

The government of the USSR accusing many ethnic groups of collaboration with enemies, threw doubts upon the built-up concept of 'moral and political unity of the Soviet people'. The contradiction laid bare in Josef Stalin's speech that was delivered at the meeting on November, 1943 dedicated to the twenty sixth anniversary of the October revolution. Stalin had to say that 'all peoples of the Soviet Union unanimously rose in defense of their Motherland and took part in the Great Patriotic war irrespective their ethnic origin and religion. Thus, now the Nazi politicians' expectations to provoke a split among peoples of the Soviet Union fell short. The unity of our country peoples overcame all difficulties and went through all hardships of the war and became stronger in the struggle of all Soviet peoples against the fascist invaders' [5].

Taking into the account the decree of State Defense Committee № 1074-cc dated from December, 27 1941 by the middle of August of 1943 People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR had limited intentions towards the struggle against collaborators and their families. The report of People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR № 685/Б dated from August, 16 1943 addressed to State Defense Committee and adopted by L.P.Beria and V.N.Merkulov offered to deport collaborators and their families from the territory of the Northern Caucasus (Karachai and Adygei autonomous regions, Kabardino-Balkaria and Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republics) and Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic to Kazakhstan and Siberia.

People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR offered to form commissions consisting of three members to organize and rule the deportation. It offered to appoint Deputy Commissar of People's Commissariat for State Security of the USSR Kobulov to be a chairperson, Secretary of Chechen-Ingush Regional Committee of the All-Union Communist Party Ivanov and Chairman of Chechen-Ingush Council of People's Commissars Molaev to be members of a commission in Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic; Deputy Commissar for Internal Affairs of the USSR in Kabardino-Balkaria Autonomous Soviet Socialist Republic to be a chairperson, Secretary of Kabardino-Balkaria Regional Committee of the All-Union Communist Party Kumekhov and Chairman of Council of People's Commissars of Kabardino-Balkaria Autonomous Soviet Socialist Republics Akhokhov to be members of a commission in Kabardino-Balkaria Autonomous Soviet Socialist Republic; Deputy Commissar for Internal Affairs of the USSR Serov to be a chairman, Secretary of Stavropol Regional Committee of the All-Union Communist Party Suslov and Chairman of Karachai Regional Executive Committee Temirov to be members of a commission in Karachai autonomous region; Head of Militia Chief Directorate of People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR Galkin to be a chairperson; Secretary of Krasnodar Regional Committee of the All-Union Communist Party Seleznev P.I. and Chairman of Adygei Regional Executive Committee Dzhaste to be members of a commission in Adygei autonomous region; Head of Division of fight against banditry of People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR Drozdov to be a chairperson, Secretary of Kalmyk Regional Committee of the All-Union Communist Party Likomidov and

Chairman of Council of People's Commissars of Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic to be members of a commission in Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic [6]. From my point of view, the offer seems to be constructive as collaborators could be of different ethnic origin and a commission staff of three persons could make just decisions.

However, the government of the USSR and Central Committee of the All-Union Communist Party didn't go into details of the social phenomena in the country. It rejected the offer of People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR and started deporting whole ethnic groups of the mentioned autonomous republics and regions, but Adygei autonomous region. The ethnic groups of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic were deported as well. 70000 Karachai people were the first who were relocated by force in October 1943. If we take into account documents of People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR and Central Committee of the All-Union Communist Party it is impossible to agree with the opinion of some historians that 'the final decision on the deportation from Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic was taken by the country government in the middle of December in 1943' [7].

Currently available documents bear evidence that the preparations for the deportation of the Kalmyks was started in October, 1943 with adopting a by-law by People's Commissariat of Husbandry dated from October, 18 1943. The mentioned fact enables us to conclude that the decision on the deportation of the Kalmyks had been made well before December, 1943. It had been made in August, 1943. It should be added that the decree № 901 "About urgent measures to recover the husbandry in the regions liberated from the enemy" dated from August, 1943 that was adopted by People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR and Central Committee of the All-Union Communist Party didn't include Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic into the recovering programme. It allows to state that the government had already made the decision on the deportation of the Kalmyk population and that's why didn't mention it.

The Kalmyks were unaware of the forthcoming deportation and the liquidation of their republic, but at that time special committees were making preparations to accommodate special settlers and use a new wave of labour resources in the target regions. On November, 20 1943 People's Commissariat for Internal Affairs and local authorities of the target regions laid a scheme of relocation of the Kalmyks. It was addressed to Head of GULAG (that is Main administration of forced labour camps) ordering to use special settlers 'mainly, in husbandry, cattle-breeding and fishing' [8].

In October and November, 1943 People's Commissariat for Internal Affairs began mobilizing trains and vehicles, soldiers and policemen to deport the Kalmyks. On December, 1 People's Commissariat for Internal Affairs adopted the instruction of carrying out the operation 'Ulusy'. On December, 10 schemes of the Kalmyks' removal in all settlements were laid.

Having done deliberate preparations the government of the USSR tried to observe formality. The Political Bureau of Central Committee of the All-Union Communist Party pursued the issue 'About the liquidation of Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic and establishing Astrakhan region in Russian Soviet Federative Socialist Republic and assigned the Presidium of the Supreme Council of the USSR to adopt a decree. The decree № 115/144 was adopted on the same day.

The decree № 1432-425-cc was adopted by the Government of the USSR on December, 28 1943. It seems that its adoption was a sheer formality to give legitimacy to the actions of the punitive organs such as People's Commissariat for Internal Affairs and People's Commissariat for State Security in the eyes of the people, as on the same day at 4 or 5 o'clock Kalmyks began to be loaded into vehicles. Council of Peoples' Commissars of the USSR adopted the decree for the executive organs in that time when the latter had already started to fulfill the will of the dictatorial regime. People's Commissariat for Internal Affairs and People's Commissariat for State Security being aware of a formal character of the decree adopted on December, 1 1943 started the operation on December, 1 1943. It should be highlighted that the adopted decree assigning the responsibility to deport the Kalmyks to People's Commissariat for Internal Affairs was received from the of the USSR Government on December, 29 when the major part of the Kalmyks had been loaded into cattle cars and sent to the target regions. On December, 29 the decree was received by Deputy People's Commissar of People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR Chernyshev V.V., then it was given to Nasedkin V.G.. On December, 30 Head of the Forth Division of Main administration of forced labour camps Ostapov took it for the further actions [9].

Shortly after that the executive organs began to report about concluding the operation. For instance, on December, 30 senior authorized agent Corokin in Khuchin settlement reported 'We entered houses, conducted home and personal searches, announced the decree of the Committee for Defence [10] about the Kalmyks' deportation, filled in cards of the targeted family and offered to get ready for the leave. It was silent in the settlement, there was no cry, onle dog barking could be sometimes heard. 143 persons were loaded into cattle cars. Then we searched farm houses, shepherd corrals, sick bays for animals and horse farms. There were no Kalmyks there. Report s of the successful taking out of the Kalmyks were sent from one executive body to another. The used word "taking out" underlines the attitude of the regime to the people as to an unnecessary thing. In the period from December, 1943 to May, 1944 102355 Kalmyks were deported and relocated in 113 districts of 5 regions, 2 kraiss and one Soviet republic.

One of the main executer of the Kalmyks' deportation was Head of internal forces of People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR Major General Sheredega I.S. having loaded deportees into cattle cars reported about concluding the operation to Serov I.A. that the order of People's Commissar of Internal affairs of the USSR Beria L.P. was successfully fulfilled. Being aware of the illegal character of the operation

towards old people, women and children Sherenga made the order 'About final actions and goals of internal forces' on December, 31 in Divnoe settlement that the military staff must keep the operation in Kalmyk ASSR in secret and conceal its belonging to the forces of People's Commissariat of Internal Affairs. He also banned the military staff to bear shoulder loops, collar patches and service caps [11].

In the first part of 1944 Chechen-Ingush, Kabardino-Balkarian and Crimean ASSRs were liquidated. Their population of 721 866 people consisting of 36 2282 Chechens, 134 178 Ingushes, 37 406 Balkarians, 188 000 Crimean Tatars were sent to special settlements. In the period from 1941 till 1944 in the Soviet state 1 843 317 people were falsely accused and deported, 6 autonomous republics and regions were liquidated.

In the period of World War II the Soviet government abiding the repressive policy towards ethnic groups threw doubts upon the built-up concept of 'moral and political unity of the Soviet people'. It brought false accusations against innocent peoples, deported them and liquidated their republics and regions.

The peoples in exile had to adapt to new sociocultural conditions and manage to preserve their historical heritage and cultural and ethnic identity.

Conclusion. It can be concluded that the reasons of the repressive policy in the Soviet state as well as the deportation of peoples in the first part of the twentieth century can be found in the nature of the dictatorial regime. Deliberate preparations for the deportations by executive organs of People's Commissariat of Internal Affairs were done long before the issue of official documents. The plenary session of the Central committee of the Communist Party of the Soviet Union in September, 1953 denoted changes in the policy in the country. Having overcome fear in next two years the government of the Soviet state gave up promoting the personality cult of Stalin. On February, 1 1954 General Prosecutor of the USSR Rudenko R., Minister of Ministry for Internal Affairs of the USSR and Minister of Justice Ministry of the USSR Gorshenin K. made a report to First Secretary of the Central Committee of the Communist Party Khrushchev N.S.. The report announced the true number of prisoners in forced labour camps and prisons who were accused for anti-revolutionary crimes. It stated that according to the data of Ministry for Internal Affairs of the USSR in the period from 1921 till that moment 3 777 380 people had been convicted, including 642 980 people who had been sentenced to death, 2 900 000 people who had been kept in forced labour camps and prisons for the period of 25 years or less, 765 180 people who had been deported. The mentioned number of victims had been convicted by Joint State Political Directorate of People's Commissariat of Internal Affairs, special committees of People's Commissariat of Internal Affairs, Military Division, military courts and tribunals. The report underlined that there were numerous cases of accusations with no foundations and violations of law. The authors of the report offered to find falsely accused people and rehabilitate them [12].

Though a year had passed before partial amnesties were begun to be given to deported citizens. It demanded one more year to start a gradual rehabilitation of falsely accused and deported citizens and peoples of the USSR.

In the current moment Constitution of the Russian Federation provides a guarantee of well-being and prosperity of the Russian people. It put the end to the dictatorial regime. It is the symbol of the unity of the Russian state, freedom, democratization and the society where the rights of a person are of the supreme value.

In December, 2012 President of the Russian Federation Putin V.V. passed the Strategy of state national policy of the Russian Federation that states that 'interethnic relations are closely interrelated with other social relations, it allows to create necessary conditions for the unity of Russian peoples, well-being of citizens of the Russian Federation and the further development of the Russian state'. It provides opportunities for developing institutions of democracy, provides stability, true federalism, economic freedom and society prosperity. It is crucial to give up law nihilism that was a character feature of the political system in the first part of the twentieth century and resulted in justice violation in the state towards a person and an ethnic group.

References:

1. Materialy k serii «Narody i kul'tury». Vyp. 12. Deportacii narodov SSSR (1930-1950-e gody). Ch. 1. M., 1992. S. 108; Kniga pamjati. Arhivnye spiski deportirovannyh rossijskih korejcev v 1937. Ch. 1. M., 1997. S. 24-25; Stalinskie deportacii. 1928-1953. M., 2005.
2. Smyslov O.S. Plen. Zhizn' i smert' v nemeckih lagerjah. M., 2009. S. 45; Velikaja Otechestvennaja bez grifa sekretnosti. Kniga poter'. Novejshee spravochnoe izdanie. M., 2009. S. 50-51; Shtrajt K. «Oni nam ne tovarishhi...»: Vermaht i sovetskie voennoplennye v 1941-1945 gg. /Per. s nem. M., 2009. S. 8; Bonvech B. Sovetskie voennoplennye mezhdru Stalinym i Gitlerom /Vojna na unichtozhenie: nacistkaja politika genocida na territorii vostochnoj Evropy. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 26-28 aprelja 2010 goda). M., 2010. S. 121 i dr.
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. R-9478. Op. 1. D. 42. L. 29; D. 63. L. 107; D. 543. L. 1.
4. GA RF. F. R-9478. Op. 1. D. 13. L. 1 ob., 2, 4 ob.; D. 543. L. 10-12; D. 42. L. 76-77; D. 63. L. 57.
5. Stalin I.V. O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza. M., 1947. S. 118.
6. Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne. T. 4. Kn. 2. Velikij perelom. 1 ijulja – 31 dekabnja 1943 g. M., 2008. S. 249-254.
7. Tam zhe. S. 254.
8. GA RF. F. R-9479. Op. 1. D. 176. L. 208-217, 225.
9. GA RF. F. R-9479. Op. 1. D. 136. L. 3, 6, 13-22, 29.

10. Ssylka kalmykov: kak jeto bylo. Sb. dok. i mater. T. 1. Kn. 1. Jelista, 1993. S. 55, 78-80.
11. Stalinskie deportacii. 1928-1953. S. 420.
12. Rossijskaja gazeta. 2013. 6 sentjabrja. № 199 (6175).

УДК 433

Репрессивная политика советской власти в период Великой Отечественной войны

¹ Константин Николаевич Максимов

² Ирина Владимировна Лиджиева

¹ Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Российская Федерация
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8

Доктор исторических наук, профессор

² Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Российская Федерация
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8

Кандидат исторических наук

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников рассматриваются вопросы депортации ряда народов в годы Великой Отечественной войны. Авторы отмечают, что репрессивная политика Советского государства, так же как и причина депортации народов в первой половине XX в. коренятся в природе тоталитарного режима

Ключевые слова: Великая Отечественная война; репрессивная политика; репрессии; депортация; коллаборационизм; советская власть.

UDC 271.2

Orthodox Tradition in the Soviet Time: Factors of Continuity

Elena E. Dutchak

Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin avenue, 36
Doctor (History), Professor
E-mail: dee010@mail.ru

Abstract. The article suggests considering the alternative temple culture as a source of reproduction of Orthodoxy tradition in the Soviet time. The research is conducted with the primary aim to restore the impact on these processes in the Soviet religious policy and public beliefs in regard to a place for ceremony and people engaged. These aspects in the history of Orthodoxy in the XX century are revealed in materials of Soviet clerical correspondence and field archeographica studies.

Keywords: Orthodoxy; temple culture; Soviet religious policy; religious practices and nets.

Введение. Расширение в последние десятилетия проблемного поля исследований по истории православия XX века позволяет увидеть своеобразный информационный парадокс: открытие прежде неизвестных сторон жизни советского и постсоветского общества сопровождается возрастанием степени несогласованности введенных в научный оборот данных. Так, церковное делопроизводство накануне 1917 г. показывает обеспокоенность епархиального духовенства нерадивостью прихожан [1], статистика говорит об активном храмовом строительстве на окраинах империи за счет или по просьбе сельских общин [2. С. 98]. В 1920–1930-е гг. отчеты местных властей убеждают в отсутствии массового протеста антирелигиозным кампаниям [3], и одновременно религиоведы фиксируют интерес к местным святыням и чудотворцам [4]. На рубеже XIX–XXI вв. социологические опросы выявят не только массовое возвращение «к вере предков» [5], но и попытки уйти из-под контроля со стороны церковных институтов [6].

Чем вызвана внутренняя противоречивость православного комплекса? В научной литературе она связывается с присутствием в его составе, так называемой, «народной компоненты» («бытовой религиозности», «двоеверия», «архаики» и т.д.). Однако феномен скорее описывает религиозную повседневность, нежели объясняет причины сохранения конфессиональной традиции в условиях агрессивной светской культуры.

Определить направление поиска помогли полевые исследования автора статьи в томских селах, в окрестностях которых находились или находятся старообрядческие таежные монастыри. Если в конце 1980-х гг. вызвал удивление, то теперь уже воспринимается как норма способ позиционирования их жителями себя в качестве православных – это происходит с заметным нежеланием видеть догматические и обрядовые различия «официальной церкви» и староверия, и обращение к «городскому» священнику не отменяет обычая ежегодной милостыни «своим» скитникам.

Равная авторитетность для советского по воспитанию неопита конфессий-оппонентов дает основание предположить, что ресурсы воспроизводства русской православной традиции нового и новейшего времени следует искать в области альтернативной храмовой культуры – представлений и практик, кодифицирующих право совершения христианского ритуала без рукоположенного священства. Реконструкции возможных факторов ее актуализации в советский период посвящена настоящая статья.

Материалы и методы. Понимание альтернативной храмовой культуры в логике ее способностей обеспечивать преемственность традиции означает, что компенсация привычных форм религиозной жизни должна идти в двух направлениях – в создании «места», сопоставимого по сакральности с храмом, и определении носителей «знания о спасении». Соответственно, следует установить степень влияния на эти процессы мероприятий власти по организации *общегосударственной легальной* структуры, призванной обслуживать религиозные запросы советских граждан, и безличной христианской традиции, действие которой проявлялось в формировании *локальных и скрытых* коммуникативных сетей, транслирующих информацию о «правильном» и «не вполне правильном, но допустимом».

Поэтому сопоставимой информационной ценностью обладают: а) делопроизводственные материалы (1918–1985 гг.), показывающие – возникла ли объективная необходимость и реальная возможность обхода антирелигиозных директив на местах; б) принятые в обществе критерии, которым должны отвечать христианский обряд и его совершающий. Первая группа источников представлена архивными фондами ликвидационного отдела Наркомата юстиции РСФСР, Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ЦИК СССР и Совета по делам религий при Совете

министров СССР (ГА РФ); вторая – наблюдениями археографов Москвы, Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска и Томска, сделанными в ходе комплексных экспедиций 1960–2010-х гг. [7; 8]

Обсуждение. «Право на обряд» и сакрализация места. Правительство большевиков осознавало, что политический успех им может гарантировать только разрушение традиционных форм консолидации населения, в том числе – в приходские общины. Включение в одну из них создавало чувство принадлежности к целому (православному государству и церкви) и гарантировало жизненно важные социальные связи – управленческие, хозяйственные, брачные. И советское руководство в ликвидации храмов как связующего звена монархии, клира и мирян действовало достаточно последовательно.

Наряду с декретом СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23.01.1918 г.) и Конституцией РСФСР (10.05.1918 г.), разрывавшими связи между священником и паствой, объемные архивные дела с однотипными названиями «Сведения о религиозных объединениях» и «Переписка о закрытии храмов» открывают «бархатные» формы ликвидации приходской общины в 1920–1930-е гг. – ее руководства, имущества и коммуникативных практик. Например, установление высокого подоходного налога со священников заставило многодетных отцов семейств отказываться от сана и лишало их права на совершение литургии, таинств и ведение метрических книг. Одновременно с составлением подробных описей культовых строений под предлогом их ветхости или общей эпидемиологической обстановки (летом аргументом становилась опасность дизентерии, зимой – гриппа) отменялись ежедневные церковные службы и праздничные крестные ходы [9].

При общем спокойном отношении населения к этим мерам обращает на себя внимание тематическая и пространственная локализация петиций, составленных верующими: как правило, горожане и жители крупных сел, расположенных на торгово-транспортных магистралях, жалуются на отсутствие священника, «глубинка» – пытается вернуть колокола, кресты и иконы [10].

Вряд ли единственной причиной того, что удаленная деревенская община реже защищала приходской клир [11. С. 214–215], являлся низкий культурный статус сельского духовенства – социальной группы, ответственной за церковно-общественное воспитание паствы, но материально нуждающейся и не имеющей стимула к пастырскому служению [12]. Объяснения, на наш взгляд, кроются в обстоятельствах, которыми на протяжении XVIII–XIX столетий были сформированы условия для регионализации жизни православной России.

В их числе, во-первых, практика преодоления дефицита стационарных храмов на окраинах страны путем активного строительства часовен – культовых сооружений, где возможна молитва без священника [2. С. 168–211]. Во-вторых, народные представления о том, что некоторые ландшафтные объекты непосредственно созданы или подчинены трансцендентным силам, поэтому через них возможен прямой, упорядоченный и систематический контакт с сакральным миром [13]. В-третьих, присутствие мощной оппозиции «государственному православию» в лице староверия – второй по численности христианской конфессии в стране, консолидированной в легальные или нелегальные (например, скитские) общины, имеющие специальные, освященные древними книгами и иконами, помещения для совершения богослужения и христианских таинств [8. С. 131–139, 203].

В результате, жители небольших периферийных деревень, чаще имевшие дело не с регулярной церковной структурой, а с аналогами храмового пространства, оказывались в более выигрышном положении. Поэтому не удивительно, что после массового закрытия культовых зданий, бывших «на виду», значительная часть сельского населения, даже те, кто ранее считал себя принадлежащими официально православию, начинала тяготеть к альтернативным формам храмовой культуры.

Насколько значительным был процесс? Ответ на него предполагает специальное исследование, которое при отсутствии какой-либо статистики должно начаться с определения источниковой базы. Наряду с документами силовых ведомств РСФСР/СССР одним из валидных источников информации являются каталоги крестьянских родовых и общинных библиотек, составленные по результатам археографических экспедиций. Вкупе с полевыми наблюдениями исследователей за жизнью советской деревни они дают примерный перечень территорий, где подобные явления могли иметь место в силу исторической традиции, большого числа лесных массивов и плохо развитой промышленно-транспортной сети. С разной степенью уверенности к ним следует отнести отдельные районы Русского Севера, Пермского края, Поволжья (территории современных Ярославской, Самарской, Нижегородской областей), Урала и северной части Сибири.

Формирующиеся коммуникативные сети действовали в скрытом режиме. Косвенным аргументом, в частности, служит несовпадение информации, которой располагали власти и установленной учеными. Так, в «Справке по сектантским незарегистрированным группам Пермской области» 1973 г., фигурируют всего три общины староверов, причем, отмечается их малочисленность и низкая активность [14. Л. 109–112]. В то же время в анналы отечественной науки вошли исследования археографов МГУ, работавших в этот период в регионе. Они говорят об обратном – здесь вплоть до конца 1980-х гг. была сильна и широко представлена в бытовом укладе и мировоззрении жителей крестьянская православная традиция в ее старообрядческом варианте [15; 16]. Еще пример. В просмотренной группе дел с материалами по Русскому Северу [17] – территории, хорошо известной не только развитой сетью старообрядческих скитов, но и многочисленными

крестьянскими изолированными поселениями, жители которых не называли себя староверами, но хранили в домах христианскую кириллическую книгу [18], – о подобных явлениях речи также не идет. Скудость данных подобного рода в фондах Государственного архива Томской области (ф. Р-1786 – Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Томской области) оказывается при сопоставлении с другими регионами скорее правилом, чем исключением.

Это свидетельствует о явном разрыве между властью и крестьянским населением страны в советский период: они живут как бы в параллельных «культурных пространствах». Первым важно было уничтожить конфессиональную основу социальных отношений. Вторые же, поскольку вопрос стоял о сохранении привычного жизненного уклада, были поставлены перед выбором – подчиниться, «поменять» идентичность и вместе с ней правила ее моделирования или найти способы, которые позволяли бы действовать в русле христианской традиции, не вызывая обвинений в оппозиционности, невежестве или отсталости.

Результатом стало появление параллельно с зарегистрированными религиозными общинами, чья лояльность обеспечивалась договором на использование «молитвенных зданий и помещений» и включением в систему государственного распределения предметов, необходимых при богослужениях [19] – христианских по характеру сообществ с разной степенью структурированности, информация о которых была доступна властям лишь частично.

«Право на обряд» и его совершающий. В исследовательской литературе справедливо отмечается, что нехватка рукоположенного духовенства как проблема обозначилась довольно быстро. Для заинтересованных в легализации приходских общин физическое или административное уничтожение клира, действительно, означало системное разрушение привычного порядка вещей. Так, в июне 1919 г. председатель церковного совета г. Пушкина телеграфировал во ВЦИК с просьбой прислать им священника – в городе тиф, и «в случае смерти придется погребать умерших не по христианскому обряду, что крайне тяжело отзовется на чувстве православия» [20. Л. 162].

Вместе с тем нельзя забывать, что предреволюционная Россия представляла собой конгломерат территорий, различающихся по этническому составу и интенсивности межгрупповых взаимодействий, поэтому многочисленным региональным различиям – в том числе в сфере народной религиозности – делают этот вывод неприменимым ко всем без исключения. Например, в таежных районах Сибири, где «число церквей по народонаселению достаточное, но по пространству и удобству сообщения весьма недостаточное» [21. Л. 42 об.], необходимые конфессиональные связи часто «обслуживали» и поддерживали живущие рядом староверы-скитники – они совершали для крестьян требы, объясняли смысл религиозных праздников и постов, выступали арбитрами при разборе конфликтов, помогали в соответствии с церковным канонам решать семейно-брачные вопросы и противостоять девиациям [22]. В центральных губерниях оценка староверия как «благочестивой» религии, в отличие от официальной – «мирской», определялась хозяйственной и социальной устойчивостью конфессии, отсутствием в ее среде массового пьянства и преступности [23].

Соответственно, встает задача установления причин, которые в условиях сокращения белого и черного духовенства объективно усиливали влияние старообрядческих наставников, формировали отношение к ним как хранителям «знания о спасении».

В этом процессе, видимо, сыграли роль слухи о том, новая власть относится к староверам более лояльно. Об этом говорят документы созданной в 1921 г. Комиссии по заселению свободных земель совхозов и бывших имений сектантами и старообрядцами – «Воззвание к сектантам и старообрядцам, живущим в России и за рубежом» и статья И. Трегубова «Социально-революционное значение сектантства». (Правда, последняя с резолюцией М.И. Калинина «Отклонить»). Их пафос таков – в стране много пустующих земель и «одновременно много сект, приверженцы которых трудолюбивы и согласно их учения издавна стремятся к коммунистической жизни». При царском режиме их идеалы были не осуществимы, но теперь им следует лишь уведомить комиссию о том, «к какой секте или согласию они принадлежат, сколько душ желают сесть на землю и соединиться вместе», чем занимались раньше и планируют заняться теперь, и заключить договор с Наркомземом [24. Л. 94–96, 111–120]. Однако вряд ли поддержка прежде дискриминируемых религиозных деноминаций мыслилась как долгосрочная политика, о чем свидетельствует распоряжение НКЮ о национализации имущества монастырей, специально изданное в июле 1918 г. в ответ на запрос братии старообрядческого Николо-Бабаевского монастыря в Костромской губернии: «Ссылка Ваша на то, что старообрядческие монастыри будто бы исключены из сферы действия декрета, ни на чем не основана и имущество старообрядческих монастырей также является народным достоянием и подлежит согласно декрету отобранию» [25. Л. 8].

Все же главным, на наш взгляд, было другое – сохранение в руках староверия рукописной и старопечатной кириллической книги (литургической, уставной, веро- и нравоучительной) и целенаправленная подготовка «книжных людей», знающих правила совершения богослужений и таинств, способных рассуждать о современности в русле христианской традиции.

Если принять во внимание, что в официальном православии не сложилось практики использования кириллических книг не-священниками и более важным оказывалось наличие человека с правом совершения ритуала, то понятно, во-первых, почему легальная храмовая культура

в ходе антирелигиозных кампаний оказалась «бесписьменной» и ориентированной на бытовое православие. В противовес этому – староверие к XX веку создало все условия для развития именно конфессионального творчества: умения интерпретировать и применять в целях упорядочивания повседневности текст, написанный или напечатанный кириллицей.

Возможность дополнить официальную «бесписьменную» храмовую культуру «письменной» альтернативной, на наш взгляд, можно назвать ключевым фактором, предотвратившим исчезновение православной традиции в советский период. Видимо, социальным каналом, обеспечившим ее преемственность, следует считать образование в результате такого синтеза «текстуального сообщества» (термин Б. Стока) – особого типа социальной общности, отличительной чертой которого является объединение неграмотных или малограмотных верующих вокруг образованного, «книжного» человека – толкователя священного текста [26].

Как ни парадоксально, но эти процессы не прошли бесследно для староверия («Этот XX век ломал нас через колено» [27]), религиозная сфера которого существенно изменилась. Уход из жизни авторитетных наставников оказывается невосполнимым, и согласимся с Е.Б. Смилянкой, конфессия сегодня сама необратимо трансформируется из «сообщества идеологического» – в «текстуальное» [28].

Заключение. Включение в исследовательскую проблематику «храмового сознания» [29] неканонических практик показывает, что воспроизводство конфессиональной традиции обеспечивается как сохранением в действующем виде культовой архитектуры, так и возможностью конструировать ее символические аналоги. Лишь в этом случае разрушение видимых форм религиозной жизни не уничтожает принципы ее структурирования и регулирования.

Эвристический потенциал термина «альтернативная храмовая культура» не исчерпывается установлением *факторов* преемственности религиозной традиции. Он вполне способен приблизить к пониманию *механизмов*, действием которых конфессиональная система получает прочность, устойчивость и гибкость или, напротив, лишается перечисленных качеств.

Одним из вариантов их реконструкции, видимо, может стать изучение религиозной интеграции. Применительно к православному социуму XX века есть смысл говорить, как минимум, об ее «аксиологической» модели, посредством апелляции к национальным символам и идеалам формирующей чувство причастности к христианскому миру в целом, и «функциональной», организующей конфессиональную общность в процессе локальных взаимосвязей и взаимодействий. Исследование логики их соотношения в зависимости от региональных особенностей способно, на наш взгляд, создать условия для комплексного анализа «советского православия» как открытой системы, где разные варианты религиозного не противопоставлены, а сосуществуют в самых неожиданных комбинациях.

Благодарности. Статья выполнена в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета

Примечания:

1. Литягина А.В. Уровень религиозности населения Западной Сибири (1861–1917 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 117–124.
2. Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 488 с.
3. Борисова Л.В. «Изъятие производится без осложнений»: отношение населения Москвы к кампаниям по изъятию церковных ценностей в 1922 г. // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2011. № 2. С. 35–49.
4. Шахнович М. Секция по изучению религий народов СССР при Музее истории религии Академии наук СССР (1934 г.) // Государство. Религия. Церковь. 2013. № 1 (31). С. 202–219.
5. Казьмина О.Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 304 с.
6. Кормина Ж.В. Номадическое православие: о новых формах религиозной жизни в современной России // Ab Imperio. 2012. № 2. С. 195–227.
7. Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 1–10. М.: Изд-е Музея истории и культуры старообрядчества, 1995–2011.
8. О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Е.Б. Смилянкой. М.: «Индрик», 2012. 470 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 353. Оп. 2. Д. 688, 701, 715; Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1490–1492.
10. ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 689–694, 699, 707, 751; Оп. 4. Д. 383; Оп. 4. Д. 408; Оп. 8. Д. 128.
11. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2008. 526 с.
12. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.
13. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: «Алетейя», 1998. 319 с.
14. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 547.

15. Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций 1966–1980 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 318 с.
16. Материалы к истории старообрядчества Верхоямья: по итогам экспедиций исторического факультета МГУ имени Ломоносова: сб. документов. М.: МАКС Пресс, 2013. 276 с.
17. ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1487, 1488, 1490–1494; Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 9, 154, 221, 291, 370, 468, 547; Ф. 353. Оп. 2. Д. 692, 693, 699, Оп. 3. Д. 715, Оп. 4. Д. 408.
18. Пинежская книжно-рукописная традиция XVI – начала XX вв. Опыт исследования. Источники. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1–2.
19. ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 708. Л. 44; Оп. 6. Д. 9. Л. 92–92 об.
20. ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 692. Л. 162.
21. Рапорт исправляющего должность благочинного о состоянии церквей Нарымского округа, 11.12.1984 г. // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 1405.
22. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.
23. Апанасенок А.В. «Нам бы у старообрядцев поучиться...»: духовный статус «ревнителей старины» в провинциальном социуме центральной России во второй половине XIX – начале XX века // Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в. М., 2011. С. 514–521.
24. ГА РФ. Ф. 353. Оп. 8. Д. 8.
25. ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 690.
26. Stock V. History, Literature, and Medieval Textuality // Yale French Studies. 1986. Bd. 70. P. 7–17.
27. Красный Яр // Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников. Архив археографической экспедиции. Тетр. 10 (2012 г.).
28. Смилянская Е.Б. Книжная премудрость и избрание пути спасения старообрядцами Верхоямья на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. Сер. «История». 2013. № 1 (21). С. 36–43.
29. Шкуров Ш. Храм умер? Введение в проблемы храмового сознания // Храм земной и небесный. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 5–21.

References:

1. Litjagina A.V. Uroven' religioznosti naselenija Zapadnoj Sibiri (1861–1917 gg.) // Voprosy istorii. 2006. № 9. S. 117–124.
2. Shevcova V.F. Pravoslavie v Rossii nakanune 1917 g. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2010. 488 s.
3. Borisova L.V. «Iz#jatie proizvoditsja bez oslozhnenij»: otnoshenie naselenija Moskvy k kampanii po iz#jatiju cerkovnyh cennostej v 1922 g. // Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii». 2011. № 2. S. 35–49.
4. Shahnovich M. Sekcija po izucheniju religij narodov SSSR pri Muzee istorii religii Akademii nauk SSSR (1934 g.) // Gosudarstvo. Religija. Cerkov'. 2013. № 1 (31). S. 202–219.
5. Kaz'mina O.E. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i novaja religioznaja situacija v Rossii: jetnokonfessional'naja sostavljajushhaja problema. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 304 с.
6. Kormina Zh.V. Nomadicheskoe pravoslavie: o novyh formah religioznoj zhizni v sovremennoj Rossii // Ab Imperio. 2012. № 2. S. 195–227.
7. Staroobryadchestvo: istorija, kul'tura, sovremennost'. Vyp. 1–10. М.: Изд-е Музея истории и культуры старообрядчества, 1995–2011.
8. О своей земле, своей вере, настояшhem и Perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniju biograficheskogo i religioznogo narrativa) / Pod red. E.B. Smiljanskoj. М.: «Indrik», 2012. 470 с.
9. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. 353. Op. 2. D. 688, 701, 715; F. R-5263. Op. 1. D. 1490–1492.
10. GA RF. F. 353. Op. 2. D. 689–694, 699, 707, 751; Op. 4. D. 383; Op. 4. D. 408; Op. 8. D. 128.
11. Shheglova T.K. Derevnja i krest'janstvo Altajskogo kraja v HH veke. Ustnaja istorija. Barnaul: Izd-vo Barnaul'skogo gos. ped. un-ta, 2008. 526 s.
12. Leont'eva T.G. Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe duhovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. М.: Novyj hronograf, 2002. 272 s.
13. Panchenko A.A. Issledovanija v oblasti narodnogo pravoslavija. Derevenskie svjatyni Severo-Zapada Rossii. SPb.: «Aletejja», 1998. 319 s.
14. GA RF. F. R-6991. Op. 6. D. 547.
15. Russkie pis'mennye i ustnye tradicii i duhovnaja kul'tura (po materialam arheograficheskikh jekspedicii 1966–1980 gg.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 318 с.
16. Materialy k istorii staroobryadchestva Verhokam'ja: po itogam jekspedicii istoricheskogo fakul'teta MGU imeni Lomonosova: sb. dokumentov. М.: МАКС Press, 2013. 276 с.
17. GA RF. F. R-5263. Op. 1. D. 1487, 1488, 1490–1494; F. R-6991. Op. 6. D. 9, 154, 221, 291, 370, 468, 547; F. 353. Op. 2. Д. 692, 693, 699, Оп. 3. Д. 715, Оп. 4. Д. 408.
18. Pinezhszkaja knizhno-rukopisnaja tradicija XVI – nachala HH vv. Opyt issledovanija. Istochniki. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. Т. 1–2.
19. GA RF. F. 353. Op. 2. D. 708. L. 44; Op. 6. D. 9. L. 92–92 об.

20. GA RF. F. 353. Op. 2. D. 692. L. 162.
21. Raport ispravljajushhego dolzhnost' blagochinnogo o sostojanii cerkvej Narymskogo okruga, 11.12.1984 g. // Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GATO). F. 170. Op. 1. D. 1405.
22. Dutchak E.E., Vasil'ev A.V., Kim E.A., Polezhaeva T.V. Pravoslavnyj landshaft taezhnoj Sibiri: koncepcija issledovanija // Sibirskie istoricheskie issledovanija. 2013. № 1. S. 79–90.
23. Apanasenok A.V. «Nam by u staroobrjadcev pouchit'sja...»: duhovnyj status «revnitelej stariny» v provincial'nom sociume central'noj Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale HH veka // Jazyk, kniga i tradicionnaja kul'tura pozdnego russkogo Srednevekov'ja v zhizni svoego vremeni, v nauke, muzejnoj i bibliotečnoj rabote XXI v. M., 2011. S. 514–521.
24. GA RF. F. 353. Op. 8. D. 8.
25. GA RF. F. 353. Op. 2. D. 690.
26. Stock B. History, Literature, and Medieval Textuality // Yale French Studies. 1986. Bd. 70. P. 7–17.
27. Krasnyj Jar // Nauchnaja biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Otdel rukopisej i knizhnyh pamjatnikov. Arhiv arheograficheskoj jekspedicii. Tetr. 10 (2012 g.).
28. Smiljanskaja E.B. Knizhnaja premudrost' i izbranie puti spasenija staroobrjadcami Verhokam'ja na rubezhe XX–XXI vv. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Istorija». 2013. № 1 (21). S. 36–43.
29. Shkurov Sh. Hram umer? Vvedenie v problemy hramovogo soznanija // Hram zemnoj i nebesnyj. M.: Progress-Tradicija, 2004. S. 5–21.

УДК 271.22-9

Православная традиция в советский период: факторы преемственности

Елена Ерофеевна Дутчак

Томский государственный университет, Российская Федерация
634650, Томская область, г. Томск, проспект Ленина, 36
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: dee010@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается рассматривать альтернативные формы храмовой культуры в качестве источника воспроизводства православной традиции в советский период. Исследование призвано реконструировать влияние на эти процессы государственной религиозной политики и народных представлений о месте ритуала и человеке его совершающем. Эти аспекты истории православия XX века раскрываются на материалах советского делопроизводства и полевых археографических исследований.

Ключевые слова: православие; храмовая культура; советская религиозная политика; религиозные практики и сети.

UDC 94 (470.4)

Sectarians in the USSR in the 1940–1960s (case study: Penza region)

¹ Larisa A. Koroleva

² Alexey A. Korolev

³ Victor V. Zinchenko

¹ Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

Titov street 28, Penza city, 440028

Dr. (History), Professor

E-mail: la-koro@yandex.ru

² Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

Titov street 28, Penza city, 440028

Dr. (History), Assistant Professor

³ Institute of the higher education of National academy of pedagogical sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Artem street 52 / A, 04053 Kiev

Dr. (Philosophy), Professor

E-mail: zinchenko.72@mail.ru

Abstract. The article reveals social and demographic characteristics (age, sex, social origin, etc.) of the Penza sectarians in the 1940-1960s (Old Believers of the Belokrinitsky consent, Old Believers-bespopovtsy, Old Believers – spasovtsy-netovtsy, true and orthodox Christians, churikovets, switches and others); the geography of their locations in the region is described; their confessional practice (prayer meetings, invitation of priests from other regions, etc. is investigated; appearance of new members, generally through a family and believing relatives); the main directions of the Soviet state and religious policy towards sectarianism on the regional level in 1940-1960s are revealed (refusal in registration of the organization, prosecution, imprisonment, discrediting in the media, expulsion, etc.). Sectarians actually were reluctant to collaborate with authorities, for which they were subjected to severe repressions from power bodies.

Keywords: USSR; Penza region; religion; sectarians.

Введение. Пензенский регион является поликонфессиональным образованием. Основные культы, которые традиционно исповедует пензенское население, - это православие, ислам, иудейство и т.д.

Со второй половины XVIII в. в Пензенском крае распространяются сектантские организации. Хотя количество сектантов не столь масштабно, тем не менее, спектр сектантства весьма разнообразен.

Со второй половины 1940-х гг. в области действовали старообрядцы Белокриницкого согласия, старообрядцы-беспоповцы, старообрядцы-спасовцы-нетовцы, истинно-православные христиане и т.д.

Благодаря слаженным действиям властей сектантство фактически прекратило свое существование в Пензенском регионе в 1960-е гг. Однако события недавнего прошлого, в частности, уход сектантов в подземелье в с. Беково Пензенского района в 2007 г. конца света, доказывают необходимость углубленного изучения практики сектантов и выработки практических рекомендаций для работы с ними в рамках нового правового конфессионального поля.

Материалы и методы. Материалами исследования явились архивные источники (Государственный архив Пензенской области, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив новейшей истории), материалы периодической печати («Пензенская правда», «Молодой ленинец» и т.п.).

Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения и максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала. При возможности были применены принципы социально- психологического подхода и корректности и тактичности в оценке фактов и событий, поскольку спецификой конфессиональной практики сектантов была довольно сильная нравственно-этическая составляющая участников.

Особо следует выделить историко-генетический, суть которого заключается в изучении динамики и содержания деятельности и взаимоотношений государства и сектантов Пензенской области на отдельных этапах развития в контексте отечественной вероисповедной политики. На основе проблемно-хронологического метода в каждом периоде были определены ключевые проблемы в конфессиональной практике на региональном уровне. Статистический метод предоставил возможность проследить динамику определяющих количественных показателей различных периодов. Вследствие чего феномен религиозности сектантов Пензенской области изучен в комплексе его составляющих элементов, проанализированы и сопоставлены многоаспектные события для определения основных периодов, специфических черт и существенных характеристик.

Обсуждение. В середине 1940-х гг. по Пензенской области было зафиксировано 12 незарегистрированных общин и групп старообрядцев в 25 населенных пунктах края с общей численностью верующих около 3000 чел. в г. Пензе, Беднодемьяновском, Белинском, Кузнецком, Наровчатском, Сердобском районах [1]. В Пензенском регионе проживали старообрядцы Белокриницкого согласия, старообрядцы-беспоповцы и старообрядцы-спасовцы-нетовцы.

Одним из центров старообрядчества являлось с. Поим Белинского района, в котором действовали три общины верующих – старообрядцы Белокриницкого согласия, старообрядцы-беспоповцы и старообрядцы-спасовцы-нетовцы.

Старообрядцы Белокриницкого согласия представляли собой самую многочисленную группу верующих в Пензенской области – около 10 объединений. В с. Поим старообрядцы Белокриницкого согласия имели самую крупную общину. Сектанты проводили отправления молитвенных собраний и треб без соответствующего на то разрешения властей и без регистрации. Религиозная община старообрядцев, в состав которой входило около 500 семей верующих (свыше 1000 чел.), не имела в своем распоряжении молитвенного дома (до войны их было 2, в 1946 г. их использовали под овощесушилки), в связи с чем собрания проводились в частных домах [2]. Официального служителя религиозного культа у общины не было, поэтому сектанты данного толка многократно обращались к уполномоченному с просьбой о приглашении старообрядческого священника, в чем им неизменно отказывали. Руководил собраниями и совершал требы бывший псаломщик М.И. Мамазов. О проводимых молитвенных собраниях было известно работникам райисполкома, которые не предпринимали никаких ответных действий. Сектанты неоднократно подавали ходатайства уполномоченному о регистрации. Но в соответствии с указаниями Совета (телеграмма № 5/36 от 1949 г.) регистрация под всяческими предлогами задерживалась. В середине 1950-х гг. группу возглавил И.П. Ульянов, 53 лет [3].

Второй по численности сектантской группой являлась община старообрядцев Белокриницкого толка г. Кузнецка, в которой насчитывалось свыше 400 верующих. В 1957 г. сектанты самовольно построили и оборудовали молитвенный дом. Кузнецкие старообрядцы отличались повышенной тягой к «широкому общению». В 1952 г. сектант Кононов и другие члены группы неоднократно выезжали в г. Москву для встреч со столичными сектантами. По приглашению общины в г. Кузнецк регулярно приезжали священники из г. Сухиничи и Рязани, совершавшие крещение детей и другие религиозные обряды [4]. Затем следовала сердобская община в составе 200 чел.

Типичной же являлась группа старообрядцев Белокриницкого согласия с. Абашево Беднодемьяновского района, в которую входило 30 верующих, преклонного возраста. Актив общины составляли полуслепой 71-летний В.Т. Кашеренков, 75-летний И.В. Петрин, 70-летний Д.И. Матвеев. На квартире Д.И. Матвеева сектанты явочным порядком проводили молитвенные собрания. Общее количество сектантских объединений старообрядцев-беглопоповцев в Пензенском регионе составляло 17. Из них самая многочисленная находилась в г. Каменке (около 300 верующих). Группа поимских старообрядцев-беглопоповцев (около 100 чел.), как и каменских, также не обладала собственным молитвенным зданием. Остальные группы состояли из 20–60 членов [5].

Старообрядцы-беспоповцы имели 4 общины в Пензенской области. Собственно в г. Пензе проживало около 300 семей старообрядцев-беспоповцев. Данное религиозное общество вело себя очень смиренно, никаким образом себя не проявляя, заявлений об открытии молитвенного дома не подавали. Самой многочисленной являлась группа сектантов г. Кузнецка, в которую входило свыше 100 чел. Собрания старообрядцев-беспоповцев, на которых обычно присутствовало 12–20 чел., проводились 3–4 раза в месяц в частном доме своего начетчика или руководителя по субботам, воскресеньям и религиозным праздникам. На них присутствовало обычно до 20–40 чел., по праздничным дням – 80–100 чел., в том числе и женщины 30–40 лет. Старообрядцы-беспоповцы Кузнецкого и Сердобского районов не имели молитвенного здания, в связи с чем обратились с ходатайством об его открытии к уполномоченному в 1946 г. К 1954 г. у сектантов г. Кузнецка появился свой молитвенный дом, где проводились религиозные собрания. Молитвенный дом религиозной общины по договору принадлежал «коллективу верующих». Наставником группы являлся пенсионер старше 70 лет З.И. Сулов [6]. Кузнецкие сектанты поддерживали тесные отношения со старообрядцами г. Челябинска.

Старообрядцы-спасовцы-нетовцы (с. Поим) проводили свои собрания с 1943 г. 2–3 раза в месяц на квартире своего начетчика с общим количеством присутствовавших в 15–20 чел. Руководил религиозной группой Г.Е. Климов (70 лет). Сектанты (с. Агапово Поимского района) с 1945 г. собирались на молитвенные собрания 1–3 раза в месяц на разных квартирах. Как правило, собрания посещали 10–15 чел. [7].

К началу 1950-х гг. в отношении старообрядцев через райисполком были приняты меры к прекращению явочного отправления молитвенных собраний, в результате чего деятельность сектантов практически сошла на нет. В 1952 г. в Кузнецком районе бродячий старообрядческий священник со справкой Московской старообрядческой архиепископии, пытался совершать требы у верующих. Однако в результате профилактической работы со стороны органов госбезопасности он вскоре прекратил свою деятельность [8].

К середине 1960-х гг. в Пензенской области было зафиксировано около 300 верующих старообрядцев [9]. Они проживали в различных населенных пунктах (г. Беднодемьяновск, г. Кузнецк, с. Поим Белинского района, Лопатинский район) и связей между собой фактически не поддерживали.

В конце 1940-х гг. в Пензенской области было зафиксировано 9 групп истинно-православных христиан [10], общая численность которых составляла более 140 чел. Сектанты действовали в г. Пензе, с. Мордовский Ишим (Городищенский район), Ахматовка и Пустынь (Каменский район), Варварино и Ключи (Мокшанский район) и т.д. [11] И.В. Лазарев, начальник УКГБ по Пензенской области, руководствуясь директивами вышестоящих инстанций, характеризовал истинно-православных христиан как одну из самых реакционных сект, т.к. постулаты их веры выступают против социалистического режима и советского государственного строя, ритуалы и обряды имеют «изуверский характер». И.В. Лазарев уточнял, что поскольку данные сектанты не признают советскую власть, считая «сатанинской» и «дьявольской», они не участвуют в государственных и партийных мероприятиях, игнорируют выборы в органы государственной власти, не занимаются общественно-полезной трудовой деятельностью, стремятся активно влиять на других лиц с целью обращения в свою веру [12].

Возрастной уровень местных истинно-православных христиан, по информации УКГБ по Пензенской области, был весьма высоким – Т.И. Боярова, 1926 года рождения; А.С. Дозорова, 1928 года рождения; О.А. Косматова, 1918 года рождения; А.П. Макарова, 1920 года рождения; М.А. Миронов, 1913 года рождения; З.А. Новикова, 1920 года рождения; Т.И. Рунова, 1920 года рождения; Н.Т. Шалина, 1918 года рождения, И.С. Щеглова, 1897 года рождения и т.д. [13]

В 1960 г. лидера пензенских истинно-православных христиан М.А. Миронова привлекли к судебной ответственности, и его осудили за антисоветскую и антиобщественную деятельность на 7 лет лишения свободы [14].

В 1962 г., местные органы госбезопасности докладывали в столицу, что несколько семей вышла из колхозов Пензенской области под воздействием агитации истинно-православных христиан [15].

В местной прессе, в первую очередь, в газете «Пензенская правда», была опубликована целая серия статей, разоблачавшая «реакционную» сущность сектантов (Степанов В. «Черная паутина»; Степанов В. «Кто такие «истинно-православные христиане»?»; Лисавцев Э. «Не оборона, а наступление» и т.д.). В одной из статей так характеризовались методы вовлечения в секту: «Эти святые братья и праведники используют все средства: лицемерие и лесть, обман и подкуп, страх и доверчивость» [16]. В другой статье написано: «... Вожаки «истинно-православных христиан» ставят перед собой не только религиозные, но, прежде всего, политические цели Их практические действия являются реакционными и вредными для социалистического общества» [17].

В ходе планомерной совместной деятельности уполномоченного Совета, сотрудников партийных и советских органов, работников госбезопасности в Пензенской области в основном была пресечена активность сектантских групп ИПХ. Часть сектантов поступили работать в колхозы и совхозы, на государственные предприятия.

В отношении сектантов, на которых мероприятия воспитательного характера не возымели «нужного» эффекта, были приняты административные и судебные меры: в 1961 г. 5 человек были осуждены за антисоветскую и сектантскую деятельность, 35 человек были привлечены к ответственности по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. и высланы за пределы региона (О.А. Косматова, 1918 года рождения; З.А. Новикова, 1922 года рождения; Л.М. Новикова, 1944 года рождения; Р.Н. Стульникова, 1938 года рождения; Н.Д. Кремнев, 1931 года рождения; С.М. Мамкаев, 1931 года рождения; А.П. Варламов, 1931 года рождения, В.Т. Егоров, 1927 года рождения, и др.) [18].

К концу 1950-х гг. силами органов МГБ по Пензенской области была прекращена региональная деятельность сектантских объединений – «чуриковцев» (с. Ляча) и «хлыстов» (г. Пенза). В 1961 г. была пресечена активность адвентиста В.Ф. Макарова (адрес проживания – г. Пенза, ул. Красная, 22-2), пытавшегося создать в городе группу «адвентистов Седьмого дня» [19].

Закключение. Группы сектантов не имели влияния на значительное количество людей Пензенской области. Но в таких группах формировались крепкие разнообразные контакты между членами – религиозные, хозяйственные, семейные, бытовые и т.д., что обуславливало тесное объединение верующих.

Пензенский уполномоченный Совета, характеризуя деятельность сектантских групп, объективно замечал, что «религиозный актив общества систематически ведет религиозную пропаганду среди членов своих семей, среди близких родственников, внушая им необходимость соблюдения религиозных верований» [20].

Несмотря на ограничительные мероприятия уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области сектанты проводили кропотливую работу по вовлечению в религиозные формирования детей и юношества, используя для этого всевозможные приемы и средства. Сектанты пользовались отработанной практикой, чтобы достучаться до каждого конкретного человека, применяя для этого распространение религиозной литературы, организовывая различные вечера и т.д. Все это выгодно отличало сектантов от во многом формальной работы советских культурно-массовых и просветительских учреждений.

Основной массив сектантов представляли люди преклонного возраста. Появление новых членов в религиозные объединения происходило, главным образом, через семью и верующих родственников.

Сектанты фактически не шли на сотрудничество с властями, за что, в свою очередь, в значительной степени подвергались репрессиям со стороны советских органов.

Примечания:

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Фонд 2392. Описание 1. Дело 28. Лист 190.
2. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 1. Лист 35.
3. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 1. Лист 165.
4. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 5. Лист 32.
5. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 1. Лист 420.
6. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 1. Лист 35, 104, 112, 420; Дело 5. Лист 33.
7. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 1. Лист 104, 392.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 6991. Описание 2. Дело 302. Лист 2-2-об.
9. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 28. Лист 191.
10. Королева Л.А., Королев А.А., Гринцов Д.М. «Истинно-Православные Христиане» Пензенской области в 1940-1980 гг. // Общество: философия, история, культура. 2013. № 1.
11. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 40. Лист 24; Дело 28. Лист 190.
12. ГАПО. Фонд 148. Описание 1. Дело 4617. Лист 86.
13. ГАПО. Фонд 148. Описание 1. Дело 4617. Лист 87-88.
14. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 5. Лист 142.
15. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 40. Лист 24.
16. Степанов В. Черная паутина // Пензенская правда. 1959. 09. 06. С. 2.
17. Степанов В. «Кто такие «истинно-православные христиане»?» // Пензенская правда. 1960. 02-03.02. С. 3.
18. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 28. Лист 190-192; Дело 40. Лист 24.
19. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 1. Лист 392.
20. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 1. Лист 392-393.

References:

1. State Archive of the Penza Region (SAPR). f. 2392. Inv. 1. d. 28. p. 190.
2. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 1. p. 35.
3. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 1. p. 165.
4. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 5. p. 32.
5. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 1. p. 420.
6. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 1. p. 35, 104, 112, 420; d. 5. p. 33.
7. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 1. p. 104, 392.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). f. 6991. Inv. 2. d. 302. p. 2-2-об.
9. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 28. p. 191.
10. Koroleva, L.A., Korolev, A.A., Grintsov, D.M. (2013) «True and orthodox Christians» Penza region in 1940-1980 // Society: philosophy, history, culture. 1. (In russian).
11. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 40. p. 24; d. 28. p. 190.
12. SAPR. f. 148. Inv. 1. d. 4617. p. 86.
13. SAPR. f. 148. Inv. 1. d. 4617. p. 87-88.
14. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 5. p. 142.
15. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 40. p. 24.
16. Stepanov, V. Black web // Penza truth. 1959. 09. 06. p. 2. (In russian).
17. Stepanov, V. «Who such "true and orthodox Christians"?» // Penza truth. 1960. 02-03.02. p. 3. (In russian).
18. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 28. p. 190-192; d. 40. p. 24.
19. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 1. p. 392.
20. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 1. p. 392-393.

Сектанты в СССР в 1940-1960-е гг. (по материалам Пензенской области)

¹ Лариса Александровна Королева

² Алексей Александрович Королев

³ Виктор Викторович Зинченко

¹ Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация
440028, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: la-koro@yandex.ru

² Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация
440028, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28
Доктор исторических наук, доцент

³ Институт высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины, Украина
040530, Киев, ул. Артема 52 / А
Доктор философских наук, профессор
E-mail: zinchenko.72@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются социально-демографические характеристики (возраст, пол, социальное происхождение и т.п.) пензенских сектантов в 1940–1960-е гг. (старообрядцы Белокриницкого согласия, старообрядцы-беспоповцы, старообрядцы-спасовцы-нетовцы, истинно-православные христиане, чуриковцы, хлысты и др.); описывается география их расположения в регионе; исследуется их конфессиональная практика (молитвенные собрания, отправления треб, приглашение священников из других регионов и т.п.; появление новых членов, в основном, через семью и верующих родственников); раскрываются основные направления советской государственно-религиозной политики в отношении сектантства на региональном уровне в 1940–1960 гг. (отказ в регистрации организации, привлечение к судебной ответственности, лишение свободы, дискредитация в средствах массовой информации, высылка за пределы Пензенской области и т.д.). Сектанты фактически не шли на сотрудничество с властями, за что подвергались серьезным репрессиям со стороны силовых органов.

Ключевые слова: СССР; Пензенская область; религия; сектанты.

Interclass Relations and the Class Struggle in a Russian Village in 1930–1980s¹ Mikhail Beznin² Tatiana Dimoni¹² Vologda State University, Russian Federation

Doctor (History), Professor

E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru

² Vologda State University, Russian Federation

Doctor (History), Professor

E-mail: dimonitm@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the relationship between the new agricultural classes emerged during the state capitalist transformation of the countryside 1930–1980s.: protobourgeoisie, managers, intellectuals, labor aristocracy, agricultural proletariat. The authors denote a radical change in the type of social relations during that period. Reference is also made to the origins of formation of cross-class relations: the number and the origin of each class, their economic stability, political role, mentality, their ability for oclass and cross-class solidarity. Separately, the author examines the place and importance of social protest and class struggle as a critical point of interclass relations. The essence of evolution of the social protest movement lied in the transitions from forms attributed to peasant society to manifestations of class struggle, typical for labor community.

Keywords: Russian village; social classes; interclass relations; social protest; class struggle.

Введение. Объективным проявлением государственно-капиталистического переустройства российской деревни 1930–1980-х гг. являлось исчезновение «старых» классов (прежде всего, крестьянства) и формирование новых классов, занимающих разные позиции в сельскохозяйственном социуме России (протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, сельскохозяйственного пролетариата) [1]. Еще советская социология уловила этот процесс: хотя господствующей оставалась доктрина о сближении классов в СССР и становлении социально однородного общества, с 1960-х гг. социологи пришли их к выводу о многослойности советского общества, в том числе сельскохозяйственного населения [2; 3; 4; 5; 6]. В западной науке понимание нарастающей социальной дифференциации советского общества сложилось еще раньше, чем в нашем обществоведении, – в 1930–1940-е гг. [7; 8]

Материалы и методы. Несмотря на то, что сегодня наиболее часто при анализе социальной структуры фигурирует «страта», по нашему мнению более приемлема для анализа дифференциации социума категория «класс», точнее, «социальный класс». О том, что она применима для описания крупных общественных групп писали не только последователи марксизма. Так Ж. Гурвич рассматривал классы как объективно существующие многофункциональные группы, сохраняющие дистанцию между своими членами. По его мнению, данные группы (классы) имеют сильную тенденцию к внутреннему расслоению, а также отчетливо противостоят другим группам [9]. Кроме того, уже к 1960-м гг. сформировались технико-организационная теория, согласно которой причина и источник классового расслоения – в разделении и организации труда; распределительная теория, в соответствии с которой источник классового расслоения находится в сфере распределения и потребления (Э. Бернштейн, М. Хальбвакс) [10]. В современной социологии под социальными классами понимаются большие группы людей, которые обладают сходными социально-экономическими статусами. Ряд авторов (в основном марксистской ориентации) подчеркивают, что основным фактором разделения на классы является отношение к средствам производства. Другие авторы, следуя традиции М. Вебера, делают упор на такие факторы, как политическая власть, стиль жизни, престиж, идентификации и т.д. [11] Категория «социальный класс» удачно аккумулирует оба эти подхода и является достаточно устоявшейся в мировых науках о социуме.

Новорожденные классы деревни формировались в непрерывном взаимодействии друг с другом, включая и сотрудничество, и противостояние. Складывавшиеся между ними социальные отношения коренным образом отличались от «общинного» типа социальных отношений, господствовавшего в деревне до конца 1920-х гг. Слабая социальная дифференциация деревни того времени делала главными знаменателями связей соседство и родство, торжествовавшие, несмотря на присутствие в сельской жизни «кулака-мироода» и «крепкого мужичка». По данным Б.Н. Миронова дифференциация российской деревни была настолько мала, что к 1917 г. коэффициент Джинни составлял здесь 0,133–0,296 [12], по данным В.П. Данилова доля «кулаков» в деревне России 1927 г. не превышала 3% [13].

Обсуждение. Изучение новых социальных отношений, возникавших в процессе социальной переструктуризации деревни 1930–1980-х гг., необходимо рассматривать как целостную систему,

внутри которой, как правило, выделяют: отношения между классами по поводу собственности на средства производства (экономические отношения); отношения по поводу государственной власти (политические отношения); отношения между классами по поводу правопорядка (правовые отношения); отношения в связи с реализацией нравственных норм (нравственные отношения); отношения между классами по поводу создания и потребления духовных ценностей [14].

Глубина социально-классового раскола деревни была уже в первой половине колхозно-совхозного времени достаточно велика, ее замечали современники. Так, В.М. Князева (1914 г.р.), колхозница Кемеровской области, в конце 1990-х гг. говорила о начальных десятилетиях колхозной жизни: «В колхозе жили не все одинаково. Хорошо жили председатель и бригадиры. Они, конечно, богато жили. Были грамотными, поэтому больше всех и получали. А мы должны были своим трудовым потом зарабатывать на жизнь» [15]. Отчетливо фиксировалось расслоение деревни во многих произведениях публицистики и художественной литературы. Например, Ф.А. Абрамов в повести «Вокруг да около» (1963 г.) среди многих других ярких описаний неравенства отмечает: «Дом служащего, или, как говорят в деревне, человека на деньгах, отличишь сразу. Он и понаряднее, этот дом: наличники у окошек и двери непременно покрашены, вместо жердяной изгороди оградка из рейки или плетень из сосновых или еловых колышков. И, конечно, радиоантенна над крышей». Расслоение в деревне было зафиксировано и советской социологией села. По расчетам, сделанным Н.Е. Рабкиной, Н.М. Римашевской, децильный коэффициент дифференциации доходов колхозников СССР (по совокупному доходу) составлял в 1960-е гг. около 4 раз, что показывает достаточно высокую степень расслоения [16].

На формирование отношений между классами влияли разные факторы. Среди них – численность каждого класса, его «родовые» признаки («материнская» социальная среда, родство с «власть имущими», или «прежними» деревенскими классами), особенности трудовых операций, в том числе их новизна для деревни, близость к колхозной или государственной собственности и т.д.

Самым большим по численности в течение 1930–1980-х гг. был класс сельскохозяйственного пролетариата (рядовых колхозников и совхозных рабочих). Второе место в 1930–1940-е гг. занимали сельскохозяйственные менеджеры (бригадиры, управляющие отделениями, счетоводы и др.), в 1960–1980-е гг. это место перешло к рабочей аристократии (трактористам, комбайнерам, шоферам), в то время как менеджеры постепенно переместились на четвертую ступень в численном «соревновании» классов. Сельскохозяйственные интеллектуалы (агрономы, зоотехники, ветеринары и др.), бывшие в 1930–1940-е гг. самым малочисленным классом, к концу 1980-х гг. прочно перемещаются на третье место среди всех классов деревни. Самым малочисленным деревенским классом почти весь период времени (за исключением 1930–1940-х гг., когда все же он превосходил по численности сельскохозяйственных интеллектуалов) был класс сельскохозяйственной протобуржуазии (председателей колхозов, директоров совхозов и МТС) [17]. Находящиеся в не самом привилегированном положении малочисленные классы, к тому же не вписывавшиеся в «старую» традицию взаимоотношений социальных групп (интеллектуалы, рабочая аристократия) должны были выдержать более жесткую борьбу за место в социальной пирамиде. Малочисленная, находившаяся в привилегированном положении протобуржуазия использовала численное меньшинство для консолидации с более высокими «властными» кластерами и как фактор правового, экономического и политического доминирования на селе. Сельскохозяйственный пролетариат, оставаясь самым многочисленным классом, придавал межклассовым отношениям в российской деревне патриархально-деревенскую окраску.

Большую роль в выстраивании отношений «низших», «средних» и «высших» классов села играл сложившийся эталон взаимоотношений с «начальством», идущий от общинной жизни. Проявлялось это в традиции определенного «чинопочитания». Диссидент А. Амальрик, описывая жизнь в сибирской деревне середины 1960-х гг., отмечал: «В Гурьевке вообще ни к кому не обращались: Степанида Алексеевна, или Мария Степановна, или Дмитрий Иванович, а говорили просто: Стешка, Манька, Митька. Или же давали прозвища... Только к бригадиру большинство обращалось по имени-отчеству, а те, кто помоложе, говорили: дядька Шаповалов» [18].

Деревенским сообществом подмечалось, что деревенская «верхушка» тесно общалась с высшими этажами власти (областными, районными) и транслировала властные решения в «низы», что расценивалось как ее «промежуточное» положение. Колхозник Н.И. Носков (1919 г.р.) из-под Вятки говорил о председателе колхоза «Да и то сказать, что с него взять? Ведь он тоже человек подневольный. С него райком партии требовал отчета за всё» [19 Лопатин и др., 2009: 177]. В то же время, от «верхушки» ждали отчета, следили за ее деятельностью. Колхозница В.М. Князева вспоминала: «Бывало, соберут колхозное собрание ... Выступит председатель, отчитается перед нами. Потом из ревизионной комиссии расскажут, сколько получили прибыли, куда её потратили. Отчитывались перед народом. А как же!» [20].

Роль в межклассовых отношениях сельскохозяйственного пролетариата (рядовых колхозников, совхозников) обозначалась как подчиненная, тесно связанная с крестьянскими традициями «покорности». Бывшая колхозница М. Лаврентьева рассказывала: «А наряда очень слушались, никто не отпирался. Куды пошлют, туды и пойдем. Раз надо работать, дак... Не спорили» [21].

Большое значение во взаимоотношениях классов играл факт «городского» или «деревенского» происхождения. Как известно, деревенское сообщество с осторожностью относилось к чужим, особенно до эпохи активных миграций (в том числе связанных с периодом Великой Отечественной войны) и аграрных реформ, «укрупнивших» прежние сельские социумы через совхозизацию и «оптимизацию» мелких колхозов (1950-е и более поздние годы). «Пришлые» требовали поиска иного дискурса социальных связей, что было трудным делом для земледельцев, привыкших к «простоте» языка и быта села. Колхозник из Кузбасса И.А. Шишков, в конце XX в. рассказывая о первых годах существования колхозов, подчеркивал «иную ментальность» чужаков во власти: «Председателями колхозов становились присланные начальством люди. Наши мужики чувствовали землю. Но их до руководства колхозами не допускали. Они оказались не у дел» [22].

«Пришлость» чем дальше, тем больше деревенскими жителями воспринималась положительно. Недеревенское происхождение и опыт, цивилизные манеры и внешний вид были значимыми основаниями социального превосходства одних слоев перед другими. Этот маркер можно наблюдать в частушках:

Деревенские не в моде –
Нынче в моде писаря.
Комсомольцы да приезжие,
Еще учителя [23].

В колхозной деревне помнили происхождение человека как минимум до третьего колена. Поэтому если должность, особенно «властная», была наследственной – отец был председателем колхоза или бригадиром – положение представителя класса рассматривалось как более стабильное. В совхозах, особенно тех, что не были созданы на базе прежних колхозов, наследственность при вхождении в класс имела меньшее значение.

Большим уважением пользовались представители колхозного или совхозного социума, шагнувшие в другой, более «высокий» социальный слой. Об этом тоже сохранилось множество частушек:

Пусть Ванюша не красив,
Но зато с характером.
Раньше был он пастухом,
Нынче пашет трактором [24].

Объемно-правовое положение очень специфично сказывалось на формировании классовой иерархии деревни. Статусы колхозника, рабочего или служащего различались весьма сильно, что проявлялось и в наличии/отсутствии паспорта, а, значит, в свободе передвижения, возможностях трудоустройства, в охвате системой крестьянских повинностей (в 1930–1950-е гг.) и в способах получения заработков (гарантированной, денежной заработной платы или «оплаты трудоднями») и др. Немаловажным фактором неравноправия были и «лично-поземельные узы», которые содействовали передаче наследственной неполноправности, пока двор сохранял приусадебный земельный участок, и, следовательно, прикреплял колхозника к сельхозартели.

Юридическая дискриминация или юридические преференции сельских классов на разных этапах 1930–1980-х гг. проявлялась более всего во взаимоотношениях с государством, и гораздо меньше непосредственно во внутридеревенских взаимоотношениях. Например, представители разных сельскохозяйственных классов нередко заключали брачные союзы, это даже приветствовалось с точки зрения практического выживания. В уже цитируемой повести Ф.А. Абрамова «Вокруг да около» об этом говорится: «В деревне сейчас принято: если ты в колхозе работаешь, то жену подыскивай из служащих, так, чтобы в доме всегда была копейка. После войны, когда произошла денежная реформа, это получило даже свое название: «жениться на буханке» ... Складывается особый тип семьи, где экономический фактор играет далеко не последнюю роль». Таким образом, изменение межклассовых отношений во многом определяло и формирование имущественных прослоек.

Фактор правовых различий постепенно уступал ведущее место различиям в экономическом и производственном положении. Производственно-экономическая «притягательность» каждого из деревенских классов легко просматривается в частушках:

На моем на белом платье
На оборке кружева.
Что же мне не наряжаться –
Бригадирова жена!

Эй, подружка, морганем,
К нам подходит агроном,
Мы с тобой не растеряемся,
Знакомство заведем! [25]

Бригадиры, трактористы, агрономы, инженеры – наиболее популярные представители классовых групп, отличавшихся, по деревенским меркам, стабильным материальным положением. Родство с такими людьми, с точки зрения представителей сельскохозяйственного пролетариата, было значительным продвижением к более высокому социальному положению. С другой стороны, представители деревенской «верхушки» рассматривали их как более низкие по статусу классы. Показателен в этом отношении фильм С. Росточкина «Дело было в Пенькове» (1957 г.), где председатель колхоза был не в восторге от того, что его дочь вышла замуж за тракториста МТС.

О профессиональной принадлежности как основе социальной градации много писали уже советские социологи [26]. Нельзя думать, что такое представление возникло в науке на пустом месте. Основой его являлось, в том числе, содержание трудовых операций у разных деревенских классов. При сохранении селянами представлений о физическом труде, как о мере человеческой ценности, колхозники и совхозники все чаще приходили к мысли, что представители «высших» классов физической работы достаточно чужды. По этому принципу часто и со значительной долей осуждения идентифицировалась деревенская верхушка. Так, в отношении 1930-х гг. писатель Т. Чугунов замечал: «многие колхозники физическим трудом не занимаются, начиная от председателя и кончая звеньевым. В колхозе около полусотни лиц принадлежат к администрации: председатель, его заместители, члены и служащие правления, заведующие фермами, руководители предприятий, бригадиры, звеньевые и т. п.» [27].

Большой новизной отличались и трудовые операции, выполняемые сельскохозяйственными интеллигентами: их функции были связаны с внедрением знаний в производственный процесс. Не случайно в деревенских частушках чувствовался определенный восторг по поводу деятельности агрономов, ветеринаров и им подобных:

Агроном рубашка белая,
Расшита васильком,
Мы науку агронома
Все колхозом признаем [28].

«Низший» же класс деревни – сельскохозяйственный пролетариат воспринимался остальными жителями, и сам позиционировал свое место в социальной пирамиде как самое бесправное, подчиненное, страдательное по своей сути, с тяжелейшими трудовыми операциями. Вот как об этом пелось в южнорусских деревенских частушках начала 1930-х гг.:

Кто виноват, что в
Колхоз мы записались,
Кто виноват, что нам
Хлеба не дают,
Кто виноват, что мы
День и ночь работаем,
А пред. колхоза наш труд
Не признает [29].

Имущественные и производственные характеристики классов были гораздо более изменчивы, чем правовые категории. Юридические различия сельскохозяйственных классов придавали консолидированность каждому из них и создавали границы между социальными кластерами деревни. При этом социальное размежевание между классами становилось более четким, а раскол между ними приводил к обострению классовых антагонизмов. Это размежевание явно видно на материалах народного фольклора 1930–1950-х гг., где описываемое действие группирует, как правило, представителей одной классовой группы. Так, «высшие» классы деревни – протобуржуазия и менеджеры – «действовали» совместно в разных бытовых ситуациях:

Заместитель с бригадиром
Все дела направили:
На Ильинску пятницу
Похмелье вместе справили [30].

«Средние» классы деревни – интеллигалы и рабочая аристократия – также объединены в частушечных сюжетах, консолидированы внутри «своего» классового «клана»:

Я в работе боевая,
И в учебе всем пример.
Скоро буду агрономом,
Мой миленок – инженер [31].
Меня детка любит крепко
За походку быстрюю.
Эх, он будет комбайнером,
А я – трактористкою [32].

В то же время нередкими были и сюжеты, где представители рабочей аристократии объединены в действиях с представителями класса сельскохозяйственного пролетариата. Это свидетельствует о том, что физические трудовые усилия (даже при помощи механизмов) служили важным обстоятельством в представлении о близости этих классов:

Мой миленок тракторист,
Я – ударница полей.
Милый борется за трактор,
Я – за триста трудодней [33].

Межклассовые отношения лежали в основе всех сторон социальной жизни деревни 1930–1980-х гг. Казалось бы, старое общество оставило русской деревне в наследство много привычного – наличие тех, кто управлял фискальной жизнью или трудом, тех, кто нес в нее просвещение и знание, тех, кто в основном работал на земле. Однако, роли новых классов, а, следовательно, и их взаимодействие, были наполнены новым смыслом – смыслом ухода от традиционного крестьянского общества.

Неотъемлемой частью межклассового взаимодействия была классовая борьба. Это сложное социальное, общественное, экономическое и пр. явление, направленное как «вовне» так и «вовнутрь» каждого классового образования, иногда проявлявшееся и в консолидации определенных классовых групп. Естественно, вновь рожденные классы должны были завоевать место в обществе и «выяснить» отношения между собой в формировавшейся классовой пирамиде деревни. Интуитивно «механизмы» классовой борьбы в моменты интенсивной классовой переструктуризации уловил в 1929 г. И.В. Сталин, выдвинув тезис об «обострении классовой борьбы» [34].

Для понимания эволюции классовой борьбы и социального протеста в деревне 1930–1980-х гг. большое значение имела концепция «моральной экономик», согласно которой определяющим моментом в жизни крестьянского социума была преимущественно пассивная защита своего существования в угрожающей социальной и природной среде [35]. Однако данная теория не безоговорочно применима к колхозно-совхозной деревне. В период завершения жизни аграрного общества в России (1930–1950-е гг.) – с его повинностной системой, правовой дискриминацией, довольно высокой натуральностью жизни двора – «крестьянская» основа социального протеста сохранялась. В дальнейшем же, в 1960–1980-е гг., перевод колхозников на заработную плату, распространение на них пенсионной системы и механизмов социальной защиты, преодоление прикрепления к земле и денатурализация хозяйства подорвали социальные устои крестьянского типа сопротивления, приближая сельскохозяйственных работников к традициям рабочего протеста.

Особенности протеста сельского социума 1930–1980-х гг. состояли и в том, что каждому из сельскохозяйственных социальных классов были присущи свои способы отстаивания классовых интересов. Однако присутствие в деревне подавляющей массы людей с крестьянским опытом бытия (сельскохозяйственного пролетариата) позволяет говорить о преобладании форм и мотивов классовой борьбы, присущих именно этому социальному классу.

Среди основных форм классовой борьбы сельскохозяйственного сообщества 1930–1980-х гг. выделяются такие формы протестных действий как уклонение от эксплуатации государства (прежде всего, от несения повинностей), борьба за землю (за расширение приусадебного землепользования), незаконные способы реализации права собственности так называемые «разбазаривания», и др. формы присвоения), приверженность к традиционным культурным ценностям; письменные жалобы, акты политического насилия в отношении представителей деревенского актива и др. Неудовлетворенность классовых усилий сельских жителей порождали в конечном итоге такую форму протеста как исход из деревни.

Одной из важнейших форм социального протеста было *уклонение от повинностей* [36]. Данный механизм внеэкономической эксплуатации в 1930–1950-е гг. применялся практически ко всему сельскохозяйственному сообществу. Российские колхозники стремились уклониться от колхозных «отработок»: в определенные годы количество невыработавших установленных норм трудодней достигало четвертой-пятой части всех трудоспособных (например, в 1938 г. не выработали ни одного трудодня от 3 до 24 % (в зависимости от региона РСФСР) взрослых трудоспособных колхозников и подростков [37]). Сопротивление колхозников вызывали и другие разновидности отработок – гужевая и трудовая повинности на лесозаготовках, а также обязательное бесплатное участие в дорожном строительстве. Высокий уровень изъятия продукции приусадебных хозяйств и норм денежного обложения дворов приводил к массовому уклонению индивидуальных хозяйств от обязательных поставок сельхозпродукции и уплаты сельхозналога. Например, в начале 1948 г. средняя недоимка молока на 1 хозяйство России, обложенное обязательными поставками, составляла 70 л, мяса – 28 кг, яиц – 81 шт., шерсти – 1 кг, кож – 1 шт. [38]. Чтобы не платить денежный сельхозналог сельские жители сокращали поголовье скота, площади посевов, вырубали фруктовые деревья, прибегали к сокрытию доходов. Уклонение от несения повинностей жестко каралось, вплоть до судебной ответственности и лишения свободы, что подчеркивает остроту социального протеста.

Важнейшим индикатором социальной самоидентификации почти всех деревенских классов (кроме, пожалуй, сельскохозяйственных интеллектуалов) была близость к земле. Поэтому «борьба за землю» (за сохранение и расширение приусадебного землепользования, за сенокосы) была одной из наиболее масштабных форм социального протеста. В колхозно-совхозный период понимание «своей земли» постепенно сосредоточилось на приусадебном клочке (обычно 0,25 га). Сохранение и расширение приусадебного землепользования в 1930–1960-е гг. было борьбой и за социальное, и за физическое выживание, о чем говорят размеры «незаконно» занимаемой земли, – чаще 2–5 соток. Проведенные в 1939 г. обмеры приусадебных земель колхозников СССР показали, что «излишки» земли имели 7,8 млн колхозных дворов (41% от всего их наличия), 820 тыс. хозяйств единоличников (88 % от общего числа), 1465 тыс. дворов других нечленов колхозов [39]. Вместе с процессами раскрестьянивания интерес к земле постепенно пропадал. Так, в 1977 г. в РСФСР было проведено 22 тыс. проверок соблюдения земельного законодательства, выявлено около 15 тыс. нарушений приусадебного землепользования (было «самовольно» занято около 3 тыс. га земли) [40]. В 1987 г. при проведении 22 тыс. проверок были выявлены нарушения приусадебного землепользования у 5 тыс. российских граждан на площади 1,5 тыс. га [41].

Итак, в классовой борьбе одним из важнейших составляющих было отстаивание привилегированного места в отношении собственности. Протобуржуазия, менеджеры, отчасти «средние» сельскохозяйственные классы с начала 1930-х гг. активно предъявляли свои права на собственность, обусловленные особенностями этого института при государственном капитализме. Речь идет о разделенном праве собственности, характерном для госкапиталистических обществ, где права владения, распоряжения и пользования отчасти переданы государством иерархической пирамиде «со-собственников». «Внезаконное» присвоение части колхозного имущества рассматривалось «высшими» и «средними» классами деревни как своеобразная плата за должность. «Низший» класс деревни – сельскохозяйственный пролетариат – явочным порядком осуществлял права «бывших» собственников, сохраняя «память» о том, что крестьянское имущество стало основой колхозных и отчасти совхозных капиталов [42]. Кроме того, селяне, вкладывая значительную долю своих трудовых усилий в общественное хозяйство колхоза (например, в 1950-е гг. по Российской Нечерноземью не менее 70% общих трудовых затрат двора [43]), считали себя не только сопричастными к созданию колхозной продукции, но и имевшими на ее часть законное право.

Эти формы классовых претензий к государству от «высших» и «средних» классов села, и к колхозно-совхозной верхушке – от низших классов нередко трактовались в официальных документах как кражи, «самоснабжение», «кумовство» и т.д. Примерами таких оценок полны документы государственных органов 1930–1950-х гг.: «Дело с хищением колхозной собственности зашло так далеко, что в колхозах расхищаются целые скирды хлеба, стоги сена, лошади, овцы», – сообщал в 1943 г. Наркомат земледелия в ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву [44]. Материалы судопроизводства середины 1980-х гг. подтверждают уже вполне сложившуюся практику «внезаконной» реализации права собственности. В постановлении пленума Верховного суда СССР от 15 ноября 1984 г. дан полномасштабный обзор этого. Речь шла о «фактах отсутствия порядка в сохранности зерна, кормов, скота, бесхозяйственности ... допускаемых руководителями и иными должностными лицами колхозов, совхозов и других предприятий и организаций агропромышленного комплекса» [45].

Классовые интересы разных социальных групп деревни выражались и в политической сфере. Обширным фронтом противостояния системе новых идеологических взглядов было отстаивание *духовных традиций*, базировавшихся в большинстве территорий России на православном мировоззрении. Всесоюзная перепись населения 1937 г. показала, что верующими себя считали 57% населения СССР в возрасте старше 16 лет [46]. Ярким свидетельством сохранения религиозных воззрений в сельской среде являлось количество ходатайств верующих об открытии храмов, поступающих в Совет по делам Русской Православной церкви при СМ СССР, советские и партийные органы после Великой Отечественной войны. Количество обращений по РСФСР, направленных в Совет по делам РПЦ за период 1944–1947 гг., составило 19,8 тыс. [47]

Классовая борьба проявлялась в таких массовых формах протеста как жалоба «во власть». Число обращений в различные инстанции ежегодно превышало многотысячный рубеж. За 1947–1950 гг. только в Совет по делам колхозов при правительстве СССР поступило 92795 жалоб и заявлений [48]. Особую активность в письмах во власть проявлял класс сельскохозяйственных интеллектуалов. Наступление на правовой статус, переводивший их на положение колхозников (середина – вторая 1950-х гг.), повлекло массовую письменную атаку на высшие органы власти, партийные органы, газеты, что довольно быстро заставило государство прислушаться к требованиям класса интеллектуалов и восстановить их в правах. Схожей была ситуация с изменением правового статуса рабочей аристократии в 1958 г., когда переведенные из МТС в колхозы трактористы и комбайнеры настойчиво просили вернуть им права и зарплату более высокого статуса рабочего, который они имели, находясь в государственных организациях.

Радикальные формы классового протеста включали устные и письменные призывы к свержению существующего строя, насильственные действия в отношении работников властных структур, руководителей и активистов колхозов. Они были в деревне не таким частым явлением. Формирование радикальных настроений начиналось с возникновения слухов, роль которых в

крестьянском сообществе была чрезвычайно высока. На фоне осознанных, негативных по отношению к власти массовых умонастроений и формировались предпосылки открытых радикальных форм выражения протеста. Обычно их носителями были люди более широкого социального опыта (прошедшие войну, жившие ранее в городе), отличавшиеся способностью к анализу положения в деревне. Так, воевавший и вернувшийся из немецкого плена В.П. Кузнецов в 1946 г. в Кирилловском районе Вологодской области выразил свои настроения в вывешенной на местной пристани листовке, где предлагал «объединиться; вести неустанную агитацию, загнанному и запуганному населению разъяснять ... где корень зла ... сместить с кремлевского престола Сталина и его приспешников, разогнать колхозы, раздать землю, скот и инвентарь в личное пользование крестьян ... полная свобода в выборе места жительства и вида работы» [49].

В редких случаях дело доходило до высшего уровня радикального протеста – вооруженной борьбы. Эта форма противостояния крестьянского сообщества государству, бывшая чрезвычайно распространенной в период коллективизации, в дальнейшем являлась скорее исключением, чем правилом и представлялась, скорее, актами отчаяния. Так, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. «террористические акты против колхозного актива» были зафиксированы в Челябинской, Чкаловской, Калужской, Вологодской и др. областях. Судя по спецсообщениям органов госбезопасности, в ряде районов Вологодской области в 1944–1950 гг. от «терактов» пострадало 8 деревенских активистов (председатели колхозов, счетовод, кладовщик, депутат сельского совета, секретарь парторганизации [50]).

Деклассирование сельской социальной пирамиды осуществлялось через такой масштабный канал раскрестьянивания как *исход* из деревни. С 1940 по 1987 г. среднегодовая численность работников, занятых в сельском хозяйстве РСФСР в целом, сократилась почти на 6 млн человек [51]. Возможность ухода из деревни в 1930–1960-е гг. включала легальные (организованный набор на работу в промышленность или на учебу, плановое сельскохозяйственное переселение) и нелегальные, «самовольные» методы. Именно в несанкционированном бегстве колхозников наиболее ярко проявился социальный протест. В 1946–1958 гг. около четверти селян покинули деревню, минуя все административные препятствия и ограничения [52–53]. Сами мигранты, оценивая причины отъезда, отмечали: «Люди не от радости стремятся уехать из колхоза, всем жалко зорить свое родимое гнездо, но нет никаких перспектив на будущее» [54]. В совхозной деревне «исход» принимал форму увольнения с работы, особенно в поздний советский период: в 1970 г. в совхозы СССР было принято на работу 1602 тыс. человек, уволились 1416 тыс.; в 1987 г. было оформлено на работу 1594 тыс. человек, выбыло – 1539 тыс. [55]

Результаты. Создание колхозов и совхозов, сокращение до минимума хозяйствования на своем подворье, сделало канвой социальных отношений села «обобществленную» производственную жизнь с вытекающими из этого особенностями обеспечения жителей ресурсами. Старая общинность была разрушена, ей на смену пришел тип связи внутри производственного коллектива крупного сельхозпредприятия. Экономические трансформации разрушили представление о социально однородном обществе – «Ладе» – утвердив иерархическую мультиклассовость сельской жизни и плюрализм классовых культур и ментальностей.

Заключение. Классовая борьба и социальный протест были ответной реакцией сельского социума на государственную политику и формирующиеся под ее влиянием институты. Значение социального протеста состояло в том, что он выступал одним из основных регуляторов жизни советского общества, выразителем классовых и межклассовых интересов. Многообразие форм проявления классовой борьбы и социального протеста в деревне породилось многоклассовостью сельского общества, а также его неизжитыми еще до 1960-х гг. крестьянскими корнями. Социальный протест вобрал в себя многие традиционные формы противодействия власти, среди которых во второй половине 1930–1980-е гг. преобладали пассивные, ненасильственные. Особенностью социального протеста являлось то, что в нем разные классы села проявляли себя консолидировано, тогда как классовая борьба велась каждым из классов исключительно в своих интересах. Пик пассивного противодействия власти приходится на конец 1940-х – начало 1950-х гг., что позволяет увидеть прямую связь с усилением внеэкономической эксплуатации деревни и маркировать данный феномен как индикатор истощенности данного типа взаимоотношений. На проявления социального протеста и выражения классовых интересов государство достаточно эластично реагировало, что особенно проявилось в ходе аграрных преобразований середины 1950-х – середины 1960-х гг., решении вопросов классовой идентификации протобуржуазии, менеджеров, интеллигентов, рабочей аристократии и сельскохозяйственного пролетариата.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-01-00341 «Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания»

Примечания:

1. Безнин М.А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930-1980-х гг. / Безнин М.А., Димони Т.М. // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 90–102.
2. Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. 376 с.

3. Внутрикласовые изменения крестьянства. Минск, 1966. 48 с.
4. Сенявский С.Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938–1970. М., 1973. 447 с.
5. Симуш П.И. Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976. 319 с.
6. Староверов В.И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978. 126 с.
7. Bernham J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World. N. Y., 1941. 285 p.
8. Inkels A. Social structure and mobility in the Soviet Union 1940-1950 // Social stratification. N.Y., 1951. P.465–479.
9. Гергилов Р.Е. Теория и методология социологии Г.Д. Гурвича // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 129–138.
10. Проблемы классовой структуры и стратификации современного общества в зарубежной социологии. М., 1970. 215 с.
11. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. 2002. 592 с.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т.1. СПб., 1999. С. 128.
13. Данилов В.П. Кулачество // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. С. 262–266.
14. Крапивенский С. Социальная философия. Волгоград, 1998. С. 123.
15. Лопатин Л.Н. Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют) / Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Кемерово, 2009. С. 94.
16. Рабкина Н.Е. Перспективы изменения степени дифференциации душевых доходов семей колхозников в сравнении с городским населением (промежуточный отчет) / Рабкина Н.Е., Римашевская Н.М. М., 1971. С. 11.
17. Безнин М.А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930-1980-х гг. ...
18. Амальрик А. Нежеланное путешествие в Сибирь. New York, 1970. С. 164.
19. Лопатин Л.Н. Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют) ... С. 177.
20. Там же. С. 93–94.
21. Виноградский В. Крестьянские семейные хроники: репортаж с диктофоном на шею // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С. 494.
22. Лопатин Л.Н. Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют) ... С. 201.
23. Частушки в записях советского времени. М.: Л., 1965. 496 с. (№ 2099).
24. Русская частушка. Л. 1950. С. 283.
25. Там же. С. 249, 345.
26. Классы, социальные слои и группы в СССР. М., 1968. 230 с.
27. Чугунов Т.К. Деревня на Голгофе. Мюнхен, 1967. С. 184.
28. Русская частушка. Л., 1950. С. 346.
29. «Легит орел по над морем...»: Частушки и песни 1930-х гг. о коллективизации на Кубани // Альманах «Россия. XX век». 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1019488> (дата обращения 17.06.2014).
30. Подюков И.А.К проблеме описания колхозного фольклора Прикамья / Подюков И.В., Свалова Е.Н. // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 1. С. 15.
31. Частушки Воронежской области. Записи 1949–1953 гг. / сост. С.Г. Лазутин. Воронежское кн. изд., 1953. С. 78.
32. Русская частушка. Л. 1950. С. 347.
33. Там же. С. 256.
34. Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП (б). Речь на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в апреле 1929 г. // Сталин И.В. Сочинения. М., 1953. Т. 12. С. 35.
35. Scott J. C. The moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in southeast Asia. New Haven, London, 1976. 246 p.
36. Безнин М.А. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы / Безнин М.А., Димони Т.М. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111.
37. Колхозы в 1938 г. (по годовым отчетам). Данные предварительной (сокращенной) разработки. М., 1939. С. 10.
38. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 3. Д. 803. Л. 88–126.
39. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 тт. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939. М., 2006. 515–523.
40. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-616. Оп. 9. Д. 606. Л. 11.
41. РГАЭ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1806. Л. 6.
42. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996. 413 с.
43. Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М., 1991. 256 с.
44. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 138. Л. 5.
45. Постановление пленума Верховного Суда СССР от 15 ноября 1984 г. «О дальнейшем повышении роли судов в борьбе за сохранность социалистической собственности, укреплении государственной, договорной и трудовой дисциплины на предприятиях и в организациях агропромышленного комплекса» // [Электронный ресурс] URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33558.html (дата обращения 16.06.2014).
46. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги. М., 2007. С. 118–123.
47. Гераськин Ю.В. Подача ходатайств об открытии храмов в 1940–1950-е годы как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 15. С. 133.
48. Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953): Сб. док. М., 1993. С. 64.

49. Архив УФСБ по Вологодской области. Дело на В.П. Кузнецова. Т. II. Л. 362.
50. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 9. Д. 143. Л. 95.
51. Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1960. С. 450; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1988. С. 421.
52. Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 423.
53. История крестьянства СССР. В 5 т. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества 1945 – конец 50-х годов. М., 1988. С. 149, 280.
54. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 21. Д. 105. Л. 15.
55. Сельское хозяйство СССР... 1988. С. 424.

References:

1. Beznin M.A. Sotsial'nye klassy v rossiiskoi kolkhozno-sovkhoznoi derevne 1930-1980-kh gg. / Beznin M.A., Dimoni T.M. // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2011. № 11. S. 90–102.
2. Arutyunyan Yu.V. Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR. M., 1971. 376 s.
3. Vnutriklassovye izmeneniya krest'yanstva. Minsk, 1966. 48 s.
4. Senyavskii S.L. Izmeneniya v sotsial'noi strukture sovetskogo obshchestva. 1938–1970. M., 1973. 447 s.
5. Simush P.I. Sotsial'nyi portret sovetskogo krest'yanstva. M., 1976. 319 s.
6. Staroverov V.I. Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR na etape razvitogo sotsializma. M., 1978. 126 s.
7. Bernham J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World. N. Y., 1941. 285 p.
8. Inkels A. Social structure and mobility in the Soviet Union 1940-1950 // Social stratification. N.Y., 1951. P.465–479.
9. Gergilov R.E. Teoriya i metodologiya sotsiologii G.D. Gurvicha // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 4. S. 129–138.
10. Problemy klassovoi struktury i stratifikatsii sovremennogo obshchestva v zarubezhnoi sotsiologii. M., 1970. 215 s.
11. Oksfordskii tolkovyi slovar' po psikhologii / pod red. A. Rebera. 2002. 592 s.
12. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii (XVIII – nachalo KhKh v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. V 2 t. T.1. SPb., 1999. S. 128.
13. Danilov V.P. Kulachestvo // Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. M., 1965. T. 8. S. 262–266.
14. Krapivenskii S. Sotsial'naya filosofiya. Volgograd, 1998. S. 123.
15. Lopatin L.N. Kollektivizatsiya i raskulachivanie (ochevidtsy i dokumenty svidetel'stvuyut) / Lopatin L.N., Lopatina N.L. Kemerovo, 2009. S. 94.
16. Rabkina N.E. Perspektivy izmeneniya stepeni differentsiatsii dushevykh dokhodov semei kolkhoznikov v sravnenii s gorodskim naseleniem (promezhutochnyi otchet) / Rabkina N.E., Rimashevskaya N.M. M., 1971. S. 11.
17. Beznin M.A. Sotsial'nye klassy v rossiiskoi kolkhozno-sovkhoznoi derevne 1930-1980-kh gg....
18. Amal'rik A. Nezhelanoe puteshestvie v Sibir'. New York, 1970. S. 164.
19. Lopatin L.N. Kollektivizatsiya i raskulachivanie (ochevidtsy i dokumenty svidetel'stvuyut) ... S. 177.
20. Tam zhe. S. 93–94.
21. Vinogradskii V. Krest'yanskie semeinye khroniki: reportazh s diktofonom na shee// Refleksivnoe krest'yanovedenie: desyatiletie issledovaniy sel'skoi Rossii. M., 2002. S. 494.
22. Lopatin L.N. Kollektivizatsiya i raskulachivanie (ochevidtsy i dokumenty svidetel'stvuyut) ... S. 201.
23. Chastushki v zapisyakh sovetskogo vremeni. M.: L., 1965. 496 s. (№ 2099).
24. Russkaya chastushka. L. 1950. S. 283.
25. Russkaya chastushka. L. 1950. S. 249, 345.
26. Klassy, sotsial'nye sloi i gruppy v SSSR. M., 1968. 230 s.
27. Chugunov T.K. Derevnya na Golgofe. Myunkhen, 1967. S. 184.
28. Russkaya chastushka. L., 1950. S. 346.
29. «Letit orel po nad morem...»: Chastushki i pesni 1930-kh gg. o kollektivizatsii na Kubani // Al'manakh «Rossiya. XX vek». 2011. [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1019488> (data obrashcheniya 17.06.2014).
30. Podyukov I.A.K probleme opisaniya kolkhoznoho fol'klora Prikam'ya / Podyukov I.V., Svalova E.N. // Vestnik Permskogo universiteta. 2013. Vyp. 1. S. 15.
31. Chastushki Voronezhskoi oblasti. Zapisi 1949–1953 gg. / sost. S.G. Lazutin. Voronezhskoe kn. izd., 1953. S. 78.
32. Russkaya chastushka. L. 1950. S. 347.
33. Tam zhe. S. 256.
34. Stalin I.V. O pravom uklone v VKP (b). Rech' na Plenum TsK i TsKK VKP (b) v aprele 1929 g. // Stalin I.V. Sochineniya. M., 1953. T. 12. S. 35.
35. Scott J. C. The moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in southeast Asia. New Haven, London, 1976. 246 p.
36. Beznin M.A. Povinnosti rossiiskikh kolkhoznikov v 1930–1960-e gody / Beznin M.A., Dimoni T.M. // Otechestvennaya istoriya. 2002. № 2. S. 96–111.
37. Kolkhozy v 1938 g. (po godovym otchetam). Dannye predvaritel'noi (sokrashchennoi) razrabotki. M., 1939. S. 10.
38. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomii (RGAE). F. 8040. Op. 3. D. 803. L. 88–126.
39. Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. V 5 tt. T. 5. 1937–1939. Kn. 2. 1938–1939. M., 2006. 515–523.
40. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. A-616. Op. 9. D. 606. L. 11.
41. RGAE. F. 650. Op. 1. D. 1806. L. 6.
42. Golosa krest'yan: sel'skaya Rossiya KhKh veka v krest'yanskikh memuarakh. M., 1996. 413 s.

43. Beznin M.A. Krest'yanskii dvor v Rossiiskom Nechernozem'e 1950 –1965 gg. M., 1991. 256 с.
44. RGASPI. F. 17. Op. 123. D. 138. L. 5.
45. Postanovlenie plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 15 noyabrya 1984 g. «O dal'neishem povyshenii roli sudov v bor'be za sokhrannost' sotsialisticheskoi sobstvennosti, ukreplenii gosudarstvennoi, dogovornoj i trudovoi distsipliny na predpriyatiyakh i v organizatsiyakh agropromyshlennogo kompleksa» // [Elektronnyi resurs] URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33558.html (data obrashcheniya 16.06.2014).
46. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g.: obshchie itogi. M., 2007. S. 118–123.
47. Geras'kin Yu.V. Podacha khodataistv ob otkrytii khramov v 1940–1950-e gody kak sposob otstaivaniya konstitutsionnogo prava na svobodu veroispovedaniya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 15. S. 133.
48. Popov V.P. Rossiiskaya derevnya posle voiny (iyun' 1945 – mart 1953): Sb. dok. M., 1993. S. 64.
49. Arkhiv UFSB po Vologodskoi oblasti. Delo na V.P. Kuznetsova. T. II. L. 362.
50. Vologodskii oblastnoi arkhiv noveishei politicheskoi istorii (VOANPI). F. 2522. Op. 9. D. 143. L. 95.
51. Sel'skoe khozyaistvo SSSR. Stat. sbornik. M., 1960. S. 450; Sel'skoe khozyaistvo SSSR. Stat. sbornik. M., 1988. S. 421.
52. Ivanov N.S. Raskrest'yanivanie derevni (seredina 40-kh – 50-e gody) // Sud'by rossiiskogo krest'yanstva. M., 1995. S. 423.
53. Istoriya krest'yanstva SSSR. V 5 t. T. 4. Krest'yanstvo v gody uprocheniya i razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva 1945 – konets 50-kh godov. M., 1988. S. 149, 280.
54. VOANPI. F. 2522. Op. 21. D. 105. L. 15.
55. Sel'skoe khozyaistvo SSSR... 1988. S. 424.

УДК 93/94

Межклассовые отношения и классовая борьба в российской деревне 1930–1980-х гг.

¹ Михаил Алексеевич Безнин
² Татьяна Михайловна Димони

¹⁻² Вологодский государственный университет, Российская Федерация

¹ доктор исторических наук, профессор

E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru

² доктор исторических наук, профессор

E-mail: dimonitm@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются отношения между новыми сельскохозяйственными классами, возникшими в период государственно-капиталистического переустройства деревни 1930–1980-х гг.: протобуржуазией, менеджерами, интеллектуалами, рабочей аристократией, сельскохозяйственным пролетариатом. Авторы приходят к выводу о коренном изменении типа социальных взаимоотношений в этот период. Речь идет также об истоках формирования межклассовых отношений: численности и происхождении каждого класса, его экономической устойчивости, политической роли, ментальности, способности к классовой и межклассовой солидарности. Отдельно рассмотрено место и значение социального протеста и классовой борьбы как важнейших составляющих межклассовых отношений. Суть эволюции социального протеста состояла в движении от форм, свойственных крестьянскому обществу, к проявлениям классовой борьбы, характерных для рабочего сообщества.

Ключевые слова: российская деревня; социальные классы; межклассовые отношения; социальный протест; классовая борьба.

UDC 351.755.6 (091)

Historic and Legal Review on Passport Reform of 1974 and its Role in Strengthening of the USSR Public Order

Yulia N. Kirichenko

Southwest state university, Russian Federation
305040, Kursk, to st. is 50 years of October, 94
PhD
E-mail: julija.kirichenko@rambler.ru

Abstract. The article is based on the analysis of historical and legal material, where the facts linked to the passport system reforms in the Soviet Union in 1974 are revealed. The author features introduction of the new peculiarities of the passport system and its legal and social importance for the Soviet state. The organized passport system is characterized by organizational and legal activities of the passport services of the Soviet police in issuing new passports for all citizens of the USSR under 16 years of age, regardless of where they live and where they work. It was concluded that the reform in the USSR passport system in 1974 had a positive impact on: strengthening of public order; combating crime; organization of labor control mechanisms throughout the country.

Keywords: passport reform; passport service; passport; registration of citizens; public order, public accounting; migration.

Введение. Не будет преувеличением сказать, что проблема реформирования деятельности различных служб Министерства внутренних дел составляет важную часть отечественной истории. Однако надо отметить, что проблема реформирования паспортной системы и совершенствование деятельности паспортных служб советской милиции практически не затрагивалась в историко-правовой литературе. Между тем научная разработка данной проблемы имеет серьезное теоретическое и практическое значение. Исследование паспортной реформы 1974 г. и реорганизация деятельности паспортных служб советской милиции не только существенно расширяет объём наших исторических знаний, но позволяет осмыслить опыт прошлого и учесть его в современной практике совершенствования организации и деятельности различных служб современной полиции Российской Федерации. Уже сам по себе факт многочисленных реформ и реорганизаций даёт основание говорить о том, что Министерству и всем подведомственным ему органам отводилось и продолжает отводиться первостепенное место в государственном механизме. Уровень эффективности их функционирования существенно влияет на прочность общественного и государственного строя. С этой точки зрения каждая реформа преследовала цель усовершенствовать организационное построение, формы и методы деятельности, подведомственных ему служб. К тому же на различных исторических этапах складывались, как правило, объективные факторы, вызывавшие необходимость проведения реформ.

Материалы и методы. Источниковую базу для написания статьи составили законодательные и подзаконные нормативно-правовые акты по изучаемой проблеме, сборники документов по истории советской милиции. Часть материалов почерпнута из периодических изданий отражавших ход и результаты паспортной реформы. Отдельные факты, отражающие особенности реформирования паспортной системы в Советском государстве, составляют материалы фондов Государственного архива Российской Федерации.

Методологической основой исследования является метод познания, опирающийся на принцип историзма, предусматривающий логически последовательный, всесторонний, объективный анализ исторических явлений в их тесной взаимосвязи и непрерывном развитии. Применялись частно-научные и специальные методы.

Обсуждение. К началу 1970-х годов существенно шагнул в перед научно-технический прогресс, приведший к громадному росту промышленности и существенно повлиявшему на соотношение классов и социальных групп. Численность рабочего класса значительно увеличилась. Сельскохозяйственное производство переходит в разновидность промышленного производства, что способствует процессу стирания существующих различий между городом и деревней. Паспортная система в стране регулировалась Постановлением Совета Министров СССР принятого 21 октября 1953 г. «Положением о паспортах» [1]. Отдельные её положения неоднократно дополнялись Указами Президиума Верховного Совета СССР и постановлениями правительства СССР, в связи, с чем паспортная система регламентировалась более чем тридцатью нормативными актами и нуждалась в консолидации. Бланки паспортов, находившиеся в обороте у граждан, изготовлялись по образцам 1932 г. и явно устарели. Их внешний вид и качество вызвали справедливые нарекания со стороны граждан. Защитные свойства паспорта от подделок не отвечали необходимым требованиям.

В большинстве случаев у сельских жителей не было паспортов. Это отрицательно сказывалось на организации оперативного учета трудовых ресурсов страны и значительно затрудняло ведение

адресно-справочной работы органами внутренних дел. К тому же сельские работники значительно чаще стали приезжать в города по служебным и личным делам, а также на учебу и в отпуск. А это в значительной степени связано с необходимостью предъявления документа, удостоверяющего личность.

Процесс миграции населения по стране значительно усилился в связи с ростом городов, строительством крупных промышленных предприятий и комплексов, освоением и развитием природных богатств Сибири, Казахстана, Дальнего Востока, Средней Азии. С учетом этого развивалось и советское законодательство. Были приняты общесоюзные Основы законодательства и республиканские кодексы, регулирующие уголовные, гражданские, семейные, трудовые и другие правоотношения. Требовалось совершенствование паспортной системы, так как она не могла уже в полной мере обеспечить учетно-регулирующее воздействие государства на возросшее передвижение населения внутри страны и формулирование перед ней новых целей и задач, отвечающих потребностям жизни Советского государства того исторического периода.

К 1974 году в стране использовалось несколько видов паспортов. Подразделялись паспорта в зависимости от срока действия, на который они выдавались и могли быть: 5-летние, 10-летние, бессрочные и краткосрочные.

За выданный паспорт взималась плата в сумме трех рублей, а при выдаче краткосрочного паспорта один рубль. По окончании срока действия паспорта граждане вынуждены были заново заполнять и представлять различные документы для его получения, снова терять время на прописывание нового паспорта, что создавало ряд неудобств.

Наконец, неоднократное получение паспортов было связано с излишней затратой средств и материалов, необходимых для изготовления паспортных бланков. Поэтому профессором М.И. Еропкиным было предложено, отказаться от действующих на тот период времени различных видов паспортов и ввести единый постоянный паспорт для всех граждан, достигших 16-летнего возраста с последующим вклеиванием в этот паспорт новых фотокарточек по достижению владельцем 25-ти и 45-ти летнего возраста, что позволяло бы учитывать изменения черт лица человека. Также предлагалось увеличить размер фотографических карточек, наклеиваемых на паспорт и заявление-карточку, что выступало бы дополнительным защитным средством, предохраняющим паспорта от подделок и использования их в преступных целях [2].

Совокупность перечисленных изменений в социальной, политической и правовой жизни страны привели к тому, что ЦК КПСС и Совет Министров СССР в августе 1974 г. рассмотрели вопрос «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР». 28 августа 1974 г. Совет Министров СССР утвердил новое Положение о паспортной системе в СССР, образец паспорта гражданина Союза Советских Социалистических Республик и описание паспорта [3].

Положением устанавливался единый для всего населения порядок, предусматривающий обязанность иметь паспорт всем гражданам СССР, достигшим 16-летнего возраста, независимо от того, где они проживают, в городе или сельской местности и в какой сфере производства трудятся, в колхозе, совхозе, на заводе или учреждении. Введение всеобщей паспортизации, это самая существенная особенность паспортной реформы 1974 г.

Паспорт изготавливался из материалов высокого качества, которые придавали ему внешний вид, повышали долговечность, гарантировали защиту от подделок. Оригинал его создали художники И.В. Богдашевский и А.М. Шишко [4].

Процесс получения паспорта и пользование им стали более удобными. Паспорта изготавливались по единому образцу на русском языке и языке соответствующей союзной или автономной республики. В паспорт вносились основные сведения о личности гражданина: фамилия, имя, отчество, число, месяц, год и место рождения, национальность. Действие документа теперь не ограничивалось сроком. Для получения паспорта граждане представляли в паспортный стол по месту своего жительства заявление по установленной форме, две фотографические карточки размером 5 на 6 сантиметров, свидетельство о рождении [5].

В новом паспорте сократилось количество граф, содержащих сведения о личности гражданина и обязательные отметки. Так, сведения о социальном положении были исключены из паспорта. Это объяснялось тем, что документ выдавался на всю жизнь, а социальное положение в процессе жизни человека может меняться. Не записывались в паспорт и сведения о приеме на работу и увольнении. Документом, подтверждающим трудовую деятельность рабочего и служащего становилась трудовая книжка.

Отметки в паспортах могли производиться только уполномоченными на то государственными органами и учреждениями. Они могли быть как обязательные, так и сделанные по желанию владельца паспорта: о регистрации и расторжении брака – органами записи актов гражданского состояния; об отношении к военной службе – военными комиссариатами; о прописке и выписке – органами внутренних дел и лицами, уполномоченными на это исполнительными комитетами сельских, поселковых Советов народных депутатов. С согласия граждан в их паспортах медицинскими учреждениями могли производиться отметки о группе и резус – принадлежности крови [6].

В паспортах граждан, которые были осуждены за злостное уклонение от уплаты алиментов или разысканы органами милиции на основании определений народных судов ставился специальный

штамп «Обязан к уплате алиментов» [7]. После окончания выплаты алиментов, на основании справок судебных исполнителей, такой паспорт мог быть заменён новым. Производить какие-либо другие отметки в паспортах запрещалось.

За выдаваемый паспорт взималась плата в размере двух рублей. От уплаты за выдаваемый паспорт освобождались лица, находящиеся на полном государственном обеспечении [8].

Юридическое значение сведений, содержащихся в паспорте, состояло в том, что для подтверждения их истинности не требовалось предъявлять никаких других дополнительных документов.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в Постановлении от 25 февраля 1960 г. «О мерах по устранению канцелярско-бюрократических извращений при оформлении трудящихся на работу и разрешении бытовых нужд граждан» [9] давал указания руководителям предприятий, учреждений и организаций не требовать от трудящихся каких-либо письменных справок, когда необходимые сведения могут быть подтверждены предъявленным паспортом. Реализация этих указаний способствовала значительному сокращению справочного документооборота в стране.

Кроме выдачи паспортов нового образца, Положением о паспортной системе в СССР 1974 г. предусматривались случаи обмена документа, например при: перемене фамилии, имени, отчества; установления неточности в записях; непригодности паспорта для пользования, что являлось новой правовой особенностью.

О потере паспорта гражданин должен был заявлять в милицию. В этом случае по просьбе заявителя ему выдавалась справка об утере документа по установленной форме. Найденный паспорт подлежал сдаче в органы милиции. В соответствии с приказом МВД от 6 ноября 1974 г. в Главном научно-исследовательском центре управления и информации МВД СССР (ГНИУИ) велся всесоюзный централизованный учет похищенных и утраченных паспортов и паспортов скрывшихся преступников [10]. В паспортных отделениях (столах) горрайорганов внутренних дел розыск похищенных и утраченных паспортов производится по системе, основанной на учете серий и номеров похищенных паспортов по специальным книгам и таблицам. Проверке подвергались паспорта, имеющие следы подделки, обнаруженные у лиц, которым они не выдавались, а также в иных случаях, вызывающих сомнения в их достоверности.

Кроме случаев указанных в законе, изъятие паспортов запрещалось. В частности, запрещался прием и передача паспортов в залог, а также засвидетельствование с них копий. За нарушение данной нормы налагался административный штраф в размере до десяти рублей. Требовать предъявления могли только уполномоченные на то представители власти или должностные лица. На органы внутренних дел, была возложена обязанность принимать паспорта от граждан, когда возникала необходимость их сдать при призыве на военную службу, при зачислении в военно-учебные заведения, при выезде за границу на постоянное жительство [11].

Положение о паспортной системе в СССР подробно регламентировало единый, повсеместный порядок прописки и регистрации граждан по месту жительства. В правила прописки были внесены существенные изменения так, например независимо от размера жилой площади родители могли прописываться на жилплощадь детей, прежде это допускалось только в отношении престарелых и нетрудоспособных. Таким же порядком предусматривалась прописка прибывших для временного проживания уволенных в запас или отставку офицеров, прапорщиков, мичманов, военнослужащих сверхсрочной службы в тех населенных пунктах, где они постоянно проживали до призыва в армию или поступления на службу. Были расширены возможности прописки студентов высших и средних учебных заведений, аспирантов, адъюнктов, ординаторов, слушателей курсов по подготовке кадров, а также членов семей аспирантов, адъюнктов, слушателей военных академий и учебных заведений КГБ СССР, МВД СССР.

Граждане прописывались на новом месте лишь в том случае, если имели отметку о выписке со старого места жительства путем проставления специального штампа в паспорте. Прописка и выписка граждан в городах, а также в поселках городского типа и сельских населенных пунктах, в которых имелись органы внутренних дел, а также в населенных пунктах, расположенных в пограничной зоне, производилась органами внутренних дел, в остальных поселках городского типа и сельских населенных пунктах – лицами, уполномоченными на то исполнительными комитетами сельских, поселковых Советов [12].

Наличие в паспорте сведений о прописке имело важное практическое значение: она гарантировала осуществление законных прав и обязанностей советских граждан. Граждане, изменяющие место жительства, а также выбывающие в другую местность на временное проживание на срок свыше полутора месяцев, обязаны были выписаться перед выбытием. Это правило не распространялось на лиц, выезжающих на каникулы, дачу, отдых, лечение, в командировку.

Наряду с пропиской, Положением о паспортной системе в СССР устанавливалась регистрация граждан, прибывших из одной местности в другую на срок до полутора месяцев. Она производилась не позднее трехдневного срока со дня прибытия, а в гостиницах, санаториях, домах отдыха, пансионатах, больницах и других подобных учреждениях – по прибытии. При регистрации никаких отметок в паспортах не делалось.

В Положении о паспортной системе СССР определялись конкретные обязанности граждан и руководителей предприятий и учреждений по строгому соблюдению правил паспортной системы. В нем указывался исчерпывающий перечень противоправных действий, за совершение которых наступала административная ответственность. По общему правилу материалы о привлечении виновных к административной ответственности за нарушение паспортных правил рассматривались административными комиссиями при исполкомах районных, городских Советов народных депутатов. В порядке исключения указами Президиума Верховного Совета СССР от 24 сентября 1962 г., от 8 мая 1963 г., от 2 июня 1966 г. и от 15 января 1976 г. [13] органам милиции предоставлялось право налагать штрафы за нарушение правил паспортной системы в пограничной зоне, в Москве и Московской области, Ташкенте и Ленинграде.

За злостное нарушение паспортных правил по ст.196 УК РСФСР, в частности за проживание без паспорта и прописки, устанавливалась уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до года или штрафа до 50 рублей, но в том случае если за эти действия уже применялись меры административного воздействия [14].

Реформа паспортной системы имела важное значение для страны и потребовала проведения крупных мероприятий. Постановление от 28 августа 1974 г. об утверждении Положения о паспортной системе в СССР вводилось в действие (за исключением выдачи самих паспортов) с 1 июля 1975 г., а в полном объеме – с 1 января 1976 г. [15]. В течение шести лет – до 31 декабря 1981 г. планировалось заменить и выдать паспорта миллионам городских и сельских жителей. В органах внутренних дел был проведен большой комплекс организационных и практических мероприятий.

В городах Вильнюсе и Челябинске 13-14 ноября 1974 г. состоялись кустовые совещания – семинары начальников паспортных служб МВД союзных и автономных республик, УВД крайоблисполкомов и ряда городов страны по вопросам дальнейшего совершенствования паспортной системы в СССР [16].

В целом паспортная реформа была проведена успешно благодаря профессиональному мастерству личного состава паспортных служб, подбору, расстановки и обучению кадров. Особое внимание на местах органы внутренних дел уделяли подготовке, обучению вновь назначенных на паспортную работу сотрудников, имеющих недостаточный практический опыт.

Например, в УВД Курского облисполкома для этой цели была продумана система целенаправленного обучения личного состава и подготовлена специальная программа для изучения в рамках служебной подготовки. Занятия проводились в несколько этапов. На первом – изучали приказы, инструкции и другие документы, по окончании принимали зачеты. Потом приступили к разбору специальных тем – с учетом местной оперативной обстановки. Одно из занятий обязательно посвящалось разбору наиболее типичных нарушений паспортного режима в городе. Учитывая, что паспортная реформа – дело всех служб и подразделений милиции, специальный цикл лекций был посвящен вопросам взаимодействия паспортных служб с другими подразделениями органов внутренних дел, уголовного розыска, следствия, ОБХСС и т.д. [17]

Во всех паспортных службах страны был организован четкий порядок документирования, установлены конкретные дифференцированные сроки выдачи новых паспортов с учетом местных условий, имеющихся сил и средств. С этой целью повсеместно были произведены расчеты ежегодного объема работы по документированию населения, составлены и утверждены в горрайисполкомах графики очередности выдачи паспортов. В городских органах милиции были составлены поименные списки лиц 16-летнего возраста. По согласованию с местными органами подавляющее большинство паспортных отделов (отделений) было переведено на работу по приему населения в один из выходных дней, а три дня в неделю они работали до 20 часов. Это позволяло работающим гражданам решать паспортные вопросы в удобное для них время. Граждане заблаговременно могли получить справки по вопросам паспортизации, в так называемых «паспортных уголках» созданных в организациях и предприятиях страны. Содействие в этом им оказывали внештатные сотрудники милиции, члены специализированных народных дружин. Например, в Горьковской области 1500 представителей общественности оказали помощь в организации выдачи паспортов нового образца паспортными столами [18].

Широкое распространение при выборе наиболее оптимальных форм обслуживания граждан получил порядок, при котором большинство жителей городов и сельской местности сдавали документы на получение и обмен паспортов в жилищно-коммунальные организации, а те в свою очередь, передавали их для последующего оформления в органы внутренних дел. В этих случаях паспорта с оформленной пропиской выдавались гражданам за одно посещение вместо 3–4, как это было ранее. В результате лишь по городу Минску в течение года экономия времени посетителей составила 60 тысяч человеко-дней [19].

В целях улучшения деятельности паспортных служб Главного управления охраны общественного порядка МВД СССР в 1976–1980 гг. подготовило и направило на места 27 приказов, 19 обзоров, 38 указаний и 28 методических рекомендаций. Руководство всеми паспортными службами паспортный отдел (6 отдел) Главного управления охраны общественного порядка МВД СССР через паспортные отделы МВД союзных республик, а на территории РСФСР – непосредственно.

Паспортную работу в автономных республиках, краях и областях осуществляли паспортные отделы соответствующих МВД, УВД [20].

Главным управлением охраны общественного порядка МВД СССР, Главным управлением уголовного розыска МВД СССР и другими службами, была оказана большая организационная и практическая помощь органам внутренних дел в разработке и осуществлении мероприятий по укреплению паспортного режима и досрочного документирования граждан, особенно в местах проведения спортивных игр и проживания участников и гостей Олимпиады в Москве в 1980 году. Это позволило лишь в Москве и Московской области выявить свыше 260 преступников и неплательщиков алиментов, 1040 лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, 266 злостных нарушителей паспортных правил [21].

Вместе с тем следует отметить, что в ряде городов, районов не соблюдалась установленная планомерность и последовательность выдачи и обмена паспортов, нарушались сроки оформления и предоставления документов и фотокарточек для получения новых паспортов. Нередко граждане не являлись в назначенное время за получением оформленных и подготовленных к выдаче паспортов, что нарушало ритмичность в работе паспортных служб. Серьезные недостатки допускались и в оформлении документов. Например, в течение первого полугодия 1976 г. в горрайорганах внутренних дел Молдавской ССР около 30 % паспортов было оформлено небрежно, с ошибками, недостаточно качественным проставлением печатей и штампов. По этой причине было испорчено 4104 бланка документов, или 2 % к общему числу выданных [22]. Не во всех паспортных службах горрайорганов внутренних дел были приняты меры к сохранности бланков паспортов, оргтехники и спецсредств, из-за чего имели место случаи их утраты.

Мероприятия по выдаче населению новых паспортов активно использовались в оперативно-розыскной деятельности по выявлению лиц, скрывающихся от органов власти и ведущих антиобщественный образ жизни.

С 1976 по 1980 гг. было отобрано для специальной проверки 3,2 миллиона паспортов и других документов, вызывающих сомнение в их подлинности и принадлежности, а также имевших признаки подделок. При их исследовании было установлено 10,6 тысяч разыскиваемых преступников. Всего за пять лет было выявлено более 66 тысяч разыскиваемых преступников, 436 тысяч неплательщиков и 105 тысяч должников по искам государственных и общественных организаций [23].

Нередко сигналы о проживании отдельных граждан с документами, содержащими вымышленные данные, или с чужими документами поступали в виде заявлений или анонимных писем, в процессе бесед работников милиции с населением, на опросах или допросах, а также от подсобных сил. Тщательная проверка этой информации способствовала установлению лиц, длительное время пользовавшихся чужими документами.

Немало преступников, а также нарушителей паспортных правил было выявлено непосредственно при выдаче паспортов. За 4 года с начала выдачи паспортов в Приморском крае среди выявленных нарушителей паспортных правил проживали с исправлениями и подчистками в паспортах фамилий, имен, отчеств и других данных 983 человека, с подделкой штампов о прописке и выписке 64 человека, с паспортами, в которые были вставлены листки от других паспортов 32, с переклеенной фотографией, подделкой печатей 34. Всего выявлено лиц, проживающих с недействительными паспортами 1118 человек [24].

Определенный вклад внесли работники паспортных служб в профилактическую работу. За пять лет они проинформировали оперативный состав уголовного розыска и другие службы милиции в отношении 284 тысяч выявленных тунеядцев и лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, 55 тысяч подростков, бросивших школу и работу, 123 тысяч допускаявших хулиганские действия в общежитиях и квартирах [25].

Мероприятия профилактического характера, проведенные органами внутренних дел совместно с общественными организациями в период подготовки и проведения паспортизации в значительной мере способствовали сокращению писем, жалоб и заявлений, поступивших в органы внутренних дел по паспортным вопросам. В 1960 г. по сравнению с 1976 г. их число сократилось на 25,7 % [26].

Заключение. Введение нового Положения о паспортной системе в СССР в 1974 г. имело важное политическое значение для страны. Законодательное установление обязанности получения паспортов всем советским гражданам, достигшим 16-летнего возраста и их прописка, независимо от места проживания, явилось самой существенной особенностью паспортной системы того периода, направленного на ликвидацию существенных различий между городом и деревней, практическим шагом для развития свободы личности и прав советских граждан.

Реформирование паспортной системы и организационно-правовой деятельности паспортных служб советской милиции явилось хорошей базой для активизации-профилактической деятельности и осуществления дополнительных мер в решении многих актуальных задач того времени направленных на устранение причин и условий, способствующих бродяжничеству, тунеядству, уклонению от уплаты алиментов и т.д.

Работа по документированию населения способствовала совершенствованию профилактических и оперативно-розыскных учетов, приведению их в соответствие с конкретной оперативной обстановкой в городе или районе, уточнению сведений о числе лиц, имеющих

судимостью и проведению с ними профилактических мероприятий, что в свою очередь явилось важным условием предупреждения рецидивной преступности, и укреплению общественного порядка в целом по стране.

Советское правительство высоко оценило труд паспортных работников. 21 октября 1982 г. группе сотрудников паспортного управления были вручены ордена и медали [27].

Примечания:

1. Бюллетень Исполкома Мосгорсовета депутатов трудящихся, 1955, №11, С.25-29.
2. Управление в области охраны общественного порядка / М.И. Еропкин. М.: Юрид. лит., 1965. С.107-120.
3. СП СССР, 1974, №19, С.109.
4. Аносов Н. Советский паспорт. // Молодой коммунист, 1976, №3, с.123.
5. Рябов Ю.С. Советская паспортная система. М.: Академия МВД СССР, 1978, С.11.
6. СП СССР, 1974, №19, С.110.
7. Об улучшении уплаты и взыскания алиментов на содержание детей. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1967 г. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1967, №30, С. 418.
8. СП СССР, 1974, №19, С.113.
9. СП СССР, 1960, № 6, С.33.
10. Кусков Г.С. Паспортная система в СССР. М.: Академия МВД СССР, 1979, С.60.
11. СП СССР, 1974, №19, С.115.
12. Инструкцию о порядке прописки, регистрации и выписки граждан исполкомами сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся. Утвержденная приказом МВД СССР от 9 октября 1975 г.
13. Ведомости Верховного Совета СССР, 1962, №39, с.56; 1963, №20, с.222; 1966, №23, с.402; 1976, №3, с.63.
14. Загородников Н.И., Симиненко А.Н. Паспортные правила, ответственность за их нарушения. // Советская милиция. 1979. № 2. С.60-62.
15. СП СССР, 1974, №19, С.109.
16. Информационный бюллетень управления административной службы милиции, 1974, № 9, С.13.
17. Обидин В.И. Касается всех. // Советская милиция. 1975. №8, С.21-25.
18. Известия, 1975, 3 декабря.
19. Корзан В.Ф. Имеет важное значение. // Оперативная и следственная работа. 1977. № 57, С. 48-54.
20. Реорганизация и развитие паспортной службы советской милиции, её место и роль в укреплении общественного порядка в СССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период: монография / Ю.Н. Кириченко; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2011. С.122.
21. Кусков Г.С. Использование паспортной системы в раскрытии преступлений // Труды Академии МВД СССР. 1982. С. 120-126.
22. Бурдужа В.О. деятельности горрайорганов внутренних дел по выдаче населению паспортов нового образца. // Информационный бюллетень МВД Молдавской ССР, 1976, № 9, С.38-39.
23. ГАРФ, ф. 9415, оп.4, д.288, л.278
24. Спирин В.А. Итоги работы по введению новой паспортной системы за 4 года. // Бюллетень УВД Приморского крайисполкома. 1980, №52, С.30.
25. ГАРФ, ф. 9415, оп.4, д.288, л.197.
26. ГАРФ, ф. 9415, оп.4, д.288, л.150.
27. На боевом посту, 1982, 28 октября.

References:

1. Bulletin of the Board of Workers' Deputies Mosgorsoveta, 1955, № 11, P.25-29. (In russian).
2. Managing the protection of public order / Eroпкиn M.I. M.: legal. lit., 1965. P.107-120. (In russian).
3. JV USSR, 1974, № 19, P.109.
4. Anosov N. Soviet passport. // The Young Communist, 1976, № 3, P.123. (In russian).
5. Ryabov Y.S. Soviet passport system. Moscow: Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1978, P.11. (In russian).
6. JV USSR, 1974, № 19, P.110.
7. On improving the payment and collection of child support. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 21, 1967 // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR, 1967, № 30, P.418. (In russian).
8. JV USSR, 1974, № 19, P.113.
9. JV USSR, 1960, № 6, P.33.
10. Kuskov G.S. Passport system in the USSR. Moscow: Academy of Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1979, P.60. (In russian).
11. JV, 1974, № 19, P.115.

12. Instructions on how to registration, registration and discharge the executive committees of citizens of rural and village Soviets. Approved by order of the USSR Ministry of Internal Affairs from October 9, 1975. (In russian).
13. Gazette of the Supreme Soviet of the USSR, 1962, № 39, p.56; 1963, № 20, p.222; 1966, № 23, s.402; 1976, № 3, P.63.
14. Zagorodnikov N.I., Siminenko A.N. Legal rules, responsibility for their violation. // Soviet militia. 1979. № 2. P. 60-62. (In russian).
15. JV USSR, 1974, № 19, P.109.
16. Newsletter management administrative service police, 1974, № 9, P.13. (In russian).
17. Obidin V.I. Applies to all. // Soviet militia. 1975. № 8, P.21-25. (In russian).
18. Proceedings, 1975, December 3.
19. Korzan V.F. Is important. // Operational and investigative work. 1977. № 57, P.48-54. (In russian).
20. Reorganization and development of the passport service of the Soviet militia, its place and role in the strengthening of public order in the Soviet Union during World War II and the postwar period: monograph / Y.N. Kirichenko; South-West. State. Univ. Kursk, 2011. P.122. (In russian).
21. Kuskov G.S. Using the passport system in solving crimes // Proceedings of the Academy of the USSR. 1982. P. 120-126. (In russian).
22. Burduja V.O. activities gorraysorganov Interior to issue new passports to the population. // Newsletter Ministry of Internal Affairs of the Moldavian SSR, 1976, № 9, P.38-39. (In russian).
23. SARF, f.9415, op.4, d.288, l. 278.
24. Spirin V.A. Results of work on the introduction of the new passport system for 4 years. // Bulletin ATC Primorsky Krai Executive Committee. 1980, № 52, P. 30. (In russian).
25. SARF, f.9415, op.4, d.288, l. 197.
26. SARF, f.9415, op.4, d.288, l. 150.
27. On the line of duty, 1982, October 28. (In russian).

УДК- 351.755.6 (091)

Историко-правовой очерк проведения паспортной реформы 1974 г. и её роль в укреплении общественного порядка в СССР

Юлия Николаевна Кириченко

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Кандидат юридических наук
E-mail: julija.kirichenko@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе анализа историко-правового материала раскрываются факты, приведшие к реформированию паспортной системы в СССР в 1974 г. Автором раскрываются особенности введения новой паспортной системы её правовое и социальное значение для Советского государства. Характеризуется организационно-правовая деятельность паспортных служб советской милиции по выдаче паспортов нового образца всем гражданам СССР достигшим 16-ти летнего возраста, независимо от того где они проживают и в какой сфере деятельности трудятся. Сделан вывод о том, что реформирование паспортной системы СССР в 1974 г. положительно повлияло на: укрепление общественного порядка; борьбе с уголовной преступностью; организацию миграционного учета трудовых масс на всей территории страны.

Ключевые слова: паспортная реформа; паспортная служба; паспорт; регистрация граждан; общественный порядок, учет населения; миграция.

UDC 94(478) + 314.9 "2004/2014"

Nationalities and Languages of Moldavia: Official and Declared Data

¹ Sergey G. Sulyak

² Vladimir V. Kazakov

¹ Tomsk State University, Russian Federation
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050
PhD (History), Senior researcher
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

² Tomsk State University, Russian Federation
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050
Dr. (Economy) Professor
E-mail: prorektorsv@mail.ru

Abstract. The article is based on the 2004 Census of the Republic of Moldova and the Governmental Center of State Informational Resources "Registru" of the Ministry of Informational Technology and Communication of the Republic of Moldova, which analyzes data on the basis of nationality and language. Such comparison revealed difference between declared and officially announced data. There is a big difference between the number of citizens who register themselves as Rumanians and the number of those who speak Rumanian and Russian. The data of the new governmental ministry 'Center of State Informational Resources "Registru"' are being included into scientific use.

Keywords: Moldavians; Rumanians; Russians; Ukrainians; Rusins; Moldavian Language; Russian Language; Rumanian Language; Populace Documentation.

Введение. После провозглашения независимости национальные и языковые вопросы приобрели в Республике Молдова политическое звучание. Особо острые дискуссии ведутся по определению национальной принадлежности титульной нации (молдаване – румыны), ее языка (молдавский – румынский), значению русского языка как языка межнационального общения. В результате исследования выяснилось, что, несмотря на проводимую долгие годы политику румынизации, большинство граждан идентифицирует себя как молдаване, а родным языком считает молдавский. Также, невзирая на государственную политику, направленную на сокращение сфер использования русского языка и обучения на нем, для значительного числа представителей разных национальностей и титульного этноса он продолжает оставаться родным.

Материалы и методы. Основными источниками для написания данной статьи стали материалы переписи, проведенной в Республике Молдова в 2004 г., и данные Государственного предприятия «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"», которое занимается документированием населения.

В результате выборки данных были проанализированы сведения о национальном составе и языках самых крупных этносов.

Обсуждение. С 12 по 25 мая 2014 г. в Республике Молдова проводилась перепись населения и жилищного фонда. Первоначально она должна была пройти с 1 по 14 апреля, но по финансовым причинам ее отложили. 46 % бюджета переписи должны были быть профинансированы из внешних источников [1]. Спонсором этого мероприятия стала Румыния, что подтвердил румынский посол в Молдове Мариус Лазуркэ. Причем, по его словам, для Бухареста было важно выяснить, сколько молдавских граждан считают себя румынами [2].

Во время и после ее проведения как прорумынские силы [3], так и их оппоненты [4] высказывались относительно многочисленных, на их взгляд, нарушений и подлогов

Что касается ее результатов, которые озвучат в будущем, то здесь нет полного единодушия. Как полагает директор кишиневского Института общественных политик Аркадий Барбарошие, идентифицировать себя как румыны могут от 7 до 15 % жителей страны [5]. В свою очередь руководитель Центра демографических исследований Ольги Гагауз считает, что соотношение представителей различных национальностей в Молдове сохранится в том же виде, что и в 2004 г. [6]

Однако сами результаты переписи зачастую отражают реальную картину весьма приблизительно. В них национальность и родной язык фиксируются только на основе устного заявления. Большое влияние оказывает и тот факт, перед кем декларируются идентичность и язык. Часть населения отказывается отвечать на вопрос о национальной принадлежности и языке или делает это неискренне. К примеру, при переписи 2004 г. в Республике Молдова 14 020 чел. (0,4 % населения) не указали свою национальность, а 14 108 – свой язык [7]. Исследователи ставят вопрос о приписках [8] и влиянии «политического фактора» [9].

Несоответствие между декларируемой и официально фиксируемой идентичностью может привести к изменению соответствующих записей в документах [10].

В материале «Этносы и языки Молдавии по результатам переписи 2004 г. и данным ГП «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"» [11] автором была предпринята попытка сравнить результаты переписи населения Республики Молдова 2004 г. (декларируемая информация) с данными ГП «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"» 2004 и 2012 гг. (официальная информация).

Оказалось, что, несмотря на незавершенность процесса документирования и отсутствие полных сведений о населении в возрасте до 16 лет, по состоянию на 1 января 2012 г. число признавших материнским языком русский составило 524 885 чел. (по переписи 2004 г. – 380 796 чел.), румынский – 207 840 чел. (по переписи – 558 508). Румынами, по тем же данным, записали себя только 3 087 чел. (по переписи – 73 276) [12].

Существенная разница между декларируемой и официальной информацией вызвала необходимость проведения более широких исследований. Особый интерес вызывают материнские языки 12 наиболее крупных (численностью свыше 1000 чел.) этносов Молдовы – молдаван (по переписи 2004 г. – 2 564 849 чел.), румын (73 276), русских (201 218), украинцев (282 406), гагаузов (147 500), болгар (65 662), евреев (3 608), армян (1 829), белорусов (5 059), немцев (1 616), поляков (2 383), цыган (12 271), которых, по данным переписи 2004 г., было 3 361 677 чел. (общая численность граждан составила 3 383 332 [13]), т.е. 99,36 % от всего населения республики.

По данным переписи 2004 г., 2 029 847 (60 %) граждан признали своим родным языком молдавский, 558 508 – румынский (16,5 %), 380 796 – русский (11,3 %), 186 394 (5,5 %) – украинский, 137 774 – гагаузский (4,1 %), 54 401 (1,61 %) – болгарский.

Из 12 крупных этносов русский язык был родным для 63 290 молдаван, 89 853 украинцев, 195 573 русских, 8 618 гагаузов, 571 румына, 9 134 болгар, 797 армян, 3 500 белорусов, 2 795 евреев, 1 163 немцев, 1 557 поляков, 143 цыган. К численности 1 000 чел. приближались, по переписи 2004 г., азербайджанцы (891 чел.) и татары (974). Из них русский родным назвали 374 и 625 чел. [14]

В то же время языком, на котором обычно разговаривают, молдавский признали 1 988 540 чел., румынский – 554 814, русский – 540 990, украинский – 130 114, гагаузский – 104 890, болгарский – 38 565 чел. Причем на русском обычно разговаривали 128 372 молдаванина, 141 206 украинцев, 187 526 русских, 40 445 гагаузов, 1 537 румын, 23 259 болгар и 18 610 представителей других национальностей [15], т.е. 16 % населения.

Интересно, что второй по количеству носителей русского языка и использованию его в качестве разговорного этнос – это украинцы. Большинство современных украинцев являются потомками русинов – коренного населения Карпато-Днестровских земель. В середине XIV в. численность русинов в Молдавском княжестве достигала 39,5 % [16]. В Бессарабии, по данным переписи 1897 г., проживало 1 935 412 чел. Молдаван по языку было 920 919 чел. (47,58 %). Русских – 537 943 чел., распределявшихся по родному языку следующим образом: великорусский – 155 774 чел. (8,05 %), малорусский – 379 698 (19,62 %), белорусский – 2471 (0,13 %). Своим родным русинский язык, как отличный от других русских языков, указали всего 64 чел. Поляков в губернии проживало 11 696 чел. (0,6 %), болгар – 103 225 (5,33 %), немцев – 60 206 (3,11 %), цыган – 8 636 (0,45 %), евреев – 228 168 (11,79 %), турок (по языку) – 55 790 (2,88 %), греков – 2 737, армян – 2 080. Часть гагаузов записала родным языком болгарский, остальные считали таковым турецко-татарский (в т.ч. турецко-османский). Среди признавших родным языком турецко-османский 55 615 чел. (97,7 % мужчин и 99,6 % женщин) были православными (т.е. гагаузами) [17].

Русинов в то время приписывали к носителям малорусского, и их, составлявших основную массу т.н. «малорусского» населения, было не менее 250 тыс. чел., т.е. 13 % населения губернии [18].

По данным ГП «ЦГИР "Registru"» на 1 января 2010 г. (вся информация приводится без учета населения левобережных районов Днестра и г. Бендеры) [19], на учете состоял 3 371 271 чел. (по данным Национального бюро статистики РМ – 3 563 695 чел. [20]). Молдаванами записались 2 413 547 чел. Из них материнским языком молдавский признали 1 897 946 чел., румынский – 211 277, русский – 79 618, украинский – 1 035. Остальные указали другие языки (в т.ч. гагаузский – 297, болгарский – 299, идиш – 6, белорусский – 28, польский – 1, армянский – 5, цыганский – 96).

На 1 января 2012 г. на учете состояли 3 451 122 чел. (по данным Национального бюро статистики Республики Молдова – 3 559 541 [21], по предоставленной ранее ГП «ЦГИР "Registru"» информации – 3 559 605 [22]). Из них 2 461 910 – молдаване. У 1 909 330 из них материнский язык – молдавский, румынский – у 213 972, русский – у 83 681, украинский – у 1034 (остальные назвали другие языки, в т.ч. гагаузский – 295 чел., болгарский – 302, идиш – 6, белорусский – 27, польский – 2, армянский – 5, цыганский – 97).

На 1 января 2014 г. из 3 564 139 граждан (по данным Национального бюро статистики РМ – 3 557,6 тыс. чел. [23]), 2 502 032 записались молдаванами. Из них 1 894 284 чел. признали родным языком молдавский, румынский – 214 035, русский – 84 791, украинский – 1027. Остальные указали другие языки (гагаузский – 293, болгарский – 297, идиш – 6, белорусский – 27, польский – 2, армянский – 5, цыганский – 99).

Как видно из данных, за прошедшие годы несколько сократилось количество молдаван, признающих своим родным языком молдавский, немного возросло число признавших родными языками румынский и русский.

Некоторая нестыковка данных объясняется тем, что не все граждане в возрасте до 16 лет задекларировали свой материнский язык. К примеру, по состоянию на 1 января 2014 г. из 235 245 состоявших на учете молдаван в этом возрасте только 34 826 записали родным языком молдавский (1 721 – румынский, 4 973 – русский, 13 – украинский, 17 – болгарский, 3 – цыганский и т.д.).

Однако даже неполные данные позволяют сделать вывод, что официально среди молдаван количество носителей румынского языка значительно ниже, чем указано в переписи 2004 г. (481 593 чел.), а русского (63 290) [24] - выше.

Согласно информации ГП «ЦГИР "Registru"», румынами признали себя 3 181 чел. по состоянию на 1 января 2010 г., 3 220 – на 1 января 2012 г., 3 082 – на 1 января 2014 г.

На 1 января 2010 г. родным румынский язык признали 2 167 из них, молдавский – 519, русский – 226. На 1 января 2012 г. – соответственно 2 175, 523 и 247. На 1 января 2014 г. – 2 132, 512 и 241.

Русскими задекларировали себя 189 003 гражданина по состоянию на 1 января 2010 г., 186 229 – на 1 января 2012 г., 183 403 – на 1 января 2014 г. Большинство из них признало материнским языком русский (на 1 января 2010 г. – 170 064, на 1 января 2012 г. – 167 994, на 1 января 2014 – 164 798 чел.).

Украинцами записали себя 260 010 граждан по состоянию на 1 января 2010 г., 255 961 – на 1 января 2012 г., 251 599 – на 1 января 2014 г. Большинство украинцев признало материнским языком русский: на 1 января 2010 г. – 143 064 (украинский – 79 170, молдавский – 12 062, румынский – 1 239), на 1 января 2012 г. – 142 029 (украинский – 77 574, молдавский – 11 995, румынский – 1 250), на 1 января 2014 г. – 139 908 (украинский – 75 586, молдавский – 11 800, румынский – 1 232).

Русский язык является материнским для значительной части гагаузов и болгар.

На 1 января 2010 г. из 128 854 гагаузов назвали русский материнским 12 717 чел. (гагаузский – 104 547), на 1 января 2012 г. из 129 900 – 13 411 (гагаузский – 104 662), на 1 января 2014 г. из 129 985 – 13 699 (гагаузский – 103 693).

Для болгар на 1 января 2010 г. из 62 171 русский являлся материнским для 17 625 чел. (болгарский – 36 418), на 1 января 2012 г. из 62 222 – 17 777 (болгарский – 36 051), на 1 января 2014 г. из 62 310 – 17 699 (болгарский – 35 560).

Для значительной части представителей остальных крупных национальных меньшинств (кроме цыган) русский язык также является материнским.

По состоянию на 1 января 2014 г. из 3 737 евреев русский язык назвали родным 3 066 чел., из 1 777 армян – 1 070, из 5 384 белорусов – 4 372, из 1 898 немцев – 1 382, из 2 236 поляков – 1 775, из 14 005 цыган – 962 (для 9 876 родной язык – цыганский, для 1 853 – молдавский, для 106 – румынский). Согласно переписи 2004 г., к отметке 1000 чел. приближались татары (974 чел., для 625 из них материнским языком был русский) и азербайджанцы (соответственно 891 и 374) [25].

Наибольшее число носителей русского языка составляют русские, украинцы, молдаване. Причем родным русский язык был для 55,6 % украинцев (по данным на 1 января 2014 г.). Это объясняется тем, что большинство нынешних украинцев – потомки русинов, коренного населения Карпато-Днестровских земель, а попытка их украинизации, предпринятая в 50-х гг. прошлого столетия, была кратковременной и особого успеха в условиях создания национальной Молдавской ССР не имела.

Согласно данным ГП «ЦГИР "Registru"» на 1 января 2014 г., молдавский язык материнским признал 1 921 621 чел., румынский – 219 588, русский – 582 158, украинский – 77 029, гагаузский – 104 649, болгарский – 36 429, цыганский – 10 021.

Снижение численности граждан, в частности представителей национальных меньшинств, вызвано, помимо ассимиляционных процессов, выездом граждан на постоянное место жительства за рубеж. Согласно информации ГП «ЦГИР "Registru"» по состоянию на 1 июня 2014 г., за границу выехали 100 050 чел. (в т.ч. в Россию – 32 451, на Украину – 27 791, в США – 14 992, в Германию – 12 047, в Израиль – 7 113, в Белоруссию – 2 318, в Канаду – 588, в Чехию – 442) [26].

Заключение. Таким образом, несмотря на ассимиляционные и иммиграционные процессы и отсутствие полных данных по гражданам до 16 лет, молдавский (для 53,92 % населения, состоящего на учете в ГП «ЦГИР "Registru"» по состоянию на 1 января 2014 г.) и русский языки (для 16,33 %) являются материнскими для значительной части населения Республики Молдова.

Русский язык был официальным языком Молдавского княжества с начала его образования до начала XVIII в., Пруто-Днестровского междуречья (Бессарабии) – с 1812 по 1918 г., Молдавской ССР – с 1940 по 1941 г. и с 1944 по 1991 г. Он до сих пор является в Молдове языком межнационального общения не только фактически, но законодательно (см. действующий Закон № 3465 от 01.09.1989 г. «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» [27]).

Поэтому выдвигаемое значительной частью молдавского этноса и национальными меньшинствами требование о признании вторым государственным языком русского вполне оправданно и имеет аналоги в других европейских странах.

К примеру, официальными языками Швейцарии являются немецкий, французский, итальянский и частично ретороманский. Причем германо-швейцарцы составляют 65 % населения, франко-швейцарцы – 18 %, итало-швейцарцы – 10 %, ретороманцы – около 1 % населения [28].

В Финляндии два государственных языка – финский и шведский, хотя в настоящее время большинство населения говорит на финском языке (91,5 %), а на шведском – всего 5,4 % [29].

Примечания:

1. На перепись населения в Молдове не хватает денег // Комсомольская правда в Молдове. 12 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.md/online/news/1683001> (дата обращения: 11.10.2014).
2. Светлана Гамова. Бухарест заплатил Кишиневу за правильную перепись населения // Независимая газета. 16.05.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/cis/2014-05-16/1_moldavia.html (дата обращения: 12.10.2014 г.).
3. Общественные организации сообщают: перепись населения в Молдове проводится с нарушениями. [Электронный ресурс]. URL: <http://trm.md/ru/social/ong-uri-semnaleaza-incalcari-in-procedura-de-efectuare-a-recensamentului> (дата обращения: 12.10.2014 г.); Ответственный за перепись населения имеет уголовное прошлое // Молдавские ведомости. № 46 (1797).16 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.md/news/otvetstvennyj-za-perepis-naseleniya-imeet-ugolovnoe-proshloe> (дата обращения: 12.10.2014 г.); Перепись населения в Молдове проходит с серьезными нарушениями: есть угроза фальсификации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moldnews.md/rus/news/67573> (дата обращения: 12.10.2014 г.).
4. СМИ: Перепись населения в Молдове проходит на деньги и под давлением Румынии. [Электронный ресурс]. URL: <http://newsru.md/articles/view.nr?id=5549> (дата обращения: 12.10.2014 г.); Партия социалистов требует аннулировать результаты переписи населения Молдовы. [Электронный ресурс]. URL: <http://minval.az/news/50373/#sthash.yGkdQEho.dpuf> <http://minval.az/news/50373> (дата обращения: 12.10.2014 г.); В Гагаузии могут провести собственную перепись населения. [Электронный ресурс]. URL: <http://argumenti.md/archives/2697> (дата обращения: 12.10.2014 г.); Власти Румынии спонсируют перепись населения в Молдове. [Электронный ресурс]. URL: <http://vse.md/component/k2/item/6397-vlasti-rumyniisponsoruyut-perepis-naseleniya-v-moldove> (дата обращения: 12.10.2014 г.; Президент Румынии Траян Бэеску заявил, что молдаване должны «честно» назвать себя румынами во время переписи населения, которая пройдет в мае этого года в Молдове. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.notum.info/news/politika/iz-moldavii-ruitayutsya-sdelat-vtoruyu-rumyniyu> (дата обращения: 12.10.2014 г.).
5. В Молдавии узнают, сколько граждан страны считают себя румынами. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/abroad/v-moldavii-uznayut-skolko-grazhdan-strany-schitayut-sebya-rumynami.d?id=44499152#ixzz35Z3J6zTE> (дата обращения: 12.10. 2014 г.).
6. Этнический состав населения Молдовы, возможно, останется неизменным, а численность уменьшится – социолог. [Электронный ресурс]. URL: <http://newsmoldova.md/18042014/lenta-novostej/21134.htm> (дата обращения: 12.10.2014 г.).
7. Recensămîntul populației = Перепись населения = Population census, 2004. [În 4 vol.] / Biroul Național de Statistică al Republica Moldova. Vol. 1. Caracteristici demografice, naționale, lingvistice, culturale = Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики = Demographic, national, linguistic, cultural characteristics. Chișinău: Statistica, 2006. С. 300-301.
8. Тишков В.А. О Всероссийской переписи населения 2010 года: разъяснения для ретроградов и националистов и предупреждения для чиновников и политиков / Этнополитический мониторинг переписи населения. Под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 17.
9. Сенюшкина Т.Н. Украина: перепись населения и политизация этничности / Этнополитический мониторинг переписи населения. С. 426-427; Неменский О.Б. Многоцветье золотой Руси. Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. [Кишинев]. № 1 (3), 2006. С. 131-132.
10. Коростылев А.Д. Нечеткость этнической самоидентификации и перепись / Этнополитический мониторинг переписи населения. С. 73.
11. Суляк С.Г. Этноты и языки Молдавии по результатам переписи 2004 г. и данным ГП «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"» // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2013. № 3 (33). [Кишинев]. ISSN 1857-2685. С. 94-101.
12. Там же. С. 101.
13. Recensămîntul populației = Перепись населения = Population census, 2004 [În 4 vol.] / Biroul Național de Statistică al Republica Moldova. Vol. 1. С. 301-302.
14. Там же.
15. Там же. С. 328.
16. Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979. С. 33.
17. Суляк С.Г. Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX – начале XX в. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2012. № 1 (27). - ISSN 1857-2685. С. 20.
18. Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004. С. 97.
19. Данные получены согласно контракту № 103-ST от 23 марта 2014 г. между Государственным предприятием «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"» и Суляком С.Г.
20. Populația Republicii Moldova pe vârste și sexe, în profil territorial la 1 ianuarie 2010. Culegere statistică / Население Республики Молдова по возрасту и полу в территориальном аспекте на 1 января 2010 г. Статистический сборник. Chișinău, 2010. С. 6.
21. Populația Republicii Moldova pe vârste și sexe, în profil territorial la 1 ianuarie 2012. Culegere statistică / Население Республики Молдова по возрасту и полу в территориальном аспекте на 1 января 2012 г. Статистический сборник. Chișinău, 2012. С. 5.
22. Данные получены согласно контракту № 18-ST от 23 мая 2012 г. между Государственным предприятием «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"» и Суляком С.Г.
23. Situația demografică în Republica Moldova în anul 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statistica.md/print.php?l=ro&idc=168&id=4415> (дата обращения: 10.10.2014).

24. Recensământul populației = Перепись населения = Population census, 2004 [În 4 vol.] / Biroul Național de Statistică al Republica Moldova. Vol. 1. С. 301.
25. Recensământul populației = Перепись населения = Population census, 2004 [În 4 vol.] / Biroul Național de Statistică al Republica Moldova. Vol. 1. С. 301-302.
26. Date statistice din Registrul de stat al populației referitor la cetățenii RM. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mtc.gov.md/statistica_rus (дата обращения: 12.10.2014).
27. Закон №. 3465 от 01.09.1989 г «О функционировании языков на территории Молдавской ССР». [Электронный ресурс]. URL: <http://lex.justice.md/ru/312813> (дата обращения: 12.10. 2014 г.).
28. Швейцария. Материал из Википедии - свободной энциклопедии. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B2%D0%B5%D0%B9%D1%86%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 14.10.2014).
29. Финляндия. Материал из Википедии - свободной энциклопедии. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 14.10.2014).

References:

1. Na perepis' naseleniya v Moldove ne khvataet deneg // Komsomol'skaya pravda v Moldove. 12 marta 2014 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.kp.md/online/news/1683001> (data obrashcheniya: 11.10.2014).
2. Svetlana Gamova. Bukharest zaplatil Kishinevu za pravil'nyuyu perepis' naseleniya // Nezavisimaya gazeta. 16.05.2014. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.ng.ru/cis/2014-05-16/1_moldavia.html (data obrashcheniya: 12.10.2014 g.).
3. Obshchestvennye organizatsii soobshchayut: perepis' naseleniya v Moldove provoditsya s narusheniyami. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://trm.md/ru/social/ong-uri-semnaleaza-incalcari-in-procedura-de-efectuare-a-recensamantului> (data obrashcheniya: 12.10.2014 g.); Otvetstvennyi za perepis' naseleniya imeet ugovnoe proshloe // Moldavskie vedomosti. № 46 (1797).16 maya 2014 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vedomosti.md/news/otvetstvennyj-za-perepis-naseleniya-imeet-ugovnoe-proshloe> (data obrashcheniya: 12.10.2014 g.); Perepis' naseleniya v Moldove prokhorit s ser'eznymi narusheniyami: est' ugroza fal'sifikatsii. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.moldnews.md/rus/news/67573> (data obrashcheniya: 12.10.2014 g.).
4. SMI: Perepis' naseleniya v Moldove prokhorit na den'gi i pod davleniem Rumynii. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://newsru.md/articles/view.nr?id=5549> (data obrashcheniya: 12.10.2014 g.); Partiya sotsialistov trebuet annullirovat' rezul'taty perepisi naseleniya Moldovy. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://minval.az/news/50373/#sthash.yGkdQExo.dpuf> <http://minval.az/news/50373> (data obrashcheniya: 12.10.2014 g.); V Gagauzii mogut provesti sobstvennyuyu perepis' naseleniya. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://argumenti.md/archives/2697> (data obrashcheniya: 12.10.2014 g.); Vlasti Rumynii sponsiruyut perepis' naseleniya v Moldove. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://vse.md/component/k2/item/6397-vlasti-rumynii-sponsiruyut-perepis-naseleniya-v-moldove> (data obrashcheniya: 12.10.2014 g.); Prezident Rumynii Trayan Besesku zavavil, chto moldavane dolzhny «chestno» nazvat' sebya rumynami vo vremya perepisi naseleniya, kotoraya proidet v mae etogo goda v Moldove. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.notum.info/news/politika/iz-moldavii-pyitayutsya-sdelat-vtoruyu-rumyniyu> (data obrashcheniya: 12.10.2014 g.).
5. V Moldavii uznayut, skol'ko grazhdan strany schitayut sebya rumynami. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/abroad/v-moldavii-uznayut-skolko-grazhdan-strany-schitayut-sebya-rumynami.d?id=44499152#ixzz35Z3J6zTE> (data obrashcheniya: 12.10. 2014 g.).
6. Etnicheskii sostav naseleniya Moldovy, vozmozhno, ostanetsya neizmennym, a chislennost' umen'shitsya – sotsiolog. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://newsmoldova.md/18042014/lenta-novostej/21134.htm> (data obrashcheniya: 12.10.2014 g.).
7. Recensământul populației = Perepis' naseleniya = Population census, 2004. [În 4 vol.] / Biroul Național de Statistică al Republica Moldova. Vol. 1. Caracteristici demografice, naționale, lingvistice, culturale = Demograficheskie, natsional'nye, yazykovye, kul'turnye kharakteristiki = Demographic, national, linguistic, cultural characteristics. Chișinău: Statistica, 2006. S. 300-301.
8. Tishkov V.A. O Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda: raz'yasneniya dlya retrogradov i natsionalistov i preduprezhdeniya dlya chinovnikov i politikov / Etnopoliticheskii monitoring perepisi naseleniya. Pod red. V.V. Stepanova. M.: IEA RAN, 2011. S. 17.
9. Senyushkina T.N. Ukraina: perepis' naseleniya i politizatsiya etnichnosti / Etnopoliticheskii monitoring perepisi naseleniya. S. 426-427; Nemenskii O.B. Mnogotsvet'e zolotoi Rusi. Rusin. Mezhdunarodnyi istoricheskii zhurnal / Otv. red. S.G. Sulyak. [Kishinev]. № 1 (3), 2006. S. 131-132.
10. Korostylev A.D. Nechetkost' etnicheskoi samoidentifikatsii i perepis' / Etnopoliticheskii monitoring perepisi naseleniya. S. 73.
11. Sulyak S.G. Etnosy i yazyki Moldavii po rezul'tatam perepisi 2004 g. i dannym GP «Tsentri gosudarstvennykh informatsionnykh resursov "Registru"» // Rusin. Mezhdunarodnyi istoricheskii zhurnal / Otv. red. S.G. Sulyak. 2013. № 3 (33). [Kishinev]. ISSN 1857-2685. S. 94-101.
12. Tam zhe. S. 101.
13. Recensământul populației = Perepis' naseleniya = Population census, 2004 [În 4 vol.] / Biroul Național de Statistică al Republica Moldova. Vol. 1. S. 301-302.
14. Tam zhe.
15. Tam zhe. S. 328.
16. Polevoi L.L. Ocherki istoricheskoi geografii Moldavii XIII-XV vv. Kishinev, 1979. S. 33.
17. Sulyak S.G. Etnodemograficheskie protsessy v Bessarabii v XIX - nachale XX v. // Rusin. Mezhdunarodnyi istoricheskii zhurnal / Otv. red. S.G. Sulyak. 2012. № 1 (27). - ISSN 1857-2685. S. 20.
18. Sulyak S.G. Oskolki Svyatoi Rusi. Ocherki etnicheskoi istorii rusnakov Moldavii. Kishinev: Izdatel'skii dom «Tat'yana», 2004. S. 97.

19. Dannye polucheny soglasno kontraktu № 103-ST ot 23 marta 2014 g. mezhdru Gosudarstvennym predpriyatiem «Tsentru gosudarstvennykh informatsionnykh resursov "Registru"» i Sulyakom S.G.
20. Populația Republicii Moldova pe vârste și sexe, în profil teritorial la 1 ianuarie 2010. Culegere statistică / Naselenie Republicii Moldova po vrazrastu i polu v teritorial'nom aspekte na 1 yanvary 2010 g. Statisticheskii sbornik. Chișinău, 2010. S. 6.
21. Populația Republicii Moldova pe vârste și sexe, în profil teritorial la 1 ianuarie 2012. Culegere statistică / Naselenie Republicii Moldova po vrazrastu i polu v teritorial'nom aspekte na 1 yanvary 2012 g. Statisticheskii sbornik. Chișinău, 2012. S. 5.
22. Dannye polucheny soglasno kontraktu № 18-ST ot 23 maya 2012 g. mezhdru Gosudarstvennym predpriyatiem «Tsentru gosudarstvennykh informatsionnykh resursov "Registru"» i Sulyakom S.G.
23. Situația demografică în Republica Moldova în anul 2013. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.statistica.md/print.php?l=ro&idc=168&id=4415> (data obrashcheniya: 10.10.2014).
24. Recensămîntul populației = Perepis' naseleniya = Population census, 2004 [În 4 vol.] / Biroul Național de Statistică al Republica Moldova. Vol. 1. S. 301.
25. Recensămîntul populației = Perepis' naseleniya = Population census, 2004 [În 4 vol.] / Biroul Național de Statistică al Republica Moldova. Vol. 1. S. 301-302.
26. Date statistice din Registrul de stat al populației referitor la cetățenii RM. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.mtic.gov.md/statistica_rus (data obrashcheniya: 12.10.2014).
27. Zakon №. 3465 ot 01.09.1989 g «O funktsionirovaniy yazykov na territorii Moldavskoi SSR». [Elektronnyi resurs]. URL: <http://lex.justice.md/ru/312813> (data obrashcheniya: 12.10.2014 g.).
28. Shveysariya. Material iz Vikipedii - svobodnoi entsiklopedii. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%Do%B2%Do%B5%Do%B9%D1%86%Do%B0%D1%80%Do%B8%D1%8F> (data obrashcheniya: 14.10.2014).
29. Finlyandiya. Material iz Vikipedii - svobodnoi entsiklopedii. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%Do%B8%Do%BD%Do%BB%D1%8F%Do%BD%Do%B4%Do%B8%D1%8F> (data obrashcheniya: 14.10.2014).

УДК 94(478) + 314.9 "2004/2014"

Национальности и языки Молдавии: официальные и декларируемые данные

¹Сергей Георгиевич Суляк

²Владимир Владимирович Казаков

¹ Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

² Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Доктор экономических наук, профессор
E-mail: prorektorsv@mail.ru

Аннотация. В статье на основе материалов переписи населения Республики Молдова 2004 г. и Государственного предприятия «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"» Министерства информационных технологий и связи Республики Молдова анализируются данные по основным национальностям и языкам. В результате сравнения выявлены расхождения между декларируемыми и официально заявленными сведениями. Особенно сильны различия по количеству граждан, записавших себя румынами, и числу носителей румынского и русского языков. В научный оборот вводятся данные нового источника – Государственного предприятия «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"».

Ключевые слова: молдаване; румыны; русские; украинцы; русины; молдавский язык; русский язык; румынский язык; документирование населения; национальность; язык; перепись населения.

Main Approaches to the Study of Historical and Educational Process

Timur A. Magsumov

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: nabonid1@yandex.ru

Abstract. The history of education is now gradually being included in the postmodern discourse of socio-humanistic knowledge in the search for its identity and own place in the trends and prospects of science. The article interprets the neoclassical model of research in the history of Russian education. The model represents the interdisciplinary concept based on the synthesis of traditional and innovative approaches to the analysis of the past. The article analyzes the difficulties and achievements on the way of creating the systematic methodology of open rationality and pluralism of opinions. This model is realized through the interface of subject fields of the approaches involved, their cognitive strategies, methodological principles and means.

Keywords: education; history; methodology; neoclassical science; postmodern.

Введение. Развитие образования — это сложный, многоаспектный, противоречивый процесс, охватывающий множество сторон социального и человеческого бытия, поэтому его изучение требует четкого определения методологических оснований. Потребность анализа методологических подходов определяется также количественным ростом историко-педагогических исследований. Все это усложняет труд исследователя, который, без адекватной методологии, не может воссоздать целостную картину российского образования, представить его образ и раскрыть смысл. Применение определенного научного подхода очерчивает сферу его проблематики, задавая исследователю приоритеты в подборе методов и приемов, институционализируя когнитивные и социальные параметры реальной исследовательской деятельности. Однако вместе с тем, пробираясь сквозь плюралистические мнения, альтернативные позиции, преодолевая удивительным образом перемешанные традиционные и инновационные подходы, исследователь все же имеет возможность выбирать те, которые наиболее полно, непротиворечиво и объективно помогут составить целостный образ объекта и предмета исследования, обеспечить научную обоснованность и глубину полученных результатов, выстроить гармоничный ряд смыслов.

Материалы и методы. Среди базовых методологических оснований историко-образовательных исследований выделяются формационный (историко-материалистический), цивилизационный, культурологический и антропологический подходы к изучению исторического процесса, признание наличия причинно-следственных связей событий и явлений, важной роли личности в историческом процессе. Каждый из этих подходов в отдельности, несомненно, со временем показывал свое несовершенство в создании представлений о прошлом и вызывал вполне обоснованные дискуссии о критериях его научности. Установка неоклассической науки требует преодолеть антитезу одномерных интерпретаций этих подходов путем синтеза их рациональных установок в многомерную методологию.

Использование этих материалов базируется на методологии «нового универсализма». Многообразная комбинаторика и синтез исследовательских стратегий производится не в рамках построения супертеории, претендующей на исчерпывающее объяснение историко-образовательного процесса, но посредством целостной методологии, обосновывающей познавательную значимость и взаимодополняемость всех когнитивных оппозиций с целью многообразного и многоаспектного рассмотрения изучаемого объекта.

Обсуждение проблемы. Методологические основы историко-образовательных и историко-педагогических исследований в современной науке определены и изучены в полной мере [1; 2; 3], вследствие чего мы остановимся на узловых аспектах — методологических подходах. При этом необходимо помнить, что на ближайшую перспективу Научным советом по истории образования и педагогической науки РАО поставлена задача «доведения» методологии истории педагогики, во многом пока удовлетворяющейся багажом 1990-х гг., до уровня методологии истории, которая «за последние 10 лет существенно продвинулась», и где были «созданы новые теории и концепции, апробированы новые методы исследования» [4].

Результаты. Максимально полное привлечение разных познавательных подходов вкупе с их синтезом в единую исследовательскую программу является принципиальным, поскольку обусловлено масштабностью, многомерностью и противоречивостью предмета нашего интереса. Благодаря этому появляется возможность органично использовать диалектический и цивилизационный, модернизаторский и культурно-исторический подходы, не сочетаемые в рамках жестких конструкций. Необходимо оговориться, что многие из этих подходов, возникнув первоначально в

социологии, были трансформированы историками и педагогами относительно собственного предмета исследования.

Формационный подход является основой для уточнения и обоснования особенностей развития образования в рамках той или иной формации. Он дает возможность обнаруживать качественные изменения в системе образования, в комплексе со сдвигами в других сферах общественной жизни, определенные периоды развития школы и педагогики. Безусловной заслугой марксистской теории исторического процесса стало создание концептуальной модели истории, переход истории образования на теоретический уровень изысканий. Классовый подход и выделение трех политических лагерей способствовали осознанию основных акцентов образовательной политики в идейном содержании и реальной практике. Однако социально-экономический детерминизм и классовый подход ограниченно нивелировали (но вовсе не запретили!) индивидуальность, не давали возможности в полной мере раскрыть сущность развития образования, искажали оценку ряда педагогических идей и достижений дореволюционной системы образования.

В развитии российского образования второй половины XIX - начала XX в. находят свое подтверждение и идеи неомарксиста И. Валлерстайна о том, что узловым противоречием образовательной системы является стремление центральной власти сохранить характер существующих в ней связей в противоположность попыткам периферии в лице местной власти и общества изменить их в свою пользу [5], приспособив школу к местной специфике, что стало результатом начавшегося противоборства мир-империи и мир-экономики. При этом сама государственная система находилась на стадии нормального функционирования, т.е. власти были в состоянии ограничивать действия социальных агентов в образовательной сфере и, более того, способны диктовать им поведение посредством регламентации их вмешательства в образовательную сферу и даже во внутреннюю школьную жизнь.

Цивилизационный подход позволяет выявить множественность социокультурных детерминант эволюции образования [6]. Данный подход концентрирует исследовательский интерес на комплексе чрезвычайно медленно трансформирующихся параметров, характеризующих социокультурную и цивилизационную основу социума. Это дает возможность «перейти к исследованию «педагогических архетипов», присущих устойчивым социокультурным организациям и определяющим многие сущностные аспекты типического в постановке и решении воспитательно-образовательных проблем» [7].

В качестве одного из основных в современной истории образования утвердился культурологический подход [8], основывающийся на утверждении о тесной взаимосвязи культуры, опыта человечества и воспитания, воплощения образования сквозь культуру. Его применение позволяет увидеть и оценить многоплановость взаимосвязей социальных и педагогических явлений, рассмотреть структуры образовательной системы с учетом культуры того времени, а само образование – как культурный процесс, субъекты которого являются потребителями и носителями культуры, мышление и деятельность которых несет на себе печать культуры исследуемой эпохи.

Понимание историко-педагогического процесса как многомерного обуславливает возможность каждого из трех его измерений (собственно педагогического, социокультурного и антропологического) определять различные векторы поиска [9]. Эта позиция предопределяет применение антропологического подхода к историко-образовательному процессу, основывающемуся на трактовке истории образования как «процесса развития человека, реализующегося в различной социальной и цивилизационной обстановке» [10]. Антропологический подход в истории педагогики базируется на «положении о необходимости рассмотрения историко-педагогических процессов с точки зрения проблемы человека как предмета воспитания, обращения внимания на структуру личности, процесс развития человека, его особенности, состояние внутреннего мира, интеллектуально-мыслительное, эмоционально-чувственное становление» [11]. «Антропологический поворот», произошедший в исторической науке раньше – к 1980-м гг., акцентировал внимание историописания на изучение собственно «человека в истории» – во всех проявлениях конкретных форм его существования, его непосредственного опыта в историческом процессе в конкретное время и конкретном месте, во взаимосвязи с социальной системой.

При изучении истории школы второй половины XIX – начала XX вв., наряду с этими подходами, необходим учет теоретико-методологических установок теории модернизации. Модернизация являла собой всеобъемлющие трансформации во всех сферах общественной жизни и в моделях человеческого существования и деятельности на стадии перехода от традиционного общества к индустриальному. Именно эти процессы «консервативной» «запаздывающей» модернизации протекали в позднимперской России. Современные варианты этой теории, в отличие от теории классического периода, признав возможность оригинальности путей модернизации, ее различных «национальных моделей», требуют в исторических построениях учета региональных особенностей модернизационных субпроцессов, вариативности и неоднозначности взаимодействия традиции и модернизации, диффузии инноваций, социокультурного контекста, субъективных факторов [12; 13], что делает эту модель более гибкой по отношению к изучению реалий школы в исследуемом пространственно-временном измерении. Внимание теории неомодернизации к «деятельности снизу», специфике культур, адаптационному потенциалу традиций, характеристике модернизационного процесса как многоликого и асинхронного, признание «современной личности»

как ее необходимого фактора способствуют ее сближению с цивилизационным, культурологическим и антропологическим подходами.

Протекавшая в нашей стране модернизация, являя собой совокупность, по меньшей мере, «структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, социальной и политической мобилизации, демократизации, становления новых ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций» [14], напрямую влияла и на образовательную систему. Проводившаяся модернизация развивала региональное образование, с учетом экономической специализации провинции, как одно из средств «подтягивания» периферии до уровня центра, при этом периферия могла адаптировать или гасить модернизационные импульсы центра, реагируя на образовательные новации сообразно специфическим условиям собственной провинциальной жизни. Модернизация стимулировала ликвидацию неграмотности, появление новых форм образования, рост ценности знаний и квалифицированного труда. В итоге очень быстро образование становилось одним из путей вертикальной мобильности и формировало новый тип личности учащейся молодежи.

Будучи особым «закрытым» местом – «храмом учебы», центром пристального внимания власти, – школа не была отгорожена от внешнего мира, она оказалась объединенной множеством разнообразных связей с другими «пространствами» – большими и малыми. Поэтому немаловажным для исследования профессиональных школ, расположенных в крупных провинциальных центрах, стало обращение к концептуальным подходам регионоведения и современной урбанистики. В целом, оба подхода предполагают постижение образования с учетом раскрытия специфики расположения образовательных учреждений в разных регионах и, в нашем случае, городах, и воздействия провинциальной и городской жизни на ход процессов, протекающих в образовании, и наоборот.

В педагогической науке этот подход получил широкое распространение под названием «средового», где под средой понимается «средоточие природных, исторических, религиозных, культурных, материальных, социальных условий, в которых люди живут, учатся, трудятся» [15].

Широкое применение в исследованиях получил системный подход. Исследования образования как системы позволяют раскрыть его сущностную природу и принципы функционирования и развития. Подход предполагает определение элементов структуры системы образования, установление связей, создание набора моделей крупных подсистем внутри этой системы, в совокупности ее имитирующих. Этими подсистемами выступают образовательная политика, экономика образования, основные субъекты образовательного процесса в их средовом существовании и образовательная деятельность школ. Выделение столь крупных объектов дает возможность возвращения к исходному объекту – образованию – без потери существенной для его понимания информации, позволив отобразить его в четырех категориальных пластах: процессов, функциональной структуры, степени организованности и морфологии [16].

В последние годы популярностью пользуется синергетический подход. Образование и школа, изучаемая в качестве организации, являют собой неравновесные системы, уровень устойчивости которых обеспечивается влиянием внешней среды и внутренних факторов. Социосинергетика предполагает исследовательскую необходимость адекватной оценки взаимозависимости и взаимовлияния субъективных факторов и исторического процесса, индивидов и социума на развитие неустойчивых ситуаций. Она позволяет объяснить метаморфозы и поливариантность реакций школы на меры государственной политики, которые не были спрогнозированы правящими кругами и чиновничеством. Ряд положений синергетики – о развитии систем в сторону уменьшения стабильности структур (возрастающая сложность системы сопровождается снижением ее стабильности и увеличением противоречивости; особенно этот принцип характеризует динамику развития управления образованием), об отсутствии неизменных качеств системы, о наибольшем влиянии «продуманного» воздействия «в нужное время и в нужном месте», в сравнении с мощным воздействием, на развитие системы, о приоритете в образовательной системе спектра «внутренних целей развития», что ведет к провалам усилий выстроить в этой сфере что-либо противоречащее ее целям (например, попыток навязывание школам дополнительной общественной нагрузки в проведении идеологической политики вело к формализму в выполнении этих задач и неуспешности в их реализации) – применим для объяснения событийной палитры истории позднеимперской школы. В период нахождения системы между точками бифуркаций, ее самоорганизация имеет минимальное значение, что ограничивает применение синергетического подхода. Синергетика как системная теория в таком случае уступает место интерпретациям структурного и функционального анализа.

Восприятие образования как сферы культуры требует применения системно-функционального подхода к изучению культуры [17], в глубинных основаниях которого покоятся положения адаптивно-деятельностной культурологии. Представители этого подхода предлагают изучать культуру как целостную систему, включая «выяснение ее функциональной направленности и закономерности смены стереотипов, выявление причин ускорения или замедления развития, изучение той среды, где формировались новые или длительно сохранялись традиционные элементы» [18]. В рамках этого подхода образование рассматривается в контексте культурного пространства (общественно-культурной среды), его региональных, в т.ч. урбанистических, и социокультурных элементов.

В последние несколько десятилетий идут ожесточенные споры о фокусе рассмотрения истории – с позиции изучения макроуровней или микроструктур, которые уже традиционно определяются как проблема взаимодействия двух подходов – макроисторического и микроисторического.

Применяемая в изучении истории образования макрооптика формируется комбинацией различных подходов: структурализма, функционализма, концепцией автономии П. Бурдьё и неовеберизма и др.

Понятие «структура» весьма близко к понятию «система», однако если под системой подразумевается непрерывное изменение, то структура отражает сравнительно константные характеристики системы, ее «внутреннее устройство». В изучении конкретных образовательных учреждений как организаций и общественных структур, связанных с образовательной сферой и оказывающих на нее прямое или косвенное влияние, применимы элементы структурного подхода. Обращение к нему обусловлено признанием того, что индустриально-техническую эпоху, начавшуюся в пореформенной России, нельзя описывать только как «эпос и драму отдельных действующих лиц», а общественное развитие во многом обуславливается «надиндивидуальными процессами, прежде всего развитием экономики и технической цивилизации» [19]. В логике изложения структурного подхода процесс конструирования истории образования предстает более наглядно. Этот подход фокусирует исследователя на образовании как относительно долговременном, «крепком», с трудом поддающимся изменению феномене, являющимся конкретизацией более общей структуры – структуры, господствующей в обществе. Макрооптика позволяет взглянуть на образование как на своеобразную социальную структуру, включенную во всевозможные структурные взаимодействия, обуславливающие ее конструкцию, и одновременно располагающую потенциалом для модификации наличествующего социального ландшафта.

Одним из путей раскрытия прошлого российского образования может стать броделевско-валлерстайновский подход в структурализме, требующий воссоздания всей «тотальной» картины его истории на основе изучения его отдельных подструктур, не теряя при этом из виду целое, и потребности осмыслить место и роль ее локального варианта в общем социально-историческом контексте. Однако трудно не согласиться и с критикой М. Фуко этой возможности создать тотальные объяснения развитию образования.

Во многом дополняет и развивает структурный функционализм постструктуралистская (генетический структурализм) концепция автономии П. Бурдьё. Образование и школу в призме этой концепции можно рассмотреть как «поле», понимаемое в качестве сравнительно замкнутой и автономной подсистемы общественных отношений. Автономность поля порождает рефракцию, когда все внешние воздействия поле переопределяет в собственной «логике». Эта идея находила, да и находит постоянное подтверждение в постоянной своеобразной реакции школы на образовательные инициативы бюрократии.

Структурализм концентрирует познание не только на изучении статичной структуры (с точки зрения функциональной деятельности системы образования, организационной структуры образовательных учреждений и структуры, в которой реализуются функции управления), но и на необходимости постижения изменений структуры образования как развивающего объекта и структуры самого процесса развития, помещенного в пространственно-временные рамки. В этом отношении наиболее значимым становится рассмотрение образования как находящейся в постоянном изменении системы, институциональные границы которой складываются в процессе взаимодействия всевозможных структур и множества агентов, действия которых регламентируются зыбкими конвенциями не в меньшей степени, чем жесткими институциональными канонами. Однако исследователь образования должен располагать его в пространстве и времени, насыщать конкретными персонажами, а не только абстрактными группами и их ролями, выявлять значимые контексты, обуславливающие течение школьной жизни. Используемая макроперспектива, несмотря на фокусировку на системе образования в целом, не должна игнорировать автономную ценность отдельных школ или городских систем образования.

Понимание того, что исторический анализ структур и процессов не должен подменять историко-эмпирическую реконструкцию истории событий и людей, но и сам не может быть смещен подобной реконструкцией, приводит к необходимости применения методологии исторической антропологии. Исследование предполагает признание односторонности и неполноты социальной истории без эмпирической, но не рассматривает последнюю как ее альтернативу, ибо она не дает достаточной доказательной базы для подтверждения синтезирующих обобщений структурной истории. При этом нужно понимать, что структурная история не учитывает уникальность отдельных событий и свободу действующей личности, к тому же жесткий акцент на структуры потребовал бы подчинения репрезентации событий логике структурных элементов конструкции. Поэтому возникает необходимость «к старой логике модернизационно-теоретических или политэкономических исторических конструкций ... добавить свежую струю субъективного фактора» [20], т.е. предпринимать попытки комбинирования макроподхода и микроподхода. Однако это требует крайне осторожной адаптации исследовательских техник, взятых из социологии образования или исторической антропологии, антропологии интеллектуальных сообществ, к специфике исторического исследования.

Микроистория, в многообразной совокупности своих исследовательских подходов, определяется «как историографическое направление, изучающее прошлую социальную реальность на основе микроаналитических подходов, сформировавшихся в современных социальных науках (прежде всего в социологии, социальной психологии, экономической теории и культурной антропологии), включая как выбор объектов исследования, так и соответствующие им методы (теоретический и эмпирический инструментарий)» [21]. При этом всей специфике микроисторического подхода, как отмечает Л.П. Репина, «уход на микроуровень в рамках антропологической версии социальной истории изначально подразумевал перспективу последующего возвращения к генерализации на новых основаниях (что ориентировало на последовательную комбинацию инструментов микро- и макроанализа), хотя и с отчетливым осознанием труднопреодолимых препятствий, которые встретятся на этом пути» [22].

Методологические приемы новых направлений в исторической науке следует применять локально, в случаях, когда исследовательская ситуация, обусловленная определенным набором тем, требует соответствующих подходов. Это даст возможность уберечь национальные историографические традиции при разработке темы и попытаться преодолеть существующие в науке барьеры. Это касается, например, гендерного подхода, после появления которого чуть ли не обязательным стало обращение к гендерным аспектам в исследовании всевозможных тем. Особенно настойчиво это направление вошло в историю образования второй половины XIX – начала XX в. – периода изменения социального статуса женщин в семье и обществе, расширения значения женского труда и образования, что явилось базой общественной активности женщин.

Определенный исследовательский интерес вызывает «история повседневности», наиболее полно теоретически оформившаяся в западногерманской историографии. Виднейший ее теоретик Альф Людтке показал, что люди деятельно участвуют в непрестанном процессе сотворения и преобразования структур повседневности, они стараются «присвоить» и адаптировать к себе окружающий жизненный мир [23]. Исследователю может быть интересно, как, например, экономический рост и в целом модернизационные процессы в обществе воздействовали на выбор родителями абитуриентов определенных учебных заведений, какие они видели «плюсы» для своих детей, как дети могли участвовать в выборе родителей (и могли ли они это делать вообще?), как учащиеся воспринимали педагогов, как субъекты образовательного процесса «обходили» различные ограничения в своей деятельности, какие факторы оказывали влияние на назначение наказания тому или иному ученику за его провинность и т.п. Такой микроанализ «частных ситуаций» применим при фрагментации сложной мозаики истории образования на определенных срезах, в фокусе которых можно показать весь ландшафт экономических, социальных и человеческих отношений, качественные изменения социума, в модернизационных условиях которого модифицировалась и весьма устойчивая повседневность.

Интеграция истории мысли в историческую науку и в конкретные исследования, формирование понимания историками наличия сложной взаимосвязи между символическими универсумами, социумом и личностью привели к качественному сдвигу в применении методологии истории идей. Дебаты историков педагогики относительно предмета своего исследования [24] показали наличие идей отдельных крупных педагогов прошлого и педагогических идей как таковых, существующих на протяжении достаточно длительного периода, чтобы рассмотреть их в историческом контексте. Уточняя это положение, можно добавить, что педагогические идеи были «великими», входящими в проблемное поле большинства ученых-педагогов исследуемого периода, интерес к которым носил широкий общественный характер, и которые в наибольшей степени воспринимались и удерживались в массовом сознании слоев, связанных со школой, и частными, которые были в ходу в конкретный период или в конкретном обществе. Впрочем, эта частность носила временный характер, как например, идея о необходимости совместного обучения мальчиков и девочек, оживленно обсуждавшаяся дореволюционной общественностью и даже реализованная частью коммерческих школ; надолго «затухшая» в связи с однозначным решением в советской школе, она вновь, правда в куда более меньших масштабах и в совершенно противоположном ракурсе, «всплыла» в современной России. Это указывает и на глубокую связь между педагогическими идеями и образовательной практикой, социально-исторической и культурной ситуацией, их порождающих и в которых они развиваются. Важность изучения истории больших и малых педагогических идей обосновывается тем, что «оторвать историю педагогических учений от истории школы невозможно» [25].

В такой интерпретации истории идей исследовательское пространство должно включать в себя восстановление «интеллектуального ландшафта эпохи»: изучение собственно истории идей в образовании (причин появления, содержания и возможных смен смыслов, сроков существования), их авторства (мыслительного инструментария авторов, их субъективности, политического дискурса, интеллектуально-коммуникационной среды), восприятия этих идей массовым сознанием, форм, путей и скорости их распространения.

Все возрастающую популярность получает социокультурный подход к анализу историко-педагогического процесса, который во многом интегрирует историко-материалистический и цивилизационный подходы. Подобный дуализм «отражает противоречивый характер связи между

этноцентрической (ориентированной на решение целей и задач, отражающих только интересы государства и, как правило, игнорирующий интересы личности и общества), социоцентристской (технократической) и антропоцентристской (личностноориентированной) парадигмами профессионального образования» [26]. На эту интегрирующую роль, а также на совместимость социокультурного (антропосоциетального) подхода со структурно-функциональным указывает Н.И. Лапин [27]. Суть подхода можно кратко сформулировать формулой П. Сорокина: «Личность, общество и культура как неразрывная триада» [28].

Выводы. Неоклассическая модель исследования истории образования, пришедшая на смену острой конкуренции предыдущих моделей, сохранила их когнитивно ценный потенциал. Ее переход к многомерным интерпретациям на основе синтеза когнитивных установок и практик предшествующих подходов породили плюрализм в предметном поле и мультипарадигмальность в методологическом пространстве исследования историко-образовательного процесса.

Все обозначенные подходы должны использоваться комплексно, поскольку ни один из них не является универсальным и абсолютным для успешного решения намеченной цели. Совокупное применение теоретически обоснованных взаимодополняющих друг друга подходов позволит избежать схематизма и односторонности исторической реконструкции, обеспечит возможность анализа становления, состояния и развития российского образования, рассмотрение этого процесса в контексте совокупности социальных, экономических, политических, культурных процессов и событий, имевших место в России.

Примечания:

1. Днепров Э.Д. Методологические проблемы истории педагогики // Педагогика. 1986. № 8. С. 96-102.
2. Постигание педагогической культуры человечества: в 2 т. Т. 1. Общие вопросы. Зарубежный педагогический опыт / Под ред. Г.Б. Корнетова. М., 2010. С. 46-68.
3. Шапаренко В.В. Методологический образ современной исторической науки // Русская старина. 2012. № 1. С. 4-6.
4. Богуславский М.В. Итоги и перспективы развития историко-педагогического знания // Отечественная и зарубежная педагогика. 2011. № 1. С. 26.
5. Методологические проблемы истории: учеб. пособие / Под общ. ред. В.Н. Сидорцова. Мн., 2006. С. 105.
6. Юдельсон А.В. Цивилизационный подход и его воздействие на образ российской исторической науки // Новый исторический вестник. 2003. № 9. С. 68-84.
7. Богуславский М.В. Методология, содержание и технологии образования (историко-педагогический контекст). М., 2007. С. 52.
8. История педагогики и образования / Под ред. З.И. Васильевой. М., 2013. С. 7.
9. Историко-педагогическая ретроспектива теории и практики образования / Под ред. Г.Б. Корнетова. М., 2006. С. 12-14, 16.
10. Богуславский М.В. Методология, содержание и технологии образования ... С. 52.
11. Постигание педагогической культуры человечества ... С. 62.
12. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 181-184.
13. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.
14. Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизационная парадигма российской истории // Экономическая история. 2006. № 4. С. 7.
15. Белозерцев Е.П. Образование: историко-культурный феномен. Курс лекций. СПб., 2004. С. 5.
16. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грипанов. Мн., 1998. С. 620.
17. Круглый стол «Историки СССР». Предмет и метод истории культуры // История СССР. 1979. № 6. С. 147, 149.
18. Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Ч.1.: Общественно-культурная среда. С. 6.
19. Кокка Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 175.
20. Ullrich V. Entdeckungsreise in den historischen Alltag. Versuch einer Annäherung an die «neue Geschichtsbewegung» // Geschichte in Gesellschaft und Unterricht, 1985, Jg.36, S. 405.
21. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания: Учеб. пособие. СПб., 2007. С. 319-320.
22. Репина Л.П., Зверева В. В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: Пособие для вузов. М., 2004. С. 241.
23. Людке А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 117-126.
24. См., напр.: Пискунов А.И. Задачи марксистской истории педагогики на современном этапе // Советская педагогика. 1968. № 11. С. 103-104.
25. Днепров Э.Д. Советская историография дореволюционной отечественной школы и педагогики 1918-1977. Проблемы, тенденции, перспективы. М., 1981. С. 28.
26. Осовский Е.Г. Избранные педагогические сочинения. Саранск, 2005. С. 15.
27. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // СоцИс. 2000. № 7. С. 4.
28. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 218.

References:

1. Dneprov Je.D. Metodologicheskie problemy istorii pedagogiki // Pedagogika. 1986. № 8. С. 96-102.
2. Postizhenie pedagogicheskoj kul'tury chelovechestva: v 2 t. T. 1. Obshhie voprosy. Zarubezhnyj pedagogicheskij opyt / Pod red. G.B. Kornetova. M., 2010. S. 46-68.
3. Shaparenko V.V. Metodologicheskij obraz sovremennoj istoricheskoi nauki // Russkaja starina. 2012. № 1. S. 4-6.
4. Boguslavskij M.V. Itogi i perspektivy razvitiya istoriko-pedagogicheskogo znaniya // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika. 2011. № 1. S. 26.
5. Metodologicheskie problemy istorii: ucheb. posobie / Pod obshh. red. V.N. Sidorcova. Mn., 2006. S. 105.
6. Judel'son A.V. Civilizacionnyj podhod i ego vozdejstvie na obraz rossijskoj istoricheskoi nauki // Novyj istoricheskij vestnik. 2003. № 9. S. 68-84.
7. Boguslavskij M.V. Metodologija, sodержanie i tehnologii obrazovanija (istoriko-pedagogicheskij kontekst). M., 2007. S. 52.
8. Istorija pedagogiki i obrazovanija / Pod red. Z.I. Vasil'evoj. M., 2013. S. 7.
9. Istoriko-pedagogicheskaja retrospektiva teorii i praktiki obrazovanija / Pod red. G.B. Kornetova. M., 2006. S. 12-14, 16.
10. Boguslavskij M.V. Metodologija, sodержanie i tehnologii obrazovanija ... S. 52.
11. Postizhenie pedagogicheskoj kul'tury chelovechestva ... S. 62.
12. Shtompka P. Sociologija social'nyh izmenenij. M., 1996. S. 181-184.
13. Poberezhnikov I.V. Perehod ot tradicionnogo k industrial'nomu obshhestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizacii. M., 2006.
14. Alekseev V.V., Poberezhnikov I.V. Modernizacionnaja paradigma rossijskoj istorii // Jekonomicheskaja istorija. 2006. № 4. S. 7.
15. Belozercev E.P. Obrazovanie: istoriko-kul'turnyj fenomen. Kurs lekcij. SPb., 2004. S. 5.
16. Novejšij filosofskij slovar' / Sost. A.A.Gricanov. Mn., 1998. S. 620.
17. Kruglyj stol «Istoriki SSSR». Predmet i metod istorii kul'tury // Istorija SSSR. 1979. № 6. S. 147, 149.
18. Očerki ruskoj kul'tury XIX veka. M., 1998. Ch.1.: Obshhestvenno-kul'turnaja sreda. S. 6.
19. Kokka Ju. Social'naja istorija mezhdju strukturnoj i jempiricheskoj istoriej // THESIS. 1993. Vyp. 2. S. 175.
20. Ullrich V. Entdeckungsreise in den historischen Alltag. Versuch einer Annäherung an die «neue Geschichtsbewegung» // Geschichte in Gesellschaft und Unterricht, 1985, Jg.36, S. 405.
21. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Teorija istoricheskogo znaniya: Ucheb. posobie. SPb., 2007. S. 319-320.
22. Repina L.P., Zvereva V. V., Paramonova M.Ju. Istorija istoricheskogo znaniya: Posobie dlja vuzov. M., 2004. S. 241.
23. Ljudke A. Chto takoe istorija povsednevnosti? Ejo dostizhenija i perspektivy v Germanii // Social'naja istorija. Ezhegodnik. 1998/99. M., 1999. S. 117-126.
24. Sm., napr.: Piskunov A.I. Zadachi marksistskoj istorii pedagogiki na sovremennom jetape // Sovetskaja pedagogika. 1968. № 11. S. 103-104.
25. Dneprov Je.D. Sovetskaja istoriografija dorevoljucionnoj otechestvennoj shkoly i pedagogiki 1918-1977. Problemy, tendencii, perspektivy. M., 1981. S. 28.
26. Osovskij E.G. Izbrannye pedagogicheskie sochinenija. Saransk, 2005. S. 15.
27. Lapin N.I. Sociokul'turnyj podhod i societal'no-funcional'nye struktury // SocIs. 2000. № 7. S. 4.
28. Sorokin P. Chelovek, civilizacija, obshhestvo. M., 1992. S. 218.

УДК 930.2

Основные подходы к исследованию историко-образовательного процесса

Тимур Альбертович Марсумов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В условиях рефлексии исторической науки предметная область истории образования в поисках самоидентификации и определения своего места в тенденциях и перспективах науки постепенно включается в постсовременный дискурс социогуманитарного знания. Осмысливается неоклассическая модель исследования истории российского образования. Она представляет собой междисциплинарную концепцию, основанную на синтезе традиционных и инновационных подходов к анализу прошлого. Анализируются трудности и достижения на пути создания системной методологии открытой рациональности и плюрализма мнений. Эта модель реализуется через сопряжение предметных полей составляющих ее подходов, их когнитивных стратегий, методологических принципов и средств.

Ключевые слова: образование; история; методология; неоклассическая наука; постмодерн.

UDC 930.85 (008)

The World History Based on Value Criteria of Human Development¹Stepan S. Sulakshin²Vardan E. Bagdasaryan

^{1,2} Center for scientific & political thought & ideology, Moscow, Russian Federation
30/2, office 22, street Studencheskaya, Moscow, 121165
E-mail: org@rusrand.ru

¹ PhD (Physical and Mathematical Sciences, Political Sciences), Professor

² PhD (History), Professor

Abstract. The article features the results of a quantitative measurement of the world history based on evaluative criteria. Analysis of the key events in the history suggests chronology of history in the form of kickbacks and human breakthroughs from the moral ideal. The author has analyzed the basic events of the period of primitive society, when there was a transition from anthropogenes to sociogenesis, period of the ancient world decline, the moral breakthrough in axial age, value modification of the Middle Ages and the periods of the evolution of the moral state of humanity in modern and contemporary times. Despite periods of involution, traced a common evolutionary trajectory of development. Each of the lock-in the history of significant value rises correlated with the nomination of a new ideological platform. Novation was in fact in the application of more modern forms of categorical apparatus and broadcast. Meaningful in the nucleus of exchangeable philosophical platform is a single of all time evaluative package.

Keywords: values; humanity; history; religion; morality; sociogenesis; philosophy outlook; evolution; altruism; civilization.

Введение. Историческое развитие человечества не было монотонным и традиционно перемежалось периодами «прорывов» и «откатов», для которых была характерна смена ценностных ориентиров, степень удаленности человечества от нравственных идеалов. В статье представлена история мира, этапы прорывов и откатов от нравственного идеала человечества – набора ценностей, включающих двенадцать универсальных ориентиров. Производится реконструкция и соотнесение факторных профилей исторических «прорыв» и «откатов».

Материалы и методы. Задача выявления наиболее значимых событий в истории мира возникает и в рамках представляемого исследовательского проекта. Методология их выявления заключается в следующем. Исторический процесс графически формализуем. Для такой формализации необходимо четкое установление критериев развития (прогресса/ регресса). В нашем рассмотрении этот критерий - степень очеловечения человека, приближение к нравственному идеалу. Очевидно, графическое выражение мировой истории не будет иметь вид прямой. Вероятны отклонения, изменения траектории, даже – смена тренда. Чем меньше масштаб, тем более очевиден будет колебательный характер исторического процесса. Траекторные изменения – переломы в ходе истории должны иметь какие-то причины. На каждый из таких переломов приходятся определенные события. Именно они, очевидно, и вызвали соответствующие изменения. Следовательно, задача должна состоять в соотношении кривой исторического процесса с событийным рядом истории. Чем значимое траекторное изменение, тем с более исторически значительным событием оно находится во взаимосвязи. Если обнаружится, что эти события однородны (при «переломах» в том или ином направлении на разных этапах действует один и тот же комплекс причин), то можно говорить о фиксируемых факторах исторического развития. В нашем распоряжении имелись данные экспертных количественных оценок. Перед экспертами непосредственно ставилась задача оцифровки хода мировой истории по степени приближенности человечества к нравственному идеалу. Событийной исторический ряд соотносился нами с полученной на основании усреднения количественных оценок кривой.

Обсуждение. Проведение анализа развития цивилизаций на основании данных экспертных оцифровок исторического процесса предпринимается не впервые. В работах коллектива авторов Центра научной политической мысли и идеологии была реализована количественная теория цивилизационногенеза и локальных цивилизаций [1]. Значительный опыт проведения такого рода исследований имеет Институт экономических стратегий. Особого внимания заслуживает в этом отношении двухтомная монография Б.Н. Кузька и Ю.В. Яковца «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее» [2]. Оценка динамики цивилизаций осуществлялась в этой работе по группе следующих факторов: демографический, природно-экологический; технологический; экономический; социально-политический; духовный мир.

Результаты. Первобытное общество: от антропогенеза к социогенезу.

Процесс антропогенеза нельзя трактовать в разрыве с социогенезом. Переход от животного к человеческому состоянию был сопряжен с формированием вначале социального, а затем и духовного

уровня бытия, определяемый высшими ценностями, составляющими «белый ценностный пакет человечества». Он включает двенадцать универсальных ориентиров: 1) труд; 2) душа, духовность; 3) коллективизм; 4) нематериальные ценности; 5) любовь–семья–дети; 6) инновационность; 7) альтруизм; 8) терпимость; 9) ценность человеческой жизни; 10) сопереживание; 11) креативность; 12) стремление к совершенству. Формирование этих качеств составило основное содержание первобытной истории человечества [3].

Под маркером первобытности скрывается в действительности наибольшая в хронологическом отношении часть человеческого прошлого. Суммарно этот период занимает около 95 % от всей истории существования человека. В этот период изобретаются первые простейшие орудия труда. В технологическом плане человечество вступает в период палеолита. Главным итогом произошедшего перехода стало появления феномена труда. Ф. Энгельс был совершенно прав, указывая на принципиальную роль трудовых отношений для антропогенеза.

Следствием развития их стало преобразование проточеловеческого стада в социум. Труд человека мог состояться только в формате коллективной деятельности. Трудовые навыки не передаются, как известно, на генетическом уровне. Им обучают. А обучение предполагает, как минимум, наличие соответствующих институтов социальности. Появление совместной трудовой деятельности предполагало развитие коммуникативных способностей человека. Возникает язык, как универсальное средство человеческой коммуникации. Социум, таким образом, исторически выстраивался на парадигме трудовых отношений [4].

Человек становится существом преимущественно социальным. Формируется ценностная установка коллективизма, выступающего организующим средством выживания человека. На коллективистской основе формируются далее все иные компоненты белого ценностного пакета человечества. Необходимость межпоколенческой трансляции социального опыта определяет формирование института семьи.

Осмысление коллективного характера бытия приводит к возникновению феномена групповой самоидентификации человека. «Я» – идентичность раскрывается теперь через отождествление с некой социальной общностью – народом. На этой основе формируется далее чувство патриотизма. Вслед за осознанием ценности коллективизма приходит осознание ценности жизни каждого из членов коллектива. Дальнейшим развитием коллективистского начала в социальной организации человечества становится альтруизм. Протоальтруистские установки обнаруживаются еще у отдельных видов животных, но только у человека бескорыстие приобретает характер осознанного отношения. Установление альтруистских самоограничителей человека приводят далее к формированию ценностей нестяжательства. Достигнутый на этом этапе антропогенеза ориентир нематериальности уже прямо свидетельствовал о преодолении человеком сутуго биологического уровня бытия. Венчало процесс ценностного генезиса человечества формирование феномена духовности. Формой ее практического воплощения явились религии [5].

Религии нормативно закрепляли все накопленные человеком в результате его эволюционного становления ценности. Весь белый ценностный пакет человечества, наличие которого являлось отличительным признаком новой бытийной реальности, находил в них непереносимое отражение [6].

Упадок Древнего мира

Первобытная демократия, основанная на системе общества гомогенного типа, переживает кризис. Развертывается процесс классовообразования и классового расслоения. Создаются государства. Формируется многограновый бюрократический аппарат. Место человека в обществе фактически определяется принадлежностью к рангу. С прежним первобытным равенством было покончено. Чинопочитание становится своеобразным культом. Фигура высшего представителя власти и вовсе подвергается обожествлению. Правитель не просто выражал медиумную функцию связи с миром божественного, не сам воспринимался живым богом. Величие правителя подчеркивалось церемониальным принижением простых смертных. В наиболее радикальных вариантах в честь его приносились человеческие жертвы [7].

Наиболее индикативным проявлением нравственной деградации человечества на рассматриваемом интервале явилось развитие феномена рабовладения. Раб не считается человеком. Он воспринимается в качестве вещи «говорящего орудия труда». Человек самолично отрицает на данном этапе ценность очеловечения. Ниже этого могло быть только биологическое существование. Соответственно, в экспертной оцифровке показатель очеловеченности снижается до уровня близкого к нулевой отметке [8].

Многие мыслители прошлого, не только один К. Маркс, связывали нравственную деградацию человечества, с появлением института частной собственности. «Собственность, – провозглашал Ж. Прудон, – есть кража». Действительно, наряду с земельной собственностью групповой – государственной, общинной, храмовой, в этот период появляется собственность частная, земля в условиях аграрного производства являлась главным материальным ресурсом. Ранее этим ресурсом распоряжалась вся община. Инверсия раннеклассового общества заключалась в приватизации.

На рассматриваемом интервале упадка в качестве универсалия денежного обращения устанавливаются два драгоценных металла – золото и серебро. Традиционно этот переход датируется третьим тысячелетием до н.э. Возникает иллюзия о ценности денег. Создаются сокровищницы.

Скапливаемое там золото не работает в экономике, но отношение к нему устанавливается фактически культовое. Распространяются исторически новые виды греха – стяжательство, алчность, корыстолюбие и др. Развитие денежных отношений по марксовской формуле Д-Т-Д соотносится с появлением различных форм спекулятивной деятельности.

Деградируют в этот период и религиозные национальные системы. Религия стала использоваться в целях обоснования социального неравенства. Складывающаяся языческая модель религиозности выхолащивала дихотомию добра и зла. На уровне родоплеменных сообществ такая дихотомия существовала. В противном случае не было бы возможно появление табу. Древний человек табуировал то, что считал грехом. Боги же раннеклассовых сообществ – не добрые и не злые. Олимпийский пантеон греков в этом плане весьма показателем. Греческие боги способны совершить любые аморальные поступки. Они олицетворяли силы и различные сверхчеловеческие способности, но вовсе не добродетели. Соответственно, персонифицированный идеал добра отсутствовал. Не существовало и персонифицированного образа зла.

Человечество сотрясают масштабные войны. Каждая из возникших в этот период империй ведет завоевательную политику. Формируется императив достижения мирового господства. Создаются эпосы великих войн. Гомеровская «Илиада» – один из примеров этого ряда.

Жестокость, проявляемая в завоевательных походах – одно из наиболее значимых свидетельств нравственной деградации человечества. Политика геноцида в отношении народов, оказывающих упорное сопротивление завоевателям, была типична для древнего мира. Особое изобретательность была проявлена в изобретение пыток. Государства как будто соревновались друг с другом в степени проявленной жесткости.

Наиболее жестокосердным царством древности предстает в Библии Ассирия. Господь, согласно библейскому сюжету, направляет в Ниневию своего пророка Иону адресуящего ассирийскому народу призыв о покаянии. Источники сообщают, что только за первые семь лет правления Салманасара II было стерто с лица земли более 900 различных населенных пунктов. На треть сократилось население земель подвергшихся завоевательным походам другого ассирийского царя Тиглатпогласара III. Женщины и дети истреблялись ассирийцами в тех же пропорциях, что и мужчины [9].

Возник феномен государственности, по отношению к которому в западном дискурсе утвердилась редуцирующая сущность явления понятие «восточная деспотия». За сложившейся же моделью хозяйствования закрепились дефиниция «азиатского способа производства» [10]. Вопреки редуционистской трактовке, данная система возникла в странах Востока не сразу, а только на стадии надвигающегося экологического кризиса. В складывающихся неблагоприятных условиях требовалось включение механизмов государственной мобилизации. Посредством такого рода мер из природы извлекался максимум того, что она в принципе могла дать.

Но создание сети ирригационных сооружений еще более ускорило процесс экосистемной деградации. В итоге на закате античной эпохи наблюдается системный кризис. Потенциалы сельского хозяйства в результате истощения земельных ресурсов катастрофически снижаются. Численность населения оказывается избыточна по отношению к возможностям аграрной сферы. Начинается время непрекращающихся социальных потрясений, пандемий, массовых миграций и войн. Экологический кризис подвел хронологическую черту периода нравственной деградации [11].

Одни цивилизации древности безвозвратно погибли, другие нашли пути самосохранения. Нахождение этих путей было связано с выдвиганием мировоззренческих систем, ориентированных на духовное самосовершенствование, при нивелировке значимости материальной стороны бытия.

Нравственный прорыв «осевого времени»

Изменение тренда в мегаэволюции человечества происходит в первом тысячелетии до н.э. К пятому веку до н.э. начавшийся подъем фиксируется уже достаточно очевидно. Темпы нравственного развития еще более возрастают со второго века до н.э. Особо стремительным был ценностный подъем в первом столетии от Рождества Христова. Это было временем исторически наивысшей динамики продвижения человечества в направлении приближения к нравственному идеалу. Подъем резко прерывается в четвертом столетии.

Мировоззренческие инверсии рассматриваемого исторического этапа происходили в формате религиозного обновления. Обратимся к хронологии возникновения исторически значимых для человечества религий: зороастризм – 8 век до н.э., деятельность иудейских пророков – 8–4 века до н.э., буддизм – 6 век до н.э., индуизм (эпический) – 6 век до н.э., конфуцианство – 5 век до н.э., даосизм – 5 век до н.э., эллинская философская религиозность – 4 век до н.э., митраизм – 1 век до н.э., христианство – 1 век, ислам – 7 век, синтоизм – 7 век. Из приводимого хронологического перечня с очевидностью следует, что именно «осевого время» явилось эпохой генерации цивилизационно-образующих религий. Вместе с тем, фиксируются периоды, соотносимые с инверсиями в том, или ином цивилизационно-географическом ареале: первый период – ближневосточная инверсия (Иран, Иудея); второй период – индо-китайская инверсия (Индия, Китай); третий период – римско-эллинская инверсия (Римская империя); четвертый период – арабская и японская инверсии (арабский восток и Япония). Оцифрованная история представлена на рис.

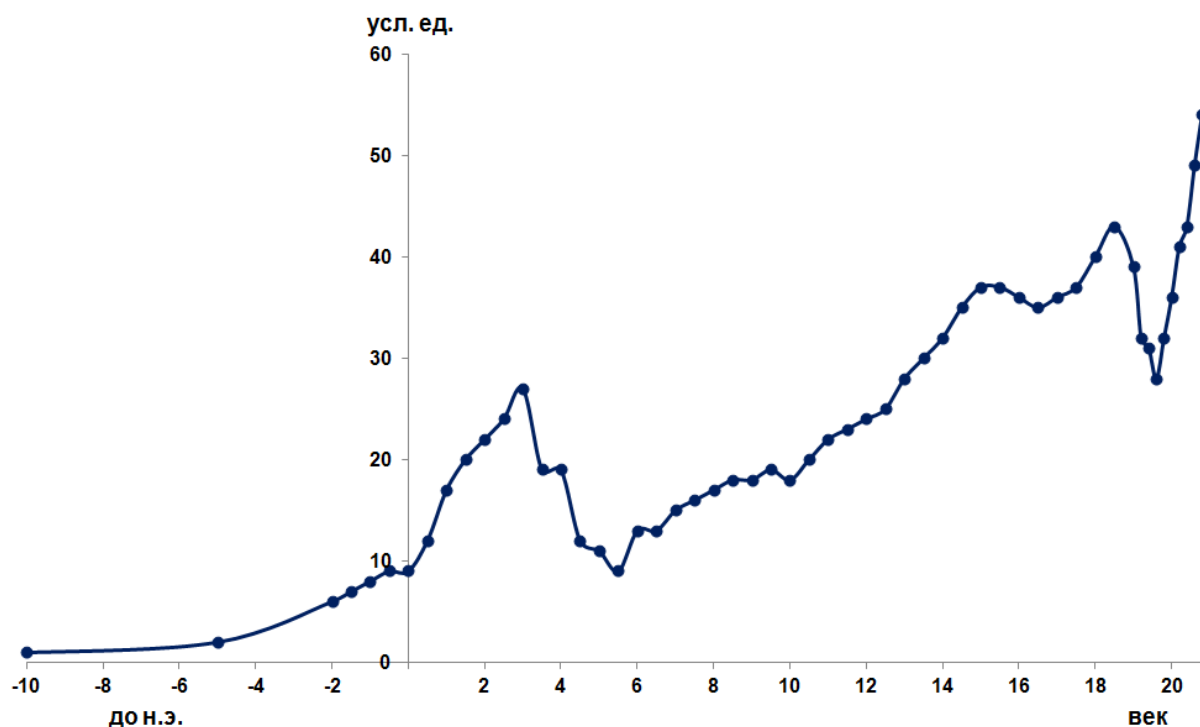

Рис. Эволюционная кривая нравственного развития человечества в интервале трех тысячелетий

Отличительной особенностью новых религий в сравнении с прежними языческими религиозными системами являлась жесткая поляризация добра и зла. Уже в первой в ряду новых религий зороастризме приводилась идея антагонизма между богом добра – Ахура – Маздой и его противостоятелем, выражающим мировое зло – Анхри – Майнхей [12]. Победа над злом достигается при непосредственном участии человека. За человека и ведется эта борьба. Человеческая история оказывается вписана в глобальный проект мирового предикта (Божественное Провидение).

Другой отличительной особенностью новых религий являлось обращение ко всему человечеству. Установившееся в прежней религиозной традиции разделение на антропологически высших и низших отрицалось. Провозглашалось, что перед Богом (или перед Высшим Небесным Законом) все равны [13].

Происходит ревизия системы образования. Прежде оно выстраивалось как многоуровневое эзотерическое посвящение. В новом подходе утверждался принцип всеобщность распространения знаний. Каждый теперь получал право на восприятие «света истины». Социальная иерархия признавалась как данность, но уже без прежней ее апологии. Появляется тема несправедности власти. Христианство провозглашало новый принцип отношения к власти. Богу – божие, кесарю-кесарево. Все без исключения новые религии выступали с жестким осуждением конюмеризма. Богатство помещалось на противоположной чаше весов по отношению к спасению. Произошел действительно мировоззренческий переворот, который сегодня по отношению к вызову современного конюмеризма кажется невозможным.

Смена вектора подъема на вектор упадка выражается приходящимся на четвертый век резким поворотом. Движение кривой «белого ценностного пакета» вверх резко обрывается в своей высшей точке. Имел место не процесс ценностной эрозии по типу упадка 4–2 тысячелетия до н.э., а стремительный обвал под влиянием неких эксцентричных обстоятельств. Что из событийной канвы в 4–5 вв. может быть оценено в таком качестве?

Обвал системы жизнеустройства древнего мира был вызван, очевидно, пришедшимся на этот период «великим переселением народов». Толчком к переселению явилась поразившая Южную Сибирь «великая засуха». Началась перекочевка кочевников на Запад. Перемещение одних народов приводило в движение другие. Миграция гуннов вызвала по цепочке производных миграций мировую турбулентность. Казавшаяся незыблемей Римская империя, претендовавшая прежде на планетарную гегемонию, рухнула за достаточно короткий временной интервал. «Великая засуха» была только катализатором обрушения прежней мировой системы. Система должна была рано или поздно обрушиться ввиду разительных диспропорций бытия различных народов. С одной стороны – бытие народов, включенных в ареал древних государств цивилизаций. С другой – жизнь многочисленных варварских племен, находящихся в иной парадигме социогенеза. Различались

технологические уклады. Как следствие, сложился принципиальный разрыв в уровнях потребления. Племена «варваров» стали группироваться на перифериях государств-цивилизаций. Движущей силой такого переселения являлось стремление присвоить (или перераспределить в свою пользу) потребляемые населением империй блага. Давление варварской периферии на государства-цивилизации с течением времени возрастало. В конечном итоге они (прежде всего, Римская империя) этого давления не выдержали [14].

Средневековье: упадок или подъем?

«Великое переселение народов» явилось тем рубежом, который традиционно отделяет в историографии античность от средневековья. После спада переселенческой динамики тренд ценностного подъема был восстановлен. При этом ликвидировался разрыв уровней развитости различных сообществ.

Главным фактором ценностных генераций на прежнем деструктурированном под ударами варваров пространстве Римской империи становится Византия. Время ее фактически полной гегемонии в Средиземноморье – шестое столетие, период правления Юстиниана. «Осевое время» завершало возникновение ислама на Ближнем и синтоизма на Дальнем Востоке. Это были исторически последние цивилизационно-образующие религии. Ислам за короткий период получил широчайшее распространение: от Волжской Болгарии на севере до Экваториальной Африки на юге и от Кордовского халифата на западе до Индонезии на востоке. Преобразовывались на новой ценностной платформе огромные пространства афро-азиатского племенного мира [14].

В свое время в просветительской среде сложился миф о средних веках, как эпохе обскурантизма. В действительности, как это показывает график, полученный по данным экспертных оценок, средневековый период истории характеризовался достаточно устойчивым, в сравнении с другими аналогичными по продолжительности временами, подъемом. Но этот прогресс не имел характера революционной ломки. Такой ломкой будет характеризоваться период модерна. Развитие в средние века основывалось на следовании традиции. Эти традиции основывались на ценностном фундаменте, аккумулированных в цивилизационно-образующих религиях. Средневековая модель развития не исключала научно-технического приращения. Достаточно перечислить наиболее резонансные изобретения: порох; огнестрельное оружие; корабельный руль; часы; ксилография; книгопечатание; водяные знаки на бумаге; фарфор; парашют; прядильное колесо; коленчатый вал; доменная печь; зеркальное стекло; очки; серная, азотная, соляная кислоты; гравирование на меди; спиральная пружина; карандаш; культивирование чая и кофе и др.

Расширение орбиты ислама на юг, а христианства на север давало дополнительные импульсы ценностного развития человечества. Таким фактором явилось, в частности, крещение Руси. С этого момента темпы роста в направлении увеличения «белого ценностного пакета» заметно возрастают. За одиннадцатое столетие этот рост составил 4 условные единицы.

В XII – первой половине XIII веков рост продолжался, но темпы его несколько снизились. Вероятно, причины снижения определялись эскалацией военной напряженности в мире. Один вектор агрессии шел с запада, другой – с востока. Западная агрессия периода «крестовых походов» привела к межцивилизационному конфликту между западно-христианской и исламской цивилизацией. Параллельно Запад попытался взять верх над восточно-христианской цивилизацией (взятие в 1204 году Константинополя, крестовый поход против Руси). Апогеем военного безумства эпохи явилась организация в 2012 году «детского крестового похода» [15].

Экспансионистская волна, идущая с востока, выражалась походами Чингисхана и Чингизидов. В результате была создана крупнейшая за всю историю континентальная империя. Средневековые войны, хотя и отразились на динамике развития человечества, эволюционный вектор изменить не смогли. За вторую половину тринадцатого столетия уровень ценностного состояния человечества возрос сразу на три относительные единицы. Это, по-видимому, определялось восстановлением ряда поверженных завоевателями цивилизаций. Войска Михаила Палеолога отвоевывают в 1261 году у латинян Константинополь. Возрождается православная Византийская империя. Она, правда, уже не имела прежнего геополитического влияния, но все равно являлась важным актором мировой политики. На территории северо-восточной Руси начинается процесс духовного возрождения, послужившего в дальнейшем фундаментом формирования Московской государственности. По прежним цивилизационным границам распадается Монгольская империя. Под властью Чингизидов восстанавливаются по сути домонгольские цивилизации. Монгольский фактор стал для них тем же, чем был прежде фактор завоевательных походов Александра Македонского. Через завоевания осуществлялись культурные межцивилизационные трансляции [16].

Концом XIII века датируется начало проторенессанса. Не только Бог, но и человек воспринимается теперь все более определенно в качестве актора истории.

XIV век явился для человечества временем тяжелых эпидемиологических испытаний. Пандемия чумы, начавшись, предположительно, в районе пустыни Гоби, распространилась за сравнительно короткий срок по территории Азии, Европы и Северной Африки. Численные потери по регионам составляли от трети до половины населения. Вдвое сократилось население ряда наиболее пострадавших от «черной смерти» европейских стран. До этого Европа пережила в XIV веке еще и демографический удар «великого голода», в результате которого вымерло от 10 до 25 % горожан [17]. «Черная смерть»

являлась вызовом человечеству. Реальна была перспектива видового вымирания. Но человечество нашло в себе ресурсы для ответа. Существенным образом были изменены социальные нормы жизни. Начинается благоустройство городов. Получает развитие медицина, устанавливаются правила гигиены и санитарного контроля. Считается, что именно чума нанесла решающий удар по системе феодальных отношений в Европе. Поэтому, несмотря на выпавшие на долю человечества в XIV веке испытания, его ценностные потенциалы продолжали увеличиваться [18].

Ускорение ценностного развития в первой половине пятнадцатого столетия определяется, по видимому, прежде всего, распространением аксиологии Ренессанса. Прогресс, как и прежде, катализировался выдвижением новых мировоззренческих концептов. На этот раз такая мировоззренческая инверсия связывалась с философией гуманизма. Под гуманизмом, в отличие от современной семантики, понималось все, что позволяет осознать «целостность человеческого духа» [19].

Развитие человеческого духа приводит к началу когнитивной революции. Начавшаяся с деятельности португальского инфанта Генриха Мореплавателя «эпоха великих географических открытий» привела к ломке традиционной модели мира. Представление о пространственных границах бытия принципиально расширяются. Изобретение Иоганном Гутенбергом печатного станка создает перспективу массового просвещения. Знания с начала книгопечатания становятся общедоступными. Отсюда был прямой путь к всеобщности образования [20].

Во второй половине XV века ценностный подъем с несколько меньшей, но все же достаточно высокой динамикой, продолжается. Выходит звезда Леонардо да Винчи и Микеланджело Буонарроти. Каравеллы Христофора Колумба достигают Америки, а Васка да Гама совершает морское путешествие из Европы в Индию. В фазе творческого подъема находилась не только Европа. Своего высшего культурного расцвета достигают, в частности, цивилизации ацтеков и инков [21].

Некоторое замедление темпов ценностного развития второй половины пятнадцатого столетия объясняются новой эскалацией насилия под ударами турок окончательно гибнет Византийская империя. В связи с ожиданием в 1492 году среди христиан конца света фиксируется усиление конфронтационности на религиозной почве. Достигает апогея деятельность испанской инквизиции. Инквизиционную нетерпимость олицетворяла фигура первого великого инквизитора Испании Томаса де Торквемады [22]. Средневековый человек, болезненно реагируя на наблюдаемую ломку традиционного общества, находил объяснение этой ломки в деятельности темных антихристианских сил (Синагоги Сатаны). Отражением этих умонастроений явилось появление известнейшего трактата по демонологии «Молота ведьм» [23].

История Нового и Новейшего времени через призму ценностного состояния человечества

Переход от средневековья к новому времени рассматривался в логике просветительской историографии как очевидный прогресс. Однако анализ этого временного интервала через призму ценностного развития человечества приводит к прямо противоположному выводу. Инволюционный период продолжался около двух столетий XVI- XVII века. Это было время начала мировой колониальной экспансии. Открытия пути в Америку и морского пути в Азию определили два основных экспансионных вектора. Под ударами конкистадоров уже в начале шестнадцатого столетия уничтожаются американские цивилизации инков и ацтеков [24]. Действия европейских колонизаторов в Америки – сначала испанцев и португальцев, а затем англичан и французов в отношении коренного населения характеризуются многим современными историками как политика геноцида. Количество жертв исчислялось миллионами. Голландия, занявшая в XVII веке положение торгово-финансовой державы № 1 в мире, колонизует Индонезию. Голландцы, португальцы, англичане, французы соперничают друг с другом в попытках закрепиться на побережье Индостана.

Томас Гоббс формулирует новое миропонимание, согласно которому основу человеческих отношений составляет борьба. По результатам борьбы одни народы оказываются победителями, другие побежденными. Государство учреждается для того, чтобы люди в проявлениях своей звериной агрессивной сущности не истребили друг друга [25].

XVI-XVII вв. в Европе являлись временем религиозных войн. Начало череде конфликтов положило выступление Мартина Лютера в 1517 году против католической папской модели церковного устройства. Наиболее резонансным проявлением католическо-протестантской конфронтации стала Варфоломеевская ночь [26]. На выходе из периода религиозных войн утверждается модель секулярного общества. Голландская – XVI и Английская XVII веков революции открывают серию охвативших Европу революционных трансформаций периода модерна. В Англии при широком скоплении народа казнят короля. Альбер Камю оценивал впоследствии открытие эпохи царубийств в качестве проявления более значимого онтологического бунта – богоборчества [27].

Утверждаемая буржуазная мораль резко диссонирует с христианской моралью. Моральными индикаторами этого периода в истории выступают система огораживаний и законы против нищих («кровавое законодательство») в Англии. По выражению Томаса Мора, «овцы стали пожирать людей». Солидаризационные потенциалы, человечества, соответственно, снижались.

Поворот в направлении ценностного подъема начинается во вторую половину XVII века и продолжается около двух столетий. К середине XIX века был установлен исторический максимум показателя ценностной развитости человечества. Одной стороной такого роста явился научный прогресс, породивший, в свою очередь, новый технико-технологический прорыв в истории

человечества. Всемирно-историческое значение имели провозглашенные Великой Французской революцией принципы нового социального гуманизма – «Свобода! Равенство! Братство!» [28]. В развитии этой логики был написан «Манифест Коммунистической партии».

Значимым обстоятельством мирового развития явилось появление в качестве весомого геополитического актора мира Российской империи. Этот актор стал важнейшим препятствием западной экспансии. Особо наглядно данная роль России проявилась в период наполеоновских войн. После победы над Наполеоном была учреждена система международного устройства «Священный Союз», выражающая, прежде всего, российский видение основанной на христианской платформе модели миростроительства [29]. «Геополитический подъем России соотносился с «золотым веком» русской культуры. Российское влияние проявлялось, таким образом, не только в военной, но и гуманитарной сфере.

Россия терпит поражение в Крымской войне. Баланс мировых геополитических сил оказался нарушен. Препятствие западной экспансии было устранено. Начинается период раздела мира между странами Запада. Политика колониализма достигла своего апогея. Степень воплощенности «белого ценностного пакета» человечества резко снижается. Движение по траектории падения продолжается около ста лет. Вторая половина XIX века было временем масштабным колониальным захватам. Великобритания завершает завоевание Индии, Франция – Индокитай. Поделено между европейскими метрополиями оказалась фактически вся территория Африки. Открытие для судоходства в 1869 г. Суэцкого канала катализировало процесс колониальной экспансии. Ряд формально суверенных держав Азии – Китай, Япония, Персия, Турция становятся фактически полуколониями.

Как только закончилась Крымская война, победители – Англия и Франция, а также примкнувшие к ним США, обрушиваются на Китай. В 1856 г. с подписанием Парижского мира завершается Крымская кампания и в тот же год начинается «Вторая опиумная война».

Сложившаяся экспансионистская система могла функционировать только в режиме постоянного расширения. Однако резервов для расширения после колониального раздела мира фактически не оставалось. Одни геополитические акторы получили в этом разделе более значительные территории, другие, как им казалось, оказались обделены. Логика развития системы программировало борьбу этих акторов между собой за переконфигурацию мира и, в конечном счете, мировую гегемонию. Симптомы начала такого соперничества проявились уже в конце XIX века – англо-бурская война, американо-испанская война. Движение в направлении усиления империалистической компоненты развития человечества привело в первой половине XX столетия к двум мировым войнам. Использование оружия нового типа приводило к гекатомбам жертв, несопоставимым с войнами прошлых эпох [30]. Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки находилась в логическом ряду конвейеризации насилия.

Тенденции усиления насилия получали идеологическое обоснование. Насилие легитимизовалось, с одной стороны, идеей превосходства расы, с другой – интересами класса. Под вывеской национал-социализма выдвигается идеология, прямо оппонирующая категориальной сущности человека. Угроза фашизации мира являлась в этом отношении вызовом всей мегаэволюции. Человечество по степени воплощенности «белого ценностного пакета» оказалось отброшено к уровню начала XIII века.

Победа над фашизмом и создание, как следствие, альтернативной модели мироустройства – «международной системы социализма» вновь привели к смене направления развития. Рушится под напором национально-освободительного движения мировая система колониализма. Только в 1960 году, объявленным ООН «годом Африки», получили суверенный статус 17 бывших африканских колоний. На смену колониализму приходит, правда, неоколониализм. Но у народов бывших колоний имелась как фактор сдерживания неоколониального давления возможность выбора между «социализмом» и «капитализмом».

Разрыв в доходах на душу населения впервые за многие столетия на интервале 1960–1980-х гг. сокращается. Снижаются и внутривосточные социальные диспаритеты. Формируется модель «социального государства». Перераспределение доходов в пользу беднейших слоев населения становится нормой государственной политики передовых государств. Отменяются расовые и евгенические законы. С полета Ю.А. Гагарина человечество выходит за планетарные границы земного существования.

Не в малой степени динамика прогресса была определена достижением СССР в этот период фактического геополитического паритета с Западом. Распад Советского Союза, безусловно, привел к усилению неоколониальных тенденций. Вновь растут социальные и экономические диспропорции в мире. Но в ценностном плане возвращение к временам империализма оказалось невозможно. Вызов Западу бросают Китай, Индия, ряд стран Латинской Америки. Порочность однополярности осознается на уровне мирового дискурса. Ценностное развитие человечества вступает в противоречие с установившейся центр-периферийной системой мироустройства. Из фиксации этого противоречия следует предположить, что эта система в обозримой перспективе может и должна подвергнуться кардинальной ревизии.

Заключение. Проведенный анализ соотношения графически выраженного процесса ценностной мегаэволюции человечества с событийным историческим рядом позволяет констатировать принципиальную их непротиворечивость. В измеряемой по критерию ценностного развития человечества мировой истории фиксируются как периоды подъемов, так и упадков («ценностных откатов»). Несмотря на периоды инволюции, прослеживается общая эволюционная траектория развития. Каждый из фиксируемых в истории значимых ценностных подъемов соотносился с выдвиганием новой мировоззренческой платформы. Новационность заключалась, в действительности, в применении более современного категориального аппарата и форм трансляции. Содержательно в ядре сменяемых мировоззренческих платформ находился единый на все времена ценностный пакет. Этот опыт позволяет ставить задачу формирования новой, соответствующей вызовам времени, системы мировоззрения как основания для очередного всечеловеческого исторического прорыва.

Примечания

1. Сулакшин С.С. Количественная теория цивилизационного генезиса и локальных цивилизаций. Москва: Научный эксперт, 2013. 176 с.
2. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. В 2 т. Москва: ИЭС, 2006. 576 с.
3. Sulakshin, S.S. About the surface of complex social system's successfulness // International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. 2011. № 6 (2). pp. 127-144.
4. Кирсанов В.Н. Краткий курс истории антропогенеза или сущность и происхождение труда, сознания и языка. Москва: изд-во Палея, 1999. 326 с.
5. Fedulin, A., Bagdasaryan, V. Historical variability of anthropological models and categorical essence of human nature // Bylye Gody. 2013. V 28, Issue 2. p.11-17.
6. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. Москва: изд-во политической литературы, 1964. 624 с.
7. Равдоникас В.И. История первобытного общества. Ч. 2. Ленинград: изд-во Ленинградского ун-та, 1947. 392 с.
8. Дьяконов И.М. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Передняя Азия. Египет. Москва: главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 534 с.
9. Герасимов О.Г. На ближневосточных перекрестках. Москва: Наука, 1983. С. 194.
10. Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. Москва: Наука, 1973. 135 с.
11. Виргинский В.С., Хотеев В.Ф. Очерки истории науки и техники с древнейших времен до середины XV в. Москва: Просвещение, 1993. 288 с.
12. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Москва: главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 303 с.
13. Багдасарян В.Э., Гришков А.М. История погребальной культуры: танатологическая семантика. Москва: МГОУ, 2003. 157 с.
14. Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетей, 2011. 336 с.
15. Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока. Мусульманская перспектива. Санкт-Петербург: изд-во Диля, 2008. 687 с.
16. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
17. Lucas H.S. The great European Famine of 1315-1317 // Speculum. 1930. Vol. 5, No. 4. pp. 343-377.
18. Макэвэди К. Бубонная чума // Scientific American. Издание на русском языке. №4. 1988. С.12-36.
19. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Москва: Мысль, 1982. 414 с.
20. Назарчук А.В. Влияние книгопечатания на развитие протестантизма в Европе // Новая и Новейшая история. 2006. № 3. С. 79-90.
21. Субботин В.А. Великие открытия: Колумб. Васко да Гама. Магеллан. Москва: изд-во УРАО, 1998. 272 с.
22. Сабатини Р. Собрание сочинений в 15-ти томах. Том 6. Торквемада и испанская инквизиция. Москва: изд-во АО «Прибой» — Журнал «Вокруг света», 1994. 304 с.
23. Шпренгер Я., Инститориус Г. Молот ведьм. Москва: Интербук, 1990. 351 с.
24. Диас дель Кастильо Б. Правдивая история завоевания Новой Испании. Москва: Форум, 2000. 324 с.
25. Гоббс Т. Избранные произведения в двух томах. Том 1. Москва, 1964. 583 с.
26. Крузе Д. Король и насилие: из истории французского абсолютизма XVI в. // Французский ежегодник. 2005. С. 150-173.
27. Камю А. Бунтующий человек. Москва: Политиздат, 1990. 415 с.
28. Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». Москва: «Интер-Версо», 1991. 272 с.
29. Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса. 1814-1878. Том 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 508 с.
30. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы, Москва: изд-во Социально-экономической литературы, 1960. 282 с.

References:

1. Sulakshin S.S. Quantitative theory of civilizational genesis and local civilizations. Moscow: Scientific Expert, 2013. p. 176. (In russian).
2. Kuzyk B.N., Yakovets Y. Civilizations: Theory, History, Dialogue and the future. In 2 volumes. Moscow: PEC. 2006. p.576. (In russian).

3. Sulakshin, S.S. About the surface of complex social system's successfulness // International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. 2011. № 6 (2). pp. 127-144.
- 4 Kirsanov V.N. Brief history of anthropogenes or the nature and origin of the work, consciousness and language. Moscow: Publishing House of Paley, 1999 p. 326. (In russian).
5. Fedulin, A., Bagdasaryan, V. Historical variability of anthropological models and categorical essence of human nature // Bylye Gody. 2013. V 28, Issue 2. p.11-17. (In russian).
- 6 Tokarev S.A. Religion in the history of the world. Moscow: Publishing house of political literature, 1964. p. 624. (In russian).
- 7 Ravdonikas V.I. Prehistory. Part 2, Leningrad: Publishing house of Leningrad University Press, 1947 p. 392. (In russian).
- 8 Diakonov I.M. History of the Ancient East. The origin of the ancient class societies and the first outbreak of the slave civilization. Part 1, Southwest Asia. Egypt. Moscow: Home Edition Oriental Literature Publishing House "Nauka", 1983. p. 534. (In russian).
- 9 Gerasimov O.G. On Middle Eastern intersections. Moscow: Nauka, 1983, p. 194. (In russian).
- 10 Kachanovskii Y. Slavery, feudalism or Asiatic mode of production. Moscow: Nauka, 1973. p. 135. (In russian).
- 11 Virginskii V.S., Hoteenkov V.F. Essays on the history of science and technology from ancient times to the middle of the XV century. Moscow: Education, 1993. p. 288. (In russian).
- 12 Boiys M. Zoroastrians. Beliefs and practices. Moscow: Home Edition Oriental Literature Publishing House "Nauka", 1988. p. 303. (In russian).
- 13 Baghdasaryan V.E., Grishkov A.M. History of Funeral Culture: thanatological semantics. Moscow: Moscow State Open University, 2003. p. 157. (In russian).
- 14 Budanov V.P., Gorsky A.A., Ermolova I.E. Great Migration: ethno-political and social aspect. SPB.: Aletheia, 2011. p. 336. (In russian).
- 15 Hillenbrand K. Crusades. A View from the East. Muslim perspective. St. Petersburg: Publishing House of Diehl, 2008. p. 687. (In russian).
- 16 Kradin N.N., Skrynnikova T.D. Empire of Chinghis Khan. M.: Eastern Literature, 2006. p. 557. (In russian).
17. Lucas H.S. The great European Famine of 1315-1317 // Speculum. 1930. Vol. 5, No. 4. pp. 343-377. (In russian).
- 18 Makevedi K. Bubonic plague // Scientific American. Publication in Russian. №4. 1988. p.12-36. (In russian).
- 19 Losev A.F. Aesthetics of the Renaissance. Moscow: Thought 1982. p. 414. (In russian).
- 20 Nazarchuk A.V. Influence of printing on the development of Protestantism in Europe // Modern and Contemporary History. 2006. № 3. p. 79-90. (In russian).
- 21 Subbotin V.A. Great discoveries: Columbus. Vasco da Gama. Magellan. Moscow: Publishing House URAO, 1998, p. 272. (In russian).
- 22 Sabatini R. Collected Works in 15 volumes. Volume 6 Torquemada and the Spanish Inquisition. Moscow: Publishing House of "Surf" - Journal "Around the World", 1994. p. 304. (In russian).
- 23 Shprenger J., Institoris G. Hammer of Witches. Moscow: Interbooks, 1990. p. 351. (In russian).
- 24 B. Diaz del Castillo, The true history of the conquest of New Spain. Moscow: Forum, 2000. p. 324 (In russian).
- 25 Hobbs T. Selected works in two volumes. Volume 1, Moscow, 1964, p. 583. (In russian).
- 26 Kruse D. King and violence: from the history of French absolutism of the XVI century. // French yearbook. 2005, pp. 150-173. (In russian).
- 27 Camus A. Rebellious people. Moscow: Politizdat, 1990. p. 415. (In russian).
- 28 Hobsbawm E. Echoes of the "Marseillaise." Moscow: "Inter-Version", 1991. p. 272. (In russian).
- 29 Debidur A. Diplomatic History of Europe from Vienna to Berlin Congress. 1814-1878. Tom 1. Rostov-on-Don: Phoenix, 1995, p. 508. (In russian).
- 30 Urlanis B.Ts. War and the population of Europe, Moscow: Publishing House of the socio-economic literature to 1960. p. 282. (In russian).

UDC 930.85 (008)

История мира на основе ценностного критерия развития человека

¹ Степан Степанович Сулакшин

² Вардан Эрнестович Багдасарян

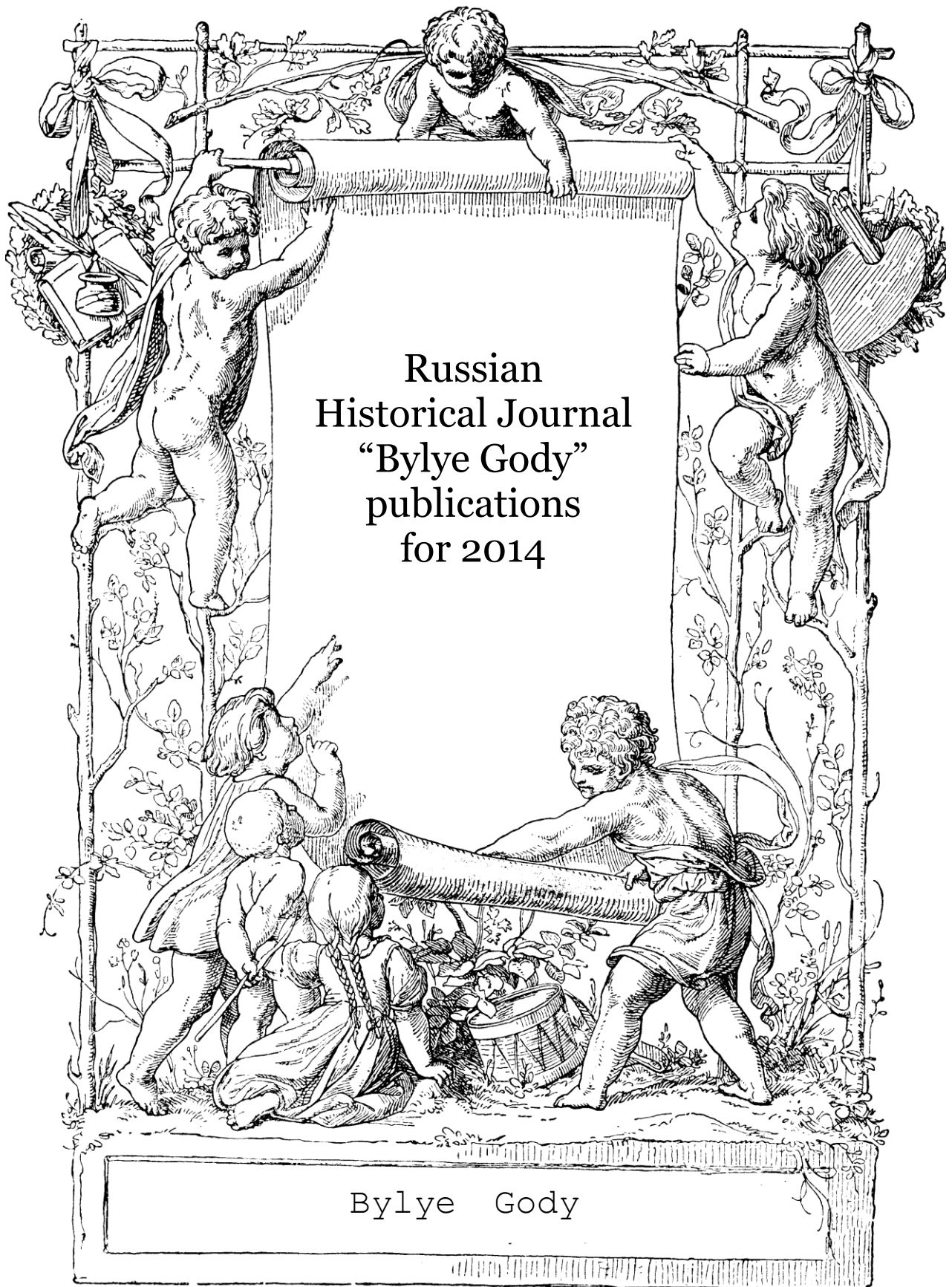
^{1,2} Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина), Российская Федерация
30/2, офис 22, улица Студенческая, Москва, 121165
E-mail: org@rusrand.ru

¹ Доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор

² Доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье представлены результаты количественного измерения истории мира, базирующегося на ценностном критерии. На основе анализа ключевых событий истории предлагается хронология истории в виде откатов и прорывов человечества от нравственного идеала.

Ключевые слова: ценности; человечество; история; религии; нравственность; социогенез; мировоззрение; эволюция; альтруизм; цивилизация.

Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2014

Bylye Gody. 2014. № 31 (1)

RELEVANT TOPIC

Interaction of the Russian State and Terek Cossacks: Mechanisms and Results (XVIII–XIX Centuries) Ivantsov V.G., Šmigel' M., Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S.	5
--	---

ARTICLES AND STATEMENTS

Problems in Creating Written Language for the Small Native Peoples of the Far East in the Second Half of the 1920s – 1930s Akhmetova A.V.	13
The Main Lines in Social and Civil Education in the Russian Pedagogics and School of the Late XIX – Early XX Centuries Belentsov S.I.	19
Problematic Aspects in Studying the Battle of the 28 Panfilov Division Soldiers Belov S.I.	26
“Can it be a Rehearsal before a Wider Participation in the Social Activities?”: Women’s Committees of the Yenisey Province in Wars of the Early XX Century Dolidovich O.M.	32
Confessional and Economic Nature of the Old Believers’ Hermitage (Late XIX – Early XX Centuries) Dutchak E. E.	38
Triumph and Tragedy of People’s Commissar A.V. Lunacharsky Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G.	43
Tales of War: Childhood Memories of Elderly People Hlynina T.P.	49
Gradual Genesis of the Institute of Arbitration Agreement: From Ancient Civilizations to Our Days Inshakova A.O., Kazachenok S.Y.	56
The Siberians in Voluntary Associations Brought to Life by the Needs of the First World War Kattsina T. A.	62
Accuracy of Manufacturing the Scythian Arrow and Its Influence on the Arrow’s Ballistic Parameters Korobeinikov A. V., Mitiukov N.V., Ganzy Y.V.	67
State Activities and Personal Relationship between Nikolai I and Ye. F. Kankrin Larina O.G., Emelyanov A.S.	73
Some Directions in State Activities of Ye. F. Kankrin Larina O.G., Shaidurov V.N.	77
The Kazakh Expatriate Community of the XX Century through the Prism of Diplomacy Mukanova G.K.	82
On the Sources of Establishment-selective Work of the Bolshevik Party Pashin V.P.	86
Influence of the Arab Spring Events on International Political Processes: Expert Opinion Pipchenko N.A.	94

The Role of the Emperor's University of Kazan in the History of Formation of Tatar Musical Ethnography (XIX – Early XX Century) Safiullina E.I.	99
Ministerial Reform of 1802–1811 and the Problem of Reorganizing the Local Government Tot J.V.	103
“Execution Limits”: from the History of Big Terror in North Ossetia Tsarikaev A.T.	110
Forms of Wages for Miners of Siberia in the Late XIX – Early XX Centuries Zinovyev V.P.	118
“You're behind Shelomian” (Realities of “The Tale of Igor's Campaign” Revisited) Zvagelskiy V.B.	124

Bylye Gody. 2014. № 32 (2)

RELEVANT TOPIC

Russian North Caucasus: Historical Memory vs Historical Policy Asiet Yu. Shadzhe, Ludmila R. Khut, Elena S. Kukva	132
--	-----

ARTICLES AND STATEMENTS

Cadet Education in the Imperial Russia: Genesis, Dialectics and the Role in Social Structure of the Society Alexander P. Abramov	140
Wrongful Actions of the German Armed Forces Against the Civilian Population of Germany in the Final Stages of World War II Sergej I. Belov	145
Hillmen of the Black Sea Province (Early XIX Century): Geography, Demography, Antropology Aleksandr A. Cherkasov, Michal Šmigel', Vladimir G. Ivantsov, Aleksandr A. Ryabtsev, Violetta S. Molchanova	150
Violations of Law in the Bureaucrats Community and Their Perception by the Ukrainian and Russian People in the Late XVIII – First Half of XIX Centuries Sergey I. Degtyarev	155
Murman Coast of the Barents Sea at the Second Half of the 19th and the Beginning 20th Century. Russian or European Colonization? Pavel V. Fedorov	162
‘Distillation is the East Indies of Our Nobility’: Organization of Distilling by the Nobility Before and After the Wine Reform of 1863 Natalia Ye. Goryushkina	168
Operation and Activity of Moneyed Corporations in Baku and Tiflis Provinces (Last Quarter of XIX – Late XX Centuries) Almaz M. Ismailova	174
Structure and Resources of Professional Economic Education in Siberia of the Early 1920s Tatiana A. Kattcina, Lyudmila E. Marinenko	178
The History of Personal Insurance in 1920s (Kursk Province Case Study) Natalya V. Kartamysheva	182

Agitation and Propagandistic Work in Soviet POW Camps Gulzhaukhar K. Kokebayeva	186
The Russian Orthodox and Catholic Church in 1980 – the 1990th Years: to History of Relationship Larisa A. Koroleva, Oleg V. Melnichenko, Victor V. Zinchenko, Natalya V. Miku	194
Vladimir Mikhaylovich Bubekin and Penza Region Larisa A. Koroleva, Alexey A. Korolev, Victor V. Zinchenko	200
Historical Way of Sochi Development: From Resort to Olympic Games Host City Irina N. Markaryan	206
Innovations of Spanish Shipbuilding of the Regency's period Nicholas W. Mitiukov	215
Measuring the Famine: Consumption Level in 1933 Sergey A. Nefedov	226
Community Organization of Siberian Coachmen in Late XVI – XVII Centuries Oleg V. Semenov	233
Jews and Their Social Status in the Society of Siberia in XIX Century Vladimir N. Shaidurov	239
Siberian Polonius as a Result of National Policy of the First Half of the XIX Century Vladimir N. Shaidurov	245
Adats and Their Influence on the Social Structure and Legal Relations in the Community of Highland Peoples in Late XIX Century Elena S. Shavlokhova	252
The Integration of Science, Higher Education and Economy as a Factor of Recovery and Modernization of Soviet National Economy During the First Post-WWII Decades (Case Study of the Activity of the Siberian Physical-Technical Institute (1945-1954)) Alexander N. Sorokin	257
Civil and Patriotic Education of Students by Means of Excursion Activities in Russia in the Second Half of XIX – Early XX Centuries Nadezhda V. Tarasova, Elena A. Nikitina, Olga V. Chernishova, Tatiana V. Letapurs, Svetlana V. Dumina	262
Population Censuses in Slovakia between 1919–1940 Pavol Tisliar	266
Foundation of the Colonization Institute in the USSR Irina V. Voloshinova	271
Japanese in the Russian Far East (1900s – early 1930s): Manpower problem on Kamchatka and Northern Sakhalin Taisija V. Yudina, Vladimir V. Bulatov, Ekaterina L. Furman	276
Differentiation of Siberian Miners' Salaries in Late XIX – Early XX Centuries Vasily P. Zinovyev	282

Bylye Gody. 2014. № 33 (3)

Part 1. Russia in Patriotic War (1914–1918)

Statement from the Head of the Russian Imperial House on the 100th Anniversary of the Beginning of the First World War	293
---	-----

RELEVANT TOPIC

Milestones of Return of «Forgotten War»: Main Trends and Stages in the Development of Domestic Historiography of the First World Evgeny F. Krinko, Tatiana P. Khlynina	296
--	-----

ARTICLES AND STATEMENTS

The Role of Public Organizations of Kursk Province in Provision of Assistance to the Front Line in the First World War Fedor A. Gavrikov, Oleg E. Chuikov	306
Establishment of Provincial Unions of the Cities of Siberia: Experience of Regional Identity Construction in Wartime (1914–1916) Olga A. Kharus	311
Russian War Prisoners of the First World War in German Camps Gulzhaukhar Kokebayeva, Erke Kartabayeva, Nurzipa Alpysbayeva	316
Correspondence between the Family Members as the Historical Source of the First World War Svetlana A. Khubulova	320
Urals during the First World War: Social and Cultural aspects Elena V. Alekseeva, Elena Yu. Kazakova-Apkarimova	327
Some Aspects of the Russian Cossacks' Participation in the First World War Vladimir P. Trut	335
Teachers' Corporation of the Russian Universities in the First World War: Features of Everyday Life and Interrelations Mikhail V. Gribivskiy, Alexander N. Sorokin	341
«We Felt the Bitter Satisfaction of Our Shared Victory”: the Theme and Images of the ‘Great War’ in the Official and Pro-government Periodical Press of the White Siberia (June 1918 – December 1919) Dmitry N. Shevelev	348
The Experience of the Design of Thematic Network Resource, Concerning the History of the Public Assistance in the Extreme Conditions of Wars of the Early XX Century Tatiana A. Kattcina, Olesia M. Dolidovich, Irina P. Pavlova, Valeriy A. Pomazan	354
The First World War: Historic Memory and Educational Space (on the materials of Russia and Netherlands) Olga N. Senyutkina, Aron Ronald Frederick Gebkhardt	361

Part 2. General History

The Privileges in Russia in XVIII–XIX Centuries Aleksei S. Emelianov	369
J. Gobineau, Wagner, China and the Emergence of the ‘Yellow Threat’ Dmitry E. Martynov, Yulia A. Martynova	372
«Tax Collection from Taverns as the Primary Way to Replenish the National Treasury»: alcohol tax from Ivan III to Nikolai II Natalia Ye. Goryushkina	382
The Russian Orthodox Church in Religious Space of Kazakhstan: Stages and Peculiarities of Institutional Model (XVIII – Beginning of XX Centuries) Yuliya A. Lysenko	387
The Gunboat ‘Delgado Pareho’: Creation and Battle Path Alejandro Anca Alamillo, Nicholas W. Mitiukov	392

The Marriage Politics of the Russian Authorities in the North Caucasus as one of the Aspects of the Russian- Mountainous Interaction during the War Time Period (first half of XIX century) Sergei L. Dudarev, Olga V. Ktitorova, Anastasiya A. Tsybulnikova	399
The Influence of Russian Innovator Teachers on the Development of Mountain Dwellers (XIX century) Nadezhda O. Bleikh	405
The Role of Merchants in the Life of the Russian Society: Oral Tradition Case Study Svetlana I. Grahova, Almaz R. Gapsalamov	410
The Caucasian War within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal) Aleksandr A. Cherkasov, Vyacheslav I. Menkovsky, Vladimir G. Ivantsov, Aleksandr A. Ryabtsev, Violetta S. Molchanova, Olga V. Natolochnaya	417
The History of the World Justice Development in Russia as One of the Results of the Judicial Reform of 1864 Tatyana K. Ryabinina, Helen A. Grokhotova	423
Institutionalization of the Historic Knowledge within Asian Russia in Pre-Soviet Period Dmitry V. Khaminov, Sergei A. Nekrylov, Sergey F. Fominykh	430
Legal Regulations of Activities of Vladikavkaz High Court Division VTSIK during the Transition of Extreme-Decretive to Codified Law (1921–1923) Tatyana G. Sudakova	437
Financing of New Industrial Cities of Western Siberia in the First Five-year Plan Sergey S. Dukhanov	444
Commissariat of Internal Affairs' Bodies and Development of Guerilla Struggle on the Territory of Central Black Earth Region in 1941 Vladimir Korovin	453
Contribution and the Meaning of Destructive Battalions of People's Commissariat of Internal Affairs at the Final Stage of the World War 2. According to the archives of Kurskaya Oblast 1944–1945 Georgiy D. Pilishvili	460
The Political System of Russia in the Program of National Union of New Generation Luydmila V. Klimovich	466
The History of Social and Public Forms of Science Management in the USSR (Tomsk Interuniversity Scientific Council in 1963–1972) Sergey F. Fominykh, Alexander N. Sorokin, Sergei A. Nekrylov	472
Problems of Modernization of the Industry of the Kabardino-Balkarian Republic (1960–1980) Osman A. Zhansitov	479

Bylye Gody. 2014. № 34 (4)

RELEVANT TOPIC

Old Russian Politogenesis in German Historiography Andrey Dvornichenko	487
---	-----

ARTICLES AND STATEMENTS

Silla Policy in the War between Bohai and Tang Empire in 732–735 Alexander A. Kim	498
--	-----

Spread of Islam in the North-Eastern Periphery of the Golden Horde in the Light of New Archaeological Evidence Olga V. Zaitceva, Evgeny V. Vodyasov	504
Glimpse of the Early History of the Russian Accession of Siberia (controversial interpretations of “Yermak’s Seizure” of “Kuchum’s Kingdom”) Yakov G. Solodkin	510
Property Crimes in Russia (1700–1864): law Enforcement Practice Natalia V. Lebedeva, Nelly G. Makarenko	519
Development of the Kuril Islands by the Russian Empire Pavel N. Biriukov	524
Revisiting Linguistic and Topographical Principles of Russia’s Mapping in the XVIII th Century: Critical Overview of Documents Alexander V. Dmitrijev	529
The North Black Sea Region (the 18 th -19 th Centuries): A Historiographical Survey Aleksandr A. Cherkasov, Vyacheslav I. Menkovsky, Vladimir G. Ivantsov, Aleksandr A. Ryabtsev, Violetta S. Molchanova, Olga V. Natolochnaya	536
Public Sentences by Peasants of Kursk Province in the Post-reform Period as a Source of the Activities of Peasant Public Administration Tatyana Shishkareva	541
Nikolai Katanov in China: Unpublished Travel Diaries Yulia A. Martynova, Dmitry E. Martynov	549
The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century Sergey I. Degtyarev	554
Nationhood and Political Identity in Peoples’ Mentality from Provincial Towns of the Russian Empire, in XIX – early XX Centuries Inga V. Maslova, Irina E. Krapotkina	559
Preconditions and Reasons of Religions Educational and Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in the Late 19 th – Early 20 th Centuries Yelena D. Mikhailova	566
Legal Status of the Official Provincial Print Media in the Periodical Press System of the Russian Empire Vyacheslav V. Shevtsov	572
The Everyday Life of the Mounted Police Guard Force in the Territory of the Black Sea Governorate (1901–1909) Konstantin V. Taran	582
History of Origin of the Multiparty System in the Central Black Earth of Russia in Early XX Century Alla N. Gutorova	586
Capital University and the World War: Theory and Practice of ‘Academic Patriotism’ Evgeny A. Rostovtsev, Dmitry A. Barinov	592
The Program of Activities and Objectives of the Resettlement Administration During the First World War Irina V. Voloshinova	605
Professors and Teaching Staff of Tomsk University During the World War I Sergei A. Nekrylov, Sergey F. Fominykh, Alexander N. Sorokin	611

The Last Expedition of the Siberian A.V. Adrianov (Tuva, 1915–1916) Olga B. Belikova	618
Gas Attack of the German Troops in Ikskyulsky Fortified Area: Documents Testify Vladimir V. Korovin	624
The Development of Peasant Household in the Kursk Province during the Revolutionary Events of 1917 and the Civil War Andrey A. Kolupaev	629
Kabardian Nobility in the Civil War: the Matter of Estate Honor Osman A. Zhansitov	635
«We Are Russia and You Are Ukraine and We Don't Care about You...": Territorial Disputes within the Priazov Area and Donbas in 1920s Evgeny F. Krinko, Igor E. Tatarinov	639
«Indispensable for the Work in Terms of the Decree of Separation of Church and State»: documentary portrait of M.V. Galkin (1885–1948) Mihail Yu. Krapivin, Yury N. Makarov	645
Reading Rooms of Russian Province in 1920s as Transmitters of Soviet Values Vadim P. Nikolashin, Vadim V. Kulachkov	651
Research Practice the Study of Agrarian Communities in the Russia's South 1920s–1930s Susanna D. Bagdasaryan	655
The Kuril Islands: Russian-Japanese Relations (1920–2014) Pavel N. Biriukov	666
History and Historians in the Soviet Political and Ideological Structure in 1930s – early 1940s (case study: the Siberian Region) Dmitry V. Khaminov	671
Illegal Actions by Soviet Servicemen Against Civilian Population of Poland in the Final Stage of World War II Sergey I. Belov	675
Repressive Policy of the Soviet Government During World War II Konstantin N. Maksimov, Irina V. Lidzhieva	681
Orthodox Tradition in the Soviet Time: Factors of Continuity Elena E. Dutchak	686
Sectarians in the USSR in the 1940–1960s (case study: Penza region) Larisa A. Koroleva, Alexey A. Korolev, Victor V. Zinchenko	692
Interclass Relations and the Class Struggle in a Russian Village in 1930–1980s Mikhail Beznin, Tatiana Dimoni	697
Historic and Legal Review on Passport Reform of 1974 and its Role in Strengthening of the USSR Public Order Yulia N. Kirichenko	707
Nationalities and Languages of Moldavia: Official and Declared Data Sergey G. Sulyak, Vladimir V. Kazakov	714
Main Approaches to the Study of Historical and Educational Process Timur A. Magsumov	720
The World History Based on Value Criteria of Human Development Stepan S. Sulakshin, Vardan E. Bagdasaryan	727
Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2014	736